

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

№ 8.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. ДД.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ:

I.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть *И. С. Юрьевой*. Часть первая.
ЛЕДИ ТАРТЮФЪ. Драматическая картина. *Г-жи Эмиль де Жуарденъ*.

II.

1. Ловецкіе рассказы о Каспійскомъ рыболовствѣ. *П. И. Небольсинъ*.
(Статья седьмал).
2. Рассказы и путешествія. Доктора *Ивана*. Часть I.
3. Рѣдкій голосъ. Автобіографія пьвицы.
4. Корсиканская кровь. Рассказъ *Мери*.
5. Парижскія письма. *Апполинарія Бонавентуры*.

III.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВА: Писатель-авантюристъ XVIII столѣтія. — Китайская газета въ Санъ-Франциско, въ Калифорніи. — Сейденгамскій дворець. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Состояніе естественныхъ наукъ въ 1853 году и первой половинѣ 1854. — Перуанское растеніе *Кока* (статья *Чуди*). — Изслѣдованія Китайскаго языка. — Остъ-Индскіе діалекты. — **АНЕКДОТЫ, РАССКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Апельсины маркизы (рассказъ). — Западный берегъ Суматры.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Что и «Отечественныя Записки». — Испанская комедія. — Новый способъ оправдывать всѣ несообразности. — Опечатки. — Для чего напечатана «Причудница». — Стихотворенія А. Фета. — Статья г. Шестакова объ Антигонѣ и языкъ этой статьи. — Поэтическая критика стихотвореній г. Тютчева. — Рецензентъ и поэзія. — Библіографія и новости. — Последнія книги «Библіотеки для Чтенія». — Статья г. Сенковского о волосахъ. — Парадоксы и дѣльные мысли. — Хорошія и слабыя статьи. — Муза г. Бенедиктова. — Листки изъ записной книги русскаго, г. на Н. К. — Пять книгъ «Москвитянина». — «Выборъ сердца» повѣсть г. Сума-

рокова.—Замѣчательныя статьи.—Стихотворенія.—Яковъ Емельяновичъ Шуперинъ, статья С. Т. Аксакова.—Портреты актеровъ.—Плавильщиковъ, Дмитревскій, Семенова, Яковлевъ.—Жоржъ и Рашель.—Остальныя статьи «Москвитянина».—Г. Григорьевъ и его статья о Просперѣ Мериме.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Осенній видъ Петербурга и его по осенняя погода.—Благотворительный вечеръ въ Лѣсномъ институтѣ.—Венеціанская ночь на дачѣ г-жи Беклешиной.—Адъ въ Излеровскомъ саду.—Вечеръ въ пользу дѣвѣцы Легать.—Праздникъ въ честь побѣдоноснаго русскаго воинства.—Праздникъ въ честь русскихъ въ Марьиной рошѣ.—Деревенскій праздникъ въ Полюстровѣ.—Благодарственный праздникъ полюстровскихъ дачниковъ графу Кушелеву-Безбородко.—Вечеръ въ Тиволи, въ пользу погорѣвшихъ.—Бенефисъ г. Гунгля въ Павловскѣ; вечеръ въ пользу бѣдныхъ города Павловска.—Бенефисъ Шаффера въ нѣмецкомъ клубѣ.—Данный значный вечеръ, маленькій разсказъ, имѣющій нѣкоторое правдоподобіе.—Прекращеніе нѣкоторыхъ публичныхъ загородныхъ гуляній.—Последній танцевальный вечеръ на полюстровскихъ минеральныхъ водахъ.—Турецкія знамена на петербургскихъ улицахъ.—Спускъ новаго корабля.—Памятникъ Крылову, портретъ адмирала Рикорда, портретъ г. Тимма, изображеніе защитниковъ Одессы, портретъ Щеголева.—Большое литографическое изображеніе Государа Императора.—Новый выпускъ московскаго живописнаго райка, бомбардированіе Одессы.—Небывалый цвѣтокъ въ Петербургѣ, распустившійся осенью.—Что значить извѣстность, или Иванъ Ивановичъ въ провинціи.—Новости италіанской оперы.—Г-жа де-Лагранжъ за границей и ея артистическіе успѣхи.—Маріо и Гризи.—Начало бенефисовъ на Александринскомъ театрѣ, Дюклитіанъ, драма изъ римской жизни.—Нѣчто о прическахъ римскихъ женщинъ по этому случаю.—Новая книга военнаго сборника настоящей войны, издаваемаго г. Путиловымъ.

V.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 8.

СУМАСШЕДШАЯ АКТРИСА, ИЛИ ЖЕНИХЪ И ХЛОРОФОРМЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. НИКОЛАЯ КРЕСТОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЯ: отсутствуют

1. Музыка: РИКОРДЪ-МАРШЪ. Соч. Н. КЛОКАЧЕВА. (Посвященный адмиралу П. И. РИКОРДУ).

НВ. По несчастію всѣ портреты, назначенные къ этому номеру, не могли успѣть во время. Чтобы не задерживать выхода книжки редакція рѣшилась отложить разсылку ихъ до № 9.

№ 8. 50.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ XVI.

❖ АВГУСТЪ. — КНИЖКА ВОСЬМАЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Сентября 12-го 1854 года.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

I.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧКА.

ПОВѢСТЬ

И. С. Юрьевой.

Часть I.

Быль вечеръ. На одной изъ довольно значительныхъ московскихъ улицъ, въ приходской церкви вечерня только что отошла. Нѣсколько набожныхъ старухъ тихо выходили изъ церкви. Нѣкоторыя изъ нихъ еще толковали въ оградѣ съ знакомыми о томъ, что было вчера, что будетъ завтра, и потомъ раскланиваясь, отправлялись домой, чтобъ предаться ночному покою. Ночь для старости, и особливо въ Москвѣ, рано наступаетъ. Въ церкви остался одинъ сторожъ. Съ каждою гасимою имъ свѣчею, въ храмѣ становилось темнѣе и темнѣе, и только слабый свѣтъ лампадъ, которыя теплились предъ мѣстными иконами, трепетно и слабо озарялъ ближайшіе предметы, да въ отдаленномъ уголкѣ догорала одинокая свѣча, и дряхлая старушка, стоя на колынахъ предъ образомъ, творила одинокую, можетъ быть, послѣднюю молитву въ своей догорающей жизни. Молитва ея видимо была усердна, потому что она и незамѣтила какъ осталась одна, и только тяжелые шаги сторожа, который шелъ, чтобъ загасить и эту послѣднюю свѣчку, заставили старушку оглянуться.

— Э! Ивановна, да ты еще здѣсь, сказалъ сторожъ, ужъ служба давно отошла, пора церковь запирать; приходи-ка лучше завтра къ заутрени.

— Какъ Богъ дастъ, батюшка, отвѣчала старушка, съ трудомъ вставая на ноги: утренній день въ рукахъ Божіихъ, теперешнее только наше, такъ и пользуйся имъ, пока еще можешь.

— Ну, а что вашъ больной? спросилъ снова сторожъ, запирая церковь. Идетъ ли на поправку?

— Плохо, другъ, идетъ, по пословицѣ: «болѣзнь входитъ пудами, да выходитъ золотниками.»

— Да что у него за немочь такая, Ивановна?

— Съ горя, родной, разнемогся сначала. Какъ вотъ по осени схоронилъ хозяйошку, все грустилъ да тосковалъ. Бывало отпустить дочку въ пансіонъ, да одинъ, какъ темная ночь, и ходитъ по пустымъ покоямъ. Жили-то они съ покойницею дружно, словно вотъ молодые, ну, такъ и не мудрено, что тоска обуяла. А вотъ таперича еще простуда, что ли, тамъ какая приключилась, да вотъ почитай, что мѣсяца три все хирѣеть; да чего, въ постель было совсѣмъ свалило бѣднягу... да никто какъ Богъ, прибавила набожно старушка. Вотъ дня два какъ будто повольготнѣе стало, да и деньки-то настали теплые и ясные, авось съ зеленою и онъ отдохнетъ.

— А что, Ивановна, понизя голосъ спросилъ сторожъ: говорятъ, что вашъ-то больно много долженъ?

— Долженъ? горячо прервала старуха, и на блѣдномъ, покрытымъ морщинами лицѣ ея вспыхнулъ мимолетный румянецъ: кто это говорить?

— Да многіе говорятъ, Ивановна!

— А кто эти многіе? Грѣховодники, грѣховодники! Слава Богу, пока еще мы никому не должны, проговорила старушка съ какою-то гордостью. Кто къ нашему хозяину ходитъ за долгомъ? нутка, назви-ка мнѣ этого человѣка.

— Да говорятъ.

— Говорятъ! а кто говорить? говорятъ тѣ, кому завидно смотрѣть на его житье-бытье; говорятъ это какаянибудь дрянь, которую мы и на дворъ-то къ себѣ не пустимъ, а не то чтобъ въ домъ приняли! Оттого говорятъ, продолжала старуха, одушевляясь, что онъ живетъ бариномъ, не дрожить на копѣйку, какъ они; что у него домъ полная чаша, и кусокъ хлѣба найдется про всякаго. А тѣ, что говорятъ, и сами-то ѣдятъ съ оглядкою. Видно, досадно, что у него дочка красавица, да только не про тѣхъ, кто выпускаетъ такіе слухи; она умница-разумница, обучена всѣмъ наукамъ, настоящая барышня, и не нынче, такъ завтра выйдетъ замужъ за какогонибудь генерала, али графа, а они-то, рассказчики, будутъ ей кланяться да ждать, чтобъ ея милость купила у нихъ что ни на есть, али дала работу какую... такъ вотъ имъ и долгъ, вотъ какъ онъ долженъ-то!

— Вѣстимо дѣло, проговорилъ сторожъ, желая успокоить ста-

рушку. кому же и знать его дѣла, какъ не тебѣ, Ивановна. А сторонніе что?—болтають, знай себѣ, что на умъ взбредеть.

— Благо языкъ-то безъ костей, поспѣшила добавить старуха и потомъ уже спокойнѣе продолжала: Да самъ ты человекъ умный, разсуди, сталъ ли бы онъ такъ жить, кабы долги одолѣли? Въдъ знакомство у него хорошее, къ намъ ѣздятъ все люди именитые, господа, а не то чтобы тамъ какая нибудь шушера. Ну, изъ чего бы онъ такъ рядилъ и холилъ дочку, еслибъ у него не было капитала? Да однѣ науки-то ея чего ему стоятъ: въдъ на всѣхъ языкахъ, почитай, говорить, музыку выучила, да еще какъ, что индо господа издивляются, говорятъ; что она по игрѣ-то, голу-бушка, наипервѣйшая; а танцуетъ, что твоя павя; поетъ, точно вотъ соловушко, и весь таки день-деньской какъ ласточка щебечетъ, такъ все бы и слушалъ ее! Да вотъ прошлымъ лѣтомъ, одна графиня, барыня такая важная да умная, сама прѣѣзжала, право-слово прѣѣзжала, чтобы отпросить у стариковъ дочку, погостить у ней въ подмосковной. «Ваша милая дочка такъ дружна съ моею дочерью, онѣ такъ любятъ другъ друга, да и на клавикордахъ, говорить, обѣ играютъ, такъ позвольте дескать, говорить, ей погостить у насъ; у насъ, ей говорить, будетъ весело, и я, говорить, сама же и привезу ее къ вамъ обратно.

— Чтожъ, отпустили?

— Отпустили. Недѣль семь жила барышня-то у графини, а тамотко сама-таки и привезла ее, да еще какъ благодарила, какъ хвалила-то! Всякому, говорить, дай Богъ имѣть такое дитя! Вотъ оно что! Такъ гдѣ же тутъ долги-то?

— Ну, а старики-то что?

— Что? вѣстимо, выросли! только откланиваются, особливо самъ-то: въдъ онъ въ дочери души не слышитъ. На прощанье графиня-то и сказала: не оставьте молъ и на предки знакомствомъ; какъ прѣѣду, говорить, изъ нѣметчины, то свою дочь тотчасъ же пришлю къ вамъ въ гости.

— Ну, а они что?

— Что! много молъ благодарны, ваше сіятельство, милости молъ просимъ!

— Вотъ что; а дочка-то графская тоже къ вамъ ѣздила?

— Еще бы! въдъ съ нашей-то онѣ друзья, вмѣстѣ обучались. Жаль, что теперь она съ матерью за моремъ, а то нашей все таки было бы повеселѣе. Видишь ли, батюшка, прибавила старушка, снова обращаясь къ слову, которое ее такъ поразило: ка-

кой же тутъ долгъ, когда такія особы у насъ бываютъ? Въдь та-кая персонa знаетъ къ кому ѣдетъ.

— Да что объ этомъ толковать, Ивановна, ты въдь не первый годъ у нихъ проживаешь.

— Да вотъ въ спожинки будетъ семнадцать лѣтъ. Въ это время можно бы кое-что запримѣтить, такъ чтожь? все въ гору да въ гору идетъ, а этого безъ капитала нельзя сдѣлать. Меня взяли въ няньки къ моей-то красавицѣ, ну, тогда она не то была, что теперь. Какъ стала она подростать, моя крошка, такъ съ нею какъ будто благодать росла въ домъ; видно ей такое счастье на роду написано; то есть, каждая душа ее любитъ, всѣ жалуютъ, да и есть за что,—что умна, что добра, что красива, такъ просто на рѣдкость.

— А ты, Ивановна, все при ней находишься?

— А то гдѣ же мнѣ быть? Уѣдетъ въ пансіонъ, провожу голубчика моего; пріѣдетъ—встрѣчу, на крыльцо выбѣгу; а она, красавица, всякій разъ говоритъ «Здравствуй, душечка няня, что ты все трудишься меня встрѣчать, я молъ и сама бы къ тебѣ пришла». Вотъ она какая у насъ!

— Ну, и жалованье тожь, чай, по прежнему идетъ? пытливо прошепталъ сторожь.

— По прежнему? съ горделивой усмѣшкой сказала старушка. Воспитанка моя росла, а съ нею росло и мое положеніе; а вотъ какъ скончалась сама-то, такъ Василій Петровичъ и говорить: «Ты молъ, Иванова, теперь позаймись касательно хозяйства, больше молъ некому, что молъ надо выдать—выдай, что нужно закупить—закупи, а за то молъ я тебѣ въ мѣсяць десять рублей жалованья.» Шутка, другъ, въдь это тридцать пять ассигнаціями!

— Вотъ какъ! сказалъ сторожь.

— Да, вотъ какъ, душа ты моя родная, отзывалась старушка, такъ гдѣ ужъ тутъ долги-то; когда бы долги-то были, такъ всѣмъ бы шло на убыль, а не на прибыль, извѣстное дѣло. Я было вздумала отказаться, говорю, что и прежняго жалованья не стою, что молъ довольна всѣмъ, сыта, одѣта, обута, такъ куда ты! «Возьми, говоритъ, это тебѣ за твою любовь къ Пашуткѣ да за услугу покойницѣ.»

— Да что это, Ивановна, твоя-то вскормленница по сю пору не замужемъ, въдь ужъ пора бы, кажись: невѣста полная, да и приданымъ-то, чай, батюшка не обидить? спросилъ сторожь.

— А чтожь ты думаешь, что у насъ жениховъ не было? Бы-

ли, батюшка, были, не одинъ былъ! съ довольною улыбкой проговорила старуха.

— Чтожь, сама не желала, али родители не отдавали?

— Да что имъ спѣшить? развѣ ты думаешь, старикамъ весело отдать ее въ чужіе люди, да было бы еще кого и отдавать, а то ребенокъ сущій: ей про жениха говорятъ, а она смѣется.

— А отецъ не уговариваетъ?

— Какое! да онъ только на нее и дышитъ; каждый, бывало, женихъ ижно грусть на него гонитъ, такъ что дней нѣсколько все словно въ воду опущенный ходитъ.

— Чтожь, дочку что ли жаль?

— Нѣтъ, чай объ тебѣ грустить, смѣясь сказала старушка. Вѣстимо жаль, да и куда ей замужъ, ей вотъ были бы только книжки. Да и теперь только болѣзнь отца заставила ее сидѣть дома, а то бы все еще ѣздила учиться въ пансіонъ.

— Ученье свѣтъ, а не ученье тьма! глубокомысленно произнесъ сторожь.

— Вѣстимо: вѣкъ живи, вѣкъ учись, мой свѣтъ; а мы вотъ съ тобою до старости дожили, а не знаемъ, что коли у кого дома дѣло есть, такъ на улицѣ калякать не приходится. Затѣмъ прощенья просимъ! сказала кумушка, кланяясь своему собесѣднику, и тихо побрела вдоль улицы. Черезъ нѣсколько минутъ повернула она въ ворота каменнаго двух-этажнаго дома, на которомъ красовалась вывѣска: *Трактиръ, и гостинница для прїѣзжающихъ*. Если, какъ говорятъ, по прислугѣ можно судить и о господинѣ, по передней объ гостинной, то при взглядѣ на опрятность зданій и на чистоту большого широкаго двора, безошибочно можно было сказать, что и внутри дома сохранялся необыкновенный порядокъ. Щегольскія конюшни, сараи и другія домашнія строенія, полукругомъ обхватывая дворъ, виднѣлись съ улицы сквозь узорчатую зеленую рѣшетку.

Такая же чугунная рѣшетка, только гораздо легче и щеголеватѣе, проходила черезъ весь дворъ и отдѣляла его отъ деревяннаго, богато-отдѣланнаго дома особняка, въ которомъ жилъ самъ хозяинъ.

Густая зелень огромнаго фруктоваго сада, начинаясь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ рѣшетки, окаймливала всю заднюю часть дома и закрывала его почти совершенно со стороны двора, только фасадъ деревяннаго дома, съ цѣльными зеркальными окнами въ дорогихъ дубовыхъ рамахъ, съ блестящими бронзовыми задвиж-

ками и затѣйливымъ чугуннымъ рококо подѣздомъ, кокетливо выступалъ на улицу изъ окружающей его пышной зелени.

Впрочемъ, наружный видъ этого дома нисколько не давалъ понятія объ томъ великолѣпнн, которое царствовало внутри его. Отъ самой передней и до богатой гостиной, какая-то натянутая хвастливая роскошь замѣтна была на каждомъ шагѣ: кружево, штоффъ и бархатъ на окнахъ, штоффъ и бархатъ на портьерахъ и мебели, и къ тому же множество дорогихъ фарфоровыхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ вещей, разставленныхъ и развѣшенныхъ вездѣ, гдѣ только можно было что нибудь поставить или повѣсить, показывала большую претензію на великолѣпіе, несоразмѣрное ни съ самымъ зданіемъ, ни съ уютностью комнатъ. Зеркальныя этажерки, наполненныя серебряными вещами, изъ которыхъ даже не были исключены столовыя ложки, солонки, ситочки, однимъ словомъ, все достояніе хозяина тутъ было выставлено на лицо, и всѣ эти вещи были разложены въ какомъ-то магазинномъ порядкѣ, что называется *на видѣ*, и такъ не кстати выдвинуты, что невольно хотѣлось спросить; зачѣмъ это тутъ? или что это стоитъ? Множество маслянныхъ старыхъ картинъ, въ дорогихъ золоченыхъ рамахъ, украшали стѣны; но почти всѣ онѣ были дешевле своихъ рамъ, и только двѣ или три изъ нихъ могли бы обратить на себя вниманіе знатока живописи; но онѣ висѣли или за дверью, или въ углу, какъ старыя и менѣе другихъ эффектныя. Вообще видно было, что не любовь къ художественнымъ произведеніямъ, и не привычныя требованія въ жизни разукрасили эти комнаты, а желаніе сравняться съ другими, выказаться, какъ бы говоря: посмотрите, вотъ мы каковы, и у насъ все есть! Это оправдывалось тѣмъ, что парадныя комнаты были почти всегда затворены и темны по вечерамъ, и только во время званыхъ вечеровъ въ нихъ проявлялась жизнь, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Въ будни же какая-то мертвая тишина царствовала въ этихъ разукрашенныхъ покояхъ, и только изрѣдка прерывалась пронзительнымъ крикомъ или несвязными словами попугая, который уныло сидя въ своей золоченой клѣткѣ, по большей части завѣшанной зеленымъ сукномъ, безотвѣтно лепеталъ когда-то заученныя фразы. И этотъ заморскій крикунъ, какъ необходимая принадлежность каждаго мало-мальски важнаго дома, служилъ пополненіемъ къ роскошной обмелировкѣ. Затворничество его прерывала иногда молоденькая дѣвушка, которая вынимала попугая изъ клѣтки, и сажая неуклюжую птицу на свой крошечный, прозрачный, какъ мраморъ, пальчикъ, долго

болтала съ нимъ и ласкала его. Но это бывало только по вечерамъ и то не всегда, а прочее время одинокая птица не видала никого, кромѣ лакея, приносившаго ей пищу.

Обыденная жизнь хозяевъ этого домика была заключена въ трехъ небольшихъ комнатахъ, убранныхъ далеко не такъ богато, какъ парадные покои, но за то тутъ вѣяло все жизнію, и жизнію тихою, благодатною: и раскрытая книга, брошенная на столѣ, и открытое фортепяно, и портфель съ начатою головкою Рафаэлева ангела, и по вечерамъ звонкій задушевный смѣхъ молодой дѣвушки, все говорило, что здѣсь бьется хоть одно человѣческое сердце.

Въ этихъ только трехъ комнатахъ сосредоточивалась вся жизнь хозяина дома, жизнь для самаго себя, а не на показъ для другихъ, и эта жизнь была спокойна и счастлива; но какъ въ мирѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, то печаль забѣжала и въ этотъ укромный уголокъ. Съ нѣкотораго времени фортепяно стояло закрытое, и ни чей веселый смѣхъ не нарушалъ унылой тишины, царствовавшей во всемъ домѣ.

Въ минуту нашего разказа, въ этомъ домѣ была обычная, съ нѣкотораго времени, тишина, только маятники столовыхъ часовъ нарушали ее, да въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ двое людей, больной старикъ и молодая дѣвушка доказывали, что въ домѣ еще не всѣ вымерли. Старикъ, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, закутанный въ мѣховое одѣяло, лежалъ на постелѣ. Почти сѣдые волосы и такая же небольшая борода, вполовину закрывали его блѣдное, истомленное лицо, полное задушевности и доброты. Въ мягкомъ взглядѣ голубыхъ глазъ его виднѣлось много чувства, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное отсутствіе всякой рѣшимости; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, рабски подчиняясь внушенію чувства, лишаются всякой возможности дѣйствовать на переکورъ своему увлеченію, хотя бы видѣли, что подобная слабость съ ихъ стороны принесетъ вредные плоды. Они будутъ скорбѣть, страдать душою, но какъ лодка безъ руля и весель, все-таки плыть по своему теченію.

Что же касается до молодой дѣвушки, бывшей въ компань, то это было одно изъ тѣхъ милыхъ, обаятельныхъ Божіихъ созданій, которыя рѣдко встрѣчаются въ жизни, а если встрѣчаются, то непременно для радости и любви окружающихъ. Какая-то нѣга и грація проглядывали въ каждомъ малѣйшемъ ея движеніи, тонкія подвижныя черты лица, полныя чувства, были болѣе чѣмъ прекрасны, и темно-голубые глаза, дивной красоты, горѣли умомъ и

мыслию. Невыразимая прелесть окружала все существо этой дѣвушки. Сидя у стола, она чрезвычайно прилежно чертила что-то на бумагѣ, по временамъ поднимая головку, чтобъ взглянуть въ окно, противъ котораго стоялъ столъ.

Молча и тихо работала дѣвушка, какъ будто боясь нарушить малѣйшимъ шелестомъ покой больнаго, а между тѣмъ, тотъ, слѣдя за ея движеніями, задумчиво глядѣлъ на дѣвушку, повидимому, не желая оторвать ее отъ занятія. Наконецъ онъ сдѣлалъ легкое движеніе, дѣвушка встрепенулась.

— Что ты, мой другъ, все сидишь здѣсь, произнесъ старикъ, чай это тебѣ надоѣло; ты бы поѣхала хоть прокатиться.

— Ахъ, папенька, вѣдь я думала, что вы поживаете, сказала дѣвушка, поспѣшно оставляя занятіе и подходя къ больному: и вотъ хотѣла было накидать на бумагу видъ изъ окна, чтобъ занять васъ чѣмъ нибудь на минутку.

— Спасибо, душа, проговорилъ улыбнувшись старикъ и взглянувъ на набросанныя на бумагѣ дома, ты у меня такая добрая, все заботишься обо мнѣ, да тебѣ-то самой надо разсѣяться, ты и такъ совсѣмъ засидѣлась дома, еще помилуй Богъ, сама свалишься! И старикъ съ какимъ-то страхомъ взглянулъ на дѣвушку, какъ будто одна мысль объ ея болѣзни приводила его уже въ трепетъ.

— Полноте, душечка, папочка, отвѣчала дѣвушка, цѣлуя руку отца, ну, отчего мнѣ захворать?

— Да вотъ оттого, что все сидишь сиднемъ, здѣсь со мною, право, ты бы прокатилась. Ась?

— Нѣтъ, папенька, нехочется. Да къ тому же на дворѣ ужасный вѣтеръ, слышите, какъ шумятъ деревья подъ окнами; ну, и поздно, а главное, я ни за что не оставлю васъ однихъ безъ себя.

— Такъ ты все и будешь сидѣть со мною? А можетъ быть я еще и не скоро поправлюсь, такъ тебѣ тутъ и сидѣть, какъ прикованной къ кровати. Помилуй, душенька, этого нельзя, тебѣ вредно, нѣтъ, я этого не хочу, не желаю, прибавилъ старикъ, какъ бы смягчая слово «не хочу».

— Но если мнѣ, папенька, вездѣ будетъ скучнѣе, чѣмъ здѣсь? Да и кому я могу поручить васъ, еще такого слабаго? Вѣдь вы у меня теперь одна только и радость!

— И ты у меня, дитя, только одна осталась на свѣтѣ... Вишь ты, мать-то не хотѣла съ нами долѣе жить, покинула, ушла къ

Богу, голубушка, и взвалила на тебя, моего друга, всю обузу! И старикъ крѣпко прижалъ къ себѣ дочь, которая, наклоня бѣлокурую головку къ сѣдой головѣ больнаго, прильнула къ ней долгимъ поцѣлуемъ, служившимъ отвѣтомъ на слова отца. Но чрезъ минуту она подняла головку, и стараясь улыбнуться, сказала:

— Э! нѣтъ, папаша, постойте, этого не было въ уговорѣ! Когда докторъ вамъ позволилъ не принимать лекарства, онъ говорилъ, чтобъ вы были веселы и покойны, что это вамъ теперь нужнѣе всего, а вы что дѣлаете? Нѣтъ, такъ нельзя, не то сейчасъ же вамъ подлекарь задастъ лекарства! И дѣвушка подбѣжала къ окну, какъ будто за лекарствомъ.

— Ну, не сердись, господинъ докторъ, проговорилъ старикъ, стараясь улыбнуться, не буду больше выходить изъ повиновенія, давай руку, помиримся.

— Того-же! Вотъ это хорошо, папочикъ, что вы послушны, не должно огорчать вашего подлекаря: этакъ вы пожалуй, черезъ двѣ недѣли еще не пойдете со мною гулять.

— А которое нониче число, спросилъ старикъ: какъ бы грѣхъ не забыть назначеннаго срока.

— Третье апрѣля.

— Третье апрѣля, ладно, будемъ знать, третье апрѣля! твердилъ больной. Вишь ты, какъ я долго проволандался, почитай, всю зиму въ пуховикъ упряталъ; охъ, кабы да Господь далъ поскорѣе оправиться, а то я чай, дѣла-то у меня тамотко идутъ черезъ пень колоду, молодцы-то, чай, дѣлаютъ, что хотятъ, волюшка всѣмъ, знай гуляй, хозяйскихъ не считай! Охъ, встать бы мнѣ только; самъ позанялся бы дѣломъ, да и пора, давно пора!

Все это больной говорилъ шепотомъ, какъ бы думая вслухъ.

— Вотъ видите, папенька, вы опять начинаете... заговорила дѣвушка; Богъ съ ними, съ дѣлами, главное, чтобъ вы были здоровы! Ну, душечка, голубчикъ, общайте мнѣ не тревожить себя пустяками.

— Нѣтъ, моя голубушка, не пустяки меня тревожатъ, тутъ не то, что пустяки. Видишь, ты ужъ невѣста, такъ надоть думать обо всемъ серьезнымъ манеромъ. Хорошее ли дѣло будетъ, коли я тебя оставлю и не устрою напередъ? вѣдь грѣхъ будетъ, срамъ, въ людяхъ осмѣютъ. Нѣтъ, безпремѣнно надоть поскорѣе выздоровѣть.

— Докторъ говоритъ, что только душевный покой можетъ васъ скоро поправить, возразила дѣвушка съ кроткимъ упрекомъ, и

если не для меня, то хоть для себя, папенька, не думайте Богъ знаетъ о чемъ, не тревожьте себя напрасно. Въдь до сихъ поръ мы жили, славу Богу, зачѣмъ же думать, что въ будущемъ намъ будетъ хуже, а лучшаго и желать-то грѣхъ. Что же касается до меня, прибавила она съ чувствомъ, то напрасная забота оставлять мнѣ что нибудь послѣ васъ: другаго такого горя я не перенесу: безъ васъ мнѣ ничего не надо.

— Ну, ну! вотъ и ты туда же блажить хочешь. Въдь я это такъ, извѣстно больной, ну, въ голову и лезетъ всяка дребедень.

— Выкиньте ее, папенька, зачѣмъ думать о дѣлахъ, когда они и безъ вашихъ заботъ идутъ хорошо? Въ домъ, увѣряю васъ, тотъ же порядокъ, какой и былъ: присмотрѣть есть кому, люди у насъ все хорошіе.

Но шумъ и крикъ, раздавшійся въ эту минуту на дворѣ, заставилъ дѣвушку остановиться, и старикъ съ усмѣшкою сказалъ:

— Видишь, вотъ онъ, прежній-то порядокъ, при мнѣ никто не смѣлъ шумѣть этакимъ манеромъ на дворѣ.

— Видно кто нибудь попалъ на дворъ изъ заведенія, отвѣчала дѣвушка, всѣми силами стараясь отстранить отъ отца всякое непріятное впечатлѣніе.

— А зачѣмъ на дворъ попалъ чужой, когда стороннему туда не дорога. Въ заведеніе на то есть особый входъ и выходъ, да и хозяйскій приказъ былъ: въ девять часовъ запираеть ворота, а теперь, вонъ оно, чуть не десять, прибавилъ онъ, взглянувъ на часы.

И дѣйствительно, вечеръ давно уже одѣлъ полусвѣтомъ всѣ предметы, и только ярко горѣвшая предъ образами лампада мѣшала отцу и дочери замѣтить, что наступила уже ночь.

— Я сейчасъ узнаю, что тамъ такое, сказала дѣвушка, поспѣшно выходя изъ комнаты, изъ опасенія, чтобъ призванный слуга не встревожилъ чѣмъ нибудь больного.

Она быстро обошла почти всѣ комнаты, и не найдя никого изъ прислуги, кинулась въ людскую, но и тутъ никого не было кромѣ мальчика, служившаго на побѣгушкахъ, который, высунувъ голову изъ форточки, помиралъ со смѣху и глядѣлъ на дворъ.

— Господи помилуй! сказала дѣвушка, что это такое, ни души въ комнатахъ, куда всѣ дѣвались?

— Тамъ, лаконически отвѣчалъ мальчикъ, показывая на дворъ.

— Что они тамъ дѣлають, и что это за шумъ?

— Да эвто хмѣльной приказчикъ вернулся домой.

— Такъ чтоже онъ шумить?

— Да эвто не онъ, а Ивановна его ругаетъ, она еще давича собиралась его отработать.

— Да что же тамъ всѣ дѣлаютъ?

— Ну, вѣстимо смотрять на брань и руганцу, да ухмыляются.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, какой безпорядокъ! тревожно проговорила молодая дѣвушка; ступай и сейчасъ позови ко мнѣ Ивановну.

— Помилуй, няня, горько произнесла она, встрѣчая старушку, разкраснѣвшуюся отъ гнѣва, папенька болѣнъ, а вы завели шумъ на дворѣ, да и послать узнать некого, всѣ ушли изъ комнаты!

— А зачѣмъ они, пострѣлы лѣзутъ, гдѣ ихъ не спрашиваютъ! А ты бѣсенокъ, зачѣмъ не въ хозяйскихъ покояхъ, тоже лѣзетъ, рыло, смотрѣть, прикрикнула она на мальчишку, опрометью бросившагося бѣжать отъ нея. А не шумѣть нельзя, мой свѣтикъ, сказала она, обратясь къ молодой хозяйкѣ послѣ этого предисловія, никакъ нельзя, моя красавица, вишь ты, пьяница, уже сколько времени смотрю, что будетъ дальше, такъ нѣтъ, пьетъ себѣ, да знать ничего не хочетъ. Ну, какъ же тутъ не зашумѣть, вѣдь тятенька-то на мнѣ спросить, что молъ не приглядѣла, Ивановна, ты молъ старше всѣхъ, что молъ де мнѣ не донесла; ну, а я что тутъ, моя радость, сдѣлаю, коли онъ, пьяное рыло, и знать ничего не хочетъ, пустилъ все, какъ ни попало, да и гуляетъ съ утра до поздней ночи... Такъ вотъ и шумлю отъ этого резону, моя радость.

— Богъ съ ними, со всѣми, няня, кинь ты ихъ всѣхъ, пожалуйста, только не безпокой батюшку, видишь, онъ только что началъ поправляться, грѣхъ вамъ огорчать больнаго, говорила дѣвушка, обращаясь къ собравшейся прислугѣ.

— Грѣхъ, знаютъ они грѣхъ, завела опять старуха, имъ, благо пожаловаться-то не кому. Вѣстимо, не пойдемъ тревожить больнаго, такъ они вотъ и кутятъ не въ свою голову. Дай только хозяину встать, все ему расскажу, все до подноготной.

— Ну, полно, душечка няня, сказала молодая дѣвушка, оставь ты ихъ, только ради Бога, позаботься, чтобъ папеньку не тревожили; когда онъ выздоровѣетъ, то все опять пойдетъ хорошо.

— Да, Ивановна напрасно на насъ нападаетъ, проговорилъ лакей, капризничаетъ, словно барыня, и то не такъ, и это не по ней, просто хотъ бѣги изъ дому.

— Ахъ ты, неумытый, такъ я напрасно нападаю, говорила старуха, подступая къ лакею. А кто вчера навелъ гостей въ кухню и кантовалъ до двѣнадцати часовъ? а? Развѣ такой былъ при-

казъ отъ Василья Петровича? А у кого ономясь на сѣноваль ночевали гости? А развѣ это указано? что? у кого? А кто на прошлой недѣль...

— Да вѣдь всѣмъ извѣстно, Ивановна, что вы любите жить язычкомъ, проговорилъ лакей съ оскорбленнымъ достоинствомъ, выходя изъ людской.

— Няня, сказала дѣвушка, останавливая старуху, которая было кинулась за нимъ, что это такое? Какъ не стыдно заводить опять брань, даже и при мнѣ, я тебя прошу, оставь его; когда будетъ можно, я сама все расскажу папенькѣ, а теперь извольте всѣ ложиться спать, прибавила она довольно строго, обращаясь къ прочей прислугѣ, и если я услышу сегодня хоть малѣйшій шумъ, то завтра сама отпущу того, кто не исполнитъ моего приказанія. А ты, няня, ступай сейчасъ къ папенькѣ.

— Вишь ты, тихинькая-то, отозвалась прачка, когда дѣвушка и старуха ушли. «Завтра отпущу», да еще кто тебя послушается-то, отпущу; не ты нанимала, такъ не ты и отпускай; вотъ что! Тождь расходилась; вся видно будетъ въ матушку: та, бывало, всяко лыко въ строку. А все это Ивановна наговариваетъ!

— Да что, наговариваетъ! отвѣчалъ поваръ, вы бы тутъ еще баталію учинили. Старуха права; извѣстное дѣло, что въ домѣ нѣтъ теперь порядка, кто въ лѣсъ, кто по дрова; вотъ хоть бы приказчикъ, вѣдь послѣ хозяина онъ въ домѣ распорядитель. А онъ что? Съ той поры, какъ самъ-то болѣнъ, онъ то и знай, что во хмѣлю обращается.

— Толкуй, сказала прачка; дѣло извѣстное, что ты всегда ехидный для своего брата: небось, тебя бы сдѣлать приказчикомъ.

— Да, хоть бы меня, отвѣчалъ поваръ, ужъ тогда тебѣ, конечно, на хозяйскихъ дровахъ не стирать бы чужое бѣлье.

Прачка плюнула и отправилась къ себѣ въ комнату, и вскорѣ въ домѣ все улеглось и заснуло; только пьяный приказчикъ еще довольно долго не могъ успокоиться отъ оскорбленія, нанесеннаго ему старою ключницею, и съ папироскою въ зубахъ нѣсколько времени расхаживалъ по двору, заглядывая въ сараи, конюшни и даже на сѣноваль. «Вретъ она, старая дура, ворчалъ онъ, чтобъ у меня порядка не было, все въ порядкѣ: экипажи въ сараѣ, лошади въ конюшнѣ, сѣно тоже есть, все есть, что надобно, и не пьянъ я, а она сама пьяна; я только усталъ: надо было проводить брата въ свою сторону, кушитъ дровъ, а послѣ въ страховое по-

спѣтъ, концы-то не съ версту; ну, и сдѣлалъ все, брата проводилъ, дровъ куплю завтра, и въ страховое тожь завтра схожу, вотъ и будетъ все въ порядкѣ. Пьяные неходятъ по лѣстницамъ, бормоталъ онъ, слѣзая съ сѣновала, они и по землѣ вензеля пишутъ, а я вотъ на сѣновалѣ былъ, осматривалъ хозяйское добро, такъ не пьянъ, значить, а она пьяна, сама пьяна, старая подметка! Право-слово, завтра же пойду къ хозяину, пусть ее вѣдму уймуть, я ей отчета давать не намѣренъ. Ухъ, усталъ, продолжалъ онъ, входя въ домъ: просто каторга, а не жизнь .. И голосъ его замолкъ за затворенною дверью. Цѣпная собака осталась единственнымъ живымъ существомъ на дворѣ; она изрѣдка принималась лаять и ворчать, но какъ кажется, болѣе отъ скуки, или можетъ быть, изъ хвастовства, чтобъ показать, какъ зорко караулить домъ, потому что на улицѣ такъ же, какъ и въ домѣ, было все тихо, и только вѣтеръ, гуляя на просторѣ, порывистымъ воемъ нарушалъ всеобщее безмолвіе.

Москвичи ложатся рано спать, и въ то время, когда модный петербургскій житель ѣдетъ куда нибудь на вечеръ, въ Москвѣ, кто нибудь изъ жителей, страдая отъ бессонницы, сталъ бы съ изумленіемъ прислушиваться къ стуку экипажа, говоря: «вотъ кого-то Богъ несетъ въ такую позднюю пору, видно весело попировалъ въ гостяхъ!» Мысль въ двѣнадцать часовъ ѣхать въ гости никогда бы не пришла въ голову доброму москвичу; стало, въ двѣнадцать часовъ въ Москвѣ уже всѣ спали, и протяжный бой часовъ на Спасской башнѣ, возвестя этотъ урочный часъ, врядъ ли кѣмъ нибудь былъ сосчитанъ. На улицахъ ни души; въ окнахъ ни огонька, кромѣ развѣ лампадокъ, которыя трепетнымъ свѣтомъ отражались на золотыхъ и серебряныхъ окладахъ иконъ.

Часы шли общимъ порядкомъ. На Спасской башнѣ пробилъ часъ, потомъ два, еще нѣсколько времени, и три удара протяжно пронеслись надъ городомъ; ни одной звѣздочки не видно было на небѣ, покрытомъ густыми облаками, которыя нагналъ со всѣхъ сторонъ вѣтеръ. Вся Москва какъ будто потонула въ этой ужасной темнотѣ, и даже самые близкіе предметы никакой зоркій глазъ не въ состояніи былъ бы различить въ этомъ мракѣ, какъ вдругъ внезапный свѣтъ пламени, высоко поднявшись надъ домами, осветилъ городъ на большое пространство, и страшное слово *пожаръ!* съ ужасомъ понеслось по улицамъ, и откликнулось въ домахъ. Перепуганные, полуодѣтые жители выбѣгали изъ домовъ, и бессознательно толкая другъ друга, спрашивали «гдѣ по-

жаръ? что горить?» хотя страшная масса огня и яркое зарево ясно показывали мѣсто бѣдствія. Горить домъ купца Подшивалова. Неистово бушевало пламя, обхвати жгучимъ кольцомъ деревянныя надворныя строенія, и прежде чѣмъ могла подоспѣть какая нибудь помощь, огонь уже перекинулся на домъ, въ которомъ помѣщался трактиръ. Вѣтеръ, раздувая огонь, какъ фейерверкъ раскидывалъ пламя во всѣ стороны; головни летѣли, искры сыпались, огненные языки, высунувшись изъ оконъ, лизали крышу дома, какъ тигръ свою неотъемлемую добычу. Вскорѣ задымился и вспыхнулъ деревянный домикъ, въ которомъ жилъ хозяинъ. Стукъ и топотъ подошедшей помощи, ржаніе лошадей, которыхъ старались спасти отъ пожара, говоръ людей, молящихся о помощи, все это представляло рѣзкую картину среди темноты и тишины ночи. Тысячи рукъ протягивались для спасенія имущества, а можетъ быть и самой жизни несчастныхъ, постигнутыхъ бѣдой. Изъ выбитыхъ оконъ выкидывали на мостовую богатую мебель и дорогія зеркала, фарфоръ, хрусталь, и глиняные поддонники отъ цвѣтовъ: цѣнность въ минуту гибели теряла значеніе, каждому хотѣлось спасти вещь, не разсуждая, чего она стоитъ; но благія намѣренія не достигли своей цѣли, потому что выкинутыя мебели ломались, зеркала и другія вещи съ звономъ разлетались въ дребезги. Не многимъ удавалось, съ опасностью жизни, вырвать невредимо какую нибудь добычу у огня, и задыхаясь отъ дыма и жара, принести свой побѣдный трофей въ безопасное отъ огня мѣсто. Оторванная половинка дорогаго кружеваго занавѣса и лошадиная попона, великолѣпная фарфоровая ваза и горшокъ съ завянувшимъ цвѣткомъ, изящная бронзовая лампа и разбитый чугунокъ, дружно жались другъ къ другу въ общей грудѣ на улицѣ.

Между этою грудой разнородныхъ вещей, большею частію разбитыхъ и изломанныхъ, лежалъ старикъ, закутанный въ мѣховое одѣяло. Лицо, покрытое смертною блѣдностью и совершенно неподвижные члены, заставляли думать, что онъ умеръ. Возлѣ него стояла на колѣнахъ молодая дѣвушка, то обнимала и цѣловала старика, то горячимъ дыханіемъ старалась отогрѣть его холодныя руки. Длинныя пряди бѣлокурыхъ волосъ, выбившись изъ-подъ батистоваго чепчика, падали на лицо и на обнаженную ея шею, какъ будто хотѣли прикрыть ее собою отъ нескромнаго взгляда, потому что, бархатный бурнусъ и атласныя туфли на голой крошечной ножкѣ, составляли всю одежду молодой дѣвушки. Чуждая всему, что происходило вокругъ нея, она всю любовь, всю

ласку, всю молитву свою посвятила тому, въ кого, казалось, хотѣла молодымъ, теплымъ дыханіемъ своимъ вдунуть и самую жизнь свою.

— Паненка, душечка, голубчикъ, придите въ себя; чего вы такъ испугались, вотъ, посмотрите, говорила она, наклоняясь къ лицу старика, посмотрите, я возлѣ васъ, я здорова и покойна. Ну, мой милый, мой родной, взгляните же на меня, не пугайте меня, продолжала она, припадая на грудь къ отцу и крѣпко обнимая его, а то я сама умру отъ страха! Но видя, что старикъ оставался попрежнему неподвиженъ, она съ невыразимымъ отчаяніемъ ломала руки и, съ ужасомъ оглянувшись кругомъ, проговорила: Господи помилуй! неужли онъ умеръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ мужчина маленькаго роста, въ парикъ, поспѣшно расталкивая людей, столпившихся около дѣвушки, нѣтъ, нѣтъ, сударыня, этого быть не можетъ! И онъ торопливо наклонился къ старику, и довольно долго наблюдалъ за движеніемъ пульса, прислушивался къ біенію сердца больного. Онъ живъ, могу васъ въ этомъ увѣрить, продолжалъ маленькій человекъ, обращаясь къ дѣвушкѣ. Я докторъ, стало, вы можете мнѣ повѣрить. Но бѣдному старику не должно оставаться здѣсь, его надо сей же часъ перенести отсюда, потому что всякое волненіе при его пробужденіи можетъ быть для него вредно.

— Но куда же? куда перенести паненку? съ тоскою спрашивала дѣвушка, всѣ наши знакомые отсюда довольно далеко живутъ.

— Его перенесутъ ко мнѣ, отвѣчалъ докторъ, это нѣсколько шаговъ. Ну-ка, друзья, сказалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ, поднимите-ка легонько старичка, и поосторожнѣе несите за мною. Вамъ тоже, продолжалъ докторъ, съ сожалѣніемъ глядя на дѣвушку, которая дрожала всѣми членами, вамъ тоже нуженъ покой, а потому пойдѣте ко мнѣ, тамъ вы успокоитесь, и мы вмѣстѣ позаботимся объ вашемъ батюшкѣ. И маленькій докторъ, взявъ за руку дѣвушку, почти въ припрыжку отправился показывать дорогу къ своему дому.

А между тѣмъ пожаръ свирѣпствовалъ, всѣ старались теперь только о томъ, чтобъ сосѣдніе дома не потеряли отъ огня, потому что всякая попытка спасти горѣвшій домъ была невозможна, и толпа любопытныхъ въ бездѣйствіи любовалась великолѣпнымъ спектаклемъ. По временамъ только въ этой толпѣ слышался визгъ, и она съ шумомъ разступалась, когда оторванный желѣзный листъ, какъ огненный змѣй, или горящая головня ле-

тѣли надъ головами людей. Вдругъ въ одномъ окнѣ деревяннаго домика, освѣщенная яркимъ пламенемъ, показалась старушка, крѣпко прижавъ къ себѣ небольшую шкатулку и образъ въ золотомъ окладѣ. Она казалось готова была скорѣе погибнуть, чѣмъ разстаться съ вещами, добытыми цѣною жизни. Съ воплемъ состраданія сотни человѣкъ кинулись на помощь къ бѣдной женщинѣ, и на рукахъ вынесли ее изъ огня. Нѣсколько времени несчастная старуха не могла придти въ себя, и только тяжело дыша, глотала полною грудью влажный ночной воздухъ, а между тѣмъ костливыя руки какъ будто замерли, и крѣпко держали спасенныя вещи. Наконецъ она понемногу пришла въ себя и, перекрестясь сказала: Слава тебѣ Господи! Хоть это-то я спасла моей голубушкѣ!

Но вотъ свѣтлая полоска на востокѣ показала приближеніе дня, и пожаръ началъ утихать; лучи восходящаго солнца освѣтили уже одни только дымящіяся развалины.

Улицы опустѣли; спектакль кончился; народъ разошелся, и только двое мужчинъ, сидя на скамѣчкѣ у воротъ одного домика, вели еще между собою разговоръ.

— Ну, вотъ-съ и капутъ, и вылетѣлъ въ трубу Василій Петровичъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, худенькій, рыженькій, съ безчисленными веснушками на кошачьемъ лицѣ. Теперича, продолжалъ онъ, по близости окромя моего заведенія, до самой Пятницкой, почитай, что и нѣтъ растеряціи.

— Да, братъ, теперъ тебѣ лафа, отвѣчалъ другой; ну, да вѣдь на долго ли; нонече, братъ, домъ-то не долго выстроить, глядь будетъ у тебя опять на носу хорошее заведеніе.

— Да-то когда будетъ, проговорилъ тотъ, поглаживая рыженькую бородку.

— Ужъ, разумѣется, будетъ, почемужъ бы не быть?

— Да, чтобъ открыть заведеніе, то сперва-на-перво надоть выстроить домъ, а для дома-то капиталъ, смѣкаешь? отвѣчалъ рыженькая бородка, прищелкнувъ языкомъ.

— Ну, братецъ, на счетъ этого, я чаю, у насъ съ тобою онъ не пойдетъ занимать.

— Какъ вы, Иванъ Ивановичъ, сказалъ рыженькій, а я признательно и не намѣренъ дать; таки просто рубля не повѣрю.

— Ой, Сафронъ, больно нынче ты фортелю набрался, ужъ и не дашь! Видно братъ маловато соснулъ, али пожаромъ опалило разумъ.

— Нѣтъ-съ, почему же мало соснулъ, возразилъ рыженькій Сафронычъ, мы-съ въ полномъ разумѣ, и знаемъ что знаемъ, мы-съ народъ торговый, и своего брата торговца, что называется, насквозь видимъ, то есть, досконально до полушки перечтемъ.

— Ну, другъ, я хотя и не торговецъ, сказалъ Иванъ Ивановичъ, а тоже знаю, что Василій Петровичъ побогаче насъ съ тобою.

— Вашей казны, Иванъ Иванычъ, я не считалъ, ухмыляясь отозвался Сафронычъ, довольный своею острою. Ну, а ужъ на счетъ моихъ-то обстоятельствъ я не помѣняюсь съ нимъ, хоша и не живу бариномъ, не обучаю дочку въ пансіонъ, не вожу знакомства съ людьми, передъ которыми нельзя въ шапкѣ стоять; не ворочаю рыла отъ своего брата... У меня на все свой порядокъ: кто поважнѣе—поклонъ, кто намъ съ руки, съ тѣмъ хлѣбъ-соль; коли алтынъ въ кошнѣ, куплю хлѣба, а не ползу за пряникомъ. Жена у меня и супруга, и кухарка тожъ, про свою семью сварить щи, а мы, помолясь, скушаемъ; отъ поварскаго-то кушанья еще пожалуй и животъ заболить, такъ вотъ и выходитъ дѣло оно и того-съ... Ну, а онъ былъ персона: вишь его дочери съ нашими зазорно было водить дружбу: будетъ молъ съ нихъ и того, что въ окно позѣваютъ, какъ она съ господами пляшетъ въ разукрашенныхъ покаяхъ. За то наши дочери не будутъ плясать никогда подъ чужую дудку, для того, что мы никогда не попадемъ въ публикацію.

— Эй, Сафронычъ, проговорилъ его товарищъ, качая головою, это братъ не хорошо. Злословить ближняго никогда не должно, а особливо когда онъ и такъ ужъ претерпѣлъ несчастіе. Если то, что ты говорилъ, неправда, то клеветать на человѣка стыдно, а коли правда, то радоваться чужой бѣдѣ грѣхъ смертельный.

— Какая тутъ радость, Иванъ Иванычъ, проговорилъ Сафронычъ, когда человѣкъ подъ старость ума лишенъ, Божеское то есть наказаніе; да вотъ хоть не меня спросите, вамъ всякій скажетъ, что теперь онъ голь, какъ соколь.

— Это, братецъ, говорятъ про него изъ зависти, и ты туда же.

— Ну, признаться, есть чему позавидовать, ухмыляясь сказалъ Сафронычъ.

— Да притомъ же не можетъ быть, чтобъ Василій Петровичъ дошелъ до крайности, ну, не было капитала, такъ былъ домъ.

— Былъ да сплылъ, Иванъ Иванычъ.

— То есть, сгорѣлъ, да деньги-то въ страховомъ обществѣ цѣлы, Сафронычъ.

— Да домъ-то не былъ застрахованъ, Иванъ Ивановичъ, прищуря глазъ, съ ужимкою отвѣчалъ рыженькій Сафронычъ.

— Какъ не былъ?

— Да такъ же-съ! Вотъ ужъ съ недѣлю ихній прикащикъ носитъ деньги въ карманъ, да только вмѣсто страховаго-то ходитъ въ портерныя; я знаю навѣрное, что еще вчера онъ не внесъ денегъ за застраховку, а срокъ еще на прошлой недѣлѣ прошелъ.

— Да ты почему знаешь?

— Да онъ мнѣ вчера самъ говорилъ, что сегодня безпремѣнно пойдетъ въ страховое.

— Ахъ, Боже мой, какая безпечность! въ раздумьи проговорилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да-съ, вотъ оно что барство-то, тожъ прикащикъ завѣдуетъ всѣмъ, словно у имянитой особы, а хозяинъ прохлаждается; вотъ она и вышла катавасія.

— Да вѣдь онъ болѣнъ, лежитъ, такъ нельзя же больному идти хлопотать по дѣламъ.

— Болѣнъ, болѣнъ, перебилъ насмѣшливо рыженькая борода, да это тожъ отъ барства... хозяйка вишь умерла, такъ онъ отъ горя и захворалъ! Да вотъ у меня, примѣрно, двѣ жены померли, а я себѣ ничего, ну, померли, какъ водится схоронилъ, и поминки справилъ, какъ быть надлежитъ, а не потерялъ же разума; покойнику хлѣба не надоть, ну, а живому всякая провизія требуется; поплачешь, бывало, когда слѣдуетъ, а вечеръ всѣ дѣла какъ должно повѣришь, отчетъ мнѣ подай до копѣйки, такъ вотъ и вышли-то порядки; а онъ что? Какъ же моль бары по году грустятъ да печалются, такъ дя-ча же мнѣ отстать, давай и я тожъ; а казусъ-то тутъ какъ тутъ, вотъ и пошла поѣхала, да, каково-то будетъ остановиться!

— Ну, братъ, Сафронычъ, задалъ же ты мнѣ думу, сказалъ Иванъ Ивановичъ, вставая: просто даже сердце повернулось, коли только все то правда, что ты говорилъ.

— При погостѣ жить да обо всѣхъ тужить, такъ живота не хватить, Иванъ Ивановичъ; дѣло житейское, все на свѣтѣ проходить, поучительно произнесъ Сафронычъ, раскланиваясь съ свбимъ собесѣдникомъ: и всякое горе тожъ пройдетъ, стоитъ только его позабыть, вотъ оно что! И такъ прощенья просимъ, пора и мнѣ къ своему дѣлу, будетъ толковать объ чужихъ-то.

Сафронычъ былъ правъ въ нѣкоторомъ отношеніи: дѣйствитель-

но все почти на свѣтъ забывается. Въ продолженіе первыхъ двухъ или трехъ дней сосѣди сторѣвшаго дома только и толковали, что про пожаръ и про судьбу Василья Петровича; и чего они не говорили про него! Но прошла недѣля, домъ обнесли заборомъ, житейская драма почти цѣлаго семейства была кончена, завѣса опущена, и люди забыли обо всемъ случившемся, каждый занялся своимъ собственнымъ интересомъ. Приливъ страстей, надеждъ и желаній, какъ и всегда, то кидалъ людей на берегъ, то уносилъ ихъ въ далекое море житейское, на помостахъ общественной жизни, обычною чредою являлись актеры трагическіе, комическіе и фарсеры, иные, по волю автора—случая, кончали роль въ первомъ дѣйствіи и безцвѣтно сходили со сцены, другимъ назначено было много разъ выходить на показъ и до конца выдерживать свою роль, а по окончаніи представленія бѣльшую частію всѣхъ ожидала одинаковая участь—забвеніе. Таковъ удѣлъ всего въ міръ! Прошелъ мѣсяць, прошелъ и годъ, такъ прошло много лѣтъ, и сколько происшествій чудныхъ, смѣшныхъ и странныхъ между людьми смѣнили одно другое, и сколько было еще на очереди? Вотъ, на примѣръ, одно изъ нихъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра города улицъ, скрынула калитка возлѣ небольшого сѣренькаго домика съ мезониномъ, на окнахъ котораго были наклеены бумажки съ надписью «*Фатера теплая и сухая внаймы отдаетца*». Изъ этой калитки, часу въ девятомъ вечера вышелъ мужчина лѣтъ двадцати пяти. Небольшая, рѣдкая, рыженькая борода опушала его подбородокъ, волосы на головѣ были подстрижены въ скобку; синяя чуйка, изъ тонкаго сукна, надѣтая нараспашку, открывала ярко-краснаго цвѣта бархатный жилетъ съ желтыми разводами, широкое черное плисовое исподнее платье, щеголеватые смазные сапоги, доходившіе почти до колѣнъ, и круглая шляпа съ высокою тульею и маленькими полями, довершали костюмъ этого человѣка и ясно показывали, къ какому классу общества онъ принадлежалъ. Вслѣдъ за нимъ изъ той же калитки выплыла женщина лѣтъ около пятидесяти. Небольшой ростъ и необыкновенная полнота, казалось, мѣшали ей слѣдовать за высокимъ и худощавымъ товарищемъ, котрый не соразмѣрялъ своего широкаго шага съ мелкою рысью коротенькой спутницы.

Коричневый шелковый платокъ, повязанный до самыхъ бровей, большая ковровая шаль краснаго цвѣта, распушенная во всю

величину и заколотая булавкою у самого горла, почти закрывала собою темное ситцевое платье. Подобравъ его осторожно, старуха въ перевалку спѣшила за своимъ товарищемъ, который, не обращая на нее особеннаго вниманія, размашисто шагаль впередъ.

— Да постой же, Кузьма Савельичъ, что ты батюшка, отъ пожара что ли удираешь? Задохнулась, батюшка; гдѣ же мнѣ за тобою поспѣть, вишь ты, словно котъ въ сапогахъ шагаешь. Тотъ, кого называла старуха Кузьмою Савельичемъ, остановился, и дождавшись ее, пошелъ молча, рядомъ съ нею, нѣсколько потише.

— Ну, что, батюшка, Кузьма Савельичъ, сказала старуха, глядя съ удивленіемъ на молчаливаго Кузьму, что, соколь ясный? аль не приглянулась, аль не понравилась наша красавица?

— Да вотъ что, Ильинишна, кажись, твои сто рублей да шелковое платье плакались, отвѣчалъ Кузьма, прищелкнувъ выразительно двумя пальцами.

— Какъ такъ, кормилицъ? взвизнула старуха.

— Да такъ, отвѣчалъ Кузьма, надвинувъ на бекрень шляпу и подперши рукою бокъ: да такъ, продолжалъ онъ, эвтотъ товаръ намъ не съ руки, не нашего сада малина, не нашей на шести курица, вотъ что-съ.

— Ахъ, мой батюшки! визгливо заговорила старуха, какъ же это такъ, мой соколь? да по что она не по нраву тебѣ? тожъ изъ купецкаго сословья, дѣвица смирная, умная, а ужъ такъ хороша, что всю Москву исходи, а краше не отыщешь.

— Солнышко еще краше, да на него не заглядишься: глаза выжжетъ, лаконически возразилъ Кузьма; такъ ужъ лучше, каковъ ни на есть стеклянный фонарь, да лишь бы въ руки дался, вотъ оно что-съ, Ильинишна! Ну, что это за невѣста, словно на похороны пришла, oprичъ слезъ ничего не показываетъ; а какъ я, на прощаньи, хотѣлъ ее, какъ водится, поцѣловать, такъ она такъ задрожала, такъ на меня возрилась, что индо поу! руки опустили, даже страшно стало!

— Эхъ ты, молодець, молодець! говорила, смѣясь, старуха: дѣвки испужался.

— Испужался—нѣтъ, Ильинишна, не изъ таковскихъ, вотъ, спроси на линіи, пужливъ ли я; нѣтъ, за себя постѣимъ, хоть съ кѣмъ хочешь, а это ужъ и кто ее знаетъ, словно княгиня какая, не знаешь, какъ и подойти, съ какой ноги ступить, отколь приловчиться.

— Вот оно, батюшка, тото и есть, молодо-зелено, яблока отъ рѣпы не распознаешь. Ну, что тутъ такого страшнаго? Вѣстимо, дѣвица скромная, выученная, вѣдь она въ пансіонѣ французскомъ обучалась, такъ ей и зазорно поцѣловать чужаго мужчину.

— Да чтожъ такое, Ильинишна, возразилъ хвастливо Кузьма, чтожъ мы, по вашему, ужъ и дѣвицъ не видали, чтоль? видали всякихъ, да эвто что такое—и ни приступись. Ну, да коли она и женою-то будетъ такова же, ты и гляди на нее украдкою, подходи къ ней съ оглядкою! что жъ это за марьяжъ такой будетъ?

— И-и-ихъ, батюшка, Кузьма Савельичъ, отвѣчала старуха, ретива коня вожжа держить, на брыкливую лошадку плетка есть, такъ оно все значить дѣло поправное.

— Вотъ на! сказалъ Кузьма, нѣтъ, ужъ эвто дрянъ дѣло. Ильинишна. Беру, почитай, что голую, да еще про нее и кнутъ надоть купить; нѣтъ ужъ, зачѣмъ же-съ? съ эвтимъ проваливай, сваха дорогая.

— Ну, такъ какъ же это будетъ, батюшка, Кузьма Савельичъ? проговорила, послѣ нѣкотораго молчанія, присмирѣвшая и опечаленная сваха.

— А вотъ, Ильинишна: коли хочешь взять сто рублей и шелковое платье, то ладъ дѣло какъ водится; дѣвушка нешто, такъ себѣ, прибавилъ онъ; отказаться отъ нея мнѣ для чего... Такъ ты ступай завтра къ теткѣ, да и скажи, чтобъ она того, какъ ни на есть красотку-то бы вразумила и обхожденью всякому и эвтакой великатности обучила, а то молъ Кузьма Савельичъ приказалъ сказать, что это дѣло, по его разсужденію, не ладно, то есть, просто наплевать, вотъ что-съ! Ну, а коли наша возьметъ, то обѣщанное хоть впередъ бери, Ильинишна, ты только урезонь дѣвченку-то, а ужъ мы будемъ со всякимъ къ вамъ авантажемъ.

— Урезоню, батюшка, урезоню, Кузьма Савельичъ, да чего ей дурѣ, рожна что ли надобно, говорила старуха, кланяясь при каждомъ словѣ въ поясъ сѣдѣвшему Кузьмѣ: такой купецъ, какъ ты, не гнушается ея, бѣдняги, а она рыло воротить. Вотъ погоди же, батюшка, я ей это все сама завтра выпою и ужъ урезоню, родной ты мой, урезоню.

— А урезонишь, такъ мы и съ нашимъ къ вамъ наиглубочайшимъ, ухмыляясь сказалъ Кузьма. А вотъ, прибавилъ онъ, кладя свахѣ въ руку цѣлковый, вотъ промочи себѣ, Ильинишна,

завтра горю, чтобъ слова у тебя текли медовыя да вразумляли Парашеньку. Ильинишна, откланиваясь обнадеженному жениху, съ увѣренностью твердила: урезоню, батюшка, ужъ урезоню, будь покоенъ.

Во время этого разговора на улицѣ, между молодымъ купцемъ и свахою, въ серенькомъ домикѣ, который они только что оставили, происходила совершенно другаго рода сцена. За круглымъ столомъ, покрытымъ синею бумажною салфеткою, съ вытканнымъ фантастическимъ, городомъ и уставленнымъ неприхотливымъ десертомъ: изюмомъ, черносливомъ, различными пряниками, орехами и пастилою, сидѣла молодая дѣвушка, разодѣтая, какъ будто на балъ. Бѣлое тюлевое платье съ двумя тюниками необыкновенно граціозно обрисовывало полную, развившуюся фигурку молодой дѣвушки, и споридо въ бѣлизнѣ съ ея открытою шеюкою и руками, украшенными бронзовыми браслетами. Двѣ живыя розы въ бѣлокурыхъ волосахъ, причесанныхъ просто, но съ такимъ стараніемъ, что каждый волосокъ какъ будто щеголялъ своею мягкостью и блескомъ, и такой же букетъ на груди довершали ея нарядъ. Но состояніе, въ которомъ была молодая дѣвушка, чрезвычайно противорѣчило этому наряду. Закрывъ лицо обѣими руками, она плакала, плакала такъ горько, такъ безотрадно, что невольно возбуждала состраданіе нѣсколькихъ женщинъ, хлопотавшихъ вокругъ нея. Но одна изъ этихъ женщинъ, въ малиновомъ платьѣ и кружевномъ затѣйливомъ чепцѣ, съ яркими цвѣтами, который по новѣйшей модѣ былъ надѣтъ на затылкѣ и совершенно открывалъ ея полное лицо, подпершись въ бока руками, гнѣвно смотрѣла на плачущую дѣвушку и крикливо говорила:

— А! каково вамъ это покажется, плачетъ! да скажи ты мнѣ на милость, дура ты этакая, объ чемъ ты плачешь? что ты срамишь меня.

Дѣвушка продолжала рыдать.

— Вотъ вамъ и благодарность, вотъ вамъ и награда за хлѣбъ-соль, продолжала она: хлопочу, забочусь, стараюсь пристроить ее къ мѣсту, не щажу, можно сказать, ничего, а она вотъ чѣмъ меня отдариваетъ!

— Ахъ, тетушка, тетушка... едва могла проговорить дѣвушка.

— Да, матушка, на бѣду мою я дѣйствительно твоя тетка, и доказала это на дѣлѣ. Всѣ добрые люди знаютъ, что я приюти-

ла тебя, сироту безпокровную, дѣлила съ тобою мой трудовой кусокъ, смотрѣла тебѣ въ зубы, какъ ты барилась да нѣжилась. Тетка за прилавкомъ, а ты за музыкой; тетка хлопочетъ, какъ бы выкроить съ грѣхомъ пополамъ изъ какой нибудь матеріи хоть на шляпку остаточекъ, а ты съ иностранною книжицей, какъ панья, на диванѣ прохлаждаешься. Но теперь этого не будетъ, слышишь ли ты, продолжала, возвышая голосъ, женщина въ малиновомъ платьѣ: не будетъ! Еще разъ спрашиваю, идешь ли за Кузьму Савельича?

— Не могу, тетушка, съ отчаяніемъ отвѣчала дѣвушка.

— Не можешь, а отчего бы это, нельзя-ли узнать?

Дѣвушка молчала.

— Ну, отчего? говори.

— Онъ мнѣ не нравится, отвѣчала дѣвушка, запинаясь, и потомъ прибавила: онъ мнѣ не пара.

— Трудно, матушка, отыскать дурня подъ пару тебѣ, возразила насмѣшливо тетка; ну, а чѣмъ бы это онъ тебѣ пришелся не по вкусу?

— Онъ совершенный мужикъ, тетушка.

— А ты барышня, перебила дѣвушку тетка, вотъ что! А давно ли это ты въ барышни-то попала, развѣ съ тѣхъ поръ, какъ твой разумникъ, батюшка, не спросяся броду, сунулся въ воду, не заглянувъ въ мошну да сталъ гусей торговать, и тратяся на тебя безъ ума, обуча тебя, дуру, разнымъ мудростямъ, не оставилъ копѣйки на хлѣбъ насущный! Ну, съ какой стороны ты барышня? Развѣ у барышень публикуютъ отца банкротомъ, развѣ барышни остаются бездомною пташкой, развѣ онѣ живутъ въ магазинѣ изъ милости, у тетки, хоть бы она была и маршандѣ-демодай. Нѣтъ, другъ! продолжала женщина нѣсколько помягче, по-видимому, довольная своимъ краснорѣчіемъ: у барышень есть капиталъ аль крестьяне, въ магазинъ они ѣздятъ тратить денежки, и спасибо, кормятъ нашу братью, а коли и задолжаютъ, такъ ихъ отцамъ не кричатъ, гдѣ хочешь возьми да подай, не публикуютъ банкротомъ, а ходятъ къ нимъ съ поклономъ да съ бонтономъ, просятъ, а не требуютъ, ждутъ, а не приступаютъ съ ножомъ къ горлу. Ну, поняла ли, заключила она самодовольно, что ты сѣла не въ свои сани, то есть, залетѣла ворона въ барскія хоромы, вотъ оно что!

— Тетушка, возразила дѣвушка кротко, но довольно твердо, вставъ со стула и вытирая заплаканное лицо: барните меня,

какъ хотите, дѣлайте, что хотите со мною, но не тревожьте памяти моего отца. Все, что только могъ сдѣлать хорошаго отецъ для дочери, онъ для меня сдѣлалъ; онъ любилъ меня такъ, какъ ужъ никто въ мірѣ любить меня не будетъ, онъ не жалѣлъ ничего, чтобъ дать мнѣ образованіе; моя радость была его утѣхою, мое счастье его постояннымъ желаніемъ.

— Нечего сказать, большое счастье онъ тебѣ приготовилъ! Обучилъ всякому вздору и оставилъ въ наслѣдство суму, въ которую положи свои науки, да и ступай ихъ продавать; жаль только, что такой товаръ больно плохо съ рукъ сходить.

— Вы ошибаетесь, возразила дѣвушка съ достоинствомъ, батюшка оставилъ мнѣ большой капиталъ, капиталъ этотъ—познанія; передо мною онъ правъ совершенно, а если виноватъ—то виноватъ предъ самимъ собою, что изъ любви ко мнѣ, какъ вы сами нѣсколько разъ говорили, разстроилъ свои дѣла и приготовилъ себѣ такую горькую кончину.

— Ну, матушка, ужъ если ты такая капиталистка, такъ что же не живешь на свой капиталъ, а тянешь все съ бѣдной тетки?

— Если позволите, то я не буду васъ болѣе беспокоить, сказала кротко дѣвушка: я сама прокормлю себя.

— Какъ это, матушка?

— Я пойду въ гувернантки, хоть изъ куска хлѣба, и не буду вамъ долѣе въ тягость.

— Въ гувернантки, вскрикнула магазинщица, въ гувернантки! повторила она, сплеснувъ руками, пораженная словами племянницы.

— Что это вы выдумали, Прасковья Васильевна, проговорила одна изъ гостей, слушательницъ этого разговора: гдѣ же это водится, когда у Аграфены Терентьевны, вашей тетушки, свой магазинъ, и вы молоденькая дѣвушка пойдете бѣдствовать въ чужіе люди; на это есть учителя, ужъ они такъ на то и родились, а вамъ изъ купческаго-то званія это не пристало.

— Въ гувернантки, заговорила снова вспыхнувшая Аграфена Терентьевна, подступая къ племянницѣ, въ гувернантки захотѣла, вотъ постой же, душечка, я тебѣ дамъ гувернантку. А, сказала она, обращаясь къ двумъ дамамъ, сидѣвшимъ у стола, каково это вамъ покажется? недостаетъ только одного, чтобъ она, съ гусями, какъ нѣмка, странствовала изъ дому въ домъ. Да кто тебя и въ гувернантки-то возметъ? ну, кто тебя возметъ? снова обратилась она гнѣвно къ племянницѣ, въ чужомъ-то дому не то, что

у дуры тетки, моль: что Пашечка, чего надоть Пашенькъ? Нѣтъ! тамъ принаровись да приловчись ко всякому. Въ губернантки, да какъ это ты выговорила, неблагодарная ты этакая дѣвченка! Нѣтъ, матушка, видно съ тобою добромъ далеко не уѣдешь, ну, такъ я по другому съ тобою сдѣлаюсь. Покойная сестра передъ смертью сдала мнѣ тебя съ рукъ на руки, и слезно молила, чтобъ я тебя пристроила и сдѣлала бы изъ тебя человѣка, и во что бы то ни стало, прибавила разсерженная *маршанъ-де-мода*, стукнувъ рукою по столу: а я ужъ поставлю на своемъ! Въ послѣдній разъ спрашиваю идешь ли за Кузьму Савельевича?

— Нѣтъ, тетушка, не пойду, лучше умру, отвѣчала гордо Паша.

— Ну, такъ маршъ въ мастерскую, да изволь садиться за работу, баста баклуши-то бить. Тетка не хуже тебя, слава Богу, маршанъ-де-мода, а сидѣла же въ свое время на скамьѣ за иглой. Изволька, барышня, наживать свою копѣйку, а намъ купцамъ не изъ чего кормить такую важную персону-бѣлоручку.

Нѣсколько минутъ молодая дѣвушка молча стояла передъ разгнѣванною теткой, опустя голову, какъ бы оглушенная ея крикомъ; тетка также молчала, ожидая благодѣтельнаго дѣйствія своей угрозы; но противъ всякаго ожиданія Паша не измѣнила своему рѣшенію, она только глубоко вздохнула, и тихо выходя изъ комнаты, сказала теткѣ: Буду дѣлать все, что мнѣ прикажете, но замужъ за этого жениха не пойду никогда.

— Капризная, упрямая дѣвчонка! сказала вслѣдъ племянницѣ Аграфена Терентьевна. Ну, скажите на милость, говорила она, обращаясь къ гостямъ, бракуеть такого жениха; молодъ, купецъ, съ новаго года хочетъ во вторую записаться; есть капиталець; говорятъ, непьющій, чего бы еще; и ей бы, глупой, хорошо было, да и мнѣ бы не худо, прибавила она какъ-то неволью.

— Молода еще, Аграфена Терентьевна, не смыслить своей пользы, проговорила булочница съ зелеными глазами, въ желтомъ платѣ. Ну, да вѣдь молодая дѣвушка, что молодое тѣсто: оставь его на своей волѣ, такъ долго простойтъ да и прокиснетъ, пожалуй, а какъ не пожалѣешь рукъ, да побъешь ето хорошенько, такъ смотришь и пошло въ дѣло.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! возразила Аграфена Терентьевна, какъ это можно! Вѣдь я ее люблю, прибавила она тихо, боясь, чтобъ племянница не услышала ея словъ, да къ тому же она, видите, такая деликатная, да и у отца съ матерью она пальцемъ

не была тронута. Нѣтъ, бить ни за что не стану, она сирота, грѣхъ передъ Богомъ... потачки тожъ нельзя дать, вѣдь этакъ она и вѣкъ просидитъ въ дѣвкахъ.

— Такъ что же вы будете съ нею дѣлать? спросила булочница.

— А вотъ что. Вишь она представила въ своемъ умѣ, что она барышня, такъ вотъ я барышню—то усажу межъ мастерицъ, да и заставлю въ очередь у стола послужить, такъ спѣсь—то и побудеть; ужъ какъ нибудь уломаю, а обижать, Каролина Францовна, не буду, вѣдь она сирота.

На другой день съ ранняго утра сваха Ильинишна, вѣрная своему обѣщанію, ладила дѣло съ Аграфеной Терентьевной. Сто рублей и шелковое платье обольстили старуху совершенно и сдѣлали необыкновенно краснорѣчивою. Все, что было возможно сказать въ похвалу жениха, въ пользу его богатства и того уваженія, которое онъ чувствуетъ къ будущей своей тетушкѣ, было повторено старухою на всѣ лады разъ десять въ продолженіе утра. Аграфена Терентьевна, вполнѣ сознавая всю выгоду для себя и племянницы отъ этого союза, твердо рѣшилась, во что бы ни стало, заставить Пашу, хотя насильно, быть счастливою, и просила только недѣлки двѣ сроку, пока урезонитъ упрямыцу.

— Двѣ—то недѣлки ужъ онъ какъ нибудь обождетъ, только ты мой яхонтъ, ужъ какъ знаешь, а не упускай такого счастья. Вѣдь сама, радость, посуды—молодъ, всего-то двадцать пять годковъ, самъ себѣ голова, ни за нимъ и передъ нимъ нѣтъ наибольшаго, хозяинъ, что знаетъ, то и дѣлаетъ; права тихаго такого, что твой теленокъ; коли случится, и то въ рѣдкость, гдѣ нибудь пропустить лишнюю чарку, такъ умора, только и знай что цѣлуется со всякимъ человѣкомъ, а чтобъ куражиться да буянить и въ мысляхъ не держитъ. А богатство-то, радость моя, богатство-то какое, что и подумать страшно: домъ, какъ полная чаша; серебра, такъ двѣ никакъ горки, не говоря уже о Божіемъ благословеніи; коли кто зашелъ къ обѣду, такъ смотришь и кричишь: Матрена, молъ, подай гостю-то серебряную ложку—вотъ оно что! Корова тожъ своя, а лавки—то, Аграфена Терентьевна, вѣдь три лавки однѣхъ заморскихъ товаровъ... тамъ на сколько тысячъ? Да ты послушай только, яхонтъ, что онъ говоритъ. Коли молъ благословитъ Богъ, да я поженюсь на Пашенькѣ, такъ—таки и говоритъ, на Пашенькѣ, то говоритъ, дорогая тетушка припасай руки только, да открывай магазю на Кузнецкомъ, а товаръ на работу будетъ, что

де хочеть, то и бери въ лавкахъ, все молъ дамъ съ почтеніемъ. Вотъ онъ какой, сердечный! Дѣвченка-то ему пришла больно по мысли; ну, а на ея блажь что смотрѣть, наперво свистомъ, а тамъ и хлыстомъ, послѣ сама спасибо скажетъ. Вѣдь ты, яхонтъ, только подумай, что онъ... И старуха снова было пустилась пересчитывать достоинства Кузьмы, но Аграфена Терентьевна на этотъ разъ прервала ее.

— Хорошо, Ильинишна, сказала она, ступай и кланяйся названному племянничку, попроси, какъ ужъ я говорила, повременить, а тѣмъ временемъ я дѣло-то улажу, вотъ тебѣ моя рука.

И долго послѣ ухода Ильинишны, взволнованная *маршандъ де-мода* ходила по комнатѣ, и придумывала вѣрное средство какъ-бы уладить дѣло поскорѣе; но казалось ни одинъ планъ не отвѣчалъ ея желанію. Наконецъ она махнула рукою и съ тяжкимъ вздохомъ проговорила: Хоть что хочешь, а лучше не выдумала, видно надо выжидать!—и отправилась въ мастерскую.

За столомъ, заваленнымъ новыми матеріями, ситцемъ и старымъ тряпьемъ для передѣлки, между мастерицъ и дѣвочекъ, сидѣла и Паша, по приказанію тетки. Ситцевое платье, черненькій передникъ и гладко зачесанные волосы дѣлали ее еще моложе, еще лучше. Казалось ей не болѣе шестнадцати лѣтъ, но всмотрѣвшись въ это блѣдное, полное грусти и душевной тревоги лицо, въ эти голубые, полные ума и чувства глаза, можно было догадаться, что она въ возрастѣ совершеннаго сознанія, что душѣ ея уже давно доступны и радость мечты, и тревога ожиданія. Пашѣ было ровно восемнадцать лѣтъ.

Склоняясь надъ работою, Паша прилежно трудилась надъ какимъ-то незатѣйливымъ платьемъ, и ея бѣленькая, крошечная ручка всячески старалась побѣдить непривычный трудъ, но къ горю ея работа какъ-то плохо подвигалась впередъ, и онемѣлые пальцы съ трудомъ управляли иглою. Паша была воспитана слишкомъ по-барски; обучая дѣвушку всему, забыли одно, самое необходимое—умѣнье зашить на себѣ разорванное платье, и въ эту минуту бѣдная Паша мучилась надъ такимъ дѣломъ, которое для каждой изъ окружающихъ ея дѣвушекъ было менѣ чѣмъ бездѣлкою.

Появленіе Паши въ мастерской изумило, даже сконфузило работающихъ дѣвушекъ; но прошелъ часъ, другой, къ ней привыкли, и тихій шепотъ мало по малу превратился въ громкій говоръ и рѣзкій смѣхъ, который неприятно дѣйствовалъ на мо-

лодую дѣвушку и вызывалъ невольный вздохъ. Но вотъ въ мастерской мгновенно водворилась тишина; въ дверяхъ показалась грозная хозяйка. Тихо, внимательно обходила Аграфена Терентьевна мастерскую, останавливаясь предъ каждою швеєю, то съ легкой похвалою, то съ рѣзкимъ замѣчаніемъ, и слова ея какъ электричество приводили руки работающихъ въ необыкновенное движеніе. Она дошла до Паши, которая при появленіи тетки не сдѣлала ни малѣйшаго движенія, не подняла головы, даже не оторвала глазъ отъ работы, и развѣ только до крови уколотый палець и не совсѣмъ ровное дыханіе обличали въ ней нѣкоторое волненіе. Паша молча шила, когда тетка остановилась передъ нею. Нѣсколько минутъ стояла Аграфена Терентьевна возлѣ Паши, и не говоря ни слова слѣдила за шитьемъ, какъ будто ждала что дѣвушка ей скажетъ что нибудь, но видя, что Паша молчитъ, она взяла отъ нея работу, и качая насмѣшливо головою, проговорила: «Только-то, сударыня, Прасковья Васильевна, вы изволили наработать? Нечего сказать, много, на ковшикъ воды не хватить. Да и какъ шьешь-то, матушка, прибавила она, просто курамъ на смѣхъ; вонъ Катюшка, изъ деревни сюда прямо отдана, да и лѣта-то не твои, а вѣдь работаетъ лучше тебя, умницы ученой. Эй, крикнула Аграфена Терентьевна, обращаясь къ мастерицѣ, что же вы смотрите, что вы ее надъ новымъ платьемъ учите, дайте ей точать что нибудь старое, да посадите къ ней кого нибудь изъ подручныхъ, пусть она показываетъ ей. Приказаніе было тотчасъ исполнено, и магазинщица, выходя изъ мастерской, приказала главной мастерицѣ за собою слѣдовать.

Въ продолженіе цѣлаго дня Паша оставалась въ мастерской. Что думала, что чувствовала бѣдная дѣвушка въ продолженіе этого долгаго для нея дня, трудно было узнать, потому что, безусловно покорясь настоящему своему положенію, она ни однимъ словомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ не выказала своего настоящаго душевнаго состоянія. Склонясь надъ работою, она молча шила, и только изрѣдка дрожащія вѣки молодой дѣвушки, и потомъ съ трудомъ скрытый вздохъ, могли бы обнаружить то, что она можетъ быть старалась скрыть. Но этихъ признаковъ не совершеннаго спокойствія никто незамѣчалъ, тѣмъ болѣе, что главная мастерица, возвратясь отъ Аграфены Терентьевны, съ неудовольствіемъ объявила, что хозяйка молъ не велѣла кричать и молоть всякій вздоръ въ мастерской, и прибавила сквозь зубы, но такъ, что Паша могла слышать: кому непристойно слушать

наши разговоры, того бы сажали особнякомъ, а то всё вотъ теперь молчи для одной. — Всѣ перемигнулись, и каждая на невольную гостью въ мастерской посмотрѣла изъ подлобья какъ-то не дружелюбно. Только одно нѣсколько помирило съ Пашею остальныхъ швей: по милости ея, шабаншъ былъ объявленъ цѣлымъ часомъ ранѣе обыкновеннаго, и въ десять часовъ, какъ иголки, такъ и руки преспокойно отдыхали. А Паша? и Паша спала, спала тихо, спокойно; непривычный физическій трудъ утомилъ дѣвушку. Припавъ хорошенькимъ личикомъ къ бѣлой подушкѣ, и закрывъ усталые глаза, она сладко спала, когда часу въ первомъ ночи дверь ея комнаты отворилась, и Аграфена Терентьевна, въ ночномъ чепцѣ и кофточкѣ, чуть слышно подошла къ ея постелѣ, прикрывая толстою рукою свѣчку. Нѣсколько минутъ она съ участіемъ смотрѣла на Пашу, и потомъ тихо прошентала. «Вотъ ты, дурочка, какъ умаялась, да чай и наплакалась, прибавила она вздохнувъ; но что же съ тобою, съ упрямицею, дѣлать? вѣдь это все для твоей же пользы, глупенькая; стерпится, слобится, и сама послѣ скажешь спасибо. Послѣ этой фразы, которую магазинница продумала вслухъ, какъ бы въ успокоеніе себя самой, она отвела свѣчку всторону и, набожно перекрестивъ спавшую Пашу, такъ же несмысленно оставила комнату племянницы, какъ и вошла въ нее.

Болѣе недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Паша по волѣ тетки работала въ мастерской, и рѣшеніе молодой дѣвушки нисколько не измѣнилось въ продолженіе этого времени. Напротивъ того, угнетеніе, которому подвергли ее, поселило въ душѣ ея какую-то ненависть къ предполагаемому замужству, а знакомство съ непривычнымъ трудомъ убѣдило, что это занятіе не такъ страшно, какъ оно казалось ей издали. Въ недѣлю она нѣсколько свыклась съ настоящимъ своимъ положеніемъ; иголка уже не выпадала изъ онѣмѣвшей руки, хотя премудрость корсажей и вычурныхъ отдѣлокъ модныхъ платьевъ была для нее еще недосыгаема, но она уже не подвергалась брани тетки и насмѣшкамъ окружающихъ швей. Аграфена Терентьевна рѣшительно проигрывала поле битвы, и не знала, какъ дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что Ильинишна, подъ различными предлогами, каждый день забѣгала въ магазинъ и твердила, что женихъ устаетъ ждать рѣшенія, и требовать рѣшительнаго слова. Но срокъ еще не прошелъ, говорила Аграфена Терентьевна: пусть обождетъ, вѣдь его никто не толкаетъ въ шею! И сваха уходила, чтобъ завтра опять явиться съ

тѣмъ же требованіемъ. Послѣ каждаго ея визита тетка призывала племянницу, уговаривала, бранила, и отвѣтъ: «Я работаю и буду работать все, что вы прикажете, но за этого мужика не пойду!» разрушалъ ея надежду, сердилъ и заставлялъ тетку изобрѣтать новый планъ. Одушевленіе Аграфены Терентьевны дошло до послѣдней степени; когда однажды сваха объявила, что у жениха умеръ дядя и оставилъ ему большой капиталъ, и что ужъ нѣкоторыя богатыя невѣсты засылаютъ къ нему свахъ, а въ магазинѣ между тѣмъ былъ ощутительный недостатокъ въ лентахъ и кружевахъ для лѣтнихъ шляпокъ. Одно слово упрямой Паши могло бы, по мнѣнію магазинщицы, упрочить ея собственное счастье, и что же, Паша упрячилась! Въ тоже время воображеніе доброй родственницы рисовало полныя ящики необходимыхъ для работы матеріаловъ. Постою же, подумала Аграфена Терентьевна, вотъ я съ нею поговорю по другому, я тебя, самонравную, попробую съ другой стороны: привыкла сидѣть, такъ я тебя заставляю побѣгать, авось разумъ-то и поразомнется! И новый планъ битвы созрѣлъ въ головѣ грозной маршандѣ-де моды.

— Что у васъ есть готоваго? спросила она, входя въ мастерскую.

— Да платье баронессы Гельнихъ готово. Кому прикажете его отнести, отвѣчала мастерица.

Огненнымъ взглядомъ окинула Аграфена Терентьевна мастерскую и остановила глаза на Пашѣ.

— Прасковья Васильевна, сказала она насмѣшливо, неугодно ли, матушка, съ кардоночкой промяться маленько. Отнесика съ платье-то и получи за работу.

Голосъ и слова тетки заставили молодую дѣвушку вздрогнуть; горько взглянула она на нее, и только проговорила:

— Но я, тетушка, не знаю, гдѣ живетъ баронесса. Да я-же никогда, прибавила она запинаясь, и не ходила одна со двора.

— Ахъ, матушки-свѣты! не прикажешь ли нанять лакея? Я, сударыня, магазейщица, человекъ мастеровой, и лакевъ не держу. Если ты не можешь ходить по улицѣ одна, безъ провожатаго, такъ ступай замужъ: богатый мужъ для жены и лакея найметъ.

Странно, слова эти произвели на дѣвушку совсѣмъ не то дѣйствіе, какого ожидала Аграфена Терентьевна. Лицо Паши покрылось яркимъ румянцемъ негодованія, и горькая, даже презрительная улыбка промелькнула на ея дрожащихъ губахъ. Откинувъ шитье въ сторону, она встала и, взглянувъ на тетку съ упрямомъ, сказала:

— Пожалуйте адресъ, я понесу платьѣ, и если мнѣ на долю выпалъ жребій ходить съ кардонками по чужимъ домамъ, я буду ходить, и какъ бы ни была горька моя жизнь, я все перенесу, но замужъ за вашего жениха не выйду никогда. Потомъ быстро схвативъ кардонку, она поспѣшно одѣлась и вышла изъ магазина.

Досада на племянницу за твердость, съ какою она переносила всѣ испытанія и упорно противилась ея волѣ, досада на саму себя, что такъ опрометчиво затѣяла дѣло, которое видимо не подвигалось впередъ, неустойка въ словѣ, данномъ Ильинишнѣ, и наконецъ сознание, что не всегда-то можно поставить на своемъ, вызвала у Аграфены Терентьевны, привыкшей къ безусловной покорности своего маленькаго курятника, всю желчь и досаду. Даже послѣ ухода племянницы она долго немогла успокоиться.

— Вишь ты, какая каменная дѣвченка! и въ кого только она уродилась такая упрямая! говорила она вслѣдъ молодой дѣвушкѣ. Мать была добрая, слушала меня, старшую сестру, во всемъ, отецъ — ну, да объ немъ и говорить нечего. Кабы отецъ не былъ слишкомъ добръ, такъ не была бы и ты такую блажною, а то бывало во всемъ потачка да поблажка, вишь ли, послѣдній грошъ шель ребромъ въ угоду тебѣ, баловница, немогъ налюбоваться, души не слышалъ въ тебѣ, а вотъ теперь что? Самому-то хорошо лежать, благо умереть, а вотъ я, за добрый совѣтъ выучить эту куклу какъ должно и наукамъ, и деликатному обращенію, теперь и майся съ нею! Да нѣтъ, голубушка, продолжала разгнѣванная магазинщица, стуча по окну, въ которое глядѣла вслѣдъ племянницѣ, нѣтъ, постой, погоди, ты тамъ себѣ финти, какъ хочешь, а ужъ я поставлю на своемъ; дала твоей матери слово, что не покину тебя, и не покину; сказала, что сдѣлаю счастливою, и ты себѣ хоть тресни, а выдамъ за богатаго, пристрою къ мѣсту. Но Паша не слышала словъ тетки, она была уже далеко отъ дома.

Плотно завернувшись въ драдедамовый бурнусъ и закрывъ лицо черною крѣпкою вуалью, воспоминаніемъ горькой утраты, Паша, поникнувъ головкою, шла очень быстро. Крѣпко придерживая вуаль, собранный въ густыя складки у самаго лица, она повременамъ неволью вздрагивала и со страхомъ оглядывалась на проходящихъ, какъ бы боясь встрѣтить когонибудь изъ знакомыхъ и быть узанною. Но страхъ молодой дѣвушки былъ напрасенъ, никто не обращалъ на нее вниманія. Не справляясь съ адресомъ, не спрашивая ни у кого, куда ей ити, она все под-

вигалась впередъ, какъ будто какое-то бессознательное чувство влекло ее все дальше и дальше, до тѣхъ поръ, пока, повернувъ въ одну изъ довольно большихъ улицъ, она очутилась предъ развалинами обгорѣвшаго дома. Усталость ли отъ непривычной скорой ходьбы, или другая какая причина заставила дѣвушку остановиться. Прислонясь къ забору противоположнаго дома, она оставалась на мѣстѣ, какъ прикованная. Картонка съ платьемъ, выпавъ изъ рукъ, лежала возлѣ; вѣтеръ, закрутя вуаль и отбросивъ его въ сторону, открылъ блѣдное лицо Паши, на которомъ изображалось отчаяніе. Казалось, что все въ мірѣ исчезло для нея, кромѣ этихъ почернѣвшихъ стѣнъ, къ которымъ она прильнула всею душою. Ей повидимому не было дѣла до проходящихъ, которые съ любопытствомъ заглядывали ей въ лицо; по щекамъ катились крупныя слезы; скрестя руки на груди, она тихо рыдала. Что привело дѣвушку къ этимъ развалинамъ и вызвало такую живую скорбь при видѣ ихъ? Можетъ быть, она знала обитателей этого дома, и воспоминаніе чего нибудь въ прошедшемъ такъ взволновали ее душу. Да, было время, когда молодая дѣвушка видѣла какъ въ этомъ домѣ текла жизнь веселая и спокойная, въ свѣтлыхъ его комнатахъ она помнила старика простаго, но добраго; помнила женщину, тоже не молодую, но радушную для чужихъ и составлявшую счастье родной семьи; помнила она посреди ихъ молоденькую дѣвушку, на которую и мужчины и женщины наглядѣться не могли, и дѣвушка эта, полная жизни и счастья, составляла съ стариками совершенную противоположность въ манерахъ, взглядѣ и желаніяхъ; она помнила, что старики, угадывая всякую мысль дѣвушки, и какъ бы въ душѣ сознавая ее нравственное преимущество предъ собою, почти безусловно подчинялись всеѣмъ ея желаніямъ и подчасъ младенческимъ капризамъ, и эта дѣвушка была она, теперь одиноко стоящая предъ развалинами своего счастья; у нее не оставалось ничего въ мірѣ: мать и отецъ лежали въ землѣ, и даже самыя эти развалины были достояніе другихъ.

Молодая дѣвушка помнила только это, но сосѣди сгорѣвшаго дома помнили еще многое, чего дѣвушка не могла помнить. Они помнили этотъ домъ далеко за тридцать лѣтъ до этого времени, когда еще молодой хозяинъ въ долгополомъ сюртукѣ и нѣмецкихъ сапогахъ съ выемками, въ видѣ сердечка, напередѣ, неутомимо, безвыходно хлопоталъ съ утра до поздней ночи въ трактирѣ, который получилъ отъ отца, какъ зорко слѣдилъ за приходомъ и расхо-

домъ, а молодая хозяйка, бѣлая и полная, какъ крупчатая булка, съ цвѣтною косынкою на головѣ, то и дѣло переходила съ огромною связкою ключей изъ ледниковъ въ погреба, и оттуда въ кладовыя, лично выдавая и принимая все, до послѣдней малости. Хозяйство этой четы въ тѣ поры шло, что называется на славу. Въ нѣсколько лѣтъ, въ которыя изъ молодой женщины неутомимая хозяйка превратилась въ степенную, дородную женщину, а у хозяина съ первымъ сѣдымъ волоскомъ появилось порядочное брюшко, капиталъ купца трактирщика тоже разросся не на шутку. Трактиръ Подшивалова приобрѣлъ громкую извѣстность не только въ околоткѣ, но и далеко въ окружности не имѣлъ себѣ соперника. Дѣла шли отлично, барышъ былъ большой, а между тѣмъ часто сиживаль за огромнымъ самоваромъ въ вечеру, когда выручка была уже сочитана и итогъ подведенъ, Подшиваловъ задумывался надъ аппетитною чашкою недопитаго чая, и Анна Терентьевна, тихо вздыхая, спрашивала: «Что это вы задумались, Василій Петровичъ?»

— Да вотъ, думаю, Анятушка, для кого это мы трудимся: родныхъ у насъ съ тобою, почитай, что никого нѣтъ, а дѣтками Богъ не благословилъ.

— А что, Василій Петровичъ, бывало проговорить краснѣя Анна Терентьевна, авось либо Богъ дастъ, что еще и будутъ.

— Ахъ, кабы да твоими устами медъ пить; хотя бы вотъ такого пузыря увидать поллѣ насъ, говорилъ Подшиваловъ, показывая рукою на аршинъ отъ полу и улыбаясь отъ одного предположенія жены; вѣришь ли Анята, кажись бы все на свѣтѣ отдалъ... душегрѣю спилъ бы тебѣ на соболяхъ, въ бурмитскихъ зернахъ такъ бы у меня по буднямъ и щеголяла... Право-слово.

И такіе разговоры часто возобновлялись между мужемъ и женою, а время все шло да шло, и завѣтная мечта не осуществлялась. Подшиваловы уже потеряли было надежду, какъ вдругъ Анна Терентьевна стала рѣже показываться на дворѣ, а если и выходила, то тепло закутанная, тихо и осторожно переступая съ ноги на ногу, а Василій Петровичъ, на вопросы знакомыхъ о здоровьи сожительницы, самодовольно поглаживая бороду, отвѣчалъ: «Ничего-съ, помалехоньку, еще бродить пока до времени.» И вотъ это время наступило; подъ ситцевымъ пологомъ съ фантастическими цвѣтами и разводами, однажды поутру раздался слабый крикъ ребенка, и Василій Петровичъ дотолъ на колѣнахъ молившійся въ сосѣдней комнатѣ предъ большею кивотою, вдругъ вскочилъ и ки-

нулся въ спальню къ женѣ, но видя, что дверь заперта, задыхаясь отъ радости, спрашивалъ, припавъ къ замочной щелкѣ и держась за сердце.

— Кого Богъ далъ, ради Бога скажите, кого Богъ далъ?

— Дочку, батюшка, Василій Петровичъ, дочку Господь вамъ даровалъ.

— Дочь! повторилъ Василій Петровичъ, благоговѣнно складывая руки предъ образами. Дочь, повторилъ онъ снова, какъ бы невѣря своему счастью. Благодарю тебя, Господи! всякъ даръ твой совершенъ! Ему не было дѣла въ эту минуту, сынъ ли у него родился или дочь, онъ зналъ только, что у него есть ребенокъ, и этого съ него было довольно. Въ этотъ день, въ первый еще разъ Подшиваловъ не повѣрялъ въ вечеру выручку, онъ даже не былъ въ трактиръ. Стану я гнаться за какими нибудь рублями, пусть попользуется кто хочетъ, коли есть охота, да совѣсти мало, а мы съ тобою, Анюта, теперь богаче всѣхъ на бѣломъ свѣтѣ, говорилъ онъ, радостно смотря на жену.

Съ этихъ поръ Анна Терентьевна уже почти не хлопотала по хозяйству, ребенокъ сталъ ея единственною заботою, тѣмъ болѣе, что другихъ дѣтей трудно было ожидать матери, которая переходила за грань сорока лѣтъ, и эту милость, посланную Богомъ, за долгія молитвы и терпѣніе, какъ выражался Василій Петровичъ, отецъ и мать берегли, что называется пуще глаза.

— Ну, куда, куда, матушка, говаривалъ обыкновенно Подшиваловъ женѣ, когда та порывалась иногда заглянуть на хозяйство, куда пойдешь отъ дѣла да къ бездѣлю. Еще чѣмъ нибудь, Боже оборони, растревожишься, а невинной-то душкѣ вредъ будетъ. Нѣтъ, ужъ у меня знай сиди съ дочерью, а хлопотать буду я за васъ, авось припасу про всѣхъ. Но и эти хлопоты, особливо въ первое время, когда еще счастливый отецъ не совершенно свыкся съ мыслию о существованіи ребенка, какъ-то шли не по прежнему. Въ трактиръ онъ ужъ только заходилъ по нѣскольку разъ въ день, даже выручку за частую ему приносили на домъ.

Лѣта шли, дитя росло, и одно, что печалило отца и мать, было то, что не смотря на всѣ сласти, которыми съ утра до вечера кормили дѣвочку, она оставалась постоянно худенькая, даже слабенькая. Сопутствуя всегда отцу и матери въ церковь, на гулянье, въ гости, Паша, какъ звали дѣвочку, развилась гораздо быстрее своихъ сверстницъ, и дикости, свойственной другимъ купеческимъ дѣтямъ, которыхъ, по обыкновенію, держатъ постоянно дома, въ за-

перти, въ Пашѣ вовсе не было замѣтно. Нѣкоторые осуждали Подшиваловыхъ за то, что они всюду таскали съ собою ребенка, говоря: «Посмотри, да она и теперь ужъ какъ взрослая ни кого не боится, и готова говорить хоть съ кѣмъ угодно;» но страстная любовь къ ребенку заставляла отца и мать не обращать на это вниманія. «Лучше посидимъ дома, Анята, а ужъ безъ Пашутки не пойдемъ,» обыкновенно говорилъ Василій Петровичъ, когда до него доходили толки знакомыхъ. А Анна Терентьевна и радехонька была этому, потому что ужасно боялась, чтобъ кто нибудь не сглазилъ ея сокровища. Дѣвочка тоже не просилась въ гости, потому что ей очень не нравилось обмыванье и опрыскиванье съ уголька, которому она подвергалась всякій разъ по возвращеніи откуда нибудь домой. За то сосѣди и знакомые вскорѣ начали величать ихъ нелюдыми, гордыми. Это было нѣкоторымъ образомъ первое зерно какой-то непріязни всѣхъ окружающихъ къ Подшиваловымъ. Не замѣчая ничего, семейство купца трактирщика, что называется, жило пригѣваючи. Дома любовь и довольство, въ дѣлахъ барышъ и порядокъ, чего же больше! Василій Петровичъ говорилъ:

— А пусть они себѣ тамъ, что хотятъ, то и лають, а ты себѣ живешь почище ихъ всѣхъ. Вотъ выростимъ Пашу, да Богъ дастъ выдадимъ замужъ, да еще какъ выдадимъ-то!

— Еще бы! отвѣчала Анна Терентьевна, съ любовью глядя на играющую дочь, такой умницѣ да красавицѣ да жениха бы хорошаго не сыскалось! Сотнями придутъ, пороги обобьютъ.

Паша была дѣйствительно прехорошенькій ребенокъ, ея живые выразительные глазки блистали такъ обаятельно, тонкія подвижныя черты показывали въ дѣвчкѣ душу впечатлительную и воспримчивую и вызывали ласку всѣхъ домашнихъ; всѣ страстно любили веселую дѣвочку. Одно, въ чемъ можно было упрекнуть ребенка, это необыкновенное любопытство, такъ, по крайности, называли это отецъ и мать. Дѣвочка хотѣла знать все; взгляды на каждую вещь раждалъ въ ея маленькой головкѣ вопросъ, часто приводившій въ тупикъ того, къ кому онъ относился; ее интересовало, почему ея кукла не разговариваетъ и не играетъ съ нею, когда у нея есть также голова, руки и ноги, и на отвѣтъ, что у человѣка есть душа, а у куклы нѣтъ, дѣвочка спрашивала снова: а что такое душа? Это ангель съ бѣленькими крылышками, бывало отвѣчала мать. А какъ же онъ дѣлаетъ, чтобъ я говорила и бѣгала? продолжала дѣвочка.

*

— Ну, оттого ты и говоришь, и бѣгаешь, душечка, что душа живетъ въ тебѣ.

— А гдѣ же она живетъ? спрашивала опять любопытная дѣвочка, я ее никогда не видала, когда она приходитъ ко мнѣ.

— Ее нельзя видѣть, пташечка, отвѣчала мать, ее никто не видитъ.

— Да почему же, мама, знаютъ, что она съ крылышками, когда ее никто не видалъ?

— Ахъ, Папа, какая ты, право! отвѣчала мать, по ограниченности понятій неумѣвшая пояснить ребенку вопроса: старые люди такъ говорятъ.

— А они почему, мама, знаютъ?

— Потому, матушка, что они старые люди, и все знаютъ.

— А я скоро буду старая? спрашивала дѣвочка.

Мать невольно смѣялась такому вопросу.

— Ахъ, ты крошка, крошка, не успѣла на свѣтъ выглянуть, а ужъ захотѣла старухой быть!

— Да, старыя все знаютъ, мама, въ какомъ-то раздумьи говорила дѣвочка, а я вотъ маленькая и ничего не знаю.

— Выростешь, Пашечка, и все будешь знать, лаская ее говорила мать: а пока знай играй себѣ, душка Божія.

Въ другой разъ занимала Пашу звѣздочка, такъ ярко горѣвшая въ далекой синевѣ, и хотѣлось знать малюткѣ, кто зажегъ ее на небѣ, и почему она такъ ярко свѣтится, а не свѣтитъ, и на отвѣтъ, что это ангелы Божіи зажгли огоньки на небѣ, дѣвочка спрашивала: «А на небѣ теперь тоже ночь, мама?»

— Нѣтъ, душечка, тамъ вѣчный день, а ночи нѣтъ.

— Зачѣмъ же огоньки зажгли?

— Такъ видно Богу угодно, чтобъ и тамъ огоньки горѣли.

— Но тамъ лѣто, мама, такъ зачѣмъ же огоньки горятъ?

— Ну, Пашутка, отъ тебя ничѣмъ не отдѣлаешься, говорила мать: стало такъ надо, и зачѣмъ тебѣ это нужно все знать?

— Хочется, мама, отвѣчалъ ребенокъ, уставя на звѣздное небо блестящія глазки, которыя горѣли въ эту минуту святымъ огнемъ любознанія.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ у Подшиваловыхъ родилась дочь, и въ эти десять лѣтъ въ домѣ все оставалось въ прежнемъ видѣ, таже плетеная и обитая ситцемъ съ большими разводами мебель, тѣже бѣлыя каленкоровыя съ бахрамою сторы на окнахъ, по обычаю большею частію до половины задернутыхъ.

узорчатыми кисейными полузанавѣсками, изъ-за которыхъ выглядывала на проходящихъ Анна Терентьевна, тотъ же шкафъ съ серебряною посудою, увѣнчанный тульскимъ пузатымъ самоваромъ, только кучи игрушекъ, разставленныхъ и раскиданныхъ по всѣмъ комнатамъ, измѣняли ихъ первобытный порядокъ. До десяти лѣтъ Пашу и не думали учить чему нибудь, и азбука съ картинками, купленная Васильемъ Петровичемъ, была назначена собственно для разсматриванія картинокъ, а не для чего инаго. Къ чему утруждать ребенка наукою, говорила мать, мы и такъ вѣкъ свѣковали, а между тѣмъ дѣвочка жадно схватилась за азбуку, и въ нѣсколько мѣсяцевъ почти безъ сторонней помощи выучилась читать, и читать довольно хорошо и бѣгло. Паша не выпускала изъ рукъ азбуки, и съ своей дорогой книжкой, какъ она говорила, не разставалась ни днемъ, ни ночью.

— Ужъ не приискать ли ей, Анюта, какого ни на есть учителя? спрашивалъ однажды Василій Петровичъ жену, вишь, она какъ радостно взялась за книжку.

— Ну, полно, какъ не стыдно, Василій Петровичъ! Ты бы ей еще въ пеленкахъ учителя-то нанялъ, что у насъ съ тобою развѣ много дѣтей, что ты ей и нагуляться-то не дашь; отвѣчала Анна Терентьевна, еще времени у Паши много впереди. И Богъ знаетъ еще сколько бы времени не пришелъ свѣтлый день умственного возрожденія хорошенькой Паши, еслибъ ничтожный, повидимому, случай, не заставилъ Василья Петровича рѣшиться на обученіе дочери грамотѣ.

Какъ-то весной, въ воскресенье послѣ обѣдни, Василій Петровичъ съ дочерью отправились погулять въ Кремлевскій садъ. На этотъ разъ Анна Терентьевна осталась дома, потому что къ обѣду ждала гостей. Весело подпрыгивая, бѣжала Пашенька подлѣ отца; розовое шелковое платье, перехваченное широкою лентою, нарядная шляпка, повитая разноцвѣтною гирляндюю, розовые башмаки, шитые золотомъ, и густые банты голубыхъ лентъ въ длинныхъ бѣлокурыхъ косахъ, вѣроятно, столько же радовали дѣвочку, какъ и предстоящая прогулка.

— Поди, побѣгай, Пашечка, говорилъ Василій Петровичъ, садясь на скамейку, когда они пришли въ садъ, но дѣвочка, оставаясь подлѣ отца, не двигалась съ мѣста, и съ какимъ-то робкимъ любопытствомъ слѣдила за дѣтьми, которые играли около дамы, сидѣвшей на противоположной скамейкѣ. Ихъ веселый хотѣ и живая болтовня, казалось, очень занимали малютку, и она

съ необыкновеннымъ вниманіемъ прислушивалась къ разговору дѣтей. Наконецъ взглянувъ съ недоумѣніемъ на отца, Паша тихо спросила:

— Что это, тятенька, по-каковски они говорятъ, что ничего не поймешь?

— Это, душечка, они на иностранномъ діалектѣ разговоръ ведутъ.

— Какъ мудрено, проговорила Паша, снова вслушиваясь въ непонятныя для нея слова. А что, тятенька, прибавила она, вы тоже умѣете такъ говорить?

— Нѣтъ, душка, насъ сьизмалу къ этому не приучали, къ нашему рукомеслу это не приходится, это только господа такъ говорятъ.

— А это все господа играютъ?

— Да, видишь, это барышни играютъ.

Ужъ болѣе четверти часа Паша была нѣмою свидѣтельницею игры дѣтей, въ это время еще нѣсколько маленькихъ товарищей присоединилось къ шумной толпѣ, и всѣ они веселой вереницей запорхали по широкой аллеѣ сада; одна только Паша безучастно стояла всторонѣ, ее только одну дѣти не приглашали въ свой кружокъ; но вотъ наконецъ это веселье, эта беззаботная радость дѣтей какъ будто сообщила Пашѣ; живые глазки дѣвочки заблистали сочувствіемъ. Слѣдя за игрою и она стала смѣяться, и вдругъ, отдѣляясь отъ отца, безсознательно прыгнула въ кружокъ дѣтей и радостно вмѣшалась въ ихъ игру. Въ минуту появленія новаго товарища своихъ забавъ, дѣти съ изумленіемъ посмотрѣли на Пашу, и вѣроятно чрезъ минуту ознакомились бы съ нею, но дама, которая наблюдала за дѣтьми, поспѣшно встала, и проговоривъ нѣсколько словъ окружающимъ малюткамъ, которыя заставили дѣтей отступить отъ дѣвочки, сказала сконфуженной Пашенькѣ: «Зачѣмъ, милая, лѣзешь сюда, пойдѣ прочь!» и потомъ, снова обращаясь къ дѣтямъ, прибавила; «Съ нею, mesdames, вамъ нельзя играть, это простая дѣвочка». Всѣ дѣти тихо отхлынули отъ Паши.

Съ минуту бѣдная дѣвочка, какъ прикованная, стояла посреди дорожки и съ изумленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, смотрѣла на удаляющихся дѣтей, но потомъ, вдругъ покраснѣвъ, кинулась къ отцу.

— Что съ тобою, Пашечка, что съ тобою, душка? спрашивалъ Василій Петровичъ, когда она подошла къ нему, отчего ты не играешь?

— Меня прогнали, тятенька, сквозь слезы отвѣчала сконфуженная малютка. Барыня не велѣла имъ со мною играть.

— Не велѣла, отчего?

— Оттого, что я, говорить, простая дѣвочка, отвѣчала Паша, утирая глазки.

— Межъ дѣтей нѣтъ ни простыхъ, ни полированныхъ, проговорилъ довольно громко вслѣдъ удаляющейся дамѣ, оскорбленный Подшиваловъ, лаская дочь. Что промежъ дѣтей за чванство такое, всѣ они Божія души. Простая! продолжалъ обиженный отецъ, она не простая, а купеческая дочка, и коли захотимъ, то чрезъ годъ будетъ такая же ученая барышня, какъ и ваши дѣти. Вѣдь не учеными же они родились, тоже чай учились, такъ не большая штука и мнѣ свою Пашу обучить и на иностранные языки, и всему другому, была бы только охота, а то еще почище васъ барышню-то поставимъ.

— Тятенька, голубчикъ, захоти, обучи меня, сдѣлай барышней, говорила дѣвочка, у которой ярко загорѣлись голубые глазки. Выучи меня такъ говорить, какъ они говорятъ, твердила Паша, лаская отца, я буду тогда бѣгать съ ними, буду играть, мнѣ тоже будетъ весело! продолжала она, съ грустію смотря на играющихъ дѣтей.

— Погоди, подрости маленько, а то право-слово обучу тебя, отвѣчалъ улыбаясь Подшиваловъ, и въ продолженіе всей дороги домой, Паша не переставала твердить, что она хочетъ быть барышнею, хочетъ учиться.

Василій Петровичъ, возвратясь домой, рассказалъ объ обидѣ, нанесенной какою-то мадамою его Парашенькѣ. Высокая, полная женщина, разряженная въ пухъ, которая была въ гостяхъ у Анны Терентьевны, обратилась къ нему съ упрекомъ:

— А что! сколько разъ я вамъ говорила, что Парашеньку надо учить, надо образовать, такъ вамъ, батюшка, все какъ къ стѣнѣ горохъ, а вотъ и выходитъ правда мои-то слова. Что вы изъ нея дѣлаете? мужичку, вотъ и чужіе говорятъ, что она мужичка, да и какъ прикажете ее назвать. Ни войти, ни поклониться, ни чего-то она не умѣетъ, а ужъ объ деликатномъ обращеніи и говорить нечего, просто съ виду точно простой какой ребенокъ. А одѣта-то какъ! продолжала она, осматривая грустно стоявшую дѣвочку: ужъ вы бы ей лучше сшили арлекинскій костюмъ, да она и такъ похожа на арлекина, что объ масляной показываютъ подъ качелями; видите, на ней и розовое, и голубое, и зеленое, а шляпка-то, прибавила она,

всплеснувъ руками, и эта моя шляпка! Пожалуйста, Аннушка, неговори никому, что эту шляпку я дѣлала, а то мнѣ придется магазию запереть!

— Да что же въ ней дурнаго, сестрица? проговорила Анна Терентьевна.

— Какъ, что дурнаго? запальчиво отвѣчала гостя, да все дурно! Гдѣ это ты набрала цвѣтовъ-то, вербу что-ли общипала, чтобъ такъ разукрасить шляпку? Ахъ, ты безстыдница, безстыдница! Ужъ если у самой нѣтъ смыслу разобрать, что хорошо, что дурно; такъ вѣрь хоть другимъ, кто, по милости Божіей, образованность имѣетъ и всякую деликатность, кто видѣлъ свѣтъ и знаетъ весь бонтонъ, продолжала она самодовольно охарашиваясь: хоть не срамила бы меня, одѣвая племянницу такимъ уродомъ.

— Да я, сестрица, думала...

— Ничего ты не думала, потому что не умѣешь думать; кабы стала думать, такъ слушалась бы меня, и держала бы себя съ приличіемъ.

— Да что же я такое дѣлаю? почти сквозь слезы отвѣчала Анна Терентьевна.

— Ничего недѣлаешь, вотъ то-то и бѣда; или нѣтъ, постой, бѣгаешь съ ключами, печешь пироги, и кормишь съ утра до вечера дочь сластями разными, ни сколько не заботясь о ней.

— Да что же мнѣ дѣлать, сестрица?

— Поумнѣть надо, пора! разсердясь, отвѣчала сестра.

— Полноте, Аграфена Терентьевна, сказалъ Василій Петровичъ, вступаясь за жену, да вы мою Анну совѣмъ съ панталыку сбили.

— Одного бьютъ, а другому навѣтки даютъ, отвѣчала Аграфена Терентьевна, которая повидимому пользовалась большимъ уваженіемъ въ семействѣ родныхъ, и не стѣняясь высказывала свое мнѣніе. Вы, Василій Петровичъ, мужчина и собственно ваше бы дѣло позаботиться о дочери.

— А я нешто не забочусь, сестрица?

— А какъ? то есть, поите, кормите, да чай приданое копите, а нѣтъ того въ разумъ взять, чтобъ сдѣлать изъ нея человѣка.

— Да что это ты, мать моя, развѣ она у меня волкъ какой? человѣкъ и есть, да еще хорошенькій какой!

— Да, матерія хороша, да фасону нетути.

— И фасонъ будетъ, улыбаясь говорилъ Василій Петровичъ, дайте срокъ, и учителя приищемъ.

— Много съ нею у васъ учитель сдѣлаеть, а вотъ я съ нею сама поговорю. Пашечка, хочешь, душка, учиться?

— Хочу, тѣтенька! весело отвѣчала дѣвочка.

— Я тебя отдамъ въ пансіонъ, къ мадамъ французской, хочешь тамъ съ барышнями учиться?

— Хочу, хочу, тѣтенька. А тамъ меня выучать такъ играть и говорить какъ тѣ, что были въ саду?

— Всему выучать, всему, всему, всему... сдѣлають настоящею барышнею.

— Хочу, хочу, прыгая и смѣясь твердило дитя, и Аграфена Терентьевна торжественно заключила: «Изъ Паши будетъ толкъ, вся пошла по мнѣ, такъ въ бонтонъ и мѣтитъ.»

Къ вечеру того дня участь Паши была рѣшена. Аграфена Терентьевна не уѣхала домой, не настоявъ на томъ, чтобъ Пашу отдали въ пансіонъ. О, эта Аграфена Терентьевна, какъ говоритъ, была бой-баба, и не легко отказывалась отъ задуманнаго ею однажды; во чтобъ то ни стало, а она почти всегда приводила свой планъ въ исполненіе. Владѣя магазиномъ съ шляпками, въ одной, хотя довольно отдаленной части города, за Москвою рѣкой, она слыла въ своемъ кружкѣ, между мелкимъ купечествомъ, извѣстною «Маршандъ де-модю», такъ всѣ они ее называли, такъ значилось и на вывѣскѣ магазина, предъ которымъ раза два въ годъ, а иногда и болѣе, останавливалась карета, запряженная цугомъ. Стало быть, заѣзжали въ магазинъ къ Аграфенѣ Терентьевнѣ и важныя барыни. Что за дѣло, любопытство ли заглянуть въ магазинъ съ курьезною вывѣскою, или мелкій расчетъ достать повыгоднѣе нарядъ, или отдать сшить подешевле незатѣйливое платье, привлекало къ ней госпожъ, разъѣзжающихъ въ каретахъ цугомъ, но гордая подобною честію *Маршандъ-де-мода*, знала, что у нея были знатныя барыни, сосѣди это видѣли, и если въ подобный день кто нибудь изъ нихъ являлся къ ней съ просьбою вычистить, или передѣлать старый чепчикъ, она обыкновенно говорила: «Помилуйте, когда мнѣ возиться съ этимъ старьемъ, видите, за мною пріѣзжаютъ, вотъ еще сегодня приданое заказала графиня... Фамилія ее не затрудняла, и первая графская фамилія выступала на сцену. Впрочемъ, не смотря на эту отговорку, старые чепцы и шляпки оставались въ магазинъ для передѣлки, и ни одна работа не ускользала изъ рукъ смѣтливой магазинщицы. Но за то, въ силу остановившейся у ея дверей кареты, лишній рубль перепадаль въ карманъ ловкой Маршандъ-

де-моды. Вѣрили ея успѣхамъ у знатныхъ зять и сестра, которыхъ домъ былъ едвали не далѣе двухъ верстъ отъ магазина, или невѣрили, неизвѣстно, но по старинной пословицѣ, что *хвастливаго съ богатымъ не спознаешь*, Аграфена Терентьевна пользовалась большимъ уваженіемъ у родныхъ, и совѣты ея принимались безотговорочно. Къ тому же она никогда ничего не просила у зятя, а напротивъ, небольшіе подарки племянницъ, какъ-то шляпки и затѣйливые бурнусы, обязывали родныхъ невольною благодарностью къ знаменитой Маршандъ-де-модъ. На другой же день Аграфена Терентьевна кинулась по домамъ, на которые работала, за свѣдѣніями на счетъ пансіона, и по большинству собранныхъ ею голосовъ, былъ выбранъ одинъ изъ извѣстныхъ пансіоновъ. Аграфена Терентьевна условилась съ содержательницею въ цѣнѣ, требуя притомъ, чтобъ Пашу выучили всѣмъ наукамъ и даже тому, чего другіе не знали. Такимъ образомъ, спустя пять дней, Паша, напутствуемая благословеніями и слезами родныхъ, впервые выпорхнула изъ отцовскаго дома.

Нѣсколько дней съ какимъ-то страннымъ изумленіемъ дѣвочка вглядывалась въ свою новую жизнь и была отуманена постояннымъ движеніемъ, полнымъ то безпечной веселости и задушевнаго смѣха, то серьезныхъ занятій и сосредоточеннаго вниманія; но вскорѣ дитя вглядѣлось и вслушалось во все, и всею душою прильнула къ наукамъ. Новый міръ, въ которомъ она нашла разгадку тѣхъ напрасныхъ вопросовъ, которые доселѣ тѣснились въ ея любознательной маленькой головкѣ, совершенно завладѣлъ всѣмъ ея существомъ. Паша съ жадностью ловила каждое слово, каждый звукъ, которые развивали, разъясняли ея понятія. Вниманіе и прилежаніе, съ которыми училась дѣвочка, и ея необыкновенныя способности обратили на нее особенное вниманіе учителей и содержательницы пансіона, и съ помощію благъ, которыя въ видѣ чепцовъ, шляпъ и разнородной провизіи сыпались на начальницу и на гувернантокъ, Паша сдѣлалась любимцею всего заведенія. Подруги сначала забавлялись ея неловкостью, наивностью и странными манерами; но это не огорчало Пашу, она кротко сносила шутки подругъ и усердно дѣлилась съ ними лакомствами, изъ туго набитаго узелка, ежедневно доставляемаго въ училище старухою нянькою. Мало по малу подруги сдружились съ нею, полюбили, и съ ихъ помощію она преодолѣла начальныя трудности ученія и непримѣтно стала обгонять ихъ и служить примѣромъ для своихъ же прежнихъ наставницъ. Необыкновенная память,

свѣтлый умъ, воспріимчивость воображенія помогали ей преодолѣвать всѣ трудности; она съ любовью и жаромъ, почти несвойственными ея лѣтамъ, пользовалась каждымъ урокомъ, и шла быстро впередъ, какъ бы желая наверстать время, утраченное въ прошедшемъ своемъ прозябаніи. По мѣрѣ того, какъ Пашенька нравственно развивалась, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ новыя познанія, въ домъ ея отца происходила тоже перемѣна: слово *барышня*, которое родные утвердили за Пашею съ самой минуты ея вступленія въ пансіонъ, какъ-то странно дѣйствовало на внутренній порядокъ ихъ домашняго быта, и внесло какую-то ересь въ это патриархальное семейство. Началось съ того, что взяли горничную, о которой прежде и не думали, потому что, новой барышнѣ нужно было крахмаленное платье, надо было ее каждый день одѣть, и главное, завить, а въ домъ Василья Петровича этого никто не умѣлъ; да и какъ барышнѣ быть безъ горничной, говорила тетка, умная Маршанъ-де-модъ. Въ слѣдствіе горничной Анна Терентьевна начала рѣже посѣщать кухню, и то только на минуту, сладкіе пироги и здобныя ватрушки перешли во власть кухарки. И въ самомъ дѣлѣ, не прилично же барышнинной матери валять пироги, пожалуй, еще горничная осудить и не станетъ Пашу уважать, тѣмъ болѣе, что на бѣду, горничная ихъ всегда жила по знатнымъ домамъ, какъ она разсказывала, гдѣ барыни не занимались кухоннымъ мастерствомъ. Любовь къ дочери заставила мать отказаться отъ хозяйства и передать все мало по малу на руки Ивановны, Пашенькиной нянькѣ. Костюмъ Анны Терентьевны тоже измѣнился: скромную косынку, которая такъ ловко обхватывала ея голову, замѣнилъ вычурной чепецъ съ затѣйливыми бантами, который не находя точки опоры на непривычной головѣ, то съѣзжалъ внизъ до бровей, то спускался на самый затылокъ, и когда подобное путешествіе чепца по головѣ надоѣдало Аннѣ Терентьевнѣ, она прибѣгала обыкновенно къ крайней мѣрѣ, и крѣпко стягивала широкія ленты у подбородка, не смотря на то, что ленты отъ этого мялись и душили ее. Но что было дѣлать, нельзя же барышнинной матери ходить въ косынкахъ, тѣмъ болѣе, что класныя дамы изъ пансіона, гдѣ воспитывалась Паша, по приглашенію Анны Терентьевны, часто заходили къ нимъ въ домъ. Лучше приласкать ихъ, думали отецъ съ матерью, такъ онѣ все же лишній разъ побалуютъ ребенка, и чепецъ, по мнѣнію ихъ, былъ необходимъ при такихъ гостяхъ, чтобъ не унижить дочери косынку.

У Подшиваловыхъ до этой эпохи былъ очень простой экипажъ, дрожки время отъ Очаковскихъ, и пошевни съ нижегородскимъ ковромъ, да одна лошадь, и этого было слишкомъ довольно для неприхотливаго семейства, чтобъ съѣздить въ праздникъ къ обѣднѣ, и потомъ завернуть куда нибудь по пути къ знакомымъ, на воскресный пирогъ. Теперь дѣло было другое: нельзя же дочь-барышню возить въ пансіонъ въ дрожкахъ, да еще въ однокалиберныхъ, тѣмъ болѣе, когда ея подруги всѣ почти ѣздили въ каретахъ и коляскахъ. Чѣмъ же она хуже ихъ! еще, пожалуй, станутъ смѣяться надъ ребенкомъ, думали Подшиваловы. И вотъ пара красивыхъ лошадей ввезла новенькую щегольскую коляску; правда, экипажъ и лошади стоили довольно дорого, но что же было дѣлать, если этого требовала необходимость; не унижить же дочери изъ какой нибудь лишней тысячи. Старая мебель тоже пострадала отъ нововведенія. Массивные стулья, крытые кожей и клеенкою, были запрятаны куда-то на чердакъ, и новенькая щегольская мебель, обтянутая новомоднымъ ситцемъ, красиво размѣстилась около стѣнъ приемныхъ комнатъ. Большія свѣтлыя зеркала замѣнили прежнія, отъ времени потускнѣвшія, съ рамами источенными червяками, зеркальца, отражавшія въ себѣ когда-то физіономіи дѣдушки и бабушки Василя Петровича. Только внутренніе покои все еще нѣсколько времени сохраняли свою первобытную простоту, да въ спальнѣ по-прежнему въ углѣ гора пуховиковъ громоздилась подъ ситцевымъ занавѣсомъ съ фантастическими разводами. Но, увы, нѣтъ ничего прочнаго въ этомъ мірѣ! Прошло нѣсколько лѣтъ, Пашенька изъ любопытнаго ребенка преобразовалась въ молодую прекрасную дѣвушку, полную ума и познаній, и когда въ эти лѣта, смотря по успѣхамъ дочери и по эффекту, который она производила на окружающихъ, Василій Петровичъ смѣнялъ ситецъ на шерсть, шерсть на атласъ, атласъ на бархатъ, то и старый занавѣсъ уступилъ мѣсто штофному балдахину, предъ которымъ новомодныя ширмы окружили пуховую постель, съ которою однакожь никакъ не могли разстаться Василій Петровичъ и Анна Терентьевна; не смотря на то, что даже нѣмецъ обойщикъ, обивавшій за-ново мебель, говорилъ, что это не въ модѣ. Балъ, данный Подшиваловыми въ день рожденія шестнадцатилѣтней Паши, довершилъ окончательное преобразование всего дома и его хозяевъ. Всѣ почти подруги молодой дѣвушки съ семействами были приглашены на этотъ праздникъ, и Василій Петровичъ не щадилъ ничего, чтобъ не удариться лицомъ въ грязь.

Новое, дотоле небывалое общество наполнило домъ Подшивалова. Въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ размѣстились гости, изъ которыхъ многіе пріѣхали изъ любопытства взглянуть на купеческій балъ, и всѣ вообще повеселиться на чужой счетъ. Много и хорошо веселились гости у Василья Петровича. Угощенію и поклонамъ не было конца. Василій Петровичъ и Анна Терентьевна не успѣвали, проталкиваясь между танцующими, подчивать гостей, первый виномъ, а вторая сладостями, усердно кланяясь и прося не побрѣзговать, чѣмъ Богъ послалъ. Они не отставали до тѣхъ поръ, пока рюмки не выпивались до дна. Не многимъ только, самымъ упорнымъ, удавалось отдѣлаться половинкою, вновь долиною и съ поклономъ предлагаемою слѣдующему гостю. Чтоже касается до дамъ, то Анна Терентьевна просто клала на колѣна фрукты, виноградъ и конфеты тѣмъ изъ нихъ, которыя не хотѣли брать, говоря «хотя домой отвезите, дѣткамъ». Не смотря на эти небольшія странности, гости разѣхались, весьма довольные баломъ, и съ этого дня знакомство Подшиваловыхъ значительно расширилось. Многія нашли знакомство съ Васильемъ Петровичемъ очень *интереснымъ*, молодые же люди всѣ провозгласили Пашу красавицею и богатою невѣстою. Съ этого времени домъ Подшиваловыхъ началъ представлять нѣчто въ родѣ моднаго магазина, все, что старикъ встрѣчалъ въ другихъ домахъ, онъ спѣшилъ завести у себя, не заботясь, идетъ ли это къ его быту или нѣтъ.

Различныя экипажи и заводскія лошади наполнили вновь выстроенныя конюшни и сарай, отъ которыхъ богатая чугунная рѣшетка отдѣлила самый домъ и садъ Василья Петровича; нельзя было иначе поступить: не жить же на одномъ дворѣ съ трактиромъ.

Пашу начали вывозить въ собраніе, и рой поклонниковъ заужжалъ около молодой, богатой невѣсты. Счастливые отецъ съ матерью ужъ и не думали о купцѣ, нѣтъ, настоящая барыня, еще пожалуй и графиня будетъ наша Пашечка, мечтали они, и по этому почти совершенно отдѣлились отъ прежняго круга, и развѣ только по дѣламъ или случайно сходились съ прежними знакомыми. Отъ прежняго Василья Петровича осталась только бородка, съ которою онъ не могъ да и не находилъ нужнымъ разстаться, а напротивъ, еще какъ будто гордился ею, и часто, поглаживая ее, говаривалъ: «Да-съ ничего-съ, мы-съ купцы, а вотъ дочка-то у насъ по ученѣй иной княжны, да и живемъ-то мы такъ-себѣ, ничего-съ. Иной разъ и съ генераломъ встрѣтишься, и онъ руку жметъ; и на вербы выѣдешь, такъ всякіе господа верхами подѣзжаютъ къ экипажу;

и въ собраніи почетъ особенный; а вечеръ коли, такъ у меня четверками кареты весь переулокъ запрудяютъ, и вся лѣстница, примѣрно, въ ливрейныхъ. Вотъ оно что!» Василій Петровичъ давно уже сдалъ трактиръ на руки прикащика, и только изрѣдка заходилъ въ заведеніе, и то когда обыкновенно посѣтители тамъ перемѣжались. Онъ находилъ не совсѣмъ приличнымъ, при положеніи, въ которое онъ поставилъ себя, толкаться, какъ онъ говорилъ, за прилавкомъ. Онъ жилъ пригѣваючи, что называется *бариномъ*, и по вечерамъ только, у себя въ кабинетъ, (у него былъ тоже отдѣльный кабинетъ), принималъ прикащика, отъ котораго получалъ деньги, вырученныя за день. Правда, когда Паша подросла и сдѣлалась невѣстою, Василій Петровичъ сталъ задумываться, и часто молча и грустно по цѣлому часу ходилъ изъ стороны въ сторону по кабинету; но причина этой задумчивости была неизвѣстна въ семействѣ: забота ли о судьбѣ любимой дочери, или торговая дѣла наводили на него грусть, никто этого не зналъ, и слова, которыя какъ бы невольно срывались у него съ языка: «А что дѣлать, ужъ теперь нельзя на попятную» не объясняли ровно ничего. Анна Терентьевна, привыкнувъ къ новому образу жизни, продолжала кутаться въ дорогія шали и кружева, и вся ея забота сосредоточилась на томъ, какъ бы нарядить дочь, чтобъ не отстать отъ другихъ. Ключи, соленья, варенья и моченья потеряли для нея всякое значеніе, да и зачѣмъ идти противъ воли мужа, когда ему угодно такъ жить, говаривала она сестрѣ, когда та, бывало, иной разъ и замѣтитъ, что все-таки не мѣшало бы приглянуть за поваромъ и ключницею. Слова ея уже уважались не по-прежнему, и извѣстная Маршандъ-де-модъ потеряла въ семействѣ сестры тотъ вѣсъ, которымъ пользовалась до тѣхъ поръ. На балы и торжественные вечера ее не приглашали, изъ первопочетной она стала на задній планъ, и невольно смирилась предъ тѣмъ блескомъ, который окружалъ сестру. Она считала уже за отличіе и то, если иногда просили ея совѣта въ какомъ нибудь нарядѣ, и съ радостью одѣвала сестру и племянницу на ихъ домашній балъ, на который сама никогда не попадала.

Но она умѣла поддержать свою амбицію и, не дожидаясь приглашенія, сама всегда отказывалась, подъ тѣмъ предлогомъ, что не хочетъ заводить короткаго знакомства съ барынями, которыя вѣроятно захотятъ потомъ все заказывать у нея въ магазинѣ. Знакомымъ-де ужъ не ловко будетъ отказать, а она-де и съ прежними господами не знаетъ, какъ справиться. Умная мага-

зинщица поняла, что у зятя она была лишняя и, не желая уронить своего достоинства, съ честію уклонялась отъ унижительной для нея роли.

Что же касается до Паши, то молодая дѣвушка беззаботно предавалась всѣмъ удовольствіямъ, которыя ее окружали, тѣмъ болѣе, что дома ей было скучно, а съ родными, которыхъ она любила всею душою, ей было какъ-то неловко, какъ-то тяжело, потому что она чувствовала все ихъ невѣжество и не могла равнодушно смотрѣть на всѣ предразсудки, руководившіе ихъ поступками и помышленіями.

Она поневолѣ должна была таить отъ нихъ много живыхъ чувствъ и впечатлѣній, зная, что они ее не поймутъ, потому что все, что ее занимало, радовало, волновало, было чуждо ихъ воззрѣніямъ. Отъ этого сосредоточенія въ самой себѣ, характеръ ея сформировался ранѣе обыкновеннаго; она по необходимости должна была болѣе думать, чѣмъ говорить. Паца очень рано, какимъ-то инстинктомъ поняла, что общество, къ которому она случайно прильнула, было не ея общество; она старалась дополнить неравенство сословія равностыю понятій и образованія, но бѣдное дитя не могло знать, что просвѣщеніе и познаніе еще не уравниваютъ людей.

Въ пансіонѣ Паша подружилась съ одною молодою дѣвушкою, дочерью генерала Стрѣльнева, и быть съ нею предпочитала всѣмъ баламъ и собраніямъ. У Стрѣльневыхъ очень любили молодую дѣвушку, это былъ одинъ изъ тѣхъ барскихъ домовъ, гдѣ люди цѣнились по личному достоинству, а не по количеству движимаго и недвижимаго имущества, гдѣ уважались образованіе, умъ и таланты, однимъ словомъ, это былъ домъ женщины истинно образованной, которая понимала высокое назначеніе человѣка, и все прекрасное въ человѣкѣ находило теплое сочувствіе въ ея душѣ, полной благородныхъ порывовъ и самосознанія. Генеральша Стрѣльнева очень любила Пашу, и принимала въ судьбѣ ея большое участіе, какъ бы предугадывая, что молодой дѣвушкѣ, образованной гораздо выше своего сословія, въ жизни встрѣтится много невзгодъ. Она даже было пробовала вырвать Пашу изъ родной семьи, и, уѣзжая съ дочерью за границу, сама ѣздила къ Подшиваловымъ, чтобъ уговорить ихъ отпустить дочь съ нею, говоря что это для Паши будетъ очень полезно, и что она будетъ заботиться объ ней, какъ о дочери. Но Василій Петровичъ и жена его пришли въ ужасъ отъ одной только мысли разстаться

съ ненаглядною Пашенькой и отпустить ее на нѣсколько лѣтъ, въ нѣмечину, къ нехристямъ.

Паша часто гостила у Стрѣльневыхъ по нѣскольку недѣль. Правда, скучали старики безъ дочери; но какъ было отказать генеральшѣ, и при случаѣ не сказать кому нибудь мимоходомъ, что «моль де Пашута гостить у ея превосходительства», да и къ тому же это было не Богъ знаетъ какъ далеко, а теперь надо было ее отпустить и нивѣсть куда, пожалуй еще и за море! Ну, ужъ на это Подшиваловы никакъ не могли согласиться, и хотя съ поклонами, а рѣшительно отказали генеральшѣ. Паша со слезами простилась со Стрѣльневыми, въ домѣ которыхъ ей было такъ тепло и привольно, и гдѣ она, между многими, увидѣла кого-то, кто въ первый разъ въ жизни заставилъ зашевелиться ея сердце. Хотя видѣніе, пахнувшее на нее обаяніемъ новаго, неиспытаннаго прежде чувства, было очень мимолетно, но это видѣніе, какъ сладкій сонъ, часто волновало ея воображеніе. Легкія облачка, говорятъ, предвѣщаютъ большую тучу; маленькое горе—большую бѣду, такъ случилось и съ Пашею. Вскорѣ послѣ отъѣзда Стрѣльневой, молодой дѣвушкѣ суждено было испытать горькую утрату. Анна Терентьевна захворала и умерла. Первое горе всегда самое большое, и человѣкъ, какъ непривычный боецъ, падаетъ въ первой битвѣ: не умѣя еще соразмѣрять своихъ душевныхъ силъ, весь отдается врагу. Такъ было и съ Пашею: казалось, вся душа дѣвушки разбилась о гробъ матери, вся жизнь готова была вылиться съ горькими слезами. Бѣдное дитя не полагало, что въ жизни много невзгодъ, и что горе не вдругъ убиваетъ человѣка, а каждый ударъ отдѣльно беретъ свою часть изъ души и тѣла. Послѣ матери заболѣлъ отецъ, а наконецъ и его не стало, и послѣ него бѣдная дѣвушка осталась, въ полномъ смыслѣ сиротою, то есть, безъ покрова, безъ пріюта и безъ помощи. А что дѣлать, надо жить, когда живется! говорили сосѣди, когда вспоминали про Пашу, пока еще объ ней не забыли. И Паша жила.

Въ минуту нашего разсказа, Москва постепенно пустѣла. Наступившая весна вызывала богатыхъ людей куда нибудь за городъ, подышать чистымъ воздухомъ, пожить хотя нѣсколько мѣсяцевъ для самихъ себя, что называется *на распашку*, не заботясь ни объ условіяхъ свѣта, ни о людскихъ толкахъ. Дворянскія фамиліи отправлялись въ свои дальнія помѣстья, и брички и повозки, нагруженные подушками, перинами и горнич-

ными, каждый день вереницею тянулись за каретами и дормезами, въ разные заставы.

Въ немногихъ только гостиныхъ, по-прежнему, проявлялась жизнь, но и тутъ покрытые чехлами мебели и закутанные кисеею люстры ясно показывали, что хозяева готовы были оставить Москву, и гости, по бôльшей части, являлись къ ней съ прощальными визитами.

Въ одной изъ такихъ гостиныхъ, поутру сидѣла на диванѣ дама—неопредѣленныхъ лѣтъ въ модномъ свѣтѣ. Богатый утренній нарядъ, непринужденность обращенія и гордый, самоувѣренный взглядъ показывали, что она принадлежала не къ среднему кругу. Она не очень ласково и внимательно разговаривала съ молодымъ человѣкомъ, почтительно сидѣвшимъ подлѣ нея. По временамъ только, и то незамѣтно, дѣлала она нетерпѣливыя движенія и строго поглядывала на молоденькую дѣвушку, которая беззаботно разсматривая и отбирая ноты на великолѣпномъ рояльнѣ, иногда вмѣшивалась въ разговоръ.

— Такъ вы, Monsieur Торновъ, точно хотите нынче лѣтомъ ѣхать въ Саратовъ? говорила дама, обращаясь къ молодому человѣку, сидѣвшему въ креслахъ со шляпою въ рукѣ.

— Непремѣнно ѣду, баронесса. Я рѣшился осмотрѣть Саратовскія помѣстья, которыя получилъ послѣ дяди, и которыхъ еще никогда не видалъ.

— А много вы получили?

— Слишкомъ тысячу душъ.

Дама ласково улыбнулась, прибавя: «Очень жаль, а я было думала, что вы будете жить у себя на дачѣ, и хотѣла пригласить васъ, Аркадій Петровичъ, къ себѣ въ подмосковную, отсюда недалеко: всего сто съ небольшимъ верстъ. Это мое любимое имѣнiе, просто рай, мѣстоположеніе какъ въ Швейцаріи; англійскій паркъ—нескончаемый, и огромный строевой лѣсъ.

— Но вѣдь его весь вырубилъ, прошлымъ годомъ, тотъ купецъ, которому вы его продали, ma tante...

— Какое же весь, ma chère, отвѣчала баронесса, взглянувъ съ досадою на дѣвушку: только нѣсколько деревъ, для того, чтобы сдѣлать проську и открыть прекрасный видъ на рѣку и на деревню, которую лѣсъ закрывалъ отъ насъ.

— Ахъ, ma tante, какой же это прекрасный видъ: съ одной стороны деревни видны двѣ черныя, развалившіяся избы...

— Да развѣ для мужиковъ строить виллы?

— Ну, не вилы, *ma tante*, а все таки... И дѣвушка, не договоря, стала тихо напѣвать мотивъ лежащаго передъ нею вальса.

— Я увѣренъ, баронесса, что у васъ я проведу бы много приятныхъ часовъ, и что въ нашей глуши мнѣ придется очень скучать, отвѣчалъ гость, но что же дѣлать: имѣнія нельзя оставить безъ присмотра.

— Совершенная правда, тѣмъ болѣе, что на управляющихъ нельзя полагаться. Я вотъ тоже съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда Богъ дастъ пристрою Лидію, чтобъ сдать все имѣніе на руки ея мужа: мужчина въ этомъ отношеніи распоряжается гораздо лучше насъ.

Покойный мой мужъ, который былъ удивительный агрономъ...

— Ахъ, *ma tante*, вы забыли, дяденька ненавидѣлъ деревенскую жизнь!— снова прервала баронессу молодая дѣвушка.

— Ты, *ma chère* Лиди, ничего не понимаешь, и вмѣшиваешься въ разговоръ, сказала баронесса, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе: можно не любить деревенскую жизнь и быть отличнымъ хозяиномъ.

— А что, баронесса, недумаете ли вы опять когда нибудь съѣздить за границу? спросилъ Торновъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Какъ скоро сдамъ имѣніе на руки Лидіи, то думаю поѣхать разсѣяться и отдохнуть отъ дѣлъ.

— *Merçi ma tante*, но только я не возьму вашего изукрашеннаго имѣнія, перебила снова, повидимому, избалованная дѣвушка.

Баронесса покраснѣла, а гость не могъ скрыть невольной улыбки, и желая перемѣнить разговоръ, не давъ баронессѣ времени возразить на слова Лидіи, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ: А вы, Лидія Николаевна, все по-прежнему окружены нотами!

— Да, отвѣчала дѣвушка, вотъ отбираю, что съ собою взять въ деревню.

— Вы все такая же страстная музыкантша?

— Да, я люблю музыку, хотя играю довольно плохо, сказала дѣвушка, мило улыбнувшись.

— У нея сегодня духъ противорѣчія во всемъ, отозвалась баронесса, желая показать, что дѣвушка по этой причинѣ находится во всемъ дурное.

— Нѣтъ, право, я играю не хорошо, чистосердечно сказала дѣвушка. Вотъ у насъ въ пансіонѣ была Паша Подшивалова, та играла отлично, лучше всѣхъ насъ.

— Я ее, кажется, прошлаго года слышалъ у Стрѣльневыхъ.

— Ужъ разумѣется, гдѣ же, кромѣ Стрѣльневой, можно слышать подобныя таланты! насмѣшливо возразила баронесса. Madame Стрѣльневъ кажется задалась правиломъ сзывать къ себѣ въ домъ всѣ оборванные таланты. И какъ не стыдно ей наполнять домъ подобными людьми, къ ней непріятно даже пріѣхать, потому что не знаешь, съ кѣмъ тамъ встрѣтишься въ гостиной.

— А нѣтъ, у нея прекрасное общество, баронесса, отвѣчалъ гость, и на вечерахъ у Стрѣльневыхъ бываетъ очень пріятно.

— Еще бы, съ ея средствами заставить гостей скучать; но странная идея или причуда—покровительствовать всѣмъ и всякому безъ изыятія, не справясь, кто и что онъ.

— Она любитъ таланты, баронесса, и покровительствуетъ просвѣщенію, отвѣчалъ Аркадій Петровичъ.

— А, вы думаете, что она изъ любви къ какому-то искусству такъ поступаетъ? Просто хочетъ выказаться, заставить объ себѣ говорить.

— Не думаю. Сколько я замѣтилъ, она мало заботится о томъ, что объ ней говорятъ.

— А лучше, когда бы она объ этомъ позаботилась, тогда, по-крайней-мѣрѣ, не прослыла бы чудихою.

— Но ее никто такъ не называетъ, отвѣчалъ молодой человекъ; домъ Стрѣльневой вездѣ уважается, и многіе ищутъ ея знакомства.

— Помилуйте, Аркадій Петровичъ, кто же это? Вотъ я, напримѣръ, очень хорошо знаю, что никогда не сойду съ нею, потому что уважаю себя и ни за что не захочу вмѣшаться въ толпу, ее окружающую. Мужчина совсѣмъ другое дѣло, прибавила она, спохватясь и вспомя, что Торновъ хорошо знакомъ съ генеральшей Стрѣльневой: вамъ все дозволено, и встрѣтитесь ли вы у нея съ актеромъ, плясуномъ или вольнопрактикующимъ талантомъ, вамъ это ничего, но дамѣ—другое дѣло. Куда какъ мнѣ было бы весело сѣсть рядомъ съ какою нибудь актрисою или лавочницею.

— Ни при покойномъ генералѣ, ни теперь я не встрѣчалъ у нея ничего подобнаго, отвѣчалъ, улыбаясь Торновъ.

— А эта, какъ ты ее назвала, Лиди? Подошвина, Подметкина, что ли? чтожъ она, какъ не лавочница, которая можетъ будетъ торговать башмаками на рынкѣ.

— Ахъ, ma tante, какія вы странныя, да Подшивалова гораздо богаче насъ.

— А ты какъ можешь знать, богата она или нѣтъ?

— Очень могу, *ma tante*. Напримѣръ, у Monsieur Тюбе только она да Стрѣльнева и учились отдѣльно на фортепяно, а мнѣ нельзя было, потому что мама говорила, что для меня онъ очень дорогъ. Стало, она богаче меня! смѣясь, проговорила дѣвушка.

— Если послушать тебя, то Богъ знаетъ, что можно подумать о нашемъ состояніи! Срубленныхъ три дерева твоему воображенію представляются цѣлымъ лѣсомъ и наконецъ, ты сама не въ состояніи уже платить какому нибудь Тюбе за уроки. Какая ты смѣшная! Согласись, что Аркадій Петровичъ долженъ получить прекрасное понятіе о нашемъ состояніи, проговорила баронесса, съ улыбкою глядя на Лидію; но только предъ этимъ взглядомъ молодая дѣвушка невольно опустила голову и покраснѣла, хотя баронесса продолжала попрежнему улыбаться. А все это отъ пансіонскаго воспитанія, прибавила она, обращаясь весело къ гостю, гдѣ онъ до шестнадцати лѣтъ остаются наивными до глупости. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее опекунша послѣ сестры, я не могу приучить ее смотрѣть на вещи правильно: все еще ребенкомъ остается. Одно только—прибавила она, понизивъ голосъ и относясь къ молодому человѣку,—мирить меня съ пансіонскимъ воспитаніемъ: онъ тамъ приучаются къ покорности и къ исполненію своего долга, а это очень хорошія данныя для счастья ихъ будущихъ мужей.

Легкое наклоненіе головы было ей отвѣтомъ на эту фразу; но неизвѣстно, что заставило молодого человѣка сдѣлать это движеніе: соглашался ли онъ съ мнѣніемъ баронессы, или хотѣлъ скрыть невольную улыбку, которая такъ не кстати мелькнула у него на губахъ. Настало минутное молчаніе.

— Кажется, погода хочетъ испортиться, началъ снова гость, а очень непріятно ѣхать въ дурную погоду, да еще такъ далеко, какъ мнѣ.

— Да, тучи собираются очень некстати, отвѣчала баронесса, и я бы давно уже выѣхала въ свою подмосковную, но меня задержала портниха. Извѣстные магазины у насъ теперь такъ завалены работами, что поневолѣ опаздываютъ.

— Портниха изъ магазина принесла платье, доложилъ ливрейный лакей.

— Введи ее въ залу, сказала баронесса, вставая съ дивана. Аркадій Петровичъ, вы знатокъ въ женскихъ нарядахъ, не хотите ли взглянуть на наши обновы?

— Радъ глядѣть на все прекрасное, а нынѣшніе дамскіе костюмы дѣйствительно прелестны.

Лидія прежде всѣхъ выпорхнула изъ комнаты, и въ ту минуту, какъ баронесса съ гостемъ вошли въ залу, она съ радостнымъ крикомъ: «Паша Подшивалова!» кинулась къ молодой дѣвушкѣ, которая съ картонкою въ рукѣ показалась въ отворенныхъ дверяхъ.

— Лидія, Лидія! послышался повелительный голосъ баронессы, заставившій Лидію невольно остановиться.

— Это стоитъ башмаковъ, Аркадій Петровичъ, проговорила насмѣшливо баронесса, глядя на молодого человѣка, который съ изумленіемъ смотрѣлъ на стоящую въ дверяхъ дѣвушку.

Какъ прикованная стояла Паша на одномъ мѣстѣ, неподвижно устремля глаза, полные какого-то неизъяснимаго чувства, на стоящихъ предъ нею людей, какъ бы пораженная сверхъестественнымъ явленіемъ. Первое движеніе, которое она сдѣлала, было то, что она безсознательно на мгновеніе закрыла глаза трепещущею рукой, какъ бы не имѣя силы долѣе выносить этого зрѣлища.

— Что же вы тамъ, душечка, остановились, сказала баронесса, обращаясь къ Пашѣ, покажите, что принесли? вѣдь это наши платья... изъ магазина?... прибавила она насмѣшливо.

— Да-съ, отвѣчала едва слышно Паша.

— Видите, *monsieur* Торновъ, сказала баронесса по-французски, что у одной только Стрѣльневой въ гостиной можно встрѣтить гризетку.

— *Ma tante*, проговорила тихо сканфуженная Лидія, она говоритъ по-французски.

— Тѣмъ хуже для нея, возразила баронесса, которая всѣхъ, кто только не принадлежалъ къ ея кругу по рожденію и осмѣливался, почему бы то ни было, равняться съ нею, почитала дерзкими ничтожностями. Тѣмъ хуже, прибавила она, невольно понизивъ голосъ, потому что для дѣвушки ея сословія это совершенно лишнее. Она часто должна будетъ слышать на этомъ языкѣ очень не лестные эпитеты, когда не угодить своею работою. По-русски, изъ жалости къ ней и изъ деликатности, свойственной людямъ хорошаго тона, можетъ быть, не рѣшились-бы сказать ей правду слишкомъ рѣзко; но многіе выскажутъ свое неудовольствіе на языкѣ, несвойственномъ ея состоянію. Затѣмъ баронесса обратилась къ дѣвушкѣ, почти уничтоженной ея словами. Подите въ мой бодуаръ, миленькая, и примѣрьте на мнѣ платье.

— Я не могу, баронесса, я не умѣю, отвѣчала Паша, едва слышно.

— Такъ зачѣмъ же вы пришли?

— Я принесла это платье, по просьбѣ той, которая его дѣлала; но я сама не шью платьевъ, отвѣчала она горько.

— Какая странная идея посылать платье изъ магазина съ посторонними! Какъ же мастерица узнаетъ, что надо передѣлать если оно будетъ дурно сидѣть?

— Тогда она сама придетъ къ вамъ.

Баронесса вышла, приказавъ лакею отнести картонъ къ себѣ и позвать горничную.

— Что съ тобою, Паша? какъ ты попала въ это положеніе? спросила Лидія съ участіемъ, но не подходя къ прежней подругѣ, какъ бы сознавая, что теперь сближенія между ними не можетъ существовать.

— Мой отецъ умеръ, а домъ и все, что мы имѣли, сгорѣло, отвѣчала бѣдная дѣвушка съ грустію.

— Но гдѣ же ты теперь живешь?

— У одной родственницы, горько проговорила Паша.

— Это она шьетъ платья, которыя ты принесла? снова спросила Лидія, не догадываясь, что она этими распросами терзала бѣдную дѣвушку.

— Нѣтъ, прощентала Паша, подавленная тяжестью ложнаго стыда.

— А кто же твоя родственница? спросила Лидія, нѣсколько подходя къ Пашѣ.

— Купчиха.

— А, ну это хорошо, а я было испугалась, что ты живешь въ магазинѣ со швеями! А твоя тетка богата? прибавила вѣтренная дѣвушка.

— Нѣтъ, чрезъ силу проговорила Паша.

Аркадій Петровичъ, который все время молча смотрѣлъ на Пашу съ живѣйшимъ состраданіемъ, болѣе Лидіи понялъ неловкость положенія бѣдной дѣвушки:

— Стрѣльнева была еще здѣсь, когда случилось съ вами это несчастье, mademoiselle Podchivaloff?—спросилъ онъ.

Молодая дѣвушка незамѣтно вздрогнула, когда Торновъ заговорилъ съ нею, и со вздохомъ отвѣчала: нѣтъ.

— А то бы вамъ лучше всего обратиться къ ней, она васъ

очень любила, по крайнѣй мѣрѣ, сколько я могъ замѣтить, когда имѣлъ удовольствіе два раза встрѣчать васъ у нея.

Какъ вѣжливый свѣтскій человѣкъ, Торновъ сдѣлалъ особенное удареніе на *два раза*, чтобъ доказать, что онъ не забылъ встрѣчи съ нею. Живое чувство мгновенно мелькнуло на хорошенькомъ личикѣ Паши, и она робко, съ признательностью взглянула на Аркадія, который не сводилъ съ нея глазъ. При встрѣчѣ этого взгляда, яркій румянецъ покрылъ блѣдное лицо дѣвушки, и она тихо опустила глаза.

Величественная фигура баронессы, мелькнувшая за нѣсколько комнатъ, заставила Лидію кинуться навстрѣчу теткѣ, а Аркадія отойти къ окну, въ которое застучалъ крупный дождь. Одна только Паша, попрежнему, осталась посреди комнаты, съ опущенною головою. Баронесса вошла въ залу.

— Платье очень дурно шито, его нужно совершенно пере-дѣлать; скажите это той, которая васъ прислала, да замѣйте, что оно мнѣ нужно непременно завтра. Не забудьте, кстати прибавить, что въ первый и послѣдній разъ этотъ магазинъ имѣетъ отъ меня работу, и это только потому, что я повѣрила чужой рекомендаціи.

— Баронесса, ваше платье подвергается большой опасности: дождь не пощадитъ его. Позвольте предложить мою карету къ его услугамъ, проговорилъ торопливо Торновъ, кинувъ на Пашу, которая готова была уже выдти, милостивый взглядъ. Но молодая дѣвушка не замѣтила или не хотѣла замѣтить этого взгляда и спѣшила оставить комнату. Баронесса наскоро поблагодарила Аркадія и крикнула вслѣдъ уходящей Пашѣ, чтобъ она ѣхала въ каретѣ.

Быстро понесся экипажъ подъ проливнымъ дождемъ. Не смотря на то, разнородные чепцы обитательницъ уединенной улицы, гдѣ жила знаменитая миршандъ-де-модъ, Аграфена Терентьевна, не боясь непогоды, высовывалась въ окна, съ любопытствомъ слѣдя за каретою, какъ за необыденнымъ явленіемъ въ ихъ сторонѣ. Когда экипажъ съ шумомъ подкатился къ крыльцу моднаго магазина, то не одна сосѣдка повторила: «Вишь ты, счастье! въ этотъ годъ ужъ никакъ другая или третья карета пріѣзжаетъ; пожалуй, расторгнется да и на Кузнецкій махнетъ.»

Аграфена Терентьевна, тоже привлеченная стукомъ подъѣхавшаго экипажа, торопливо поправила волосы передъ зеркаломъ и, ставъ за прилавкомъ, поспѣшно сдернула кисею съ трехъ шляпъ, которыя чинно стояли на показъ на столбикахъ. Но каково было

ея удивленіе, когда, вмѣсто ожидаемой покупщицы, въ дверяхъ показалась Паша.

— Въ чьей это ты каретѣ изволишь прокатываться? вѣрно баронесса дала свою; извѣстно, важная барыня знаетъ вѣжливость. Ну, что, получила деньги? спрашивала поспѣшно племянницу Аграфена Терентьевна.

— Я не понесу больше ни чьего платья, сказала Паша, снимая шляпку и открывая лицо, на которомъ было видно все страданіе, которое перенесла она въ этотъ день. Работать буду, сколько вамъ угодно; но никуда больше не посылайте меня, или кланусь вамъ, тетушка, я противъ вашей воли оставлю вашъ домъ. Я все дѣлала, что было въ моихъ силахъ: работала въ магазинѣ, сносила вашъ гнѣвъ, даже въ угодность вамъ позволила себя вывести на показъ жениху, но больше я уже ничего немогу. И Паша, въ отчаяніи, сжимая голову руками, опустила на стулъ.

— Но что же, что тамъ такое? спрашивала встревоженная магазинщица.

— Незнаю, тетушка; я знаю только одно, что я очень несчастлива, и что вести такую жизнь я долѣе не въ состояніи, отвѣчала Паша, уходя въ свою комнату. Противъ своего обыкновенія и въ ущербъ достоинству, Аграфена Терентьевна смолчала предъ Пашею, какъ будто почувствовавъ, что зашла съ нею слишкомъ далеко. Увидя въ картонѣ платье, она сама, наскоро прирядившись и выждавъ дождь, побѣжала къ баронессѣ, чтобъ узнать, почему платье ей возвращено и что тамъ произошло съ ея племянницею.

ЛЕДИ ТАРТЮФЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПАРТИНА,

Г-жи Э. де Жиранденъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРШАЛЬ Д'ЭСТИНЬИ.

ЛЕОНАРЪ, садовникъ графини де-Клермонъ

ГРАФИНЯ ДЕ-КЛЕРМОНТЪ его племянница.

БЕРТА, горничная г-жи де-Блосакъ.

ЖАННА, ея дочь.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА.

ВИРГИНІЯ ДЕ-БЛОСАКЪ.

Г-ЖА КУТРЕНЪ.

ГЕКТОРЪ РЕННЕВИЛЬ.

АРХИТЕКТОРЪ.

БАРОНЪ ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ТРОЕ СЛУГЪ.

СЕНТЪ-ИРЬЕ.

СЕКРЕТАРЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ 1851 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая зала. На первомъ планѣ налѣво отъ зрителей каминъ, столъ; направо канапе. Въ глубинѣ сцены справа рабочій столикъ. По сторонамъ двери.

I.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ—одна; (*смотрится въ зеркало*). Ахъ, какъ я дурно причесана!.. Что за безтолковая эта старая Берта!.. Впрочемъ... будь она догадлива—могла бы вредить мнѣ... Поневоля приходится сносить ея глупость. (*Продолжаетъ приглаживать волосы; откидываетъ погни и расправляетъ складки платья, чтобы показать тонкость талии. Въ эту минуту раздается звонокъ. Это? (Поспѣшно садится и показываетъ видъ, будто испугана).*)

II.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*улыбаясь*). Это я!Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ! (*Всторону*). Опять этотъ человекъ! Но что дѣлать?... потерпимъ!.. (*Идетъ къ Турбіеру, громко*). Какъ здоровье маршала?ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*весело*). Худо.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Сильно страдаетъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Адски! Нынѣшній припадокъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Скучаетъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Меньше, чѣмъ бы слѣдовало и... чѣмъ вы стоите.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Графиня де-Клермонъ все возлѣ него? Говорятъ обо мнѣ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. При мнѣ не говорили... не помню... Ахъ, да, однакожъ... вчера она, между прочимъ, предерзко отозвалась, что терпѣть не можетъ ханжей...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. А! Это значить говорили обо мнѣ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Нѣтъ, я ошибся, это сказано было про другую... Да что я?... Про меня... именно про меня!.. Вотъ глупость-то! Какъ въ ту же минуту не узнать себя?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Такъ матушка и дочка всякій вечеръ у маршала?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Къ несчастію.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Отчегожъ къ несчастію?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Оттого, что болтовня племянницы всегда чрезвычайно остроумная, и восхитительная красота внучки—совершенно прогоняютъ скуку добраго старика-подагрика,—и ваше замысловатое отсутствіе...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Замысловатое отсутствіе!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Становится не очень замѣтнымъ. Вчера маршалъ былъ просто въ восторгѣ отъ Жанны. Ее хотятъ выдать замужъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ну, это не такъ легко.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Почему?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Объ ней рассказываютъ исторію.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Какъ!.. Ужъ успѣли оклеветать бѣдняжку!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Воспитаніе этой несчастной дѣвушки было небрежное.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Небрежное?.. Помилуйте, графиня ни одного дня ее безъ себя не оставляла...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ни одного дня — быть может... но вѣдь и не говорятъ, что исторія происходила днемъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Когда же, ночью?.. Исторія съ Жанной?.. Какой вздор!.. Въ ея лѣта ночью преспокойно спать; ни громъ, ни серенада не пробудятъ... Быть не можетъ!.. Однако смотрите! Если прелестная дѣвушка постоянно будетъ возлѣ маршала, станетъ ходить за нимъ, развлекать его, такъ онъ не подумаетъ на васъ жениться.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Для меня это не слишкомъ прискорбно.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вліяніе ея съ каждымъ днемъ становится замѣтнѣе. Онъ очарованъ ею, и я совершенно съ нимъ согласенъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Хмъ! Вы во всемъ съ нимъ согласны; повторяете всѣ его слова, до того, что васъ прозвали—эхо маршала.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да! это графиня де-Клермонъ пожаловала мнѣ такую кличку... Пряедовитая женщина!.. Она же, кажется, прозвала васъ—леди Тартюфъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. За то, что я дружна съ самыми почтенными женщинами Англіи!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Говоря откровенно, имя это—леди Тартюфъ—довольно удачно... Вѣдь вы дѣвица Виргинія де-Блосакъ, можете считать себя отчасти вдовой... молодого лорда...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*въ смущеніи*). Баронъ, забыли условіе—никогда не напоминать мнѣ объ этомъ ужасномъ случаѣ... (*Садится на диванъ*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Ахъ, Боже мой! Думаль ли я огорчить васъ?.. Вы заговорили о моемъ прозвищѣ, я вспомнилъ о вашемъ, вотъ и все; но вѣдь я эхо маршала по вашему же опредѣленію. (*Садится на стулъ возлѣ дивана*).. Я уменъ, вы это знаете, потому что сами посовѣтовали мнѣ быть дуракомъ... Чудесный совѣтъ!.. Я ему многимъ обязанъ... Въ кругу, гдѣ я жилъ до встрѣчи съ вами, меня считали малымъ умнымъ, но вовсе незамѣчали, обращались со мною за-просто, безъ церемоніи, какъ съ человѣкомъ ни къ чему не годнымъ; напротивъ, въ вашемъ кругу, гдѣ я слышу за добряка дурачка,—меня уважаютъ, мною не шутятъ, считаютъ способнымъ ко всему... Вы правы: умъ приноситъ несчастье... Однакожъ, если я согласился играть роль глупца, такъ ужъ и хочу играть ее по-своему. Подражать—для меня отвратительно, а служа эхомъ вашему скучнѣйшему маршалу, я вдвойнѣ жертвую собою: повторяю его слова и удерживаюсь отъ своихъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ вовсе не изъ скучныхъ; онъ образованъ, много путешествовалъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Знаю я эти путешествія! Меня они гораздо больше утомили, нежели его...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Разказы о его дипломатическихъ посольствахъ очень занимательны.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Нечего сказать!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Чтожъ, тоже утомляютъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Усыпляютъ!.. Пресмѣшно: цѣлые часы съ изумительнымъ терпѣніемъ напрягаешь слухъ и вниманіе, вдругъ одна секунда—заснулъ—и всѣ плоды бдѣнія пропали...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы вѣчно шутите.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Извольте, можно поговорить серьезное... Когда два года тому вы получили эту квартиру въ домѣ маршала, съ намѣреніемъ выйти за него замужъ, вы ровно шесть мѣсяцевъ не показывались ему на глаза—это было истинно гениально... но теперь мнѣ кажется, опасно и одну недѣлю невидать его... Когда вы отправитесь къ старику?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Раньше двухъ дней не пойду.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Какая ошибка!.. Въ два дня ваше мѣсто будетъ занято. Вы рассчитываете на постоянство?.. Маршалъ уже вполонину забылъ васъ... Потомъ, вы думаете, подагра пособитъ вамъ поймать раненаго мотылька?.. И тутъ ошибаетесь!.. Больные-то легче всѣхъ увлекаются... Мы, здоровые, въ состояніи уйти отъ опасности, убѣжать отъ нея со всѣхъ ногъ... А они что могутъ сдѣлать?.. Пусть-ка попробуютъ устоять противъ непостоянства, когда оно придетъ къ самому одру болѣзни соблазнять ихъ... Вѣрите мнѣ—расчетъ вашъ невѣренъ. Умная женщина никогда не должна подавать вида, будто убѣгаетъ человекъ, если человекъ этотъ не въ состояніи бѣжать за нею... Бѣжать отъ подагрика!.. Впрочемъ, не вѣрю я, чтобъ у васъ были такія дѣтскія понятія объ искусствѣ... Вы мнѣ не все сказали... Чтонибудь другое заставляетъ васъ сидѣть дома.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*въ замѣшательствѣ*). Вы угадали. Меня тревожитъ одна встрѣча... Третьяго дня я, по обыкновенію, поѣхала, утромъ рано, навѣщать моихъ бѣдныхъ старичковъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Напрасно вы изволите мнѣ это рассказывать.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Какъ? Вы не вѣрите, что я ѣздила третьяго дня утромъ рано...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Эхъ! я вѣрю, что вы ѣздили рано и даже очень рано... только не вѣрю въ вашихъ бѣдныхъ старичковъ... То есть, мнѣ не вѣрится, чтобъ старички-то эти были бѣдны... и чтобъ бѣдные—были старички... Да и что за бѣда?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы всегда издѣваетесь надъ моею сострадательностью... А ваша графиня де-Клермонъ, предметъ вашего удивленія... она также сострадательна, какъ я...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Также, но иначе.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вамъ смѣшны наши благотворительныя общества... Она тоже въ нихъ участвуетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Тоже, но... не такъ. Она человѣколюбива по влеченію сердца, а вы... такъ только, для вида...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Она тоже всякое утро ѣздитъ навѣщать бѣдныхъ...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Ѣздитъ, но никогда не кричитъ объ этомъ... а вы только и твердите: я сію минуту была у такого-то несчастнаго... а вѣдь Богъ васъ знаетъ, точно ли вы тамъ были?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Послушайте, вы принимаете со мною такой тонъ, что, наконецъ, становитесь несносно...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Совершенно согласенъ... предосадно... Ктожъ вамъ велѣлъ, прикидываясь образцемъ чистоты и невинности, взять въ повѣренныя философа-циника, который то и дѣло указываетъ на темныя пятна этого солнца добродѣтели...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Послушайте.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Откровеннаго негодая, который, какъ я, напоминаетъ по временамъ кое-какія тайны...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вѣдь я не напоминаю же вамъ вашихъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Чортъ возьми! Очень вѣрю!.. Да я и не притворяюсь, я весь на лицо... Прикидываюсь ли я добродѣтельнымъ? Скрываю ли я мои недостатки и пороки? Приходилось ли вамъ выводить меня на свѣжую воду?.. Нѣтъ!.. Я всегда говорю правду... по крайнѣй мѣрѣ вамъ. Будьте справедливы: еслибъ я сталъ пѣлые дни толковать о моемъ благоразуміи, о томъ, какъ превосходно веду дѣла свои, о непреодолимомъ отвращеніи къ игрѣ... это бѣсило бы васъ, и наконецъ вы сказали бы мнѣ: послушайте, милостивый государь, благоразуміе ваше не помѣшало вамъ, однакожъ, обанкрутиться, проигратъ, повсюду задолжать... задолжать двѣсти тысячъ франковъ... въ томъ числѣ мнѣ двадцать тысячъ... вѣдь вы бы мнѣ это сказали? не такъ ли?.. Я дѣлаю тоже самое: напоминаю вамъ то, отчего, при всей вашей добродѣтели, вы, однакожъ, не прочь... Не могу иначе: это выше силъ моихъ... Когда вы начинаете при мнѣ говорить о высокой вашей правственности, со мною дѣлаются нервные припадки... я внѣ себя... Мнѣ гораздо легче, когда вы меня ругаете...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ошибаетесь. Никогда бы не вышла я изъ себя,

еслибъ вы стали говорить о своемъ благоразуміи и деликатности: я вѣрю имъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Каково? Ужъ и со мною лицемѣрить? Вотъ женщина!..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. О деньгахъ я нисколько не беспокоюсь, увѣрена, что вы мнѣ отдадите ихъ со временемъ...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Безъ сомнѣнія; у меня теперь денегъ нѣтъ, но есть дядя съ деньгами, которыя... рано или поздно будутъ въ моихъ рукахъ. Вы оказали мнѣ важную услугу, давши въ долгъ; никогда ее не забуду... Кроме того, вы общаете мнѣ мѣсто префекта, лишь только сами сдѣлаетесь маршалшей... я надѣюсь... За то располагайте мною, я вашъ покорнѣйшій слуга... а тайну, которую узналъ я совершенно случайно... будьте спокойны... я не выдамъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Какую тайну?.. это не тайна... грустное воспоминаніе—не больше.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Воспоминаніе?.. скажите лучше угрызеніе совѣсти.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Баронъ!..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Эхъ!.. опять начали!.. Вы также искусно обманываете себя, какъ и другихъ... Но истина—то намъ извѣстна.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Какая истина?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. А вотъ какая. Однажды навсегда я вамъ выскажу все на чистоту.. и затѣмъ ужъ, сдѣлайте одолженіе, не трудитесь увѣрять меня, что дѣло было иначе... Артуръ явился къ вамъ на свиніе въ павильонъ въ Редкестлѣ, вдругъ послышались голоса охотниковъ; онъ, боясь окомпрометировать васъ, выпрыгнулъ въ окно.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Замолчите, ради Бога, замолчите!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Ружье его выстрѣлило... онъ упалъ, обливаясь кровью.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Могла ли я ему помочь?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы могли не бѣжать, не оставлять его, но вы... дали ему умереть.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы дали ему умереть, потому что вами овладѣлъ ложный стыдъ... потому что, еслибъ вы позвали когонибудь на помощь, вы бы выдали себя; потому наконецъ, что позволяя себѣ втайнѣ рѣшительно все, вы играете предъ свѣтомъ роль строгой, неприступной женщины, а для подобныхъ существъ убить человѣка ровно ничего не значитъ, если нужно спасти свою репутацію.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Но до сихъ поръ я не перестаю оплакивать его. Я плачу о немъ, развѣ вы не видите?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. И мнѣ васъ жаль. Но дѣло въ томъ, что не мнѣ

одному извѣстна ваша тайна. Вы забыли въ павильонѣ букетъ фіалокъ, и по немъ люди догадались.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да... роковой букетъ... вѣрно кто нибудь видѣлъ какъ я рвала цвѣты... и всякій годъ, въ день смерти Артура...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы получаете подобный букетъ... Послѣ завтра ровно пять лѣтъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Кто мнѣ его присылаетъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы никого не подозрѣваете? Можетъ быть, его мать?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Леди Редгестль? Нѣтъ, она никогда не выѣзжала изъ Шотландіи.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Или другъ Артура, у него, кажется, былъ другъ, какой-то французъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да... я сію минуту говорила вамъ о встрѣчѣ... это былъ онъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Онъ!.. Кто онъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Идутъ. (*Входитъ Берта*).

III.

БЕРТА, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

БЕРТА. Маршалъ прислалъ къ вамъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ?

БЕРТА. Приказалъ просить позволить его архитектору осмотрѣть эти комнаты.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Что это значить? Не вздумалось ли ему выслать меня изъ дому?

БЕРТА. Нѣтъ, сударыня, онъ хочетъ вмѣсто этого покоя отвести вамъ прехорошенькую залу, окнами въ садъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Зачѣмъ?

БЕРТА. Г. маршалъ уступилъ весь первый этажъ сыну одного изъ своихъ старинныхъ друзей.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Кому?

БЕРТА. Графу Ренневилю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*затрепетавъ*). Ренневилю!

БЕРТА. Эти господа тамъ ждутъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Проси ихъ. (*Быстро садится за столъ на лѣво и начинаетъ писать*).

IV.

БЕРТА, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ГЕКТОРЪ, АРХИТЕКТОРЪ, ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ГЕКТОРЪ (*обращаясь къ г-жѣ де-Блосакъ, которая показываетъ видъ будто пишетъ*). Извините, сударыня! Сдѣлайте одолженіе, не беспокойтеся.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Боже! Этотъ голосъ!

ГЕКТОРЪ (*архитектору*). Зала здѣсь гораздо меньше, чѣмъ на той сторонѣ, и потомъ—лѣстница очень темна.

АРХИТЕКТОРЪ. Дѣйствительно, здѣсь сообщеніе съ первымъ этажемъ не такъ удобно, а сколько я понимаю, вы желаете быть какъ можно ближе другъ къ другу...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Другъ къ другу?

ГЕКТОРЪ. Да, но... чтобъ нисколько не стѣснять одинъ другаго.

АРХИТЕКТОРЪ. Вы правы; счастье зависитъ иногда отъ хорошаго расположенія квартиры.

ГЕКТОРЪ. Стало быть, только хорошіе архитекторы и могутъ быть счастливы въ семейномъ быту?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. (*Всторону*). Въ семейномъ быту?.. Онъ же-нится?..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*наблюдая за г-жею де-Блосакъ*). Какъ она разстроена!

АРХИТЕКТОРЪ. Однакожъ, прежде окончательнаго рѣшенія, слѣдовало бы осмотрѣть прочія комнаты.

ГЕКТОРЪ (*г-жѣ де-Блосакъ*). Вы позволите, сударыня.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*пишетъ, еще ниже наклонивъ голову. Берта*). Проведи этихъ господъ. (*Гекторъ, архитекторъ и Берта уходятъ направо*).

V.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*встаетъ въ смущеніи*). Кажется, я такъ поняла—онъ женится?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Совершенно такъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Неужели онъ сынъ маршалава друга? Отчегожъ я никогда его не встрѣчала у маршала? И на комъ онъ женится?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. А вамъ очень бы хотѣлось знать?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*быстро*). Ахъ, да! . (*Хладнокровнѣ*) Послѣ объясню вамъ, почему меня это такъ занимаетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ, (*всторону*). Откуда такое смущеніе? Что это, одинъ изъ ея бѣдныхъ старичковъ, что-ли? (*Громко*) Извольте, я пойду за нимъ слѣдомъ и донесу вамъ аккуратнѣйшимъ образомъ о своихъ... то есть, объ его похожденияхъ... Вы будете дома?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Конечно. Сегодня засѣданіе общества.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да, нашего общества призрѣнія дѣтей, одержимыхъ падучею... Здѣсь будетъ большое собраніе и мнѣ неудача съ вами говорить.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы мнѣ скажете... одно только слово.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Прекрасно; и такъ до свиданія, будущая супруга маршала (*Уходитъ*.)

VI.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*одна*). Цѣлый годъ казалось мнѣ, что я забыла Гектора—но вотъ онъ явился, и я опять его люблю... Да, меня рѣшительно не хотѣли понять... Гекторъ, еслибъ ты меня любилъ—Артуръ не умеръ бы... Я ему отдалась на зло тебѣ!.. О! Какъ тяжело угрызеніе совѣсти!.. Напрасны всѣ лихорадочныя тревоги жизни моей, исполненной интригъ и коварства... Ужасный образъ Артура не перестаетъ преслѣдовать меня днемъ и ночью... Какъ теперь вижу его: на носилкахъ, волосы въ беспорядкѣ, перемѣшаны съ травой, глаза закрыты, губы окровавлены... А неумолимый букетъ!.. Обвинительные цвѣты!.. Всякій годъ они говорятъ мнѣ: малодушная! ты убила его!.. Онъ звалъ тебя!.. (*шепотомъ*) Онъ меня звалъ... Я могла спасти его и дала ему умереть!.. Ахъ, эта мысль сводитъ меня съ ума!.. (*Увидя Бертю, вдругъ дѣлается спокойна*). Что тебѣ надо?

БЕРТА. Пріѣхалъ г. Сентъ-Ирье, предсѣдатель вашего общества.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Хорошо! Проси его въ залу, я сію минуту приду.

БЕРТА. Слушаю. (*Г-жа де-Блосакъ уходитъ нальво*). Достойный человѣкъ, г. Сентъ-Ирье!

VII.

БЕРТА, СЕНТЬ-ИРЬЕ.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Здравствуйте, Берта! Что, какъ сегодня здоровье нашей дорогой госпожи?

БЕРТА. Лучше, но все еще не совсѣмъ хорошо. Да и какъ вы хотите, чтобъ она поправилась? Эта отшельническая жизнь ужасно ее изнуряетъ.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Напрасно, слѣдовало бы побережъся... Она обязана жить для назиданія другихъ... Такихъ примѣрныхъ женщинъ немного!

БЕРТА. Я безпрестанно ей это твержу, но она не слушаетъ. Еще куда! Люди всё спятъ, а она ужъ со двора: ѣдетъ посѣщать бѣдныхъ, отдаетъ имъ послѣднее... (*показываетъ маленькую одежду, которую держитъ въ рукахъ*). Посмотрите на это платье.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Вѣрно приготовлено съ благотворительною цѣлью?

БЕРТА. Да; ея любовь къ ближнимъ просто изумительна!

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Мы всё того же мнѣнія.

БЕРТА. Ну, какъ же можно сравнить ее съ графинею де-Клермонъ?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Графиня тоже дѣлаетъ много добра. Въ ней есть свои достоинства; но это женщина совсѣмъ другаго рода, нѣтъ того серьезнаго направленія...

БЕРТА. Вы слишкомъ добры! Это просто свѣтская женщина, вѣтрзгонка. А г-жа де Блосакъ добродѣтельна съ утра до вечера и съ вечера до утра. Къ ней ѣздить только люди серьезные, пожилые, простые... какъ вы, г. Сентъ-Ирье, неспособные вскружить женщинѣ голову!

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Говорятъ, маршалъ д'Эстиньи хотѣлъ будтобы на ней жениться... Вотъ было-бы чудесно... маршалшу въ предсѣдательницы нашего общества.

БЕРТА. Ужъ подлинно онъ могъ бы похвалиться, что жена его сущая добродѣтель!.. Вотъ она.

VIII.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, БЕРТА, ДЕ СЕНТЬ-ИРЬЕ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. (*входя*). Здравствуйте, г. Сентъ-Ирье.

СЕНТЬ-ИРЬЕ (*кланяясь*). Мое почтеніе.

БЕРТА (*возвращаясь*). Ахъ я и забыла! Вотъ, сударыня курточка.

СЕНТЬ-ИРЬЕ (*съ удивленіемъ*). Курточка!

БЕРТА (*съ умиленіемъ*). Да, костюмчикъ для обезьяны маленькаго шарманщика... Я пришивала свѣтленькія пуговицы.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Хорошо, оставь здѣсь; когда онъ прійдетъ, я отдамъ ему. Благодарю. (*Берта уходитъ положивъ платье на рабочій столикъ*).

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Доброта ваша неисчерпаема... Для малютки тутъ цѣлое богатство... Это трогаетъ душу... (*Смотритъ на курточку съ умиленіемъ*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Стоитъ ли объ этомъ говорить? Скажите лучше, что наше общество... будетъ утверждено?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Сомнѣваюсь. Для этого необходимо покровительство ка-

кого нибудь значительнаго лица... (лукаво) маршала д'Эстиньи, на-
примѣръ...

БЕРТА. (докладываетъ) Графиня де-Клермонъ съ дочерью.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. (важно) Графиня—его племянница: неуждно-ли
къ ней обратиться?

IX.

БЕРТА, ЖАННА, ГРАФИНЯ, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, СЕНТЬ-ИРЬЕ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (идетъ навстрѣчу графинѣ). Графиня какъ я
вамъ благодарна!.. Вы дѣлаете мнѣ совершенно неожиданную честь...

ГРАФИНЯ. Никакъ немогу принять этой благодарности... я пришла
по приказанію: дядюшка прислалъ меня... онъ непремѣнно хочетъ васъ
видѣть... сегодня...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Причина?

БЕРТА. Госпожа Дювернуа и госпожа Куртенъ.

ГРАФИНЯ (таинственно) Сейчасъ объяснимъ вамъ... когда здѣсь
не будетъ постороннихъ. (Г-жа де Блосакъ ведетъ графиню и Жан-
ну къ дивану, гдѣ онъ и садятся).

X.

**БЕРТА, Г-ЖА ДЮВЕРНУА, Г-ЖА КУРТЕНЪ, СЕНТЬ-ИРЬЕ, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ГРАФИНЯ,
ЖАННА.**

СЕНТЬ-ИРЬЕ. А, члены нашего общества! (Дамамъ) Какъ вы ак-
куратны! (Г-жа де-Блосакъ встрѣчаетъ дамъ, потомъ возвра-
щаются къ графинѣ и садится возлѣ нея на стулъ. Г-жа Дю-
вернуа и Г-жа Куртенъ идутъ къ столу направо).

БАРТА. Баронъ де Турбиеръ.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Вотъ и казначей нашъ.

XI.

Прежніе, **ДЕ-ТУРБИЕРЪ** въ простомъ нарядѣ; строгая наружность, неловкая походка; тонъ
глушца, взвѣшивающаго свои слова.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (двумъ дамамъ, которыя ему кланяются). Сдѣ-
лайте милость, не обращайтесь на меня вниманія. (Всторону). Будемъ
осторожны, не смахнутъ бы на роль дурачка. (Громко г-жѣ де-Бло-
сакъ). Вы были очень больны, сударыня... какъ ваше здоровье сего-
дня?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Благодарю васъ, мнѣ лучше.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Будьте осторожны! Вы себя крайне изнуряете, можете совершенно разстроить здоровье!.. Повторяю вамъ, это чрезвычайно важно: изнуреніемъ шутить не слѣдуетъ. (*Графиня почтительно*). Что г. Маршалъ?

ГРАФИНЯ. Ждетъ васъ сегодня вечеромъ, хочетъ вамъ что-то сказать. (*Разговариваетъ съ г-жею де-Блосакъ*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Безъ сомнѣнія—разсказать...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*графиня*). Это его любимый слушатель.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). То есть, его предпочтительная жертва. (*Громко Жаннъ, становясь позади дивана*). Позвольте васъ спросить: кончили ли вы картину подъ пару къ прелестному пейзажу, который подаренъ вами недавно маршалу?

ЖАННА. Нѣтъ еще.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Живопись, мнѣ кажется, ваше любимое занятіе.

ЖАННА. Страсть моя!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*пораженный*). Страсть?.. Вы меня удивляете?.. Знаете ли вы что такое страсть?

ЖАННА. Знаю: чрезмѣрная любовь.

ГРАФИНЯ. Что она тутъ говорить?

ЖАННА. Я говорю, маменька, что очень люблю рисовать.

ГРАФИНЯ. Это правда: рано утромъ она ужъ за рисованьемъ, и занимается до тѣхъ поръ, что наконецъ, въ восемь часовъ вечера, падаетъ отъ усталости...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Кто васъ учитъ?

ГРАФИНЯ. Марселень.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Превосходный учитель!.. Истинный художникъ! (*Показываетъ Жаннъ картину, повѣшенную направо; Жанна встаетъ и идетъ смотреть ее, а де-Турбиеръ подходитъ къ Сентъ-Ирвельво*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. И притомъ благороднѣйшій человѣкъ! (*Тихо графиня*). Онъ вкружилъ голову одной изъ своихъ ученицъ... И чтожь вы думаете!.. Женился на ней!.. Это прекрасный поступокъ.

ГРАФИНЯ. Правда; но какъ теперь онъ ужъ не въ состояніи повторить этотъ благородный поступокъ, такъ я откажу ему... Соблазнитель!.. Благородный человѣкъ!.. И вы думаете похвалили его?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Безъ сомнѣнія... похвала самая чистосердечная...

ГРАФИНЯ. И убійственная... Вотъ похвала!.. Ахъ, если вы постоянно такъ хвалите, такъ прошу васъ, говорите обо мнѣ всегда дурно.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Графиня, ради Бога! Неужели вы на меня въ претензіи?..

ЖАННА (увидя курточку для обезьяны). Ахъ, курточка! Что это такое? (Г-жа де-Блосакъ). Позвольте посмотреть?

СЕНТЬ-ИРЬЕ (подходитъ къ Жаннѣ). Это?.. прекрасный поступокъ.

ГРАФИНЯ. Еще прекрасный поступокъ! (Всторону). Вѣрно какая нибудь низость! Это ужасъ!

ЖАННА (посреди сцены). Пальто для собачки.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Нѣтъ, венгерская курточка.

ЖАННА. Для полишинеля?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Для обезьяны. Г-жа де-Блосакъ призрѣла малютку савояра и покровительствуетъ его скромному животному.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. О! Я узнаю ее въ этомъ поступкѣ! Доброта ея неистощима. Г-жа де-Блосакъ простираетъ челоуѣколюбіе даже до...

ГРАФИНЯ (всторону). До обезьянъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Маленькій шарманщикъ будетъ благословлять васъ.

ЖАННА. А вотъ, маменька, вовсе не такъ думаетъ: не любить, когда дѣти бѣгаютъ по улицамъ... Она тоже приняла, три мѣсяца назадъ, крошечнаго савояра, но заставила его продать шарманку и отдала бѣдняжку въ школу... Ахъ, какъ онъ плакалъ... (Кладетъ платье туда, откуда взяла его, и садится на прежнее мѣсто, на канипе).

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Этотъ способъ благотворенія имѣетъ также свои достоинства... Воспитаніе величайшее изъ благъ земныхъ!..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Извините, это чрезвычайно условная вещь!.. Для насъ, пожалуй, но для дѣтей бѣдняка воспитаніе очень часто гибельно... Они, напримѣръ, выучиваются читать и берутся за вредныя книги; выучиваются писать, и какъ разъ начинаютъ подписываться подъ чужія руки... Видите ли. А не умѣй они писать, такъ и не могли бы этого дѣлать...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Вы нѣсколько далеко зашли...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Извините! Я говорю не на обумъ... совершенную правду... Въ одной статистической вѣдомости, которую я собственными глазами видѣлъ, было сказано, что осужденные за составленіе фальшивыхъ подписей, рѣшительно все умѣли писать... болѣе или менѣе...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Такъ и должно быть. (Подходитъ къ дамамъ).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). Bravo! Я почти также глушь, какъ и этотъ господинъ. Ей-ей: дуракомъ быть гораздо легче, чѣмъ я воображалъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (тихо графинѣ). Мы, кажется, ни на минуту не останемся однѣ... (Всѣ трое встаютъ и идутъ направо, на

самый край сцены). Скажите же мнѣ, зачѣмъ маршалъ хочетъ непременно меня видѣть?

ГРАФИНЯ (*тихо и-жъ де-Блосакъ*). Онъ поручилъ мнѣ просить васъ къ обѣду... желаетъ, чтобъ дорогая его сосѣдка раздѣлила общую нашу радость... Боится, чтобъ послѣ вы не стали пенять...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вѣрно у васъ есть какая нибудь пріятная новость?

ГРАФИНЯ. Моя дочь выходитъ замужъ... Онъ желалъ, чтобъ я сама вамъ объ этомъ сказала.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Дитя... и ужъ выходитъ замужъ!

ЖАННА. Мнѣ скоро шестнадцать лѣтъ.

ГРАФИНЯ. У насъ обѣдаетъ мой будущій зять... Я увѣрена — онъ вамъ понравится... Молодой, но пресолидный человѣкъ... Можетъ быть, вы даже слышали о немъ... Графъ де-Ренневиль.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Де-Ренневиль... который... одного я знаю.

ГРАФИНЯ. Гекторъ де-Ренневиль... Ихъ два... который же вамъ знакомъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Гекторъ? Да, точно такъ, Гекторъ.

ГРАФИНЯ. Такъ вы его знаете?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да, и знаю, что это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ Парижѣ... Партія превосходная!.. Какъ я рада!.. Поздравьте за меня маршала (*протягивая руку*), и позвольте васъ поздравить, милая Жанна! (*Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ее. Графиня говоритъ съ Сентъ-Ирье, но глазами слѣдитъ за Жанной*).

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Какъ же, графиня? Вы все еще не изволите соглашаться?... Участвуете во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ и отказываетесь быть членомъ нашего?

ГРАФИНЯ. Я не вѣрю въ полезность вашего общества. На свѣтѣ нѣтъ ничего опаснѣе ложныхъ идей... онѣ вредятъ идеямъ истиннымъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Однакожъ, графиня, благотворительность все остается благотворительностью, и милостыня...

ГРАФИНЯ (*перебивая его*). Не должна быть употребляема во зло. У милостыни есть свой кредитъ, которымъ надо умѣть пользоваться.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*Жаннѣ*). Давно вы съ нимъ знакомы?

ЖАННА. Два мѣсяца.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы его не любите?

ЖАННА. Ахъ нѣтъ!.. люблю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Уже?

ЖАННА. Мнѣ кажется надо или разомъ полюбить, или никогда... Я такъ думаю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Однакожъ надо знать, сойдется ли вы въ характерахъ?

ЖАННА. Это какъ-то угадывается. (*Указывая на де-Турбьера*). Мнѣ не нужно долго видѣть этого господина, чтобъ знать, что я никогда его не полюблю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Миленькая вѣтреница! У нея нѣтъ секретовъ! А онъ любить васъ?

ЖАННА. Нѣтъ, онъ все смѣется!.. Какой бы вздоръ я ни сказала, онъ все говоритъ: какъ она мила!.. Значить ли это любить?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Отчего я никогда не встрѣчала его у маршала?

ЖАННА. Онъ бываетъ тамъ только по утрамъ. Потомъ долго не выѣзжалъ, по случаю траура.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Когда же свадьба?

ЖАННА. Не знаю.

ГРАФИНЯ. (*все время слѣдившая глазами за дочерью, подходит*) Свадьба?.. черезъ три недѣли, а сегодня вечеромъ обрученье... И такъ—до свиданія.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы ужъ уѣзжаете?

ГРАФИНЯ. Извините, не можемъ дольше остаться; насъ ждутъ важныя дѣла—заказы приданого. У Жанны сегодня столько дѣла съ швеями, модистками...

ЖАННА. Какую мнѣ заказали чудесную шляпку!.. съ перьями!..

ГРАФИНЯ. До свиданія же!.. Я скажу дядюшкѣ, что посольство мое увѣнчалось успѣхомъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. До свиданія. (*Г-жа де-Блосакъ провожаетъ графиню во вторую залу*).

ХІІ.

Г-ЖА КУРТЕНЪ. Кто это дома?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Племянница маршала д'Эстиньи.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Франтиха! Модница!

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Это не мѣшаетъ ей, однакожъ, быть очень щедрой.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Замѣтили вы какое на ней платье?

Г-ЖА КУРТЕНЪ. Какая мантилья?.. Я думаю на деньги, которыя за нее заплачены, можно бы прокормить сотню бѣдняковъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Сто человѣкъ работали мантилью, такъ и выходитъ одно и то же...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Прекрасно, г. де-Турбьеръ!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Обязанность ваша, милостивыя государыни, заботиться только объ одержимыхъ падучею... а прочее все не ваше ужъ дѣло... (Входитъ г-жа де-Блосакъ).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (тихо возвратившейся г-жѣ де-Блосакъ). Кажется, мнѣ не о чемъ васъ извѣщать?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (тихо). Не о чемъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (тихо). Онъ на ней женится?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (не отвѣчая ему, громко). Не правда ли, какая прелесть—молодая графиня!

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Хороша.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Хороша—это еще ровно ничего не значить.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (отодвигая немного столъ). Что въ ней плѣняетъ, такъ это естественность, невинность... отсутствіе всякой принужденности.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Одинъ видъ Жанны можетъ обезоружить самую сильную злобу... Какъ я рада, что ее выдаютъ замужъ. Это уничтожить все гадкіе слухи.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Слухи?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нелѣпые толки.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Толки? (Г-жа Дювернуа и г-жа Куртенъ идутъ къ столу нальво).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Однакожъ пора намъ, г. председатель, заняться дѣлами...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Позвольте, одну минуту... только одну минуту... Я желалъ бы...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вотъ отвѣтъ врача: онъ согласенъ лечить нашихъ больныхъ.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Толки на счетъ молодой графини? (всторону). Я не могу оставить этого безъ вниманія! (Громко) Какого рода?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. А! Невѣроятная исторія! Господинъ председатель, вотъ просьба бѣдной женщины о принятіи сына.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Онъ не подходитъ подь условія...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Развѣ онъ не въ падучей?

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Нѣтъ, онъ страдаетъ однимъ нервнымъ подергиваньемъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ, другъ мой, надо быть снисходительнѣе.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Смотрѣтъ сквозь пальцы. (Всторону). Благотворительное собраніе съ присыпкой клеветы!.. Прелюбопытно!..

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Такъ молодой графинѣ приписываютъ приключенія?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не приключенія, а одно только... да и того

слишкомъ достаточно... Когда мнѣ объ этомъ рассказывали, такъ я, зная ее, вышла изъ себя отъ негодованія!..

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Очень часто такъ бываетъ: про инаго думаешь—вотъ, кажется, читаешь въ душѣ его... а онъ—то и выходитъ скрѣпнѣе всѣхъ... и если у нашей героини есть интриги, такъ ужъ конечно, она не беретъ въ довѣренныя ни васъ, ни г-жу де-Блосакъ.

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Ужъ конечно.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да, ей нечего повѣрять... Я ручаюсь за нее... Видите, клевета и клевета самая ненавистная нисколько не повредила ей; все оканчивается превосходнымъ замужествомъ... Злость получить достойную награду, и я очень довольна!.. Эти сплетни хоть кого выведутъ изъ терпѣнія... Я такъ зла за нее, такъ зла...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Чортъ возьми! Она беретъ Жанну подъ защиту, значитъ, хочетъ погубить ее.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Можетъ быть, сударыня, подозрѣнія вовсе не такъ ничтожны, какими вы, по добротѣ вашего сердца, желаете ихъ представить...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Мое доброе сердце заставляетъ меня думать, что такая благовоспитанная дѣвушка, какъ графиня Жанна, не въ состояніи назначать ночью свиданіе молодому человеку.

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Свиданіе!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Хотя и говорятъ, что отецъ этого господина... какъ бишь... забыла его имя... ахъ, Шарля Вареле...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Шарля Валере?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Былъ врачомъ ея семейства... что она любя его, не могла видѣться съ нимъ иначе, какъ тайно... Но я никогда не повѣрю этой сказкѣ!..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Перестаньте!.. Это какой нибудь вздоръ... Какъ можно распространять подобные слухи!..

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Извините... если извѣстно имя... свиданіе ночью... такъ значитъ не шутка...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Имя ровно ничего не значитъ, если все прочее ложь! Вѣдь утверждаютъ же, что садовникъ старой маркизы де-Клермонъ, Леонаръ, засталъ молодыхъ людей вмѣстѣ!

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Засталъ молодыхъ людей вмѣстѣ!..

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Молодыхъ людей вмѣстѣ!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Очевидно, что все это чистая выдумка...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Кто же вамъ это докажетъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Невинность Жанны. Вы могли судить объ этомъ по одному взгляду... Вы ее видѣли...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Извините, сударыня, но по некоторымъ причинамъ... по причинамъ, которыя бесполезно вамъ здѣсь объяснять, я не могу равнодушно слушать толки, которые...

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Вамъ какое дѣло?.. Развѣ вы опекунъ молодой графини?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Нѣтъ, но я...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Другъ дома Клермоновъ?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Нѣтъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Сослуживецъ маршала?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Не имѣю этой чести.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Въ такомъ случаѣ, по какому праву вы хотите непременно повѣрить недостойнымъ подозрѣніямъ?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. По долгу совѣсти. Она приказываетъ мнѣ предупредить объ этихъ слухахъ особъ, которыхъ они очень близко могутъ касаться.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы меня ужасаете! При комъ же я имѣла несчастіе говорить?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. При другѣ маркиза де-Ренневиля.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Отца Гектора?.. Ахъ, умоляю васъ...

СЕНТЬ-ИРЬЕ. (*идетъ за шляпой, которая лежитъ на стуль въ глубинѣ сцены*). Я знаю мою обязанность, сударыня. Гербъ Ренневилей долженъ остаться незапятнаннымъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Что же вы намѣрены дѣлать?

СЕНТЬ-ИРЬЕ. Я знаю мою обязанность, и знаю что мнѣ остается сдѣлать. (*Уходитъ*).

Г-ЖА ДЮВЕРНУА. Какой соблазнъ! Въ шестнадцать лѣтъ ужъ имѣть интриги!

Г-ЖА КУРТЕНЪ. Да!.. Это плоды нынѣшняго воспитанія!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Въ самомъ дѣлѣ, это что-то неслыханное. (*Тихо и злобно г-жѣ де-Блосакъ*). Безразсудная женщина! Какъ вы могли рассказывать такія вещи при этомъ старикѣ?.. Вѣдь онъ другъ маршала де-Ренневиля!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ, я въ отчаяніи!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Вретъ! Она это знала!.. (*Громя*). И вѣдь исторія сама по себѣ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Чистая истина.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Неправда!.. чистая клевета.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Скоро вы все узнаете. Разсказъ этотъ совершенно справедливъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Справедливъ?.. Никогда бы я не повѣрилъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Что?..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Такъ, ничего, я говорю, что вы счастливы...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Богато-меблированная зала въ домѣ маршала д'Эстиньи; въ глубинѣ сцены оранжерея.

I.

МАРШАЛЪ стоять, СЕКРЕТАРЬ сидятъ налѣво.

МАРШАЛЪ (*диктуетъ*)... «И тогда-то посреднической конгрессъ, убѣжденный основательностью моихъ доводовъ, опредѣлилъ: оставить безъ измѣненія границы участковъ, обращенныхъ въ свѣтскія владѣнія...» Прекрасно! На этомъ и остановимся; сегодня ночью еще разъ перечитаю всю главу... Эта статья мнѣ нравится... И потрудился же я надъ нею... Нельзя было иначе. Фактъ самъ по себѣ былъ слишкомъ сухъ... Иногда рѣшительно невозможно писать только то, что было въ самомъ дѣлѣ... Надо прикрасить да и прикрасить... А! вотъ и моя хорошенькая Жанна!.. Я очень устала... Ступайте, отдохните, любезный Жираръ... Послѣ этой тяжелой работы, милый лепетъ ея развлечетъ меня. (*Секретарь уходитъ. Жанна не рѣшается войти*).

МАРШАЛЪ. Войди же, Жанночка!

ЖАННА. Что это? Вы ужъ можете ходить?.. Какъ я рада!.. Дайте хорошенько расцѣловать васъ за это... А подагра, улетѣла?.. Моя помощь ей ужъ не нужна?.. Ахъ, милый дѣдушка, какъ я счастлива!..

МАРШАЛЪ (*беретъ ее за руку и садится*). Такъ ты очень любишь твоего бѣднаго дѣда?

ЖАННА. Да, очень, очень!.. Вы такъ добры!.. Васъ нельзя не любить!.. И потомъ—меня какъ ребенка забавляетъ, что я могу ласкать васъ .. забавляетъ... Когда я вижу, что при васъ всѣ ведутъ себя такъ чинно, церемонно... въ комнатахъ вашихъ говорятъ шопотомъ... не смѣютъ съѣсть безъ вашего позволенія... Когда я увижу всѣ эти знаки подобострастія, мнѣ становится забавно, что съ этой знатной особой одна я могу обходиться запросто, броситься къ ней безъ церемоніи на шею, цѣловать господина маршала и господина посланника... съѣсть къ нему на колѣна... безъ позволенія... Чудо, какъ весело!.. (*Садится на колѣна къ маршалу*).

МАРШАЛЬ. О, баловница, баловница! (*Обнимает ее*). Счастье ваше, сударыня, что скоро добрый мужъ заставитъ васъ приняться за умъ.

ЖАННА (*встаетъ*). Онъ, заставитъ?.. Хмъ!.. Гекторъ будетъ баловать меня, также какъ и всѣ... ужъ я знаю.

МАРШАЛЬ. Право?.. Какъ же ты это угадала? Ге?

ЖАННА. Потому, какъ онъ на меня смотритъ: такъ мило, такъ мило, такъ мило!.. Никто никогда еще такъ не глядѣлъ на меня...

МАРШАЛЬ. Я думаю, онъ смотритъ на тебя также кротко и нѣжно, какъ и я...

ЖАННА. О нѣтъ!.. совсѣмъ не такъ!..

МАРШАЛЬ. Какая жъ разница между его взглядами и моими?

ЖАННА. Ихъ нельзя сравнивать... Тутъ нѣтъ ничего общаго... И дѣйствіе совсѣмъ не то... Когда вы на меня смотрите, я тоже могу глядѣть на васъ, а онъ... лишь только устремитъ на меня свои глаза, я не знаю куда дѣваться съ моими... я и очень рада, и очень довольна, а между тѣмъ и уйти бы хотѣлось... Для меня это престранно!..

МАРШАЛЬ. Однакожь ты не уходишь?

ЖАННА. Нѣтъ... Я тогда немножко похожа на госпожу де-Блосакъ, когда она входитъ сюда... робью... дрожу... Дѣдушка, правда, что вы на ней женитесь?

МАРШАЛЬ. Нѣтъ, дитя мое. Кто тебѣ сказалъ? А развѣ тебѣ это было бы непріятно?

ЖАННА. Мнѣ?.. Нѣтъ, право нѣтъ. Я ее очень люблю; она такая добрая!.. и такъ вамъ предана!.. Мы бы вмѣстѣ ухаживали за вами.

МАРШАЛЬ. Съ чего ты взяла, что она предана мнѣ?

ЖАННА. Она мнѣ это цѣлый день твердитъ; говорить о васъ безпрестанно; жалѣетъ, что вы такъ больны... И какъ, я думаю, она будетъ рада, что вы выздоровѣли... Вѣдь вы выздоровѣли, мой добрый дѣдушка?

МАРШАЛЬ (*встаетъ*). Да, и хочу пуститься съ тобой въ предальнюю прогулку.

ЖАННА. Это безразсудно. Я не хочу.

МАРШАЛЬ. Мы далеко не уйдемъ... не выйдемъ изъ дому... Я свожу тебя въ твои будущія комнаты.

ЖАННА. Въ первомъ этажѣ, окнами въ садъ, которыя вы отдѣляете для Ренневиля?

МАРШАЛЬ. Какъ?.. Ты ужъ знаешь?.. А я хлопоталъ, хлопоталъ, чтобъ это было для тебя сюрпризомъ!

ЖАННА (*скопфуженная*). Ахъ, что я надѣлала!.. Вотъ глупость!.. Я и забыла, что надо было прикинуться изумленною.

МАРШАЛЪ. Кто же выдалъ тебѣ мою тайну?.. Наверно не мать...

ЖАННА. Нѣтъ, вашъ старый секретарь нечаянно проговорился. Но я общала и виду не подавать, будто чтонибудь знаю... Ахъ, не браните его... я виновата!..

МАРШАЛЪ. Это доказываетъ, что ты не умѣешь лгать.

ЖАННА. О, нѣтъ, очень умью, а на этотъ разъ я просто забыла... Я вѣдь превѣтренная!

МАРШАЛЪ. Я самъ занимаюсь убранствомъ твоей комнаты, и дарю тебѣ къ свадьбѣ всю мебель, которую ты тамъ найдешь.

ЖАННА. О, какъ вы добры!.. Ну, какъ же не любить васъ?

МАРШАЛЪ. Пойдемъ же смотрѣть...

ЛАКЕЙ. Госпожа де-Блосакъ.

ЖАННА. До свиданія, дѣдушка!

МАРШАЛЪ. Что это? Ты ужъ бѣжишь отъ меня?

ЖАННА. Да, дѣдушка. Маменька сказала, чтобъ я тотчасъ же ушла, какъ только придетъ къ вамъ ктонибудь.

МАРШАЛЪ. Такъ мы осмотримъ комнаты завтра... А покамѣстъ положи вотъ это въ свой туалетъ. (*Подаетъ ей ларчикъ*).

ЖАННА (*беретъ ларчикъ*). Ахъ, какое прекрасное ожерелье!.. Какой жемчугъ!.. Только ужъ слишкомъ хорошо!.. Маменька не позволить мнѣ его носить. (*Г-жа де-Блосакъ является въ глубинѣ сцены*).

МАРШАЛЪ. Слишкомъ хорошо для Жанеты... Но для графини де-Ренневиль...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Для графини де-Ренневиль? Какъ бы не такъ!.. Подожди-ка еще!

ЖАННА. Для графини Ренневиль!.. Дѣдушка, вы не повѣрите... все это мнѣ еще кажется какимъ-то волшебствомъ!.. Ахъ, госпожа де-Блосакъ!.. (*Тихо маршалу, указывая на г-жу де-Блосакъ*). Посмотрите, какъ она оробѣла, смѣшалась... точь въ точь, какъ я при немъ... (*Убѣгаетъ въ среднія двери*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*не рѣшается войти*). Извините, маршалъ!

МАРШАЛЪ. Сдѣлайте одолженіе, войдите! Или угодно вамъ заставить бѣднаго подагрика бѣжать къ вамъ навстрѣчу?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я боялась вамъ помѣшать, вы разговаривали съ вашею внучкой.

МАРШАЛЪ. Боялись? Неужели вы боитесь Жанны?.. Малютка васъ обожаеть...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ притворнымъ чувствомъ*). Милое дитя!..

Я нарочно пришла раньше, чтобъ застать васъ однихъ... на одну минуту...

МАРШАЛЬ (*ведетъ г-жу де-Блосакъ къ канаве направо*). Вър-но хотите просить за кого нибудь?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ... мнѣ не о чемъ васъ просить... но мнѣ необходимо было видѣть васъ безъ свидѣтелей... необходимо... увѣрю васъ... Васъ это должно удивить... я и сама себѣ не могу дать отчета... ахъ!

МАРШАЛЬ. Ну, какъ вы?.. что вы?.. Я очень счастливъ, что вижу васъ наконецъ... Мнѣ сказали — вы не можете прийти сегодня, что еще хуже чувствуете себя, чѣмъ вчера.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*улыбаясь въ смущеніи*). Въ самомъ дѣлѣ, я не могла прийти... чувствуя себя еще нездоровѣе... но... пришла... у меня достало столько силы.

МАРШАЛЬ (*съ чувствомъ*). И какъ я вамъ за это благодаренъ... Я ужъ вполнину здоровъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*трепещетъ и не смѣетъ взглянуть*). Я знаю... Во все время вашей болѣзни я очень грустила, что не могла васъ видѣть... одно утѣшеніе было... получать о васъ извѣстія по два раза въ день... Г Жиранъ, вашъ секретарь, былъ такъ добръ, приходилъ всякое утро и всякій вечеръ сказать мнѣ, что и какъ вы... До тѣхъ поръ, бывало и уснуть не могу... Такъ вы поправились?.. Слава Богу!

МАРШАЛЬ. Жанна мнѣ много говорила сегодня о томъ, что какое участіе вы во мнѣ принимаете... рассказывала...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*прерываетъ его съ притворнымъ гнѣвомъ*). Ужъ успѣла! Ахъ, я право въ отчаяніи!.. При ней нельзя слова сказать... Что за нескромность!.. Нѣтъ!.. Этого я не прощу ей! Какъ несносно, если молоденькая дѣвушка такъ дурно воспитана!.. Конечно, она очаровательна, и никто не любитъ ее больше меня; но сознайтесь — графиня не права... Какъ можно позволять дочери говорить все, что взбрѣдетъ ей въ голову... повторять все, что слышитъ?... Эта вѣчная нескромность можетъ очень вредить другимъ.

МАРШАЛЬ (*нѣжно*). Что до меня касается, я никакъ не могу на нее пожаловаться... Пока она будетъ ограничивать свое предстательство только рассказами о вашемъ участіи, благосклонности ко мнѣ, до тѣхъ поръ я буду ей прощать отъ всего сердца... и желаю, чтобъ и вы ей прощали... Иначе долженъ думать, что она солгала. (*Беретъ ее за руку*). Вы больше не сердитесь на нее?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Къ несчастію, во мнѣ слишкомъ много добросовѣстности... Я не въ состояніи такъ скоро примириться съ нею.

МАРШАЛЪ. Дурно!.. Значить все, что мнѣ говорили о расположеніи, о живомъ и тепломъ участіи вашемъ ко мнѣ—чистая выдумка?.. Вы отрицаете рѣшительно все?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. О нѣтъ!.. Но, ради Бога, оставьте это!.. Къ чему объ этомъ думать?.. Ахъ, маршалъ... вы безжалостны!

МАРШАЛЪ. Вы вѣрно всегда таковы: подаете надежду для того только, чтобъ тутъ же и отнять ее, да?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ!

МАРШАЛЪ. Да?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я васъ не понимаю.

МАРШАЛЪ. Вѣрно я одинъ несчастный, къ которому нѣтъ у васъ состраданія!.. Хотите ли... (*Входитъ слуга*). Кто-то идетъ.

СЛУГА. Англійскій посланникъ прислалъ спросить, можете ли вы его принять.

МАРШАЛЪ. Проводить его въ мой кабинетъ. (*Слуга уходитъ*). Проклятыя дѣла!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ, сдѣлайте милость...

МАРШАЛЪ. Позвольте просить васъ подождать меня здѣсь... Я сію минуту возвращусь... сію же минуту... (*Всторону*). Какъ она смущена!.. Г. посланникъ слишкомъ рано пожаловалъ. (*Уходитъ*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ одна (*слѣдитъ глазами за маршаломъ*). Какъ ему не хотѣлось уходить отсюда!.. Никогда не видала я его такимъ нѣжнымъ. Конечно!.. онъ влюбленъ!.. Все мнѣ благопріятствуетъ... Жанна компрометирована... будетъ отказъ... самый оскорбительный... огласка... Какой ударъ для маршала!.. Влюбленъ и несчастливъ!.. Непремѣнно придется ему обратиться ко мнѣ.

II.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*входитъ слева*). Вы однѣ?.. А гдѣ же маршалъ... (*Понизивъ голосъ*). Кажется, вы ужъ вступили въ должность хозяйки дома?.. Принимаете его гостей?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Онъ тамъ, съ англійскимъ посланникомъ... сейчасъ придетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. О! да какой же у насъ торжествующій видъ!.. Что, развѣ старикъ и Ренневиль ужъ разбранились?.. Бомба лопнула?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ еще.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Какъ?.. До сихъ поръ это интересное семейство еще не въ отчаяніи?.. Чтоже могло васъ такъ осчастливить?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Зло всегда меня глубоко огорчаетъ, и не будь я убѣждена, что дѣлаю доброе дѣло, никогда бы не рѣшилась доводить до отчаянія людей, которыхъ уважаю... Но вы видите—я не могу... обязана... Дѣль въ томъ...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Чтобъ обезславить благородное семейство и погубить молоденькую дѣвушку.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Напротивъ, милостивый государь, чтобъ недопустить благородное семейство до безславія принятиемъ въ среду свою потерянной дѣвушки.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Это только другая точка зрѣнія... Въ свѣтъ все зависитъ отъ точки зрѣнія... Но позвольте объясниться какъ слѣдуетъ... Я чистосердечный негодяй... потѣшаю злыхъ, но вовсе не принадлежу къ этой почтенной братиѣ... Во мнѣ есть расположеніе къ добру... естественное призваніе... художническое... Куда вы меня тащите?... скажите, пожалуйста, я рѣшительно не понимаю... Если Жанна преступна — не мое дѣло защищать ея честь, и въ такомъ случаѣ представляю вамъ дѣлать все, что заблагоразсудится... Но если она невинна... не худо объ этомъ прежде поразмыслить... я вашъ повѣренный, но, покориѣйше васъ благодарю, ничуть не намѣренъ быть вашимъ сообщникомъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не беспокойтесь, у меня всё улики на лицо...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. А свидѣтельство Шарля? Онъ непременно защититъ ее, какъ благородный человѣкъ... Его слѣдовало бы поостеречься...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Шарль—въ Смирнѣ (*Всторону*). Ужъ я знаю, что дѣлаю.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да вѣдь изъ Смирны можно пріѣхать: ему написать.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Когда онъ пріѣдетъ...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Понимаю, понимаю... къ тому времени вы ужъ будете замужемъ, будете — супруга маршала... Дѣло!.. Видѣли вы старика?.. сказали, что любите его?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ, увѣряю васъ—нѣтъ... Не мое дѣло говорить ему объ этомъ...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Чье же, если не ваше?.. Я полагаю однакожъ, что и не мое?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Этакъ оно, можетъ быть, лучше бы вышло...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Что такое?.. Вы хотите, чтобъ я за васъ объяснился маршалу въ любви?.. чтобъ я сказалъ ему, что вы его любите?.. А чтоже вы-то ему скажете?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Скажу, что—не люблю его.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Это зачѣмъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Затѣмъ, чтобъ онъ думалъ, что...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Чтобъ онъ думалъ, что вы его не любите?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ, нѣтъ!.. Я скажу ему, что не люблю его для того, чтобъ онъ думалъ, что я его люблю. Понимаете?..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Понимаю, понимаю!.. Ухъ, какъ хитро!.. Чортъ возьми, вотъ тонкость-то!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не мѣшаетъ говорить обо мнѣ съ холодностью, какъ о женщинѣ, мнѣніямъ и характеру которой вы нисколько не сочувствуете.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. (*Всторону*). Вотъ это уже гораздо легче.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Скажите, что во мнѣ есть большіе недостатки, между прочимъ одинъ, который можетъ быть для меня гибельнымъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Смѣю спросить, что это за единственный недостатокъ, который вы изволите имѣть?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Развѣ вы не угадали?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Что вы... слишкомъ благоразумны... Это будетъ и недостатокъ и достоинство... Кажется, хорошо придумано?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Хуже нельзя было!.. Если я слишкомъ благоразумна, значитъ — люблю не безъ причины, то есть, люблю изъ видовъ, по расчету...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Правда, глупо!.. Ахъ, знаю вашъ недостатокъ: скажу, что у васъ воображеніе слишкомъ пылко.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Старику-то?.. Вотъ богатая мысль!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Въ самомъ дѣлѣ — безразсудно! Этимъ можно его страшно перепугать... Однакожъ, что значитъ упражненіе! Приучаясь казаться осломъ, я въ самомъ дѣлѣ становлюсь имъ!.. Не могу придумать... Скажите сами — какой недостатокъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Развѣ не недостатокъ быть слишкомъ романтической, любить тишину и уединеніе; избѣгать свѣтскаго блеска и почитать идеаломъ...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Хижину и любовь!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Насилу-то!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Справедливо. Какое самое вѣрное средство сдѣлаться супругой маршала? Какое самое вѣрное средство соблазнить стараго, полуживаго Альмавиву, который хочетъ, чтобъ въ немъ любили его самого? Сказать, что желаешь выйти замужъ только по любви... Признаюсь, стоить побыть въ вашей школѣ!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ сейчасъ придетъ; онъ меня любитъ

но мнѣ надо знать, что у него на умѣ. Постарайтесь вывѣдать... Я оставлю васъ вдвоемъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. А вы куда же?.. Неужто совсѣмъ уходите?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Пойду въ оранжерею къ садовнику. Надо расширить его, что случилось съ Леонаромъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Съ Леонаромъ? Что это за Леонаръ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Прежній садовникъ старой маркизы де-Клермонъ, тотъ, что засталъ Жанну и Шарля въ саду.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вотъ что!.. Однако какъ вы торопились стереть ее съ лица земли!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Надо отыскать этого свидѣтеля.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). И мнѣ тоже. Бѣдная Жанна!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Потомъ придите рассказать мнѣ о вашемъ разговорѣ, я буду у фонтана.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Берегитесь! Въ оранжереѣ есть фіалки.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*взглянувъ на него съ ненавистью*). Фіалки!.. Злой человѣкъ!.. Какое несчастье, что я должна зависть отъ него! (*Уходитъ*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*одинъ*). Злая женщина!.. Какое несчастье, что я долженъ зависть отъ нея!.. Да будетъ проклятъ день, когда она меня спасла!.. Я ненавижу ее, а между тѣмъ принужденъ ей услуживать.. Пусть бы поскорѣ вышла за маршала. Принужу ее сдержать слово, получу мѣсто, при первой возможности расплачусь съ ней, и тогда — долгъ мой будетъ заключаться въ одной признательности... Вотъ и маршалъ!.. Какъ-то справлюсь я съ моими нѣжными признаніями?.. (*Отходитъ въ глубину комнаты*),

III.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ, МАРШАЛЪ.

МАРШАЛЪ (*входя и думая встрѣтить г-жу де-Блосакъ*). Наконецъ я свободенъ, дорогая моя сосѣдка! (*Увидя де-Турбиера*). А! Баронъ!.. Куда же дѣлась г-жа де-Блосакъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Она прогуливается въ вашей прелестной оранжереѣ: тамъ дѣйствительно чудесно.

МАРШАЛЪ. Вѣрно съ графиней?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Незнаю. Тамъ много дамъ.

МАРШАЛЪ. Вы обѣдаете съ нами?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*занятый своею мыслью*). Благодарю за честь... господинъ маршалъ... (*Всторону*). Незнаю съ чего начать?

МАРШАЛЪ. Что съ вами? Вы чѣмъ-то сильно озабочены?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Правда. Мнѣ необходимо узнать одну вещь... весьма важную... о которой я не могу никого спросить... и потому, для успѣха, долженъ найти тонкое, осторожное средство. Вы бы сейчасъ угадали, г. маршалъ.

МАРШАЛЪ. Еще бы!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Узнавать не спрашивая—это вашъ талантъ.

МАРШАЛЪ. Признанный за мной. Вотъ именно во время послѣдняго моего посольства въ Австрію... вѣдь я много разъ былъ посылаемъ къ тамошнему двору...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Знаю, знаю.

МАРШАЛЪ. Со мною былъ случай чрезвычайно схожій съ затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ вы теперь находитесь.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). Ну! Опять случай!

МАРШАЛЪ. Пока дамы гуляютъ, я успѣю вамъ разказать...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). Ну, накликалъ на себя бѣду!.. Впрочемъ подѣломъ мнѣ!..

МАРШАЛЪ. Сядьте, любезный баронъ!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). Если сяду—навѣрно засну.

МАРШАЛЪ. Возьмите кресло.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Благодарю!.. Я постою.

МАРШАЛЪ. Видите, въ чемъ дѣло. Надо было вывѣдать тайну, государственную тайну, которую князь Меттернихъ довѣрилъ только одному лицу.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Только одному... ужъ и это много.

МАРШАЛЪ. Такъ и вышло. Вы сейчасъ увидите. Это довѣренное лицо былъ—Фюрстенгауфенъ-фонъ-Шпитценштейнъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). Эхо съ трудомъ повторить это имячко! (Громко). Баронъ...

МАРШАЛЪ. Фюрстенгауфенъ-фонъ-Шпитценштейнъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Зналъ кому ввѣрить тайну! Человѣкъ съ подобнымъ именемъ долженъ быть нѣмъ какъ могила.

МАРШАЛЪ. Тайну онъ въ самомъ дѣлѣ сберегъ, но не сдумалъ сбереечь своей жены.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). Вотъ что! Женскій случай!.. Пушу въ ходъ мои объясненія... не стану слушать твою исторію... (Громко). Жену, которую вы свели съума?.. Чтожъ мудренаго? Онѣ васъ всѣ обожаютъ.

МАРШАЛЪ. Да, прежде я имъ таки правился, а теперь...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь! Я знаю одну... Вѣроятно замѣшательство ея не скрылось отъ васъ?

МАРШАЛЬ. Что вы мнѣ рассказываете?.. чтобы въ мои годы...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы слишкомъ признательны, не могли не угадать...

МАРШАЛЬ. Угадать? Что угадать? Вы подстрекаете мое любопытство. Ужъ не касается ли это того обстоятельства, которое васъ такъ сильно тревожитъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вамъ хоть ничего не говори... Вы читаете мысли.

МАРШАЛЬ. Нѣтъ, подчасъ и мнѣ нуженъ переводчикъ. Объясните въ чемъ дѣло?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вотъ въ чемъ. Я имѣю честь быть принятымъ, съ самою лестною благосклонностью, однимъ важнымъ лицомъ, котораго перо остро какъ шпага. Этому знаменитому воину приписываютъ намѣреніе вступитъ въ бракъ, о чемъ въ свѣтѣ уже серьезно поговариваютъ. Зная мою преданность къ этому лицу, каждый обращается ко мнѣ съ вопросомъ. Я не прошу его открывать мнѣ своихъ намѣреній... Прошу только научить меня что отвѣчать.

МАРШАЛЬ. Ахъ, эту особу женить!.. А на комъ же, скажите, сдѣлайте одолженіе?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. На женщицѣ, которая неоспоримо выше другихъ, но... прерамонической... Еслибъ я имѣлъ право высказать мое мнѣніе, я бы не посоветовалъ честолюбивому человѣку жениться на ней.

МАРШАЛЬ. А! такъ она романическая женщина?..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Можетъ быть, она составила бы его счастье своею нѣжностью, своими попеченіями, постояннымъ обожаніемъ; но этотъ человѣкъ, рожденный для свѣта, для великихъ дѣлъ, для славы—былъ бы потерянъ. Она ревновала бы его къ намъ всѣмъ и у нее была бы только одна мысль—запереться съ нимъ въ старинномъ его замкѣ, чтобы обожать его тамъ на свободѣ, подъ тѣнью деревъ и на цвѣтущихъ лугахъ... Это просто отчаяніе!..

МАРШАЛЬ. Ге-ге!.. Чтожъ?.. Я бы не прочь отъ подобной жизни. Но успокойтесь, объ этомъ никто и не думаетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Право? (*Всторону*). Чортъ возьми!.. Вотъ тебѣ и мѣсто!..

МАРШАЛЬ. Вотъ что вы можете отвѣчать.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Этого очень достаточно, господинъ маршалъ.

МАРШАЛЬ. Я даже знать не хочу о комъ вы говорили, на кого намекали. Что касается до меня, то единственный бракъ, который меня занимаетъ—это бракъ моей внучки. Вотъ и она съ своимъ женихомъ. Вѣрьте мнѣ, любезный баронъ, пора романовъ—это вотъ ихъ пора...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Пустяки! Старичекъ скромничаетъ. Онъ влюбленъ, и надо постоянно поддерживать въ немъ эту мечту.

МАРШАЛЬ. А вѣдь я у васъ въ долгу... Исторію барона...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Я самъ приду къ вамъ, попрошу разсказать. (*Всторону*). Не спаситесь мнѣ отъ нея!

МАРШАЛЬ (*всторону*). Не слишкомъ же онъ проникателенъ, этотъ бѣдный де-Турбиеръ, за то ужъ какъ внимательно слушаетъ!

IV.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ, ЖАННА, ГРАФИНЯ, МАРШАЛЬ, ГЕКТОРЪ.

МАРШАЛЬ. Здравствуйте, мой любезный Гекторъ! Чтожъ вы одни, а батюшка?

ГЕКТОРЪ. Я думалъ онъ здѣсь.

МАРШАЛЬ (*представляя де-Турбиера Гектору*). Баронъ де-Турбиеръ. (*Де-Турбиеру, указывая на Гектора*) Мой будущій зять. Я считаю Жанну дочерью, а мужъ ея будетъ моимъ сыномъ. Поди сюда, красавица моя! (*Цѣлуетъ Жанну*). Я выдаю васъ за достойнѣйшаго изъ молодыхъ людей, и если вы осмѣлитесь быть несчастливой, такъ у насъ будетъ сеора, сударыня!

ЖАННА (*смотря на Гектора*) Только навѣрно не сомною, дѣдушка.

ГРАФИНЯ. Маршалъ, я пришла вамъ сказать восхитительную новость.

МАРШАЛЬ. Знаю: вѣрно г-жа де-Блосакъ будетъ сегодня у насъ?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, гораздо лучше. Въ Парижъ пріѣхала одна изъ самыхъ дорогихъ особъ, прелестная иностранка.

МАРШАЛЬ. Кто же? Испанка, Русская, Итальянка.

ГРАФИНЯ. Англичанка.

МАРШАЛЬ. Герцогиня Клевеландъ.

ГРАФИНЯ. Вы рѣшительно все угадываете.

МАРШАЛЬ. Прелестная герцогиня. Завтра я поѣду къ ней. Гдѣ она остановилась?

ГЕКТОРЪ. Въ отелѣ Ваграмъ, гдѣ я ужъ почти два мѣсяца живу въ качествѣ путешественника, только что возвратившагося изъ двухлѣтняго странствія.

МАРШАЛЬ. Г-жа де-Блосакъ будетъ чрезвычайно рада увидѣться съ герцогиней. Онѣ вмѣстѣ путешествовали и очень дружны. Да гдѣ же она, я ее не вижу.

ГЕКТОРЪ (*изумленный*). Г-жа де-Блосакъ? Въ Шотландіи я встрѣчалъ часто дѣвицу де-Блосакъ.

МАРШАЛЬ. Эта—вдова убитого въ Индіи морскаго офицера. Вы вѣрно его знали.

ГЕКТОРЪ. Да, я встрѣтился съ нимъ въ Александріи... Это былъ отличный молодой человекъ. Только я не зналъ что онъ женатъ.

МАРШАЛЬ. И я не зналъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (всторону). И бѣдный покойникъ тоже не зналъ, потому что только послѣ его смерти вдовѣ его вздумалось выйти за него замужъ. (*Въ эту минуту г-жа де-Блосакъ является въ глубинѣ сцены*).

МАРШАЛЬ. А! Вотъ и она.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (тихо Гектору). Не показывайте изумленія! Это та самая... Подождите, пусть прежде она васъ узнаетъ.

ГЕКТОРЪ. Да, это она.

ГРАФИНЯ. Вы ее знаете?

ГЕКТОРЪ. Да. (*Бѣдно и съ презрѣніемъ*) Ее звали просто, Виргинія.

ГРАФИНЯ. Настоящее имя ея—Леди Тартюфъ, а теперь желаетъ она называться г-жею д'Эстиньи.

ГЕКТОРЪ (безпокойно) Вотъ что! А кто этотъ г. де-Турбиеръ, который говорилъ мнѣ о ней?

ГРАФИНЯ. Умный человекъ, но корчить дурака.

ГЕКТОРЪ. Съ чего вы берете, что онъ уменъ?

ГРАФИНЯ. Взгляните на его улыбку.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (входитъ на сцену и видитъ Гектора). Гекторъ!

МАРШАЛЬ (замѣтивъ перемѣну въ лицѣ г-жи де-Блосакъ). Вы кажется нездоровы? Что съ вами?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (съ непритворнымъ чувствомъ). Со мною? Ничего.

МАРШАЛЬ. У васъ руки холодны, какъ ледь.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Право ничего, увѣряю васъ.

МАРШАЛЬ (всторону). Неужели де-Турбиеръ сказалъ правду?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Сегодня вечеромъ у васъ будетъ большое собраніе?

МАРШАЛЬ. Вечеромъ, да... но къ обѣду мы ждемъ только Ренневиля. Я представлю вамъ его сына.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ, послѣ. (*Показываетъ на Гектора и Жанну, которые сидятъ другъ подле друга*). Не мѣшайте имъ.

МАРШАЛЬ. Ваша правда. Они восхитительны!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. На нихъ отрадно смотрѣть. Развѣ они ужъ успѣли полюбить другъ друга?

МАРШАЛЬ. Конечно. Жанна такъ хороша! Гекторъ отъ нея безъ ума.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону озираясь*). Что это Ренневиль такъ медлитъ?

ЖАННА (*Гектору, на другой сторонѣ сцены*). Вы этого не стоите.

ГЕКТОРЪ. Ну, миръ! Дайте руку! (*Жанна протягиваетъ къ нему руку и опять отдергиваетъ ее*). Кокетка!

ЖАННА. А! такъ быть кокеткой значить предложить руку и потомъ не отдать ее?

ГЕКТОРЪ. Именно.

ЖАННА. Не хочу же я быть кокеткой. (*Даетъ руку*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*посреди сцены, графиня*). Взгляните, какая трогательная картина! Можно сказать: любовь и дружба.

ГРАФИНЯ. Ахъ баронъ! Вы очень хорошо знаете, что въ пародіи, которая тамъ разыгрывается, дѣло идетъ вовсе не о дружбѣ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Такъ я скажу любви легкомысленной и любви серьезной.

ГРАФИНЯ. Скажите любви истинной, и любви ложной.

Г-ЖА ДЕ БЛОСАКЪ (*маршалу*). Вы мнѣ льстите. Я вамъ не вѣрю.

ЖАННА (*Гектору*). Вы вѣчно смѣтаетесь... Я вамъ не вѣрю.

МАРШАЛЬ (*г-жѣ де-Блосакъ*). Ренневиль не замедлитъ явиться; между тѣмъ надо же вамъ познакомиться съ моимъ зятемъ. Гекторъ, (*беретъ его за руку и представляетъ*) я намѣренъ представить васъ нашей любезной сосѣдкѣ, госпожѣ де-Блосакъ. (*Гекторъ молча кланяется*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Г. де-Ренневиль не хочетъ узнать меня... Конечно, въ два года я очень перемѣнилась.

ГЕКТОРЪ. Извините... я думалъ что вы не желаете.

МАРШАЛЬ (*Жаннѣ*). А вамъ, сударыня, также неудобно было надѣть мое ожерелье... Ни во что изволите ставить вниманье стараго дѣда...

ЖАННА. Маменька сказала, что я надѣну его въ день свадьбы, такъ водится.

МАРШАЛЬ. А, вы ужъ знаете какъ водится?.. Надѣнь сегодня вечеромъ непременно, хотя бы это было противъ обыкновенія.

ЖАННА. Если маменька позволить.

ГРАФИНЯ. Поди, Жанна, надѣнь, если дѣдушкѣ угодно. (*Жанна уходитъ*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Прелестная дѣвушка! будетъ самая покорная жена.
Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Она у нихъ просто идолъ. Чтожь это маркизь Ренневиль не ѣдетъ?

СЛУГА (*подаетъ письмо маршалу*). Отъ маркиза де-Ренневиля.

ГЕКТОРЪ. Отъ бабушки?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Наконецъ-то!

МАРШАЛЬ. Письмо?.. Развѣ онъ самъ не будетъ?

ГРАФИНЯ. Неужели болѣнъ?

МАРШАЛЬ. А вотъ, позвольте, сейчасъ узнаемъ.

ГЕКТОРЪ (*графинѣ*). Не можетъ быть. Я сію минуту отъ него.

МАРШАЛЬ. Да, это онъ пишетъ. (*Читаетъ*). «Любезный д'Эстиньи, не ожидайте меня сегодня вечеромъ... съ живѣйшимъ сожалѣніемъ».. (*читаетъ просебя*).

ГРАФИНЯ. Что такое?

МАРШАЛЬ (*въ смущеніи*). Г. Ренневиль не можетъ быть у насъ.

ГЕКТОРЪ. Что съ нимъ?

МАРШАЛЬ. Ничего... ничего.

ГРАФИНЯ. Но какая же причина?

МАРШАЛЬ. Я не могу... не долженъ... я послѣ скажу вамъ...

ГРАФИНЯ. Чтожь это такое?

МАРШАЛЬ. Препятствіе... минутное... важнаго ничего быть не можетъ.

ГРАФИНЯ. Препятствіе?

МАРШАЛЬ (*Гектору*). Недоразумѣніе..

ГЕКТОРЪ. Недоразумѣніе?

МАРШАЛЬ. Я увѣренъ все разъяснится, но можетъ позадергать свадьбу.

ГРАФИНЯ. Задержать свадьбу?

ГЕКТОРЪ. Что вы говорите, Маршалъ?

ГРАФИНЯ. Позвольте мнѣ письмо, дядюшка.

МАРШАЛЬ. Нѣтъ, мнѣ надо прежде узнать...

ГРАФИНЯ. Дядюшка, дайте мнѣ письмо, я хочу прочитатъ его.

МАРШАЛЬ. Извольте, если вамъ угодно; но, прошу васъ, будьте спокойны, благоразумны...

ГРАФИНЯ. Вы меня ужасаете!.. (*Беретъ письмо изъ рукъ маршала*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Посмотримъ, какъ-то она отразитъ этотъ ударъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Несчастливая мать!

ГРАФИНЯ (*читаетъ просебя письмо; долго взоры всѣхъ устрем-*

лены на нее; прочитавъ, съ безстрастнымъ видомъ, отдаетъ его маршалу). Это нелѣпо!

МАРШАЛЪ. Нелѣпо.

ГЕКТОРЪ. Чтожь это такое, клевета?

ГРАФИНЯ. Даже и не клевета—безмыслица, за которую вашъ ба-
тюшка самъ первый вступится.

МАРШАЛЪ. Я ничего тутъ не понимаю.

ГЕКТОРЪ (*всторону, наблюдая за г-жею де-Блосакъ*). А, я
понимаю... и буду на сторожѣ.

ГРАФИНЯ. Отвѣчать—я буду.

МАРШАЛЪ. Вотъ и Жанна... Можно ее спросить...

ГРАФИНЯ (*гордо*) Жанну?.. Я, какъ мать, не позволяю ее спра-
шивать.

ГЕКТОРЪ. Маршалъ, Жанна будетъ моею женой, и честь ея мнѣ
принадлежить.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*опускается на диванъ*).. Онъ ее любитъ!

ГРАФИНЯ. Гекторъ!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*) Это ужасно! Я не въ состояніи долге
молчать. (*Громко*) Г. Маршалъ (*Г-жа де-Блосакъ встаетъ и бро-
саетъ на де-Турбіера грозный взглядъ. Де-Турбіеръ останавли-
вается*).

МАРШАЛЪ (*де-Турбіеру*) Вы хотѣли что-то сказать?

ГРАФИНЯ. Господа, будьте же повеселѣе!.. Дочь моя идетъ.

ЖАННА. Вотъ и я здѣсь. (*Общее оцѣпенье*). Посмотрите-ка на
меня въ ожерельѣ... Я чудо какъ хороша въ немъ!..

ГЕКТОРЪ. Какой дивный жемчугъ!

ГРАФИНЯ. Вы ее балуете, дядюшка!

ЖАННА. А вы развѣ не балуете?

СЛУГА. Кушанье подано.

МАРШАЛЪ. Пойдемте, пойдемте обѣдать... Да, да... Ваша правда...
все объяснится... (*Подаетъ руку г-жѣ де-Блосакъ*). Позвольте ва-
шу руку...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*тихо*). Несчастливая мать!

МАРШАЛЪ (*тихо*). Развѣ вы знаете?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*тихо*). Увы! всѣ знаютъ!

МАРШАЛЪ. Неужели?.. Какой срамъ!

ГРАФИНЯ. Баронъ, возьмите дочь мою. (*Беретъ руку Гектора*)
Ренневиль...

ГЕКТОРЪ (*всторону смотря на г-жу де-Блосакъ*) Лишить меня
жены и друга... это слишкомъ!.. я отомщу за нихъ!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Таже комната, что въ первомъ дѣйствіи.

I.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, БЕРТА.

БЕРТА (*входитъ изъ среднихъ дверей*). Подождите, я сейчасъ приду.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Что тамъ такое?

БЕРТА. Г. де-Ренневиль прислалъ спросить въ которомъ часу вы позволите ему явиться.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маркизь?

БЕРТА. Нѣтъ, не маркизь, а молодой Ренневиль, не отецъ, а сынъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*просебл*). Гекторъ!

БЕРТА. Не знаю какъ его зовутъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Скажите, что онъ можетъ видѣть меня въ три часа. Въ 12 часовъ я жду маршала. Смотрите, чтобъ всѣмъ отказывали, кромѣ маршала и Ренневилья... Онъ пріѣдетъ ко мнѣ по дѣлу.

БЕРТА. Само-собою разумѣется!.. такой молодой человѣкъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Если случится какъ нибудь, что Ренневиль пріѣдетъ; когда маршалъ еще будетъ здѣсь, такъ попросить его подождать и доложить мнѣ.

БЕРТА. Бѣдный маршалъ въ отчаяніи!.. Все это надо было предвидѣть; съумѣтъ ли такой вѣтренной, свѣтской матери сберечь дочь какъ слѣдуетъ, присмотрѣть за нею?.. Несчастная дѣвушка!.. Она пошла по слѣдамъ матери, и очень естественно... (*Г-жѣ де-Блосакъ*). А вотъ и г. маршалъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ!.. Это свиданіе должно рѣшить мою участь... (*Маршалъ входитъ. Берта уходитъ*).

II.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, МАРШАЛЪ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*бѣжитъ навстрѣчу маршалу*)... Ахъ, маршалъ, какое несчастіе!.. Сердце надрывается, какъ подумаю о васъ.

МАРШАЛЪ. Да, ужасный ударъ для меня... Я любилъ ее съ дѣтства, въ ней я полагалъ всю мою гордость, все мое будущее.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. И все погибло!

МАРШАЛЬ. Кто бы могъ подумать!.. Воображали ли вы когда нибудь, чтобъ Жанна могла имѣть интригу?.. Сказали ли бы вы, судя по ея наружности, по манерамъ, что она... не смѣю выговорить!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я такъ мало знакома съ обычаями большого свѣта, что мнѣніе мое ничего не значить.

МАРШАЛЬ. Не правда ли, какой у нея откровенный взглядъ... какая чистосердечная, благородная фізіономія!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да... но по моему... лица менѣ веселыя и не такъ наивныя, могутъ быть также не лишены благородства...

МАРШАЛЬ. Вѣрно бѣдняжка была увлечена... Что я буду съ нею дѣлать послѣ этой огласки?.. Теперь нельзя и думать выдать ее замужъ!.. Еще будь здѣсь Валере, можно бы уладить. Конечно, это былъ бы самый жалкій бракъ... но чтожъ дѣлать! тутъ выбирать нельзя...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Шарль Валере въ Смирнѣ, можно написать, чтобъ онъ поскорѣе пріѣхалъ сюда.

МАРШАЛЬ. А до тѣхъ поръ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Какъ опекуну Жанны и главѣ семейства, вамъ остается одно: отдать ее въ монастырь.

МАРШАЛЬ. Но графиня обожаетъ дочь свою, и я долженъ сознаться, что это единственная ея страсть. Материнская любовь предохранить ее отъ всякой другой привязанности.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. О! я вполне вѣрю, что она женщина рѣдкихъ правилъ и прекрасная мать... только теперь, послѣ такой огласки, она не можетъ заставить замолчать злые язычки. У нея нѣтъ вовсе этого строгаго вида, этого холода во взглядѣ, который...

МАРШАЛЬ. Которымъ вы обладаете вполне... Правда, племянница моя не много вѣтрена...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Убѣдите ее ѣхать въ Германію, къ сестрѣ, а Жанну отдать въ монастырь.

МАРШАЛЬ. Она ни за что не согласится!.. и потомъ, въ какомъ монастырѣ примутъ дѣвушку послѣ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Правда; но ее можно будетъ помѣстить отдѣльно отъ пансіонерокъ, я беру это устроить.

МАРШАЛЬ. Ахъ, вы оказали бы мнѣ большую услугу. Я никогда не рѣшусь предложить этого графинѣ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маленькое усиліе, и вы рѣшитесь... Да можетъ быть она и сама будетъ не прочь, чтобъ мы помогли ей выйти изъ затруднительнаго положенія... Но какъ вы блѣдны!.. какъ горе васъ измѣнило!.. Гадкіе люди!.. они опять сдѣлаютъ васъ больнымъ!..

МАРШАЛЪ. Больнымъ?.. напротивъ, они меня вылечили. Это ужасное потрясеніе выгнало изъ меня подагру какъ будто волшебствомъ. Знаю, возвратъ ея будетъ тѣмъ жесточе, но въ эту минуту я вовсе о ней не думаю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нечего сказать, отчаянное средство: безславіе цѣлаго семейства!.. Къ чему послужило ваше громкое имя въ исторіи родной страны?.. ваша слава, почести, которыхъ вы удостоены?.. все это помрачено въ одинъ день вѣтреностью дѣвочки!.. Это возмутительно!.. Знаете, это доводитъ меня до отчаянія!.. Я отдала бы жизнь, еслибъ только могла помочь вамъ!..

МАРШАЛЪ. Добрая, благородная женщина!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Знаю, смѣшно, что я такъ горячо за васъ вступаюсь... Я не имѣю права принимать ваше горе слишкомъ близко къ сердцу... но я такъ встревожена, такъ живо постигаю ваши страданія, что не въ силахъ владѣть собою, удержать негодованіе!..

МАРШАЛЪ. Ваше участіе снимаетъ у меня много тяжести съ души.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ притворнымъ чувствомъ, которое она какъ бы старается скрыть*). Право? Какъ бы я желала чтобъ это была правда!.. (*Садится возлѣ маршала; маршалъ смотритъ на нее, она притворяется, будто находится въ замѣшательствѣ*). Но довольно говорить о нихъ, поговоримъ о васъ, о вашихъ намѣреніяхъ... Эти люди уморятъ васъ; вамъ нельзя долѣе жить съ ними.

МАРШАЛЪ. Я тоже думаю. Однакожъ бросить ихъ, значить подтвердить подозрѣнія...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Увы!.. теперь ужъ нѣтъ ни подозрѣній, ни сомнѣній... есть одна ужасная дѣйствительность!.. Рассказывали, что садовникъ засталъ молодую графиню и Валере въ саду; думали отъ него узнать истину, и поѣхали въ отель, куда онъ переселился, отошедши отъ графини Клермонъ, и гдѣ завелъ, замѣтите, на графинины деньги, которыя она дала ему на обзаведеніе, превосходный питомникъ; стали расспрашивать, но садовникъ не могъ ни слова сказать въ оправданіе дочери своей благодѣтельницы, смутился, забормоталъ и отвѣчалъ, что пріѣдетъ самъ объясниться на счетъ этого приключенія, но только съ одною графинею.

МАРШАЛЪ. Все это меня чрезвычайно удивляетъ!.. Если я когда либо вѣрилъ въ невинность женщины, такъ только въ невинность этой вѣушки!.. Узнай я, что вы пияриганка, кокетка, это меня не болѣе

бы поразило. До такой степени притворяться!.. Это безчестно!.. (*Встаетъ и ходитъ по комнатъ*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Успокойтесь, ради Бога!.. надо поскорѣе забыть этихъ людей, они не имѣютъ права принадлежать къ вашему семейству... (*Встаетъ*). Да, наконецъ не ваше же имя безславится... ваше имя запятнать они не могутъ...

МАРШАЛЪ. Графиня дочь моей сестры, Жанна моя внучка; если не мое имя, все равно, моя кровь... Если я вышлю ихъ изъ моего дома, онѣ погибли. Ахъ! не знаю, что дѣлать! Я очень несчастливъ!..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. На вашемъ мѣстѣ, я бы нисколько не затрудняясь, устроилась какъ нельзя лучше и счастливѣе.

МАРШАЛЪ. Какъ же это сдѣлать, дорогая сосѣдка? научите меня! Вы сама мудрость... Честное слово я послѣдую вашему совѣту.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Но я... я... можетъ быть, не хочу, чтобъ вы ему слѣдовали.

МАРШАЛЪ. Стало онъ не хорошъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ горестью, которую какъ бы хочетъ скрыть*) Да, нехорошъ... для меня, но хорошъ для васъ, а я васъ такъ люблю, что ваше спокойствіе предпочитаю всему на свѣтѣ, чего бы оно мнѣ ни стоило, и не могу допустить, чтобъ вы грустили, отчаивались, и кромѣ меня не имѣли вокругъ себя утѣшенія...

МАРШАЛЪ. Чтожъ это такое?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. На вашемъ мѣстѣ, при одиночествѣ, которое вамъ предстоитъ, я бы рѣшилась на крайность... стала бы посѣщать общество, встрѣтила бы тамъ прекрасную, благородную, благовоспитанную дѣвушку... и предложила бы ей руку...

МАРШАЛЪ (*запѣтый за живое*). А, вы хотите меня женить? (*Всторону*) де-Турбиеръ ошибся. (*Садится на льво*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*наблюдая за нимъ*). Да, только бракъ по сердцу можетъ заставить васъ забыть постыдную исторію и возстановить ваше будущее... Дѣти вашей сестры позорятъ васъ, такъ надо, чтобъ у васъ были свои собственные, которыми бы вы могли гордиться, дѣти, достойные своего отца... Я васъ огорчаю? простите!.. Слова мои слишкомъ откровенны... Я не умѣю украшать моихъ мыслей... Что дѣлать, ужъ я такова съ дѣтства... Подумайте, какая разница была бы для васъ, еслибъ вы завтра же женились... хоть на дѣвицѣ Матиньонъ, напимѣръ?.. Она очаровательна!..

МАРШАЛЪ. Да вы не подумали о томъ, что дѣвица Матиньонъ красавица.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Большая бѣда! Миѣ кажется нѣтъ женщины, которая была бы слишкомъ хороша для васъ.

МАРШАЛЬ. Ей восемнадцать лѣтъ, она почти однихъ лѣтъ съ моею внучкой. Восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ выйти за такого старика, какъ я!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Старика? Вы старикъ? Ахъ, господинъ маршалъ, сколько есть молодыхъ людей... (*Прерываетъ себя съ очаровательнымъ кокетствомъ*) чуть было не сказала вамъ лести...

МАРШАЛЬ. Конечно, я еще не старъ для моихъ лѣтъ, но дѣвица Матиньонъ все же... слишкомъ молода для меня... Я хочу, чтобъ жена могла меня любить.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Она бы васъ полюбила... Посмотрѣла бы я, какъ бы она могла васъ не любить?.. Но вы, я вижу, не думаете о бракѣ и стараетесь отклонить эту мысль... такъ нечего и говорить объ этомъ. (*Беретъ стулъ и садится возлѣ маршала*). Однакожъ, только въ серьезной привязанности, въ попеченіяхъ о благѣ семьи, въ честолобіи, наконецъ потому что, я знаю, для дѣтей вашихъ вы опять сдѣлались бы честолюбивымъ, только въ этомъ новомъ существованіи, обещающемъ блестящую будущность, вы можете найти счастье... Я вамъ совѣтую это для вашей пользы, а не для своей. Говоря откровенно, для меня гораздо лучше, если вы не женитесь. Вы одни—я могу притти къ вамъ, больны, могу ходить за вами; а будь при васъ молоденькая, хорошенькая жена, я ужъ не смѣла бы васъ беспокоить; готовность служить останется всегда одна и таже, но право на это будетъ для меня потеряно... Видите, маршалъ, вы несправедливы, если негодуете на меня за то, что изъ любви къ вамъ я рѣшаюсь совѣтовать даже то, что для меня самой прискорбно. Вы должны благодарить меня за мое самоотверженіе!.. оно этого стоитъ... Чтобъ принести такую жертву, какую я приношу... надо слишкомъ сильно любить васъ!

МАРШАЛЬ (*очень расстроганный*) Но можно бы любить меня и не жертвуя собою.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Лучшаго я бы и не желала. Но что съ вами будетъ въ этомъ уединеніи, если вы не рѣшитесь... Не могу же я всегда быть при васъ...

МАРШАЛЬ (*беретъ ея руку*). Отчего же нѣтъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*встаетъ и отнимаетъ руку*). Г. Маршалъ!

МАРШАЛЬ. Вы думаете, что я хотѣлъ сказать?.. Зная ваши правила, Виргинія, могу ли я предложить вамъ что либо недостойное васъ?.. Вы меня худо поняли.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*улыбаясь*) Я васъ совѣмъ не понимаю.

МАРШАЛЪ. То есть не хотите понять...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*улыбалась въ замѣшательствѣ*). Потрудитесь объяснить.

МАРШАЛЪ (*всторону*). Ничего и не подозрѣваетъ!.. Ей и въ голову этого не приходитъ... и между тѣмъ она любить меня.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы обдумываете?... Стало это очень трудно выразить?

МАРШАЛЪ. Довольно трудно .. нужно особое искусство...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Тонкій дипломатъ долженъ умѣть заставить на все согласиться...

МАРШАЛЪ. Ну, такъ слушайте!.. Ваша благодѣтельная мысль навела меня на другую.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. На какую?

МАРШАЛЪ. Она, коли хотите... въ сущности та же самая...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ, какъ темно!.. Другая, которая въ сущности—таже самая. Я совершенно теряюсь. Это ужъ черезъ чуръ дипломатически.

МАРШАЛЪ. То есть, ваша мысль, только съ маленькой переменой... Вы меня совершенно убѣдили въ прелести супружеской жизни... Одиночество мнѣ надоѣло... хочу жениться... Но я желалъ бы взять въ жены не дѣвицу Матиньонъ, а такую женщину, которой возрастъ и наклонности болѣе сходны съ моими; я ее давно уже люблю и думаю, что и она нѣсколько привязана ко мнѣ... вы угадали?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*въ сильномъ волненіи и съ горькимъ чувствомъ собственнаго достоинства*). Нѣтъ, маршалъ.

МАРШАЛЪ. Опять я вамъ скажу: не хотите угадать...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*въ большомъ смущеніи*) То, что я угадываю, было бы безуміемъ.

МАРШАЛЪ. Безуміемъ?... васъ любить?... желать имѣть женою васъ, самое благородное, сострадательное созданіе, мою утѣшительницу, самаго преданнаго мнѣ друга?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. О, да... самаго преданнаго!.. Вы совершенно правы!.. Но заставить васъ рѣшиться на подобное безуміе, да, да, безуміе... выйти за васъ, значило бы показать, что вся эта преданность была не иное что, какъ расчетъ... Да и свѣтъ не простилъ бы вамъ этого брака...

МАРШАЛЪ. Но.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*смѣясь*) Ненавистнаго брака... Я первая была бы противъ него... и не дала бы вамъ согласія... Подумайте только, у меня ничего нѣтъ!.. Ахъ, я, кажется, съ ума сойду... Вы жени-

тесъ на мнѣ?... это уморительно!.. Вы?... маршалъ?... Мысль вѣлѣ-
пая... безумная!.. но все равно... Я ужъ счастлива тѣмъ, что вамъ
хоть на минуту пришла эта мысль... (*Сильное волненіе, которое она
какъ будто хочетъ умѣрить*).

МАРШАЛЪ. Отчего же невозможно?... Конечно... если вы не люби-
те меня...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*скромно и нѣжно*) Ахъ! не въ томъ пре-
пятствіе.

МАРШАЛЪ (*въ восхищеніи*) Въ такомъ случаѣ, что же васъ без-
покоить?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Невозможно, говорю вамъ. Я не гожусь для
васъ. Я ненавижу свѣтъ; суетность его меня утомляетъ, удовольствія
наводятъ тоску... Вотъ еслибъ вы могли сказать мнѣ: «поѣдемъ жить
въ деревню, одни съ нашею любовью» — я отвѣчала бы: «Бѣдемъ сію
же минуточку!.. Я ваша на всю жизнь!»

МАРШАЛЪ (*съ живостью*). Отчего же не ѣхать?... Жить въ уединеніи
моя любимая мечта... Куда хотите, туда и отправимся... У меня есть
старинный замокъ; я убѣжденъ—онъ вамъ понравится... Тамъ мы об-
вѣчаемся .. безъ шума... будемъ жить другъ для друга... далеко отъ
людскихъ взоровъ... отъ большаго свѣта, который такъ вамъ стра-
шенъ... Въ этомъ очаровательномъ уголкѣ, близъ васъ, я забуду все
мои несчастія... Я васъ люблю... вы однѣ мое утѣшеніе!..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ!.. жить для васъ, утѣшать васъ!.. мысль
восхитительная!.. Я не въ силахъ скрыть восторга... И между тѣмъ—
мнѣ страшно неловко... Меня мучить, если я чувствую, что чѣмъ ни-
будь заинтересована... что поступаю не деликатно .. а не могу же я
не понимать, что подобное замужество для меня чрезвычайно выгод-
но... для меня, которой единственнымъ желаніемъ было—принести се-
бя въ жертву...

МАРШАЛЪ. Это-то васъ и стѣсняетъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да, очень.

МАРШАЛЪ. Вы очаровательны!..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Однакожъ, прежде чѣмъ дамъ слово, должна я
открыть вамъ... мою тайну.

МАРШАЛЪ (*безпокойно*). У васъ есть тайна?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да, я васъ обманула... Я не то, что вы ду-
маете... я не г-жа де-Блосакъ.

МАРШАЛЪ. Кто же вы?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. То есть, я не замужняя. . Я дѣвица де-Бло-
сакъ, и выдавала себя за вдову потому, что это болѣе шло къ моимъ

лѣтамъ и образу жизни; вы знаете, я живу совершенно одна; смѣшно же въ тридцать лѣтъ разыгрывать роль простодушной невинности... Но я никогда не была замужемъ... Господинъ де-Блосакъ никогда не существовалъ...

МАРШАЛЪ (*лукаво*) Никогда?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ благородною увѣренностью, потомъ улыбалась*) Никогда... Ахъ, впрочемъ, нѣтъ, былъ одинъ...

МАРШАЛЪ. А!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Именно одинъ—мой отецъ.

МАРШАЛЪ. Ахъ, несносная, какъ вы меня испугали!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Однакожъ время идетъ, и если вамъ угодно, чтобъ я отвезла вашу внучку въ монастырь.

МАРШАЛЪ. Я схожу за нею... Поскорѣе условимся на счетъ нашего дѣла... Мы ѣдемъ завтра вечеромъ... Я объявлю о своемъ отъѣздѣ, а вы не дѣлайте никакихъ приготовленій, скажите только, что ѣдете на дачу и будете тамъ ночевать... Я подожду васъ въ Веронѣ, и отвезу, да, такъ будетъ лучше, къ одной изъ моихъ пріятельницъ, которая мнѣ многимъ обязана... Вы останетесь у нее до самой свадьбы... Я буду до тѣхъ поръ, конечно не долго, навѣщать васъ, наслаждаться упойтельными правами жениха...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*въ смущеніи*) Мнѣ кажется—все это сонъ!.. Вдругъ такая радость, такое неожиданное счастье!.. Послѣ столькихъ лѣтъ уединенія и скуки... это слишкомъ!.. Простите моему волненію... я не могу его преодолѣть!.. О какъ я буду васъ любить!.. (*Плачетъ*).

МАРШАЛЪ. Виргинія!.. какъ я счастливъ!.. А шель къ вамъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ!.. Откуда вы берете это могущество?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Уйдите поскорѣе... я слышу—идутъ. Если увидятъ васъ здѣсь, такъ угадаютъ причину моего смущенія... (*Очень нѣжно*) Уйдите же!.. (*Маршалъ уходитъ и забываетъ свою трость*). Маршалъ, маршалъ, что это?.. забыли трость?..

МАРШАЛЪ (*улыбалась*) Вы сдѣлали меня такимъ молодымъ, что я в про клюку свою забылъ!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. И перчатки?.. Да вы прерасѣянный!

МАРШАЛЪ. Я счастливъ!.. (*Беретъ ея руку и хочетъ поцѣловать ее въ лобъ; г-жа де-Блосакъ отклоняетъ его; онъ цѣлуетъ ея руку*). Ахъ! какъ бы поскорѣе вернуться сюда!.. (*Уходитъ. Г-жа де-Блосакъ провожаетъ его, смотритъ ушелъ ли онъ и потомъ возвращается*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ торжествующимъ видомъ, въ избыткѣ*

гордости). Супруга маршала!.. наконец!.. наконец я начну дышать въ сферѣ почестей, въ сферѣ, вполне мнѣ приличной!.. Я не создана для низшихъ слоевъ общества, для столкновений съ существами мелочными и жалкими... Мнѣ душно въ этомъ омутѣ бѣдности и униженія!.. Мой сонъ осуществился!.. Дамъ же я вамъ себя знать, мои недруги!.. А!.. я неизвѣстно откуда пришедшая интриганка, пройдоха... прозванная Леди Тартюфъ... Леди Тартюфъ!.. Посмѣшище!.. хорошо же! Теперь я настоящая леди, знатная дама; теперь вы, графиня Клермонъ, племянница моя, должны будете привѣтствовать меня съ улыбкой на губахъ и льстить мнѣ, этой Леди Тартюфъ, какъ бы вамъ это ни было противно!.. Она будетъ моею племянницей!.. Ахъ!.. радость сводить меня съума!.. Гекторъ прѣдетъ!.. Гекторъ!.. Я увижу его! Увижу его здѣсь, у себя!.. О!.. это онъ?.. Нѣтъ!.. де-Турбиеръ...

III.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Опять я.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*). Вотъ несчастіе! Какъ бы отъ него отдѣлаться?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Я пришелъ не въ пору... Сейчасъ узнаемъ почему. (*Громко*). Берта не хотѣла меня пустить сюда, но я настоялъ. Надо передать вамъ мой разговоръ съ маршаломъ. Признаюсь, я остался имъ недоволенъ. Онъ и не думаетъ на васъ жениться.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Право?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Развѣ теперь! Нѣтъ ли чего новаго? Вѣдь онъ только что вышелъ отсюда.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*простодушно*). Сколько я знаю—ничего.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вѣдь вы говорили съ нимъ? Что онъ, какъ сегодня?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Очень печаленъ, само собою разумѣется.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. И больше для того, чтобъ вы окружали его утѣшеніями.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Еще рано.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Она лжетъ. (*Громко*). вмѣстѣ съ тѣмъ я пришелъ посовѣтовать вамъ во что бы ни стало удалить Жанну, она васъ погубитъ. Въ этой дѣвушкѣ такая бездна наивности, чистосердечія, что всѣ толки противъ нея сами собою разлетаются въ прахъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я не боюсь ее: она преступна.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Жанна преступна? Видно, что вы разучились различать эти вещи. Я поручился бы за ея невинность.

Г ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Откуда у васъ этотъ припадокъ рыцарства? (*Восторону*) Онъ и не думаетъ уйти.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Что это? Вы не хотите выслушать меня? Уходите?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Мнѣ нужно ѣхать... До свиданія! Приходите вечеромъ... Есть кое о чемъ съ вами поговорить. (*Уходитъ*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*одинъ*). Ложь! не уѣдетъ!.. ждетъ кого нибудь. Посмотримъ, кого?.. А! такъ вы не довѣряете мнѣ?.. значить, между нами все кончено! тѣмъ лучше!.. Мнѣ это очень полезно. Къ чорту ваша протекція, г-жа де-Блосакъ! Отказываюсь отъ нея для спасенія бѣдной Жанны... То есть, какъ глупъ свѣтъ!.. Не понять, что эта дѣвушка—олицетворенная чистота!.. Оправдаю ее!.. Но смогу ли?.. Надо прежде развязаться съ проклятымъ долгомъ. Ужасъ какъ подумаешь, что всего-то нужно не больше какихъ нибудь дрянныхъ двадцать тысячъ франковъ, чтобъ снова сдѣлаться благороднымъ человѣкомъ, что, не получи я этой суммы, я, баронъ де-Турбиеръ, могу остаться презрѣннымъ союзникомъ эхидны!.. Кто-то идетъ. (*Кланяется входящему Гектору*) Мое почтеніе!

IV.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. ГЕКТОРЪ.

ГЕКТОРЪ. Извините!.. (*Садится направо*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*восторону*). Гмъ!.. такъ его ждали?.. Подозрѣнія мои оправдались... Клевета придумана не безъ причины... Какъ онъ грустенъ!.. Увы! Будь у меня двадцать тысячъ, я бы прогналъ его печаль... Вотъ мысль!.. Попросить ихъ у него... (*Громко*) Графъ!

ГЕКТОРЪ. Что вамъ угодно?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Тсъ!.. я уѣхалъ, со мною простились. Говорите тихо и поскорѣе... Сколько бы вы дали, чтобъ невѣста ваша была оправдана?.. совершенно оправдана?

ГЕКТОРЪ (*встаетъ*) Все на свѣтъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Это пустая фраза, я не люблю фразъ.

ГЕКТОРЪ. Такъ вы не вѣрите, что она преступна?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Что я за дуракъ, чтобъ вѣрить вздору?

ГЕКТОРЪ. Ахъ, баронъ, какъ вы меня утѣшили! (*Жметъ ему руку*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Сколько бы вы дали, чтобъ изъ негодая сдѣлать че-

стнаго человѣка, изъ злаго—добраго, очень добраго... изъ опаснаго противника—самаго сильнаго союзника?

ГЕКТОРЪ. Все, чего негодяй ни потребовалъ бы.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Такъ одолжите мнѣ двадцать тысячъ франковъ, они мнѣ очень нужны... Я вамъ скажу для чего... и Жанна спасена!

ГЕКТОРЪ. Двадцать тысячъ, не больше? Да это пустяки!.. П я узнаю истину?.. Ахъ, другъ мой!.. стало, она вамъ извѣстна?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Нѣтъ еще, но я помогу вамъ открыть ее... Тутъ есть и ложь, и правда. Я постараюсь узнать ложь, вы постарайтесь вывѣдать правду.

ГЕКТОРЪ. Она знаетъ все?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Знаетъ, но ничего не скажетъ. Повидайтесь съ Леонаромъ.

ГЕКТОРЪ. Я рѣшился употребить все средства, чтобъ заставить ее говорить.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Она позволитъ вамъ употребить все средства, но, не проговорится. Вы ничего отъ нея не узнаете. Положитесь на меня. Я отправлюсь въ Блуа, буду скакать всю ночь. Сегодня вечеромъ въ пять часовъ я у васъ.

ГЕКТОРЪ. Моя квартира въ отелѣ Ваграмъ. Деньги будутъ готовы къ вашимъ услугамъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. И я опять честный человѣкъ!.. Сегодня въ пять часовъ и тридцать минутъ вечера затмѣніе злобнаго существа.. полное затмѣніе!.. О добродѣтель!.. Ты стоишь золота!.. Вотъ она!.. Я бѣгу... (*Уходитъ*).

ГЕКТОРЪ (*одинъ*). Попробуемъ лгать, какъ она... Прочь робость!

V.

ГЕКТОРЪ. Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ.

ГЕКТОРЪ (*подходитъ къ ней*) Извините, сдѣлайте одолженіе, если я не во-время...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*опираясь на спинку кресель*). Я ждала васъ... графъ... (*Всторону*) Я почитала себя гораздо тверже.

ГЕКТОРЪ (*всторону*) Какъ она разстроена!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*) Эта любовь меня погубитъ! (*Садится*).

ГЕКТОРЪ. Просьба моя вѣроятно васъ удивила?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нисколько. Я объяснила ее очень просто. Вы видѣлись съ вашимъ отцемъ, слышали отъ него, что объ этомъ груст-

номъ происшествіи разсказала я, и пришли узнать къ чему я это сдѣлала?.. Знайте же, Ренневиль (*въ лихорадочномъ волненіи*) я выдала молодую графиню потому, что не хочу, чтобъ вы на ней женились, потому что люблю васъ, и мысль, что Жанна будетъ вашею женою—для меня смертельна!.. Да!.. Ужъ четыре года какъ я васъ люблю!.. люблю безумно... и вѣрно это безуміе слишкомъ сильно, если оно могло въ одинъ день совершенно измѣнить меня... Четыре года слезъ и страданій — вотъ мои неотъемлемыя права на вашу любовь!.. Могла ли же я позволить, чтобъ молоденькая дѣвушка, которая васъ не знаетъ и если любить, такъ только изъ послушанія, по приказу, отняла у меня, шутя, эту любовь... любовь выстраданную мною...

ГЕКТОРЪ (*радостно*) Какъ?.. Неужели... нѣсколько мѣсяцевъ, которые мы провели вмѣстѣ въ Редкастлѣ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Конечно, вы не могли меня понять.

ГЕКТОРЪ. Могъ ли я надѣяться... на такое... счастье!.. Я не постигаю почему вы мнѣ говорите «люблю» съ такимъ ужаснымъ видомъ, какъ будто бы говорили: «ненавижу»... Вы, можетъ быть, думаете, что я могу быть этимъ недоволенъ?.. Нисколько. Я очень сожалею, что вы такъ долго страдали, и скажу вамъ, что роковая новость, которую вы мнѣ сообщаете, вмѣсто того, чтобъ испугать меня, дѣлаетъ очень счастливымъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*встаетъ, иронически*) Очень вѣрю, только совѣмъ иначе... Она любитъ меня, думаете вы, и чтобъ помѣшать моей женитьбѣ, оклеветала Жанну; стало быть, Жанна невинна... Вотъ какая мысль дѣлаетъ васъ счастливымъ. Признайтесь, вы ее очень любите?

ГЕКТОРЪ. Я?.. Я женюсь на ней... Этотъ бракъ задуманъ моимъ отцемъ. Графиня прелестна, и я всегда смотрѣлъ на нее какъ на милую дѣвушку и — больше ничего... Но теперь, когда узналъ, что она компрометирована вами... изъ-за меня... очень понятно, что она должна интересоваться меня гораздо болѣе, и честь моя велитъ мнѣ сдѣлать все, что отъ меня будетъ зависѣть, для оправданія Жанны. Въ этомъ случаѣ я надѣюсь на вашу великодушную помощь. Вы сдѣлали зло—исправьте же его.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Очень желала бы, но какъ это сдѣлать?.. Исторія, къ несчастію, справедлива!

ГЕКТОРЪ (*съ живостью*) Справедлива?.. Это невозможно!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*всторону*) Какъ онъ поблѣднѣлъ!.. Онъ обожаетъ ее.

ГЕКТОРЪ (*удерживая себя*) А какъ вы узнали ее... эту исторію?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Этого я не могу вамъ сказать сегодня, это тайна, и тайна чужая... одной дамы... Я совсѣмъ забыла о ней... но когда услышала неожиданную новость, что Жанна выходить замужъ, что ее выдаютъ за васъ... я все вспомнила... какъ бы вдохновеніемъ все подробности этой романтической ночи, совершенно исчезнувшія изъ моей памяти, воскресли — и вытѣ себя отъ безумной ревности... я все рассказала...

ГЕКТОРЪ. Если это происшествіе не выдумка, такъ я ровно ничего противъ васъ не имѣю и желаю только, чтобъ Жанна вышла замужъ за г. Валере... Онъ женатъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не знаю.

ГЕКТОРЪ. Графиня Клермонъ можетъ это устроить. Онъ не останется же всегда въ Смирнѣ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Развѣ онъ въ Смирнѣ?

ГЕКТОРЪ (*живо*) Конечно... а иначе... (*спокойнѣе*)... заставили бы его объясниться. Отецъ его былъ префектомъ въ Блуа, и графиня Клермонъ жила въ домѣ своей свекрови.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Старой маркизы де-Клермонъ.

ГЕКТОРЪ. Но въ это время старой маркизы не было уже въ живыхъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Она умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до того.

ГЕКТОРЪ. Вы ее знали?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ.

ГЕКТОРЪ. Отчего жъ вамъ такъ хорошо извѣстно время ея смерти?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*смѣясь, но въ смущеніи*). Какъ вы странно!

ГЕКТОРЪ. Въ какой улицѣ она жила въ Блуа?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не знаю.

ГЕКТОРЪ. Вы были въ Блуа?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ. (*Всторону*) Онъ хочетъ туда ѣхать. (*Громко*) Кончили допросъ? Вы были бы отличный слѣдственный судья.

ГЕКТОРЪ. Мнѣ очень хочется оправдать бѣдную дѣвушку, чтобъ не было упрека на совѣсти, и потомъ думать о другомъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Извольте, я помогу вамъ; пошлю сегодня вечеромъ къ дамѣ, которая замѣшана въ этомъ дѣлѣ, и все, что она позволитъ сообщить вамъ, будетъ вамъ передано. Довольны вы?

ГЕКТОРЪ (*нѣжно*). Вы вовсе не такъ злы, какъ кажется, и причина жестокости вашей очень льститъ мнѣ... Когда позволите мнѣ опять пріѣхать къ вамъ за новыми свѣдѣніями?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*тронутая*) Гекторъ, зачѣмъ этотъ тонъ?

ГЕКТОРЪ (*кокетливо*) Затѣмъ, что я начинаю думать, что это просто предлогъ... Угодно, я приѣду завтра?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*переходя направо*) Нѣтъ.

ГЕКТОРЪ. Почему?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Потому что прими я васъ здѣсь два раза—я погибла. Нѣтъ, я хочу, чтобъ здѣсь видѣли только людей степенныхъ, стариковъ...

ГЕКТОРЪ (*смѣясь*) Строгое правило!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не правило, а система, и система превосходная. Я обязана ей своей репутаціей.

ГЕКТОРЪ. Да, она таки твердо упрочена. Пытались было поколебать кое-какими сомнѣніями, но они были отвергнуты съ негодованіемъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Какъ же вы хотите? Свѣтъ требуетъ, чтобъ его обманывали. Будь я, въ самомъ дѣлѣ, такъ благородна, какъ кажусь, онъ оклеветалъ бы меня; но я лицемерна—онъ это угадываетъ, и между тѣмъ уважаетъ меня, конечно, такъ же лицемерно. Мы понимаемъ другъ друга. Я его знаю. Истинная, скромная добродѣтель возбуждаетъ его зависть... но ту, которая старается выказаться передъ нимъ—онъ терпитъ, чувствуя, что она притворна и что онъ не имѣетъ права унижать его... И это незаслуженное уваженіе—тоже лицемеріе... комедія... все комедія!..

ГЕКТОРЪ. Какъ вы хорошо изучили свѣтъ!.. Скажите же, почему вы считаете ненужнымъ играть при мнѣ комедію, которую такъ искусно играете передъ свѣтомъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ увлеченіемъ*) Почему?.. потому что не хочу играть ее при васъ... Вы имѣете надо мною какую-то особенную силу; съ вами я чувствую желаніе, необходимость быть искренней; при васъ все мои хитростные планы уничтожаются... Вліяніе ли это вашего благородства, любовь ли такъ меня превращаетъ, или вы воскрешаете во мнѣ добрую природу мою, искаженную свѣтомъ—не знаю, но вѣрно то, что первый разъ я нахожу невзяснимую прелесть говорить откровенно; маска моя спала; я чувствую съ восхищеніемъ свѣжій и чистый воздухъ на моемъ лицѣ. Голосъ мой свободный, непринужденный, отзывается плѣнительнымъ для меня самой простодушіемъ; глаза смѣло и гордо выражаютъ мысль... Ахъ, Ренневиль, какое превосходное чувство любовь!

ГЕКТОРЪ. Вы меня любите, и не хотите видѣть!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ притворною смѣлостью*) Здѣсь не хочу, но въ другомъ мѣстѣ, да!

ГЕКТОРЪ (*клянясь и улыбаясь*) Это еще лучше.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Гекторъ, прошу безъ пошлостей! Не искажайте единственнаго счастливаго ощущенія моей жизни!.. Съ тѣмъ, кого люблю, къ кому зываю, о комъ мечтаю столько лѣтъ, хочу быть чисто-сердечною... Для него я буду, въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ, чѣмъ для другихъ кажусь... Съ вами, Гекторъ, съ вами я буду благородна, откровенна, достойна. Это будетъ мое высшее блаженство!..

ГЕКТОРЪ (*всторону*). Что за странная женщина! (*Громко*) Когда позволите васъ видѣть?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я должна завтра вечеромъ уѣхать.

ГЕКТОРЪ. И такъ завтра...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Завтра въ два часа я буду у герцогини Клевландъ, въ отелѣ Ваграмъ.

ГЕКТОРЪ. Я тамъ живу, мои комнаты составляютъ часть герцогининой квартиры.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я ошибусь дверьми... Ждите меня.

ГЕКТОРЪ. Вы прїѣдете ко мнѣ?.. А если васъ узнаютъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Кто смѣетъ?

ГЕКТОРЪ. Если остановать?.. вдругъ несчастный случай откроетъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Чтожъ, если мнѣ нравится опасность въ мигъ потерять изъ-за васъ мое доброе имя?.. Если эта страшная опасность особенно для меня привлекательна, привлекательна какъ пропасть, соблазняющая всѣ честолюбія и всѣ любви? что вы подумаете, послѣ этого о моей привязанности? Что еще могу я для васъ сдѣлать?.. Не желая отдаться вамъ, чѣмъ инымъ могу доказать мою преданность?.. что предложить вамъ?.. у меня ничего нѣтъ кромѣ добраго имени!.. и имъ-то я рискую!.. Увы, вы защитите его лучше, чѣмъ я... потому что обезславить меня, значило бы связать себя... а вы... меня не любите!

ГЕКТОРЪ. Правда. Я серьезно предубѣжденъ противъ васъ и... не люблю васъ, но...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*съ увѣренностью*). Но полюбите!

ГЕКТОРЪ. Вы думаете?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я чувствую... Любовь моя слишкомъ сильна: она не можетъ не найти отголоска въ вашей душѣ... Меня она очень измѣнила, измѣнить и васъ; она выше силъ моихъ и будетъ выше силъ вашихъ.

ГЕКТОРЪ. Я приму свои мѣры.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Но могутъ прїйти сюда... До свиданія!

ГЕКТОРЪ. До завтра. Вы мнѣ сообщите, какъ общались, всѣ свѣдѣнія, какія соберете...

Леди Тартюфъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Да... до завтра.

ГЕКТОРЪ. До завтра. (*Уходитъ. Она смотритъ на него нѣжно и потомъ падаетъ въ изнеможеніи въ кресло*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*одна*). Боже! Какъ я люблю его!.. А, г. Ренневиль, вы думаете ничего не значить, что г-жа де-Блосакъ прѣдетъ къ вамъ?.. Не понимаете, что это безразсудное роковое свиданіе, гдѣ роль благородная назначена мнѣ, сдѣлается мученіемъ вашей жизни!.. Завтра... первый день моего владычества!.. Странно!.. изъ трусости, изъ боязни компрометировать себя, я сдѣлалась причиною смерти бѣднаго молодого человѣка, который любилъ меня... Теперь, мнѣ кажется, я должна искупить это преступленіе, обезславивъ себя для человѣка, котораго я люблю... Ахъ, какъ я люблю его!.. (*Маршалъ показывается въ глубинѣ сцены*). Маршалъ!

VI.

ЖАННА, МАРШАЛЪ, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ.

МАРШАЛЪ. Вотъ и я... Подожди, дитя мое!.. Я привелъ къ вамъ Жанну.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. А графиня?

МАРШАЛЪ. Она ничего не знаетъ... но можетъ спохватиться... Черезъ часъ ей надо ужъ быть въ монастырѣ; поѣдемте скорѣе, а то она отнимаетъ ее у насъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Сію минуту.

ЖАННА (*подходитъ*). Что это? вы еще не готовы? А дѣдушка сказалъ, что я опоздала.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*зоветъ*). Берга!

ЖАННА. Я позову ее и велю подать вашу шляпу и мантилью. Кухина моя очень будетъ рада меня видѣть; я скажу ей о своей свадьбѣ. (*Уходитъ*).

МАРШАЛЪ. О своей свадьбѣ!.. Я приказалъ приготовить все къ моему отъѣзду; завтра въ четыре часа выѣду изъ Парижа, а вы?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*разспянно*). Завтра вечеромъ.

МАРШАЛЪ. Пожалуйста, поскорѣе. Я боюсь, что...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Правда, надо спѣшить... (*Хочетъ идти; графиня является въ дверяхъ. Маршалъ и госпожа де-Блосакъ остаются навливаются пораженные*).

VII.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. ГРАФИНЯ, МАРШАЛЪ.

ГРАФИНЯ (*рѣшительно*). Гдѣ дочь моя? Мнѣ сказали Жанна съ вами, маршалъ... Я ее не вижу, гдѣ она?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Успокойтесь, графиня, она здѣсь.

ГРАФИНЯ. Ея мѣсто не здѣсь; я не хочу, чтобъ она была здѣсь... Я слышу ея голосъ... (*Хочетъ войти въ комнату, гдѣ видна Жанна*).

МАРШАЛЪ (*подходитъ къ графинѣ*). Я везу ее въ монастырь.

ГРАФИНЯ. Въ монастырь?.. Жанну въ монастырь!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Маршалъ, какъ ошкунъ Жанны, думалъ, что послѣ такой огласки благоразуміе требуетъ...

ГРАФИНЯ. Маршалъ ничего не думалъ... этою выдумкой онъ обязанъ вамъ.

МАРШАЛЪ. Графиня!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Съ чего вы берете, графиня, что это моя мысль?

ГРАФИНЯ. Съ того, что она адская и безелавитъ мою дочь!.. Прятать дѣвушку, на которую клеветуютъ, значитъ помогать клеветникамъ, значитъ погубить ее... Чѣмъ болѣе ее чернятъ, тѣмъ болѣе должна она стараться показывать, что ей нечего скрываться... Завтра я вывожу Жанну въ свѣтъ; завтра вся эта страшная ложъ исчезнетъ при ея появленіи.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я понимаю все, что можетъ выстрадать сердце матери, матери страстно любящей свое дитя... Но берегитесь, графиня! Неблагоразумная горячность ваша можетъ все испортить и навсегда. Г. Шарль Валере чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратится во Францію, и безъ сомнѣнія...

ГРАФИНЯ. Шарль Валере? Что вы мнѣ говорите о Шарлѣ Валере? Я его не знаю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*злобно*). Дочь ваша его знаетъ.

ГРАФИНЯ. Ложь! Дочь моя никогда его не видала.

МАРШАЛЪ (*въ негодованіи*). Графиня, не обижайте особы, любимой мною и заслуживающей полное ваше уваженіе.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Несправедливость несчастной матери нисколько меня не оскорбляетъ. Ея упреки—воплъ горести. Я ей прощаю.

МАРШАЛЪ. Въмѣсто того, чтобъ обижать, вы должны благодарить ее за покровительство вашей дочери.

ГРАФИНЯ. Можетъ ли дочь моя быть подъ покровительствомъ своего злѣйшаго врага?

МАРШАЛЪ. Врага?

ГРАФИНЯ. Развѣ вы ничего не видите?.. ослѣплены этою женщиною?

МАРШАЛЪ. Эта женщина будетъ носить мое имя, и я вамъ приказываю при мнѣ быть къ ней почтительною.

ГРАФИНЯ. Вы женитесь на ней?.. теперь все ясно!.. Она оклеветала Жанну, чтобъ разлучить васъ съ нами и воспользоваться вашимъ одиночествомъ и грустью... Отлично разыграно, сударыня!.. (*Маршалу*). Надо вамъ знать.

МАРШАЛЪ. Я знаю, что г-жа де-Блосакъ достойная женщина, и мнѣ никогда не придется краснѣть за нее. Я желалъ бы, чтобъ о всѣхъ женщинахъ моего дома можно было сказать тоже самое.

ГРАФИНЯ. Что это? Вы ужъ и меня обвиняете?.. меня?.. Вѣрно я преступна, если эта дама одна невинна... Но я сниму съ нея маску.

МАРШАЛЪ. Оправдайте дочь и потомъ ужъ принимайтесь за обличеніе вашихъ воображаемыхъ враговъ. Еслибъ оставалась еще хотя тѣнь сомнѣнія, я былъ бы менѣе строгъ, но Леонаръ...

ГРАФИНЯ (*съ живостью*). Леонаръ?.. я жду его: онъ пріѣдетъ; узнаю отъ него всю правду, и горе тѣмъ, кто оклеветалъ дочь мою!

МАРШАЛЪ. Не грозить, а плакать должны бы вы, безразсудная мать!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*прерывая его*). Маршалъ, умоляю васъ!.. Въдъ вы у меня.

МАРШАЛЪ. Я ужъ не считаю васъ чужою. Доброта ваша дѣлаетъ ее еще недостойнѣе въ глазахъ моихъ. (*Графинь*). Что жъ, вы не хотите, чтобъ я отвезъ Жанну въ монастырь?

ГРАФИНЯ. Ни за что на свѣтѣ не разлучусь я съ нею!

МАРШАЛЪ. Такъ возьмите ее, и чтобъ я не видалъ васъ болѣе. Не потерплю въ моемъ домѣ неблагодарныхъ родственниковъ, которыхъ я любилъ, осыпалъ благодареніями, и которые меня безславятъ и оскорбляютъ...

ГРАФИНЯ. Такъ вы меня выгоняете?

МАРШАЛЪ. Прощайте!

ЖАННА (*вбѣгал*). Ахъ, маменька!

ГРАФИНЯ. Пойдемъ, Жанна, въ наши комнаты.

ЖАННА. А чтожъ въ монастырь?.. Дѣдушка...

ГРАФИНЯ. Сегодня нельзя.

ЖАННА. Какъ же кухня-то? (*Съ горестью*). Кто дастъ ей знать о моей свадьбѣ?

ГРАФИНЯ (*Жаннѣ*). Пойдемъ, Жанна. (*Уходятъ*).

МАРШАЛЪ (*и-жъ де-Блосакъ*). Кромѣ васъ, никого у меня не осталосьъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маленькая изящная зала въ квартирѣ графини Клермонъ, въ домѣ маршала; по бокамъ двери; направо окно; столы на обѣихъ сторонахъ; налѣво диванъ.

I.

ГРАФИНЯ одна, потомъ СЛУГА и ЖАННА.

ГРАФИНЯ (*на колыняхъ молится и по временамъ утираетъ слезы*). Кто-то идетъ. (*Встаетъ, утираетъ слезы и садится къ рабочему столику. Входитъ слуга съ книгами*).

СЛУГА. Вотъ книги, за которыми вы изволили посылать.

ГРАФИНЯ. Приѣхалъ Леонаръ?

СЛУГА. Никакъ нѣтъ. Онъ можетъ быть здѣсь не раньше четырехъ часовъ.

ГРАФИНЯ. Какъ долго еще ждать! Что, маршалъ одинъ?

СЛУГА. Никакъ нѣтъ.

ГРАФИНЯ (*всторону*). Мнѣ надо непременно его видѣть.

СЛУГА (*смотритъ въ окно*). Да вотъ, господа, которые были у маршала, садятся въ карету; теперь онъ одинъ.

ГРАФИНЯ. Иду къ нему. (*Зоветъ*). Жанна! (*Слуга уходитъ*).

ЖАННА (*входя справа*). Маменька.

ГРАФИНЯ. Я жду де-Турбіера. Побудь здѣсь. Онъ пишетъ, что до отъезда хочетъ непременно говорить со мной. Куда это онъ ѣдетъ? Пришли сказать мнѣ, когда онъ придетъ.

ЖАННА. Хорошо.

II.

ЖАННА, потомъ ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ЖАННА (*одна*). Де-Турбіеръ!.. Не люблю я его. Онъ вѣчно читаетъ мнѣ наставленія, а мнѣ все кажется, что онъ смѣется надо мной... Вотъ и онъ. (*Беретъ вышиванье и садится на диванъ*).

СЛУГА (*вводитъ де-Турбіера*). Я сію минуту доложу графинѣ. (*Уходитъ налѣво*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Хорошо!.. Нельзя терять ни минуты. (*Всторону*). Наконецъ я свободенъ... развязался... отдалъ ей двадцать тысячъ. Теперь нечего деликатничать: можно ненавидѣть ее... Молодая графиня

одна. Какое счастье!.. Конечно, дѣвушка, назначающая ночью свиданіе, и дѣвушка совершенно невинная, могутъ говорить однимъ и тѣмъ же языкомъ; однакожъ, чортъ возьми, должна же быть непременно какая нибудь разница въ ихъ словахъ... Ужъ одинъ видъ ея располагаетъ въ ея пользу... Заставимъ ее болтать... хочу найти въ ея невинности новое оружіе для ея защиты... (*Громко*). Графиня!

ЖАННА. Маменька васъ ждетъ, я сейчасъ скажу ей.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Ужъ пошли докладывать. Мнѣ не придется долго надѣлать вамъ своимъ присутствіемъ. (*Жанна улыбается. Всторону*) Улыбается, ничего не отвѣчаетъ... значить откровенна. Дѣвушка, которая назначала свиданія, навѣрно нашла бы учтивую и лживую фразу, чтобъ увѣрить меня въ противномъ. (*Громко*). Маменька вѣрно у маршала?

ЖАННА. Да.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Видѣлась она съ нимъ послѣ вчерашняго дня?

ЖАННА. Не знаю.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Не расположена сегодня болтать. Неужели ей все извѣстно? Нѣтъ, она бѣла и румяна... немного скучна, это оттого, что я здѣсь... Опять значить, невинность... Бѣдняжка!.. надо подразнить ее. (*Громко*). Графиня, а что голубки?.. все еще у васъ?

ЖАННА. Да. Я не вижу, почему бы имъ не быть у меня, если маменька позволяетъ ихъ держать.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Жаль!.. Это опасныя птицы.

ЖАННА. Опасныя?.. Отчего же, чтобъ выразить чью нибудь доброту, говорятъ: «кротокъ, какъ голубъ?»

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Еще больше говорятъ, говорятъ—«нѣженъ, какъ голубокъ,» а тутъ-то и бѣда!

ЖАННА. Кротокъ и нѣженъ—одно и тоже.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). О милая невинность! (*Громко*). Нѣтъ, графиня, не одно и тоже; кротость—добродѣтель, нѣжность—преступленіе; быть съ кѣмъ нибудъ нѣжной, значить дѣлаться преступной.

ЖАННА. Разумѣется, если будешь нѣжна съ тѣмъ, кого не любишь, тогда это обманъ, а если очень любишь.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Чѣмъ больше любишь, тѣмъ хуже. При сильной любви, графиня, любимая особа беретъ надъ вами безграничную власть, словомъ дѣлаетъ васъ сперва своимъ рабомъ, а велѣдъ за тѣмъ и жертвой.

ЖАННА. Да, если любимая особа зла, но злыхъ не любятъ никогда; значить нѣтъ и опасности.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). У нее на все отвѣтъ. (*Громко*). Мнѣ не годится дѣлать вамъ наставленія, могу сказать только, что будь у меня дочь, я не позволилъ бы ей воспитывать голубей.

ЖАННА. Отчего.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Эти птицы ужасно пылки.

ЖАННА. Правда, они каждую минуту дерутся носиками, но тотчас видно, что это такъ, для шутки, а въ самомъ дѣлѣ они не сердятся.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Чортъ возьми! (*Всторону*). Однако я отпустилъ страшную глупость!.. И меня хотятъ увѣрить, что эта дѣвушка назначала свиданія! (*Громко*). Я думалъ встрѣтить здѣсь г. Ренневиля.

ЖАННА. Онъ придетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да, замужество—вещь серьезная. Неужели оно вамъ не страшно, графиня?

ЖАННА. Нисколько.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы любите Ренневиля?

ЖАННА. Вѣрно люблю, если выхожу за него.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Ну, это еще не доказательство.

ЖАННА. Мнѣ кажется—самое лучшее, если бъ не любила, не вышла бы, ничто меня къ тому не принуждаетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы воображаете, что любите. Маменька вамъ сказала: «люби,» и вы, какъ покорная дочь, повинуетесь.

ЖАННА. Право нѣтъ. Есть люди, которыхъ я никогда бъ не могла полюбить по приказу.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*всторону*). Это не нашъ счетъ. Она восхитительна! (*Громко*). Надо правду сказать, онъ премилый молодой человекъ.

ЖАННА. Да, неправда ли?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. А онъ, любить васъ?

ЖАННА. Нѣтъ еще, но...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Когда жъ онъ полюбитъ?.. что ему мѣшаетъ?

ЖАННА. Я еще не знаю, какъ ему понравится, вотъ, когда узнаю.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*торжественно*). Графиня! вѣрьте мнѣ!.. примите мой совѣтъ, совѣтъ дружескій: чтобъ ему нравиться... останьтесь такою, какъ вы есть.

ЖАННА (*увидя входящую графиню*). Вотъ и маменька... До свиданія, баронъ! Пойду посмотрѣть моихъ голубковъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Идите, графиня, только не давайте имъ драться. (*Жанна уходитъ направо*).

III.

ГРАФИНЯ, ДЕ-ТУРБИЕРЪ и ПОТОМЪ ГЕКТОРЪ.

ГРАФИНЯ. Онъ не принялъ меня; однако не все еще кончено. А, баронъ! Здравствуйте! Вы желали со мною говорить?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да, графиня, я уѣзжаю въ Блуа, сегодня вечеромъ буду тамъ, и мнѣ нужно позволеніе посмотрѣть вашъ домъ.

ГРАФИНЯ. Зачѣмъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Миѣ такъ вздумалось.

ГРАФИНЯ. Я васъ разгадала, баронъ; напрасно вы играете со мною роль, которую сочли нужнымъ принять на себя. Я знаю, вы человѣкъ умный; говорите со мною настоящимъ языкомъ. Для чего вы ѣдете въ Блуа?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Для истины, для васъ, графиня.

ГРАФИНЯ. Какъ? вѣдь вы союзникъ госпожи де-Блосакъ? совершенно ей преданы?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Преданъ?.. никогда не былъ!.. Обязанъ былъ, по неволѣ; но слава Богу, развязался, и могу говорить все, что знаю.

ГРАФИНЯ. Что же вы знаете, баронъ? Ахъ, скажите!.. Дочь моя.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Надѣюсь, завтра буду въ состояніи все объяснить вамъ; до тѣхъ поръ, повѣрьте мнѣ на слово и дайте просимое мною позволеніе. (*Увидя входящаго Гектора*). Г. Ренневиль поручится въ моемъ чистосердечіи.

ГЕКТОРЪ (*графинь*). Да, графиня, онъ нашъ. Его поѣздка въ Блуа можетъ доставить намъ важныя свѣдѣнія.

ГРАФИНЯ (*садится писать и продолжаетъ говорить*). Что вашъ отецъ?

ГЕКТОРЪ. Непреклоненъ. А Маршалъ?

ГРАФИНЯ. Не принялъ меня.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вѣрно, что онъ женится на г-жѣ де-Блосакъ?

ГРАФИНЯ. Онъ самъ мнѣ объявилъ; а насъ гонить изъ дому. Какая женщина!..

ГЕКТОРЪ. Подождите!.. А Жанна?

ГРАФИНЯ. Ничего не знаетъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Рѣшительно... Ручаюсь вамъ. За нее я готовъ въ пытку.

ГРАФИНЯ (*подавая де-Турбіеру написанную бумагу*). Вотъ о чемъ вы просили.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Благодарю. Однако мнѣ некогда: поѣздъ не ждетъ. До свиданія Ренневиль. Раскаиваться не будете, что довѣрились мнѣ. А въ отношеніи къ вамъ, графиня, я совершенно спокоенъ: вы угадали, что у меня есть умъ, увидите, во мнѣ есть и сердце. (*Гектору*). До завтра. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ГЕКТОРЪ. Я видѣлъ г-жу де-Блосакъ.

ГРАФИНЯ. На чемъ же она основываетъ свою клевету?

ГЕКТОРЪ. Не говорить, но общала сказать. Она солжетъ, но мы съумѣемъ изобличить ложь. Прежде всего надо распросить Леонара. Де-Блосакъ говорить, что спрашивала его сегодня утромъ, и онъ не смѣлъ ни въ чемъ запереться, былъ видимо смущенъ.

ГРАФИНЯ. Не вѣрю. Леонаръ честный человекъ, преданъ намъ и не станетъ говорить неправду.

ГЕКТОРЪ. Вы ждете его?

ГРАФИНЯ. Да. Надо наконецъ выйти изъ неизвѣстности.

ГЕКТОРЪ. Въ ея словахъ есть какая-то ужасная увѣренность; тутъ должна скрываться страшная тайна... Можетъ быть, безразсудство Жан-ны. Вы не припомните ничего?

ГРАФИНЯ. Я умирала!.. была въ горячкѣ, въ бреду... Это единственное время, что Жанна оставалась безъ моего надзора. Но я знаю ее и ручаюсь.

СЛУГА. Садовникъ Леонаръ пришелъ.

IV.

ГЕКТОРЪ, ГРАФИНЯ, ЛЕОНАРЪ.

ГРАФИНЯ. А! Леонаръ!

ГЕКТОРЪ. Наконецъ-то!

ЛЕОНАРЪ. Ваше сіятельство...

ГРАФИНЯ. Войди, войди, Леонаръ.

ЛЕОНАРЪ. Желаю добраго здоровья.

ГРАФИНЯ (слугѣ). Никого не пускать сюда.—Благодарю, мой добрый Леонаръ, что ты пришелъ... я потревожила тебя.

ЛЕОНАРЪ. Я всегда готовъ исполнять ваши приказанія.

ГРАФИНЯ. Леонаръ, намъ нужно получить отъ тебя свѣдѣніе.

ЛЕОНАРЪ. Свѣдѣніе?

ГРАФИНЯ. Рассказываютъ несбыточную исторію; мы хотимъ знать правду.

ЛЕОНАРЪ. Правду?

ГРАФИНЯ. Все безъ утайки.

ЛЕОНАРЪ. Если вы изволите спрашивать на счетъ приключенія въ Блуа... со мною объ этомъ ужъ говорили сегодня утромъ... въ такомъ случаѣ, я хотѣлъ бы рассказать вамъ это наединѣ.

ГРАФИНЯ. Ты долженъ говорить при г. Ренневиль.

ЛЕОНАРЪ. Ахъ, это г. Ренневиль! тотъ самый, что хотѣлъ быть вашимъ зятемъ?... нѣтъ, при немъ я не осмѣлюсь...

ГЕКТОРЪ (хочетъ уйти). Я приду послѣ.

ГРАФИНЯ. Оставайтесь, Гекторъ, вы должны все знать. Я для васъ дѣлаю эту жертву, и надѣюсь, вы ее оцѣните.

ГЕКТОРЪ. Графиня, здѣсь нашъ общій интересъ. Что бѣ я не услышалъ, можете быть увѣрены въ моей скромности.

ГРАФИНЯ (*беретъ руку Гектора*). Благодарю!.. (*Садится на диванъ нальво. Гекторъ облакачивается на спинку дивана*). Ну, Леонаръ?

ЛЕОНАРЪ. Клянусь Богомъ, я отдалъ бы лучшія молодья деревца изъ моего питомника, чтобъ только не приходиться сюда...

ГРАФИНЯ. Говори, говори скорѣе, ради Бога!

ЛЕОНАРЪ. Вы знаете, двадцать лѣтъ я пробылъ въ услуженіи въ домѣ Клермоновъ, и всегда, какъ нельзя больше, почиталъ своихъ господъ...

ГРАФИНЯ. Это мы знаемъ.

ЛЕОНАРЪ. Такъ не извольте подумать, чтобъ мнѣ когда нибудь могло придти въ голову обидѣть васъ, и если мои услуги...

ГРАФИНЯ. Знаю, что ты хочешь сказать. Не скрывай ничего, я хочу все знать. Это было въ Августѣ.

ЛЕОНАРЪ. Точно такъ, въ августѣ... этому будетъ съ годъ... Въ ночь съ 27 на 28... я легъ рано спать—надо было на другой день подняться чуть свѣтъ... Вы въ ту пору были очень больны, и мнѣ велѣно было отнести рецептъ въ Менарскую аптеку, по той причинѣ, что вы не изволили вѣрить аптекарю въ Блуа, хоть онъ очень честный человѣкъ... Этакъ около трехъ часовъ, вдругъ въ просонкахъ слышу шумъ, большая собака лаетъ; тѣмъ лучше, думаю: раньше буду готовъ къ отправкѣ; встаю, беру ружье и иду смотрѣть, что такое приключилось; прячусь въ кустъ, прислушиваюсь, ничего не слышать; смотрю и вижу, при лунномъ сіяніи, бѣлое платье идетъ въ большой аллеѣ; вскорѣ я узналъ скупильную талію молодой графини, вѣдь только у нее и можетъ быть такая талія... Мнѣ дивно показалось, зачѣмъ она гуляетъ въ эту пору, я и подумалъ: вѣрно приключилось несчастье, и она помѣшалась... Хочу бѣжать за нею—только вдругъ глядь—она не одна; ни мало не тревожится, идетъ себѣ, въ полномъ разсудкѣ, осторожно, какъ будто крадучись, чтобъ ее не примѣтили... Я остановился и ну вематриваться, съ кѣмъ она... Узнать—то было трудно, потому что деревья, кусты и темное платье молодого человѣка, котораго я хотѣлъ распознать—все это издали мѣшалось въ глазахъ моихъ... Но это былъ молодой человѣкъ. Сначала я подумалъ на доктора. Экій я сумасшедшій, говорю, это г. Ломонъ... пробылъ всю ночь у графининой постели, и барышня проводитъ его черезъ калитку,

чтобъ не разбудить весь домъ, отворяя большую дверь: она трудно за-
пирается... Тутъ я хотѣлъ къ нимъ подойти, спросить у доктора про
больную и нужно ли еще мнѣ идти въ Менаръ съ рецептомъ. Подхо-
жу. Ба! Это не докторъ! Г. Ломонъ коротенькій и коренастый тол-
стякъ, а этотъ — высокій молодой человекъ, я никоимъ способомъ не
могъ ошибиться. Все равно—я и тутъ еще не повѣрилъ глазамъ сво-
имъ и думаю, то лекарскій помощникъ, вѣрно его оставили присматри-
вать за больной, боясь припадка, и молоденькая графиня его прово-
жаетъ... Только такъ не провожаютъ незнакомыхъ... съ молодымъ
докторомъ, котораго видятъ первый разъ, такъ не обращаются... его
не...ахъ, графиня, не спрашивайте меня ни о чемъ больше...

ГРАФИНЯ. Говори, Леонаръ, я должна все знать.

ЛЕОНАРЪ. Вѣдь... видитъ Богъ—у меня языкъ не ворочается го-
ворить про барышню... я ее зналъ крошкою, она играла у насъ; лю-
билъ ее, съ позволенія сказать, какъ родную дочь... Ахъ, я и теперь
ее люблю, не могу не любить... но съ того дня для меня она уже
не та...

ГРАФИНЯ (*очень расстроенная*). Леонаръ, мой добрый Леонаръ,
пожалей меня... Это невыносимо! Скажи.

ЛЕОНАРЪ. Ахъ, ваше сіятельство, еще хуже будетъ, какъ все—то
расскажу. Сердце надрывается, какъ подумаешь! Вы всегда были такъ
добры ко мнѣ; я вамъ всею обязанъ, и такъ васъ огорчаю...

ГРАФИНЯ (*раздраженная встаетъ*). Не безпокойся обо мнѣ,
Леонаръ, я должна предупредить новую опасность. Говори, у меня до-
станетъ силы выслушать до конца.

ЛЕОНАРЪ. Нѣтъ! у меня никогда не останется силы для такихъ
вещей...

ГРАФИНЯ. Но можетъ быть, такъ и было, какъ ты думалъ; мо-
жетъ быть, лекарскій помощникъ точно провелъ всю ночь при мнѣ, и
Жанна изъ благодарности пожимала ему руки...

ЛЕОНАРЪ. Эхъ, я бы понялъ, еслибъ это такъ было!.. но она не толь-
ко была ласкова, а нѣжна... и еще какъ!.. какъ она его ласкала!.. Опи-
ралась на его плечо, гладила его... точь въ точь, какъ жена моя, когда
я прихожу домой или прощаюсь съ нею... Ужъ въ этомъ—то я толкъ
знаю!.. Только тѣхъ такъ можно ласкать, кого любишь, кого, то есть,
очень любишь.

ГРАФИНЯ (*задыхаясь*). А онъ что?

ЛЕОНАРЪ. Что онъ—то?.. Гдѣ я стоялъ, такъ оттуда нельзя было
хорошенько разсмотрѣть его. Чтобъ взглянуть поближе, я какъ услы-
шалъ, что графиня отперла калитку, и перескочилъ черезъ стѣну да

въ договку за моимъ парнемъ, и точно догналъ его на дугу, да какъ увидѣлъ, что это г. Шарль Валере, сынъ нашего префекта, такъ и догадался въ чемъ дѣло. Я зналъ, что маркиза никогда не хотѣла принимать его за его политическія мнѣнія, и разсудилъ, что если молодые люди любятъ другъ друга, такъ поневолѣ должны видѣться тайкомъ. Меня одно больше всего тревожило, что, можетъ статься, не я одинъ ихъ видѣлъ, я и вернулся поскорѣе въ садъ. Только въ эту же минуту слышу—захлопнули окно въ Отель де-Франсъ, въ гостиницѣ налѣво, что у большого тополя... Съ тѣхъ поръ это окно ни днемъ, ни ночью не давало мнѣ покоя. Оттого-то, какъ пришло мнѣ въ голову, что про этотъ случай рано или поздно могутъ узнать, я и отошелъ отъ маркизы, чтобъ не быть тутъ въ то время, когда выйдетъ все наружу. Лгать я не умѣю, и тайна эта лежала у меня камнемъ на сердцѣ. Еслибъ не приказаніе ваше, не просьбы, такъ никто бы не заставилъ меня говорить противъ... Вотъ и правда вся... Простите, графиня... *(Утираетъ слезы)*.

ГРАФИНЯ. Благодарю, добрый Леонаръ! Подожди, я тебя позову; не уѣзжай сегодня; очень можетъ быть, что ты еще намъ понадобишься. До свиданія... *(Леонаръ печально уходитъ; только что онъ вышелъ, графиня падаетъ въ кресло и рыдаетъ)*.

ГЕКТОРЪ *(стремительно, смотря на ея слезы)*. Да неужели вы всему этому вѣрите? Что съ вами?

ГРАФИНЯ. Ренневиль, возьмите ваше слово назадъ... вы свободны...

ГЕКТОРЪ *(въ негодованіи)*. Не нужно мнѣ этой свободы. Я вамъ говорю, ваша дочь невинна, и не постигаю, какъ вы можете сомнѣваться въ этомъ, вы, ея мать, когда я, который не зналъ ее ребенкомъ, не носилъ ее на рукахъ, не видалъ какъ расцвѣтала ея красота, развивалось ея юное, блестящее воображеніе, ея мысль, эта благородная чистая мысль, я, который едва знаю ее, объявляю, чувствую, утверждаю, что она невинна!

ГРАФИНЯ. Вы ее любите, а любовь...

ГЕКТОРЪ. Любовь—то и не станетъ смягчать подозрѣній, если есть причина ревновать, напротивъ, она ищетъ ихъ... и мнѣ должно бы сомнѣваться... а между тѣмъ я вѣрю, что это вздоръ, не смотря ни на какіе рассказы... Какимъ—то вдохновеніемъ, какъ ясновидящій, я угадываю истину и узнаю ее!.. во что бы ни стало... узнаю.

ГРАФИНЯ. Однакожъ, вы слышали... преданность Леонара нашему семейству, привязанность къ Жаннѣ, которую онъ вынужденъ обвинять.

ГЕКТОРЪ. Леонаръ недоглядѣлъ. То могла быть другая женщина, какая нибудь молоденькая дѣвушка, которой нужно было обмануть его.

ГРАФИНЯ. Леонаръ не могъ принять другую за Жанну; если онъ утверждаетъ, что узналъ ее, значитъ хорошо ее высмотрѣлъ и точно видѣлъ.

ГЕКТОРЪ. Такъ вы считаете ее преступною?

ГРАФИНЯ. Не преступною, но жертвою какого нибудь презрѣннаго чело-
вѣка, который хотѣлъ отмстить ей за униженія, какія заставила его
вытерпѣть маркиза де-Клермонъ. Онъ зналъ, что только этимъ и мо-
жно было огорчить старушку... Жанна была ея внучка, ея наслѣдница,
ея идолъ... Боже мой, да ея ли одной?.. всѣхъ, кто ее зналъ. Она
такъ очаровательна!.. вы сами... не болѣе двухъ мѣсяцевъ знакомы.

ГЕКТОРЪ. И обожаю ее... именно; ея кротость, невинность такъ
плѣнительны... Повторяю вамъ, она невинна. Позовите, спросите ее.

ГРАФИНЯ. Я это и хочу сдѣлать. (*Идетъ въ глубину сцены на-
льво*). Но какъ спросить?.. я бы не желала. Не знаю съ чего на-
чать... Боюсь научить ее так...

ГЕКТОРЪ. Видите, вы и сами считаете ее невинною!.. Соберитесь
съ духомъ и прикажите позвать ее.

ГРАФИНЯ. Сю минуту. И вы хотите остаться?

ГЕКТОРЪ. Непремѣнно.

ГРАФИНЯ. Вы можете ее сконфузить.

ГЕКТОРЪ. Напротивъ, я придамъ ей смѣлости, вѣдь я на ея сто-
ронѣ.

ГРАФИНЯ. Неужели вы думаете, что я противъ нея?

ГЕКТОРЪ. Вы сомнѣваетесь.

ГРАФИНЯ (*всторону*). Милый Гекторъ!.. Онъ боится болѣе моего!

ГЕКТОРЪ. Не могу дожидаться, что она скажетъ.. Я какъ въ ли-
хорадкѣ... (*звонитъ нальво*).

ГРАФИНЯ (*слугъ, который входитъ*). Попросите ко мнѣ гра-
финю (*слуга уходитъ направо*). Она въ моей комнатѣ, примѣряетъ
платья, свое приданое... Чѣмъ начать печальный допросъ? Какъ при-
ступить?

ГЕКТОРЪ. Сначала спросите, знаетъ ли она Шарля.

ГРАФИНЯ. Боже сохрани! Это значило бы показать ей, какъ важны
для насъ ея отвѣты. Нѣтъ, вотъ, возьмите журналъ и сдѣлайте какъ
будто мы разговариваемъ о новостяхъ, которыя тамъ напечатаны...
Тсъ!.. Она идетъ... Ахъ! кровь стынетъ въ жилахъ...

V.

ГЕКТОРЪ сидитъ у стола, **ГРАФИНЯ** на диванѣ, **ЖАННА**, одѣтая на вечеръ, въ бѣломъ платьѣ, прикалывая бантъ и надѣвая браслеты.

ЖАННА. Я примѣрила всѣ платья... тамъ есть два бархатныя зеленое и черное... Чудо какъ они идутъ ко мнѣ!.. особенно зеленое... Мадамъ Камиллъ сказала: «Оно прибавляетъ вамъ росту вершка на два и дѣлаетъ старше десятью годами...» Я въ немъ настоящая дама... Когда я буду въ этомъ платьѣ, такъ ужъ не стануть называть меня малюткой Жанной... Это мнѣ начинаетъ надоѣдать... Вы звали меня, маменька? Какъ вы блѣдны?.. не больны ли вы?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, дитя мое.

ЖАННА. Кажется будто вы грустите.

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, ничего...

ЖАННА (*Гектору*). Какъ маменька печальна! Не случилось ли какого несчастья?

ГЕКТОРЪ. Нѣтъ, но вы выходите замужъ, и для матери это всегда больно.

ЖАННА. Отчего? (*Подходитъ къ графини съ лѣвой стороны*). Правда, будто вамъ грустно оттого, что я иду замужъ?.. Такъ я подожду.

ГРАФИНЯ (*сажая ее возлѣ себя*). Этого горя я желаю, милая Жанна... но бракъ вещь серьезная...

ЖАННА. И слѣдуетъ быть печальной?

ГЕКТОРЪ. Нѣтъ!.. видите, какъ я веселъ.

ЖАННА. А чтоже мама?

ГРАФИНЯ. Отдать дочь мужу, значитъ разстаться съ пею, и эта разлука...

ЖАННА (*живо*). Какъ разстаться?.. Вѣдь мы будемъ жить вмѣстѣ? да, Ренневель?

ГРАФИНЯ. Хотя это и не настоящая разлука, все же раздѣлъ. До сихъ поръ ты любила только насъ, а теперь другой отниметъ половину твоей привязанности...

ЖАННА. Да, вамъ надо къ этому приготовиться. Я буду любить моего мужа, рѣшительно любить. Но я и васъ буду любить по-прежнему. Вы не замѣтите во мнѣ никакой переменны. (*Цѣлуетъ руку матери*).

ГРАФИНЯ (*тихо Гектору*). Вы правы. Когда я слышу ее, такъ совершенно успокоиваюсь:

ГЕКТОРЪ (*тихо графиня*). А я рѣшительно не боюсь. Проговорите скорѣе имя Валере.

ГРАФИНЯ (*тихо*). Хорошо! А, вы смотрите на нее. (*Громко Жаннѣ, любуясь ея уборомъ*). Какъ ты хороша! Куда ты такъ нарядилась?

ЖАННА. На обѣдъ къ дѣдушкѣ.

ГРАФИНЯ (*въ смущеніи*). Да?

ЖАННА. Какъ же? сегодня среда, а по средамъ у него бываетъ всегда большое собраніе.

ГРАФИНЯ (*въ замѣшательствѣ*). Я и забыла тебѣ сказать, что сегодня мы не обѣдаемъ у маршала... онъ болѣнъ... никого не приметъ...

ЖАННА. Бѣдный дѣдушка!.. Пойдемте послѣ обѣда провѣдать его.

ГРАФИНЯ. Нельзя, онъ хочетъ быть одинъ. (*Дѣлаетъ знакъ Гектору*).

ЖАННА. Какъ? Совѣмъ одинъ?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ. Онъ велѣлъ всемъ отказывать, чтобъ на свободѣ поговорить съ однимъ изъ своихъ старинныхъ друзей, котораго твоя бабушка терпѣть не могла и никогда не хотѣла принимать, со старымъ Бланскимъ префектомъ, г. Валере. Помнишь его? Онъ съ сыномъ часто проѣзжалъ верхомъ мимо нашихъ оконъ. (*Тихо Гектору*). Она краснѣетъ. (*Громко*). Ты забыла Шарля Валере? Высокій, блѣлый молодой человекъ..

ЖАННА. А дѣдушка развѣ его не ненавидитъ?

ГРАФИНЯ. Нисколько. Онъ часто ссорился съ маркизою за то, что про нихъ она говорила много дурнаго. Но г. Валере очень зналъ, что мы вовсе не враги ему, а сынъ его утверждалъ даже, что ты Жанна... была особенно благосклонна къ нему...

ЖАННА. Онъ сказалъ это?

ГРАФИНЯ. Увѣряютъ, будто онъ рассказывалъ, что когда я была при смерти больна, такъ онъ приходилъ, что очень естественно, навѣдываться обо мнѣ, и ты всегда говорила ему.

ЖАННА (*въ замѣшательствѣ*). Нѣтъ, маменька, г. Валере вовсе не приходилъ узнавать о васъ.

ГРАФИНЯ. Я такъ и думала; ты бы мнѣ сказала... Поди же, какъ сочиняютъ!.. Увѣряютъ, что васъ видѣли однажды вечеромъ вмѣстѣ въ саду.

ЖАННА (*съ живостью вставая*). Видѣли насъ?

ГРАФИНЯ (*измѣнившись въ лицѣ и тоже вставая*). Такъ это правда?

ЖАННА. Кто же насъ видѣлъ?

ГРАФИНЯ. Это развѣ правда?.. Такъ это правда, несчастная!

ГЕКТОРЪ (*встаетъ, тихо графинь*). Что вы, графиня? Успокойтесь!

ГРАФИНЯ (*болье кроткимъ голосомъ*). Что же ты мнѣ этого не рассказала?

ЖАННА. Потому что это было дурно.

ГРАФИНЯ. Слѣдовательно, ты понимала свое... неблагоразуміе?

ЖАННА. Какое неблагоразуміе?.. Онъ взялъ съ меня клятву хранить тайну, и я сдержала ее.

ГРАФИНЯ. Прекрасно! Клятвъ и не слѣдуетъ нарушать; но объясни мнѣ эту исторію; я ее хорошенько не понимаю; вѣрно, мнѣ не такъ передали... сказали, что тебя видѣли одну съ Шарлемъ Валере въ саду, годъ тому назадъ, въ августѣ мѣсяцѣ, даже назвали число въ ночь съ 28 на 29 августа.

ЖАННА. Нѣтъ, не такъ.

ГРАФИНЯ. Я тоже говорила.

ЖАННА. Въ ночь съ 27 на 28.

ГРАФИНЯ. Тебя видѣли въ саду съ Шарлемъ... ты отворила ему калитку на лугъ, и онъ, прощаясь, какъ будто изъ благодарности за услугу, былъ чрезвычайно ласковъ къ тебѣ...

ЖАННА. Опъ, ко мнѣ?.. Неправда. Онъ только поцѣловалъ мнѣ руку... А я, я очень его ласкала...

ГРАФИНЯ. Ты?... его ласкала? Это зачѣмъ?..

ЖАННА. Такъ надо было. Не будь этого, мы погибли бы...

ГРАФИНЯ (*тихо Гектору*). Ахъ, я съ ума сойду!

ГЕКТОРЪ (*тихо графинь, стараясь ее успокоить*). Перестаньте! Взгляните, какъ она увѣрена въ себѣ. (*Графиня отходитъ нѣсколько въ глубину. Жанни, стараясь улыбнуться*). Неудобно ли вамъ объяснить сколько нибудь, зачѣмъ вы такъ обращались съ этимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ?

ЖАННИ. А! ревнивецъ! Извольте, объясню. Это очень просто... я хотѣла помѣшать... Нѣтъ, лучше расскажу сначала... Ужъ я сказала вамъ, это было съ 27 на 28 августа; около трехъ недѣль маменька была опасно больна, почти два дня лежала въ бреду, никого не узнавала; глаза ея большіе, блестящіе... ничего не видали... она кричала мнѣ въ безпамятствѣ, когда я подходила къ ней: поди прочь, поди прочь!.. твое присутствіе мнѣ ненавистно! Вообразите, это она мнѣ говорила! Вотъ какъ была больна!.. Ужъ отчаявались, молились Богу... при мнѣ говорили шепотомъ, глядя на меня: бѣдная дѣвушка!.. Ахъ! это было ужасно!.. Наконецъ подъ вечеръ этого дня, она немного успокоилась, и докторъ, который ее спасъ, сказалъ, что если это

спокойствіе продолжится, если больной дадутъ уснуть три или четыре часа, такъ онъ отвѣчаетъ за нее... Послѣ столькихъ дней отчаянія, эти утѣшительныя слова возвратили намъ всю бодрость... Г. Ломонъ уѣхалъ, и чрезъ нѣсколько минутъ послѣ его отъѣзда, маменька спокойно и тихо заснула... Тогда, не говоря ни слова, мы стали всѣ трое: старая Тереза, Фанни и я ложиться спать... Тереза расположилась въ креслѣ; Фанни ужъ двѣ недѣли не отходила отъ маменьки и не могла оправиться отъ изнеможенія... Только что маменькѣ стало легче, она заболѣла и должна была отойти отъ насъ... недавно она приходила къ намъ.. Она ѣдетъ.

ГРАФИНЯ. Оставь Фанни въ покоѣ и оканчивай поскорѣе...

ЖАННА. Фанни пошла на свою постель, а я начала молиться.. Ахъ, какъ усердно молилась я въ эту ночь!.. Въ комнатѣ было совсѣмъ тихо, только слышался стукъ маятника; тогда мнѣ пришло въ голову, что часы будутъ бить, и когда ихъ бой раздастся среди этой тишины, маменька можетъ проснуться... Вотъ я встала, на ципочкахъ подошла къ камину и остановила часы... Только что я это сдѣлала, какъ послышался въ саду лай большой цѣпной собаки.. Она лаяла какъ бѣшеная. Голосъ ея раздавался пока вдали, но слышно было какъ она все болѣе и болѣе приближалась... Боже мой, думаю, она прибѣжитъ, на шумитъ подъ окнами, маменька проснется, и тогда прощай благодѣтельный сонъ!.. Не разсуждая что я дѣлаю, я взяла со стола лампу, взглянула на Терезу... она не слышитъ... да собака бы ее и не послушала: она не любитъ ее, и быстро сошла внизъ. Я сказала себѣ: можетъ быть, воры, но ничего.. О! я прехрабрая!.. Отворяю дверь, и что же?.. На террасѣ злая собака терзаетъ какого-то высокаго молодого человѣка... Пока она его трепала, не было опасности, она не лаяла... но молодой человѣкъ сильно билъ ее палкой и видѣлъ, что собакѣ скоро придется выпустить добычу; тогда бы ревъ ея разбудилъ весь домъ. Нельзя было терять ни минуты. Я подхожу къ Валере, узнала его, и говорю: «Возьмите поскорѣе мою руку, и начните меня какъ можно больше ласкать... Г. Валере сейчасъ понялъ, что я пришла къ нему на помощь, взявъ мою руку, и тогда я начала говорить очень ласково, глядя его вотъ такъ... *(беретъ быстро Гектора за руку и облакачиваетъ на его плечо, но робѣетъ и отходитъ отъ него)*. Странно!.. съ вами я не смѣю; маменька, дайте плечо. *(Кладетъ руку на плечо матери и гладитъ)*. Вотъ такъ, говоря: добрый г. Шарль Валере!.. Я его знаю; онъ нашъ другъ, мы его очень любимъ; не надо его кусать, лаять на него; не злись! видишь, это одинъ изъ нашихъ друзей!.. Наконецъ всякія глу-

пости, которыя однакожь сдѣлали большое впечатлѣніе на собаку; она отстала отъ молодаго человѣка. Я отыслала ключъ отъ калитки, и проводила г. Валере, все еще держа его дружески за руку, потому что скверная собака оставалась по-прежнему при непріязненныхъ намѣреніяхъ и вѣрить ей было опасно... Потомъ сію же минуту я возвратилась домой... Ахъ, какъ безпокоилась! я, входя на лѣстницу... дрожала, боялась услышать вашъ голосъ и увидѣть, что вы проснулись... Вошла тихо, претихо... подошла къ вашей кровати... ахъ, маменька!.. какое счастье... Богъ сжалился надо мною!.. Вы спали... (*Гекторъ идетъ къ графинѣ и беретъ ее съ гордостью за обѣ руки. Задыхаясь отъ полноты чувствъ, они бросаются другъ къ другу въ объятія*). Ну, чтожь вы?.. что это съ вами?..

ГЕКТОРЪ (*разстроенный пріискивая объясненіе*). Шарль... былъ... мой школьный товарищъ... вы его спасли...

ЖАННА. Онъ мнѣ это сказалъ!.. Тайное общество... сынъ префекта... Еслибъ его поймали... онъ погибъ бы...

ГРАФИНЯ. Какъ же онъ очутился въ саду?

ЖАННА. Выпрыгнулъ въ окно изъ отель де-Франсъ.

ГЕКТОРЪ. Именно такъ... именно такъ... Теперь ясно... Захлопнутое окно... Нѣтъ сомнѣнія!..

ГРАФИНЯ. Милая моя Жанна!.. (*Плачетъ*).

ГЕКТОРЪ (*съ живостью*). Ахъ! я оживаю!.. Какое счастье!.. Но не въ томъ дѣло!.. о счастья послѣ подумаемъ... Надо сорвать съ нея маску... Я найду средство... Прежде всего нужно видѣть Леонара... До свиданія, дорогая моя Жанна!.. (*беретъ ея руки*). Благородная дѣвушка!.. вы будете отмщены!.. Уничтожу лицемѣрку!.. Она сама падется въ сѣть... я съумѣю сорвать съ нея маску... Пойду, все расскажу моему отцу... А маршалъ?.. онъ долженъ на колѣнахъ просить у васъ прощенія!.. До завтра, Жанна, жена моя, моя дорогая женочка!.. (*Беретъ ее за голову и страстно цѣлуетъ. Уходитъ*).

ЖАННА. Что это маменька?.. Онъ помѣшался!..

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, не помѣшался!.. обними меня!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Маленькій будуаръ въ гостиницѣ. Въ глубинѣ дверь въ большую залу. Направо маленькая дверь. Диванъ. Затопленный каминъ.)

I.

ГЕКТОРЪ, СЛУГА и потомъ ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ГЕКТОРЪ. Ужъ полдень!.. Сегодня ровно пять лѣтъ, какъ погибъ бѣдный Артуръ, жертва этой надменной женщины!

СЛУГА (входя). Вотъ букетъ фіалокъ, который вы изволили требовать.

ГЕКТОРЪ. Хорошо! (*Беретъ букетъ и ставитъ его въ вазу*).

СЛУГА. Г. баронъ де-Турбиеръ желаетъ васъ видѣть.

ГЕКТОРЪ. Просить. (*Слуга вводитъ де-Турбиера и уходитъ*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Я прямо съ желѣзной дороги!.. Что за чудесное изобрѣтеніе желѣзныя дороги!.. Въ какіе нибудь полчаса времени переносишься, Богъ знаетъ, какъ далеко!

ГЕКТОРЪ. Ну, что жъ? были вы въ домѣ графини де-Клермонъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Былъ.

ГЕКТОРЪ. Что жъ вы узнали?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Ничего, рѣшительно ничего. Добился только какимъ образомъ можно узнать.

ГЕКТОРЪ. Леонаръ поѣхалъ въ Блуа, я послалъ его къ вамъ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. И прекрасно сдѣлалъ; онъ мнѣ очень пригодился; указалъ окно, захлопнутое въ ночь съ 27 на 28 августа. Это окно маленькой комнаты въ сосѣднемъ домѣ. Оттуда смѣлый и ловкій молодой человѣкъ, учившійся гимнастикѣ, можетъ спрыгнуть на одну изъ вѣтвей высокаго тополя, тутъ же противъ окна, и потомъ спуститься въ садъ. Это рѣшительно возможно. Теперь слѣдуетъ разыскать, кто именно жилъ въ той комнатѣ въ историческую ночь.

ГЕКТОРЪ. И вы разыскали?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Я же вамъ говорю нѣтъ еще. Окончательныя свѣдѣнія могу получить только здѣсь, и если подозрѣнія мои справедливы, такъ ужъ я знаю, кому придется тошно за выдумку басни.

ГЕКТОРЪ. Однако жъ вы все еще остаетесь при однѣхъ догадкахъ... А вотъ дѣвица де-Блосакъ подробнѣе разъяснитъ мнѣ въ чемъ дѣло.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Дѣвица де-Блосакъ?

ГЕКТОРЪ. Да, я жду ее сію минуту.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Дѣвицу де-Блосакъ?.. Вы ждете?.. гдѣ?..

ГЕКТОРЪ. Здѣсь.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Она назначила вамъ свиданіе?.. у васъ?..

ГЕКТОРЪ. Да. Она считаетъ это гораздо благоразумнѣе.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Послушайте, Ренневиль, вы пропали!..

ГЕКТОРЪ. Я не боюсь. У меня есть чѣмъ ее уничтожить...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Вы уничтожите дѣвицу де-Блосакъ?.. Вы?..

ГЕКТОРЪ. Отчего же нѣтъ?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Молодой человѣкъ, при всей отважности, вамъ это не удастся.

ГЕКТОРЪ. Я не боюсь лицемѣровъ. Мнѣ извѣстны эти безстыдныя и низкія созданія, они горды только до тѣхъ поръ, пока могутъ ускользнуть отъ васъ и лгать; но однажды попавшись въ западню, рѣшительно уничтожаются, и тогда ужъ только и думаютъ какъ бы вымолить себѣ пощаду.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Не вы ее, а она васъ поймаетъ въ западню. Она пріѣдетъ сюда потому что любитъ васъ, а въ этой любви—то и вся бѣда!

ГЕКТОРЪ. Вы воображаете, что эта женщина въ состояніи для любви пожертвовать всѣмъ, обезславить себя, погубить?.. Это значило бы въ одинъ мигъ измѣнить и жизнь, и характеръ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Развѣ вы не знаете, что любовь можетъ совершенно переродить человѣка?.. Она васъ любитъ, такъ и будетъ для васъ тѣмъ, чѣмъ никогда ни для кого не была... будетъ нѣжна, чистосердечна, безразсудна и добродѣтельна!.. Вы должны этого ждать. Одно изъ чудесъ, производимыхъ любовью, то, что она дѣлаетъ высокими, благородными—женщинъ безстыдныхъ, съ самыми неукротимыми страстями.

ГЕКТОРЪ. Однако сознайтесь—она отважна?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Не въ такой степени, какъ вы думаете... Она увѣрена въ вашемъ благородствѣ, въ вашей чести.

ГЕКТОРЪ. Съ подобными существами глупо быть деликатнымъ... Я безсовѣстно отомщу!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Нѣтъ, вы не станете мстить!.. Она васъ знаетъ лучше, чѣмъ вы сами... Эти люди обладаютъ въ высшей степени способностью угадывать!.. Не бойтесь, никогда они не заденутъ подобныхъ себѣ плутовъ, которые въ состояніи заплатить имъ зломъ за зло, низостью за низость... нѣтъ, они нападаютъ только на людей съ честью, на женщинъ благородныхъ и достойныхъ... Они чрезвычайно разборчивы... ихъ жертвами должны быть непременно души прекрасныя... Взгляните на дѣвицу де-Блосакъ... Она привязалась къ маршалу, потому что маршалъ человѣкъ съ возвышеннымъ умомъ, романической...

Она обманываетъ его и заставляетъ жениться на себѣ... обращается къ вамъ, какъ къ благородному рыцарю, легковѣрному и нѣжному трубадуру, послѣднему герою послѣдняго романа — вполне увѣренная, что вы обладаете всѣми достоинствами людей, всегда готовыхъ къ самопожертвованіямъ, увлекающихся постоянно прелестью великодушныхъ подвиговъ, людей, которыхъ всегда можно поймать на удочку этими простыми словами: «У меня одна надежда на васъ!.. Спасите меня!..» Въ лицемѣрахъ, въ предателяхъ оно хорошо, что они вѣрятъ въ добродѣтель... доказательство—ихъ умѣнье пользоваться ею и приспособить ее отлично къ своимъ цѣлямъ... они знаютъ ей цѣну лучше всѣхъ честныхъ людей... Прекрасная душа!.. хмъ!.. Да это естественная ихъ добыча!.. они угадываютъ ее, чувствуютъ издали, какъ волкъ овечку, какъ коршунъ ласточку... и никогда не обманываются!.. Идите—смѣло слѣдуйте за ними... выбирайте слѣпо въ союзники, въ жены, въ друзья тѣхъ, кого они обманываютъ... ихъ добычу, ихъ жертву... и будьте увѣрены, что всегда нападете на благороднѣйшія сердца!..

ГЕКТОРЪ. Вы мнѣ льстите, я вовсе не изъ числа этихъ сердець...

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. О молодость!.. О безразсудство!.. Вѣрьте мнѣ: не вступайте въ борьбу съ Леди Тартюфъ!.. Ужъ одно это имя должно бы остановить васъ.

ГЕКТОРЪ. Напротивъ! оно—то меня и подстрекаетъ. Вѣдь сорвала же Эльмира маску съ Тартюфа.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Какая разница!.. Ни обстоятельства, ни ..

ГЕКТОРЪ. Обстоятельства рѣшительно тѣже самыя: свиданіе—запая, обнаруженное лицемѣріе.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да, но Эльмира имѣетъ важное преимущество, котораго у васъ нѣтъ.

ГЕКТОРЪ. Какое?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Эльмира женщина! а на сторонѣ Тартюфа, на вашей, страшная невыгода: Тартюфъ мужчина! А самый умный, глубокомысленный мужчина въ сравненіи съ самою простою женщиною, глупый ребенокъ... не болѣе!..

ГЕКТОРЪ. Для меня она не женщина, а ужасное чудовище.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Да, теперь, въ эту минуту, потому что я здѣсь... а когда будетъ она, когда скажетъ вамъ люблю!..

ГЕКТОРЪ. Я ей скажу, ненавижу, презираю!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Она расплатится, и вы будете побѣждены.. Вотъ еще женская выгода: онѣ чрезвычайно милы, когда плачутъ; мы, напротивъ, мы плачемъ грубо, тяжело, некрасиво... а если еще намъ

случится всхлипывать, такъ мы просто ужасны... Хотите пари на ваши двадцать тысячъ франковъ, что вамъ не устоять.

ГЕКТОРЪ. Извольте!

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Нѣтъ, не хочу. Это значило бы обокрасть васъ, держать на вѣрняка.

ГЕКТОРЪ (*горько улыбаясь*). Меня защититъ память о сдѣланномъ ею мнѣ злѣ.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Въ такомъ случаѣ желаю успѣха!.. Бой скоро начнется. До свиданія, безстрашный молодой человекъ!.. Ратуйте бодро противъ этого Тартюфа въ юбкѣ!.. Да защититъ васъ Мольеръ!.. (*Уходитъ*).

ГЕКТОРЪ (*одинъ*). До свиданія!.. Какъ бы они не встрѣтились!.. Нѣтъ, еще рано... Планъ отлично устроенъ!.. Не забылъ ли я чегонибудь?.. Комната эта принадлежитъ къ квартирѣ герцогини Клевеландъ. Рядомъ большая зала; можетъ быть, маршалъ и графиня де-Клермонъ тамъ уже. Сію минуту должна пріѣхать г-жа де-Блосакъ; вырву у нее тайну, отъ которой зависитъ честь Жанны, а если не успѣю, такъ одного ея присутствія здѣсь, у меня, достаточно для того, чтобъ погубить ее, уничтожить... Стучать отсюда... Это графиня... (*Отпираетъ замокъ*).

II.

ГЕКТОРЪ, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ (*на порогъ двери*). Мы здѣсь.

ГЕКТОРЪ. А Жанна?

ГРАФИНЯ. Осталась съ дочерью герцогини.

ГЕКТОРЪ. Что маршалъ?

ГРАФИНЯ. Пріѣхалъ. Ужъ не проклинаетъ насъ, но все еще хочетъ жениться.

ГЕКТОРЪ. Не говорить, что Жанна виновна?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, но сомнѣвается, чтобъ можно было доказать предъ всѣми ея невинность.

ГЕКТОРЪ. А вотъ мы это сдѣлаемъ. Вы явитесь, когда я дамъ знакъ.

ГРАФИНЯ. Какой?

ГЕКТОРЪ. Когда настанетъ время, смотрите, я подниму завѣсу этого окна.

ГРАФИНЯ. А! Противъ будуара герцогини, хорошо.

ГЕКТОРЪ. Позвольте, еще одно слово. Г-жа де-Блосакъ знаетъ, что Жанна оправдана?

ГРАФИНЯ. Все знаетъ.

ГЕКТОРЪ. Такъ она не прїдетъ.

ГРАФИНЯ. Прїдетъ. Вы не знаете этихъ строгихъ, неприступныхъ женщинъ. Если любовь забредетъ имъ въ голову, такъ ничѣмъ ее отсюда не выживешь, ничто предъ ней не устоитъ... Берегитесь!

ГЕКТОРЪ. Вы сомнѣваетесь во мнѣ?

ГРАФИНЯ. Она очень хитра... а вы очень молоды!..

ГЕКТОРЪ. Я буду думать о Жаннѣ.

ГРАФИНЯ. Мнѣ кажется, что свиданіе безразеудно.

ГЕКТОРЪ. Не бойтесь!.. Однако я слышу шаги: это она!.. Уйдите и ждите сигнала... (*Графиня уходитъ. Гекторъ на минуту остается одинъ*). Боятся войти... Войдите, не бойтесь!

III.

ГЕКТОРЪ, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*отворяетъ дверь и быстро запираетъ ее за собою*). Никто не видалъ меня.

ГЕКТОРЪ (*успокаивая ее*). Въ корридорѣ темно.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Впрочемъ, у меня былъ наготовѣ предлогъ.

ГЕКТОРЪ. Наконецъ вы здѣсь!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я не опоздала.

ГЕКТОРЪ (*съ притворною нѣжностью*). Нѣтъ!.. но я ожидалъ... Сегодня холодно... вотъ огонь; погрѣйтесь. Какое ужасное время!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*въ волненіи, стараясь смѣяться*). Я люблю такую погоду... порядочный туманъ... ничего невидать... Мнѣ не холодно, я скоро шла...

ГЕКТОРЪ. Если вы бѣжали, такъ вамъ должно быть жарко; снимите мантилью и шляпку... (*Подходитъ къ ней*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*слегка его отталкиваетъ, сама снимаетъ мантилью, развязываетъ шляпку, которую Гекторъ кладетъ на зеркало*). Мнѣ надо съ вами поговорить.

ГЕКТОРЪ. Какіе чудные волосы!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*подходитъ къ камину, грѣетъ ноги*). Мнѣ надо съ вами поговорить серьезно.

ГЕКТОРЪ. Какая хорошенькая ножка!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*снимаетъ перчатки*). Къ чему это притворство... эта ложная нѣжность?.. Я нисколько не ошибаюсь на счетъ вашихъ чувствъ ко мнѣ и, если пришла сюда, такъ для того, чтобъ предаться не любви вашей, а ненависти, и не слѣпо, а совершенно добровольно... Не старайтесь обмануть меня... я все угадала!.. Свиданіе это — западня... я знала... и не смотря на то, пришла!..

ГЕКТОРЪ (*всторону*). Неужели она угадала? (*Громко*). Какъ вы можете такъ думать?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Замолчи!.. Ты лжешь, а я не хочу, чтобъ ты лгалъ... хочу, чтобъ ты, и только ты одинъ въ цѣломъ мірѣ былъ со мною чистосердеченъ... Не бойся ничего... признайся, что ненавидишь меня!.. Я заслуживаю твою ненависть, она тебѣ дѣлаетъ честь... Я хотѣла погубить дѣвушку, которую ты любишь.

ГЕКТОРЪ. Не смѣйте говорить о ней!.. Жанна ужъ оправдана... Теперь надо узнать, у кого былъ Шарль Валере въ ночь на 28 августа... Вы общали сказать мнѣ имя этой женщины, и для того только согласился я видѣть васъ здѣсь. .

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Въ добрый часъ!.. Наконецъ-то сказали правду... Мнѣ больно было видѣть ваше лицемѣріе... къ вамъ оно не пристало... оно идетъ ко мнѣ... къ женщинѣ вообще, но мужчина, не въ правѣ лицемѣрить, онъ ничѣмъ не связанъ... онъ всегда можетъ дѣйствовать открыто...

ГЕКТОРЪ. Правда, мнѣ не приходится лукавить. Я хочу отметить вамъ... я васъ ненавижу!..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Но ужъ немножко меньше.

ГЕКТОРЪ. Къ чему же вы идете добровольно навстрѣчу моему мщенію?.. Зачѣмъ пришли сюда?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Чтобъ смягчить его!.. подвергнуться довѣрчиво вашему гнѣву, значить обезоружить его... Прими я васъ у себя, вы были бы неумолимы; но здѣсь, у васъ, въ вашихъ сѣтяхъ... совѣмъ не то... здѣсь я уже не врагъ вамъ, а жертва... и знаю, вы скорѣе всего полюбите женщину, которую оскорбили.

ГЕКТОРЪ (*всторону недовѣрчиво*). Однако, искусна!.. (*Громко*). Но скажите, у кого же былъ Валере?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*садится далеко отъ Гектора*). Слушайте же меня.

ГЕКТОРЪ (*не вставая съ мѣста, смотритъ на завѣсу*). Слушаю.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*очень лукаво, съ страннымъ взглядомъ*). Вы боитесь смотрѣть на меня?.. не надѣетесь на себя?..

ГЕКТОРЪ. (*взглядываетъ на нее и, встрѣтясь съ нею взорами, быстро отворачивается*). Да, только не въ томъ, въ чемъ вы думаете. (*Беретъ стулъ и далеко садится отъ нея*)..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Бойтесь разжалобиться при видѣ моихъ страданій... Жалости мнѣ не нужно; я ищу вашего участія не къ прошедшему—я его проклинаю; но къ будущему—оно зависитъ отъ васъ и можетъ быть благородно, прекрасно...

ГЕКТОРЪ. Ваша участь и моя...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Я сказала, что любила васъ, Гекторъ, но не сказала почему?.. потому-что вы рѣшительно не похожи на другихъ, на всѣхъ этихъ себялюбцевъ, лживыхъ и низкихъ людей...

ГЕКТОРЪ (*всторону*). Вотъ лесть; скоро явятся и слезы.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Какъ я была рада, когда встрѣтила васъ, узнала вашъ открытый, благородный характеръ... съ какимъ участіемъ слѣдила за вами въ толпѣ... одно имя ваше приводило меня въ восторгъ!.. Съ какимъ восхищеніемъ слушала я рассказы о васъ... Сколько безпокойствъ вынесла, узнавъ о вашей дуэли въ Шантильи!.. Да, это было тайною для всѣхъ, кромѣ меня...

ГЕКТОРЪ. Какъ же вы ее узнали?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Что можетъ быть тайной для такой сильной любви, какъ моя?.. Во время вашего медленнаго выздоровленія, вы и не знали, а я была возлѣ васъ, съ вами, въ часы вашей тоски.

ГЕКТОРЪ. Вы были у меня?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вспомните одинъ ничтожный случай. Когда появилась книга, послѣдній томъ Ламартина.

ГЕКТОРЪ. Гдѣ расхвалили моего отца.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вы пожелали ее имѣть, когда ни у кого еще ее не было, и получили въ тотъ же вечеръ.

ГЕКТОРЪ. Отъ васъ?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Отъ меня.

ГЕКТОРЪ (*встаетъ и отходитъ отъ нея*). Какое вниманіе!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*улыбаясь*). Направда ли, ужасное?.. Оно было моей отрадой, наполняло всю мою душу... Ожидать васъ, увидѣть хотя издали, говорить съ вами во снѣ, призывать, какъ обожаемую тѣнь... вотъ въ чемъ заключалось мое существованіе... и я была счастлива!.. Вдругъ узнаю, что вы уѣзжаете въ Левантъ, что надо отказаться видѣть васъ... Я пришла въ отчаяніе и снова предалась влеченію дурныхъ моихъ наклонностей... Двѣ природы, борющіяся во мнѣ, начали вновь меня мучить своимъ роковымъ вліяніемъ... Родившись отъ страннаго брака дворянина и цыганки, я соединяю въ себѣ обѣ крайности: отъ матери наслѣдовала я духъ предприимчивый и пылкій, отъ отца— родовую гордость и тщеславіе... Ко мнѣ нельзя быть слишкомъ строгимъ!.. во мнѣ нѣтъ искренности, нѣтъ добродѣтели... но есть честь или что-то похожее на честь, что заставляетъ меня скрывать мою жизнь... Тебѣ я открываю все... все скажу... потому-что люблю тебя... Иногда мнѣ удается нѣсколько времени вести въ самомъ дѣлѣ такую чистую, безукоризненную жизнь, какою я ее представляю... мнѣ кажет-

ся тогда, что я переродилась, сдѣлалась благородною, достойною... я оживаю, дышу свободнѣе... но вдругъ... порывъ бури, безумная мысль, арія, прошѣтая съ чувствомъ, слово, улыбка—и я опять возвращаюсь къ прежнему... обаяніе любви уноситъ меня въ бездну, и не смотря на борьбу, не смотря ни на что, я падаю снова, и падаю ниже, чѣмъ прежде...

ГЕКТОРЪ (*всторону*). Несчастливая! (*Громко*). Успокойтесь!.. эти тяжкія воспоминанія и признаніе растраниваютъ васъ...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Нѣтъ, мнѣ легко, отрадно, что хоть разъ въ жизни я могу высказать все, что у меня на сердцѣ... И ты долженъ все это знать, Гекторъ, чтобъ понять, что можешь ты для меня сдѣлать... Одно слово твое, и демонъ ненависти и коварства, живущій въ груди моей, навсегда исчезнетъ!.. Любовь моя сильна... Она пересоздаетъ меня... О, не отвергай меня!.. берегись!.. Другія женщины, просто женщины!.. ихъ можно бросить безъ опасенія; но я, я бичъ, страшный бичъ! и только ты въ состояніи укротить его... Еслижъ ты меня бросишь, то за все зло, за все черныя поступки, за все преступленія, которыя я сдѣлаю и которыя ты могъ бы предотвратить, за все это ты будешь отвѣчать... Я уже не буду въ нихъ виновна... Слышишь ли?.. Я люблю тебя!.. О мой добрый геній, не откажи мнѣ въ покровительствѣ!.. не пренебрегай своимъ могуществомъ!.. Ты можешь превратить зло въ добро, все мои недостатки, все дурныя наклонности измѣнить въ качества высокія!.. Я такъ счастлива моею возвышенною любовью... горжусь ею!.. Твоей любви я не прошу... довольно, что я тебя люблю... Ни участія твоего, ни утѣшеній, ни помощи, ничего мнѣ не надо... Прошу тебя только, не отвращай отъ меня своихъ взоровъ, и жизнь моя, подъ ихъ вліяніемъ, очистится сама собою...

ГЕКТОРЪ (*блѣдный, растерянный, въ волненіи, всторону*). Что это?.. не сонъ ли?.. что со мною?.. Это невольное волненіе...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Чтожъ ты не смотришь на меня?.. Отчего ты такъ блѣденъ?.. въ такомъ волненіи?.. Скажи мнѣ, что съ тобой?.. что съ тобой, Гекторъ?..

ГЕКТОРЪ (*въ бреду*). Мнѣ страшно!.. Этотъ каварный голосъ... предательскіе глаза... омрачаютъ мой разсудокъ!.. О бѣшенство!.. Я ненавижу ее, ненавижу... и между тѣмъ чувствую какъ ненависть эта невольно исчезаетъ... Ахъ!.. (*вскрикиваетъ и беретъ букетъ*). Нѣтъ!.. вотъ что возвратитъ мнѣ память!.. вотъ мой щитъ!.. Смотри!.. Узнаешь ли ты эти цвѣты?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Ахъ!

ГЕКТОРЪ. Я долженъ былъ сегодня тебѣ ихъ прислать; не моя вина, что ты сама пришла за ними. (*Бросаетъ букетъ къ ея ногамъ*).

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*вскрикиваетъ*), Ахъ! это онъ!.. (*Падаетъ уничтоженная*).

ГЕКТОРЪ. Да, я!.. я!.. Уже четыре года мщеніе мое тебя преслѣдуетъ... Артуръ былъ мой другъ... Скажи же, могу ли я быть твоимъ добрымъ геніемъ?.. О! я предчувствовалъ, что ты вносишь съ собою вездѣ отчаяніе и позоръ... желалъ наводить на тебя ужасъ, и посылалъ эти цвѣты чтобъ сказать: «Я тебя знаю, слѣжу за тобою и при первомъ твоемъ преступленіи—явлюсь!»

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*на колынахъ*). Такъ предай же меня!.. Чтожь ты медлишь? уничтожь меня въ глазахъ моихъ враговъ?.. Зови ихъ!.. Пусть придутъ!.. Что мнѣ въ томъ, что меня назовутъ любовницею Гектора Ревневиля, если онъ... считаетъ меня убійцею Артура?.. Ахъ! все кончено?.. Ты былъ моею надеждой, могъ возратить душѣ моей ея чистоту и величіе, и ты... проклинаешь, предаешь меня!.. Ты, кого я такъ любила за благородство и откровенность!.. Знаешь ли, Гекторъ, все зло, которое я когда либо сдѣлала, искуплено настоящимъ моимъ мученіемъ... Нѣтъ, я чувствую, этой любви не отнимутъ, не лишать меня, не вырвавъ изъ меня и сердца... Но я никогда никого не подвергала подобной пыткѣ... никогда... это слишкомъ... выше силъ моихъ!.. Страданія мои ужасны!.. Голова горитъ... слезы жгутъ глаза... свѣтъ меркнетъ... Боже!.. дай мнѣ умереть!.. (*Падаетъ безъ чувствъ*).

ГЕКТОРЪ (*помогаетъ ей встать*). Встаньте!.. придите въ себя!.. Неужели я предаю ее?.. Нѣтъ, это было бы недостойно!.. Я могъ это сдѣлать съ женщиной надменной, торжествующей... но не въ силахъ выдать имъ женщину униженную, умирающую... Идите скорѣе!.. Ваши враги здѣсь...

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Враги мои?.. пусть приходятъ, я не стану защищаться... ты меня ненавидишь.

ГЕКТОРЪ (*кратко*). Я вѣрю вашему раскаянію и жалѣю васъ.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. О! благодарю тебя!..

ГЕКТОРЪ (*подавая ей мантилью*). Уйдите скорѣе!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. И ты меня спасаешь!

ГЕКТОРЪ. Спѣшите!.. могутъ придти.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Гекторъ, я ужъ никогда болѣе васъ не увижу!

ГЕКТОРЪ (*прислушиваясь*). Вы выйдете безопасно... Нѣтъ, въ эту дверь... идите... (*Отпираетъ маленькую дверь. Г-жа де-Блосакъ, надвѣвъ мантилью и шляпку хочетъ выйти*).

IV.

ГРАФИНЯ, Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ, ГЕКТОРЪ, потомъ МАРШАЛЪ и ДЕ-ТУРБИЕРЪ.

ГРАФИНЯ (*г-жъ де-Блосакъ*). Вы не выйдете отсюда!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ (*яростно*). Графиня!

ГРАФИНЯ. Такъ-то, Гекторъ... вы измѣняете?.. (*Г-жъ де-Блосакъ*). Притворныя слезы могутъ обмануть только легковѣрнаго молодого человѣка, но никогда не обмануть матери. Я очень хорошо знала, что вы ее спасете... Вы не выйдете отсюда до тѣхъ поръ, пока дочь моя не будетъ при всѣхъ оправдана. (*Отворяетъ дверь въ глубинъ сцены*). Г. маршалъ, пожалуйста сюда!..

ГРАФИНЯ (*маршалу*). Посмотрите!.. ваша будущая супруга у моего будущаго зятя...

МАРШАЛЪ. Г-жа де-Блосакъ у г. Ренневиля?.. Что за случай?..

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Вовсе не случай, г. маршалъ. Я пріѣхала, признаюсь, тайно, но съ намѣреніемъ—привезти г. Ренневилю доказательство невинности его невѣсты.

ГРАФИНЯ. Это что такое?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Тутъ замѣшано доброе имя другой женщины. Ваша племянница, графиня де Клермонъ, все разстроила, надѣлавъ шуму, и теперь я не могу ничего сказать...

МАРШАЛЪ. Говорите, сударыня!.. Будьте увѣрены въ моей скромности.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не могу, честь обязываетъ меня молчать.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*съ книгой въ рукахъ*). И дѣло!.. А меня честь обязываетъ говорить.

ВСЪ. Баронъ!

ГРАФИНЯ (*де-Турбиеру*). Что же?.. узнали истину?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Истину?.. (*Показываетъ книгу*). Вотъ она.

ГЕКТОРЪ. Что это такое?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Записная книга хозяйна гостиницы для пріѣзжающихъ въ Блуа.

ГРАФИНЯ. Чтожъ изъ этого?

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Изъ нея узнаемъ у кого именно, то есть, у какой путешественницы былъ Шарль Валере, когда очутился въ саду...

МАРШАЛЪ. Ну, у кого же?

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. У меня, г. маршалъ.

МАРШАЛЪ. У васъ?.. быть не можетъ!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. У меня, говорю вамъ... Мнѣ нужно, чтобъ вы этому повѣрили.

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*графиня*). Вѣчно та же!.. сознается для того, чтобъ казаться невинною!

МАРШАЛЬ. Неправда. Вы обвиняете себя, чтобъ спасти другую.

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Не хочу отвѣчать; все вѣроятности противъ меня. Прощаю вамъ ваши подозрѣнія. Графиня знаетъ, что женщина можетъ быть обезславлена, не бывши виновною... Вчера дочь ея была обвинена, сегодня оправдана... Подождите!.. придетъ время, и я въ свою очередь оправдаюсь. Г. Валере пишетъ, что скоро пріѣдетъ; до тѣхъ поръ принимаю на себя обвиненіе, оправдывающее вашу внучку. Скажите всѣмъ, кто слышалъ разсказъ о печальномъ событіи, что все обнаружено, что козни мои открыты... скажите наконецъ все, что найдете нужнымъ для оправданія этой дѣвушки... Уничтожьте меня скорѣе... въ этомъ ваша выгода... можетъ быть и моя!.. Всякая несправедливость рано или поздно влечетъ за собою возмездіе... а для меня это возмездіе будетъ блистательно... жду его спокойно, съ надеждой... Прощайте, г. Маршалъ; я хотѣла отдать вамъ мою жизнь, теперь отдаю еще больше—мою честь!

ГРАФИНЯ (*съ ироніей*). Честь Леди Тартюфъ!

Г-ЖА ДЕ-БЛОСАКЪ. Поменьше гордости, графиня! Про меня еще скажутъ: у нея любовникъ... а про васъ ужъ говорятъ, хоть у васъ его вовсе нѣтъ. (*Уходитъ*).

ГРАФИНЯ. Смѣло падаетъ... тѣмъ не менѣе погибель ея неизбѣжна!..

ДЕ-ТУРБИЕРЪ. Увы! Нѣтъ!.. Маршалъ принимаетъ участіе въ ея судьбѣ...

МАРШАЛЬ (*всторону*). Все противъ нея!.. Несчастливая женщина!..

V.

ТѢЖЕ и ЖАННА.

ЖАННА. Маленька, гдѣ вы?.. Я васъ вездѣ искала.

ГЕКТОРЪ. Жанна!

ЖАННА. Что вы здѣсь дѣлаете?

ГЕКТОРЪ. Назначаемъ день свадьбы... Ничто ужъ не препятствуетъ нашему счастью.

ЖАННА. Развѣ что нибудь препятствовало?.. Нѣтъ! я навѣрно знала, что мы обвиняемся, и ни минуты не беспокоилась...

ГРАФИНЯ. Ахъ!.. въ этихъ словахъ моя награда! (*Обнимаетъ дочь*).

ДЕ-ТУРБИЕРЪ (*тихо Гектору*). Будьте счастливы!.. Но берегитесь Леди Тартюфъ!.. Лицемеръ—это фениксъ, онъ возраждается изъ своего пепла.

III.

ЛОВЕЦКІЕ РАЗСКАЗЫ.

О

КАСПІЙСКОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ.

П. И. Небольсина.

(Статья седьмая).

—

V.

ТОРГЪ ТОВАРАМИ, НЕОБХОДИМЫМИ ДЛЯ РЫБНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

Крючки.—Пеньковыя издѣла для лова и оснастки судовъ.—Тесь.—Шесты.—Бревны.—Брусья.—Мачтовыя деревья.—Смола.—Деготь.—Дрова.—Лубья.—Бочки.—Плуты.—Сви-
нецъ.—Равентукъ.—Бахилы.—Рукавицы.—Хлѣбъ.—Соль.

Изъ предшествовавшихъ замѣтокъ ясно можно было видѣть, что для такого огромнаго рыболовства, каково астраханское, нужны огромныя запасы разныхъ товаровъ, безъ которыхъ промыселъ этотъ существовать не можетъ. Постараемся же вкратцѣ, сколько силы наши дозволяютъ, сдѣлать хотя поверхностный обзоръ торговли этими принадлежностями, къ которымъ принадлежать:

- 1) принадлежности собственно рыболовства,
- 2) принадлежности рыболовнаго судоходства и
- 3) хлѣбъ и соль для пищи ловцамъ и для посола рыбы.

Принадлежностей одежды и обуви мы уже тутъ не считаемъ, потому что не имѣли никакой возможности лично распросить объ этихъ предметахъ.

Къ принадлежностямъ собственно рыболовства принадлежать:

Крючки, приготовляемые по разнымъ селеніямъ на берегахъ Оки и Волги. Производство желѣзныхъ предметовъ, нужныхъ и для рыболовья

и для рыболовныхъ судовъ огромно. Мы отказываемся представить свѣдѣнія о продажѣ желѣза, о якоряхъ, гвоздяхъ, пешняхъ, ломахъ, пожахъ, топорахъ, болтахъ, скобахъ и другихъ подѣлкахъ: цифра, долженствующая выразать собою огромность потребления на это дѣло металловъ, такъ огромна, что можетъ отуманить воображеніе незнакомаго съ дѣломъ челоуѣка. О громадности этой цифры можно догадываться только по аналогіи съ промышленностью какой нибудь малоизвѣстной мѣстности, по стеченію случайныхъ обстоятельствъ приведенной въ ясность. Такъ, напримѣръ, въ недавнее время изслѣдовано, что крестьяне Весеьгонскаго и Череповецкаго уѣздовъ потребляютъ до полуторы сотъ тысячъ желѣза для перековки его въ гвозди, а сколько есть мѣстностей, гораздо значительнѣйшихъ и болѣе извѣстныхъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Череповецкій или Весеьгонскій уѣзды! Укажемъ только на губерніи Рязанскую и Нижегородскую.

Въ Нижегородской губерніи производствомъ всякаго рода металлическихъ вещей занимаются крестьяне прибрежныхъ селеній Нижегородскаго, Балохнинскаго и Семеновскаго уѣздовъ. Не входя во всѣ подробности, укажемъ только на одну отрасль этого производства—на проволоку.

Издѣліе проволоки занимаетъ множество рукъ. Полагаютъ, что изготовленіе изъ этой проволоки однихъ крючковъ даетъ существованіе нѣсколькимъ тысячамъ крестьянскихъ семействъ, работающих съ подряда кушцовъ, и уже не предъявляющихъ свой товаръ на ярмаркахъ. Лѣтомъ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ, а зимою, цѣлою семьей трудятся надъ заказанною работою: крестьянинъ тянетъ проволоку, рубитъ изъ нея мѣрные звѣнья, а ребяташки отрубленную полосу загибаютъ—и удочка готова; послѣ на каждомъ крючкѣ дѣлаютъ легонькую жаберку, одинъ конецъ удочки приплюснутъ, другой подострятъ, потомъ весь запасъ уложить въ коробки, по тысячѣ крючковъ въ каждую,—и товаръ готовъ къ отправкѣ.

Не вдаваясь во всѣ подробности о торгѣ крючками и разными издѣліями изъ пеньки и пеньковой пряжи, то есть, о «дѣли» для неводовъ, о «сѣткахъ» для сѣтей, и о разныхъ видахъ пеньковой снасти, какъ-то о «четверной пряжѣ», о «каряжникѣ», «поводцахъ», «хрептинѣ», «урѣзѣ», «смольной снасти» и канатахъ—перейду къ остальнымъ предметамъ и обращу вниманіе на лѣсной товаръ.

Тѣсъ для Астрахани весь идетъ изъ Балахнинскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Въ Балахну лѣсъ сплавляется изъ Костромской губерніи рѣкою Унжею, а въ Балахиѣ бревна эти пилать на тѣсъ и отсылаютъ его отсюда въ Нижній-Новгородъ, а остатки въ Астрахань. Довольно

тесу отправляется въ Астрахань и прямо съ Ветлуги; чтожь касается до Казани, то туда тесъ идетъ изъ Ветлуги, изъ Цевильска и изъ другихъ мѣстъ.

При счетѣ балахнинскаго тѣса какъ бы нормальною единицею служить «потопченикъ», то есть «плáха,» тонкая доска полудюймовая.

«Потопченикъ»	имѣеть	толщины $\frac{1}{2}$ дюйма,	ширины 3—4 вершка	
«Полоторникъ» или $\frac{1}{2}$ потопчины	—	1	—	4—5 —
«Двойникъ», или «половой», или 2 потопчины	—	$1\frac{1}{4}$	—	5 —
«Тройникъ», или три потопчины	—	1 вершокъ	—	5—6 —
«Четвериковый», или четыре потопчины	—	$1\frac{1}{4}$	—	6 —
«Пятерикъ», или пять потопчинъ	—	$1\frac{1}{2}$	—	до 7 —

} длина
13 $\frac{1}{2}$
и 14
аршинъ.

Ветлужскій лѣсъ тоньше дюйма не бываетъ; тотъ, который толщиною въ $1\frac{1}{2}$ и больше вершковъ, называется «одношкурнымъ», или по просту «пластиной», такая толстая доска не вся распиливается во всю свою толщину, а только надпиливается и, на ребрахъ число «потопчинъ» намѣчается карандашемъ.

Тесъ отправляется въ Астрахань очень рѣдко на плотяхъ; обыкновенно этимъ товаромъ нагружаютъ либо машинные подчалки, либо «бѣляны» и «межеумки», либо наконецъ тѣ «ладьи», которыя приходятъ къ Нижнему-Новгороду изъ Перми съ солью. Само собою разумѣется, что если такая ладья была нагружена солью примѣрно до ста тысячъ пудовъ, то лѣсу можно на нее нагрузить уже не сто, а двѣсти тысячъ пудовъ.

Въ Астрахани тѣсъ идетъ и на судостроеніе и на постройку домовъ; полагаютъ, что въ нынѣшнее, обильное парходами время, тесу среднимъ числомъ сюда ежегодно доставляется до 300,000 потопчинъ или 150,000 деревъ; тесъ продается здѣсь попарно, и потому двѣ «потопчины» считаются за одно «дерево». Въ оптовой торговлѣ тесъ продается по-сотенно; цѣны ему въ Астрахани стояли около 1840 года 60 коп. асс., въ 1845 40—50 коп. ассигн., а въ 1851 году 6—8 коп. сер. на-доску.

Шесты, разные верѣхи» (т. е. верхи, крайнія тонкія вершинки деревъ) и колья заготавливаются для Астрахани частью въ Казанской губерніи на самой Волгѣ, а частью на Ветлугѣ, по губерніямъ Казанской, Нижегородской и Костромской.

Шесты употребляются для сушки рыбы на самой Волгѣ и на рыбныхъ промыслахъ на морѣ; только для этой цѣли ихъ ежегодно привозится до полусотни тысячъ штукъ; идутъ они и на «попёрные» (отъ слова «переть», «упирать») шесты, также для лодочныхъ мачтъ и реевъ, на чемъ паруса поднимаются; шесты и верехи вообще употребляются на клячи, для ставки сѣтокъ; короткіе и тонкіе клячи и верехи идутъ

на калмыцкія «кибитки», то есть, жилья, и на «цивильныя» какъ говорятъ, строенія, въ рѣшетины подъ деревянныя крыши. Однимъ словомъ потребление разнаго рода шестовъ безсчетно: говорятъ, что будетъ очень похоже на правду, и весьма вѣроятно, если мы скажемъ, что шестовъ и вереховъ идетъ въ дѣло больше 300,000 штукъ.

Колья идутъ на «коловы», или «учуги», или «забойки», перегораживающіе рѣку во всю ея ширину; самый огромный колъ, свѣя, толстая и длинная въ нѣсколько сажень, называется «чегень», а при съемкѣ съ мелей—«неволею»; самый тонкій называется «кошакъ», это уже родъ шеста сажени въ четыре длины; березовые и еловые колья идутъ и для набойниковъ.

Цѣны шестамъ и кольямъ опредѣлить никакъ нельзя: соображаясь съ требованіемъ времени и обстоятельствъ, а также и длиною шеста, который простирается отъ трехъ до пяти сажень, и цѣны бываютъ разныя: отъ 6 до 30 коп. сер., а крупныя березовыя колья продаются и по полтиннику.

Бревны, преимущественно все сосновые, доставляются изъ губерній Казанской, Костромской и Нижегородской, съ Ветлуги, а дубовый лѣсъ идетъ только на бочки, и его продается не много. Бревна бываютъ различной величины отъ 3 и до 7 сажень длины, и отъ 5 и до 10 и больше вершковъ толщины; иногда попадаются бревны въ 600 пудовъ вѣсу, хотя, разумѣется, такой сосны поискать на рѣдкость: надо, чтобъ она была сажень 12 въ длину, а въ комлѣ до пяти четвертей. Обыкновенно наши торговцы считаютъ въ кубическомъ футѣ дуба полтора пуда, а въ такой же единицѣ сосны—только одинъ пудъ.

Бревны сплавляются въ Астрахань плотами, вмѣстѣ съ брусьями, доставляемыми оттуда же. Если сплавляются одни брусья, то плотъ складываютъ въ 9 и въ 10 ярусовъ, а если вмѣстѣ съ бревнами, то ярусовъ въ семь; обыкновенно кладутъ сперва одинъ рядъ бревень, а на него два, три ряда брусевъ, потомъ опять рядъ бревень и ряда два-три брусевъ.

Бревень сплавляется въ Астрахань обыкновенно тысячь пять, очень рѣдко тысячь десять штукъ, а брусевъ тысячь тридцать и сорокъ ежегодно: брусевъ оттого больше, что доставка ихъ легче и удобнѣе. Бревно или брусъ длиной сажени въ четыре, толщиной въ 8 вершковъ стоитъ въ Астрахани временемъ отъ 2 до 3 руб. сер.

Разумѣется, мы здѣсь вовсе не имѣемъ въ виду тѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ, которые доставляются къ Астрахани для тамошняго адмиралтейства и для казенныхъ построекъ: мы говоримъ собственно только про частныя надобности.

Мачтовые деревья доставляются оттуда же, откуда брусья и бревны. Мачты больше бываютъ изъ ели, а небольшою частію и изъ сосны, потому-что, хотя ель и меньше служить, чѣмъ сосна, но она легче, а сосна очень тяжела, а это для ходкости судна вредно: извѣстно, что лиственница и дубъ въ частномъ судоходствѣ не употребляется.

Мачтовые деревья бываютъ длиною отъ 10 до 13 сажень, очень рѣдко длиннѣе; дерево въ 10 сажень стоитъ 4 руб. сер., а дерево въ 13 сажень стоитъ 15 и 20 руб. сер. На частныя надобности расходуется примѣрно до 500 штукъ.

Смола, выгоняемая изъ сосновыхъ корней, доставляется въ Астрахань отчасти съ Волги, но больше всего съ Ветлуги да съ Оки, изъ Владимірской губерній. Смола везется въ бочкахъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 20 до 40 пудовъ товара, безъ торы; въ разницу продается она пудами, оптомъ—бочками, но расчетъ производится все таки на пуды.

Смола заготавливается на Ветлугѣ и Окѣ зимой, когда берутся на нее крестьянами подряды отъ купцовъ и получаютъ задатки; иные впрочемъ и прямо покупаютъ ее. Все это бываетъ обыкновенно около Рождества. Гдѣ купишь смолу, тамъ нужно ужъ и заготовить судно для ея перевозки.

Смола въ послѣднее время продавалась на мѣстѣ по 25 рѣдко по 40 к. сер. за пудъ, а въ Астрахани цѣны на нее отъ 35 копѣекъ доходили и до рубля серебромъ. Смолы въ Астрахань привозится до 50, рѣдко до 60,000 пудовъ: мало оттого, что промышленники довольствуются больше «баткакѡмъ», то есть, тѣмъ рыбнымъ жиромъ, который во время перевозки соленой рыбы стекаетъ на дно судна.

Дегтя въ Астрахань доставляется съ Ветлуги до 10,000 пудовъ. Деготь доставляется сюда по большей части самый лучшій, березчатый, чистый, а отчасти и средній съ подмѣсю смолья. Цѣна въ Астрахани первому 1 и 1½ руб. сер. за пудъ, а послѣднему отъ 50 коп. до 1 руб. 20 коп. сер. за пудъ.

Дрова употребляются въ Астрахани или талѡвые и вязѡвые, изъ губерній Астраханской и Саратовской, или сосновые и березовые, изъ губерній Костромской, Нижегородской, Казанской и частью Вятской; еловыхъ дровъ очень мало. Дрова бываютъ или «однополенные» длиною въ 12 и 14 вершковъ, или «трехполенные» (сосновые и еловые) по 12 четвертей въ длину. Березовыхъ дровъ потребляется въ годъ до 20,000 сажень, а всѣхъ вообще не болѣе 50,000 сажень.

Дрова продаются «пятериками», то есть по пяти сажень каждая гладка.

Березовые дрова по всей Волгѣ очень много расходуются пароходами. Говорятъ утвердительно, что одна изъ пароходныхъ компаній, владѣвшая въ 1850 году пятью пароходами, сожгла во время навигаціи того года до 24,000 сажень, и что каждый «пятерикъ» дровъ обошелся ей среднею цѣною отъ Рыбинска до Астрахани въ 15 руб. сер. съ доставкой на мѣсто, или по 3 руб. сер., за сажень.

Сажень березовыхъ дровъ вѣситъ среднимъ числомъ 90 пудовъ: бываетъ и 80, бываетъ и 100 пудовъ; машина въ 460 силъ сожигаетъ въ часъ 1,8 сажень дровъ; въ теченіе сутокъ она расходуетъ 40 сажень; такимъ образомъ совершая рейсъ изъ Астрахани, вверхъ по Волгѣ, до Нижняго-Новгорода въ 25 дней, она расходуетъ на это среднимъ числомъ тысячу сажень.

Лубья доставляются въ Астрахань вмѣстѣ съ хлѣбомъ и провіантомъ, сплавляемымъ туда какъ на потребленіе всего населенія, такъ и для отправки на лѣвый флангъ Кавказской линіи.

Бочки въ Астрахани дѣлаются изъ дубовыхъ досокъ, а обручи къ нимъ изъ дуба, черемухи и тальника.

Плуты и наплавки изъ осокоревой коры къ неводамъ дѣлаются и закупаются преимущественно въ Васильсурскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи; подряды на нихъ даются отъ купцовъ крестьянамъ зимою; нагрузка происходитъ обыкновенно въ селѣ Фокинѣ. Плуты продаются по $1\frac{1}{2}$ руб. сер. за тысячу; въ Астрахань везутъ ихъ до ста милліоновъ штукъ; деревянные поплавки на снасти ловцы здѣсь дѣлаютъ сами.

Свинца для пригрузковъ къ плавнымъ сѣтямъ въ Астрахань доставляется пудовъ 1000; закупаютъ его на Нижегородской ярмаркѣ по 3 руб. 15 коп. сер. за пудъ; въ Астрахани цѣна на него 3 р. 50 коп. сер.

«Канифасъ», то есть раVENTУкъ и парусина привозятся въ Астрахань изъ городовъ Муромъ и Вязниковъ. Говорятъ, что въ частномъ судоходствѣ паруса употребляютъ льняные, а въ казенномъ брезентъ и канифасъ бываютъ пеньковые. Кусокъ раVENTУка бываетъ обыкновенно въ 50 аршинъ длины и въ аршинъ ширины; кусокъ въ $\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ стоитъ 4 руб. 70 коп., въ 25 фунтовъ 5 руб. въ 35 фунтовъ 6 рублей серебромъ.

«Бахилы» или большіе, безъ толстыхъ подошвъ, сапоги для ловцовъ, закупаются для Астрахани преимущественно въ селѣ Павловѣ, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Бахилы бываютъ аршинные, и пяти и шестичетвертовыя, а большого размѣра приготовляются въ Астраханской губерніи.

Рукавицы для всѣхъ работниковъ на судахъ, привозятся изъ той же

губерніи и преимущественно изъ села Богородскаго. Въ Астрахани ихъ идетъ въ дѣло ежегодно до 200,000 паръ.

Хлѣбный товаръ привозится въ Астрахань преимущественно изъ Саратова, именно:

Ржаная мука изъ Саратова, вѣсъ куля $7\frac{1}{2}$ и 9 пудовъ, продается въ Астрахани годомъ отъ 2 р. 30 коп. до 3 р. 70 коп.

(въ $7\frac{1}{2}$ п. бываетъ овинная рожь, а въ 9 сырмомолотная).

Пшеничная размольная мука изъ Вольска въ $7\frac{1}{2}$ п. отъ 3 р. 70 к. до 5 р. е.

сыная изъ Саратова, вѣсъ мѣшка 5 п. 1 сортъ 5 и 6 р. с.

3 сортъ 2 р. 30 к. и 3 р. с.

Пшено русское желтое оттуда же, вѣсъ куля 5 п. 2 р. 30 к. и 3 р. 50 к. с.

Овесъ оттуда же, вѣсъ $5\frac{1}{2}$ и 6 п. 1 р. 40 к. и 2 р. 30 к. сер.

Ячмень оттуда же, вѣсъ $7\frac{1}{2}$ и $8\frac{1}{2}$ п. 1 р. 40 к. и 2 р. 30 к. с.

Крупа грѣчневая изъ Пензинской губерніи, вѣсъ 9 п. отъ 3 р. до 5 р. с.

Солодъ изъ Саратова и Казани вѣсъ куля $1\frac{1}{2}$ и 2 п. 43 к. и 60 к. с.

Изъ этого видно, что хлѣбный товаръ доставляется главнѣйшимъ образомъ изъ Саратова, но когда тамъ нѣтъ большаго урожая, то хлѣбъ доставляется изъ Казани, изъ Симбирска, съ Вятки и съ устья рѣки Камы. Хлѣбъ везется въ Астрахань три раза: въ первый разъ, все что набрано зимой, сплавляется изъ Саратова въ маѣ, въ полную воду, во второй разъ, въ іюль мѣсяцъ; третій караванъ осенній, въ концѣ навигаціи, въ сентябрѣ и въ октябрѣ. Хлѣбъ въ Астрахани закупается такъ, чтобъ на продовольствіе жителей хватило его до мая мѣсяца будущаго года. Первый караванъ особенно богатъ ржанымъ хлѣбомъ, а съ послѣднимъ караваномъ идутъ главные запасы овса. Когда въ Астрахани случается, что овесъ становится, сравнительно, дороже ржаной муки, то скотъ кормятъ печенымъ хлѣбомъ.

Вообще предполагается, что въ Астрахань, собственно на обороты мѣстной коммерціи хлѣба доставляется не менѣе полумилліона четвертей; что же касается до перевозки хлѣба изъ Астрахани на западный берегъ Каспійскаго моря, то изъ официальныхъ данныхъ положительно извѣстно, что отправка эта въ послѣдніе 10 лѣтъ была такая:

въ 1841 году хлѣбнаго товара	147,922	чет.	рогожен. матеріал.	106,578	шт.
—1842 —	—	—	—	—	—
—1843 —	—	—	—	—	—
—1844 —	—	—	—	—	—
—1845 —	—	—	—	—	—
—1846 —	—	—	—	—	—
—1847 —	—	—	—	—	—

—1848 —	—	369,465 —	—	—	338,544 —
—1849 —	—	288,769 —	—	—	252,060 —
—1850 —	—	235,363 —	—	—	202,377 —

Соли на продовольствіе жителей, но еще гораздо того больше на посоль рыбы идетъ громадное количество. За неизмѣнное правило принято рыбопромышленниками въ частномъ, строго-коммерческомъ быту считать, что на посоль рыбы и на раздѣлку рыбныхъ товаровъ соли вообще идетъ четвертая часть общаго улова рыбы, то есть, если общій уловъ простирается примѣрно до ста тысячъ пудовъ, то соли израсходуется непременно 25,000 пудовъ. А такъ какъ на всѣхъ, собственно только Астраханскихъ, не Уральскихъ и не Сальянскихъ промыслахъ, ежегодную добычу рыбы безбѣдно и безобидно можно положить въ шесть миліоновъ пудовъ, слѣдовательно и ежегодный расходъ соли можно почти навѣрное положить въ $1\frac{1}{2}$ миліона пудовъ: и это будетъ самый скромный расчетъ.

Сведя все эти предметы потребленія въ одну таблицу, мы увидимъ, что въ Астрахань, какъ для рыболовья, такъ и для прочихъ надобностей, стекается такое количество почти незамѣтныхъ товаровъ:

Крючковъ	до	100,000	кульковъ
Сѣтокъ	—	75,000	штукъ
Каряжнику	—	30,000	пудъ
Поводца	—	35,000	—
Хребтины	—	35,000	—
Пряжи четверной	—	25,000	—
Дѣли	—	1,000,000	концовъ
Свинцу	—	1,000	пудъ
Урѣзу	—	100,000	—
Смольной снасти	—	300,000	—
Плутовъ	—	100,000,000	штукъ
Тесу	—	300,000	потопчинъ
Шестовъ разныхъ	—	300,000	штукъ
Бревень	—	5,000	—
Брусевъ	—	30,000	—
Мачтовыхъ деревьевъ	—	300	—
Дегтя	—	10,000	пудъ
Смолы	—	50,000	—
Полотна	—	100,000	штукъ
Бахилъ	—	10,000	паръ
Рукавиць	—	200,000	—
Хлѣба разнаго	—	1,000,000	четвертей
Соли	—	1,500,000	пудовъ
Лубьевъ и рогожъ	—	1,000,000	штукъ.

VI.

ПЕРЕВОЗКА РЫБНЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самымъ любопытнымъ и поучительнымъ предметомъ для изслѣдованія какого бы то ни было рода промышленности, должно быть подробное изученіе отношеній, существующихъ между хозяиномъ и его работниками. Точно также надлежало бы и мнѣ познакомить читателя съ ролью рыбнаго откупщика, съ значеніемъ береговаго владѣльца, и съ настоящимъ положеніемъ эмбенцовъ, потомъ такъ называемыхъ билетчиковъ, и наконецъ разъѣздныхъ и подрядныхъ ловцовъ; слѣдовало бы разсказать о ихъ образѣ жизни, о ихъ трудахъ, о ихъ заработкахъ, объ обловахъ, недоловахъ, незаловахъ и пр., но минуя нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ, каковы напримѣръ жиротопленіе, рыбій ядъ, манера приготовленія рыбныхъ товаровъ въ Астрахани, система хозяйственнаго управленія промыслами и пр. и пр. и пр. и, соображаясь съ своими силами, я окончу свою бесѣду объ астраханскомъ рыболовствѣ бѣглыми замѣтками о перевозкѣ изъ Астрахани рыбнаго товара, а затѣмъ ужъ перейду къ уральскому рыболовству, сказавъ слова два объ общемъ итогѣ улова рыбы на астраханскихъ промыслахъ.

Извѣстно, что Астрахань и ея окрестности служатъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ рыбныхъ товаровъ, какъ съ рѣчныхъ «ватѣгъ», такъ и съ морскихъ «промысловъ», не только сѣверной части Каспійскаго моря, но и Сальянскихъ водъ и съ персидскихъ береговъ.

Рыбнымъ товаромъ называются всѣ продукты, получаемые отъ рыболовства, то есть рыба свѣжая, мороженая, соленая, вяленая, копченая, жиръ, икра, клей и вязига. Перевозка этихъ товаровъ совершается въ такомъ порядкѣ:

Зимой отправляется рыба свѣжая, мороженая, частичковая и красная, уловленная въ морѣ около четырехъ бугровъ и на другихъ собственно астраханскихъ, но не сальянскихъ и не персидскихъ промыслахъ, также со всѣхъ учужныхъ и рѣчныхъ промысловъ; къ этому же времени стекается въ Астрахань свѣжепросольная лососина изъ Кизляра и шемая, частью копченая, но больше всего сырѣмъ: коптится она уже въ Астрахани.

Частиковая рыба идетъ прямо на Саратовъ, сухимъ путемъ, на саняхъ. Извозчики тутъ бываютъ пензинскіе и саратовскіе крестьяне. Отъ Астрахани въ Саратовъ они берутъ 12—20 коп. сер., а при дороговизнѣ въ кормахъ и 25 коп. сер. съ пуда. Изъ Саратова эта рыба распредѣляется уже во всѣ города восточной полосы Россіи, пре-

имущественно же въ Казань, въ Нижній-Новгородъ, въ Ярославль и въ Москву.

Красная рыба преимущественно идетъ чрезъ Тамбовъ, въ Москву и въ Петербургъ. Въ Тамбовѣ бываетъ главная перекладка; извозчики все коломенскіе. Перевозка въ Тамбовъ — срочная; провозная плата 1 руб. 30 коп.

Икра свѣжая чрезъ Харьковъ, гдѣ бываетъ перекладка, въ Москву и въ Петербургъ; много отправляется въ Варшаву, откуда она идетъ за границу. Вязига отсылается въ Москву и въ Петербургъ, а клей, отправляемый въ разное время, почти исключительно назначается въ Петербургъ.

Съ открытіемъ весны отправляютъ рыбу, уловленную осенью и высоленную въ корень, то есть крѣпко, сильно посоленную. Ее отправляютъ на судахъ, и на парусныхъ, и на подчаливаемыхъ къ пароходамъ на Нижегородскую ярмарку. На срочныхъ расшивахъ, съ обязанностью доставить въ 70 и 75 дней, платится 23—26 коп. сер. съ пуда; нынче цѣны падаютъ, по причинѣ развитія пароходства, а на пароходахъ, товары изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ поспѣваютъ въ 25, 30, 35 и никакъ не позже 40 дней.

Рыба въ это время отправляемая бываетъ только красныхъ породъ, выловленная на промыслахъ и на эмбенскомъ рыболовствѣ, именно та, которая была добыта въ предшествующую осень. Въ это же время отправляются на пароходахъ и балыки.

Кромѣ рыбы, въ это время года, съ самаго начала весны, изъ Астрахани отправляютъ сухопутьемъ въ Москву и красную рыбу мало-соль, то есть слегка только посоленную. Сухопутьемъ же отправляется и такъ называемая «свѣжая» салфеточная икра, хотя чисто свѣжею, прѣсною, нѣтъ никакой возможности перевозить икру, да даже и ѣсть ее нельзя: это дѣйствительно соленая икра, но самаго легкаго, самаго тонкаго посола. Икра эта отправляется прямо или въ Москву, или въ Петербургъ въ боченкахъ разной мѣры, отъ одного и до десяти пудовъ: чѣмъ время становится теплѣе, тѣмъ и боченки бываютъ больше, чтобъ большое количество икры предохранить отъ вреднаго вліянія жаровъ.

Извозчики, везущіе эту кладь сухопутьемъ, больше все тамбовскіе да коломенскіе, подражаются на сроки, до Москвы въ четыре недѣли; сперва являются трѣбчники («трѣбчикъ» значитъ извозчикъ съ тройкою лошадей, а «трѣшникъ» у мѣстнаго простолюдыя означаетъ монету въ 3 коп. сер., «семишникъ» и «двошникъ» — монету въ 2 коп. сер.), а потомъ и парные. Провозная плата — цѣлковый, «два монета»,

то есть два рубля и 2 р. 30 к. сер. съ пуда: чѣмъ длиннѣе срокъ, тѣмъ берутъ дешевле. Контрактовъ письменныхъ вообще не заключаетъ; весь договоръ держится на честномъ словѣ да на освященныхъ временемъ обычаяхъ, именно: 1) подрядчикъ—порука по извошикѣ, 2) обезпеченіе вѣрности—лошади съ упряжью, 3) домашняя пеня за просрочку съ срочнаго 7 коп. сер. за день съ пуда кладѣ, съ необязавшихся срокомъ, но намѣренно протанувшихъ напрасно время, 3 коп. сер. за день съ пуда. За потери, причиненныя просрочкою и за убытки при упадкѣ цѣнъ въ томъ мѣстѣ, куда кладъ была адресована, хозяева взыскиваютъ не съ полною строгостью, и обыкновенно половина насчитанной пени прощается.

Отправка въ это спѣшное время товаровъ на пароходахъ обходится изъ Астрахани до Нижняго въ 30—35 коп. сер. съ пуда.

Лѣтомъ бывають три главные отправки.

1) Съ перваго іюня отправляютъ сухую рыбу, только леща, судака и сазана «пластовыхъ», то есть, распластанныхъ, высоленныхъ и высушенныхъ; все это везется въ Саратовъ водой, на тѣхъ ходовыхъ судахъ, на которыхъ въ Астрахань привезли хлѣбный товаръ. Провозная цѣна 10—12 коп. сер. съ пуда.

2) Вслѣдъ за этимъ посѣваетъ сухой судакъ—«колодкой». Пластовый судакъ тотъ, который былъ изловленъ на мелкихъ промыслахъ, у какого нибудь маленькаго береговаго владѣльца, у казака, у не капитальнаго, а подъ часъ и безденежнаго арендатора водъ рѣчныхъ. Мелкій рыбопромышленникъ наловитъ судака да и управляетъ съ нимъ какъ знаетъ и какъ съумѣетъ маленькими своими средствами, онъ кой-какъ маленько посолить, по необходимости распластавъ его прежде, чтобъ товаръ этотъ только бѣ не испортился. Денегъ нѣтъ, средства скудны—онъ и дѣлаетъ все «пячь ногой», и ужъ очень доволенъ, если обстоятельство позволить ему столько закупить соли, чтобъ на тысячу штукъ рыбы хватило ея пудовъ пять или шесть. Настоящій рыбопромышленникъ, съ капитальными средствами, ворочающій сотнями тысячъ да милліонами, ведетъ хозяйство рационально, отъ этого и товаръ его лучше, и рыба вкуснѣе, и меньше она подвергается порчѣ, потому что хорошо высолена: у такого промышленника на посоль той тысячи штукъ рыбы идетъ не пять, а тридцать пудовъ соли, и солить онъ рыбу прямо «колодкою», не распластывая.

Пластовый судакъ расходуется по разнымъ деревнямъ Саратовской губерніи, ѣдятъ его и бурлаки; потребляется онъ вообще бѣднымъ классомъ въ ближайшихъ къ Астрахани мѣстностяхъ, въ слѣдствіе непрочности товара.

Судакъ «колодкой» — совѣтъ другое дѣло. Его мало идетъ въ Нижній-Новгородъ; больше всего онъ отправляется въ Казань и оттуда расходится по Вятской губерніи и по всему Пермскому краю. И вотъ что еще замѣчательно. Когда-то богатая и лѣсами и истребившими ихъ теперь варницами, Пермь, нуждается въ соли, а въ Вяткѣ она по деревнямъ и еще того дороже: вятчане и умудрились удешевить себѣ этотъ необходимый для всѣхъ предметъ потребленія. Судакъ колодкой и твердъ, и солонъ, и очень не дорогъ. Вятчане покупаютъ его, толкутъ его мелко-на-мелко и примѣшиваютъ въ кашу. Оно что называется, и дешево и сердито! Тутъ и каша, тутъ и ушницей пахнетъ, тутъ и солоно почти задаромъ!

3). Къ Петрову дню въ Астрахань съѣзжаются всѣ эбенцы и привозятъ рыбу, большею частію севрюгу, соленую въ корень. Нѣкоторые изъ этихъ эбенцевъ сами нанимаютъ «лари», отдѣльныя помѣщенія «въ выходахъ», громаднхъ, обложенныхъ льдомъ зданій, гдѣ въ разныхъ отдѣленіяхъ и солятся и сохраняются рыбные товары на милліоны рублей. Выходы находятся за Волгой, у Астрахани... такъ, иные сами нанимаютъ лари и складываютъ туда свою рыбу, а по большей части продаютъ весь свой товаръ разнымъ оптовымъ торговцамъ, которые тоже нанимаютъ лари у владѣльцевъ выходовъ, но уже въ большихъ размѣрахъ, складываютъ туда весь скупленный у вольныхъ промышленниковъ товаръ и хранятъ его въ этихъ ларяхъ до осени. Икра продается временно пріѣзжающимъ въ Астрахань торговцамъ изъ Нахичевани и Таганрога: они скупаютъ икру, именно мѣсечную, и отправляютъ сперва Волгой до знаменитой Дубовки, а оттуда на Донъ и въ Таганрогъ, а изъ Таганрога и рассылаютъ ее часть въ Грецію, а часть въ Италію. Провозъ до Дубовки обходится въ это время года 6—7 коп. сер. съ пуда.

Кстати о «выходахъ.» Если мы представимъ себѣ огромную пещеру, прорытую въ горѣ или холмѣ и обложенную деревянными срубамн, такъ, что образуется огромнѣйшая зала, то мы получимъ первоначальный видъ устройства выхода или погреба. Боковыя стѣны такого зданія окладываются льдомъ; крышей зданію служитъ вершина того холма, въ которомъ оно прорыто. Солнце внутрь зданія не проникаетъ, и зданіе превращается въ гигантскій погребъ.

Если войти въ такой погребъ, который досками раздѣляется на два яруса: въ нижнемъ ярусѣ цѣлыя озера иногда почти коричневаго цвѣта «тузлѹка», то есть рассолу, въ который кидаютъ большихъ рыбъ для посола ихъ въ корень: эта часть выходовъ называется «колоды»

которыя, раздѣляясь на нѣсколько отдѣльных помѣщеній, служатъ какъ бы огромными амбарами для рыбы, превращаемой въ коренную.

Верхній ярусъ представитъ глазамъ зрителя длинную и высокую галерею, поддерживаемую толстыми деревянными столбами и раздѣляемую посредствомъ тоже толстыхъ деревянныхъ столбовъ отъ верхнихъ амбаровъ, называемыхъ «ларями» и назначаемыхъ для храненія приготовленной уже рыбы и разныхъ рыбныхъ товаровъ.

Такихъ «выходовъ» подь Астраханью за Волгой четыре. 8 іюля 1851 года я имѣлъ случай осматривать выходъ г. Голикова: въ его «выходѣ» устроено по обѣ стороны галереи сорокъ номеровъ «ларей», или амбаровъ, или отдѣльных погребовъ, каждый въ три сажени длины, считая ее отъ столбовъ средней галереи до обложенной льдомъ стѣны зданія; въ нижнемъ ярусѣ помѣщено десять номеровъ колодъ. Во время моего осмотра, въ каждомъ изъ этихъ пятидесяти номеровъ навалено было по 2,000 пудовъ рыбы; да кромѣ того близъ галереи накатано было жиру 2,500 бочекъ, каждая въ 40 пудовъ. Стало быть, въ одномъ этомъ выходѣ товару было 200,000 пудовъ, а все таки было еще довольно порожняго мѣста. Но есть выходы еще болѣе обширные. Такъ, напримѣръ, у астраханскаго армянина Сергѣева всѣхъ ларей считается до сотни, и они гораздо обширнѣе, чѣмъ у г. Голикова.

Въ августѣ въ началѣ и въ концѣ сентября, производится отправка малосола частичковой рыбы до Камышина и Саратова въ небольшихъ «посудахъ», судахъ, вмѣщающихъ въ себѣ тысячу и не болѣе трехъ тысячъ пудовъ груза каждая. Промышленники, скупающіе рыбу, обыкновенно нанимаютъ судовщиковъ цѣлымъ судномъ, безъ уговора о платѣ по пудамъ, а просто на цѣлый грузъ судна; по расчету это составляетъ копѣекъ семь до Камышина и копѣекъ одиннадцать до Саратова.

Рыба, уловленная въ Эмбенскихъ водахъ, равно какъ и промысловая астраханская рыба рѣчныхъ и морскихъ участковъ, а также и рыба сальянская, персидская и туркменская грузится на суда, и къ половинѣ октября отправляется къ Саратову; погрузка эта начинается иногда еще съ конца августа мѣсяца, но больше всего съ половины сентября и до половины октября.

Туть частичковой рыбы почти вовсе не отправляется, идетъ только красная коренная рыба, икра, клей и вязига.

Коренная рыба, осетръ и севрюга, и тѣшка бѣлужья и осетровая укладывается въ такъ называемыя «тары», то есть по просту въ сосновыя бочки, и въ такой укупоркѣ идетъ въ Москву и въ Петербургъ. Икра идетъ въ Москву и въ Петербургъ и въ разныя гу-

бернии. Вязигу и клей отправляютъ въ разное время, въ теченіе пѣлаго года; сроковъ отправки этихъ дорогихъ продуктовъ не полагается: требованія и надобность въ нихъ существуютъ безпрестанно.

Въ самую глухую осень, передъ морозами, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, изъ Астрахани на возахъ высылаютъ чрезъ Тамбовъ въ Москву и Петербургъ малосоль изъ красной рыбы. Свѣжую бѣлугу, севрюгу и осетра накладываютъ на возы и тутъ же въ возахъ и солятъ, то есть, пересыпаютъ рядами соли, не круто, а малосоломъ.

Извозчики тутъ бываютъ тамбовскіе и коломенскіе; провозная цѣна около рубля серебромъ съ пуда; эта умѣренность цѣнъ происходитъ отъ того, что въ это время года и дороги вездѣ хороши, и хлѣба вездѣ много, и кормы вездѣ дешевы.

Обращаясь за симъ къ вощикамъ кладей вообще, считаю нелишнимъ замѣтить къ слову, что прежде до Саратова кладь отправлялась даже на арбахъ юртовскихъ татаръ; это давно уже теперь прекратилось, и что въ старые, въ недавніе еще впрочемъ годы, тѣ товары, которые отправляются теперь до Царицына водой, прежде отправлялись туда сухимъ путемъ.

Вообще изъ Астрахани, кромѣ гужевой отправки въ Саратовъ, въ Москву и въ Петербургъ, многіе виды товаровъ отправляются сухимъ путемъ въ Кизляръ, въ Тифлисъ, въ Кіевъ, въ Воронежъ, въ Харьковъ, въ Клинцы (извѣстный посадъ въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи), въ Нижній-Новгородъ, въ Варшаву и въ Берлинъ.

Нынче изъ Астрахани на Нижегородскую ярмарку очень мало отправляютъ клади сухопутемъ, однакожь еще въ 1849 году, туда на возахъ отправляли красную бумагу, шелки, пряденую бѣлую бумагу, чернильные орѣшки, марену, сухіе фрукты, привозимые изъ Персіи и изъ закавказскихъ губерній, ковры, наконецъ клей и вязигу, а отчасти и сальянекую икру въ бочкахъ.

Извознымъ промысломъ въ Астрахани изстари занимались извозчики московскіе, нижегородскіе, рязанскіе и тамбовскіе, которые, съ весны, съ мая мѣсяца собирались порожнякомъ въ Астрахань. Лѣтъ за двадцать за пять стекалось сюда до пяти тысячъ лошадей, съ телѣгами, а нынче и тысяча на рѣдкость. До іюня жили они по квартирамъ на хозяйскихъ харчахъ, за это платили они «съ рыла» по рублю ассигнаціями въ сутки съ чаемъ; за овесъ брали съ нихъ на совѣсть по рублю ассигнаціями барыша, да за сѣно копѣекъ пять пользы со снопа; въ Астрахани оно продается снопами. На одноконную телѣгу кладется клади 25 пудовъ съ обшивкой, а на троичную 60 пудовъ. Троичники достигали до Нижняго въ 25 или 27 дней, а самый долгій срокъ одноконной телѣги

36 дней. Черезъ Саратовъ, за гористою дорогою, шли небольшіе обозы, больше все направлялись на Тамбовъ, по слѣдующему тракту: Царицынъ, Новохоперскъ, Тамбовъ, Моршанскъ, Арзамасъ и Нижній.

Въ Москву, прямо изъ Астрахани, въ прежнія времена отправлялось ежегодно до 5000 подводъ, нынче не будетъ и тысячи, благодаря развитію пароходства. Сухопутный трактъ изъ Астрахани идетъ на Царицынъ, Новохоперскъ, Тамбовъ, Козловъ, Ряжскъ, Рязань, Коломню, Бронницы, Москву.

Въ Кизляръ изъ Астрахани идутъ товары, доставляемые съ нижегородской ярмарки на татарскихъ арбахъ, нельзя сказать, чтобъ этотъ гужевой трактъ буквально былъ сухопутьемъ: трактъ этотъ лежитъ «мочагомъ,» то есть, по поросшимъ камышами окраинамъ, морямъ и самою неудобною мѣстностью. Изъ Кизляра товаръ этотъ на арбахъ же перевозится въ Тифлисъ.

Въ Воронежъ, а чрезъ него и въ Кіевъ, изъ Астрахани идетъ очень немного подводъ, какія нибудь 25 троекъ; въ Харьковъ и въ Клинцы нѣсколько больше. До Воронежа берутъ въ срокъ на 30 дней 85 коп. сер. съ пуда, въ Кіевъ, въ 35 дней, 1 р. 60 к. и 2 руб. сер., въ Харьковъ 30 дней, въ Клинцы 35 дней, а плата 1 р. 40 и 1 р. 70 коп. сер. съ пуда.

Въ Варшаву прямо изъ Астрахани отправлялось въ былые годы больше ста троекъ, и все курскіе извозчики, нынче гораздо меньше. Теперь въ Варшаву, въ срокъ 40—45 дней, отправляется съ троечниками только икра свѣжая, то есть, малосольная; провозная плата не выше 3 руб. 50 коп. сер. съ пуда.

Изъ Варшавы наши курчаче везли астраханскую икру прямо въ Берлинъ. Срочная доставка изъ Астрахани въ Берлинъ 55 дней, провозная плата 4 руб. 50 коп. сер. съ пуда.

Изъ доставленныхъ ко мнѣ г. астраханскимъ предводителемъ дворянства свѣдѣній за 1850 годъ о нѣкоторой части владѣльцевъ рыболовныхъ участковъ, видно между прочимъ слѣдующее:

	Кр. рыб.	Частиков.	Икры.	Вяз.	Клея.	Жиру.
У пом. А. В. Всеволожскаго паловлено	36,551 ш.	1,006,827 ш.	622 п.	17 $\frac{1}{2}$ п.	38 п.	„
У кн. П. Голицыной	430 п.	1,890 п.	8 п.	„	„	„
У кн. А. Долгорукова	4,581 п.	916,200 ш.	72 п.	6 $\frac{1}{2}$ п.	12 $\frac{1}{2}$ п.	2,800 п.
У Н. В. Всеволожскаго	24,102 ш.	799,131 ш.	1,108 $\frac{3}{4}$ п.	41 $\frac{3}{4}$ п.	47 $\frac{1}{2}$ п.	1025 $\frac{3}{4}$ п.
У г-жи Кохановой	„	300 п.	„	„	„	2,000 —
У г-на Григорьева	13,180 ш.	1,350,620 ш.	74 п.	3 п.	9 п.	1,280 —
У г-на Ушакова	8,600 ш.	19,333 ш.	30 п.	$\frac{1}{4}$ п.	$\frac{1}{4}$ п.	1,200 —
У г-на Тимофеева	„	80,000 ш.	„	„	„	250 —
		п	900 п.			

О тѣхъ имѣніяхъ, воды которыхъ находились въ арендѣ у купцовъ, свѣдѣній у г. предводителя не было; что же касается до откупщиковъ и владѣльцевъ морскихъ промысловъ, то астраханская рыбная экспедиція снабдила меня только о весьма немногихъ промыслахъ, именно береговаго владѣльца кн. А. С. Долгорукова и двухъ откупщиковъ г. Голикова и гг. Сапожниковыхъ:

	<i>Кр. рыбы.</i>	<i>Частиков.</i>	<i>Тюлен.</i>	<i>Икры.</i>	<i>Вяз.</i>	<i>Клея.</i>	<i>Жиру.</i>
У гг. Сапожниковыхъ	360,363 ш.	6,845,746 ш.	46,817 ш.	8,998 п.	489 п.	637 п.	645 п.
У г. Голикова	45,694 ш.	2,034,517 ш.	8,024 ш.	1,293 п.	31 ¹ / ₄ п.	63 п.	1,670 ¹ / ₂ п.
У к. А. С. Долгорукова	13,030 ш.	915,200 ш.	"	72 п.	6 ¹ / ₂ п.	10 ¹ / ₂ п.	2,800 п.
На Эмбенскомъ ловѣ	136,979 ш.	"	52,520 ш.	4,800 п.	319 п.	317 ¹ / ₂ п.	" —

Разумѣется, свѣдѣнія эти очень далеки отъ того, чтобъ дать понятіе не только о ежегодномъ уловѣ рыбы на пространствѣ всего Каспійскаго моря: они недостаточны даже для оцѣнки всей дѣятельности собственно астраханскихъ промысловъ, именно потому, что свѣдѣнія еще не полны и не отъ всѣхъ промышленниковъ вполне собраны; однако уже и по нимъ, какъ по тѣни, можно приблизительно догадываться до какой степени громадно каспійское рыболовство. Приведенныя нами отрывочныя, но положительныя данныя свидѣтельствуютъ, что только на нѣкоторыхъ промыслахъ астраханскаго вѣдомства въ 1850 году было добыто:

Красной рыбы	—	1,900,000	штукъ.
Частиковой рыбы	до	15,000,000	—
Тюленей	болѣе	100,000	—
Икры	болѣе	17,000	пуд.
Вязиги	до	1,000	—
Клея	—	1,200	—
Жиру	—	15,000	—

Увѣряли, впрочемъ, меня люди свѣдущіе, что можно, не грѣша ни противъ кого, а спокойно положи руку на сердце, помножить этотъ итогъ если не на три, то по крайней мѣрѣ на два: тогда общій счетъ собственно астраханскаго улова будетъ немножко ближе къ истинѣ.

РАЗСКАЗЫ И ПУТЕШЕСТВІЯ

Доктора Ивана.

Часть I.

I.

ИЗЪ БРЕСТА ВЪ БУРБОНЪ.

12-го сентября 1843 года, члены китайской миссіи, уже около двухъ недѣль собравшіеся въ Брестъ, получили приказаніе явиться на фрегатъ «Сирену». Вѣтеръ, удерживавшій до сихъ поръ въ гавани оба фрегата, назначенные къ путешествію, неожиданно подулъ съ запада, и командующій экспедиціею спѣшилъ имъ воспользоваться, чтобъ начать путешествіе. Приготовленія наши были кончены, а потому каждый изъ насъ спѣшилъ занять назначенное ему, по строгимъ морскимъ законамъ, небольшое мѣстечко. Едва только успѣли мы взойти на палубу, какъ якорь былъ поднятъ, паруса поставлены и, благодаря легкому попутному вѣтру, мы успѣшно вышли изъ гавани.

Безъ грусти и безъ сожалѣнія смотрѣлъ я, какъ берега Франціи скрывались въ туманѣ. Брестъ, этотъ грязный, сырой городъ, не

пмѣлъ для меня ничего привлекательнаго, а потому, при взглядѣ на обширное море, я не чувствовалъ никакого грустнаго впечатлѣнія. Живая надежда, тайная радость одушевляли меня и представляли моему воображенію великолѣпныя страны, которыя я долженъ былъ увидѣть. Хотя сердце мое не забыло ничего, хотя дорогіе образы носились еще предъ моими глазами, но я уже чувствовалъ, что и слезы, и горечь разлуки прошли, и что душа твердая вмѣщаетъ въ себя болѣе надежды, нежели сожалѣній. Къ тому же я былъ утѣшенъ тою дѣятельностью, которая представлялась мнѣ въ будущемъ. Наконецъ мои завѣтныя желанія, мои неосуществленныя надежды принимали видъ положительный; наконецъ я увижу эти обширныя пространства, отданныя божественною благою челоуѣческому роду; я познакомлюсь съ братьями моими всѣхъ цвѣтовъ, разсѣянными по нашей обширной планетѣ; я спрошу о прошедшемъ челоуѣчества—на самомъ мѣстѣ его рожденія.

Желаю отъ всей души тѣмъ, которые предпринимають дальній путь, чтобъ они были полны той святой восторженности, которая съ первой минуты моего отъѣзда никогда меня не оставляла. По мнѣнію моему, восторженность мысли лучше равнодушнаго скептицизма. Люди ума холоднаго, съ погашеннымъ воображеніемъ, никогда не въ состояніи хорошо наблюдать природу, и какъ бы ни были велики ихъ прилежаніе и знанія, они не поймутъ жизнь въ ея самыхъ блестящихъ проявленіяхъ. Живое участіе, жадное, безпрестанное любопытство, всегда меня поддерживали во все время моего путешествія, и если я, иногда, прерывалъ неконченныя занятія, то это было потому, что потребность размышленія и разбора заставляли меня углубляться въ самага себя. Я боялся, видя многое, что скоро не буду въ состояніи достаточно твердо начертать въ моей памяти и явленія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и мѣста, которыя служили театромъ этихъ явленій.

Первыя дни путешествія посвящены были мною на то, чтобъ ознакомиться съ лицами, меня окружавшими, съ ихъ характерами, съ обычаями судна и съ морскою болѣзнію, которую я изучалъ на самомъ себѣ.

Начальникъ экспедиціи, г. Шарнеръ, одинъ изъ тѣхъ людей съ грубою оболочкою, у которыхъ строгость характера преобладаетъ надъ всѣмъ прочимъ, и которые до того увѣрены въ своемъ знаніи дѣла, въ своей опытности, что внушаютъ къ себѣ тоже самое довѣріе въ другихъ; что касается до прочихъ подчиненныхъ ему офицеровъ, то они вообще были замѣчательные моряки, но въ сношеніяхъ ихъ съ посторонними замѣтна была та мизантропическая простота, которая свойственна людямъ ихъ званія.

II.

ТЕНЕРИФЪ.

Путь нашъ изъ Бреста въ Teneriffъ продолжался четырнадцать дней; море было постоянно спокойно и вѣтеръ попутный. Утромъ 26 декабря, при прелестной погодѣ и при двадцати градусахъ тепла мы бросили якорь передъ Санта-Крузъ.

Санта-Крузъ, при взглядѣ на него съ гавани, не имѣетъ въ себѣ ничего живописнаго. Городъ построенъ у подошвы безплодной горной цѣпи, простирающейся отъ N—O къ S—O; гавань его небезопасна и защищена двумя крѣпостцами Пазо-Альто и Санъ-Жуанъ.

Едва мы сошли на землю, насъ окружила толпа женщинъ, живописно драпированныхъ въ лохмотья, и стала требовать квадрилло *, называя насъ «dis donc!» ** словами, которыми обыкновенно тамошніе жители означаютъ француза. Это сборище людей грязныхъ, оборванныхъ, служило намъ многочисленною и безпокойною свитою до самой площади.

При высадкѣ нашей на испанскую землю, насъ всего болѣе поразила странность одежды низшихъ классовъ народа. Женщины носятъ легкую бѣлую юбку; голова ихъ покрыта мантильею изъ коленкора, которая спускается почти до пятокъ, а сверхъ мантильи надѣвается шляпа пуховая или изъ пальмовыхъ листьевъ, фигурой подобная нашей обыкновенной мужской шляпѣ. Что же касается до мужчинъ, то окутанные въ бѣлое шерстяное одѣяло, съ голыми руками и ногами, они величественно драпируются, этой единственной одеждой, верхнія части своего тѣла.

Мы остановились въ отелѣ у стараго французскаго воина, по имени Гереня, который принималъ у себя довольно многочисленную и шумную компанію, заключая въ одномъ своемъ лицѣ обязанности содержателя гостиницы, кондитера и прислужника. У г. Гереня собирается иногда довольно смѣшанное общество; происшествіе, случившееся съ нами, довольно хорошо характеризуетъ нравы этой страны, и я рѣшаюсь рассказать его.

Всѣ вещи, принадлежащія членамъ посольства, были собраны въ одну комнату, у дверей которой, по несчастію, не было ключа. Вечеромъ, возвратившись домой, мы замѣтили, что недоставало сѣдла, принадлежащаго г. де-ла-Гимъ. Напрасно справлялись о лицахъ, посѣщавшихъ

* Мелкая испанская монета.

** Эй!.. послушай!

эту часть гостиницы, справки наши были совершенно безуспѣшны и не навели на слѣдъ вора. Наконецъ сынъ хозяина вспомнилъ, что видѣлъ, какъ на лѣстницѣ трактира одинъ гидальго изъ лагуны уносилъ подъ плащомъ пропавшую вещь. О происшествіи донесли сейчасъ же алькаду, который немедленно заарестовалъ единственнаго свидѣтеля этой кражи!.. Черезъ три дня сѣдло было возвращено, но невозможно было заставить предать суду виновнаго, равно какъ и освободить справедливаго обвинителя.

Наружностью городъ Санта-Крузъ похожъ на всѣ новѣйшіе торговые города. Улицы широки и прямы, дома красивы; городъ вообще сбиваетъ на одинъ изъ портовъ Средиземнаго моря; въ немъ царствуютъ таже шумная дѣятельность, таже движеніе, но только въ извѣстные часы дня. Лишь только солнце начинаетъ ударять перпендикулярными лучами въ пыльную мостовую и зажигать атмосферу, все народонаселеніе прячется въ дома; ставни и двери запираются, все покоится, все дѣлаетъ сіесту. Иностранецъ, который, при этомъ жарѣ и яркомъ свѣтѣ, вздумалъ бы безстрашно пройти по улицамъ Санта-Круза, увидѣлъ бы кое-гдѣ, сквозь деревянныя жалюзи, любопытное женское личико, которое, взглянувъ на него съ удивленіемъ, тотчасъ же лѣнливо отпавляется въ глубину своей свѣжей темницы,

Въ то время, когда «los senores» и «las senoras» занимаются сіестой, комиссіонеры хлопчутъ въ конторахъ и магазинахъ о дѣлахъ коммерческихъ; но лишь только ночь спускается на землю, жизнь и движеніе начинаются вновь; шумная толпа наполняетъ улицы; группы мужчинъ и женщинъ прогуливаются по нимъ, предшествуемые играющими на мандолинахъ и пѣсельниками; молодые люди ухаживаютъ за дѣвушками; во всѣхъ переулкахъ веселый шумъ и говоръ. Пока народъ веселится на свѣжемъ воздухѣ, красивыя сеноры подходятъ въ горницахъ къ узкимъ окнамъ, пробитымъ въ стѣнахъ дома; рѣшетка скрипитъ отъ усилія бѣлой ручки, которая ее поднимаетъ, и кавалеръ въ темномъ плащѣ является подъ окномъ со стороны улицы, и продолжаетъ интимный разговоръ, начатый нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и который былъ бы безконечнымъ, еслибъ бракъ не прекращалъ этого романа, начатаго подъ открытымъ небомъ. Дѣла эти происходятъ здѣсь точно также, какъ въ старыхъ кастильскихъ городкахъ, и каждый вечеръ возобновляется неизбѣжная для испанскихъ театралныхъ пьесъ сцена балкона. Признаюсь, я никогда не вѣрилъ безусловно ни серенадамъ, ни плащамъ цвѣта стѣны, ни таинственно отпираемымъ рѣшеткамъ, ни ночнымъ бесѣдамъ влюбленныхъ подъ окнами; мнѣ всегда казалось, что

все это ничто иное, какъ милыя изобрѣтенія Альфреда де Мюссе, существующія только въ драмахъ и въ книгахъ. Но съ прїѣздомъ моимъ въ Санта-Крузъ, я принужденъ былъ сознаться, что поэтъ разсказалъ очень справедливую исторію. Однажды я выразилъ по этому предмету мое мнѣніе одному французу, женатому на испанкѣ и поселившемуся около тридцати лѣтъ въ Санта-Крузъ.

— Вѣроятно, сказалъ я ему, съ подобными правами, у васъ каждое утро долженъ являться новый запасъ соблазнительныхъ исторій, разсказовъ о похищенныхъ женщинахъ, объ ударахъ шпагою и кинжаломъ!..

— Напрасно вы такъ думаете! отвѣчалъ онъ мнѣ хладнокровно; вы также какъ и всѣ европейцы судите о женщинахъ всѣхъ странъ, смотря на нихъ съ точки вашего ревниваго тщеславія. Знайте же, что здѣсь женщины чрезвычайно благоразумны, а влюбленные очень нетребовательны. Прибиты балконы у насъ довольно высоко, а двери крѣпко заперты. Не думаете ли вы, продолжалъ онъ съ большею горячностью, что окна вышиною въ пять футовъ отъ земли, прибитыя къ плотной каменной стѣнѣ, защищенныя крѣпкою рѣшеткою, не достаточны для спокойствія отцевъ и мужей самыхъ подозрительныхъ? Вамъ бы, можетъ быть, хотѣлось, чтобъ наши дѣвушки уходили по ночамъ любоваться луной въ какомъ нибудь темномъ паркѣ, съ своими любезными, вмѣсто того, чтобъ размѣняться съ ними у окна нѣсколькими нѣжными словами? Я зналъ многихъ изъ моихъ друзей, которые въ теченіе двадцати лѣтъ приходили къ одному и тому же окну, и приходили къ нему опять на другой день свадьбы, и я не знаю, что было сильнѣе у нихъ, грусть ли видѣть это окно пустымъ, или радость и удовольствіе отъ обладанія предметомъ, который постоянно до сихъ поръ являлся у этого окна? Посмотрите, съ какимъ приличіемъ все это здѣсь дѣлается! Кавалеръ стоитъ прямо, весь закутанъ въ свой плащъ; руки его сложены на груди, плечо уперто въ стѣну, шея вытянута для того, чтобъ, если можно, вдохнуть въ себя вѣтерокъ, только что пробѣжавшій по душистымъ кудрямъ дѣвушки, которая кокетливо играя опахаломъ, въ сотый разъ слушаетъ одинъ и тотъ же мадригалъ. Это преданія древней испанской любезности; они сохранились здѣсь гораздо лучше, нежели на мѣстѣ ихъ родины, и дай Богъ, чтобъ они сохранились еще надолго.

Со времени этого разговора, я вѣрю книгамъ г. де-Мюссе, за исключеніемъ лишь мечей, кинжаловъ и ночныхъ свиданій въ запертыхъ комнатахъ.

Въ Санта-Крузъ есть нѣсколько замѣчательныхъ зданій: дворецъ

губернатора и нѣсколько полуразвалившихся монастырей, не поддерживаемыхъ болѣе набожностью обитателей, выгнанныхъ послѣднею революціею полуострова. Въ церквахъ, украшенныхъ болѣе роскошно, нежели со вкусомъ, находятся нѣсколько прекрасныхъ, полныхъ оригинальности, картинъ, старыхъ испанскихъ мастеровъ. Но трапезы этихъ церквей пусты; вихрь революціи, пронесшійся по этимъ островамъ, унесъ съ собою самыя священныя вѣрованія.

Правда, что Санта-Крузъ какъ бы исключительная страна во всемъ островѣ; его гавань ставитъ его въ морскія сношенія со всѣми народами. Вся почти торговля Тенерифа производится въ Санта-Крузѣ; англичане привозятъ туда всѣ предметы мѣстнаго потребленія, состоящія изъ бумажныхъ тканей, сукна, посуды, мелочныхъ желѣзныхъ товаровъ и вывозятъ оттуда одну соду и вино. Очень рѣдко являются на этотъ рейдъ французскія суда, и Марсель единственный портъ во Франціи, учредившій постоянныя сношенія съ Канарскими островами.

На другой день прибытія нашего въ Санта-Крузъ, мы рѣшились пуститься на дальнее путешествіе во внутренность острова, и въ пять часовъ утра отравились въ Лагуну. Намъ доставили прекрасныхъ верховыхъ лошадей мѣстной породы; лошади эти небольшого роста, тонки, сухи, крѣпки, сносны, что въ путешествіи совершенно замѣняетъ щеголеватость и красоту.

Въ странѣ, гдѣ, какъ въ этой колоніи, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сосредоточенномъ правительствѣ, каждый городъ, каждая деревня, обязаны сами заботиться объ исправности дорогъ и содержать ихъ собственными средствами. Канарійцы придумали для возможнаго облегченія этой повинности, взимать съ проѣзжихъ плату, которую, по справедливости, нельзя назвать большею. Плату эту собиралъ представитель общественной власти, присутствующій со штуцеромъ въ рукахъ на самыхъ мѣстахъ исправленія дороги. Вмѣстительство этого лица придавало самой такѣ видъ насильственнаго побора, въ родѣ тѣхъ, какіе производятся очень часто бандолеросами, на дурно устроенныхъ и вполнѣ заслуживающихъ свою дурную славу дорогахъ Испаніи. Я съ удовольствіемъ заплатилъ мою часть подати, служащей къ улучшенію тѣхъ перерытыхъ водою спусковъ, которые хотя и носятъ названіе camino de coche, но не прежде увидятъ катящуюся по нимъ карету, какъ соберутъ безконечное число податей, подобныхъ заплаченнымъ мною.

Кто проѣдетъ только по дорогѣ отъ Санта-Круза къ Лагунѣ, не будетъ имѣть выгоднаго понятія о плодородности края. Земля грустно тоща; лишь изрѣдка встрѣчаются между скалами небольшіе участки, на ко-

торыхъ растутъ ямъ и банамскій картофель, или нѣсколько плантацій кактуса, и наконецъ въ мѣстахъ, гдѣ трудъ человѣка не могъ побѣдить бесплодности, *euphorbia canariensis*, съ ея обнаженными вѣтвями.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Канарскихъ островахъ стали заниматься разведеніемъ кошенили, и только тамъ я въ первый разъ увидѣлъ это странное насѣкомое, одаренное такими драгоценными красильными способностями. Если смотрѣть на кошениль, когда она находится на растеніи, служащемъ ей какъ бы домомъ, то ее можно принять за что-то въ родѣ неподвижно-густой массы, и вотъ откуда происходитъ это сходство: самка этого полукрылаго насѣкомаго, совершенно лишена способности летать, она неподвижно живетъ на кактусѣ, въ мясистыя листья котораго вонзаетъ свой хоботъ, между тѣмъ, какъ самецъ, снабженный крыльями, расписанными жилками въ родѣ растенія, летаетъ кругомъ кактуса, питающаго его семейство. Одна самка занимается промышленностью, она одна только собираетъ внутри себя то вещество, которое даетъ такую яркую и чистую краску.

Когда самка оплодотворена, она округляется и дѣлается маленькимъ чернымъ шарикомъ, и тогда-то ее собираютъ, огребая деревяннымъ ножомъ съ кактуса, ее кормившаго. Насѣкомыхъ складываютъ въ особый пріемникъ, который ставятъ въ сорока-градусный жаръ, отъ жара этого кошениль умираетъ, потомъ ее сушатъ въ нагрѣтомъ пескѣ.

Чтобы не совершенно истребилась порода, осторожно снимаютъ нѣсколько оплодотворенныхъ самокъ и сажаютъ ихъ на кактусѣ. Когда молоденькія личинки разовьются, самка умираетъ, служа пищею и первую одеждою своему многочисленному потомству. Что касается до маленькаго красиваго крылатаго самца, то онъ съ любовію перепархиваетъ отъ одного чернаго шарика къ другому, въ которыхъ вѣроятно открываетъ красоты, невидимыя для нашихъ глазъ и умираетъ, рсточая знаки любви.

Съ самаго выѣзда нашего изъ Санта-Круза, мы ѣхали все въ гору и наконецъ добрались до Лагуны, лежащей въ большой долины, которая была прежде болотомъ, какъ это означаетъ и самое ея имя. Отъ этого болота осталось въ настоящее время лишь нѣсколько лужъ, мѣсто гнилой, стоячей воды заступила плодоносная земля, и этотъ трудъ, произведенный европейскою промышленностью, можетъ быть единственныи, принесшій острову пользу, со дня самаго завоеванія этой страны европейцами.

Добравшись до этого возвышеннаго пункта, мы почувствовали довольно сильный холодъ. Лагуна возвышена болѣе чѣмъ на 1700 фу-

товъ надъ поверхностью моря, и пониженіе температуры чувствительно соотвѣтствуетъ возвышенію почвы. Наружность города, при первомъ на него взглядѣ, не вселила въ насъ выгоднаго мнѣнія о его великолѣпіи, мы видѣли лишь небольшіе шалаши, изъ которыхъ выбѣгали крикливые грязные поросята, за которыми гнались мальчишки, столь же грязные и крикливые, какъ и животныя, ввѣренныя ихъ охраненію.

Но по мѣрѣ углубленія нашего во внутренность города, первое наше объ немъ мнѣніе постепенно изглаживалось. Лагуна очень походить на старые города Испаніи. Пустынные улицы застроены домами совершенно аристократическаго вида. Надъ большею частію дверей видны дворянскіе гербы, и нѣкоторые изъ нихъ оправлены въ довольно порядочныя скульптурныя украшенія. Древность этихъ зданій еще болѣе, нежели ихъ архитектурный стиль, доказываетъ, что они были возведены вскорѣ послѣ завоеванія страны. Въ настоящее время мохъ покрывъ вѣковые камни; микроскопическая растительность окрасила въ зеленеватый цвѣтъ эти прочныя зданія, и канарійскій чеснокъ распустилъ по кровлямъ свои мясистые листья и блѣдно-желтые цвѣты. Это нашествіе растений на жилище человѣка придаетъ домамъ Лагуны въ высшей степени оригинальный характеръ; только въ этой странѣ можно увидѣть растущими по фасадамъ и даже по кровлямъ самыхъ щегольскихъ домовъ тѣ чужездныя растенія, которыя мы привыкли находить лишь въ развалинахъ.

Въ Лагунѣ мы остановились у одного француза, стараго шуана, бывшаго унтеръ-офицеромъ въ вандейской арміи. Этотъ ветеранъ содержитъ тамъ лучшій трактиръ и обираетъ, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, бѣлыхъ и синихъ, попадающихъ случайно въ его гостиницу.

Передъ закатомъ солнца я вышелъ одинъ изъ дому, предоставляя случаю воить меня по пустыннымъ улицамъ города; время отъ времени я останавливался на перекресткахъ и прислушивался то къ отдаленному шуму, то къ звону церковныхъ колоколовъ. Вскорѣ послѣдній лучъ солнца погасъ въ сумеркахъ, и ночь стала быстро спускаться на землю.

Я уже размѣнялся молчаливыми поклонами съ нѣсколькими рѣдкими прохожими, какъ на поворотѣ одной улицы встрѣтился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ блѣднымъ, одѣтымъ какъ одѣвались шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ: во французскомъ кафтанѣ, короткихъ штанахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Я бы непременно его принялъ за какого вѣбудь маркиза старыхъ временъ, эмигранта, удалившагося въ эту сторону со временъ первой революціи, еслибъ онъ, снявъ свою тре-

угольную шляпу, не показалъ мнѣ, что голова его острижена какъ у вѣхъ католическихъ духовныхъ, и еслибъ во всей его особѣ не проглядывалъ особенный испанскій типъ. Человѣкъ этотъ мнѣ поклонился и спросилъ очень чисто по-французски, не можетъ ли онъ чѣмъ нибудь быть мнѣ полезенъ.

— Укажите мнѣ дорогу, отвѣчалъ я,—мнѣ бы хотѣлось только знать, далеко ли я отъ французскаго трактира.

Мой встрѣчный былъ достаточно любопытенъ; вмѣсто того, чтобы прямо отвѣчать мнѣ на вопросъ, онъ самъ сталъ меня спрашивать, но съ такою тонкостью, что я нисколько на то не былъ въ досадѣ.

Откуда вы, куда вы идете, какія свѣдѣнія хотите имѣть объ этой странѣ?—Отвѣчая на послѣдній изъ этихъ вопросовъ, я сказалъ ему кланаясь:

— Мнѣ бы хотѣлось знать, какимъ образомъ городъ, въ которомъ есть епископъ, каноническій капитулъ, библіотека, университетъ и народонаселеніе въ девять тысячъ триста пятьдесятъ душъ, не имѣетъ ни одного крошечнаго фонарика, который бы ночью освѣтилъ проходимъ дорогу и помѣшалъ имъ бить свои лбы о стѣны?

Старикъ съ важностью отвѣчалъ мнѣ:

— Знайте, государь мой, что древніе уважали темноту ночей; потому что знали, что темнота дѣйствуетъ на сердце человѣка, внушая ему спасительную нерѣшительность. Надо подражать ихъ мудрости. Разорвавъ этотъ большой покровъ, подъ предлогомъ улучшения и прогресса, большая часть городовъ освѣтили только свой стыдъ. У насъ уже есть конституція,—избавьте насъ отъ фонарей! Конституція показала намъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ честолюбивую ненависть, жадность и завистливое звѣрство нашихъ государственныхъ людей; а фонари освѣтятъ грубый порокъ простолюдина и всѣ гадости, которыя ночь покрываетъ своимъ мракомъ.

Разговаривая такимъ образомъ, спутникъ мой привелъ меня къ трактиру стараго шуана; онъ разстался со мною въ дверяхъ, обѣщаясь придти на другой день.

Мы вкусили сладкій покой на доскахъ нашихъ кроватей, потому что я не могу повѣрить, хотя хозяинъ нашъ и увѣрилъ насъ въ томъ, что вещь, положенная на кровать, былъ тюфякъ. Прочая мебель совершенно соответствовала этой прекрасной постелѣ; во всей довольно большой нашей комнатѣ былъ одинъ только соломенный стулъ и старый чемоданъ.

На другой день, едва только мы вышли изъ гостинницы, маленькіе

лагунскіе нищіе привѣтствовали насъ, подобно нищимъ Санта-Круза криками: «dis donc, кадрилло!» варіированными на разные тоны и съ настойчивостью, которой бы не выдержало даже британское хладнокровіе. Напрасно мы въ отвѣтахъ нашихъ употребляли самыя неучтивыя, самыя многозначительныя слова испанскаго языка, нищіе не отставали, и мы должны были вынести все неприятели, сопряженныя съ сопровожденіемъ этой оборванной толпы.

Мы осмотрѣли нѣсколько лагунскихъ церквей. О зданіяхъ этихъ можно сказать ровно столько же, сколько о новѣйшихъ деревенскихъ церквахъ: въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго. Мы тоже хотѣли взглянуть на университетъ, но при входѣ нашли одного только сторожа въ очень дурномъ расположеніи духа; онъ рѣшительно отказался впустить насъ въ святилище наукъ.

Окрестности Лагуны и принадлежація къ нимъ способныя къ обработкѣ земли, усаиваны маленькими хижинами съ наклоненными соломянными кровлями. Эти домики сильно напоминаютъ альпійскія и пиринейскія постройки. Скотъ, который мы видѣли въ поляхъ, на пастбѣ, крѣпокъ и очень не дуренъ съ виду; но вся окрестность пуста, однообразна, подобно Брійскимъ долинамъ. Земля производитъ только пшеницу, но тропическіе плоды созрѣвать на ней не могутъ.

Мы ѣздили въ Лагуну, чтобъ посѣтить Агва-Гюльенъ и Фруэнте де ласъ Мерседесъ, два самыя живописныя мѣста изъ всей окрестности. И то и другое находится среди лѣса, подъ зеленымъ сводомъ, свѣжесть и цвѣтъ котораго не измѣняетъ никакое время года. Канарійскіе лѣса не имѣютъ величія дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, Малайскихъ острововъ и Индіи. Сущность этихъ лѣсовъ очень близко подходитъ къ нашимъ относительно ихъ вида и листьевъ; еслибъ *convolvulus canariensis* и *convolvulus scoparius*, которые вьются спиралью по лавровымъ и другимъ деревьямъ, какъ большія ліаны, еслибъ гордые стволы папоротника, столь же твердаго, какъ дерево, не придавали особеннаго характера мѣстности, то можно бы подумать, что находишься среди нашихъ дубовыхъ, буковыхъ и березовыхъ лѣсовъ. Въ этой странѣ, любимицѣ солища, вездѣ, гдѣ только течетъ маленькая струйка воды, обильная растительность украшаетъ землю. Вѣтвистыя деревья пробиваютъ своими сильными корнями каменистую почву, а мохъ, папоротникъ и въюнки покрываютъ базальтовыя скалы одеждою изъ зелени и цвѣтовъ. Только средняя полоса горъ покрыта лаврами и ардизіями, высшая же ихъ часть занята соснами, которыя отличаются отъ сосенъ алецкихъ лишь большимъ развитіемъ; за ними слѣдуютъ кустарники и ладанныя

деревца, которые и идутъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всякая древесная растительность прекращается и видны лишь растенія травяныя. Мы прошли по всѣмъ этимъ отдѣламъ и были поражены отсутствіемъ живыхъ существъ; птицъ мы встрѣчали очень не много, а насѣкомыхъ почти вовсе не видали, за исключеніемъ бабочекъ, летавшихъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Самыя канарейки почти исчезли съ своей родины; рѣдко встрѣтишь которую нибудь изъ этихъ желтенькихъ или зелененькихъ птичекъ, сидящую на самой верхушкѣ дерева и поющую свою невинную пѣсню, которая не имѣетъ ничего общаго съ точностью и блескомъ пѣсенъ ихъ европейскихъ собратьевъ, этихъ ученыхъ и скучныхъ пѣвцовъ, которыхъ самый цвѣтъ сильно отдалился отъ первоначальнаго типа.

Довольно странно, что всѣ почти склоны лѣсистыхъ частей горъ лишены всякой растительности; возвращаясь изъ Агвагюльена, мы проходили по одному изъ такихъ склоновъ и не видали никакихъ растений на немъ; мы встрѣтили тамъ лишь маленькаго сѣраго орла, дикій и пронзительный крикъ котораго раздавался надъ нашими головами. Когда мы снова вступили въ земли, способныя къ обработкѣ, то встрѣтили полу-дикихъ владѣльцевъ этихъ странъ, помѣщавшихся въ природныхъ пещерахъ, ихъ единственныхъ убѣжищахъ. Эти же самыя мѣста, вѣроятно были, нѣсколько сотъ лѣтъ тому, обитаемы гуанчами, прежними жителями этихъ странъ. Куда дѣлись эти владѣльцы Teneriffa? Они умерли, защищая свои владѣнія, и имъ наследовали побѣдители, которые не думаютъ о томъ, что новая порода завоевателей вытѣснитъ ихъ въ свою очередь изъ отнятыхъ ими мѣстъ.

Возвратившись въ Лагуну, мы отправились осмотрѣть мѣсто, носящее пышное названіе музея. Мы нашли тамъ собраніе обломанныхъ раковинъ, нѣсколько испорченныхъ чучель птицъ и двѣ муміи гуанчевъ, гораздо худшихъ, нежели тѣ, которые составляютъ часть коллекціи медицинскаго факультета въ Монпелье, и которые отданы въ это заведеніе ученымъ Бруссонетомъ, бывшимъ французскимъ консуломъ въ этихъ мѣстахъ. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этому странному обычаю балзамированія, который доказываетъ, что люди, занимавшіеся имъ, уже достигли извѣстной степени образованія.

Въ пять часовъ утра, при прекрасной, немного холодноватой погодѣ, мы отправились изъ Лагуны въ Пуэрто д'Оротава. Сидя довольно спокойно на лошадахъ, мы слушали пѣсни нашихъ проводниковъ, которые по обыкновенію поютъ на худомъ испанскомъ языкѣ, постоянно выхваляя временныхъ своихъ хозяевъ. Глазамъ нашимъ представля-

лѣсь окружавшія насъ возвышенности, которыя геологическое вѣрованіе величаетъ нынѣ именовъ *подземнаго конуса*. Подобно великану среди карловъ, большой вулканъ Тейда скрывалъ въ прозрачномъ облакѣ свою величественную главу, одѣтую какъ бы въ дымку.

Дорога отъ Лагуны въ Оротаву составляетъ прелестную прогулку; она идетъ по превосходно обработаннымъ полямъ, густымъ и безмолвнымъ лѣсамъ, по безплоднымъ возвышенностямъ съ кругообразными вершинами, ясно свидѣтельствующимъ о томъ, что встарину это были вулканы. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько канарійскихъ женщинъ въ ихъ мужскихъ шляпахъ; изрѣдка попадались намъ или мулы, нагруженные товарами, или верблюды съ своимъ вожатымъ, который ободрялъ голосомъ своего мирнаго товарища, вытянувшего шею и насторожившаго глаза и уши.

Верблюды привезены на Канарскіе острова вскорѣ послѣ ихъ завоеванія французскимъ дворяниномъ Бетанкуромъ; съ тѣхъ поръ они расплодился и сдѣлались весьма полезными для страны, лишенной обильныхъ и жирныхъ пастбищъ.

Вскорѣ послѣ нашего выѣзда изъ Лагуны мы взяли влѣво и вступили въ густой лѣсъ, который привелъ насъ къ Агва-Гарсея, хорошенькому источнику, проникающему подъ покровомъ вѣковыхъ лавровыхъ деревъ, въ сады маленькой деревни, расположенной у опушки лѣса.

Я вошелъ въ самый представительный по наружности домъ всего селенія: это было бѣдное строеніе, покрытое соломой. Все семейство сидѣло за столомъ, около большого блюда вареныхъ лушиновъ, которые замѣняли ему хлѣбъ; сырыя луковицы служили дополненіемъ этой невкусной пищи, которая однако же, не смотря на простоту свою, была достаточно питательна для этихъ добрыхъ людей, что доказывалось здоровьемъ мужчинъ и свѣжестью женщинъ.

Отъ Агвы-Гарсея дорога постоянно спускается внизъ и, опоясывая гору, выходитъ въ долину Оротавы. Входъ въ эту долину производитъ на путешественника удивительное впечатлѣніе; онъ только что покинулъ густой лѣсъ, сѣроватые, голые камни, поля съ рожью, однимъ словомъ природу грубую, сельскую, и вдругъ въ двухъ шагахъ, при поворотѣ за скалу, взгляду его представляется огромный амфитеатръ, въ которомъ расположены одни надъ другими мѣстечки, деревни, два города, померанцовые и лимонные сады, виноградники, сосновые лѣса — и на горизонтѣ море и вулканъ!

Нельзя не удивляться всему этому богатству, раскинутому на такомъ маломъ пространствѣ и не позавидовать тѣмъ, которые обитаютъ въ

этомъ раю!—Мы спустились по берегу, обращая взоры наши на величественную панораму, которую представляли намъ Оратава, Эль-Пуэрто, Реалексо-Альто и Реалексо-Баю, два близнеца, улыбающіеся другъ другу сквозь покрывающіе ихъ листья померанцовыхъ деревьевъ. — Неподвижная, темная и всегда окруженная облаками гора, волнующееся, но небурное море образовали раму этой огромной картины, прелесть и величіе которой нельзя выразить словами.

Недалеко отъ города дель-Пуэрто мы остановились въ саду, устроенномъ для водворенія растений въ новомъ климатѣ. Это заведеніе, которымъ прежде завѣдывалъ историкъ Канарскихъ острововъ, г. Бертелло, теперь находится въ недостойныхъ рукахъ. Но, даже и въ настоящемъ своемъ положеніи, садъ этотъ показываетъ, какую выгоду можно было бы извлечь изъ него, сдѣлавъ его складочнымъ мѣстомъ растительныхъ богатствъ цѣлаго свѣта; тогда бы заведеніе это могло сдѣлаться мѣстомъ, куда стекались бы жители тропическихъ и сѣверныхъ странъ, чтобъ любоваться растениями, чуждыми ихъ отечеству.—Подъ этимъ благопріятнымъ небомъ, и на этомъ маленькомъ пространствѣ живутъ вмѣстѣ аравійское кофейное дерево, индійская смоква, американское какао, цейланскій коричневый лавръ, груша, яблонь, виноградъ и слива; ничто не мѣшаетъ ихъ развитію, и каждое изъ этихъ растений пользуется климатомъ, совмѣстнымъ съ его природой. — Что было бы, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ, послѣдствіемъ этого совокупнаго разведенія всѣхъ почти растительныхъ породъ нашей планеты? Это вопросъ, о которомъ очень мало заботятся нынѣшніе наши ученые, слишкомъ занятые вычисленіемъ тычинокъ и пестиковъ, и совершенно равнодушные, скажу даже, противники всякихъ опытовъ, неимѣющихъ цѣлью подтвержденія какого либо философскаго вывода. Впрочемъ не Испанія могла бы содѣйствовать этому великому предпріятію, и означенный садъ устроенъ только для того, чтобъ доставить жителямъ дель-Пуэрто мѣсто для прогулки, и доказать, какія тропическія растения могутъ быть разведены на Канарскихъ островахъ.

Въ Пуэрто д'Оратово считается около восьми тысячъ жителей. — Это маленькій городокъ, опрятный и красивый, украшенный площадью съ большими деревьями. Мѣсто это, какъ показалось мнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ должно быть предпочтено Санта-Крузу; не смотря однако-же на то, вся торговля сосредоточена въ послѣднемъ городѣ, и вѣроятно никогда не будетъ изъ него перенесена. Мореходцы не столько ищутъ живописныхъ мѣстоположеній или очаровательныхъ видовъ, какъ хорошо защищенныхъ гаваней, и я полагаю, что Санта-Крузъ гораздо безо-

наше, чѣмъ рейдъ дель-Пуэрто. Видъ города чрезвычайно оживленъ, рейдъ покрытъ лодками рыбаковъ, и на гуляньѣ подъ деревьями продавицы плодовъ и рыбъ, съ веселою улыбкою, предлагаютъ покупателямъ свои товары.

На слѣдующій день утромъ мы отправились верхами обозрѣвать долину, видѣнную нами наканунѣ только издали и которую мы хотѣли рассмотреть во всѣхъ ея подробностяхъ.

Вся возвышенная часть долины покрыта виноградомъ, прекрасно растущимъ на вулканической почвѣ и доставляющимъ значительный доходъ; нынѣ это даже главная промышленность округа, всюду отправляющаго свои вина, извѣстныя подъ названіемъ мадеры и хереса. Въ разные времена вулканическія изверженія, хотя частями, но опустошали страну и покрывали почву легкимъ слоемъ лавы: на такой-то почвѣ и родится превосходное вино.

Всѣ разбросанныя по этой долинѣ деревни походятъ одна на другую; каждый домъ окруженъ садомъ изъ райскихъ смоковницъ и померанцовыхъ деревъ, подъ сѣнью которыхъ растутъ Бермудскій картофель, ямовый корень и другія тропическія растенія.

Въ Реалексо-Альто я хотѣлъ купить апельсиновъ; меня повели въ маленькій, окруженный стѣнами садъ, который сторожилъ не ужасный драконъ сада Гесперидовъ, но прекрасная дѣвушка съ черными глазами и тоненькою таліей. Она привела меня подъ благовонную древесную тѣнь, нагнула вѣтки дерева съ золотыми яблоками, и подала мнѣ эти плоды, щебеча все время, какъ птичка. Она сообщила мнѣ простодушно о своемъ положеніи въ свѣтѣ и своихъ чувствахъ. Мать, умирая, оставила ей этотъ садъ, который и составлялъ все ея приданое. У нея небыло amigo, но она желала добраго мужа, чтобъ раздѣлить съ нимъ свое имущество, котораго было достаточно, по ея мнѣнію, для двоихъ. Слушая эту хорошенькую дѣвушку и соображая, какъ ограничены нужды каждаго въ этой странѣ, я невольно удивился при мысли, что здѣсь, для скромнаго и спокойнаго существованія, довольно нѣсколькихъ десятинъ земли и черныхъ глазъ хорошенькой дѣвушки.

Городъ Оратава недалеко отстоитъ отъ Реалексо. Въ немъ находится отъ восьми до девяти тысячъ жителей и его считаютъ вторымъ городомъ острова. Въ немъ обитаетъ нѣсколько семействъ, которыя сохранили аристократическія преданія и древніе испанскіе нравы, но не сберегли роскошныхъ привычекъ прежняго дворянства. Ихъ бѣдность почти равняется древности ихъ происхожденія, и они живутъ въ своихъ

красивыхъ домахъ въ совершенномъ уединеніи, такъ-что ни одинъ чужестранецъ, ни одинъ путешественникъ туда непроникалъ.

Я видѣлъ издалека церковь, построенную на высотѣ и нѣкоторыя другія зданія, которыя, кажется, принадлежатъ болѣе счастливымъ временамъ. Вилла Франки, близъ Оратавы, извѣстна всѣмъ ботаникамъ, по растительному феномену, находящемуся въ ея саду. Феноменъ этотъ составляетъ драконовое дерево, которое уже триста лѣтъ тому назадъ, во время завоеванія испанцами этого острова, пользовалось большимъ уваженіемъ. Гуанхи почитали его священнымъ по его старости; въ 1843 году, когда я измѣрялъ его, дерево это имѣло четырнадцать метровъ и восемнадцать сантиметровъ въ окружности, на одинъ метръ высоты отъ земли, не смотря на то, что оно во время урагана потеряло третью часть своей коры. По чрезвычайно замысловатымъ, но довольно правдоподобнымъ вычисленіямъ, ботаники полагаютъ, что ему около четырехъ тысячъ лѣтъ; когда мы его видѣли, этотъ знаменитый старецъ былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и нисколько нельзя было опасаться прекращенія его существованія; онъ величественно простираетъ свои вѣтви на растущія вокругъ его деревья, и маленькіе бѣлые цвѣточки, подобно благовонной пыли, слетаютъ съ его почтеннаго чела. Этотъ исполинъ растительнаго царства находится у подошвы горы Тейдъ, другаго исполина, заключающаго огонь въ своей внутренности.

Вилла Франки нынѣ принадлежитъ маркизу де-Каллагану. Она составляетъ цѣль прогулокъ всѣхъ путешественниковъ, посѣщающихъ островъ. Независимо отъ извѣстнаго драконоваго дерева, эти прекрасныя сады заключаютъ много другихъ рѣдкихъ растений, и на этой первой тропической станціи можно видѣть все то, что встрѣтится въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ путешествіи. Зданіе, господствующее надъ долиной, выстроено по образцу древнихъ европейскихъ замковъ. Съ террасы открывается видъ на прелестнѣйшій ландшафтъ; тутъ все есть: и темныя массы зелени, надъ которыми колеблются испещренныя листья финиковыхъ деревьевъ, и сельскія тропинки, окруженныя алоэ, и за всѣмъ этимъ океанъ блестящій, какъ зеркало подъ вѣчно-чистымъ небомъ.

Солнце садилось, когда мы спускались изъ виллы въ Пуэрто, до возвращенія еще въ этотъ городъ, мы остановились на берегу моря, въ преиломъ домикѣ, обитаемомъ однимъ англичаниномъ. Жена его, женщина еще молодая и замѣчательной красоты, занималась воспитаніемъ двухъ маленькихъ дѣтей, -бѣлокурыхъ и розовыхъ, какъ херувимчики, мужъ, въ теченіе десяти лѣтъ жилъ въ Оратавѣ, и былъ путеводителемъ

всѣхъ иностранцевъ, поднимавшихся на вершину Тейда. Узнавъ, что нѣсколько лицъ изъ посольства осмѣлились рѣшиться на этотъ подвигъ безъ него, онъ лаконически намъ сказалъ: а я черезъ три дня поднимусь на гору... и онъ сдержалъ свое слово.

Мы встрѣтили англичанъ при первой нашей остановкѣ, и съ тѣхъ поръ находили ихъ вездѣ, гдѣ только можно было скушать хорошей бифштексъ въ виду прекраснаго мѣстоположенія.

Возвратившись въ Санта-Крузъ, мы были свидѣтелями большаго политическаго торжества. Канарскія власти, получивъ официальное извѣстіе объ объявленіи королевы Изабеллы совершеннолѣтнею, доводили о томъ до свѣдѣнія народа и войска. Прокламація эта дѣлалась съ тихою торжественностью, отличающею всѣ политическія явленія нашего времени.

Въ воскресенье, въ полдень, народъ и войско, собравшіеся на главной площади, противъ губернаторскаго дворца, ожидали равнодушно официальныхъ извѣстій, о которыхъ было возвѣщено съ самаго утра; корпусъ высшихъ сановниковъ, помѣстившійся во внутреннихъ покояхъ дворца, группами стоялъ у оконъ, выходящихъ на мѣсто собранія. Услышавъ голосъ придверника, толпа утихла, и господинъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, безъ всякаго отличія, явился на балконѣ дворца, чтобъ сказать рѣчь народу. При видѣ этой личности, ничѣмъ не отличающейся отъ другихъ смертныхъ, представился вопросъ: первый ли это гражданскій сановникъ конституціонной страны, или режиссеръ провинціального театра въ исполненіи своихъ обязанностей? Не смотря однако же на то, это былъ дѣйствительно политическій глава Канарскихъ острововъ. Онъ лаконически разсказалъ событія, бывшія причиною изгнанія Эшартеро съ полуострова и признаніе молодой королевы Кортесами; кончая свою быструю импровизацію, онъ старался тронуть своихъ слушателей нѣкоторыми напыщенными фразами, но не тотчасъ раздались восклицанія: да здравствуетъ королева!

Легко было замѣтить, что этотъ народъ, драпированный странными одѣянiями, покрытый живописными лоскутьями, и, почти совершенно равнодушный зритель этого политическаго акта, на цѣлый вѣкъ отсталъ отъ господъ, заключенныхъ въ слишкомъ тѣсныхъ фракахъ, плотно прилегающихъ брюкахъ и желтыхъ перчаткахъ, называющихъ себя начальниками этой оборванной толпы.

Сыгравъ эту первую сцену на площади, начальства приняли присягу въ вѣрности отъ войска и національной гвардіи. Национальная гвардія состояла въ Санта-Крузѣ изъ двухъ или трехъ сотъ

на черномъ грунтѣ камня. Эти микроскопическія растенія, которыя гложутъ голый и безплодный камень, на которомъ развиваются, сдѣлались въ рукахъ промышленниковъ превосходнымъ красильнымъ веществомъ. Во время первой реставраціи, англичане и французы прїѣзжали въ Тенерифъ за этими камнеѣдными мхами, и покупали ихъ дорогою цѣною; но теперь Англія получаетъ красильный мохъ съ береговъ Ангола, а во Франціи дознано опытомъ, что почти всѣ скалы Альповъ, Пиреней и Севеннъ покрыты этимъ первымъ дѣтелемъ органической природы.

Трудно было бы опредѣлить время, въ которое начали употреблять это тайнобрачное растеніе, какъ красильное вещество. Вѣроятно его красящее свойство было извѣстно въ древности. Можетъ быть, изъ этихъ мховъ приготавливали на Канарскихъ островахъ, во времена короля Юбы, тотъ знаменитый Гетулійскій пурпуръ, который столько же былъ уважаемъ въ Римѣ, какъ Тирскій, и вѣроятно обилію этихъ мховъ Канарскіе острова обязаны именемъ *пурпурныхъ*, подъ которымъ многіе изъ нихъ были извѣстны. Это послѣднее обстоятельство даетъ право, хотя не совершенно достовѣрно, предполагать, что за недостаткомъ въ этихъ странахъ красильныхъ слизняковъ, краска, которую римляне любили видѣть на своихъ одеждахъ, добывалась здѣсь не изъ тѣхъ источниковъ, изъ какихъ добывалась въ Сидонѣ и Тирѣ.

Когда замѣтили, что сборъ моха рѣшительно ничего не приноситъ, канарскіе помѣщики пробовали замѣнить это мѣстное произведеніе произведеніемъ чужеземнымъ, и выписали кошениль.

Къ несчастію, искусство человѣка, какъ бы онъ ни былъ дѣтеленъ и настойчивъ, не можетъ сравниться съ могущественною плодovitостью природы. Искусство и промышленность, не смотря на всѣ свои усилія создать новый источникъ богатствъ, не получили до сихъ поръ ничего, кромѣ незначительныхъ сборовъ, которые представляютъ лишь ничтожную цифру въ доходахъ острововъ, тогда какъ природа, покрывъ скалы микроскопическою растительностью, щедро надѣлила ихъ многоцѣннымъ произведеніемъ.

Бѣдность, въ которой нынѣ прозябаетъ канарское народонаселеніе, внушаетъ ему иногда не совсѣмъ филантропическія чувства. Я часто слышалъ сожалѣніе о томъ, что время борьбы между европейскими державами прошло, и что эти кровавыя войны не могутъ возобновиться, потому что въ то время Канарскіе острова были чѣмъ-то въ родѣ порто-франко: къ нимъ заходили корабли и корсары воюющихъ народовъ; экипажи этихъ судовъ, получавшіе хорошее жалованье, бросали пригоршнями деньги, во время пребыванія ихъ на островахъ, и эта прелестная страна была ежеднев-

но театромъ увеселеній, которыя только одно воображеніе матросовъ могло придумать. Но что же осталось отъ этихъ дней мечтательнаго счастья, о которомъ такъ сожалѣютъ Канарійцы? ничего, кромѣ униженія и нищеты. Нѣсколько жадныхъ спекуляторовъ, дѣйствительно успѣли собрать значительные барыши, что нисколько не увеличило общественнаго богатства, а народъ усвоилъ между тѣмъ безнравственныя, постыдныя привычки! Если они приобрѣтали нѣсколько денегъ отъ расточительности моряковъ, то должны были смотрѣть сквозь пальцы на нравственный упадокъ женъ и дочерей. Эпоха эта породила общее развращеніе нравовъ въ бѣдныхъ классахъ народа. Но настоящій бичъ и болѣзнь Канарскихъ острововъ — это нищенство, и я нисколько не ошибусь, если скажу, что двѣ трети народонаселенія просятъ милостыню—въ слѣдствіе лѣни и разврата.

Однажды вечеромъ я вышелъ изъ Санта-Круза погулять по узкимъ тропинкамъ, которыя идутъ вдоль неровной Лагунской дороги. Солнце скрывалось на горизонтѣ и окрашивало пурпуровымъ цвѣтомъ большую Канарію, которая подобно раззолоченному судну, плавала на темно голубомъ морѣ. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не шевелило сухою, придорожною травю. Самыя померанцовыя деревья, которыхъ шумныя листья пробуждаются при малѣйшемъ вѣтеркѣ, тихо покрывали кровли нѣсколькихъ бѣдныхъ хижинъ, разбросанныхъ среди скалъ. Ни одна птичка не пѣла, ни одно насѣкомое не шумѣло въ травѣ; едва только взрѣдка слышно было трепетаніе сквозныхъ крылышекъ какой нибудь стрекозы или тяжелый полетъ бомбикса.

Вдругъ при поворотѣ одной тропинки я услышалъ смѣшанные голоса десятка женщинъ, возвращавшихся изъ города; разговаривая и щебеча, подобно птицамъ, онѣ шли вереницею одна за другою. Большая часть изъ нихъ несли на головѣ сосуды или корзины. Я сошелъ съ тропинки, чтобъ дать пройти этому маленькому каравану, и искалъ въ памяти, на едва мнѣ знакомомъ языкѣ, любезнаго отвѣта на дружеское привѣтствіе, которое я ожидалъ получить отъ каждой изъ этихъ женщинъ. Каково же было мое удивленіе, когда я услышалъ, что каждая изъ проходящихъ мимо меня, обращала ко мнѣ своимъ свѣжимъ, серебристымъ голоскомъ однообразную просьбу городекихъ нищихъ: «Dis done, квартилло сеноръ!» Отвращеніе, которое возбудила во мнѣ эта низкая привычка нищенства, заставило меня отвернуться отъ наглыхъ попрошайекъ; но послѣдняя изъ нихъ произнесла просьбу свою такъ настойчиво, что я невольно на нее взглянулъ. Я былъ пораженъ стройностью ея таліи и красотою лица. Это была дѣвушка высокаго роста, съ легкимъ бронзовомъ оттѣнкомъ кожи и съ черными

блестящими глазами. Ея коленкоровая мантилья, неукоризненной бѣлизны, была драпирована съ особеннымъ благородствомъ; ея возвышенный лобъ означалъ понятливость, а орлиный носъ и тонкія губы какую-то особенную рѣшительность.

Вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, какъ всѣ ея подруги, она, произнеся извѣстную формулу, остановилась предо мной. Немного затронутый этою смѣлостью, я сказалъ ей съ досадою:

— Вы развѣ цыганка, что просите квартилло у перваго проходящаго?

— Я не цыганка, отвѣчала она своимъ сладкимъ голоскомъ: я попросила у васъ квартилло, который мнѣ не нуженъ; да развѣ вы не знаете, кабалеро, что дѣвушка не можетъ же просто заговорить съ мужчиною?

— Правда, мужчины въ этомъ случаѣ имѣютъ преимущество, и если вы хотите, то я готовъ сказать вамъ...

— Я знаю, что вы скажете, сеноръ, вѣрно комплиментъ. Вы гуляете, и вѣрно устали; вечеръ свѣжъ; мѣсяцъ уже взошелъ; пойдемте со мною, сеноръ, домъ мой недалеко отсюда, всѣ въ немъ живущіе примутъ васъ съ удовольствіемъ, вы отдохнете, и можетъ быть найдете чѣмъ помочь больной моей старушкѣ.

Я рѣшился послѣдовать за моей проводницей.

Съ минуты встрѣчи мною этихъ женщинъ, окрестность приняла совсѣмъ другой видъ; солнце погрузило свои послѣдніе лучи въ глубину океана; мѣсяцъ всталъ надъ нашими головами и плылъ по голубому небу, усеянному золотыми звѣздами. При блѣдномъ свѣтѣ этихъ лучей, большіе вулканическіе камни, отдѣленные отъ ихъ основаній и лежащіе тамъ и сямъ на желтой и обнаженной землѣ, похожи были на разсѣпанныя по окрестности развалины разрушенной крѣпости, а безлиственныя растенія, которыя торчали изъ ихъ разсѣпннъ, имѣли видъ гнѣздъ морскихъ полиповъ, высунувшихъ изъ воды свои окаменѣлыя пальцы.

При видѣ этой высокой дѣвушки, окутанной въ длинную, бѣлую одежду, идущей легкою поступью, можно было принять ее за одно изъ тѣхъ таинственныхъ явленій, которыми народныя преданія насѣляютъ старинныя замки и города, разрушенные временемъ. Мы обогнули гору по тропинкѣ, какъ бы усаженной пахучими растеніями, для того, чтобъ добраться до жилища моей хорошенькой проводницы. Это былъ домикъ, построенный у бесплоднаго холма; по сторонамъ росло нѣсколько лозъ, которыхъ роскошныя фестоны, падая на крышу, служили ей какъ бы зеленымъ карнизомъ.

Бѣдный домикъ былъ запертъ неплотною дверью, сквозь щели которой видѣлся свѣтъ. Прежде нежели войти, я заглянулъ во внутрен-

ность: въ первой комнатѣ, служившей столовой, были всего только двѣ деревянныя скамейки и длинный узкій столъ, около котораго сидѣло нѣсколько мужчинъ и женщинъ. На столѣ этомъ, безъ скатерти и тарелокъ, лежали скромныя остатки ужина: апельсинныя корки, шелуха бермудскаго картофеля и на днѣ глинянаго блюда какое-то желтое вариво, составленное изъ муки маиса или лупина. Бутылка одного изъ тѣхъ вкусныхъ винъ, которыя островъ производитъ въ изобиліи, ходила по рукамъ, вмѣстѣ съ единственнымъ стаканомъ, служившимъ для возліяній этого огромнаго семейства. Всѣ эти люди вели довольно оживленный разговоръ; мужчины, какъ мнѣ казалось, были чѣмъ-то озабочены; слова ихъ были рѣзки, произносились съ досадою, но мнѣ не возможно было понять ихъ разговора. Лица этихъ высокорослыхъ, скорѣе черныхъ, нежели смуглыхъ мошенниковъ, были до половины скрыты щетинистыми и вклоченными бородами; видны были лишь блестяшіе глаза и густыя брови, дуги которыхъ скрывались подъ прорѣзными шляпами изъ пальмовыхъ листьевъ.

Когда я вошелъ, они не отвѣчали на мой поклонъ, и не трогаясь съ мѣста, не взглянули даже на меня. Погода немного они всѣ въ одно время встали, сняли со стѣны свои бѣлыя покрывала, величественно ими закутались и медленными шагами вышли изъ дому, не сказавъ мнѣ ни слова, не удостоивъ меня ни однимъ взглядомъ.

Я спросилъ, куда отправились эти благородные господа; мнѣ отвѣчали, что они пошли спать. Обстоятельство это показалось мнѣ довольно страннымъ; но не смотря на то, я пожелалъ имъ отъ души добраго сна. Признаюсь, мнѣ не такъ было бы пріятно, еслибъ они отправились немного подальше, посидѣть на той тропинкѣ, по которой мнѣ надобно было возвращаться въ городъ.

Я остался съ семью женщинами, которыя всѣ, за исключеніемъ одной моей вожатой, были стары и дурны собой. Это было собраніе черныхъ морщинистыхъ лицъ, отъ которыхъ отвернулся бы и самъ Квазимодо. Лишь только эти женщины остались однѣ, онѣ принялись, поглядывая на меня, болтать между собою; онѣ сдѣлали тысячу вопросовъ дѣвухкѣ на мой счетъ.

Во время этихъ разговоровъ я разсматривалъ мою новую знакомку. Она стояла предо мною съ сложенными на груди руками, подобно древней греческой статуѣ, цѣломудренно драпированной мягкою тканью, которая падала съ плечъ волнистыми складками. Она показалась мнѣ въ эту минуту прелестною. Она сѣла возлѣ меня, и среди общаго шума, начался между нами отдѣльный, весьма занимательный разговоръ. Къ несчастію, чтобъ понять всѣ любезности, которыя мы

говорили другъ другу, для насъ необходимъ былъ словарь; комплименты мои на дурномъ испанскомъ языкѣ, заставляли ее смѣяться, и она отвѣчала на нихъ языкомъ не всегда для меня понятнымъ. Я узналъ отъ нея, что ее зовутъ Игнаціей, что всѣ эти гадкія женщины были или ея родныя или двоюродныя сестры, что показалось мнѣ довольно страннымъ, потому что я не могъ себѣ представить, чтобы этотъ прелестный цвѣтокъ происходилъ отъ одного корня съ рещейникомъ, меня окружающимъ. Болтовня и кокетство хорошенькой Игнаціи до того меня занимали, что я забылъ о томъ, что она говорила мнѣ о больной, которой нужно помочь, что уже было поздно, и что мнѣ надобно возвращаться въ городъ по совершенно пустынной дорогѣ.

Красавица Игнація замѣтивъ, что болтовня ея подругъ мнѣ надоѣла, встала, улыбулась лукаво и увела меня въ другую комнату. Это была коморка почти совершенно пустая, освѣщенная огаркомъ; на правой сторонѣ было окно, закрытое деревянною сторой; противъ этого окна въ обѣихъ углахъ стояло по кровати съ темными занавѣсками. Колеблющійся свѣтъ отъ свѣчи производилъ блуждающія тѣни на обшивкѣ стѣнъ, а надъ крышей слышался мнѣ шумъ, подобный тяжелому полету ночной птицы. Видъ этой комнаты былъ скученъ, почти унылъ, и я невольно вспоминалъ о четырехъ высокихъ молодцахъ, которые ушли, не сказавъ мнѣ *прости*. Такъ какъ въ комнатѣ не было никакого сѣдалища, то я, отказавшись отъ удовольствія сидѣть, облокотился на окно и старался возобновить прерванный разговоръ.

Ползущія растенія, спускавшіяся съ крыши, просунули свои гибкія вѣточки въ щели ставни и удерживали ее своимъ напоромъ, пропускавъ лишь нѣсколько лучей свѣтила, плывшаго по пространству неба.

Этотъ тихій свѣтъ, падая на прелестное лице Игнаціи, придавалъ ему бѣлизну мрамора. Она дѣйствительно походила на великолѣпную статую, и въ моемъ восторженномъ состояніи я старался заставить ее понять, что она мнѣ кажется столько же прекрасною какъ богини, которымъ въ древности поклонялись язычники; но я вдругъ былъ прерванъ хриплымъ голосомъ, который кричалъ изъ глубины комнаты:

— Дѣти мои, милыя дѣти, не забудьте страдальцевъ! *Per Dios, senor, un quartillo!*

— Что это такое? вскричалъ я съ удивленіемъ

— Это моя больная бабушка проснулась, отвѣчала мнѣ Игнація, указывая на что-то шевелившееся на одной изъ кроватей.

Я подошелъ и увидѣлъ скорчившуюся подъ одеяломъ старуху, обратившуюся почти въ мумію. При моемъ приближеніи эта костлявая масса привстала и высунулась; рѣдкіе, сѣдые волосы падали въ беспоряд-

нѣ на ея лобъ и закрывали ей до половины лицо; впрочемъ, почти было невозможно различить черты человѣческія подъ этой сморщенной кожей. Это была въ полномъ безобразіи двойная дряхлость лѣтъ и нищеты: жертва времени и страданій.

— Дайте что нибудь, сеноръ, сказала мнѣ старуха, я очень несчастлива, мнѣ здѣсь ничего не даютъ.

— Какъ! вамъ здѣсь ничего не даютъ? спросила съ досадою молодая дѣвушка; сыновья ваши васъ кормятъ. Скажите лучше, что безъ васъ вы бы давно умерли съ голода.

— Дайте мнѣ что нибудь, сеноръ, я очень несчастлива, продолжала старуха, не обращая вниманія на слова внучки.

Я вынулъ нѣсколько денегъ изъ кошелька, старуха жадно схватила ихъ костлявою рукою и сейчасъ же опять скорчилась на своей кровати, какъ собака, которая убирается въ свою кануру, схвативши кость.

Случай этотъ измѣнилъ совершенно мои впечатлѣнія; образъ старой бабки изгладилъ въ одно мгновеніе прелестный образъ внучки; невольно перенесся я мыслию черезъ двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ впередъ, и сказалъ себѣ, что вѣроятно всей этой красотѣ, всей этой свѣжести суждено угаснуть на этой же самой гадкой кровати! И такъ, весь этотъ зазывъ на осмотръ больной—былъ, опять—таки ничто иное, какъ ловушка наглаго нищенства! Осмотрѣвъ старуху я нашелъ, что она больна главнѣйше отъ истощенія силъ и отъ дряхлости. Я положилъ въ руку дѣвушки нѣсколько денегъ, отъ которыхъ она не отказалась, и поторопился возвратиться въ Санта-Крузъ.

Канарскіе острова, какъ мы уже сказали выше, были извѣстны древнимъ; открылъ ихъ король Юба. Когда онъ вступилъ въ этотъ маленькій архипелагъ, то нашелъ его необитаемымъ; нѣсколько остатковъ памятниковъ, нѣсколько развалинъ свидѣтельствовали, что во времена давно прошедшія здѣсь жили люди. Онъ назвалъ эту группу острововъ счастливыми островами, и далъ каждому изъ нихъ имя, сообразное съ его физическимъ характеромъ, или обстоятельствомъ, случившимся при его открытіи. Большая Канарія называлась Canaria, потому что, за недостаткомъ людей, порода собакъ расплодилась тамъ безмѣрно. Эти обитатели острова, на которомъ они господствовали по праву силы и смысленности надъ другими обитателями, были сильныя зѣри, рыжіе шерстью, на высокихъ ногахъ, очень стройные, съ тонкою мордою и съ блестящими глазами. Большаго труда стоило поймать двухъ изъ нихъ, которыхъ привезли въ Римъ, подобно тѣмъ невольникамъ, которыхъ американскіе генералы приводили за собой, какъ бы въ свидѣтельство ихъ отдаленныхъ побѣдъ. Новѣйшіе мореплаватели

нашли эти острова, не смотря на то, что существованіе ихъ предугадано было учеными среднихъ вѣковъ, лишь въ 1334 году; открытіемъ обязаны французскому судну, которое разбилося на ихъ берегахъ. Искатели приключеній, бывшіе на этомъ суднѣ, успѣли возвратиться въ Европу, и первые принесли о нихъ достовѣрное извѣстіе.

Но острова эти, ненаселенные во время посѣщенія ихъ королемъ Юбою, были уже обитаемы въ минуту прибытія къ нимъ новѣйшихъ путешественниковъ. Невозможно опредѣлить въ какую эпоху совершилось первоначальное ихъ заселеніе и къ которой изъ извѣстныхъ тогда породъ принадлежали первые поселенцы. Древніе антропологи, при сближеніи различныхъ породъ людскихъ, населявшихъ вселенную, основывались, и весьма невѣрно, на физическомъ характерѣ, отчего они безпрестанно впадали въ ошибки. Новѣйшая наука, болѣе провицательная, собирая различныя слова языка канарскихъ туземцевъ, оставшіяся въ употребленіи на островахъ, доказала, что они принадлежатъ къ языку Берберовъ, и нынѣ нѣтъ болѣе сомнѣнія, что гуанчи происходятъ отъ породъ, населяющихъ сѣверную часть Атласа.

Впрочемъ, древніе канарійцы имѣли нѣкоторое моральное сходство съ смѣлыми горцами Алжиріи, кабилами; сходство это еще болѣе подкрѣпляетъ мнѣніе о ихъ общемъ происхожденіи. Гуанчи, какъ кабилы нашего времени, были народъ права тихаго, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были безстрашны и дорожили своею независимостью.

Они сильно сопротивлялись испанцамъ, которые хотѣли ихъ покорить, и пали лишь въ неравной борьбѣ, подъ ударами знакомыхъ съ войною европейцевъ. Въ настоящее время отъ всего этого народа, истребленнаго мечемъ испанцевъ, осталось лишь нѣсколько мумій, завернутыхъ въ козьи кожи и сохраняемыхъ въ недоступныхъ мѣстахъ. Если нѣсколько отдѣльныхъ лицъ избѣгли общаго избіенія, то они слились съ испанскимъ народонаселеніемъ, и было бы бесполезно отыскивать измененіе, которое вступленіе этой породы въ породу завосвателей, могло внести въ отличительныя черты послѣднихъ. Я видѣлъ въ Ортавѣ семейства, которыя гордились происхожденіемъ своимъ отъ гуанчевъ; увѣренность ихъ кажется справедливою, а не смотря на то, ничто ихъ не отличаетъ физически отъ другихъ канарійцевъ.

Гуанчи, какъ всѣ народы, умершіе за свою независимость, оставили между канарійцами высокое о себѣ понятіе и потому-то въ Тенерифѣ считается большою честію происхожденіе отъ гуанчевъ; здѣсь все то, что кажется гигантскимъ, неестественнымъ, приписывается гуанчамъ.

Во время поѣздки нашей во внутренность острова, г. де-Лагрене оставался однажды передъ огромной базальтовой массой, которая возвышалась передъ нами, какъ металлическая стѣна, выкованная циклопами. Лава, переходя изъ горячаго состоянія въ холодное, вѣроятно имѣла задержки въ своемъ теченіи, и потому раздѣлилась почти на правильныя части, оттого вся эта мрачная, голая, такъ сказать надрѣзанная скала, похожа на дѣло рукъ человѣческихъ, но на такое, которое могли произвести одни только титаны. Перико, одинъ изъ нашихъ проводниковъ, хорошо сложенный, высокій малый, похожій на гидальго, замѣтивъ вниманіе, съ какимъ г. де-Лагрене разсматривалъ этотъ родъ памятника, подошелъ къ намъ и, не ожидая вопроса, вскричалъ съ восторгомъ: «Сеноръ, это дорога, построенная гуанчами!»

Потомъ ударивъ себя въ грудь и продолжая итти впередъ, прибавилъ: «Я тоже потомокъ гуанчевъ!»

Если случайно плугъ подыметъ какой нибудь костякъ колоссальнаго, неизвѣстнаго животнаго, морской-ли коровы, или кашелота, канарійскіе мужики тотчасъ составляютъ предположеніе, что кости эти принадлежатъ одному изъ древнихъ жителей острова; но еще болѣе замѣчательно, что подвигамъ гуанчевъ посвящено много народныхъ пѣсней, такъ, что по прошествіи трехъ вѣковъ, они сдѣлались героями эпопеи, долженствовавшей разсказывать лишь объ ихъ пораженіи.

Въ то время, когда я расположился оставить Тенерифъ и отправиться на Сирену, одинъ изъ тѣхъ случаевъ, за которые мы должны благодарить Провидѣніе, столкнулъ меня лицомъ къ лицу съ старымъ товарищемъ по ученію, который въ одно время со мною оставилъ факультетъ.

— Вы здѣсь, любезный П....! вскричалъ я.

— Очень радъ, что я здѣсь, потому что встрѣчаюсь съ вами, отвѣчалъ мнѣ, протягивая руку, добрый товарищъ.

— Какъ, только потому! значить вы не довольны жизнью въ этомъ раю? прервалъ я съ удивленіемъ.

— Рай, если вамъ угодно, но для всякаго другаго, а не для врача! Представьте себѣ, любезный другъ, мнѣ говорятъ въ Испаніи: «Поѣзжайте на Канарскіе острова, въ Санта-Крузъ на Тенерифъ, тамъ одинъ только докторъ, и вы хорошо устроите свои дѣла».

— Совѣтъ, какъ мнѣ кажется, не дурень.

— Не дурень! полноте! одинъ докторъ—это втрое болѣе, нежели сколько нужно для всего архипелага. При средней въ двадцать градусовъ температурѣ, при сухой почвѣ, чистомъ воздухѣ, при чудеснѣйшей водѣ, какъ вы хотите, чтобъ два доктора не только обо-

гатились, но даже нашли хоть средства къ жизни? Если бъ я по крайней мѣрѣ былъ одинъ, то могъ бы въ хорошій годъ, увѣривъ нѣсколькихъ старуль, что онѣ больны, заработать нѣсколько тысячъ франковъ; но мой старый сотоварищъ переживетъ Тенерифскій пикъ, это вѣрно... Да къ тому же, я признаюсь, не понимаю, зачѣмъ здѣшніе люди умираютъ: это одна глупая привычка съ ихъ стороны... ни что ихъ къ тому не понуждаетъ.

Гибъвъ моего друга веселилъ меня; но какъ въ жалобахъ его была и серьезная сторона, то я продолжалъ нашъ странный разговоръ.

— Вы мнѣ не во всемъ сознаетесь, возразилъ я: у васъ тоже есть свои мѣстные лихорадки, сыпи, воспаленія...

— Если бъ мы пользовались всеми этими благами, я бы не жаловался, отвѣчалъ онъ мнѣ съ комическимъ сожалѣніемъ; но у насъ нѣтъ никакой мѣстной болѣзни; воспаленія, благодаря ровности температуры, случаются очень рѣдко... Что же касается до дѣтскихъ болѣзней, то обернитесь и посмотрите на этихъ ребятшекъ, валяющихся по песку: старшему изъ нихъ нѣтъ восьми мѣсяцевъ! Въ эти лѣта и въ это время года въ Европѣ они корчились бы отъ коликъ въ своихъ пеленкахъ, или по крайней мѣрѣ кашляли до удушья... Я съ грустью долженъ сказать, что на островѣ родится много дѣтей, и со дня рожденія, до тѣхъ поръ, пока пойдутъ зубы, изъ двадцати умираютъ только двое... Потому-то мы и соперничаемъ съ кубскими торговцами негровъ, мы тоже отправляемъ въ Кубу добрую часть нашего народонаселенія... чисто филантропическая исторія, не правда ли? Обстоятельство это доставляетъ плантатору двойную выгоду: онъ имѣетъ работника, и ничего за него не платитъ.

— Но избытокъ нѣги порождаетъ много болѣзней? спросилъ я вопросительнымъ голосомъ.

— Я васъ понимаю!.. прервалъ меня мой другъ. Наши лекарства въ этихъ случаяхъ ограничиваются здѣсь питьемъ чистой воды... наше солнце, морская вода... и умѣренность—сильные враги болѣзни!..

Но скажите мнѣ пожалуйста, отчего при такихъ выгодныхъ условіяхъ для больныхъ, такъ мало пріѣзжаютъ сюда лечиться?

— Потому что почти никто не знаетъ того, что я вамъ сказалъ. По возвращеніи нашемъ въ Европу, расскажите о чудесахъ нашего климата вашимъ вельможамъ... не забудьте имъ въ особенности сказать, что на нашихъ островахъ не умираютъ, и еслибъ кто изъ нихъ, изъ уваженія къ европейскимъ обычаямъ, вздумалъ перестать жить, то мы его съ такимъ тщаніемъ набальзамируемъ, что онъ самъ не повѣритъ своей смерти... потому что мы открыли секретъ гуанчевъ.

— Такъ у гуанчевъ былъ секретъ?

— Настоящій секретъ, способъ очень простой, который долженъ заставить покраснѣть химию. Я подозреваю, что его выдумалъ какой нибудь провансальскій поваренокъ, заброшенный бурейю на эти острова. Когда гуанчи вполне удостовѣрялись, что одинъ изъ ихъ начальниковъ пересталъ жить, они вскрывали ему животъ, набивали туда *chenopodium ombrosoides* (мѣстный тминъ), прокалывали его насквозь, и на этомъ вертелѣ вертели передъ сильнымъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно высохнетъ, потомъ завертывали его въ козью кожу, и клали въ сухое мѣсто. Я видѣлъ болѣе сорока изъ этихъ людей, уставленныхъ въ рядъ кругомъ подземной залы; у президента было въ рукахъ что-то въ родѣ жезла...

Часъ отъѣзда приближался: я распрощался съ докторомъ П... и попросилъ у него порученій во все четыре части свѣта.

— Я бы попросилъ у васъ мавильскихъ сигаръ, еслибъ контрабанда не доставляла намъ ихъ въ изобиліи; но мы имѣемъ здѣсь довольно порядочный табакъ, и потому у меня останется къ вамъ одна просьба: если вы встрѣтите въ Индіи холеру, или заразительныя лихорадки въ Явѣ, то пошлите все это къ намъ, если только китайцы не найдутъ предложить намъ чего нибудь еще почище.

Другъ мой меня обнялъ, и я спрыгнулъ въ шлюпку, которая увлекла меня далеко отъ страны, гдѣ климатъ превосходный, здоровый, гдѣ почва плодородная, а бѣдность ужасная. Въ словахъ моихъ нѣтъ противорѣчій, потому что бѣдность здѣсь не есть слѣдствіе увеличивающагося народонаселенія: она происходитъ отъ крайней лѣности жителей, отъ испорченности нравовъ и отъ праздности, которую они предпочитаютъ честному, вознаграждаемому труду.

РѢДКІЙ ГОЛОСЪ.

Автобіографія пѣвицы.

I.

Первыя мои воспоминанія относятся къ давно прошедшимъ годамъ, потому что я уже не молода; онѣ приводятъ меня къ тому времени, когда я была еще ребенкомъ, въ бѣдной комнаткѣ, близъ Дрюриленскаго театра. Какъ теперь смотрю на почернѣлый отъ дыма потолокъ, на полинялыя, запачканныя, разорванныя обои; на окна съ тусклыми стеклами, едва пропускавшими дневной свѣтъ. Старыя, изломанныя клавикорды, съ набросанными на нихъ пожелтѣлыми нотами, занимали одну часть комнаты, другая предоставлена была віолончелю, двумъ скрипкамъ, пультаму дади моего, который участвовалъ въ театральномъ оркестрѣ. Я помню еще портретъ мистрисъ Биллингтонъ, знаменитой въ то время лондонской актрисы, и закомплѣвую гравюру, изображавшую Давида Гаррика въ одной изъ его ролей. На старомъ креслѣ съ колесцами обыкновенно спала большая черная кошка—единственный товарищъ моихъ дѣтскихъ игръ. Не часто я играла. У меня не было уже матери и отца, а дядя мой также мало заботился о моихъ удовольствіяхъ, какъ и о моемъ ученіи; я не умѣла даже читать. Между тѣмъ ни въ книгахъ, ни въ нотахъ у насъ не было недостатка. По большей части книги были съ картинками, духовныя пѣсни, принадлежавшія моей покойной матери, біографіи актеровъ и актрисъ, съ странными портретамъ.

Какъ я ни перевертывала страницы, печатныя буквы были для меня загадками. Иногда дядя мой покупалъ воскресный журналъ, но читалъ его всегда про-себя, и я ни за что въ свѣтъ не осмѣлилась бы попросить его читать громко, и того менѣе учить меня грамотѣ. Онъ былъ такой строгій и сердитый, казалось, онъ едва меня замѣчалъ.

Кромѣ этихъ первыхъ воспоминаній, мнѣ представляются иногда неясные образы, похожіе на отблескъ трепещущаго свѣта или на предметы, отражающіеся въ быстромъ потокѣ. Отрывки изъ старинныхъ балладъ, или изъ волшебныхъ сказокъ, являются въ моей памяти вмѣстѣ съ звуками ласкающаго голоса. Сколько разъ, лежа на моей маленькой безъ занавѣсъ постелѣ, мнѣ чудился прелестный, наклоняющійся ко мнѣ образъ женщины; но это была одна только мечта!

Я никогда не знала о настоящемъ времени моего рожденія; въ эпоху, о которой я говорю, мнѣ могло быть лѣтъ семь. Мы занимали комнату съ мебелью у еврея, у котораго внизу была лавка съ костюмами и масками. Между этими масками были такія страшныя, что когда я выходила на улицу, что случалось впрочемъ рѣдко, всегда отъ нихъ убѣжала. И теперь содрогаюсь, вспоминая о сардоническомъ смѣхѣ злаго еврея, когда я бѣжала отъ его масокъ, и какъ онъ, бывало, подстерегалъ мое возвращеніе, протянувъ свою сухощавую шею, выставя морщинистое, желтое, какъ пергаментъ, лицо и спрашивая меня: не хочу ли поцѣловать «старога Немврода.» Его большіе зубы напоминали мнѣ сказку о дѣвчкѣ въ красной шапчкѣ, эту сказку я хорошо знала, и всегда поджидала, чтобъ съ кѣмъ нибудь войти въ коридоръ и на лѣстницу, или чтобъ кто нибудь остановился у окна передъ лавкою. Не зная, чѣмъ убить время, я училась музыкѣ безъ учителя. Въ отсутствіе моего дяди, я по цѣлымъ часамъ повторяла аріи и варіаціи, легчайшія для пѣнія, которыя игралъ онъ на скрипкѣ. Это ежедневное упражненіе, это единственное удовольствіе послужило мнѣ въ пользу; сперва я чирикала на удачу, какъ птичка, а потомъ сдѣлалась почти музыкантшей.

Разъ, по утру, когда я пѣла, дверь тихонько отворилась и какой-то господинъ заглянулъ въ нашу комнату.

— Продолжай, душенька, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой, продолжай, и еще разикъ спой мнѣ эту арію.

Я молчала.

— Зачѣмъ же ты не поешь? Я никогда не пугаю людей, а только смѣшу ихъ. Ну, если не хочешь пѣть, скажи, какъ зовутъ тебя?

Голосъ незнакомца былъ такъ ласковъ, и видъ его такъ забавенъ, что я рѣшилась наконецъ, запинаясь, выговорить—Алиса Гофманъ.

— Алиса Гофманъ, дочь скрипача, не такъ ли? Я знаю твоего дядю. Вѣрно онъ говорилъ тебѣ о комедіантѣ Гримальди? *

— Онъ, сударь, никогда неговорить со мною.

— А! это потому, что его голова въ другомъ мѣстѣ. Какъ однакожь онъ счастливъ, что у него такая миленькая племянница, настоящій соловей.

Говоря это, онъ посадилъ меня къ себѣ на колѣна, поцѣловалъ въ лобъ и посмотрѣлъ на свои часы, бой которыхъ чрезвычайно занималъ меня. Приласкавъ меня, ему уже не трудно было уговорить меня пѣть. Выслушавъ арію внимательно до конца, онъ захопалъ въ ладоши и закричалъ: bravo! бисъ! бисъ!

Я не понимала, что значить *бисъ*; но въ первый разъ мое дѣтское самолюбіе было затрунуто: я готова была пропѣть все, что знала.

— Спасибо, Алиса; сказалъ онъ напоследокъ, ты добрая дѣвочка, теперь моя очередь, и я тебѣ что нибудь пропою.

И вдругъ этотъ старичекъ сдѣлалъ пресмѣшную гримасу, положилъ руки на колѣна и принялся пѣть. Теперь ужъ я не помню ни голоса, ни словъ, а помню только, что онъ заставилъ меня хохотать, плясать и даже валяться по полу. Онъ корчилъ ужасныя рожи и раскрывалъ свой ротъ до ушей. Но среди веселой его пѣсни и пронзительнаго моего смѣха вдругъ растворилась дверь и вошелъ мой дядя. Знаменитый мимикъ тотчасъ принялъ свой добродушный и спокойный видъ. Мгновенно и моя веселость исчезла. Дядя какъ-то церемонно и принужденно подошелъ къ Гримальди.

— Вы удивляетесь, Гофманъ, что нашли меня здѣсь? сказалъ нашъ гость: я былъ у торговца Соломона и услышалъ тамъ голосокъ вашей дочери. Вотъ я и вошелъ, чтобъ лучше послушать.

— И вы вошли въ эту жалкую кануру, г. Гримальди? прибавилъ дядя, котораго тщеставіе видимо страдало.

— Можно ли считать себя бѣднымъ, обладая такимъ сокровищемъ! вскричалъ Гримальди, схвативъ меня за руку. Я бы не желалъ другаго богатства. Какой чудный голосъ у вашей племянницы!

— Право? возразилъ дядя съ холоднымъ удивленіемъ. Это для меня новость. Я никогда не слыхалъ, чтобъ она пропѣла одну ноту.

* Гримальди пользовался большою популярностію въ Англіи, и въ частной своей жизни обнаруживалъ нѣрѣдко необыкновенную доброту. Біографія его написана Дикенсомъ, который скрывалъ тогда настоящее свое имя подъ псевдонимомъ Боца, и была вполнѣ напечатана въ Пантеонѣ.

Гримальди насмѣшливо улынулся, но тотчасъ принялъ опять свой спокойный видъ.

Дядя, обратясь ко мнѣ, спросилъ грубымъ голосомъ: ты поешь?

Я что-то пробормотала, ощутивъ глаза; мой новый другъ отвѣчалъ за меня.

— Пой-же, сказалъ дядя, когда говорятъ; что ты поешь?

Я бы не въ состояніи была въ эту минуту послушаться, но Гримальди, говоря мнѣ на ухо, ободрялъ и хвалилъ меня. Я начала пѣть послѣднюю арію; но на четвертой или пятой фразѣ и голосъ, и память у меня исчезли, я остановилась и залилась слезами.

— Ба! сказалъ мой дядя, гдѣ же ей пѣть. У нея голосъ, какъ у кошки.

Вѣтеръ и дождь не переставали хлестать въ стекла нашего окна; я дрожала отъ холода въ моей маленькой постелѣ и только послѣ долгаго рыданія могла заснуть.

II.

Не знаю, какъ это сдѣлалось, только дядя мой убѣдился наконецъ, что я пою лучше кошки. Я думаю, что онъ слушалъ за дверью, когда я пѣла; онъ, противъ обыкновенія, возвращался въ продолженіе дня, разъ или два домой. Вскорѣ я удостовѣрилась, что онъ цѣнитъ мой талантъ.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ посѣтилъ насъ Гримальди. Была зима. Я, какъ и всегда, сидѣла дома. Небольшой огонь отъ угольевъ, который старая служанка разводила и поддерживала, защищалъ меня отъ холода. Когда дяди не было дома, мнѣ не позволяли зажигать свѣчу. Да и къ чему? Я не умѣла ни читать, ни шить. Отъ нечего дѣлать, я пѣла или стучала по клавишамъ, при слабомъ мерцаніи угольевъ. Однажды вечеромъ мнѣ какъ-то особенно было грустно, я ранѣе обыкновеннаго потушила огонь въ каминѣ и пошла въ комнатку, гдѣ была моя постелька.

Часа два или три я спала глубокимъ сномъ, но вдругъ проснулась: тяжелая рука давила плечо мое и яркій огонь свѣтилъ мнѣ прямо въ глаза.

— Алиса, говорилъ грубый голосъ, вставай, сейчасъ-же.

Съ просонья, испуганная, едва понимавшая, что мнѣ говорятъ, вмѣсто всякаго отвѣта я стала плакать.

— Очень нужно плакать, глупая дѣвчонка, прибавилъ дядя глухимъ

голосомъ, котораго я страхъ боялась: надо сію минуту вставать. Понимаешь ли?

Въ слезахъ, ничего не понимая, я спѣшила встать. Ночь была холодная, я дрожала какъ листъ, выходя изъ моей тепленькой постельки. Однакожь я отерла слезы, которыми омочены были мои щеки и заглянула въ окно. Все было мрачно. Густой туманъ и дождь покрывали стекла. Вскорѣ я услышала, что дядя мой опять идетъ по лѣстницѣ.

— Ну, готова ли?

Я была готова; сошла внизъ и нашла дядю съ какимъ-то незнакомцемъ. Это былъ толстый человѣкъ съ угрюмымъ лицомъ и грубымъ голосомъ. Онъ походилъ на одну изъ масокъ жиды Саломона.

— Неужели это та дѣвочка? сказалъ онъ, какъ она мала!

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ дядя. Оно будетъ курьезиѣе.

— А который ей годъ? спросилъ незнакомецъ.

— Шесть или семь лѣтъ. Но мы скажемъ, г. Смитъ, что ей пять лѣтъ, если хотите. Вѣдь никто не станетъ справляться съ метрикой.

И оба принялись хохотать, но смѣхъ ихъ былъ такой странный, что мнѣ хотѣлось плакать.

Я не знала, что и думать. Ужъ не хотятъ ли продать меня или увезти далеко?

— Пять лѣтъ, хорошо, Гофманъ. Нѣтъ, мы лучше скажемъ четыре года, продолжалъ незнакомецъ, когда пересталъ смѣяться; однакожь мнѣ бы хотѣлось прежде послушать наше маленькое чудо. Я не люблю, какъ говорить пословица, покупать кошку въ лукошкѣ.

Покупать! Это слово довершило мой ужасъ.

— Ну, спой же намъ что нибудь, Алиса, сказалъ дядя, да пожалуйста, не жеманься, какъ намѣдни, иначе я выгоню тебя изъ дому.

Эта угроза придала мнѣ отчаянную смѣлость. Не смотря на бѣдность, въ которой мы жили, мысль просить на улицѣ милостыню, меня ужасала. Я пропѣла, что знала. Толстый человѣкъ, казалось, былъ доволенъ, потому что махалъ головою въ тактъ и потиралъ руки; дядя мой, вмѣсто обычной брани, вскричалъ съ своей стороны: Хорошо, очень хорошо! И потомъ онъ нѣсколько минутъ говорилъ съ незнакомцемъ потихоньку.

— Стало быть, это дѣло конченное, сказалъ онъ напоследокъ: Когда же начнутся дебюты, г. Смитъ?

— Время теперь прекрасное, отвѣчалъ незнакомецъ. Зачѣмъ терять его. Начнемъ съ нынѣшняго вечера.

— Какъ съ нынѣшняго вечера? Да теперь уже болѣе одиннадцати часовъ.

— Ничего. У насъ гости бываютъ до трехъ и четырехъ часовъ утра.

— Ну, такъ бери свою шляпу, Алиса, пойдемъ.

Ахъ, какія темныя улицы! Какъ холодно, мокро и скользко! Нѣтъ ни одной отворенной лавки! нѣтъ живой души! изрѣдка лишь встрѣчался одинокій вачмень. * Помню я эту ночь, какъ вчерашнюю. На улицахъ стояли большія лужи; фонари бросали блѣдный, колеблющийся свѣтъ; дождь и туманъ вымочили мое платье; волосы прилипли къ лицу; вѣтеръ былъ порывистый. Двѣ или три кареты проѣхали мимо насъ, одна изъ нихъ забрызгала меня грязью съ ногъ до головы. Мы шли долго, ужасно долго. Слѣдуя за дядею и г. Смитомъ, я задыхалась, да и незнакомецъ, по видимому, очень усталъ; мы прошли столько улицъ и переулковъ, что я имъ и счетъ потеряла; мнѣ казалось, что я заблудилась въ какомъ-то лабиринтѣ; казалось, что мы никогда не достигнемъ конца нашего путешествія. На послѣдокъ мы перешли большой мостъ чрезъ широкую рѣку, должно быть чрезъ Темзу, и остановились подлѣ огромнаго дома, у котораго все ставни были закрыты, но внутри онъ былъ освѣщенъ. Г. Смитъ сильно дернулъ за ручку звонка; человекъ, борющійся съ дремотою, отворилъ намъ дверь. Только что мы вошли, послышался шумъ голосовъ и звонъ рюмокъ; по столамъ били въ тактъ.

— Алиса, сказалъ мнѣ дядя, наклонясь къ моему уху, ты будешь пѣть. Постарайся пропѣть, какъ можно лучше, я подарю тебѣ куклу; но если сфальшивишь, если оробѣешь, тогда... Онъ недокончилъ; но его голосъ и взглядъ сказали мнѣ больше, чѣмъ нужно.

Въ одну секунду я очутилась въ большой залѣ, наполненной мужчинами и ярко освѣщенной. Шумъ, жаръ, свѣтъ, облака табачнаго дыма, испугъ, овладѣвшій мною, не позволили мнѣ сначала ничего замѣтить; но когда я пришла нѣсколько въ себя, то стала смотрѣть вокругъ. Дядя сидѣлъ на концѣ длиннаго стола; меня посадили возлѣ него, а г. Смитъ находился на противоположномъ концѣ того же стола. Появленіе его привѣтствуемо было громкимъ вивать! и звономъ бокаловъ. Я видѣла однихъ только мужчинъ; большая часть изъ нихъ, казалось, была въ веселомъ расположеніи духа.

Г. Смитъ всталъ, сказалъ немного о моемъ дядѣ и много обо мнѣ. Все хотѣли, чтобъ я пѣла. Я очень хорошо помню, что одинъ старичекъ взялъ меня на руки и поставилъ на стулъ, чтобъ лучше

* Ночной сторожъ.

могли меня видѣть. Замѣтивъ, что я вся промокла отъ дождя и тумана, тотъ же господинъ заставилъ меня пить изъ его бокала. Не знаю, что въ немъ было, но напитокъ принесъ мнѣ пользу. Всѣ лица вокругъ меня были веселыя, улыбающіяся. Я пѣла, какъ могла лучше, и когда остановилась, такой поднялся крикъ, топотъ ногами и звонъ бокаловъ, что я была оглушена и испугана. Я сначала думала, что они разсердились. Но вмѣсто того, они требовали, чтобъ я спѣла чтонибудь другое. И я еще спѣла для ихъ удовольствія. Старый господинъ далъ мнѣ опять пить изъ своего бокала; я чувствовала въ себѣ пріятную теплоту и была счастлива. Не могу вамъ сказать, сколько разъ я пѣла въ эту ночь, но дядя мой напоследокъ сказалъ: довольно. Меня отнесли въ другую комнату, положили на диванъ, окутали плащами, чтобъ я непростудилась. Вскорѣ я заснула. Почти всѣ эти господа надавали мнѣ денегъ, когда я обходила столъ передъ тѣмъ, какъ удалилась; многіе цѣловали меня, говоря: прощай, малютка, до завтра. На сердцѣ у меня было легко, а въ карманѣ тяжело, чего не случалось еще дотолѣ. На другой день, ранехонько, дядя отвелъ меня домой, а ввечеру мы возвратились въ то же мѣсто; то же было на третій день и много дней сряду. Дядя началъ обращаться со мною ласковѣе, но отбиралъ деньги, которыя мнѣ давали. Забылъ и про обѣщанную куклу. Я не могу сказать, сколько времени я продолжала пѣть въ этой тавернѣ. Только первая ночь врѣзалась въ моей памяти огненными буквами; но всѣ прочія слились въ какую-то неопредѣленную массу. Полагаю, судя по временамъ года, что дядя водилъ меня туда каждый вечеръ въ теченіе полугода. Вдругъ неожиданное событіе перемѣнило образъ моей жизни.

Наступило лѣто, я оставалась по обыкновенію днемъ дома; вдругъ входитъ Гримальди, котораго я не видала со времени перваго его визита, и садится подлѣ меня.

— Миленькая Алиса, сказалъ онъ мнѣ, задыхаясь, встревоженнымъ голосомъ, и я замѣтила, что онъ былъ очень блѣденъ. Миленькая Алиса, надѣвай скорѣе свою шляпку и ступай за мною.

Я отвѣчала, что не смѣю выдти безъ позволенія дяди, который водить меня каждый вечеръ въ таверну.

— Да, знаю, бѣдное дитя! какая жизнь! какое униженіе! пусть бы ужъ самъ унижался! Спѣши же Алиса, я беру тебя къ себѣ. Нельзя терять времени.

Я бы охотно пошла съ г. Гримальди, но не смѣла, вспоминая о дядѣ.

— Иди же, Алиса, не бойся ничего, сказалъ онъ, цѣлуя меня въ лобъ. Дядя не будетъ бранить тебя.

Я послѣдовала за Гримальди. Карета дожидалась у подъѣзда; онъ посадилъ меня въ нее и мы помчались. На поворотѣ улицы я увидѣла толпу людей, четверо вачменовъ несли на носилкахъ, казалось, соннаго человѣка. Гримальди въ ту же минуту закрылъ мнѣ глаза рукою, и я чувствовала, что его рука дрожитъ. Когда онъ ее отнял, мы ѣхали по другой улицѣ, и толпа исчезла. Я спросила его, почему онъ не позволялъ мнѣ смотрѣть, но г. Гримальди не отвѣчалъ на это ни слова.

Видъ полей, садовъ, загородныхъ домиковъ скоро меня разсѣялъ. Карета остановилась передъ красивымъ домомъ, изъ котораго навстрѣчу къ намъ вышла дама. Сначала она удивлена была, что меня видятъ, но потомъ поцѣловала, когда мужъ сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо. Она смотрѣла на меня съ вѣжностью и сожалѣніемъ. У нихъ былъ прекрасный садъ, наполненный цвѣтами и бабочками, и я бы считала тутъ себя счастливою, еслибъ каждую минуту не ожидала услышать раздраженный голосъ дяди.

Гримальди, замѣтивъ, что я, послѣ дѣтской радости, которую чувствовала, находясь на свободѣ, при видѣ зелени и цвѣтовъ, вдругъ что-то очень присмирѣла, спросилъ меня о причинѣ этого; я ему призналась.

— Небойся, душа моя, сказалъ онъ, дядя не будетъ тебя бранить.

— Онъ это общалъ вамъ?

Гримальди перемигнулся съ женою, но ничего не отвѣчалъ. Послѣ я узнала, что дядя мой умеръ. Это его несли на носилкахъ вачмены. Давно уже здоровье его было разстроено отъ неумѣреннаго употребленія напитковъ, наконецъ его пришибъ параличъ на репетиціи въ театрѣ.

III.

Никогда дядя не ласкалъ меня; но всё же онъ былъ мнѣ родной, замѣнялъ отца. Я была огорчена потерей его, какъ только можетъ быть огорчено дитя, имѣющее смутное, неопредѣленное понятіе о смерти. Впрочемъ г. и г-жа Гримальди были со мною такъ ласковы, что я не могла сожалѣть о прошедшемъ; хотя, къ стыду моему, должна признаться, что ночныя посѣщенія таверны, сладкіе пирожки, подарки, рукоплесканія были причиною, что сначала я чувствовала какъ-бы нѣкую пустоту въ новой моей жизни.

Г-жа Гримальди тотчасъ замѣтила, что я во всемъ совершенная невѣжда. Я слышала, что она часто говорила объ этомъ своему мужу. Однажды, когда онъ ворогился съ репетиціи изъ Друриленскаго театра,

онъ подозвалъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣна и сказалъ: Миленькая моя Алиса, тебѣ пора идти въ школу.

— Мнѣ отсюда идти? вскричала я въ ужасѣ, мнѣ такъ хорошо было въ этомъ домѣ.

— Да, Алиса, пора въ школу, или лучше сказать, въ большой пансіонъ, далеко, очень далеко отсюда. Не плачь, мое дитя, это для твоей же пользы. Ты поешь чудесно; но этого недостаточно: дѣвочка твоихъ лѣтъ должна умѣть читать и писать. Я говорилъ о тебѣ моимъ товарищамъ по театру; мы согласились платить за тебя въ Академію пѣнія, гдѣ учатъ также всему, что нужно знать дѣвицѣ, предназначенной жить въ свѣтѣ. Не плачь, мой другъ, тебѣ тамъ будетъ очень хорошо; тамъ ты найдешь много подругъ. Притомъ Германія прекрасная страна; тамъ—же родина твоего отца.

— Не могу ли я, хоть по воскресеньямъ, приходиться къ вамъ, добрый г. Гримальди? спросила я, обвивая руками его шею.

Мой покровитель улыбнулся и объяснилъ мнѣ, что Германія лежитъ за моремъ; онъ описалъ мнѣ Рейнъ, его старинные замки, виноградники, и умѣлъ украсить самыми заманчивыми красками предстоящее мнѣ путешествіе.

Время отъѣзда настало, и мнѣ дѣлалось очень грустно. Дилижансъ привезъ насъ изъ Финчли, гдѣ жилъ г. Гримальди, въ Лондонъ. По узкимъ извилистымъ и сальнымъ улицамъ, мы добрались до пристани, гдѣ ожидало насъ купеческое судно, наполненное товарами и поклажею. Покровитель мой, поручивъ меня капитану, поцѣловалъ и со слезами на глазахъ простился со мною.

На кораблѣ мнѣ было не хорошо и скучно. Притомъ я должна была заплатить дань морской болѣзни. Много дней и ночей проплакала я въ каютѣ. Наконецъ, движенія судна сдѣлались плавными, и утромъ, когда я проснулась, корабль нашъ стоялъ совершенно неподвижно; мы прибыли въ Роттердамъ.

На суднѣ была большая суматоха, выгружали товары. Я вышла на палубу; но капитанъ сурово мнѣ сказалъ, чтобъ я убралась въ каюту и ждала тамъ, пока меня кликнутъ.

Спустя нѣсколько времени, одинъ господинъ, у котораго въ рукахъ были бумаги, а за ухомъ перо, сошелъ внизъ и спросилъ меня ломаннымъ англійскимъ языкомъ, что я тутъ дѣлаю, и зачѣмъ не ѣду на берегъ, къ роднымъ? Я ему отвѣчала, что у меня нѣтъ родныхъ, и какъ онъ желалъ знать, что предполагаю я дѣлать и куда идти, я показала ему на чемоданъ, въ которомъ были мои вещи.

— Шварценфельденъ! вскричалъ онъ. Да, мы далеко еще отъ цѣли, маленькая путешественница; кому же поручено довести васъ туда?

Я и сама объ этомъ не знала, и только могла отвѣчать, что меня поручили капитану. Онъ пожалъ плечами и поднялся на палубу.

Наконецъ капитанъ сошелъ внизъ за мною. По узенькой дощечкѣ мы перешли на площадь, покрытую толпою народа, между которымъ много было матросовъ и носильщиковъ. Роттердамъ показался мнѣ большимъ городомъ; но меня особенно удивило, что все говорятъ непонятнымъ мнѣ языкомъ. Я ухватила всею силою за руку капитана, чтобъ не потерять его. Онъ привелъ меня въ гостиницу, гдѣ мы съ нимъ обѣдали за большимъ столомъ, который онъ называлъ табль-д'отъ; въ кушаньяхъ не было недостатка. Чтобъ познакомить меня, какъ онъ говорилъ, съ нѣмецкою кухнею, заставили меня ѣсть кислую капусту; я пожалѣла тогда объ англійской кухнѣ доброй г-жи Гримальди.

Когда обѣдъ кончился, капитанъ повелъ меня въ контору дилижансовъ. На большомъ дворѣ закладывали уже лошадей. Онъ далъ мнѣ билетъ на мѣсто въ каретѣ для всей дороги, жестяную шкатулку, гдѣ хранился мой паспортъ, кошелекъ съ деньгами и пакетъ съ сухарями, посадилъ меня въ уголь дилижанса, дружелюбно пожалъ мнѣ руку и пожелалъ благополучнаго пути.

Въ полной мѣрѣ чувствовала я свое одиночество. Наступила ночь. Въ каретѣ были еще трое пассажировъ, но ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни слова по-англійски. Все заснуло, я тоже послѣдовала ихъ примѣру и проснулась на другой день поутру, чтобъ напиться кофе со сливками въ какой-то деревушкѣ. Дилижансъ опять пустился въ дорогу. Мы ѣхали все по равнинѣ, перерѣзанной каналами, наполненной вѣтренными мельницами и покрытой стадами. Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія съ тѣми же монотонными видами, дилижансъ остановленъ былъ толпою таможенныхъ; отъ насъ потребовали паспорта и осмотрѣли наши вещи. Мы были на границѣ Германіи. Въ это время я не имѣла еще ни малѣйшаго понятія о географическомъ и политическомъ раздѣленіи Европы. Для меня не было различія между Голландіей и Германіей, и та и другая казались мнѣ странами варварскими.

Съ границъ Германіи виды становились разнообразѣе; въ первый разъ представились мнѣ горы и виноградники; но я такъ измучилась отъ путешествія, что не обращала болѣе ни на что вниманія, можно сказать, что я безпрестанно спала съ раскрытыми глазами. Мы проѣхали чрезъ много городовъ, и въ одинъ вечеръ достигли самаго прекраснѣйшаго изъ нихъ; можетъ быть, онъ мнѣ показался такимъ, потому что здѣсь былъ конецъ моему странствованію. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ

Шварценфельденъ, столица герцогства того же имени. Онъ построенъ амфитеатромъ на склонѣ возвышенности. Церкви его и бѣлые домики, перемѣшанные съ зеленью, производятъ самый живописный видъ.

Меня выпустили съ чемоданомъ у дверей большого дома, и дилижансъ покотился по другимъ, болѣе узкимъ улицамъ.

Ко мнѣ вышелъ мальчикъ; онъ говорилъ что-то, но я не понимала. Посмотрѣвъ на адресъ моего чемодана, онъ усмѣхнулся и показалъ мнѣ, куда надо идти. Въ сѣняхъ, повидимому, дожидался меня человѣкъ въ ливреѣ, потому что едва я вошла, онъ взялъ одною рукою мой чемоданъ, а другую подавъ мнѣ и повелъ меня чрезъ многія улицы до большихъ дверей, гдѣ дернулъ за звонокъ. Двери тотчасъ растворились, показался другой человѣкъ въ такой же точно ливреѣ, какъ и первый, и я очутилась на четырехугольномъ дворѣ, предъ большимъ красивымъ бѣлымъ домомъ. Человѣкъ ввелъ меня въ просторную комнату, въ которой пожилая женщина и восемь дѣвочекъ занимались рукодѣльемъ. Старушка встала и взяла меня за руку.

— Наконецъ ты пріѣхала, миленькая. Вотъ, сударыни, рекомендую вамъ Алису Гофманъ, новую вашу подругу. Добро пожаловать, Алиса, полюби насъ такъ, какъ мы тебя будемъ любить.

Слова эти, произнесенныя на хорошемъ англійскомъ языкѣ, только съ особымъ выговоромъ, чрезвычайно меня обрадовали. Съ самаго отъѣзда моего изъ Лондона я была точно глухо-нѣмая. Хорошая дама поцѣловала меня въ обѣ щеки, и повела въ большую комнату, въ родѣ галереи, гдѣ стояло десять кроватей съ занавѣсками и стегаными одеялами, бѣлыми, какъ снѣгъ. Тутъ была спальня дѣвочекъ, которыхъ я видѣла; моя постель была послѣднею, ближайшею къ окну. Заставивъ меня переодѣнуть дорожное платьѣ, покрытое пылью, старушка привела меня въ залу, гдѣ приготовленъ былъ для всѣхъ ужинъ.

Младшая изъ пансіонерокъ читала вслухъ на нѣмецкомъ языкѣ молитвы.

Хорошая дама подала мнѣ книгу и ласково сказала:

— Вотъ книга псалмовъ, на англійскомъ языкѣ, которую ты можешь употреблять, пока не будешь понимать по-нѣмецки; но я надѣюсь, что это скоро случится. Я краснѣла и дрожала, но книгу взяла. Какъ признаться предъ всѣми пансіонерками, что не умѣю читать? Старушка замѣтила мое смущеніе и поняла его, смотря на меня и на книгу. Впрочемъ, прибавила она, можно молиться съ нами и не читая книги.

Мы молились, стоя на колѣнахъ. Каждая пансіонерка, вставая, подходила къ старушкѣ прощаться; потомъ мы пошли въ дортуаръ. Только одна изъ моихъ подругъ разумѣла по-англійски, и безъ сомнѣнія, не случайно, кровать ея стояла возлѣ моей.

Отъ нея узнала я много новаго: это былъ дортуаръ старшихъ дѣвицъ; меня оставили съ ними изъ предосторожности, чтобъ не стали обижать младшія. Въ Академіи пѣнія было всего сорокъ воспитывающихся, въ томъ числѣ двадцать мальчиковъ, жившихъ въ особенномъ домѣ. Воспитанники и воспитанницы собраны были изъ разныхъ частей Германіи и даже изъ другихъ отдаленныхъ земель; такъ была велика музыкальная слава этого заведенія! Мы находились во владѣніяхъ герцога Леопольда Шварценфельдскаго. Старушка, директриса, о которой я говорила, называлась г-жа Клоссъ. Я уже заснула, а подруга моя все еще продолжала говорить.

IV.

Я не буду останавливаться на годахъ моего воспитанія, на радостяхъ и горестяхъ пансіонерки, на этой переходной эпохѣ между дѣтствомъ и юношествомъ, когда вступаешь въ настоящую жизнь. Описаніе одной недѣли, одного дня, можетъ дать понятіе о цѣлыхъ годахъ. Время проходило тихо, въ одинакихъ занятіяхъ, между тѣми же профессорами и подругами, кромѣ немногихъ исключеній. По истеченіи десяти лѣтъ, я достигла полного развитія и общалась, какъ говорили, по таланту моему, занять скоро мѣсто примадонны.

На слѣдующее утро моего приѣзда, геръ Шейдеръ, нашъ учитель пѣнія, очень похвалилъ мой голосъ. Уроки искуснаго наставника и постоянныя упражненія образовали во мнѣ чрезвычайно пріятное сопрано, необыкновенно сильное и обширное. Хотя музыка была главнымъ предметомъ нашей Академіи, но и на другія науки обращалось вниманіе. Языки французскій, англійскій, итальянскій преподаваемы были отличными учителями, также какъ арифметика, географія и исторія. По воскресеньямъ мы ходили, въ два ряда, въ ближайшую церковь и участвовали въ пѣніи гимновъ. Туда со всѣхъ концовъ стекались слушать насъ любители образцовой духовной музыки. По вечерамъ мы читали вслухъ, поочереды, священное писаніе, проповѣди или нѣсколько страницъ изъ «Мессіады» Клопштока. Каждую среду съ полудня ученье прекращалось; пользуясь свободой, мы ходили гулять по лѣсу, или по берегу рѣчки. По возвращеніи домой, насъ угощали сладкими пирожками и сливками.

Такова была наша Академія, когда я въ нее поступила бѣднымъ ребенкомъ, сиротинкой, невѣждою, спасенною отъ нищеты добрымъ клауномъ Гримальди и его товарищами по театру. Такова она была и въ то время, когда я начинаю опять мой разсказъ. Мнѣ было лѣтъ сем-

надцать или восемнадцать. По временамъ я получала извѣстiя отъ моего добраго друга и покровителя. Всегда онъ показывалъ мнѣ нѣжнѣйшую любовь и отеческую заботливость. Но письма отъ него я стала получать рѣже. Онъ говорилъ въ нихъ о семейныхъ горестяхъ, о болѣзняхъ, непонятныхъ для молодости, о разочарованiяхъ старости. На послѣдокъ онъ совсѣмъ пересталъ писать, потомъ я узнала, что его нѣтъ уже на свѣтѣ. Много я плакала о немъ. Не всѣмъ ли я была ему обязана? Такъ кончились послѣднiя мои связи съ родиною.

Изъ всѣхъ нашихъ профессоровъ, г. Штольбергъ былъ въ наибольшей славѣ. Его почитали музыкальною знаменитостью въ цѣлой Германiи. Будучи директоромъ капеллы герцога, онъ сверхъ того имѣлъ надзоръ и за нашею Академiею. Каждый мѣсяцъ онъ дѣлалъ экзамены въ классахъ пѣвiя. Его извѣстность, орденская ленточка въ петлицѣ, черные, живые глаза, рѣзкiй голосъ и нетерпѣливый нравъ внушали намъ какой-то страхъ.

Многiя изъ его сочиненiй, которыя мы исполняли, дѣйствительно были прекрасны и трогательны. Въ контрапунктѣ онъ не уступалъ знаменитѣйшимъ композиторамъ. Онъ былъ ученикъ Бетговена, получилъ золотую медаль на музыкальномъ праздникѣ въ Страсбургѣ, и недавно сочинилъ, на память бракосочетанiя великаго герцога, ораторiю, имѣвшую огромный успѣхъ.

Разъ, поутру, я сидѣла въ классѣ со многими подругами, вдругъ отворилась дверь, и Штольбергъ вошелъ въ сопровожденiи г-жи Клоссъ. Положивъ, по обыкновенiю, на столъ свою шляпу, онъ вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: Милостивыя государыни, я долженъ васъ извѣстить, что по случаю отъѣзда дѣвицы Уденъ въ Берлинъ, мѣсто перваго сопрано въ капеллѣ герцога сдѣлалось вакантнымъ. Его свѣтлость желаетъ, чтобъ это мѣсто было занято одною изъ воспитанницъ здѣшней Академiи. Мнѣ поручено объявить, что всѣ, желающiя вступить въ конкурсъ и чувствующiя себя къ тому способными, должны приготовиться чрезъ недѣлю пѣть въ концертной залѣ Академiи. Каждая конкурентка исполнитъ тему изъ «Мессii» Генделя или изъ «Сотворенiя мiра» Гайдна. Его свѣтлость намѣренъ почтить этотъ конкурсъ своимъ присутствiемъ. Сказавъ это, Штольбергъ положилъ на столъ темы для пѣвiя, поклонился и вышелъ изъ залы.

Можете представить, какое волненiе произвела эта новость между воспитанницами Музыкальной Академiи и въ особенности между сопранами. Многiя изъ моихъ подругъ говорили, что бесполезно будетъ входить со мною въ состязанiе, потому что у меня лучшiй голосъ, что я мастерица пѣть, и что всѣ профессора на моей сторонѣ. Однакожь,

это не помѣшало имъ употребить всѣ усилія, чтобъ исторгнуть у меня побѣду. Съ утра до вечера только и слышны были «Мессія» Генделя и «Сотвореніе» Гайдна; что касается до меня, то я вовсе не пѣла, полагая, что отдохновеніе и размышленіе лучше послужатъ мнѣ въ рѣшительную минуту, чѣмъ усилія надъ голосомъ.

Недѣля прошла; день испытанія насталь. Утромъ я прохаживалась одна между высокими деревьями, окружавшими пространный садъ нашей Академіи. Тутъ я была въ совершенномъ уединеніи. Спокойствіе и самоувѣренность наполняли мое сердце, между тѣмъ, я плакала. Мнѣ казалось, что я могла бы восхитительно пѣть, еслибъ не боялась нарушить торжественную тишину этого мѣста. Остальную часть дня я провела въ библіотекѣ. «Смотрите, какъ она увѣрена въ успѣхѣ, говорили мои соперницы. Она не хочетъ даже взглянуть на свои ноты.» Только одна изъ нихъ менѣе мнѣ завидовала, хотя и обладала большимъ талантомъ, нежели прочія пять конкурентокъ. Ее звали Ревекка Лео. Отецъ ея, богатый еврей, слылъ ростовщикомъ. По этому она не пользовалась любовью пансіонерокъ: противъ нея составленъ былъ даже цѣлый кружокъ, въ который однакожь я никогда не вступала.

Въ шесть часовъ, мы были собраны, разодѣтыя, въ концертной залѣ. Штольбергъ сидѣлъ за флигелемъ; воспитанницы помѣстились на скамьяхъ, въ глубинѣ залы. Г-жа Клоссъ и профессеры заняли мѣста по правую сторону эстрады, а конкурентки по лѣвую. Въ шесть часовъ съ четвертью прибылъ герцогъ съ многочисленною свитой. Ему представили листъ съ именами конкурентокъ, и экзамень начался. Я была четвертою на этомъ листѣ, слѣдовательно имѣла время собраться съ духомъ, но вмѣсто того, страхъ овладѣлъ мною до такой степени, что въ глазахъ темнѣло, ноты, которыя я держала въ рукахъ, плясали предо мною; голова кружилась; я бы рада была перенестись за сто миль, или, какъ говорится, провалиться сквозь землю. Между тѣмъ голосъ Ревекки привелъ меня въ себя, она шептала: «теперь твоя очередь, Алиса. Смѣлѣе, другъ мой!»

Между тѣмъ, какъ герцогъ осматривалъ меня съ ногъ до головы, я чувствовала необыкновенную слабость, и вѣрно упала бы, еслибъ не облокотилась на флигель. Тотчасъ же другая рука оперлась на мою руку, какъ бы въ знакъ безмолвнаго ободренія. Я обернулась, и къ удивленію вижу г. Штольберга, котораго черные глаза смотрѣли на меня съ выраженіемъ симпатіи, совершенно для меня новой. Это дѣйствительно меня ободрило. Показывая видъ будто готовится ноты, онъ сказалъ мнѣ шепотомъ: «Не бойтесь ничего, у васъ нѣтъ соперницы.»

Такое неожиданное поощреніе со стороны страшнаго маэстро, вос-

хитило меня. Я какъ будто унесена была вихремъ. Штольбергъ, г-жа Клоссъ, мои подруги, великій герцогъ и его дворъ, музыка пьяно, концертная зала—все исчезло. Я только слышала аккомпаниментъ профессора, покрываемый голосомъ, который, казалось, не выходилъ изъ груди моей, а подходилъ на хоръ лѣсныхъ птичекъ. Мнѣ казалось, что я его слышу; казалось, что я перенесена на средину великихъ сценъ природы. Величественныя слова дополняли мое очарованіе. Вся душа моя предана была религіозному восторгу и могла возвыситься до вдохновеннаго гимна Гайдна «Возрадуйся, Сионъ!»

Когда я возвратилась на свое мѣсто, сердце мое сильно билось, но не отъ страха: мои соперницы смотрѣли на меня съ завистью, г-жа Клоссъ плакала. Первый взрывъ «браво!» послышался со стороны молодыхъ людей, воспитанниковъ Академіи, не смотря на припеутствіе герцога, который самъ подалъ примѣръ рукоплесканію.

— Ну, что, не правду я сказала? шепнулъ мнѣ г. Штольбергъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ ему герцогомъ. Пожалуйста вашу руку, Алиса, я представляю васъ его свѣтлости. Конкурсъ конченъ. Вы первое сопрано герцогской капеллы.

V.

Кромѣ перваго сопрано въ капеллѣ, по принятому порядку, я сдѣлалась вторымъ профессоромъ пѣнія въ Академіи; Шнейдеръ былъ первымъ. Я оставила дортуаръ пансіонерокъ и заняла особую комнату съ маленькою залою, въ которой стояло пьяно, назначенное для моихъ собственныхъ упражненій и для частныхъ уроковъ, которые я могла давать. Не прошло двухъ недѣль, какъ у меня было уже десять ученицъ изъ первыхъ фамилій города. По отъѣздѣ дѣвицы Уденъ, я наследовала всѣ ея уроки.

Счастіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мнѣ улыбалось. Герцогъ былъ ко мнѣ особенно милостивъ и говорилъ, что онъ самый жаркій почитатель моего таланта. Герцогиня, послѣ службы, часто посылала за мною придворную карету, чтобъ послушать любимыя ею мѣста изъ ораторій Генделя и Моцарта.

Семейство герцога было примѣрное; сохраняя свое достоинство, герцогъ и герцогиня не любили излишнихъ церемоній и принужденія. Часто они и сами пѣли. Я обыкновенно бывала въ ихъ избранномъ кругу по вечерамъ каждую субботу; Штольбергъ также былъ приглашаемъ. Между нами возникла дружба, въ родѣ товарищества между артистами; но маэстро все еще былъ для меня страшенъ своею славою и рѣзкимъ характеромъ,

несмотря на оказываемую мнѣ благосклонность, а можетъ быть, и тѣмъ, что ему было за сорокъ лѣтъ. Мнѣ было едва восемнадцать, и потому я казалась ему дѣвочкой. Въ придворномъ кругу я особенно замѣтила только одну особу, или лучше сказать была замѣчена ею. Баронъ фонъ Бакофенъ, оберъ-шталмейстеръ герцога, былъ образцемъ лучшаго тона. Онъ одѣвался съ необыкновеннымъ вкусомъ, имѣлъ большіе голубые глаза, русые волосы, тонкія, умныя черты лица; говорилъ пріятно, слылъ за блестящаго кавалера, искуснаго охотника, отлично бился на шпагахъ и прекрасно танцовалъ. Невозможно было лучше его спѣть романса, когда онъ acompанировалъ себѣ на гитарѣ; впрочемъ, музыкальный талантъ его неограничивался этими бездѣлками. Герцогъ часто заставлялъ его пѣть со мною дуэты изъ «Сотворенія» или «Масличной горы.» Если голосъ оберъ-шталмейстера не имѣлъ всей желаемой общирности, то былъ необыкновенно пріятенъ. Не знаю почему, только онъ очаровывалъ меня.

Однажды, укрывшись за амбразурой окна и занавѣсами, я перебрала ноты въ одной изъ комнатъ дворца, вдругъ откуда ни возмись баронъ, схватилъ мою руку и поднесъ къ своимъ губамъ. Я обидѣлась такою вольностью, но съ той поры не могла изгнать изъ мыслей моихъ и даже изъ сновидѣній молодаго оберъ-шталмейстера. Съ этихъ поръ я жила двойною жизнію, или лучше сказать, начала только жить; душа моя испытывала тысячу неизвѣстныхъ наслажденій. Никогда прежде цвѣты не казались мнѣ такъ прекрасны, такъ ароматны. Птички, отъ пѣнія которыхъ я пробуждалась, говорили мнѣ многое, чего я прежде не понимала.

Въ то же время я замѣтила перемѣну въ обращеніи со мною г. Штольберга. Всегда показывая мнѣ дружбу, онъ сдѣлался болѣе учтивымъ и осторожнымъ. Въ его взглядѣ, голосѣ была какая-то принужденность; часто я спрашивала сама себя, какая бы этому могла быть причина? Мнѣ кажется, я никогда ни чѣмъ его не оскорбила. Разъ или два мнѣ показалось, что онъ жалѣетъ меня, и даже слезы навертываются на его глазахъ. Мнѣ очень хотѣлось спросить его: Другъ мой, что я вамъ сдѣлала? Но его скромность и обыкновенная холодность не позволяли мнѣ сдѣлать этого вопроса.

Наступилъ день рожденія герцога. При дворѣ былъ балъ и концертъ. Я приглашена была со многими въ капеллу; всѣ воспитанницы Академіи должны были участвовать въ хорахъ. Концертная зала выходила къ парку на мраморную террасу. Длинная кантата, сочиненная самимъ герцогомъ, была привѣтствована оглушительными рукоплесканіями, хотя, признаться сказать, и незаслуживала такого одобренія. По окон-

чаніи концерта, блестящее общество перешло въ бальную залу, находившуюся на другомъ концѣ дворца. Я ждала, пока всё удалется. Оставшись совершенно одна, я захотѣла подышать свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ на террасѣ и въ саду. Накинувъ на себя шаль, я вышла изъ концертной залы.

Ночь была чудная. Луна освѣщала усыпанныя пескомъ дорожки и позлащенные осенью листья; звѣзды блистали на небѣ; вѣтерокъ, наполненный ароматомъ цвѣтовъ, освѣжалъ мое лицо. Садъ представлялъ что-то волшебное. Большія аллеи освѣщены были разноцвѣтными фонарями и образовывали прекрасную перспективу; но мнѣ болѣе нравились темныя аллеи; я выбирала извилистыя тропинки, освѣщенные одною луною.

— Какая чудная ночь! сказалъ мнѣ слишкомъ знакомый голосъ: ночь поэзіи и любви!

Я чувствовала, что вся кровь прилилась къ лицу и въ туже секунду отхлынула къ сердцу.

— Я тотчасъ замѣтилъ ваше отсутствіе, и вездѣ искалъ васъ; гдѣ нѣтъ васъ, тамъ для меня пустыня.

Я не скоро отвѣчала, чтобъ не показать смущенія.

— Меня прельстило, сказала я наконецъ съ притворнымъ равнодушіемъ, прекрасное небо и свѣжесть ночи. Дѣйствіе иллюминаціи сквозь листья деревъ безподобно. Но, слышите: балъ начался, вамъ надо спѣшить въ кадрили герцога.

— Какое мнѣ дѣло до бала, мнѣ наскучила искусственная жизнь. Да, хотя я еще молодъ, но разочарованъ во многомъ. Для меня благополучіе состояло бы въ уединенной жизни, близъ любимой женщины, близъ васъ, Алиса; но вы не любите меня.

Я молчала; онъ взялъ трепещущую мою руку.

— Вы мнѣ ничего не отвѣчаете, Алиса, ничего. Покрайней мѣрѣ, выслушайте меня. Въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, мы встрѣчаемся безъ свидѣтелей. Теперь глаза всѣхъ, и тѣмъ болѣе Штольберга, обращены на насъ. Этотъ человекъ могъ бы быть вашимъ отцомъ, Алиса. Неужели онъ имѣетъ претензію сдѣлаться вашимъ мужемъ?

— Какая странная мысль! отвѣчала я.

— Да, очень странная. Но я готовъ оспоривать васъ, Алиса, у цѣлаго свѣта. Но вы не любите меня!

Голосъ его становился все нѣжнѣе и наконецъ страстнымъ. Какъ я страдала, что не могла отвѣчать ему.

— Вы ничего не говорите, Алиса, ничего, а между тѣмъ моя

жизнь зависитъ отъ одного вашего слова. Хотите ли быть моею женою?

Онъ всталъ на колѣна и опять взялъ мои руки, которыя я отняла, отвернувъ голову, чтобъ избѣгнуть его взгляда.

— Прощайте же, сказалъ онъ, прощайте навсегда! ваше молчаніе— мой приговоръ! Завтра я оставляю Германію. Пойду на край свѣта искать забвенія, потому-что вы этого хотите.

— Ахъ! я и сама незнаю, чего хочу!.. Зачѣмъ вамъ ѣхать?

VI.

Я думала, что все это было во снѣ: мнѣ быть его женою! Я, бѣдная сирота, воспитанная благотворителями, онъ блистательный придворный, благороднѣйшій, прекраснѣйшій кавалеръ высшаго общества; нѣтъ, столько благополучія не могло быть моимъ удѣломъ! Онъ просилъ моего портрета и далъ мнѣ свой, который былъ для меня истиннымъ сокровищемъ: я готова была стоять предъ нимъ на колѣнахъ, готова была, каюсь, забыть для него все на свѣтѣ!

Никому не повѣряла я моей тайны, онъ самъ разглашалъ, что я его невѣста. Алиса Гофманъ, первое сопрано въ капеллѣ, выходитъ замужъ за барона Теодора фонъ Бакофена, оберъ-штабмейстера его свѣтлости, и его свѣтлость соглашается на это, съ тѣмъ только, чтобъ молодая чета отправилась на нѣсколько мѣсяцевъ за границу. Наша Академія была въ величайшемъ волненіи. Г-жа Клоссъ радовалась и гордилась моимъ благополучіемъ, она питала ко мнѣ истинно материнскую любовь. Подруги мои подносили мнѣ цвѣты, маленькіе подарки и даже стихи. Меня поздравляли также всѣ товарищи капеллы и профессоры, выключая одного Штольберга. Никогда онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго намека на это важное для меня событіе. Казалось, онъ объ немъ и не слыхалъ. Разъ утромъ, г-жа Клоссъ, понимая молчаніе его такимъ же образомъ, сказала ему вполголоса: Вы одни еще не поздравляли ее.—Съ чѣмъ? спросилъ онъ сухо.—Но съ..... О! я знаю, что вы хотите сказать, и повернулся къ ней спиною. Сначала я оскорбилась этимъ равнодушіемъ, этою невѣжливостью, но зная странныя его манеры, не могла на него разсердиться.

Между тѣмъ зима приближалась. Свадьба наша назначена была весною; баронъ входилъ тогда въ совершеннолѣтіе. Въ промежуткѣ этого времени я получила разъ учтиво-холодную записку Штольберга: онъ просилъ меня принять его на нѣсколько минутъ. Онъ ждалъ отвѣта у дверей моихъ, я пригласила его войти, изъясняя сожалѣніе, что

онъ такъ церемонится съ прежней своей ученицей. Онъ промолвилъ нѣсколько несвязныхъ словъ, продолжалъ стоять, не смотря на стулъ, который я ему придвинула, и подалъ мнѣ распечатанное письмо.

Одинъ изъ его друзей, директоръ оперы въ Вѣнѣ, напоминая ему, что такъ часто слышалъ о прекрасномъ голосѣ одной изъ его ученицъ, которая теперь занимаетъ мѣсто перваго сопрано въ капеллѣ герцога, приглашаетъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ его воспитанницу на амплуа прималонны, предлагая ей за сезонъ 20,000 флориновъ, кромѣ помѣщенія.

При мысли, что меня считаютъ достойною, хотя временно, занять мѣсто одной изъ первыхъ пѣвицъ Германіи, празнуюсь, голова моя закружилась. Въ первый разъ, можетъ быть, я испытала удовольствіе гордости. Я забыла даже барона.

— Какой же отвѣтъ? сказалъ мнѣ холодно Штольбергъ, котораго блѣдность еще увеличилась. Онъ ходилъ взадъ и впередъ и остановился предо мною, чтобъ сдѣлать мнѣ этотъ вопросъ.

— Отвѣтъ мой!—можете ли вы сомнѣваться? Я согласна.

— Такъ вы меня уполномочиваете извѣстить его объ этомъ? Вы готовы подписать контрактъ?

На этотъ разъ я замолчала, вспомнивъ о настоящемъ моемъ положеніи. Теодоръ фонъ-Бакофенъ, оберъ-шталмейстеръ ея свѣтлости, согласится ли видѣть меня на сценѣ? Въ этомъ неравномъ бракѣ не должно ли быть первымъ условіемъ, чтобъ я отказалась отъ театра?

— Вашъ отвѣтъ? спросилъ снова начальникъ капеллы.

— Какъ вы мнѣ сами посоветуете?

— Какое же я имѣю право вамъ совѣтовать?

— Такъ дайте мнѣ день на размышленіе. Я не смѣла сказать, что должна посоветоваться съ Теодоромъ; но онъ отгадалъ мою мысль, потому что вскричалъ съ олушевленіемъ:

— Пожалуйста, совѣтуйтесь съ кѣмъ угодно, выключая одного чловѣка, по крайней мѣрѣ, до завтрашняго утра и, если имѣете довѣренность къ моей старинной дружбѣ, то повидайтесь сегодня вечеромъ съ вашей лучшей пріятельницей, Ревеккой. Въ которомъ часу я могу зайти за вами?

— Когда вамъ будетъ угодно, отвѣчала я, удивленная такимъ необыкновеннымъ ко мнѣ усердіемъ и расположеніемъ.

— Но, по чести, я право не вижу необходимости совѣтоваться съ Ревеккой. Развѣ она гадаетъ на картахъ?

Шутка эта не прояснила чела Штольберга.

— Я буду у васъ около семи часовъ, продолжалъ онъ. Надѣюсь найти васъ одну, и прошу не говорить объ этомъ никому.

— Даже и г-жѣ Клоссъ?

— О томъ, куда вы пойдете вечеромъ — никому; что касается до приглашенія васъ въ Вѣну, вы можете говорить всѣмъ, исключая одного барона.

Въ семь часовъ аккуратно Штольбергъ явился.—Ваша пріятельница ожидаетъ васъ, сказалъ онъ—да, сударыня, это истинная ваша пріятельница.

Я завернулась въ шаль и послѣдовала за начальникомъ капеллы. Въ это время шелъ мелкій дождь съ снѣгомъ, я вспомнила ту несчастную ночь, когда впервые отправилась съ дядей моимъ въ клубъ. Съ тѣхъ поръ, какъ меня счастье избаловало! Мы шли долго по опустѣлымъ улицамъ, какъ вдругъ Штольбергъ сказалъ: Вотъ и пришли. Мы находились подлѣ небольшихъ дверей, украшенныхъ странною деревянною рѣзбою. Три высокія дерева печально качали листьями передъ этимъ домомъ. Не видно было свѣта ни въ одномъ окнѣ. Штольбергъ тихонько стукнулъ въ ставни; дверь открылась, какая-то женщина взяла меня за руку и повела въ темнотѣ во внутреннія комнаты. Я было испугалась, но узнала голосъ Ревекки.

— Какая ужасная погода, боюсь, чтобъ ты не простудилась. Въ ту же минуту я замѣтила у нея потаенный фонарь. Худо я тебя принимаю въ домѣ отца моего, милая Алиса; какъ жаль, что ты переступаешь нашъ порогъ въ такихъ неприятныхъ обстоятельствахъ.

— Но вѣдь неприятна одна только погода? отвѣчала я.

Ревекка посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, какъ вдругъ раздался по всему дому звонъ отъ наружнаго колокольчика.

— Это отецъ мой, сказала она. Пожалуйста, спрячься скорѣе за этими завѣсами, и ни слова, ни вздоха, если хочешь все слышать.

— Что все это значить, Ревекка? ты пугаешь меня. Зачѣмъ мнѣ прятаться?

— Ради Бога, терпѣніе и молчаніе! сказалъ мнѣ Штольбергъ, дѣло идетъ о счастіи всей вашей жизни.

Въ коридорѣ послышался шумъ шаговъ; вскорѣ раздался голосъ стараго еврея:

— Деньги! опять деньги! Да развѣ вы думаете, что у меня золотые рудники? Кажется, вы ужъ довольно меня обобрали. Нѣтъ, теперь не дамъ вамъ ни одного крейцера! Рухлетка — это бездна, въ которую я не хочу самъ упасть, въ глупо й надеждѣ васъ оттуда вытащить. Ваша фамилія, ваша фамилія! Знаю я, что она благородная и

знаменитая, но и расточительность у нея наследственная; она не может и не хочет вамъ ничѣмъ пособить.

— Добрый, превосходный другъ мой Исаакъ, отвѣчалъ голосъ, заставившій меня вздрогнуть, что случилось бы съ евреями, еслибъ никто у нихъ не занималъ? Вы наши благодѣтели, согласенъ, но всегда умѣете ощипать у насъ ножку или крылышко. Наши лучшія перья остаются въ вашихъ рукахъ; птица съ моими перьями служить приманкой, чтобъ ощипывать другихъ! Не я ли ввель васъ въ моду между нашею молодежью? Сколько вы продали придворнымъ дамамъ бездѣлушекъ, потому только, что мы сдѣлали изъ васъ феникса?

— Рассказывайте другимъ эти сказки, отвѣчалъ Исаакъ. Словами мнѣ не платятъ и Лафонтенова лисица меня не надуетъ. Скажите—ка лучше, какое можете предложить мнѣ обезпеченіе?

— Я влюбленъ, вы это знаете, Исаакъ.

— Любовь не порука. Только этого не доставало вамъ; теперь вы любовникъ и игрокъ!

— Я женюсь.

— На дѣвушкѣ, которая ничего не имѣетъ. Бѣдная дѣвушка воображаетъ себя счастливою, выходя за васъ замужъ.

— Вы знаете ее?

— Да, дочь моя училась съ нею въ Академіи пѣнія. Говорятъ, что она красавица и съ талантомъ; поетъ она превосходно, но голосъ ея развѣ заплатитъ ваши долги?

— Почему же нѣтъ, Исаакъ? Развѣ съ моимъ знаніемъ свѣта можно жениться на дѣвушкѣ только за одни хорошенькіе глазки? Да и вы, мой любезный Исаакъ, не сдѣлали бы такой глупости, не смотря что вдовецъ и, можетъ быть, подъ этими плитами зарыли Крезовы богатства. Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ слишкомъ много надѣлалъ дурачествъ для моей первой и послѣдней любовницы, для банка!

— Дать въ займы зачерствѣлому игроку! какая польза? Пусть герцогъ уничтожитъ игру, тогда посмотримъ!

— Но, вѣдь я вамъ предлагаю очень надежное...

— Да что ваше надежное? ну, чѣмъ вы меня обезпечите, если примѣрно, я далъ бы вамъ сотню новенькихъ червонцевъ?

— Какъ чѣмъ? а голосъ моей невѣсты, да она скоро будетъ ангажирована какъ прима-донна въ Вѣну, въ Парижъ или Лондонъ.

— Ну, тогда приходите ко мнѣ и приносите форменный ея контрактъ.

Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ, но я уже болѣе ничего не слышала. Голова моя кружилась, ноги подкашивались и я упала бы,

еслибъ не поддержали меня Штольбергъ и Ревекка. Теодоръ удовольствовался на этотъ вечеръ нѣсколькими червонцами, вырванными имъ у Исаака, подъ залогъ моего портрета.

VII.

Опять я сдѣлалась одинокою въ свѣтѣ!

Въ темную ночь, безъ луны и звѣздъ, ѣхала я по дорогѣ въ Вѣну. Дождь стучалъ въ стекла почтовой кареты, въ которую посадилъ меня Штольбергъ. Онъ проводилъ меня до самой границы герцогства; едва мы обмѣнялись нѣсколькими словами, и онъ со мною простился.

На другой день по прїездѣ моемъ въ столицу германскихъ цезарей, директоръ императорской оперы, предупрежденный письмомъ Штольберга, посѣтилъ меня въ гостиницѣ, гдѣ я остановилась. Онъ былъ очень обязателенъ и вѣжливъ. Хотя онъ замѣтилъ, что я разстроена, но приписывалъ это усталости отъ дороги, а не сердечной болѣзни, чего конечно не могъ угадать. Первые репетиціи должны были начаться послѣ завтра; опера «Густавъ» назначена была для моего дебюта.

Въ рѣшительную минуту я чувствовала себя какъ-бы въ восторженномъ состояніи, переходя попеременно отъ радости къ печали. Во мнѣ было предчувствіе успѣха и мысль, что Теодоръ, обманутый въ спекуляціи своей на мой талантъ, узнаетъ о торжествѣ моемъ, удовлетворяя моему мщенію. Видя увѣренность на лицѣ моемъ, директоръ сказалъ мнѣ, смѣючись: Вы похожи на Жанну д'Аркъ, готовую идти на приступъ.

Первый актъ прошелъ довольно тихо. Актеръ, исполнявшій роль Густава, всегда хорошо былъ принятъ публикою, но малое участіе въ настоящемъ случаѣ партера объяснилось тѣмъ, что этотъ актъ былъ не интересенъ. Послѣ продолжительнаго антракта, началось второе дѣйствіе; пришла очередь и мнѣ явиться на сцену, въ роли Амеліи, жены любимца Анкастрема, которая ищетъ жилище ворожей, чтобъ достать любовный напитокъ, долженствующій излечить ее отъ пагубной страсти къ Густаву.

Едва показалась я на сценѣ, какъ была привѣтствуема громкимъ рукоплесканіемъ; хотѣли ободрить дебютантку. Я продолжала идти и кланяться; три новые взрыва рукоплесканій какъ громъ прогремѣли въ ушахъ. Я была оглушена и ослѣплена, лампы на авансценѣ дѣлали какъ бы свѣтлую завѣсу между публикою и мною, такъ, что за нею я ничего не могла разсмотрѣть. Въ первый разъ являлась я на сценѣ, и на сценѣ одного изъ первѣйшихъ театровъ въ свѣтѣ. Впро-

чемъ, я не смутилась, и если начала пѣть робкимъ голосомъ и приняла принужденное положеніе, такъ это потому, что оно соответствовало моей роли. Я умоляла ворожею о помощи. Лицо мое попеременно выражало ужасъ, любовь, отчаяніе. Ворожея велитъ мнѣ идти за городскія стѣны, на страшное мѣсто, гдѣ стоитъ висѣлица, чтобъ сорвать тамъ таинственную траву. Ужасъ овладѣваетъ мною, я колеблюсь и наконецъ рѣшаюсь. Въ ту минуту, какъ я оставляю сцену и бѣгу, бросается туда толпа народа, начинается хоръ, и роль моя въ этомъ актѣ кончена.

Послѣ короткаго антракта поднимается завѣса. Театръ представляетъ пустое мѣсто. Нѣтъ ни одной хижинки, ни одного деревца! Посреди сцены возвышаются два столба, обросшіе мохомъ, вершины ихъ соединены желѣзною перекладиной: это висѣлица. Я медленно приближаюсь, чтобъ отыскать въ этомъ страшномъ уединеніи очарованную траву, имѣющую силу забвенія. О! еслибъ эта трава существовала! Еслибъ я могла ее найти! Всѣ зрители сочувствуютъ мнѣ, храня глубокое молчаніе. Въ речитативѣ, которымъ начинается актъ, я испрашиваю помощи свыше; звуки голоса моего кажутся блуждающими и теряются въ пространствѣ; я иду впередъ, отступаю, опять подхожу и наклоняюсь наконецъ, чтобъ сорвать роковую траву, растущую у подножія одного столба. Въ отдаленіи бьетъ полночь. Тщетно стараюсь я сорвать эту траву. Я люблю еще! О небеса! помогите мнѣ! Что дѣлать, сорвать-ли зелье или умереть. Но что я вижу? Густавъ!

Тутъ начинается высоко-драматическая сцена, борьба между любовью и добродѣтелью, между долгомъ и сердцемъ. Завѣса опускается послѣ цѣлаго дожда букетовъ. Лампы меня уже не ослѣпляютъ; я вижу восторженныхъ зрителей, всѣ мнѣ рукоплещутъ, и даже самъ императоръ.

— Какой колоссальный успѣхъ! вскричалъ директоръ, болѣе меня торжествующій. Пьеса была поставлена съ большою пышностью. Никогда дворецъ нашего герцога не былъ такъ освѣщенъ, какъ здѣсь бальная зала въ третьемъ актѣ. Какая перспектива, какая богатѣйшая колоннада! какое разнообразіе блистательныхъ костюмовъ! И эти странныя маски, въ черномъ бархатѣ, атласѣ и парчахъ, которыя я впервые видѣла, онѣ меня страшатъ! Онѣ несутся въ бѣшеномъ галопѣ, составляютъ адскій хороводъ. Вездѣ удовольствіе, нѣга, упоеніе! Я вступаю съ одной стороны на сцену, Густавъ съ другой. Но одно домино стало за мною въ кулисахъ; оно провнесло мое имя, голосъ этотъ проникъ насквозь мое сердце, голова кружится. Лампы опять ослѣпляютъ меня; я лишаюсь чувствъ; Густавъ бросается и едва успѣваетъ поддер-

жать меня. Къ досадѣ публики, которая приписываетъ эту неожиданную развязку впечатлѣніямъ перваго моего дебюта, занавѣсь преждевременно опускается.

VIII.

Послѣ этого происшествія, многіе дни въ моей жизни остаются бѣлыми страницами. Жесточайшая горячка овладѣла мною; я была попеременно или въ сильномъ бреду, или въ совершенномъ забытіи. Однажды мнѣ показалось, что я пробуждаюсь отъ долгаго сна, послѣ страшныхъ сновидѣній. Я попробовала встать, но не имѣла силы. Посмотрѣла вокругъ себя; у постели моей стоялъ столикъ съ стеклянками лѣкарствъ. Огонь въ каминѣ распространялъ пріятную теплоту въ комнату; спущенныя шторы едва пропускали дневной свѣтъ. Я поняла, что была больна, и все мнѣ пришло на память разомъ, капелла герцога, домъ еврея Исаака, опера, сцена на балѣ Густава. Слезы брызнули изъ глазъ.

Отворилась дверь, вошла на ципочкахъ женщина. Она была молода, съ пріятнымъ лицомъ, свободно говорила по-французски и по-нѣмецки.

— Мадамъ проснулась? сказала она. Какъ себя чувствуетъ мадамъ? сегодня вамъ кажется лучше?

— Да, мнѣ лучше. Но скажи, пожалуйста, ты за мною ходишь? какъ зовутъ тебя?

— Луизой. Слава Богу, вы пришли въ чувство, но не надо много говорить, докторъ запретилъ.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, Луиза, давно ли я больна?

— Десять дней, мадамъ, теперь уже одиннадцатый; но теперь вы спасены. Докторъ такъ сказалъ; онъ только не велѣлъ вамъ говорить. И Луиза положила себѣ на губы палецъ, надо было слушаться доктора. Смышленная дѣвушка приложила къ вискамъ моимъ компрессы, сѣла подлѣ меня и начала вязать. Я скоро заснула и проснулась, когда пріѣхалъ докторъ. Это былъ молодой человекъ, умной и пріятной наружности. Онъ увѣрилъ меня, что я нахожусь внѣ опасности, но совѣтовалъ беречься и быть спокойной духомъ и тѣломъ, по крайней мѣрѣ, сколько можно, прибавилъ онъ.

— Вы слышали, сказала Луиза, когда онъ ушелъ, вамъ теперь нечего опасаться. Чтобъ успокоить васъ, я расскажу въ трехъ словахъ все, что случилось послѣ дебюта вашего въ оперѣ. Мадамъ имѣла успѣхъ неслыханный, но вдругъ чего-то испугалась, вскрикнула и ли-

шила чувствъ. Васъ принесли домой, сдѣлалась страшная горячка: у васъ были жесточайшіе припадки. Всѣ сомнѣвались въ вашемъ выздоровленіи, выключая одного друга.

— Какого друга, Луиза, какого друга?

— Вашего друга, который по четыре раза въ день приходилъ навѣдываться о вашемъ здоровьи. Бѣдный господинъ, пока была опасность, онъ старался показывать свойственную мужина твердость, но когда сегодня поутру ему сказали добрую новость, залился слезами.

Я молчала отъ удивленія. Стало быть, у него есть сердце, есть слезы. Стало быть, онъ раскаивается и меня любитъ!

— Я должна еще признаться, продолжала Луиза. Когда всѣ отчаялись, бѣдный господинъ такъ умолялъ меня позволить ему въ послѣдній разъ взглянуть на лицо ваше, что я немогла ему отказать. Онъ упалъ на колѣна, прижималъ къ губамъ горящую вашу руку. Боже мой! Вы плачете, а докторъ предписалъ спокойствіе!

— Эти слезы мнѣ не вредны, Луиза. И я говорила правду, потому что это были слезы радости. Такъ я поторопилась осудить Теодора! Онъ молодъ, былъ, можетъ быть, безразсуденъ, не зная меня; но любовь развѣ не можетъ сдѣлать его другимъ человѣкомъ. Сколько бываетъ такихъ превращеній! Сцена съ жидомъ была просто комедія. Какъ новый Донъ-Жуанъ, онъ показывалъ себя хуже, чѣмъ былъ дѣйствительно. Исхитить его изъ пропасти не будетъ ли самымъ лучшимъ торжествомъ для женщины!

Луиза не говорила мнѣ ничего болѣе. Вѣрная приказанію, она прикладывала палецъ къ губамъ своимъ, какъ только замѣчала, что я хочу съ нею заговорить.

Я опять заснула, ласкаемая пріятными сновидѣніями. Выздоровленіе шло быстро. Между цвѣтами, которые приносились въ комнату придверникомъ, я получала каждый день по большому букету фіалокъ, аромат которыхъ напоминалъ мнѣ жизнь деревенскую. Ахъ! съ какимъ бы удовольствіемъ удалась я въ какое нибудь уединенное мѣсто и жила тамъ, если нужно, въ положеніи даже близкомъ къ бѣдности! Но нѣтъ, я не оставлю театра; я заплачу долги Теодора, сдѣлаю его богатымъ и приобрѣту права на всегдашнюю его признательность. Зачѣмъ же онъ медлитъ испросить себѣ прощеніе?

Однажды поутру Луиза сказала мнѣ улыбаясь: другой господинъ приходилъ вчера навѣдываться о васъ, кажется, онъ также живо интересуется вами.

— Ты видѣла его, Луиза?

— Нѣтъ, но мальчикъ въ этомъ домѣ, Августъ, его видѣлъ и, если мадамъ желаетъ, то можно спросить о примѣтахъ.

— Совѣмъ не нужно, Луиза. Не сказалъ ли онъ, что опять придетъ?

— Да, сказалъ, что придетъ завтра.

— Это долженъ быть директоръ оперы.

Въ какое затрудненіе невольно я его поставила. Если онъ придетъ, я его приму и надѣюсь, что скоро буду въ состояніи выполнить мое обязательство.

Такъ я надѣялась; но докторъ, съ которымъ я объ этомъ говорила, покачалъ головою. По его словамъ, надлежало быть какъ можно осторожнѣе. Прекрасный голосъ—это сокровище, но сокровище хрупкое, какъ кристаллъ. Можетъ быть, долго еще вамъ нельзя будетъ и помышлять о театрѣ.

Нимало не страшась предувѣдомленій доктора, я рѣшилась въ тотъ же день сѣсть за фортепьяно.

— Вчерашній красивый господинъ пришелъ, сказала мнѣ Луиза.

— Какой красивый господинъ?

— Да, я его видѣла, онъ дожидается внизу и желаетъ представиться вамъ.

— Но добрый господинъ, который каждый день приходилъ о мнѣ навѣдаться и который стоялъ на козлахъ у моей постели, развѣ онъ не молодъ и не хорошъ собою, Луиза?

— Это былъ не молодой уже человекъ, мадамъ. Когда онъ узналъ, что вы поправляетесь, онъ сталъ приходитъ рѣже и не спрашивалъ болѣе позволенія васъ видѣть.

Какое жестокое разочарованіе! Стало быть, не Теодоръ принималъ во мнѣ такое живое участіе. Всѣ воздушные замки моихъ надеждъ рассыпались; но можетъ быть, не онъ ли приходилъ вечеромъ и не его ли называла Луиза красивымъ господиномъ.

— Прости, сказала я.

Это былъ дѣйствительно баронъ. Онъ взялъ мои руки и обещалъ ихъ поцѣлуями; онъ бросилъ все, чтобъ слѣдовать за мною, отказался отъ должности оберъ-штаммейстера и даже впалъ въ немилость герцога.

— Мнѣ кажется, что будто я пробуждаюсь отъ долгаго сна, отвѣчала я. Въ продолженіе моей тяжкой болѣзни и безнамятства, одинъ человекъ безпрестанно приходилъ обо мнѣ навѣдываться и, судя по словамъ людей, предпочиталъ мою жизнь своей собственной; но это были не вы, господинъ баронъ?

Теодоръ закусилъ губы, пришелъ въ замѣшательство и обна-

ружилъ какъ бы ревность къ таинственному посѣтителю. Потомъ, громко захохотавъ, что показалось мнѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ довольно страннымъ:—А, понимаю теперь эту загадку, вскричалъ онъ. Это былъ директоръ оперы. Ваша внезапная болѣзнь разстроиваетъ все его планы, подрываетъ репертуаръ и сокращаетъ сборъ. Позвольте поздравить васъ съ безпримѣрнымъ успѣхомъ. Въ Вѣнѣ только и говорить о васъ. Опера васъ ждетъ, чтобы воскреснуть.

— Тщетно ждетъ она меня, отвѣчала я холоднымъ тономъ. Разговоръ его снялъ съ глазъ моихъ повязку, которую такъ долго безумная любовь не раскрывала. Очевидно, баронъ болѣе занятъ былъ пѣвицею, чѣмъ женщиною.—Я умерла, государь мой, сказала я, навсегда умерла для театра; голосъ мой пропалъ.

Онъ притворился, что принимаетъ этотъ громовый для него ударъ, разрушавшій все его планы, равнодушно. Можетъ быть, онъ сначала подумалъ, что я хочу испытывать, точно ли онъ меня любитъ. Но голосъ мой, въ самомъ дѣлѣ, былъ потерянъ. Послѣ докторскаго визита, я сѣла за фортепьяно и попробовала пѣть. Все кончено! Я не могла взять ни одной ноты! Инструментъ разбился!

Тщетно баронъ старался скрыть свою досаду, когда увидѣлъ, что я говорю серьезно.

— А впрочемъ, что же за бѣда? сказалъ онъ. Вашъ голосъ могъ меня очаровывать, какъ очаровывалъ онъ публику, но, вѣдь я люблю васъ, одну васъ. Я возвращаюсь въ Шварценфельденъ, чтобы привести мои дѣла въ порядокъ. Я буду просить миссиі за границу, чтобы сдѣлать васъ посланницею. Если вы не можете пѣть роль, ничто не препятствуетъ вамъ ее разыгрывать.

— Господинъ баронъ, оставимъ остроты и не будемъ болѣе говорить ни о роляхъ, ни о театрѣ. Вы меня забудете, не прибѣгая къ очарованной травѣ Густава.

— Позвольте мнѣ явиться завтра, сказалъ онъ; я все тотъ же, надѣюсь, что и вы не перемѣнились.

— Безполезно будетъ, отвѣчала я: пѣвица потеряла свой голосъ, молодая дѣвушка сдѣлалась старухой, старухой отъ опытности и разочарованія.

Нужно ли прибавлять, что *прекрасный* господинъ, какъ называла его Луиза, на другой день не возвращался? Правду сказать, я его и не ожидала. Напротивъ, я дала приказаніе принять *добраго* господина, какъ скоро онъ явится. Но и этотъ не показывался. Я получила только письмо отъ Штольберга, онъ меня извѣщалъ, что оставилъ Вѣну, когда узналъ, что я уже внѣ опасности, и сѣшилъ къ своей должно

сти начальника капеллы. Въ случаѣ, если здоровье мое заставитъ меня отказаться отъ театра, онъ просилъ меня не забывать старинныхъ друзей своихъ въ Шварценфельдѣ.

Вылечившись отъ безумной любви, я безъ сожалѣнія отказалась отъ славы. Бракъ по разсудку и по признательности сдѣлалъ меня во сто разъ счастливѣе, чѣмъ бы я была, вышедши замужъ за знатнаго господина, въ видѣ уплаты его карточныхъ долговъ?

КОРСИКАНСКАЯ КРОВЬ.

(Разсказъ Мери).

27 декабря 1830 года по дорогѣ, ведущей изъ Тулона въ Гіеры, проѣзжала дорожная карета. Хотя дорога была очень хороша въ это время года, лошади тащились шагомъ, и при первомъ ихъ намѣреніи итти поскорѣе, кучеръ удерживалъ ихъ. Счастливые обитатели этого мѣста смотрѣли почти безъ удивленія на этотъ едва движущійся почтовый экипажъ; они только меланхолически покачивали головой, какъ обыкновенно дѣлаютъ присутствующіе при погребальномъ выносѣ. Такое печальное зрѣлище очень часто представляется зимою по этой дорогѣ. Селеніе Гіеры есть послѣдній врачъ, съ которымъ совѣтуется безнадежный больной; и часто этотъ благоуханный Югъ, теплый и свѣтлый, принимаетъ умирающихъ Сѣвера и доставляетъ имъ или могилу, или здоровье.

Карета была открыта, потому что зима существовала только по календарю, и солнце, склоняясь за высокіе холмы, доставляло еще деревнѣ пріятную теплоту и тихую атмосферу, какъ въ самые лучшіе лѣтніе мѣсяцы. Пожилой путешественникъ занималъ одинъ глубину кареты; его блѣдное лицо, угасшіе глаза, неподвижное положеніе показывали до какой степени дошла его болѣзнь. На переднемъ мѣстѣ сидѣли очаровательная дама и ребенокъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Дама, казалось, погружена была въ глубокую печаль, и ея прекрасные глазки, мокрые отъ слезъ, не обратили ни разу вниманія на великолѣпные земли съ тысячами садовъ. На лицѣ ребенка выражалась понятливость свыше лѣтъ; онъ склонилъ свою головку на колѣно молодой дамы и не

чально смотрѣлъ на небо, какъ бы укоряя его въ томъ, что оно дало ему жизнь среди такихъ великихъ и безмолвныхъ горестей. — Гербъ этой фамиліи былъ нарисованъ на дверцахъ кареты: *крестъ съ попережниками на голубомъ полѣ*, съ надписью: *morio vivo*.

Карета остановилась у подошвы небольшой горы, гдѣ стоитъ гіерская больница; кучеръ сошелъ съ козелъ. Нѣсколько лакеевъ отворили ворота, и лошади пошли по апельсиновой аллеѣ и наконецъ остановились предъ крыльцомъ маленькаго домика, которой отдается въ наймы, какъ гласила надпись, которую еще забыли снять.

— Это графъ и графиня Санта-Кроче, сказалъ лакей сторожу, крестьянину, у котораго была въ рукахъ огромная связка ключей.

Крестьянинъ отворилъ двери и сказалъ нѣсколько словъ по-провансальски, которыя значили, что все готово для новыхъ жильцовъ. — Молодая дама и дитя сошли и остановились на крыльцѣ, чтобъ присутствовать при зрѣлищѣ еще болѣе печальномъ, чѣмъ представлявшіеся во время поѣздки. Два лакея съ большимъ усиліемъ подвигали знатнаго больнаго и отнесли его на постель. Все это было сдѣлано въ глубокомъ молчаніи. Молодая дама и дитя шли за этимъ, какъ бы погребальнымъ шествіемъ и сѣли возлѣ постели, удерживая рыданія.

Опытный наблюдатель замѣтилъ бы, что это мрачное уныніе въ семействѣ происходило не изъ одного общаго репертуара человѣческихъ горестей, и что была другая таинственная причина, кромѣ агоніи отъ семейства. Но какъ послѣдней причины было достаточно для объясненія и оправданія этой скорби, то сосѣди и пріѣзжіе и не разыскивали другихъ причинъ. Рѣшено было, что больной былъ знатный и богатый путешественникъ, пораженный чахоткою легкихъ въ послѣднемъ градусѣ, что онъ пріѣхалъ лечиться въ этотъ благорастворенный климатъ, и нанялъ хорошенкій домикъ, и что молодая дама, угнетаемая скорбію, въ слѣдствіе неизлечимыхъ страданій своего мужа, конечно не переживетъ его.

Главный врачъ гіерской больницы тотчасъ пріѣхалъ и хотѣлъ прежде знать все, что предшествовало болѣзни, а потомъ уже видѣтъ больнаго. Ему рассказали все въ подробности. Графъ Санта-Кроче 28 іюля 1830 года получилъ въ голову тяжелую рану, которая лишила его иногда разсудка, потому что была повреждена мозговая оболочка. Въ октябрѣ его разбило параличемъ, и съ этого времени здоровье его съ каждымъ днемъ становилось хуже и хуже. Первѣйшіе парижскіе врачи совѣтовали больному провести зиму въ Гіерахъ. Это обыкновенное лекарство, когда нѣтъ другаго.

Доктора провели въ комнату графа Санта-Кроче; жена его и сынъ вышли оттуда съ заплаканными глазами.

— Вы здѣшній докторъ? спросилъ графъ у медика голосомъ, прерывающимся на каждомъ слогѣ.

— Да, отвѣчалъ докторъ, и я пришелъ сдѣлать вамъ визитъ, какъ сосѣдъ—мой домъ на другой сторонѣ улицы.

— Я вамъ не заплачу визита, сказалъ графъ съ горькою улыбкой, по крайней мѣрѣ, въ этомъ мѣрѣ.

— Графъ, прежде всего нужно, чтобъ бодрость больнаго пришла на помощь врачу, намъ нужно....

— Докторъ, сказалъ больной, стараясь сдѣлать знакъ рукою, чтобъ прервать фразу, пожалуйста, ничего бесполезнаго, я васъ прошу. У меня довольно бодрости, чтобъ звать мое положеніе и не оболычать себя обманомъ.

— Однакожъ вы мнѣ позволите исполнить мой долгъ, графъ?

— Извольте.

— Докторъ открылъ окна, поднялъ шторы и осматривалъ больнаго съ спокойнымъ вниманіемъ, какъ будто какую нибудь даму, больную только воображеніемъ; потомъ съ улыбкой надежды и почтительнымъ жестомъ онъ сказалъ:

— Графъ, будете ли вы такъ добры сами къ себѣ, исполните ли вы все то, что я вамъ предпишу?

Странная улыбка была отвѣтомъ.

Докторъ, наклонясь къ постелѣ, ждалъ нѣсколько минутъ отвѣта, но не дождался; онъ поклонился и вышелъ. Графиня Санта-Кроче, сидѣвшая въ передней, подняла голову при шумѣ шаговъ доктора и спросила его выразительнымъ молчаніемъ.

Докторъ спросилъ бумаги и перо, писалъ нѣсколько времени, отдалъ приказанія старому лакею, стоявшему подлѣ госпожи своей, и, вмѣсто всякаго отвѣта на нѣмой вопросъ, онъ посмотрѣлъ на небо, сдѣлалъ жестъ, въ которомъ была и надежда, и отчаяніе, тотъ жестъ, который значить — Богъ великъ!

Ночью слуга вышелъ изъ комнаты больнаго и пришелъ сказать на ухо женѣ его, уснувшей въ креслѣ, что графъ спрашиваетъ сына:

Молодая дама вздрогнула, потому что ей показалось, что отецъ хотѣлъ въ послѣдній разъ видѣть свое дитя, и она не ошиблась.

По приказанію отца, ребенокъ былъ приведенъ въ его комнату, гдѣ и остался одинъ съ отцемъ.

— Сынъ мой, сказалъ Санта-Кроче, согрѣтый тѣмъ великимъ пламенемъ жизни, которое даетъ природа на нѣсколько минутъ умираю-

шимъ: дорогой сынъ мой, ты дитя по лѣтамъ, но ты уже почти человекъ по своей ранней энергїи и по волѣ. И такъ не плачь. Въ нашемъ семействѣ не плачутъ. Слезы текутъ только изъ женскихъ глазъ. Я скоро умру, или лучше сказать, стану жить въ тебѣ, потому что Санта-Кроче не умираютъ никогда, какъ говоритъ девизъ нашей фамиліи: *morto-vivo*... Слушай, сынъ мой, отвяжи отъ моего пояса письмо, которое моя слабая рука не можетъ подать тебѣ... Хорошо... Береги это письмо, какъ безцѣнное сокровище. Въ немъ кровь твоего отца. Ты будешь носить письмо это на груди своей до 21 года. Когда пробьетъ часъ твоего совершеннолѣтія, ты разлочишь мою гербовую печать и прочтешь то, что пишетъ графъ Санта-Кроче своему любезному и единственному сыну.

Ребенокъ поцѣловалъ съ почтеніемъ письмо, устремилъ неподвижно на постель свои черные глаза, горѣвшіе мрачнымъ огнемъ, и, склонясь на колѣна, поцѣловалъ руку отца; такимъ образомъ, онъ получилъ благословеніе, котораго не могъ ему дать умиравшій въ параличѣ.

Предъ восходомъ солнца, графъ Санта-Кроче испустилъ послѣдній вздохъ.

По смерти мужа, графиня Санта-Кроче была въ такомъ отчаяніи, какое рѣдко встрѣчается между вдовами. Она хотѣла-было тотчасъ же оставить этотъ печальный домъ, который былъ для благороднаго путешественника мѣстомъ смерти, но сильный нервный припадокъ не позволилъ ей выбрать другаго убѣжища, даже въ сосѣдствѣ. Нужно было оставаться въ этомъ печальномъ жилищѣ.

Когда женщины плачутъ, то часто трудно бываетъ узнать источникъ ихъ слезъ. Это какъ рѣка въ Египтѣ: видятъ всѣ, что она течетъ, но никто не знаетъ ея начала. Въ этомъ случаѣ, однакожъ, нельзя было ошибиться. Хорошенькіе глазки графини, которые горестъ увлажала еще прежде смерти графа, нашли новые слезы, чтобъ оросить его могилу, и, вечеромъ проходившіе по той террасѣ, гдѣ молодая вдова, погруженная въ свое горе, сидѣла, какъ статуя надгробнаго памятника, казалось, молились объ успокоеніи этого трогательнаго и безутѣшнаго отчаянія.

Знатные иностранцы, проживавшіе въ Гіерахъ, поспѣшили предложить вдовѣ свои услуги и карточки, но она не приняла никого, и осталась въ своемъ уединеніи. Она не хотѣла имѣть другаго утѣшителя, кромѣ своего сына, съ которымъ никогда не разлучалась. Всею зиму выздоравливающее и праздное общество этой страны только и толковало о невидимой вдовѣ; она сдѣлалась предметомъ всѣхъ разговоровъ; всѣ выраженія удивленія, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, были истощены

и графиня Санта-Кроче, одѣтая въ черное платье и покрытая прозрачнымъ вуалемъ, приходила въ церковь въ воскресенье, всѣ лица выражали уваженіе, а женщины-энтузиастки, не смѣя возвыситься до лица матери, чтобъ покрыть его поцѣлуями, цѣловали прекрасное дитя, которое она держала за руку.

Весна, по своему обыкновенію, провела всю зиму въ Гіерахъ, но когда объ ней объявлено было официально въ календарѣ, графиня Санта-Кроче отправилась въ Парижъ съ своимъ Леоніо (такъ звали ея сына), и остановилась тамъ въ улицѣ Кастильонъ. Жизнь, которую она вела здѣсь, мало отличалась отъ той, которую проводила она въ Гіерахъ. Только когда не было дождя, наша молодая и прекрасная вдовушка отправлялась въ Тюльрійскій садъ, находившійся недалеко отъ ея жилища. Она читала тамъ журналы, или смотрѣла какъ игралъ ея сынъ, и никогда не отвѣчала, даже самой невинной кокетливой позой на восторженные восклицанія молодыхъ людей, проходившихъ мимо одинокой женщины, одѣтой въ трауръ.

Безутѣшное отчаяніе никогда не кончается для сердець чувствительныхъ, но настаетъ день, въ который снимается траурное платье вдовы. Знатная дама ознаменовала эту новую въ ея жизни эру прекрасною, истинно материнскою мыслию. Сынъ ея, Леоніо, оставилъ давно свои занятія. Графиня, надѣвши первое свое цвѣтное платье, сказала ему:

— Сынъ мой, твое воспитаніе не кончено, а тебѣ будетъ уже скоро четырнадцать лѣтъ. Въ твоей родимой Корсикѣ въ эти лѣта бываютъ уже совершеннымъ человѣкомъ. Я завтра отведу тебя въ училище Генриха IV, ты опять примешься за свои занятія и будешь хорошо учиться, мой другъ.

— Матап, сказалъ Леоніо, я у тебя самъ прошусь учиться. Я потерялъ много времени и хочу его вознаградить. Ты будешь довольна мною; мой долгъ утѣшать тебя въ жизни, и я исполню его.

Потомъ онъ прибавилъ, цѣлуя нѣжно свою мать:

— Но по крайней мѣрѣ ты будешь иногда навѣщать меня?

— О, часто, отвѣчала мать, лаская его, очень часто, каждую недѣлю, и ты будешь приходить каждый мѣсяцъ.

— А во время вакаціи, матап, мы поѣдемъ въ Гіеры, мы будемъ класть вѣнки на могилу папа.

Мать поцѣловала сына въ другой разъ и позволила ему, въ ожиданіи училищной комнаты, которая должна была открыться передъ нимъ завтра, итти гулять въ Тюльри съ гувернанткой.

Прошло уже два года, какъ умеръ графъ Санта-Кроче, а одно-

образная жизнь вдовы нисколько не измѣнилась: она принимала только нѣкоторыхъ родственниковъ и удалялась отъ друзей. Въ день отпуска изъ училища, она водила своего сына въ публичныя сады, въ музеумы, въ театры, вездѣ, гдѣ можно было получить удовольствіе или научиться чему нибудь. Леоніо развивался удивительно: его гибкая талія, длинное и подвижное лицо, выдавшійся лобъ, увѣчанный черными, разбросанными волосами, его глаза корсиканскаго горца, гордая поступь, быстрыя и вмѣстѣ съ тѣмъ важныя движенія, все возвышало въ немъ зародыши неукротимыхъ страстей, которыя должны были бы созрѣть вмѣстѣ съ возрастомъ, еслибъ образованіе не перевѣшивало первоначальной природы умомъ, разсудкомъ и размышленіемъ. Такова была надежда матери. Матери всегда надѣялся.

Однажды, въ день отпуска, гувернантка привела изъ училища молодого Леоніо домой. Входя въ залу, чтобъ поздороваться съ матерью, Леоніо встрѣтилъ незнакомца, сидѣвшаго передъ каминомъ и хотѣвшаго поцѣловать его.

— Ты не знаешь этого господина, сказала мать, это графъ Вильфридъ Т***, старинный другъ нашего семейства, онъ пріѣхалъ изъ Лондона.

Графу Вильфриду было, по видимому, лѣтъ тридцать; его осанка, лицо и обращеніе были безукоризненны; у него была та особенная кротость во взглядѣ и голосѣ, которая привлекаетъ дѣтей и привязываетъ ихъ. Леоніо поднялъ высоко свою правую руку и быстро опустилъ ее на руку графа, который прижалъ ее къ груди и поцѣловалъ его.

Какой у васъ красавецъ сынъ, графиня, сказалъ графъ Вильфридъ. Не зная лѣтъ его молодой матери, ему можно было дать лѣтъ восемнадцать... Ну, Леоніо, что ты хорошаго изучаешь въ своемъ училищѣ?

— Все, отвѣчалъ Леоніо, продолжая играть рукою своего собесѣдника.

— Все!.. это ужъ слишкомъ много, мой другъ.

Ты будешь слишкомъ много знать. Какого латинскаго автора ты теперь переводишь?

— Виргилія, вторую книгу.

— И тебя это очень занимаетъ, конечно?

— Да, потому что тамъ много сраженій.

— И славныхъ сраженій, мой другъ! «*Fraeti bello, fatisque repulsi*».

— Эге, вы такой старый, и еще помните!

— Какой старый? сказала графиня, засмѣявшись: графъ еще молодой человекъ.

— Молодой, молодой... сказалъ Леонію, у него ужъ есть сѣдые волосы, и много.

— Это потому, что графъ перенесъ много огорченій, сказала его мать серьезно.

— Ахъ, какой вздоръ! закричалъ Леонію, отъ огорченій сѣдые волосы? Если такъ, то отчего жъ у меня ихъ нѣтъ? а у меня столько огорченій въ училищѣ! Вчера еще у меня былъ споръ съ профессоромъ... Будьте судьею, графъ, между имъ и мною, потому что вы не забыли *Виргилія*, какъ вы ни стары... Какъ вы переведете это: *reg amicum silentiam lunae*?

— Я переведу, мой другъ, какъ должно перевести... то есть, что греки воспользовались благопріятнымъ отсутствіемъ луны, чтобъ уйти изъ Тенедоса и пристать къ берегамъ Трои. При свѣтѣ луны имъ бы не удалось это: ихъ замѣтили бы.

Леонію захопалъ въ ладоши, затопалъ отъ радости ногами, вспрыгнулъ на шею графу Вильфриду и покрылъ его поцѣлуями. Лицо прекрасной вдовы сіяло счастьемъ.

— *Vivat!* закричалъ Леонію, вы достойны самой лучшей награды, графъ! Завтра я беру васъ за цѣпочку вашихъ часовъ и, не смотря ни на что, стащу васъ въ училище, чтобъ вы повторили ваше объясненіе моему профессору. Онъ хочетъ меня увѣрить, что это значитъ: *при свѣтѣ покровительствующей луны*, и грозилъ мнѣ карцеромъ, если я буду утверждать противное. Васъ вѣдь онъ не накажетъ, графъ Вильфридъ?

— Я пойду, мой другъ, съ тобою.

— И будете говорить съ моимъ профессоромъ?

— Э, Боже мой, ужъ конечно, если обѣщаю; ты увидишь, боюсь ли я его.

— Я сказалъ моему профессору: какъ вы хотите, чтобъ греки, желавшіе неожиданно захватить городъ, были такъ глупы, чтобъ выбрали лунную ночь. Я не грекъ, а и то на всю послѣднюю четверть отложилъ свое путешествіе въ одинъ садъ, гдѣ я хотѣлъ нарвать плодовъ, я все ждалъ, когда совѣмъ луны не будетъ, чтобъ исполнить свое намѣреніе. Тогда знаете ли вы, что мнѣ отвѣчалъ профессоръ?

— Нѣтъ, мой другъ.

— Онъ наказалъ меня за эти плоды.

— Конечно, мой другъ, ты виноватъ въ этомъ случаѣ.

— Ахъ, графъ, сказалъ восхищенный Леонію, какъ вы справедливы и добры! и какъ я васъ стану любить! Вы также знаете греческій языкъ, какъ и латинскій?

— Да, дитя мое.

— Ахъ, вы чудо, что такое!.. Я вамъ признаюсь откровенно: мнѣ и училище наскучило. Но хотите ли вы быть моимъ профессоромъ? Я не буду оставлять больше свой домъ и папан.

— Но мой Леоніо, сказалъ графъ, все это легко можетъ быть. Посмотримъ, что скажетъ объ этомъ намѣреніи твоя прекрасная папан?

— О, папан сдѣлаетъ все, что я захочу.

— Что такое вы говорите, сударь? сказала графиня, трепля своего сына по щекѣ.

— Слушай, Леоніо, сказалъ графъ Вильфридъ, приглаживая растрепанные волосы дитяти, ты очень скучаешь въ училищѣ, правда?

— Да, графъ.

— А если бъ я приказалъ твоей матери взять меня профессоромъ, что ты сказалъ-бы?

— Приказать! пробормоталъ Леоніо, смотря на свою мать во все глаза, приказать!... и моя мать молчить!..

— Ты меня очень любишь, не правда-ли Леоніо? сказалъ графъ съ невыразимою кротостью.

— О, да! графъ Вильфридъ, вскрикнулъ Леоніо, какъ бы обвороженный добродушнымъ взглядомъ своего собесѣдника.

— Ты меня принимаешь профессоромъ?.. Да... очень хорошо... Черезъ два года ты хочешь поступить въ Сен-Сиръ?.. Да... еще лучше: я обещаю помѣстить тебя туда, какъ только ты кончишь свои занятія со мною.

Леоніо цѣловалъ графа за каждой фразой.

— Ты видишь, что я хочу много для тебя сдѣлать... Я позволю тебѣ выйти изъ училища; буду учить тебя латинскому языку, греческому, фехтованью и верховой ѣздѣ; помѣщу тебя въ Сен-Сиръ, а прежде всего женюсь на твоей матери и сдѣлаюсь твоимъ добрымъ папашей.

Ребенокъ подскочилъ у графа на колѣняхъ, и мать покрыла его поцѣлуями.

— Вы женитесь на моей матери!.. вскричалъ Леоніо, хлопая руками, поджавши ихъ выше головы. А когда вы женитесь?

— Завтра, мой другъ.

— Вотъ новость! воскликнулъ Леоніо. Я никогда не видалъ свадьбы, и это меня очень займетъ. Ахъ, да, скажите мнѣ пожалуйста, развѣ вдовы могутъ выходить замужъ?

— По истеченіи законнаго срока, мой другъ, когда онѣ молоды и хороши, то всегда выходятъ замужъ.

— Ну, ужъ должно быть можно, сказалъ Леоніо, когда вы такъ дѣлаете.

— Поцѣлуй меня, дитя мое, сказалъ графъ, оставляя свое кресло; наканунѣ свадьбы у жениха много бываетъ дѣлъ. Прощай, ты не пойдешь сегодня въ училище, ты свободенъ навсегда... Я иду къ Морелю, къ брильянщику.

Бывши примѣрною вдовой въ Гіерахъ, графиня Санта-Кроче, сдѣлавшись графиней Вильфридъ Т***, стала примѣрною супругой въ улицѣ Кастильонъ. Никто не видалъ брака счастливѣе этого; счастье, такъ часто изгоняемое нотаріусами, какъ будто подписалось на этомъ контрактѣ, какъ непремѣнный членъ. Медовый мѣсяцъ завѣщалъ свое вліяніе на бракъ слѣдующему мѣсяцу, и эта передача совершалась при перемѣнѣ каждаго мѣсяца. Правда, что всѣ элементы брачнаго счастья были соединены въ этомъ домѣ: роскошь дѣлала его похожимъ на земной рай. Цвѣты искусственные и натуральные очаровывали взоры. Изумрудныя, сафирныя, пурпуровыя и золотистыя птички шѣли въ клеткахъ за серебряными рѣшетками. Превосходныя картины, представлявшія сцены изъ счастливой жизни, покрывали стѣны, а огромныя зеркала, отражавшія веселыя лица обоихъ супруговъ, говорили имъ въ тысячѣ отвѣтахъ, что они были счастливы.

Но мрачное облако затмило этотъ прекрасный супружескій горизонтъ. Счастье, какъ и человѣческое тѣло, имѣетъ свои болѣзни.

Леоніо Санта-Кроче, благодаря отеческимъ заботамъ и урокамъ графа Вильфрида, сталъ вполне юношею. Образование сгладило природную грубость его характера, а суровое выраженіе во взглядѣ дитяти мало по малу приняло выраженіе кротости, что такъ радовало его мать. Кончивши свои частныя занятія, Леоніо оставилъ отеческій домъ, полный самыхъ драгоценныхъ воспоминаній, чтобъ поступить въ военную школу. Разставанье было ужасно. Повседневный домашній праздникъ, ниспосланный небомъ тремъ счастливымъ, былъ вдругъ прерванъ. Этотъ гармоническій треугольникъ терялъ одну изъ своихъ сторонъ. Графъ Вильфридъ проводилъ самъ своего усыновленнаго сына въ Сен-Сиръ, и Леоніо, ожидавшій этой послѣдней минуты, чтобъ высказать всю признательность своему второму отцу, присовокупилъ къ трогательнымъ словамъ благодарности и прощальныя слезы.

Вечеромъ въ тотъ же самый день, графъ и графиня Вильфридъ отправились въ свои нормандскія помѣстья, куда призывали ихъ тяжбы дѣла. Тяжбы доставляютъ развлеченіе скучающимъ богачамъ. Адвокаты-филантропы, которые знаютъ неизлечимую болѣзнь, подѣляющую жизнь богатаго человѣчества, и которые посвящаютъ се-

бя гербовой бумагѣ, чтобъ продолжать существованіе богатыхъ несчастливцевъ, осужденныхъ проводить тяжелые часы, неуслаждаемые сномъ. Графъ Вильфридъ встрѣтилъ въ древнемъ отечествѣ тяжбы одного изъ такихъ филантроповъ, который, считая его пораженнымъ сплиномъ въ высшемъ градусѣ, хотѣлъ его лечить великодушно и увѣковѣчилъ нормандскую тяжбу. Протекали дни и мѣсяцы, унося съ собою вихри старыхъ бумагъ и волны потерянныхъ словъ. Графъ не былъ въ разрядѣ тѣхъ, которые лечатся подобными лекарствами, но такъ какъ для него нельзя было сдѣлать исключенія, то и онъ принужденъ былъ подвергаться бесполезнымъ замедленіямъ, какъ самый опасный больной подобною болѣзнию. Стунивши одною ногою въ терніе тяжбъ, онъ высвободилъ ее оттуда только по прошествіи двухъ лѣтъ, и то по одному, чрезвычайно странному случаю.

Леонію, предоставленный самому себѣ, выходилъ каждое воскресенье и предавался парижскимъ развлеченіямъ, свойственнымъ его возрасту. Однажды онъ шелъ какъ-то по бульвару Капуциновъ, съ пламеннымъ желаніемъ поскитаться, какъ вдругъ онъ увидѣлъ карету, изъ которой выглядывалъ бѣломраморный лобикъ, украшенный двумя прекрасными глазками. Не разъ, конечно, въ Парижѣ случалось Леонію видѣть очаровательныя личика и прекрасныя глазки, но онъ на нихъ бросалъ взглядъ самаго обыкновеннаго любопытства, какъ и должны дѣлать серьезные и ученые молодые люди, которые понимаютъ, что сумасбродная страсть можетъ отвлечь ихъ отъ обязанностей и уничтожить ихъ карьеру въ самомъ ея началѣ. Если на этотъ разъ, впрочемъ по выходѣ уже изъ Сенсирской школы онъ былъ не такъ остороженъ и позабылъ свои правила благоразумія, то это потому, что въ этой встрѣчѣ было что-то непреодолимо-увлекательное. Часто въ двухъ взглядахъ, брошенныхъ на-лету, бываетъ какой-то таинственный обмѣнъ лучей сочувствія, которые въ ту же минуту оковываютъ двухъ увлеченныхъ рокомъ и не позволяютъ имъ въ настоящемъ разсматривать ихъ будущее.

Леонію легко было преслѣдовать карету, потому что она ѣхала шагомъ и миновавъ церковь св. Магдалины, остановилась предъ огромнымъ домомъ въ улицѣ Тронше. Три дамы сошли на тротуаръ и разговаривали нѣсколько времени, отдавая, въ промежуткахъ разговора, приказанія лакею и кучеру; это дало возможность проходившему мимо нихъ Леонію разсмотрѣть получше мимолетное видѣніе на бульварѣ. Это была молоденькая дѣвушка, лѣтъ 16-ти, не больше, красота которой неограничивалась одною головкой, но блистала во всемъ. Нашъ молодой человѣкъ во второй разъ почувствовалъ магнитическую искру

нѣжнаго взгляда. Этотъ взглядъ, казалось, сказалъ ему: «не ищи больше, молодой человекъ, Богъ меня создалъ для тебя».

Санта-Кроче дошелъ ужъ до улицы Невъ-де-Матюрень и, предполагивъ, что дамы уже вошли, опять вернулся въ улицу Тронше взглянуть на номеръ дома, потому что ослѣпленные глаза его, устремленные на одинъ дивный предметъ, не видали ничего вокругъ. Номеръ врѣзался въ его памяти такъ, что онъ не забылъ бы его и черезъ тысячу лѣтъ. Вечеромъ ему нужно было отправиться на Версальскую желѣзную дорогѹ и возвратиться въ Сен-Сиръ, откуда онъ уже былъ выпущенъ съ первымъ офицерскимъ чиномъ.

Онъ одѣтъ съ изящнымъ вкусомъ; граціозенъ, гибокъ; въ немъ есть та свобода и ловкость движеній, которая пріобрѣтается молодымъ человекомъ гимнастическими упражненіями; у него гордое и блѣдное лицо, черные глаза; взглядъ его полонъ гордости... Дайте дорогу молодому корейканцу, вступающему на поприще жизни!

Леоніо замѣтилъ въ улицѣ Тронше кабинетъ для чтенія, находившійся, по счастью, противъ самаго обожаемаго номера. Онъ учредилъ тамъ свою генеральную квартиру для наблюденій. Его разсужденія были довольно вѣрны для новичка въ любви. Въ этомъ домѣ, говорилъ онъ самъ себѣ, три дамы; одна изъ нихъ навѣрно обонирована на чтеніе, иначе что жъ было бы дѣлать богатымъ дамамъ, еслибъ онѣ не читали, особенно теперь, когда всѣ читаютъ романы. Слѣдовательно, если я засяду здѣсь въ гарнизонъ, то долженъ буду получить достовѣрныя свѣдѣнія о живущихъ въ сосѣднемъ домѣ; во всякомъ случаѣ мнѣ нельзя терять много времени, потому что графъ Вильфридъ и мать ждутъ меня въ Нормандіи; поэтому нужно брать штурмомъ.

Событіе оправдало предположеніе.

Онъ усѣлся предъ зеленымъ столомъ, покрытымъ безконечными журналами, возлѣ бюро самой хозяйки, и благословлялъ новый размѣръ газетъ, который позволялъ влюбленному провести двѣнадцать часовъ въ кабинетѣ для чтенія, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія. Эта выгода новаго формата не была предвидѣна редакторами, а съ этого времени форматъ журналовъ еще болѣе увеличился.

Въ первый день горничныя и лакеи одинъ за другимъ приходили въ магазинъ перемѣнять книги; Леоніо слѣдилъ глазами за всѣми по ихъ выходѣ, но никто изъ этихъ пословъ не отворилъ двери сосѣдняго номера. На другой день вошелъ грумъ, въ красномъ жилетѣ и въ сапогахъ съ отворотами, и положилъ двѣ книги на конторку.

— Какъ фамилія? спросила хозяйка кабинета.

— Маркиза Блешанъ.

— Ахъ, да!.. это изъ того дома, что напротивъ... Вы возвращаете *Лилію въ долину* Балзака; у васъ остался *Medecin du Pecc* Гозлана, такъ?

— Да-съ, я принесу его завтра; маркиза отдала его mademoiselle Октавіи, у которой онъ и пробудетъ до нашего отъезда. Мы ѣдемъ въ среду. Нѣтъ-ли у васъ для маркизы и ея сестры *Мушкетеровъ* Дюма?

— Взяты.

— *Докторъ Гербо*, Жюль Сандо?

— Взять... Теперь очень много читають, и у насъ не остается ничего хорошаго... Но вотъ романъ, за который меня многіе благодарили.

Онъ взялъ съ презрительнымъ видомъ два тома и вышелъ. Вздвонанный Леоніо слѣдилъ за нимъ взоромъ и видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ домъ въ улицѣ Тронше.

Черезъ нѣсколько времени онъ небрежно всталъ, какъ читатель, подавленный тяжестью столбцевъ, имъ прочитанныхъ, и, бросая деньги на бюро для расплаты, сказалъ:

— Лакей, который сейчасъ вышелъ, вѣрно служить у порядочныхъ господъ?

— О, у очень хорошихъ. Дамы приходятъ иногда сюда и обходятся со мною фамиліарно, по сосѣдски. Самъ-то онъ по-гордѣе; маркизъ всегда въ тяжбѣ съ сосѣдами.

— Маркизъ Блешанъ, отецъ mademoiselle Октавіи?

— Онъ самый. Это человекъ чрезвычайно страннаго характера. Послѣдній мѣсяцъ онъ выигралъ двѣ тяжбы: одну съ газовымъ правленіемъ, другую съ Бенедикомъ, продавцемъ лошадей, и онъ былъ сорокъ разъ виноватъ въ этихъ обоихъ дѣлахъ. Это ему нравится. Еслибъ онъ узналъ, что я дала *Мушкетеровъ* Дюма этимъ дамамъ, то онъ со мной завелъ бы тяжбу. Посчастію, онъ теперь въ деревнѣ.

— Какой скучный у васъ сосѣдъ! А этотъ домъ его?

— Да. У него есть еще домъ въ другой улицѣ.

— Извините, я заставляю васъ терять время; честь имѣю кланяться. До завтра.

И Леоніо вышелъ, чтобъ обдумать новый планъ. Онъ былъ одаренъ тѣмъ упрямствомъ, которое островитянинъ перенимаетъ отъ оте-

чественной своей скалы; онъ смѣялся надъ препятствіями; ему нрави-лось превозмогать ихъ.

Въ среду, на разсвѣтѣ, берлинъ, запряженный двумя лошадьми, остановился на углу улицы Каstellянь. Леоніо Санта-Кроче, помѣстившись подъ выдающимся сводомъ воротъ, въ дорожномъ платьѣ, слѣдилъ изъ этого мѣста, удобнаго для наблюденій, за всеми движеніями въ домѣ Блешанъ. Въ шесть часовъ кучеръ отворилъ конюшню, и два полусонные лакея принялись за дорожную карету и показывали видъ, будто осматриваютъ колеса и рессоры. Вскорѣ на фасадѣ открылись два окна, какъ два глаза на проснувшемся лицѣ. Двѣ бѣленькія ручки мелькнули между складками шторъ; горничная вытрясла на пустынную улицу легкое мантилье изъ чернаго атласа, а грумъ поставилъ у воротъ нѣсколько картоновъ.

Нечего болѣе сомнѣваться: ѣдутъ. Четыре почтовые лошади показались изъ-за бульвара, и кучеръ искалъ нумера въ улицѣ Тронше.

Леоніо сѣлъ въ берлинъ и отдалъ необходимыя приказанія своему кучеру, который все понялъ еще прежде приказанія.

Дѣло было очень просто для кучера Леоніо: нужно было ѣхать слѣдомъ за каретой путешественницъ, все на одинаковомъ разстояніи, до первой станціи и привести оттуда лошадей назадъ въ Парижъ. Леоніо долженъ былъ продолжать свое путешествіе на почтовыхъ, не зная, гдѣ кончится его поѣздка.

Обѣ кареты отправились на разстояніи шаговъ пяти сотъ другъ отъ друга, и Леоніо старался постоянно сохранять это разстояніе между преслѣдователями и преслѣдуемыми. Въ тотъ же день вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, первая карета остановилась передъ рѣшеткой парка, при подошвѣ горы, возлѣ которой, за Больбекомъ, раздѣляются дороги Гаврская и Діенская. Леоніо замѣтилъ мѣстность и поѣхалъ въ Гавръ.

Въ этотъ счастливый возрастъ, въ которомъ ни въ чемъ не сомнѣваются, кромѣ возможнаго, Леоніо хотѣлъ испытать рѣшительный ударъ, и, не разсчитывая ни на кого, кто бы могъ его представить въ замокъ маркизы Блешанъ, самъ рѣшился представиться, вооружившись своею ловкостью и умомъ.

На другой день Леоніо сошелъ съ лошади передъ рѣшеткой парка Блешанъ, и велѣлъ доложить о себѣ подъ собственнымъ своимъ именемъ, графа Санта-Кроче. Время было какъ нельзя лучше выбрано для этого посѣщенія, или, лучше сказать, нападенія. Дамы, усѣвшись на террасѣ, съ вышиваньемъ въ рукахъ, умоляли судьбу послать имъ

какое нибудь пріятное развлеченіе въ этотъ часъ, когда, среди дня, деревня представляется во всей своей скукѣ. Для читательницъ романовъ объявленіе о посѣщеніи графа Леоніо Санто-Кроче было уже хорошимъ предзнаменованіемъ, и ожиданное пріятное развлеченіе облечено было въ новую прелесть, когда, вслѣдъ за именемъ, явился прекрасный молодой человѣкъ. Маркиза Блешанъ встала, чтобъ принять Леоніо, а Октавія, поклонившись гостю легкимъ движеніемъ головы, продолжала лѣнливо работать.

Непринужденность Леоніо въ эту страшную минуту была удивительна: такъ въ ней много было хладнокровія и вкуса.

— Я думалъ, сказалъ онъ съ самой сладкой улыбкой, что, пріѣхавши сюда, я обезпкою только фермеровъ: мнѣ сказали, что маркиза нѣтъ въ замкѣ.

— Васъ не обманули, сказала маркиза, указывая Леоніо на кресло: мой мужъ въ Руанѣ и мы ждемъ его здѣсь.

— Я вамъ разскажу въ нѣсколькихъ словахъ, сказалъ Леоніо такъ смѣло, какъ будто ему ужъ было лѣтъ тридцать, причину, по которой я имѣю честь явиться къ вамъ. Теперь у всѣхъ дѣла: и дворяне, и мѣщане, мы все теперь работаемъ; это порокъ или добродѣтель вѣка. Выходя изъ специальныхъ училищъ, молодые люди сами бываютъ увлечены этимъ общимъ стремленіемъ, которое дѣлаетъ имъ честь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ ихъ старѣе. Не смотря на то, что я очень люблю мечтательную праздность, я присланъ въ Нормандію съ серьезною цѣлію: я пріѣхалъ для изслѣдованія желѣзной дороги, которая должна связать перекресткомъ рельсы Руана съ Діеппомъ. Я у васъ долженъ просить тысячу разъ извиненія, что вдался передъ вами въ эти подробности, чрезвычайно скучныя, особенно въ деревнѣ. Я бы вдвойнѣ благодарилъ судьбу, если бъ она привела меня сюда при лучшихъ условіяхъ.

Леоніо, разговаривая, не переставалъ смотрѣть въ лицо хозяйки замка, не обращая вниманія на ея прелестную дочку, и эта тактика, по видимому незначительная, много для него выиграла во мнѣніи г-жи Блешанъ.

— Графъ, сказала она съ незамѣтнымъ кокетствомъ, эти посѣщенія насъ не удивляютъ; только они для насъ болѣе или менѣе пріятны. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ осаждаютъ Нормандію гражданскіе пижонеры, срываютъ укрѣпленія и нападаютъ на деревни. Срубаютъ деревья, срываютъ дома. Чтожъ дѣлать? нужно соглашаться на все, какъ

я и дѣлаю. Мы не живемъ въ замкахъ, мы въ нихъ какъ на стоянкахъ. Графъ, я отдаю свой паркъ для вашихъ занятій, но оставьте мнѣ нѣсколько деревьевъ на іюль мѣсяцъ!

— О, сударыня, сказалъ Леоніо, вамъ оставить весь вашъ паркъ!.. Какъ же можно, такой прекрасный паркъ! Я выбралъ это мѣсто для моихъ занятій потому, что оно главное въ деревнѣ; но его положеніе выше уровня, и оно неприкосновенно.

— Вы меня обрадовали, графъ; я все боюсь за свои деревья. Тамъ на корѣ есть числа, буквы, воспоминанія: это семейные архивы. Въ самомъ дѣлѣ, для меня было бы ужасно, если бъ срубили до корня древесную исторію моего дома.

— Ахъ, мы безжалостны, маркиза, сказалъ Леоніо серьезно комическимъ тономъ; мы Аттилы во фракахъ. Когда мы встрѣчаемъ долину, мы сравниваемъ ее съ горой, а когда гора намъ мѣшаетъ, мы ее уничтожаемъ. Франціи необходимы новыя дороги; это золотой вѣкъ желѣза. Чтобъ дойти до цѣли, мы не уважаемъ ничего, ни возраста, ни пола деревьевъ. Вчера я хотѣлъ срубить каштановую роцу, недалеко отсюда. Молодой человѣкъ и молоденькая дама, прекрасная парочка, только что накаунѣ была, свадьба пришли ко мнѣ и умоляли пощадить одно дерево, на которомъ было вырѣзано: *Октавія навсегда*, и еще вотъ эти слова *Виргилія*: *cresecunt illae, crescetis amores!* т. е. «будутъ расти эти деревья, и наша любовь будетъ расти вмѣстѣ съ ними!..» Нечего сказать, они меня разжалобили на минуту. Молодой супругъ со слезами смотрѣлъ на это дерево; въ его глазахъ и словахъ было столько отчаянія и любви, что я обратился съ просьбою о спасеніи этого дерева къ директору. Отвѣтъ пришелъ. Наши сердца, всѣ три вмѣстѣ, сильно бились. Я распечаталъ письмо; тамъ только было одно слово: *срубите*.

— Какой ужасъ! прошептала Октавія, которая въ первый разъ только открыла ротъ, и вы, графъ, исполнили приказаніе?

— Что же дѣлать! нужно было исполнить подъ опасеніемъ быть судимымъ и осужденнымъ на вѣчный покой. У насъ вѣдь очень строго.

— Это меня тѣмъ болѣе огорчаетъ, сказала Октавія, что молодая супруга моя тезка.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Леоніо.

— Графъ, сказала маркиза, я очень рада, въ особенности за моего мужа. У насъ ужъ и то довольно тяжбъ. Г. Блешанъ завелъ бы съ вами процессъ за каждое дерево. Это былъ бы цѣлый лѣсъ

процессовъ, мы бы не вышли изъ него. И вотъ еще завтра онъ проигрываетъ одно дѣло, которое будетъ намъ стоить сто тысячъ ливровъ.

— Сто тысячъ ливровъ! сказалъ Леонію, показывая видъ, что онъ принимаетъ живѣйшее участіе въ безпокойствѣ маркизы.

— Это бы насъ еще не очень обезпокоило въ эту минуту, сказала маркиза, еслибъ мы не думали пристроить свою дочь.

Хлыстикъ изъ чернаго дерева, извивавшійся между пальцами Леонію, упалъ на траву и рука на минуту забыла поднять его.

— Сто тысячъ ливровъ, повторилъ Леонію, какъ запоздавшее эхо самого себя.

И онъ уперся на спину и на ноги.

— Но вѣдь не потеря суммы, сказала маркиза, раздражаетъ моего мужа, а стыдъ проиграть тяжбу; онъ никогда не проигрывалъ ни одной. Его самолюбіе въ этомъ родѣ удивительно: онъ, проигрывая, смотритъ на себя, какъ на обезчещеннаго; понимаете ли вы это, графъ?

— Я понимаю это, господинъ... маркиза, отвѣчалъ не подумавши Леонію.

— Его противникъ человекъ упрямый и сильный въ этомъ дѣлѣ; это нашъ сосѣдъ, въ одной милѣ отсюда; и мы были бы вамъ очень благодарны всѣ, если бъ вы погрозили его парку какимъ нибудь опустошеніемъ... маленькое, невинное мщеніе.

— Какъ! вскричалъ Леонію, приказывайте, сударыня, приказывайте... я не останусь при одной угрозѣ; я все опустошу, сожгу всѣ деревья... О, фамилію его, фамилію его, маркиза, фамилію этого князика!

— Графъ, сказала маркиза, у васъ удивительная экзальтація. Миѣ кажется, что въ ваши лѣта импровизируютъ и дружбу, и преданность.

— Извините, я такъ сотворенъ, сказалъ Леонію съ явнымъ смущеніемъ, я полюблю тотчасъ же или не люблю никогда... Первая встрѣча меня побѣждаетъ. Я чувствую, что я преданъ вамъ, какъ старымъ знакомымъ. Имя, сударыня, этого врага?

— Это графъ Вильфридъ Т***.

На этотъ разъ и шляпа упала также, какъ и хлыстикъ, и зеленоватая блѣдность покрыла лицо Леонію. Однакожъ онъ сдѣлалъ геройское усиліе и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Хорошо-съ, очень вамъ благодаренъ... я думаю, что мы скоро увидимся.

Онъ поклонился дамамъ и сѣлъ поскорѣе на лошадь.

— Этотъ молодой человекъ очень ловокъ, сказала графиня, только я не поняла его поведенія за нѣсколько минутъ до отъѣзда.

Октавія потушила глазки и взялась опять за работу.

Леонио Санто-Кроче лѣтелъ изъ всѣхъ силъ въ замокъ графа Вильфрида. Первые минуты свиданія отданы были поцѣлуямъ; огорченія долгой разлуки были забыты. Графиня заплакала, увидя своего сына большимъ и все еще очаровательнымъ. Домашнее счастье, полуизгнанное, опять возвратилось въ замокъ, вмѣстѣ съ удовольствіями весны.

Леонио, по своему темпераменту, не любилъ медлить; въ его памяти только и жила одна фраза, звучавшая какъ набатъ любовной тревоги: *думаютъ пристроить Октавію*. Какое ужасное слово! пристроить! это значить предать ее другому, переселить въ такую страну, гдѣ никто не будетъ ея видѣть! О, при такой мысли одна потерянная минута казалась бы потеряннымъ вѣкомъ. Въ послѣдній разговоръ на террасѣ замка, любовь Леонио возрасла до степени пожирающей страсти. Сколько тайныхъ взглядовъ, скрытыхъ даже отъ глазъ матери, бросилъ онъ на Октавію, и каждый изъ этихъ взглядовъ открывалъ ему какую нибудь новую грацію, какую нибудь обворожительную часть совершенства! Молодая дѣвушка, сидѣвшая подъ деревьями своего парка, походила на *Антигону*, которую Корреджіо изобразилъ своею кистью.

Тревожимый болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, Леонио привелъ графа Вильфрида въ одну изъ аллей парка, и тамъ, безъ дальнихъ околичностей, признался ему во всемъ, не будучи въ состояніи, говорилъ онъ, выбрать лучшаго повѣреннаго. Графъ отвѣчалъ только добродушной отеческой улыбкой. Это ободрило Леонио и онъ продолжалъ:

— Батюшка, — вѣдь вы мнѣ позволили называть васъ такъ, — по вѣрьте, что въ сердцѣ моемъ любовь серьезная. Не представляйте мнѣ моихъ лѣтъ; я изъ такой страны, гдѣ мужчины женятся въ 18 лѣтъ, а мнѣ ужъ скоро двадцать одинъ. Вы однимъ своимъ словомъ можете составить счастье вашего сына, или же убить его. Если я потеряю Октавію, я умру, даю вамъ слово корсиканца; а если я опоздаю съ своимъ предложеніемъ, ее выдаютъ за другаго. Батюшка, вы не заставите меня умереть?

Графъ Вильфридъ взялъ дружески за руку Леонио и вскорѣ высвободилъ свою правую руку, чтобы отереть слезу. Молодой человекъ

воспользовался этимъ волненіемъ и, въ послѣдній разъ сталъ просить выразительною пантомимою; эта просьба была увѣнчана полнымъ успѣхомъ.

Ну, дитя, сказалъ графъ, мы посмотримъ, что надо дѣлать. Говори и я сдѣлаю.

— Ваша тяжба съ г-мъ Блешанъ будетъ выиграна, правда?

— Будетъ выиграна въ Руанѣ, послѣ завтра; самъ адвокатъ Блешана смотритъ на свое дѣло, какъ не проигранное. Онъ мнѣ предлагаетъ уступить третью часть спорной суммы, сто тысячъ франковъ. Я отвѣчалъ, что я не такъ глупъ, чтобъ сталъ терять часть того, что выиграно.

— А если бъ я попросилъ васъ отвѣтить иначе.

— Посмотримъ, Леоніо, сказалъ графъ съ улыбкой, посмотримъ.

— Что вы смотрите на эту тяжбу, какъ на проигранную, и что вы позволите признать себя виноватымъ безъ дальнихъ споровъ, если только вашъ сынъ женится на дочери Блешана.

— Подумай только, дитя мое, сказалъ графъ, взявши за подбородокъ Леоніо, если бъ даже и устроилось это такъ, то вѣдь вѣнчальное кольцо обошлось бы мнѣ во сто тысячъ ливровъ; а это все мое состояніе, которое, правда, не зависить отъ твоей матери.

— Да, батюшка, но отказъ вашъ будетъ стоить еще дороже: вы заплатите моею жизнью.

— Ну, дитя мое, сказалъ встревоженный графъ, твоя жизнь въ моихъ глазахъ безцѣнна, я все сдѣлаю, что ты хочешь.

Леоніо кинулся на шею графу Вильфриду и покрылъ лицо его поцѣлуями и слезами.

— Завтра, продолжалъ графъ, я подамъ просьбу и представлю въ замокъ Блешана мои условія мира.

— Какъ завтра? вскричалъ Леоніо; сегодня! сегодня!

— Ахъ, Леоніо; ты ужъ слишкомъ многого просишь!... Нужно же быть по-снисходительнѣе.

— Батюшка, моя жизнь принадлежитъ вамъ! я даю вамъ въ томъ клятву у вашихъ ногъ. Вы моя вторая мать.

— Но мнѣ кажется, Леоніо, ты говоришь, что Блешана нѣтъ.... Если онъ въ Руанѣ...

— Если онъ въ Руанѣ, живо перебилъ Леоніо, то къ нему пошлютъ эстафету.

— Хорошо, ты не забылъ математики, Леоніо... Ну, мой другъ, успокойся; у тебя лихорадка... Я поговорю обо всемъ этомъ съ твоею матерью и поѣду.

Безполезно было бы упоминать здѣсь обо всѣхъ посѣщеніяхъ, словахъ и дипломатическихъ нотахъ, происшедшихъ между этими двумя семействами, съ цѣлію привести къ хорошему окончанію такое важное дѣло. Довольно будетъ показать результатъ; Леоніо, нашедши съ перваго раза умную и хитрую соучастницу въ Октавіи Блешанъ, не могъ имѣть сильныхъ препятствій. Маркизь Блешанъ, чудомъ избѣжавшій позора проиграть тяжбу, согласился на все; только онъ просилъ отсрочки по причинѣ возраста Леоніо. Обязавшись взаимнымъ честнымъ словомъ, оба семейства назначили отсрочку до совершеннолѣтія молодаго человѣка. Это несчастіе! говорилъ Леоніо, потому что я смотрю на себя, какъ на двадцатитрехлѣтняго.

Счастливый случай далъ силы Леоніо покориться своей участи. Ему приказано было присоединиться къ 23-му линейному полку, который готовился выступить въ Африку. Кроме того надежда положить въ свою свадебную корзинку орденъ, придавала радостный характеръ его отъѣзду.

Во время долгаго отсутствія Леоніо, семейства двухъ обрученныхъ жили въ наилучшемъ согласіи. Молодой офицеръ аккуратно высылалъ имъ всѣ военные бюллетени и дневные приказы, въ которыхъ упоминалось его имя. Воспитаніе, которое онъ получилъ, было ему прекрасною помощію въ этой войнѣ, гдѣ ловкость, смѣлливость и мужество необходимыя помощники того обыкновеннаго качества, которое называется храбростью. Даже храбрый Ламорисьеръ, которому двадцать разъ случалось быть свидѣтелемъ отважныхъ подвиговъ лейтенанта Санта-Кроче, сказалъ ему однажды: «Молодой человѣкъ, въ тридцать лѣтъ вы будете генераломъ.»

Необходимо, чтобъ авторъ этой исторіи напомнилъ, что Леоніо и Октавіа были обручены, что свадьба была отложена до совершеннолѣтія жениха, и что разсказъ объ африканскихъ походахъ былъ бы излишнею вставкою, которая утомила бы читателя. По этому мы начнемъ съ того, какъ Леоніо пріѣхалъ въ Порт-Вандръ, въ чистой отставкѣ, съ капитанскими эполетами и съ крестомъ на груди.

Все было устроено для того, чтобъ пріѣхать въ назначенный день. Почтовая карета, соперница желѣзной дороги, перенесла Леоніо съ пристани Порт-Вандра въ замокъ графа Вильфрида, гдѣ уже блистали приготовленія къ свадьбѣ, такія, какихъ Нормандія еще и не видывала.

Въ замкѣ было торжество. Когда молодая явилась въ своемъ бѣломъ платьѣ и съ дѣвственнымъ букетомъ въ рукѣ, въ большой залѣ замка раздался ропотъ удивленія, который былъ свадебною пѣснью и гимномъ ея красотѣ. Леоніо забылъ землю, семейство, славу; забылъ самого себя—онъ жилъ Октавіею, онъ отдалъ ей всю свою душу. Веселье на балѣ было въ высшей степени; всѣ лица сіяли радостью, какъ будто отражая радость молодыхъ; музыка приводила въ лихорадочное состояніе ноги и въ упоеніе головы; слова любви скользили на всѣхъ устахъ; можно было сказать, что всѣ молодые люди и дѣвицы женятся по подражанію.

Какъ ни забывайся въ любовныхъ мечтахъ среди упоеній бала, но всегда найдется какое нибудь роковое воспоминаніе, оно пробѣгаетъ по челу и низводитъ счастливца съ высоты счастья на земной прахъ!.. Девизъ семейства Санта-Кроче блисталъ въ транспарантѣ у дверей замка. Старый корсиканскій слуга помѣтилъ его туда и, можетъ быть, не безъ намѣренія. Леоніо проходя переднюю, машинально повернулъ голову къ дверямъ, чтобъ подышать вечернимъ воздухомъ, и фамильный гербъ ослѣпилъ его глаза: *motu vivo*.

Все прошлое возобновилось въ памяти Леоніо, потому что въ минуты веселости, когда каждая фибра бываетъ раздражена, мозгъ, кажется, вырастаетъ и разомъ отражаетъ, какъ неизмѣримое зеркало всю прошедшую жизнь. Моего отца, моего отца, благороднаго графа Санта-Кроче нѣтъ на этомъ торжествѣ! вскрикнулъ Леоніо, схватившись за голову; по крайней мѣрѣ пусть онъ мысленно присутствуетъ здѣсь. Сегодня именно должно быть прочитано отцовское письмо, таинственно и печально завѣщанное. Сегодня я долженъ, по примѣру древнихъ, пойти на могилу, среди бальнаго веселья. Тѣнь моего благороднаго отца! ты не будешь изгнана изъ этого благороднаго дома.

Леоніо быстро заглянулъ въ залу, гдѣ танцовали кадрили. Октавія танцевала, и счастье блистало на ея лицѣ; женщины всегда танцуютъ. Онъ взшелъ по лѣстницѣ въ свою комнату и осторожно отперъ комнату, назначенную для молодой. Видъ письма, котораго онъ никогда не оставлялъ, заставилъ его вздрогнуть, и ему нужна была вся его сила, чтобъ разломить слабую петать. Вотъ что покойный графъ Санта-Кроче писалъ своему сыну:

«Дорогой сынъ мой!»

Ты только что поступилъ въ училище, какъ одинъ молодой чело-

вѣкъ, бывшій другъ мой, пріѣхалъ изъ Испаніи, гдѣ онъ служилъ по дипломатической части у нашего посланника; я предложилъ ему жить у меня и онъ согласился.

«Я былъ очень болѣнъ, очень слабъ, сильно страдалъ; мнѣ необходимо былъ домашній другъ, и онъ радовалъ меня своими попеченіями и утѣшеніями. Моя головная рана, не могши закрыться, ввергла меня въ бредъ, и когда я приходилъ въ чувства, для меня было невыразимо пріятно открыть глаза между женою и другомъ.

«Сынъ мой, сынъ мой!.. Этотъ другъ меня обезчестилъ!..

«Я воспользовался минутой силы, чтобъ написать эти строки, и перо у меня выпадаетъ...

«Увы, сомнѣніе для меня было не возможно. Глаза не обманываютъ. Я держалъ въ рукахъ этого презрѣннаго; мой кинжалъ былъ занесенъ надъ его сердцемъ, я хотѣлъ его убить... припадокъ апоплексіи поразилъ меня, и спасъ презрѣннаго!

«Послѣ этого припадка всеобщій параличъ приковалъ меня къ постелѣ. Извергъ жилъ.

Я простилъ твоей матери...

«Когда ты будешь читать это письмо, сынъ мой, безчестіе твоего отца возродится и падетъ на твою голову. Тебѣ нельзя будетъ показаться предъ честными людьми: ты будешь чувствовать клеймо на своемъ лицѣ.

«Если ты будешь въ горахъ нашей дрсней Корсикки, сынъ мой, я скажу тебѣ: возьми кинжалъ; если ты будешь во Франціи, я скажу тебѣ: возьми шпагу.

«Возьми свою шпагу, сынъ Санта-Кроче, сынъ фамиліи, которой честь была дѣвственно чиста до этой минуты, и дай пощечину извергу этимъ письмомъ; послѣ—убьешь его.

«Въ ту минуту, когда ты читаешь это письмо, руки моего скелета поднимаются къ тебѣ изъ глубины моей могилы и обвиваются вокругъ тебя, чтобъ возбудить тебя.

«Ты легко найдешь этого безчестнаго: фамилія его извѣстная... онъ при посольствѣ въ Лондонѣ... Это... графъ Вильфридъ Т***!..»

«Когда ты закроешь это письмо, ты долженъ будешь открыть могилу безчестному графу Вильфиду.

«Morto vivo!»

«Отецъ твой, Графъ Санта-Кроче.»

Санта-Кроче прочиталъ это странное письмо. Но какъ не простая кровь текла въ его жилахъ, онъ перенесъ ударъ мужественно и положилъ завѣщаніе своего отца, какъ щитъ, на сердце. Тысяча мыслей разомъ бродили въ его головѣ, но ни одна изъ нихъ не могла измѣнить его положенія; неумолимое письмо убивало его. Неподвижные глаза его не отрывались отъ оружія, висѣвшаго въ альковѣ, надъ его брачнымъ ложемъ; на его лицѣ была улыбка осужденнаго или съумасшедшаго.

Раздался шумъ шаговъ на лѣстницѣ, и графъ Вильфридъ вдругъ явился въ комнату.

— Наконецъ я тебя нашелъ, сказалъ графъ, обнимая окаменѣлую статую Леоніо; тебя вездѣ ищутъ, сынъ мой; кадрили кончилась; ты ангажировалъ свою посаженую мать, она ждетъ своего кавалера. Жена твоя безпокоится; ей говорятъ, что ты измѣнилъ ей... Но что у тебя за лицо? прибавилъ графъ, перемѣнивъ шуточный тонъ на испуганный. Какой страшный видъ! какая блѣдность! какіе глаза!.. Леоніо... я позову людей... тебѣ дурно; Боже мой, Боже мой, что это такое?

— Ничего, ничего, сказалъ Леоніо глухимъ голосомъ, не глядя на графа, пожалуйста, не дѣлайте шума, не дѣлайте скандала. Милостивый государь, оставьте меня!.. оставьте меня!.. оставьте меня!..

— Какъ, оставить тебя въ такую минуту! И ты думаешь...

— Я приказываю вамъ выйти, графъ, пробормоталъ Леоніо глухимъ и хриплымъ голосомъ, устремивъ глаза на потолокъ.

— Не счастье-ли тебя свело съ ума, сказалъ графъ, отвѣчай мнѣ, сынъ мой, отвѣчай же!

Санта-Кроче судорожно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и оттолкнулъ графа Вильфрида.

— Ради Бога, посмотри на меня, дитя мое, мое сердце разрывается; пожалѣй твоего отца.

— Проклятіе на насъ! вскрикнулъ Санта Кроче.

И потомъ, не смотря на графа, какъ будто внезапно вдохновленный, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Я больше сдѣлаю.

Говоря эти послѣднія слова, онъ взялъ письмо своего отца и отдалъ его графу Вильфриду; потомъ твердымъ голосомъ сказалъ:

— Прочитайте это, милостивый государь.

Графъ Вильфридъ взялъ письмо и, узнавъ руку покойнаго графа Санта-Кроче, упалъ въ кресла.

Онъ все угадалъ.

Молодой исчезъ, а тѣ, которые взошли въ верхнія комнаты и нашли графа Вильфрида одного и въ отчаяніи, стали страшно кричать. Женщины отвѣчали на эти крики. Люстры гасли сами собою. При послѣднемъ свѣтѣ бала блуждали тамъ и сямъ блѣдныя фигуры съ растрепанными волосами. Блестящій праздникъ рухнулъ.

Два всадника скакали въ галопъ по парижской дорогѣ: Леоніо Санта-Кроче и Монти, его старый слуга, корсиканецъ. Они перемѣняли лошадей на каждой станціи; въ Руанѣ они взяли почтовую карету и ѣхали день и ночь до Гіеръ, постоянно мрачные и безмолвные. Слуга зналъ все и не понималъ Леоніо; двадцать разъ онъ отворялъ ротъ, чтобъ сказать ему: сынъ Санта-Кроче, я не доволенъ тобою.

Въ Гіерахъ Леоніо вошелъ въ гостиницу и велѣлъ подать себѣ обѣдать; онъ не позволилъ своему слугѣ войти.

Въ полночь, устроивши все дѣла, онъ сдѣлалъ знакъ Монти слѣдовать за нимъ. Городокъ былъ пустъ; все спало.

Леоніо и Монти перескочили черезъ стѣну и нашли могилу графа Санта-Кроче, она была покрыта высокою травою и безчисленными цвѣтами, какъ будто сама природа заботилась почтить ее въ отсутствіи тѣхъ, которые ее забыли; это размышленіе навело страшную улыбку на Леоніо.

— Окажи мнѣ, сказалъ молодой человѣкъ корсиканцу Монти, послѣднюю услугу, мой старый другъ, потому что я чувствую, что я сейчасъ умру.

Они сдвинули камень гробницы и увидѣли развалившійся гробъ Санта-Кроче.

Потомъ молодой человѣкъ сказалъ:

— О, благородный отецъ мой! мнѣ невозможно было поднять руку на графа Вильфрида, я ослушался тебя!.. За то я умираю въ двадцать лѣтъ, не запятвавъ своимъ безчестіемъ жены: я умираю, чтобъ увидѣться съ тобой, отецъ мой, и оправдаться предъ тобою.

Сказавъ это, онъ сжалъ руки старому корсиканцу и прибавилъ:

— Исполни твой долгъ, храбрый Монти... Прощай.

Монти не пролилъ ни одной слезы; онъ все ждалъ и безпрестанно смотрѣлъ не ѣдетъ-ли графъ Вильфридъ на это кровавое свиданіе съ гробницею.

Леоніо сошелъ въ склѣпъ и легъ рядомъ съ прахомъ своего отца.

Вотъ его послѣднія слова:

— Монти, внутренности мои горятъ; прежде, чѣмъ взойдетъ солнце, я ужъ не буду жить. Утѣшь мою бѣдную мать. А теперь поставь камень на свое мѣсто.

— Хорошо, молодой господинъ мой, отвѣчалъ Монти; я понимаю васъ и доволенъ вами. Прощайте.

И съ героическимъ хладнокровіемъ старый корсиканецъ исполнилъ послѣднее приказаніе Санта-Кроче. Ни одной слезы не показалось на глазахъ его.

На другой день Монти ѣхалъ одинъ по Парижской дорогѣ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Въ послѣднемъ письмѣ мы не успѣли сказать ни слова о наукахъ и промышленности, а потому начинаемъ теперь самымъ важнымъ извѣстіемъ, которое привело бы въ волненіе всѣ биржи и всѣхъ капиталистовъ, если бь только политическія дѣла не отвлекали всеобщаго вниманія. Покуда имъ занимаются въ тихомолку ученые, и журналы печатаютъ о новомъ открытіи нѣсколько словъ, если у нихъ остается не много мѣста. Это открытіе ни больше, ни меньше, какъ новый металлъ, готовый вступить въ соперничество съ серебромъ. И металлъ этотъ добывается изъ самаго простаго вещества, попираемаго ногами, изъ котораго до сихъ поръ дѣлали черепицы, горшки и трубы. Благодаря стараніямъ Сентъ-Клера Девиля, ничтожная глина превратилась въ металлъ бѣлый и блестящій какъ серебро, ковкій и тягучій въ высшей степени, который не ржавѣетъ, не тускнѣетъ, не окисляется, не перемѣняется ни отъ горячей, ни отъ холодной воды; селитрянная и сѣрная кислоты не имѣютъ на него никакого вліянія, и одна хлористоводородная кислота можетъ его разложить.

Ко всѣмъ этимъ качествамъ надобно прибавить еще, что новый металлъ, названный *алюминіемъ*, легче стекла. Голова кружится когда подумаешь сколько примѣненій можно сдѣлать къ промышленности, къ желѣзнымъ дорогамъ. Теперь уже, не смотря на самое неблагопріятное время для торговли и ученыхъ занятій, многіе капиталисты, какъ самые положительные люди, пристають къ ученымъ съ однимъ вопросомъ: что будетъ стоить килограммъ алюминія? Но на этотъ вопросъ нельзя еще отвѣчать даже приблизительно.

Германскій химикъ Вольгеръ первый открылъ алюминій въ видѣ порошка. Сентъ-Клеръ Девиль усовершенствовалъ это изобрѣтеніе и дошелъ до того, что добываетъ алюминій въ зернахъ. Первый ученый употреблялъ для опытовъ потассій, а второй содій.

Послѣ объявленія Девиля; химикъ Шапель принялся тоже добывать изъ глины алюминій, и не употребляя ни потассія, ни содія, а только морскую соль и толченый уголь, получилъ, посредствомъ сильнаго жара, тоже шарики бѣлаго блестящаго металла.

Послѣ алюминія нашли еще глиній, цирконій, магnezій, и нѣскольکو другихъ веществъ, но ихъ еще не изслѣдовали, а стараются извлечь какую нибудь существенную пользу изъ одного алюминія.

Больше всего работаютъ теперь во Франціи надъ желѣзными дорогами. Помицутно открываются новые пути по всѣмъ направленіямъ и составляются проекты новыхъ дорогъ, но кажется что прожектѣрамъ недостаетъ земли, потому что недавно представили новый планъ желѣзной дороги по направленію всѣхъ главныхъ улицъ Парижа, только подъ землею. Дорога эта назначена будетъ исключительно для перевозки тяжестей, чтобъ обозы не задерживали экипажей и пѣшиходовъ. Это гигантское предпріятіе похоже на пуфъ, но никто и не думаетъ смѣяться надъ нимъ, потому что въ наше время нѣтъ ничего невозможнаго. Андро изобрелъ новый локомотивъ, идущій въ гору и дѣлающій самые крутые повороты. Это тоже большой шагъ въ наукѣ, потому что досихъ поръ или прорывали горы, или огибали ихъ, на что требовалось много лишнихъ трудовъ и расходовъ, а теперь стануть проводить рельсы вверхъ, внизъ и дѣлать разные обороты для избѣжанія рѣкъ и болотъ. Опыты будутъ дѣлать на небольшой наклонной линіи между Энгіеномъ и Монморанси, для чего Андро приготовилъ небольшой *горный локомотивъ*. Самое большое затрудненіе состояло въ томъ, что идя вверхъ по гладкимъ рельсамъ, гладкія колеса должны были скользить и могли, не смотря на силу машины, собственною своею тяжестью скатиться внизъ, но Андро устранилъ это препятствіе, сдѣлавъ колеса не гладкія, и положилъ поперегъ рельсовъ задержки, не допускающія колесо двигаться назадъ. Неизвѣстно чѣмъ окончится этотъ опытъ, но во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что желѣзныя дороги будутъ совершенствоваться все болѣе и болѣе. Въ началѣ могли проводить ихъ по ровнымъ мѣстамъ между большими городами, но теперь земля дѣлается дороже вмѣстѣ съ усиленіемъ народоселенія, и надобно уже не отнимать поля у работниковъ, а напротивъ, проводить дороги по мѣстамъ бесплоднымъ, не нужнымъ для поселяннина.

Давно ли, кажется, сельскіе жители съ ужасомъ смотрѣли на первую желѣзную дорогу Франціи, проведенную между Ліономъ и Сентъ-Этьенномъ, а теперь ни одинъ поселянинъ не перевозитъ своихъ произведеній на лошади, а отправляетъ ихъ въ главные города по желѣзнымъ дорогамъ, чувствуя всю пользу ихъ въ экономическомъ отношеніи, потому что выигрываетъ время; лошадь его въ это время отдыхаетъ отъ другихъ работъ, и перевозка дешева и удобна. Онъ хлопочетъ только о томъ, чтобъ его деревня попала на какую нибудь линію и имѣла скорѣйшее сообщеніе съ другими городами. А еще живъ тотъ поселянинъ изъ окрестностей Ліона, который всякій день приходилъ смотрѣть какъ строится желѣзная дорога, и говорилъ окружающимъ:

— Не пойдутъ они безъ лошадей, ни за что не пойдутъ!

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было понять простому человѣку, что по гладкимъ рельсамъ можетъ подвигаться впередъ гладкое колесо, тогда какъ лошади съ трудомъ идутъ по ровной дорогѣ, особенно если подковы ихъ безъ шиповъ.

Наконецъ когда машина стояла на рельсахъ и паръ вился изъ трубы, Ліонецъ прежде всѣхъ выбралъ себѣ мѣсто на возвышеніи и все твердилъ:

Невозможно, не естественно, чтобъ она пошла!

Вдругъ раздался пронзительный свистокъ, и локомотивъ пролетѣлъ по рельсамъ мимо пораженнаго крестьянина. На насмѣшки сосѣдей онъ отвѣчалъ:

Одна машина, еще пожалуй, можетъ идти, а ужъ тащить за собою двѣнадцать каретъ и еще съ народомъ и товарами, это несбыточно, этого никогда не будетъ!

Но на другой день цѣлый поѣздъ съ путешественниками и грузомъ угольевъ вернулся въ Ліонъ, и поселянинъ принужденъ былъ сознаться, что машина можетъ идти по гладкому пути.

А ужъ въ гору она никакъ не пойдетъ, прибавилъ онъ съ отчаянія.

Андрю можетъ разувѣрить его и въ этомъ, пригласивъ на опытъ въ Монморанси.

Впрочемъ не надобно думать, что одинъ низшій классъ неспособенъ былъ понимать возможности желѣзныхъ дорогъ. Академики, инженеры, ученые тоже долго не могли согласиться, что гладкое колесо будетъ подвигаться на полированныхъ рельсахъ, а не вертѣться на одномъ мѣстѣ. Только успѣхъ могъ убѣдить ихъ въ возможности такого чуда, но они тоже, подобно поселянину изъ окрестностей Ліона, все задаютъ но-

вые, по-видимому неразрѣшимые вопросы, а наука рѣшаетъ ихъ и идетъ впередъ, не смотря на все препятствія.

Мнѣніе, что несчастные случаи бываютъ на желѣзныхъ дорогахъ чаще чѣмъ на шоссе, тоже давно отвергнуто. Нельсонъ, членъ Лондонской академіи, недавно издалъ статистику желѣзныхъ дорогъ, которая совершенно можетъ успокоить всехъ путешественниковъ. Изъ нея можно заключить, что изъ двухъ милліоновъ пассажировъ погибаетъ только одинъ.

Съ 1840 по 1851 годъ число проѣзжихъ по желѣзныхъ дорогамъ Англій было 478, 448, 607 изъ которыхъ 237 были убиты и 4,416 ранены. Изъ 40,486 инженеровъ, механиковъ, чиновниковъ и служителей на желѣзныхъ дорогахъ 275 были убиты и 274 ранены. Изъ этого числа трое убиты и семеро ранены совсѣмъ не отъ неисправностей на желѣзныхъ дорогахъ, а отъ собственной своей неосторожности, потому что, или хотѣлось вскочить въ карету когда поѣздъ уже двинулся и ускорялъ ходъ, или выскакивали изъ своихъ мѣстъ прежде, чѣмъ вагоны останавливались, что опасно точно также въ дилижансахъ и каретахъ.

Въ Германіи съ 1848 до 1850 было 8,480 миль желѣзныхъ дорогъ, и на нихъ проѣхало 51,713,297 путешественниковъ. Изъ нихъ былъ одинъ убитъ и одинъ раненъ, изъ механиковъ же, машинистовъ и прислужниковъ было 54 убито и 88 ранены.

Стало быть, желѣзныя дороги если и опасны, то только для машинистовъ и людей находящихся близъ машины. Путешественники не могутъ быть совершенно покойны. Несчастные случаи бываютъ и съ лошадьми, а люди все-таки ѣздятъ по всемъ дорогамъ.

Говорили еще о воздушной дорогѣ, будто бы предположенной въ Парижѣ, то есть, не о воздушныхъ шарахъ, а о цѣломъ поѣздѣ вагоновъ особеннаго устройства, которые будутъ нанизаны на канатъ, натянутый отъ одной станціи до другой, и по немъ будутъ спускаться на блокъ, на высотѣ нѣсколькихъ сажень. Этотъ планъ возможно исполнимъ и удобенъ для перенесенія тяжестей, только неизвѣстно удались ли опыты воздушныхъ путешествій.

Между тѣмъ предполагаемые планы не мѣшаютъ начатымъ работамъ въ Парижѣ. Лувръ видимо приходитъ къ окончанію; кристальный дворецъ промышленности снаружи почти отдѣланъ, и вотъ разрушены еще тридцать домовъ между улицею Риволи и Лувромъ, чтобъ составить площадь Императрицы. Это огромное пространство земли куплено уже банкиромъ Перейрою и компаніею капиталистовъ, обязавшихся окружить площадь великолѣпными зданіями, между которыми первое мѣсто займетъ

Американская гостиница, вмѣщающая въ себѣ нѣсколько тысячъ путешественниковъ и предоставляющая имъ всевозможный комфортъ за умеренную цѣну. Разумѣется, что образцовый этотъ отель точно также, какъ и остальные зданія, которыя будутъ украшать новую площадь Императрицы, будутъ окончены къ открытію всемірной выставки. Только неизвѣстно состоится ли эта выставка къ назначенному времени, то есть къ будущей веснѣ. Времени осталось уже не много, а приготовленія, кажется, дѣлаются только на бумагѣ. Притомъ же торговля и промышленность не могутъ похвастать цвѣтущимъ положеніемъ своихъ дѣлъ, и вмѣсто того, чтобъ готовить образцовыя произведенія, назначенныя для удивленія всей Европы, они хлопочутъ только, чтобъ совсѣмъ не разориться, не зная куда дѣвать накопившіеся товары. Стало быть, врядъ ли будетъ чѣмъ и кѣмъ наполнить предполагаемыя зданія.

Нѣкоторые прожектеры придумали выводить дома въ четырнадцать этажей, потому что мѣста очень дороги. Они думаютъ, что это новое изобрѣтеніе, но Альфонсъ разувѣряетъ ихъ въ этомъ, говоря, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ самъ жилъ въ четырнадцатомъ этажѣ, въ Вивьенской улицѣ, подъ № 8, въ домѣ, принадлежащемъ директору почтъ Гайе.

Хозяинъ и привратникъ согласились говорить всегда, что домъ ихъ имѣетъ только семь этажей, но такъ какъ въ каждомъ этажѣ были антресоли съ другими квартирами, то и выходитъ ровно число четырнадцати этажей. Остроумный писатель увѣряетъ, что онъ и всѣ жители четырнадцатаго этажа пріобрѣли незамѣтно нравы и характеры горскихъ жителей. У нихъ развилась пламенная любовь къ своимъ горамъ, такъ что они только по необходимости сходили изъ своихъ заоблачныхъ странъ. Вѣроятно ихъ еще болѣе удерживало то, что если они сойдутъ внизъ, то подыматься имъ будетъ очень тяжело, не смотря на привычку. На этотъ случай Альфонсъ Карръ припоминаетъ забавный анекдотъ, случившійся съ нимъ самимъ:

«Однажды утромъ я пересчиталъ ступени моей безконечной лѣстницы, и отправляясь по дѣламъ на цѣлый день, отдалъ ключъ мой привратнику. Въ эту минуту меня остановилъ молодой человѣкъ, высокій и здоровый сказавъ:

— Вы г. Карръ?

— Точно такъ. Что вамъ угодно?

— Мнѣ надобно поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ. Пойдемте къ вамъ.

— Очень радъ. Только предупреждаю васъ, что я живу не много высоко....

— Не на Парнасъ ли?

— Нѣтъ, въ четырнадцатомъ этажѣ.

Но мой гость побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, и я только что сосчитавшій всѣ ступени, принужденъ былъ слѣдовать за нимъ. Въ шестомъ этажѣ онъ началъ скакать черезъ двѣ и три ступени, и я съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ, въ десятомъ онъ полетѣлъ еще скорѣе вверхъ, и я уже отсталъ отъ него. Наконецъ незнакомецъ бросился къ моей двери, оборвалъ колокольчикъ, и когда дверь отворилась, онъ ворвался въ мою комнату и бросился на диванъ. Я притаился за нимъ съ сильною одышкой и упалъ въ кресло, не въ состояннн будучи вымолвить ни одного слова. Нѣсколько минутъ раздавалось наше прерывистое дыханіе, послѣ чего гость всталъ и поклонился — я сдѣлалъ тоже.

— Милостивый государь, сказалъ мнѣ незнакомецъ: меня зовутъ д'Эпаньи, (драматическій писатель). Во вчерашнемъ вашемъ фельетонѣ, вы, разбирая мою піесу, сказали, что я долженъ быть старъ или болѣнъ. Я хотѣлъ доказать вамъ противное, и такъ какъ вы не могли меня догнать на вашей лѣстницѣ, значитъ я моложе васъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ.

И д'Эпаньи полетѣлъ опять внизъ какъ стрѣла, а я все еще не могъ отъ усталости выговорить ни одного слова, не могъ даже разувѣрить его, что статью въ журналѣ писалъ не я, а одинъ изъ моихъ сотрудниковъ. Съ тѣхъ поръ я избѣгаю домовъ о четырнадцати этажахъ. Что, если всѣ недовольные моими рецензіями, вздумаютъ заставлятъ меня скакать съ ними по моей лѣстницѣ, это будетъ новый родъ убійства — съ облегчительными обстоятельствами!

Электрическіе телеграфы продолжаютъ развиваться. Подземная телеграфическая линія изъ Лондона въ Ливерпуль окончена и предоставлена публикѣ. Къ этой же линіи примыкаютъ телеграфы Гулля, Глазго Лидса и другихъ городовъ, и прямо сообщаются съ Лондономъ. Ливерпуль и Манчестеръ могутъ передавать свои депеши прямо въ Парижъ и Брюссель. Недавно манчестерскій меръ и главные негоціанты дѣлали сами опыты на своемъ телеграфѣ въ Манчестерѣ, разговаривая съ сенскимъ префектомъ, случившимся на парижскомъ телеграфѣ. Какая погода въ Парижѣ? спросилъ меръ и черезъ минуту получилъ отвѣтъ: ясная по холодная. Потомъ меръ, изъявилъ свое удовольствіе, что можетъ имѣть скорое сообщеніе съ Сеною, на что префектъ отвѣчалъ, что Парижъ чувствуетъ тоже всю пользу отъ прямыхъ сношеній съ Манчестеромъ.

Электрическій канатъ, назначенный для Средиземнаго моря почти оконченъ. Это будетъ самый длинный и самый толстый канатъ

въ свѣтъ. Первый отдѣлъ его отправится на винтовомъ пароходѣ *Persianъ*, и въ Корсикѣ уже давно работаютъ, чтобъ укрѣпить и продолжить телеграфическую линію. Канатъ этотъ имѣетъ 110 миль длины и вѣситъ 800 тоннъ. Онъ составленъ изъ шести мѣдныхъ проволокъ, покрытыхъ гуттаперчею и веревками, которыя въ свою очередь скручены двѣнадцатью желѣзными проволоками. Директоръ предпріятія, г. Джонъ Валькинсъ Бреттъ, воспользовался опытностью своихъ предшественниковъ и прибавилъ двадцать миль длины каната для оборотовъ и случайностей на глубинѣ моря. Свернутый канатъ этотъ, дожидаящийся *Persiana*, имѣетъ семьдесятъ пять футовъ въ діаметрѣ и пять футовъ вышины. Когда онъ будетъ положенъ, Лондонъ будетъ въ прямомъ сообщеніи съ Каліари. Потомъ тотчасъ же предпримутъ продолженіе линіи до Мальты и оттуда до Турціи, такъ что въ нѣсколько минутъ депеши съ Востока будутъ приходить въ Парижъ и Лондонъ. Курьеры дѣлаются совершенно лишними, и вѣроятно уничтожатся со временемъ, когда посредствомъ условныхъ знаковъ, извѣстныхъ только немногимъ, можно будетъ передавать изъ одного конца Европы въ другой самыя важныя и секретныя депеши. Пары и электричество уничтожили пространство. Теперь все близко и все скоро, а все таки жизнь кажется непродолжительною.

Коммиссія, назначающая ежегодныя награды лучшему драматическому произведенію, имѣла свое засѣданіе, на которомъ рѣшила, что награду въ 5,000 франковъ заслужила пьеса Понсара *Честь и деньги*, какъ по нравственной цѣли, такъ и по превосходнымъ чувствамъ, выраженнымъ въ ней. Коммисію эту составляли Мериме, Низаръ, Скрибъ, Ле Февр-Демье, Камиль Дусе, Перро, Сентъ-Бевъ и Ласабати, секретарь подъ президентствомъ Бароша. Сентъ-Бевъ назначенъ былъ докладчикомъ коммисіи, и въ блистательной рѣчи сдѣлалъ краткій обзоръ всѣхъ парижскихъ театровъ и современной драматической литературы, кольнувъ немного дирекцію перваго французскаго театра за ея бездѣйствіе и привязанность къ классицизму, который давно пересталъ нравиться публикѣ, неизвѣстно оттого ли что устарѣлъ для нашихъ требованій, или оттого что не имѣетъ достойныхъ представителей для всѣхъ ролей. Другая пьеса, соединяющая въ себѣ тоже всѣ качества образцоваго произведенія и имѣвшая большой успѣхъ на сценѣ театра Сен-Мартенскихъ воротъ, это *L'honneur de la maison*, соч. Баттю и Девиня. Хотя она не выполняетъ всѣхъ условій, требуемыхъ коммисіею, то есть вмѣсто четырехъ актовъ въ ней пять и еще съ прологомъ, но на это не обратили вниманія, и вторая награда послѣ Понсара назначена авторамъ пьесы *L'honneur de la maison*, въ которой нравственная цѣль

соединена съ превосходнымъ сценическимъ дѣйствіемъ. Жаль только, что подобныя пьесы, дѣлающія честь авторамъ и дирекціи, принявшей ихъ, давно уже не встрѣчаются на сценѣ Французскаго театра, имѣющей больше средствъ къ поддержанію ихъ.

Земледѣльческій конгрессъ имѣлъ тоже на дняхъ блистательное заведеніе подъ предѣлательствомъ министра публичныхъ работъ Маня. Раздача наградъ и рѣчи, произносимыя при этомъ случаѣ, сдѣлали сильное впечатлѣніе на многочисленную публику, собравшуюся для этой трогательной церемоніи, награждающей самое необходимое, самое благодѣтельное занятіе—земледѣліе. Никогда еще не праздновали такъ торжественно земледѣльческаго праздника, и это подаетъ надежды, что самый полезный классъ народа будетъ пользоваться особеннымъ покровительствомъ.

Въ Лондонѣ составился ученый конгрессъ изъ англичанъ, германцевъ и американцевъ для разрѣшенія очень важнаго вопроса, а именно: подведенія всѣхъ языковъ подъ одну азбуку. Во Франціи тоже занялись этимъ вопросомъ, и всѣ извѣстные лингвисты составили общество для разсмотрѣнія способовъ ввести одну азбуку во всѣ извѣстные языки и тѣмъ облегчить изученіе ихъ. Два лингвиста Жеваръ и Ламори издали уже книгу. Она называется *l'Interprète militaire en Orient*, и въ ней языки русскій, турецкій и валахскій подведены подъ римскую азбуку, такъ что безъ всякаго предварительнаго ученья можно выучить самыя употребительныя фразы и понимать чужой языкъ безъ помощи переводчика. Авторы совѣтуютъ только выговорить всѣ буквы не скрадывая ни одной, какъ это бываетъ на другихъ языкахъ, а главное наблюдать ударенія, безъ чего не будетъ никакой возможности понять что говорятъ.

Цвѣты завладѣли не только селеніями, но даже городами; цвѣточные выставки привлекаютъ многочисленную толпу любителей изъ самыхъ далекихъ мѣстъ. Розы въ Люксембургскомъ саду заслужили европейскую извѣстность своею красотою, и въ нынѣшнее лѣто онѣ распустились еще роскошнѣе, еще живѣе. За то сколько любителей англичанъ, бельгійцевъ, голландцевъ собираются въ Люксембургъ съ утра и наблюдаютъ за любимымъ цвѣткомъ, который такъ красивъ, такъ пахучъ и увя! такъ недолговѣченъ, какъ все прекрасное! Елисейскія поля потонули въ цвѣтахъ; рынки, улицы, окна, все украшено цвѣтущими растеніями, но настоящимъ любителямъ цвѣтовъ всего этого еще мало: они знаютъ, что въ Германіи настоящее царство цвѣтовъ, что тамъ всѣ ихъ любятъ, богатые и бѣдные, дѣти и старики, и что тамъ женщины и дѣвушки почитаютъ своею обязанностью устроить у себя хоть

какойнибудь цвѣтникъ. Вотъ отчего, когда въ Парижѣ получили афишу слѣдующаго содержанія:

Blumenaustellung
Indem Herzoglichen Wintengarten
zu Biebrich,

то любители цвѣтовъ бросились къ рейнскимъ пароходамъ, торопясь за-
стать эту выставку.

Путешественники собрались въ Кобленцъ, откуда отправляется па-
роходъ, и нѣкоторые изъ нихъ тихонько освѣдомлялись у сосѣдей:

— Скажите пожалуйста, гдѣ находится этотъ городъ Бибрихъ?

— На правомъ берегу Рейна, почти напротивъ Майнца, въ двухъ шагахъ отъ Висбадена. Бибрихъ, любимая резиденція герцога Нассаускаго. Черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ тамъ.

Кромѣ ожиданія великолѣпной цвѣточной выставки, путешественники наслаждались прекрасными видами обоихъ береговъ Рейна, развивающихся поминутно чудныя панорамы. Какъ ни надоѣли однообразныя описанія, нѣсколькихъ тысячъ туристовъ, прогуливавшихся по этой рѣкѣ, но вѣроятно и теперь между пассажирами есть много такихъ, которые спѣшатъ замѣтить всѣ подробности, и наблюдаютъ за своими собственными впечатлѣніями только для того, чтобъ передать ихъ своимъ читателямъ. Вообще теперь путешествія въ большой модѣ, и всякій, смотря по состоянію, ѣдетъ или къ водамъ, чтобъ потерять послѣднее здоровье, или къ морю, чтобъ выучить нѣсколько морскихъ терминовъ, или наконецъ просто въ загородные домики, потому что города почитаются лѣтомъ необитаемыми, или по крайней мѣрѣ зимніе ихъ жители думаютъ, что никакъ нельзя провести два времени года въ одномъ мѣстѣ и перебираются въ другое, хотя оно ни чѣмъ не лучше зимняго ихъ жилища, и хотя переѣздъ всегда сопряженъ съ безчисленными хлопотами и непріятностями.

Но вотъ и Бибрихъ съ прекраснымъ кристалльнымъ дворцомъ, въ которомъ устроенъ зимній садъ, собраны и группированы самыя рѣдкіе, самыя красивые цвѣты. Вотъ рододендроны колоссальной величины, вотъ безчисленные роды камелій, розы, азалеи и всевозможныя ученыя названія, которыми напрасно хотятъ испортить прекрасныя растенія. Но кромѣ латинскихъ названій цвѣтовъ есть другія, которыя гораздо удобнѣе запомнить. Напримѣръ: Алиса Марго, Давидъ Копперфильдъ, княгиня Полиньякъ, графиня Нобилиссима, г-жа Зонтагъ, Роза Рендатель, и пр.

Вообще смѣло можно сказать, что нигдѣ и никогда не можетъ быть такой роскошной выставки цвѣтовъ, какая была въ Бибрихѣ, потому что только въ Германіи еще любятъ цвѣты для самихъ цвѣтовъ, а не для того, чтобъ добывать изъ прекрасныхъ растений какія-то уродливыя комбинаціи, заставляя розы принимать то синій, то чернѣйшій цвѣтъ. Теперь даже голландцы потеряли страсть дѣлать тюльпаны самыхъ необыкновенныхъ цвѣтовъ и довольствуются природными ихъ тѣнями. Во Франціи недавно еще одинъ садовникъ добился до того, что выростилъ камелію *голубую*, назвавъ ее Евгеніей, и весь Парижъ съѣзжался смотреть на это чудо. Вѣроятно всего, что голубая камелія точно также какъ голубая роза, распухнетъ на будущій годъ бѣлою. Это всегда бываетъ съ вынужденными красками на бѣлыхъ цвѣтахъ.

Однако же самые цвѣтушіе мѣсяцы нынѣшняго года были обильны значительными потерями. Умерли: ученый членъ института Вивьенъ, извѣстный адвокатъ Могенъ и адмиралъ Боденъ.

Мы уже говорили о несчастномъ, который вздумалъ застрѣлиться во время представленія одной изъ оперъ Мейербера. Всѣ газеты очень занимаются этимъ оригинальнымъ самоубійствомъ, и разумѣется, выдумываютъ разныя исторіи, объясняя причину страннаго поступка. Несчастный назывался Шарль Крюинъ, служилъ въ прусской арміи, и вышелъ въ отставку только потому, что внезапно оглохъ неизвѣстно отчего. Надѣясь что Парижскіе доктора вылечатъ его скорѣе германскихъ, онъ недавно пріѣхалъ въ этотъ городъ и къ несчастію еще влюбился. Но такъ какъ парижанка не хотѣла имѣть глухаго мужа, то бѣдный Шарль Крюинъ приставалъ къ своему доктору, чтобъ тотъ его поскорѣ чѣмъ нибудь вылечилъ. Видя неэффективность всѣхъ лекарствъ, Эскулапъ послалъ своего пациента въ Большую Оперу, сказавъ что если онъ *не услышитъ* марша въ оперѣ Мейербера, то нѣтъ никакого средства къ исцѣленію. Больной не слышалъ ни одной громовой ноты, на которыя Мейерберъ такъ щедръ, и съ отчаянія застрѣлился тутъ же.

Это происшествіе очень похоже на другой анекдотъ, случившійся въ Берлинѣ во время представленія Весталки.

Одинъ докторъ привелъ глухаго своего пациента въ театръ, чтобъ наблюдать какое дѣйствіе произведетъ на него шумная музыка Спонтини.

— Слышите ли вы что нибудь? спросилъ онъ больного послѣ перваго акта.

— Нѣтъ.

Послѣ втораго акта былъ тотъ же вопросъ и тотъ же отвѣтъ. Но въ третьемъ актѣ оркестръ разразился съ токою силою, что глухой закричалъ въ восторгѣ:

— Я слышу, слышу!

— Что вы говорите, сказалъ докторъ съ удивленіемъ, замѣтя радость больнаго: теперь оркестръ замолкъ, и вы сами только шевелите губами безъ всякаго звука. Что это значитъ?

Это значитъ, что музыка Спонтини вылечила больнаго, но докторъ оглохъ отъ нея.

Товарищи Эскулана, лечившаго Шарля Крюиня, упрекаютъ его за способъ леченія и говорятъ, что еслибъ онъ послалъ больнаго прослушать оперу Верди или засѣданіе Орфеона, то вѣроятно вылечился бы и не напугалъ парижанъ своею смертію. Впрочемъ вѣрно докторъ боялся, чтобъ больной не пригласилъ его съ собою слушать музыку Верди или Орфеона.

Умеръ то же писатель Горасъ Ренонъ, занимавшійся съ успѣхомъ литературою. Онъ былъ сотрудникомъ Бальзака, когда знаменитый романистъ подписывалъ свои сочиненія псевдонимомъ Гораса Сентъ-Обена. Въ послѣдствіи Ренонъ издавалъ *Судебную Газету* и помѣстилъ въ ней много замѣчательныхъ статей.

Мейерберъ уѣхалъ въ Берлинъ отдохнуть отъ похвалъ и восторговъ, возбужденныхъ послѣднимъ его произведеніемъ. Къ зимѣ его опять ждуть въ Парижъ.

Библиофилы и ученые въ большихъ хлопотахъ. Въ этомъ мѣсяцѣ назначена продажа библіотеки Франсуа Араго, а такъ какъ все знаютъ изъ какихъ рѣдкихъ сочиненій она состоитъ, то боятся что набуютъ огромныя цѣны и, какъ всегда, лучшія книги достанутся или богатымъ невѣждамъ, или вывезутся изъ Франціи. Стоитъ послѣ этого посвящать всю свою жизнь на собраніе драгоценныхъ изданій, чтобъ послѣ смерти вся коллекція разошлась по рукамъ, а не перешла къ наслѣдникамъ. Но таковъ уже обычай, и если дѣти хотятъ сохранить какую нибудь вещь, принадлежавшую отцу, то должны явиться на аукціонъ и надбавлять на нее цѣну.

Предположено воздвигнуть стацию Оливье де Серръ. Теперь никто не знаетъ этого имени, и самъ скромный де Серръ ни какъ не могъ подумать, что услуги его промышленности и торговлѣ такъ важны, что стоятъ награды, воздаваемой великимъ людямъ. Оливье де Серръ первый началъ разводить шелковыхъ червей и распространилъ тутовое дерево во Франціи. Стало быть, ему обязана промышленность и торговля лучшею своею отраслью, и хотя онъ кромѣ того занимался литературою и оставилъ много нравственныхъ сочиненій, но они давно забыты, а отечество хочетъ, чтобъ современники и потомки знали и уважали имя того, который подарилъ Франціи шелкъ.

Зоологическое общество въ послѣднемъ засѣданіи напомнило услуги Серра и рѣшило вывезти изъ Китая еще новую породу дикихъ шелковичныхъ червей, которые безъ всякаго присмотра разводятся на дубахъ, ясеняхъ и другихъ деревьяхъ, растущихъ не въ очень жаркомъ климатѣ. Назначена тысяча франковъ на первые опыты, и если они удадутся, то Франція не будетъ уже вывозить шелка изъ Италіи, потому что его можно будетъ добывать и въ сѣверныхъ департаментахъ, гдѣ много садовъ, въ которыхъ можно развести Китайскую породу червей.

Въ окрестностяхъ Тулузы, въ Пюжольскомъ округѣ, вырыли древность, обратившую всеобщее вниманіе ученыхъ. Это монеты серебряныя и мѣдныя временъ графовъ Тулузскихъ. Онѣ были вѣроятно забыты, когда Симонъ Монфортъ осаждалъ городъ и грабилъ всѣхъ, кто ему попадался. Не худо бы академіи назначить комиссію, чтобъ продолжать изысканія. Ничего нѣтъ мудренаго, что найдутъ еще много рѣдкостей, потому что въ то время только въ землѣ прятали отъ непріятели свое добро, а окрестности Тулузы видѣли много враговъ, слѣдственно вѣроятно, что кромѣ этихъ трехъ тысячъ старинныхъ монетъ зарыто тутъ много другихъ вещей.

Литература могла бы отдохнуть въ такое жаркое время, но писатели поневолѣ работаютъ, потому что надобно же чѣмъ нибудь наполнять ежемѣсячные, ежедневные и еженедѣльные журналы. Правда, что политика занимаетъ въ нихъ большое мѣсто, но не всѣ читатели занимаются политикою. Изданіе Эжена Миркура подъ названіемъ *Современники*, имѣетъ огромный успѣхъ, какого онъ самъ вѣроятно не ожидалъ, но за то и принесло ему довольно непріятностей. Въ самомъ дѣлѣ, очень щекотливо и нескромно писать о живыхъ людяхъ, неокончившихъ своего поприща, разбирать ихъ частную жизнь, семейныя тайны, но Миркуръ смѣло идетъ къ своей цѣли. Онъ взялся писать современныя біографіи совсѣмъ не для того, чтобъ восхвалять или унижать нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей, какъ это дѣлаютъ составители пасквилей. Видя заблужденія публики на счетъ многихъ обманчивыхъ репутаций, онъ взялся представить современныя знаменитости въ настоящемъ ихъ видѣ со всѣми качествами и недостатками, руководствуясь самыми вѣрными доказательствами и добросовѣстностью, а не личными отношеніями и недоброжелательствомъ. Надобно много таланта, ловкости, ума и твердости, чтобъ рѣшиться нажить себѣ вдругъ нѣсколько враговъ, но кажется что Миркуръ мастеръ своего дѣла, и если до сихъ поръ оригиналы его біографій нашли причины сердиться на его нескромность, то ни одинъ не могъ сказать, что онъ привелъ несправедливыя показанія или выдумалъ какое нибудь небывалое проис-

шествiе. Правда, что не смотря на удвоенную осторожность и любезность въ биографiи Жоржъ Занда, знаменитая писательница затѣяла журнальный процессъ съ Миркуромъ, опровергая нѣкоторые случаи и подробности ея жизни; но остроумный Меркуръ очень вѣжливо отвѣчалъ ей, что готовъ согласиться на все, только не передѣлаеть ни слова изъ биографiи, потому что она справедлива.

Другiе писатели тоже могли быть не очень довольны строгими и черезъ чуръ откровенными биографiями, но разсудили лучше молчать, чѣмъ огласкою обратить на себя всеобщее вниманiе. Изъ вышедшихъ биографiй превосходно написаны: Альфредъ Мюссе, Гизо, Жераръ де Нерваль, Мери, Гюго и Жоржъ Зандъ, не смотря на неодобренiе самой писательницы. Слѣдующiя объщаютъ еще больше, особенно биографiи политическихъ людей.

Успѣхъ Миркура соблазнилъ живописца Шарля Жофруа, который взялся издавать *Галерею живыхъ драматическихъ артистовъ*. Вотъ тутъ уже вѣроятно ни одна биографiя не пройдетъ безъ полемики или процессовъ, потому что самолюбiе актеровъ и актрисъ извѣстно, и они никакъ не позволяютъ строго судить о своихъ высокихъ талантахъ. Однакоже успѣхъ этого изданiя несомнѣненъ, потому что жизнь артистовъ занимательнѣе всѣхъ рамановъ Дюма и комп., (который между прочимъ въ послѣднее время пишетъ прескучные романы). Галерея начнется Рашелью и Фредерикомъ Леметромъ, которымъ надобно было много усилiй и трудовъ, чтобъ достигнуть славы. Потомъ будетъ биографiя Бокажа, бѣднаго ткача, добивавшагося цѣлыя пятнадцать лѣтъ сдѣлаться извѣстнымъ и заслужить вниманiе самой капризной въ свѣтѣ публики. Жизнь Буффе, Арналя, Тиссерана и др. представляетъ тоже много любопытныхъ эпизодовъ. Шарль Жофруа взялъ себѣ сотрудниковъ, имена которыхъ ручаются публикѣ, если не за совершенную справедливость, то по крайней мѣрѣ за увлекательность разсказа. Александръ Дюма, Ипполитъ Ротъ, Жюль-Жаненъ, Ипполитъ Люка, взялись написать нѣкоторыя биографiи, которыя будутъ выходить маленькими книжечками съ чрезвычайно схожими портретами, рисованными Шарлемъ Жофруа, сдѣлавшимся уже извѣстнымъ рѣдкимъ талантомъ схватывать сходство всякаго лица и представлять его въ самомъ выгодномъ положенiи.

Вышла переводная книга подъ названiемъ *Лондонская биржа*, имѣвшая въ Лондонѣ уже нѣсколько изданiй и принятая и въ Парижѣ съ восторгомъ, особенно въ кругу капиталистовъ. Въ этомъ изданiи Джонъ-Френсисъ собралъ всѣ биржевыя происшествiя, имѣвшiя большое влiянiе на дѣла государства, множество занимательныхъ анекдотовъ и

биографіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ лондонскихъ капиталистовъ, начиная съ Томаса Гюи до Натана-Мейера-Ротшильда.

Вышли еще двѣ маленькія книги, которыя не залежатся у книгопродавцевъ: одна изъ нихъ имѣетъ такое заманчивое названіе, что невольно просится чтобъ ее прочитали, и къ тому же содержаніе ея совершенно оправдываетъ заглавіе: *ICI l'on aime*. Эти слова написалъ Луи Люринь на желтой оберткѣ, подъ которою собралъ нѣсколько замѣчательныхъ повѣстей. Разумѣется, что въ нихъ главную роль играетъ любовь. *L'esprit et le coeur* самый лучшій перлъ въ этомъ блестящемъ ожерельѣ разсказовъ.

Les contes sans pretention Альберика Секона тоже очень замѣчательная книга, хотя содержаніе ея и характеръ не имѣютъ никакого сходства съ сочиненіемъ Люрина. Этотъ послѣдній остроумень, задумчивъ, иѣженъ, блестящъ какъ настоящій преемникъ Мариво, а Альберикъ, всегда веселъ, откровененъ безъ всякихъ претензій, какъ Реньяръ. Не смотря на это несходство талантовъ, оба писателя сочинили вмѣстѣ комедію, которую репетируютъ на французскомъ театрѣ и которая вѣроятно будетъ имѣть успѣхъ. Если одинъ сотрудникъ создалъ роли влюбленныхъ, а другой весельчаковъ и повѣсь, то пьеса будетъ отличная. Нѣкоторыя изъ сказокъ Альберика, написанныя въ видѣ пословицъ, могутъ быть съ успѣхомъ играны на сценѣ, потому что превосходно составлены и имѣютъ много драматическаго интереса.

Парижскіе театры немного остановили свою дѣятельность, хотя не могутъ пожаловаться на невнимательность публики и недостаточные сборы. Пять театровъ закрыты совсѣмъ на нѣкоторое время: Опера, Итальянскій театръ, Лирическій, Водевиль и театръ Бомарше.

Лирическій театръ закрылся по случаю кончины своего директора Жюля Севестра, случившейся совершенно неожиданно. Передъ нимъ былъ директоромъ этого театра Эдмондъ Севестръ, его старшій братъ, тоже умершій отъ апоплексическаго удара. Артисты и композиторы чрезвычайно жалѣютъ о немъ, какъ о человѣкѣ прекрасныхъ правилъ и способномъ начальникѣ. Ему не было еще и пятидесяти лѣтъ.

Причина закрытія театра Водевиля еще печальнѣе. Директоръ его Тибодо объявилъ себя несостоятельнымъ, и артисты, получивъ свободу, хлопчатъ о новыхъ ангажементяхъ. Всѣмъ покажется страннымъ, что театръ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ публики, имѣвшій превосходную труппу и дѣлавшій всю зиму хорошіе сборы своими *Мраморными женщинами*, и передъ тѣмъ *Дамой съ камеліями*, вдругъ такъ запутался въ дѣлахъ, что нѣсколько мѣсяцевъ не платилъ артистамъ жалованья и не могъ поставить ничего лучше «*Marbrier*» Александра

Дюма. Но наповѣрку выходитъ, что директоръ Тибодо разорился не по театральному управленію, а по своимъ частнымъ дѣламъ. Вообще этотъ театръ особенно несчастливъ; въ продолженіе десяти лѣтъ въ немъ перемѣнилось нѣсколько директоровъ, и вся труппа отъ перваго артиста до послѣдняго мѣнялась нѣсколько разъ. Это послѣднее неудобство въ собенности принесло много вреда дирекціи и театру. Бывало, артисты, заслужа известность на одной сценѣ, оставались на ней, способствуя всѣми силами къ поддержкѣ *роднаго* театра, а теперь вошло въ моду чуть не черезъ мѣсяць переходить съ одной сцены на другую. Отъ этого нѣтъ въ труппѣ ни единства, ни согласія. Каждый новоприбывшій артистъ считаетъ себя лучше другихъ, особенно если онъ игралъ на первоклассномъ театрѣ; прежніе члены труппы смотрятъ съ недовѣрчивостью на новоприбывшихъ и ропшутъ, если тѣмъ дадутъ значительное жалованье. Какой же послѣ этого можетъ быть успѣхъ пьесъ, играемыхъ враждующими артистами. Вотъ главная причина отчего театръ Водевилья не можетъ выпутаться изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Теперь для управленія его является много кандидатовъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ Рафаэль Феликсъ, воображающій, что огромною дирекціею также легко управлять какъ труппою фигурантовъ, набранныхъ для подаванія репликъ его сестрицѣ. Впрочемъ, можетъ быть, ему и удастся возстановить дѣла этого бѣднаго театра, особенно если онъ соберетъ постоянную труппу, счумѣетъ ее удержать и привлечетъ любимыхъ авторовъ. Во всякомъ случаѣ, къ кому бы ни перешла дирекція водевиля, объявлено, что театръ начнетъ свои представленія съ 1-го сентября. Директоръ думалъ совершенно поправиться, поставя могильный водевиль Дюма: «*le Magicien*», но писатель этотъ совершенно исписался и надобль публикѣ; пьеса не имѣла большого успѣха, и тотчасъ же послѣ нея бѣдный Тибодо объявилъ себя банкротомъ.

Остальные театры закрыты по случаю передѣлокъ и приготовленій къ новымъ пьесамъ.

Любопытенъ послѣдній отчетъ доходовъ четырнадцати парижскихъ театровъ. Всѣ театры вообще собрали въ 1853 году 9,741,842 франка, а именно: Опера—189,253 фран. за десять мѣсяцевъ. (Іюнь и августъ опера закрыта). Французская комедія собрала 639,386 фран. Комическая опера—1,199,704 фр. Итальянцы—483,450 фр.: въ шесть мѣсяцевъ. Одеонъ 353,595 фр. Лирической театръ—548,944 фр. въ девять мѣсяцевъ. Водевиль—676,115 фр. Разнообразія—568,810. Гимназіи — 821,040 фр. Палерояль—570,416 фр. Сен-Мартенскихъ воровъ—866,547 фр. Веселости, 587,213 фр. Амбигю—578,710. Циркъ 758,659 фр.

Стало быть, по величинѣ сборовъ парижскіе театры можно распределить слѣдующимъ образомъ: 1) Комическая опера. 2) Опера. 3) Театръ Сен-Мартенскихъ воротъ. 4) Гимназіи. 5) Циркъ. 6) Водевиль. 7) Французскій театръ. 8) Веселости. 9) Амбигю. 10. Палерояль. 11) Разнообразія. 12) Лирическій театръ. 13) Итальянскій. 14) Одеонъ.

И такъ, театръ Водевиля, занимавшій шестое мѣсто по доходамъ между столичными театрами, никакъ немогъ пожаловаться, что причиною его банкротства были недостаточные сборы. Восемь театровъ собрали гораздо меньше его, а все-таки живутъ и неперѣстаютъ ставить новыя пьесы, хотя существованіе Одеона рѣшительно загадочно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно на ничтожную сумму 353,595 фр. содержать огромную труппу; поддерживать театръ и ставить десятиактные пьесы съ великолѣпнымъ спектаклемъ? Это непостижимо!

Извѣстно, что всѣ театры платятъ одиннадцатую часть доходовъ въ пользу бѣдныхъ. Стало-быть, бѣдные получили за 1853 театральнй годъ, 885,622 фран.

Французская комедія объявила тоже, что въ театрѣ ея необходимы передѣлки, но она не прекратитъ своихъ представленій, а будетъ пока мѣсть играть въ Итальянскомъ театрѣ. Въ фойе будутъ поставлены новыя статуи извѣстныхъ скульпторовъ. Клессингеръ сдѣлалъ уже превосходную статую трагедіи, въ которой представлена Рашель, потомъ онъ сдѣлалъ статую комедіи, придавъ ей черты Огюстины Броганъ, и лирическую трагедію въ видѣ Софій Крувелли. Мысль эта превосходна. Теперь драматическіе артисты не могутъ уже жаловаться, что съ ними умираетъ ихъ слава и, кромѣ современниковъ никто не можетъ имѣть понятія объ ихъ талантѣ. Дирекція перваго французскаго театра ясно доказываетъ противное, сохраняя для потомства черты лучшихъ артистовъ, прославившихъ сцену.

Комитетъ чтенія французской комедіи занимается дѣятельно будущими пьесами и готовитъ къ зимѣ блистательныя представленія. Недавно читали въ немъ трехъ-актную комедію въ стихахъ, подъ названіемъ: «Un coin du monde», сочиненія Андриена Лелю. По прочтеніи, всѣ шары въ урнѣ оказались бѣлыми, что заставляеть предполагать большой успѣхъ. Такого согласнаго мнѣнія еще кажется небывало въ комитетѣ чтенія.

Кромѣ того хотятъ разучить давно уже принятую трагедію Ладіера подъ названіемъ: *Густавъ Ваза* и драму Артюра Пуре, которой еще не придумано названія. По этому видно, что успѣхи другихъ театровъ немного беспокоятъ французскую комедію, которая такъ давно не поста-

вила на сцену ни одного замѣчательнаго произведенія. До сихъ поръ еще неизвѣстно, останется ли Рашель на этой сценѣ, или нѣтъ. Смерть сестры имѣла очень сильное впечатлѣніе на знаменитую артистку, которая любила Ревекку, какъ свою дочь, и послѣ похоронъ ея Рашель не выходила на сцену. Въ день погребенія Ревекки, Французскій театръ былъ закрытъ. Всѣ артисты и много писателей провожали молодую женщину. Жюль-Жаненъ читалъ надъ ея могилой блистательную рѣчь:

Александръ Дюма кажется совсѣмъ отказался работать для Французской комедіи послѣ неудачъ съ своими Молодостями: Впрочемъ онъ утѣшился тѣмъ, что *Молодость Людовика XIV* играли въ Брюсселѣ «такъ отлично, какъ не въ состояніи играть парижскіе артисты», провозгласилъ на другой день *Мухометъ*. Переводъ этой пьесы играли въ Туринѣ и «*Gioventu di Luigi XIV*» началась въ восемь часовъ вечера, а окончилась на слѣдующій день во второмъ часу пополудни. Итальянцы обвистали такую длинную пьесу. А еще Дюма не соглашался, чтобъ въ Парижѣ ее убавили!

Въ ожиданіи будущихъ образцовыхъ произведеній, дирекція французской комедіи поставила драму въ одномъ дѣйствіи, подъ громкимъ названіемъ *La reine de Lesbos*. По всему видно, что это произведеніе очень молодаго человѣка еще не забывшаго школьные уроки. Жюльера вѣроятно еще на школьной скамьѣ составилъ планъ своей драмы, и такъ какъ пьеса написана по всемъ правиламъ, стихи гладки и дѣйствіе монотонно, какъ прилично классической трагедіи, то первый Французскій театръ и почелъ своею обязанностью принять пьесу для поощренія молодаго таланта, изъ котораго можетъ быть выйдетъ новый Расинъ или Корнель. Сюжетъ пьесы очень простъ. Сафо любитъ Фаона, поэтъ Алькей любитъ Климену, а Фаонъ смѣется надъ любовью Сафы, точно такъ же, какъ Климена надъ страстью Алкея. Сафо изливаетъ свое отчаяніе въ гармоническихъ стихахъ, но Алькей, какъ настоящій поэтъ, предлагаетъ Сафо для развлеченія вступить въ заговоръ противъ Лесбоскаго правительства. Однако и это не удается, потому что мудрый Питтакъ самъ предлагаетъ Сафо верховную власть и провозглашаетъ ее царицей Лесбоса, вполне увѣренный, что она будетъ мало заниматься дѣлами, а управленіе останется въ его рукахъ. Сафо принимаетъ власть только для того, чтобъ предложить ее Фаону, но тотъ отказывается отъ этой чести и женится на Клименѣ. Алкей съ отчаянія оставляетъ Лесбосъ, а Сафо беретъ лиру и восходитъ на роковую скалу....

Къ счастью драма не длинна, и это доказываетъ умѣнье автора и знаніе публики, потому что одинъ актъ хотя и скучный былъ выслу-

шанъ довольно благосклонно и оставилъ по себѣ довольно пріятное впечатлѣніе, но если бѣ Жюльера, подобно многимъ начинающимъ поэтамъ, вздумалъ распространить сюжетъ на пять актовъ, піеса его имѣла бы самую печальную судьбу. Притомъ же сюжетъ Сафы до того избитъ операми, стихами, трагедіями, статуями, что пора бы выдумать что нибудь другое.

Впрочемъ г-жа Жюдитъ была такая удивительная Сафо, для которой можно забыть всѣхъ Клименъ на свѣтѣ. Ея античная красота, чудный голосъ и страстная игра поддержали бы и не такую піесу. Совѣтуемъ автору заняться не классическими піесами, и онъ будетъ имѣть еще больше успѣха. Впрочемъ для начала драматическаго поприща и это недурно.

Комическая опера поставила опять новое произведеніе подъ названіемъ *Les Trovailles*, имѣвшее огромный успѣхъ. Этотъ небольшой актъ написанъ молодымъ, но уже извѣстнымъ драматургомъ Мишелемъ Карре, а музыка сочинена начинающимъ композиторомъ Дюпрато. Надобно признаться, что этотъ молодой человекъ началъ такъ, какъ не многіе кончаютъ. Не худо бы лирическимъ театрамъ обратить на него побольше вниманія, если хотять къ зимѣ приготовить новыя оперы.

Названіе оперы Италіянское. *Trovaille* значитъ найденышъ женскаго пола, для которыхъ близъ Неаполя есть монастырь, гдѣ живутъ и воспитываются эти молодыя дѣвушки. Изъ нихъ работники и даже молодые люди средняго сословія выбираютъ себѣ женъ. Джеронимо, влюбленъ безъ памяти въ племянницу одной богатой маркизы, и Нантина готова отвѣчать на его любовь, тѣмъ болѣе, что ее принуждаютъ выйти замужъ за богатаго дурака, котораго она терпѣть не можетъ. Маркиза застаётъ ее на свиданіи съ Джеронимо, и оскорбленная этимъ объявляетъ, что она отказывается отъ нея, тѣмъ болѣе, что она не ея племянница, а найденышъ, взятый изъ монастыря. Нантина въ восторгѣ отъ этого, и поблагодаривъ маркизу за ея попеченіе, отдаетъ свою руку счастливому Джеромо, который теперь самъ дѣлаетъ честь сиротѣ тѣмъ, что женится на ней. Однако маркиза такъ привязана къ своей воспитанницѣ, что не хочетъ оставить ее въ бѣдности и возвращаетъ ей приданое, приготовленное ею къ свадьбѣ съ богатымъ франтомъ.

Публика приняла съ восторгомъ это милое произведеніе и осыпала рукоплесканіями молодыхъ авторовъ. Если бѣ опера была подписана Оберомъ или Аданомъ, всѣ журналы прокричали бы, что это образцовое произведеніе, но такъ какъ имя Дюпрато является въ первый разъ въ музыкальномъ мірѣ, то критики находятся въ недоумѣніи и не зна-

ють хвалить или вѣтъ. Но публика уже отдала полную справедливость молодому маэстро, талант котораго будетъ скоро извѣстенъ не одному Парижу.

Въ новой оперѣ очень много свѣжихъ мотивовъ. Увертюра составлена мастерски, арии, хоры, дуэты превосходны, оркестровка доказываетъ глубокія музыкальныя познанія, и къ довершенію счастья, Дюпрато нашелъ въ либретистѣ тоже талантливаго писателя, составившаго для него занимательную, игривую піесу, которая еще болѣе выказываетъ красоты музыки.

Театръ гимназій тоже не перестаетъ ставить хорошенькіе водевилы Дирекція отыскала піесу покойнаго Баяра, подъ названіемъ *Un touen dangegeux*, и хотя при жизни этому писателю много доставалось отъ критиковъ, но теперь всѣ согласились, что онъ одинъ имѣлъ неподражаемый талантъ составлять занимательныя піесы изъ самыхъ ничтожныхъ случаевъ, и забавлять публику искуснымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ. Если бъ этотъ водевиль былъ представленъ при жизни Баяра, то навѣрно бы писателя упрекнули въ бѣдности интриги, въ избыткѣ эффектахъ. Но теперь принято, что покойные писатели всѣ гениальны, и только современники не умѣютъ ничего написать порядочнаго.

Опасное средство состоитъ въ томъ, что мужъ *среднихъ* лѣтъ не довольствуется тѣмъ, что его жена молода и хороша, и волочится за хорошенькими гризетками. Г-жа Дюверне узнаетъ, что супругъ предложилъ свое сердце кружевницѣ Элизѣ и назначилъ ей свиданіе. Молодая женщина хочетъ исправить своего мужа, и взявъ къ себѣ Элизу, спасаетъ ее отъ преслѣдованій, и въ тоже время показывая всѣ недостатки и дурное воспитаніе гризетки, заставляетъ мужа оцѣнить ея собственныя достоинства. Одержавъ побѣду надъ вѣтреннымъ супругомъ г-жа Дюверне выдаетъ Элизу замужъ за лакея. Вотъ весь сюжетъ новаго водевиля; но не смотря на бѣдность содержанія, онъ написанъ такъ... какъ только умѣлъ писать Баяръ, и потому имѣлъ огромный успѣхъ.

Другой водевиль *Les amoureux de ma femme*, написанный живыми писателями, тоже понравился публикѣ. Странно что сюжетъ почти тотъ же какъ въ піесѣ Баяра, только вывороченный на изнанку. Тамъ жена спасаетъ мужа отъ обольщеній гризетокъ, здѣсь мужъ не знаетъ какъ избавить жену отъ многочисленныхъ обожателей. Дѣйствіе происходитъ на водахъ, гдѣ всѣ больные холостые, вмѣсто того чтобъ заниматься здоровыми дѣвушками, окружаютъ жену Дютрельи и заставляютъ ее восхищаться ихъ талантами, красотой, молодостью, модными нарядами. Мужъ находится въ затруднительномъ положеніи, потому-что самъ ни

въ чемъ не можетъ соперничать съ этими франтами и придумываетъ тоже *опасное средство*, чтобъ удалить вздыхателей. Онъ объявляетъ имъ за тайну, что г-жа Дютрельи совсѣмъ не жена его, а племянница, бѣдная дѣвушка, которая хочетъ найти себѣ мужа, пользуясь свободою, какую имѣютъ въ обществѣ дамы. Это извѣстіе дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на обожателей. Всѣ они подъ разными предлогами удаляются отъ предполагаемой невѣсты, и мужъ уже радуется своей хитрости; но вдругъ одинъ изъ молодыхъ людей, полюбившій г-жу Дютрель истинно, является къ супругу и проситъ руки его племянницы. Бѣдный мужъ, не зная какъ отдѣлаться отъ преслѣдованій, тѣмъ болѣе что обожатели успѣли узнать обманъ и опять окружить его жену, увозить ее съ собою, не сказавъ куда уѣзжаетъ. Пьеса была прекрасно разыграна и вѣрно проживетъ до зимы.

Театръ Сен-Мартенскихъ воротъ поставилъ великолѣпную чепуху, имѣвшую, разумѣется, колоссальный успѣхъ. Это что-то въ родѣ волшебной сказки, смѣсь неглупостей, несообразностей, лжи, но все это сопровождено живописными декораціями, костюмами, машинами; пьеса написана искуснымъ мастеромъ Поль-Мерисомъ, который доказалъ въ *Бенвенуто Челлини*, что умѣетъ набирать безчисленное множество эффектовъ, и можетъ написать двадцать картинъ безъ связи и вѣроятности, но живыхъ, поразительныхъ, недающихъ опомниться зрителю. Содержаніе ея трудно разсказать, потому что тутъ такая путаница, какую не разслушать самому опытному критику. Но содержаніемъ никто и не занимается. Довольно того, что чуть не въ каждой картинѣ есть или сраженіе, или взрывъ, или живописные виды. Теперь машинисты и декораторы играютъ главную роль, и пьесы обязаны успѣхомъ болѣе имъ, чѣмъ авторамъ. Меленгъ игралъ главную роль и заслужилъ оглушительныя рукоплесканія. Только эти пьесы à propos живутъ не долго, и стоитъ какому нибудь компилятору набрать еще больше несообразностей, и украсить ихъ историческимъ именемъ — драма будетъ забыта, точно также какъ всѣ подобныя пьесы, писанныя для забавы черни.

На сценѣ Разнообразія очень понравился небольшой водевиль Деланда, подъ названіемъ *Une idée de jeune fille*. Въ немъ очень мило выведено современное воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ, начитавшихся романовъ Жоржъ Занда. У Дюфо, богатаго капиталиста, единственная дочь Эмилиа, разумѣется, воспитанная по модѣ и страшно избалованная. Начитавшись романовъ, гдѣ ремесленники и люди низшаго сословія представлены образцами добродѣтели и рыцарства, она не хочетъ идти замужъ за непреклоннаго молодого человѣка, который ее любитъ, потому что онъ принадлежитъ къ высшему обществу, что имя его исто-

рическое и онъ маркизъ, а не какой нибудь каменщикъ или плотникъ. Отецъ позволяетъ дочкѣ самой искать себѣ мужа, потому что ему уже надоѣло отказывать безчисленнымъ женихамъ. Но добрякъ никакъ не ожидалъ, что романическая Эмилія выберетъ грязнаго, пьянаго, грубаго обойщика, который поправлялъ мебель въ ея комнату, и успѣлъ очаровать ее своею наивною. Эмилія увѣрена, что Антуанъ влюбленъ въ нее безнадежно, и хочетъ наградить его за благородныя чувства, отдавъ ему свою руку и богатое приданое. Разумѣется, отецъ приходитъ въ отчаяніе, и клянетъ современную литературу, когда узнаетъ проказы Эмиліи и твердое ея рѣшеніе быть женою Антуана. По счастію прежній ея женихъ, маркизъ, берется ее вылечить отъ страсти къ моднымъ романамъ. Онъ поитъ работника, приводитъ его къ Дюфо и проситъ, чтобъ отецъ самъ предложилъ ему руку своей дочери. Видя свой идеалъ въ нетрезвомъ состояніи, Эмилія пугается, когда же Дюфо предлагаетъ ему свою дочь, Антуанъ, думая что надъ нимъ смѣются, начинаетъ браниться и даже драться, объявляя что онъ терпѣть не можетъ жеманныхъ барышень, а любитъ здоровую крестьянку, на которой обѣщаль жениться. Эта комическая сцена ведена прекрасно, и не смотря на нетрезвость Антуана, характеръ его простой и разсудительный, съ примѣсю насмѣшки, превосходно напоминаетъ настоящаго парижскаго работника, а не сентиментальнаго героя съ философическими взглядами, какихъ выводятъ въ романахъ. Разумѣется, что Эмилія мирится съ своимъ женихомъ маркизомъ, и отправляетъ грубаго обойщика къ его дульцинеѣ, заплативъ ему щедро за урокъ.

Пьеса, превосходно разыгранная, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ, тѣмъ болѣе что написана съ похвальною цѣлю. Впрочемъ Полень Деландъ избралъ себѣ кажется спеціальнѣйшій родъ, потому что во всѣхъ его пьесахъ выведены работники и бѣдные жители Париза, въ настоящемъ ихъ видѣ безъ всякихъ прикрасъ, то есть людьми добрыми, и пожалуй разсудительными, но грубыми, слабыми, любящими погулять и пошумѣть, а совѣтъ не такими безпорочными рыцарями, какіе являются въ романахъ Занда, Ламартина и др.

Le Mauvais coucheur, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Лефрана, былъ съ успѣхомъ игранъ на театрѣ Палерояля. Это еще новый типъ въ родѣ Кравашионовъ и Бургашаровъ. Форзовъ имѣетъ самый нестерпимый характеръ и хорошенькую дочку, съ которою поселился въ Марсели, подальше отъ парижскихъ франтовъ. Но наивный брюзга не подозреваетъ, что еслибъ онъ жилъ съ своею дочерью и въ степяхъ Сахары, то все бы судьба послала ему въ сосѣди молодаго человѣка, хоть дикаго, который бы похитилъ у него дочь, и увезъ ее на страусѣ, за

неимѣнемъ желѣзной дороги или парохода. Стало быть, напрасно строгій отецъ выбралъ самый уединенный домъ, окнами въ стѣну, и въ которомъ нѣтъ другихъ жильцовъ; напрасно онъ прячетъ свою дочь какъ сокровище, къ нему точно съ неба сваливается молодой человекъ, по имени Жоликлеръ, и выдавая себя за виноторговца, предлагаетъ Форзову обрачки винъ. Однако старика трудно обмануть, и онъ безъ церемоній выпроваживаетъ гостя, сказавъ ему что ни за что на свѣтѣ не выдастъ дочь замужъ, покуда живъ. «Въ такомъ случаѣ я васъ убью», отвѣчаетъ Жоликлеръ, влезая въ окно. Я цовоу полицію, кричитъ старикъ, какъ вы смѣете влезать ко мнѣ въ окно, вы воръ, вы мошенникъ, можете быть убійца... «Я хозяинъ этого дома, прерываетъ молодой человекъ и имѣю полное право справляться довольны ли мои жильцы квартирою.»

Въ самомъ дѣлѣ, хозяинъ дома умеръ наканунѣ, и Жоликлеръ его племянникъ и единственный наслѣдникъ. Фурзовъ, выведенный изъ терпѣнія, вызываетъ Жоликлера на дуэль. Такъ какъ противники не хотятъ отложить поединка, то оба пишутъ въ нѣсколькихъ словахъ свою духовную, и идутъ драться на берегъ канала. Молодая дѣвушка остается въ сильномъ страхѣ, какъ вдругъ является Жоликлеръ мокрый съ головы до ногъ. Во время сраженія онъ остуился и упалъ въ каналъ, выйдя же на берегъ, онъ уже не нашелъ своего противника. Въ эту минуту входитъ Форзовъ, тоже мокрый и объясняетъ, что хотѣлъ спасти утопающаго врага, но не нашелъ его въ водѣ. Оба они мирятся и подаютъ другъ другу свои духовныя. Жоликлеръ въ своей духовной завѣщаль свой домъ Форзову, а старикъ отдавалъ ему дочь. Разумѣется, что послѣ этого назначается свадьба, и старикъ даже радъ, что ему не надобно будетъ стеречь свою дочь. Это уже будетъ дѣло мужа.

Теперь посмотримъ что дѣлается у нашихъ сосѣдей. Въ Лондонѣ видѣли смерть многихъ замѣчательныхъ людей. Литература оплакиваетъ кончину профессора Джона Вильсона и главнаго редактора одного изъ періодическихъ изданій Англiи Blackwood's Magazine. Два года тому назадъ, первый ударъ паралича разстроилъ эту сильную организацію, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ главныхъ работъ журнала. Джонъ Вильсонъ былъ писатель юмористическій и занимался всѣми отраслями литературы: поэзію, романами, критикою, и пр. Часто весь номеръ Blackwood's Magazine былъ наполненъ стихами Вильсона, повѣстью Вильсона, критическою статьею Вильсона и наконецъ разговоромъ de omnibus rebus, будто бы подслушаннымъ въ тавернѣ, гдѣ посѣтители разбираютъ живыхъ и мертвыхъ писателей пародируютъ лучшія произведенія, не щадя и издателей журнала.

Вильсонъ умеръ шестидесяти девяти лѣтъ. Онъ родился въ Песлей въ 1788 году, и отецъ его, богатый промышленникъ, могъ дать ему блистательное образованіе. Изъ Глазговскаго училища молодой Вильсонъ перешелъ въ Оксфордскій коллегіумъ, гдѣ получилъ первую награду за поэзію. Съ тѣхъ поръ онъ возмечталъ, что сдѣлается знаменитымъ поэтомъ, и по окончаніи курсовъ удалился въ небольшое помѣстье на берегу озера Виндермера, гдѣ, разумѣется, присталъ къ школѣ лакистовъ, заключающей въ себѣ множество оригиналовъ. Джонъ Вильсонъ, не желая отстать отъ своихъ товарищей, началъ писать въ самыхъ различныхъ родахъ, такъ что трудно повѣрить, чтобъ одинъ человекъ написалъ торжественную мелопею: *Путешествіе*, простыя баллады въ родѣ Водворта, и потомъ *Пальмовый островъ* и *Городъ Чумы*. Лекисты питаютъ сильную страсть къ озерамъ Англіи, и Джонъ Вильсонъ думалъ, что онъ всю свою жизнь проведетъ въ живописномъ помѣстьѣ и будетъ воспѣвать свои озера. Случилось, что общество туристовъ пріѣхало тоже помечтать у озеръ, и одна изъ дамъ сдѣлала сильное впечатлѣніе на сердце Вильсона. Другой молодой человекъ представился бы въ ея кругъ, гдѣ бы его приняли ласково, какъ поэта, подающаго большія надежды, но лекисты ничего не дѣлаютъ какъ другіе, и Джонъ Вильсонъ нарядившись трактирнымъ служителемъ, явился въ гостиницу, гдѣ остановилась красавица, и началъ прислуживать ей за столомъ. Англичанка замѣтила услужливость и поэтическую наружность Вильсона, и невольно обратила на него вниманіе. Интрига подвигалась впередъ какъ въ комической оперѣ, и поэтъ женился. Послѣ этого онъ могъ надѣяться на самую счастливую будущность; но вдругъ дѣла его отца запутались до того, что онъ принужденъ былъ продать свое маленькое помѣстье у озера и искать какого нибудь занятія для прокормленія своего семейства. Онъ отправился въ Эдinburghъ, гдѣ еще чрезвычайно уважаютъ званіе литератора. Тамъ онъ вступилъ въ число адвокатовъ, читалъ курсы моральной философіи, и вскорѣ сдѣлался главнымъ редакторомъ новаго журнала, основаннаго Блаквудомъ. Въ продолженіи тридцати лѣтъ онъ не оставлялъ ни одного изъ своихъ занятій и успѣвалъ вездѣ. Онъ аккуратно читалъ свои лекціи, управлялъ журналомъ, котораго былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, и успѣлъ написать романы, поставившіе его въ первомъ ряду англійскихъ писателей. *Маргарита Линдсей*, *Льсэвицики* и множество повѣстей. Кромѣ того онъ соединилъ свои лучшія статьи и издалъ ихъ подъ псевдонимомъ Кристофа Норта. Весь Эдinburghъ зналъ и уважалъ его сколько за литературные труды, столько и за эксцентричность поступковъ, за атлетическую силу и неутомимость въ ходьбѣ. Странность

характера его выражалась странностью въ костюмѣ, и хотя рассказы-ваютъ про него много выдуманныхъ анекдотовъ, но все-таки нѣкоторыя его выходки превышаютъ всѣ эксцентричности лекистовъ. Въ про-странной біографіи его вѣроятно будетъ много забавныхъ анекдотовъ.

Путешествія все еще въ большой модѣ. Недавно получено любопыт-ное письмо доктора Фогеля изъ Аегенумма (оазисъ, находящійся посре-динѣ большой степи Сахары, въ двадцати дняхъ пути отъ озера Чада). «Я бы хотѣлъ (пишетъ онъ), чтобъ вы сами увидѣли это огромное пе-сочное море съ пальмовыми островками, голыми утесами; я желалъ бы чтобъ вы увидѣли меня самого полуизжареннаго на солнцѣ, въ полу-арабскомъ, полувропейскомъ костюмѣ, лежащаго въ палаткѣ на соло-мянной рогожѣ передъ стуломъ. Я пишу вамъ лежа, потому что давно сжегъ мой столъ вмѣсто дровъ. У меня товарищами двѣ лошади, одна сѣрая, другая коричневая, и обѣ онѣ такъ привыкли ко мнѣ, что какъ собаки бѣгаютъ за мною, слушаютъ мои приказанія, и ѣдятъ изъ моихъ рукъ.

«Вчера я сдѣлалъ официальный визитъ султану области Тиббусъ, въ которой нахожусь. Онъ живетъ въ маленькой землянкѣ, покрытой пальмовыми вѣтками, вмѣстѣ съ своею лошадыю и двумя козами. Султанъ сидѣлъ на бамбуковой скамьѣ, и былъ одѣтъ въ голубой блузѣ съ огромною чалмою на головѣ. Я подошелъ къ нему и подаль ему руку, спрося какъ его здоровье. Однако эта фамильярность ка-жется, не понравилась черному властителю, потому что султанъ съ до-стоинствомъ отвѣчалъ: какія вы цмѣете извѣстія о моей любезной се-стрѣ, королевѣ Викторіи? Дайте ей знать, что султанъ Тиббуса очень радъ, что видѣлъ ея посланнаго».

Докторъ Фогель поневолѣ послалъ подарки султану, состоящіе изъ краснаго бурнуса, куска кисеи, краснаго колпака и двухъ бритвъ. Вѣрно негры имѣютъ привычку бриться.

Послѣ этого палатка путешественника наполнилась прекраснымъ по-ломъ, требовавшимъ тоже подарковъ. Докторъ роздалъ всѣмъ женщи-намъ по нѣскольку иголокъ, и тѣ были въ восторгѣ. «Это доказываетъ, прибавляетъ докторъ, что женщины созданы на то, чтобъ чинить бѣлье мужчинамъ и штопать намъ чулки».

Послѣ письма доктора Фогеля напечатаны были *Вечера въ па-латкѣ или Жизнь въ Сахарѣ* Девиса, и имѣли большой успѣхъ. Девисъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ Африкѣ, знаетъ всѣ туземные языки, и отправился во внутренность страны съ Сиди-Могамедъ-беємъ, наслѣдникомъ Тунисскаго властителя. Онъ очень вѣрно описываетъ нравы жителей и говоритъ, что со времени занятія французами Алжи-

риѣ, большое число дезертировъ разбрелось по сосѣднимъ странамъ. Благодаря своимъ качествамъ и умѣнью, они успѣли заслужить уваженіе туземцевъ, которые гораздо скорѣе подвигаются въ просвѣщеніи, чѣмъ въ завоеванныхъ провинціяхъ.

О востокѣ пишутъ теперь очень много. Замѣчательна книга Курзона, написанная не съ политическою цѣлью, а только описывающая нравы и религію турокъ. «Въ исламизмѣ, говоритъ авторъ, есть много сектъ, которыя въ вѣчной враждѣ между собою. Кромѣ того факиры и дервиши надуваютъ мусульманъ, продавая имъ цвѣты и растенія, одаренныя будто бы магическою силою. Въ исламизмѣ есть преданія, напоминающія мифологію Греціи. У турокъ есть преданіе, что красный тюльпанъ выросъ изъ крови Фергада, лишившаго себя жизни съ отчаянія, что потерялъ свою возлюбленную Шеренъ. Это почти также поэтическая сказка объ анемонѣ, выкрашенной кровью адониса. Курзонъ описываетъ нѣкоторыхъ пашей, которые разоряютъ свои провинціи. Впрочемъ турки всегда готовы къ быстрымъ переменамъ фортуны, и принимаютъ хладнокровно какъ высокое назначеніе, такъ и роковой смурокъ. Замѣчательны также преданія, приведенныя Курзономъ объ Эрзерумской тюрьмѣ.

Въ городѣ этомъ были удивительные часы, которыми гордился паша. Вдругъ неизвѣстно отчего, часы испортились и остановились. Никто изъ жителей не могъ ихъ поправить, потому что между ними не было ни одного часовщика, и паша съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія европейца или Франка, будучи вполне увѣренъ, что часовое мастерство входитъ непременно въ ихъ воспитаніе, какъ пріятное и полезное искусство. Первый путешественникъ былъ докторъ. Паша принялъ его ласково, пригласилъ къ себѣ пить кофе, и послѣ угощенія очень вѣжливо попросилъ его починить часы на башнѣ Эрзерума. «Извините меня, отвѣчалъ докторъ, я не часовыхъ дѣлъ мастеръ, и никогда не занимался механикою, стало быть не могу взяться не за свое дѣло.—«Франкская собака, закричалъ паша, ты хуже всѣхъ на свѣтѣ собакъ! Что ты мнѣ лжешь! Ты сейчасъ говорилъ, что знаешь всѣ пружины человеческого тѣла и можешь поправить ихъ, когда они испортятся, а теперь увѣряешь, что не можешь заставить двигаться машину? Зная творенія Бога, ты не понимаешь созданія рукъ человеческихъ? Стоитъ поклоннику Магомета засорить желудокъ, и ты одной пилюлей возвратишь ему аппетитъ, а не можешь вылечить моихъ часовъ? Это взоръ. Если ты, щупая мой пульсъ, узналъ чѣмъ я болѣнъ, то долженъ знать отчего остановились часы. Всѣ франки должны быть часовщиками, потому что одни франки умѣютъ дѣлать часы. Ты изъ упрямства нехочешь почи-

пить ихъ и еще послѣ моего ласковаго приѣма. Эй, стражи, сведите этого франка къ часамъ, и если онъ не поправитъ, то посадите его въ тюрьму, откуда онъ выйдетъ только когда исполнить мою волю.»

Бѣдный докторъ напрасно увѣрялъ пашу, что мастерство дѣлать часы совсѣмъ не то же самое, что анатомія; его засадили въ темницу. Послѣ него прибылъ другой путешественникъ, котораго паша тоже облажалъ и предложилъ ему починить часы. Но послѣ отказа и его посадили въ эрзерумскую тюрьму. За нимъ послѣдовало еще нѣсколько несчастныхъ европейцевъ, изъ которыхъ не было ни одного часовыхъ дѣлъ мастера, и это продолжалось до смерти паша. Послѣ этого какъ не сознаться, что гостепріимство уважается на Востокѣ.

Вышли въ Лондонѣ два замѣчательныя сочиненія, написанныя женщинами. Между этими сочиненіями нѣтъ ни малѣйшаго сходства. *Alter bôrd* написанъ миссъ Митфордъ, восьмидесяти-лѣтнею писательницей въ пасторальномъ родѣ. Она превосходно описываетъ сельскую жизнь, и сцены ея романа напоминаютъ картины Рюисдаля и Гоббеми.

Другой романъ въ сатирическомъ родѣ подписанъ Леди Бульверъ Литтонъ и названъ *За кулисами*. Прекрасная леди взялась за перо съ видимою цѣлью отомстить мужу за всѣ непріятности, какія онъ нанесъ ей. Она напоминаетъ *vivens quid boemina* Виргилія. Подобную жену надобно было бы имѣть Лорду Байрону, и она отомстила бы ему за то, что онъ смѣлъ помѣстить ее въ своемъ Донъ-Жуанѣ. Но сирь Эдвардъ Бульверъ не напоминаетъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ о своей дражайшей половинѣ. За что же она такъ сердита на него? Можетъ быть это и приводитъ ее въ отчаяніе, что онъ совсѣмъ забылъ о ея существованіи; онъ напоминаетъ о себѣ самымъ блистательнымъ образомъ. Писательница вывела въ романѣ своего мужа подъ именемъ Понсонби Феррара, и сдѣлала изъ него родъ чудовища безъ сердца и ума, доказывая недостатокъ ума тѣмъ, что онъ пишетъ не самъ свои романы, а подписываетъ только свое имя подъ сочиненіями одной Германской писательницы, которую обмануль. Недостатокъ же сердца изобличается тѣмъ, что истощивъ въ свою пользу талантъ бѣдной женщины, Ферраръ собирается отравить свою возлюбленную гомеопатическимъ приѣмомъ белладоны, но его останавливаетъ то, что *белладона* значитъ *прекрасная женщина*, а нѣмка-писательница очень дурна собою, и онъ боится, что ядъ не подѣйствуетъ. Хорошо тоже описаніе обѣда, какимъ угощаетъ чувствительная нѣмка своего любимца. Кислая капуста и лукъ играютъ въ немъ главную роль. Леди Бульверъ выводитъ еще въ своемъ волшебномъ фонарѣ д'Израели подъ именемъ Бессараби и Чарльса Диккенса въ видѣ какого-то Карло Дейяля. Оба эти друга Феррара

представлены не преступниками, но презрѣнными существами, не стоящими никакого уваженія. Карло Дейаль названъ у ней Аристофаномъ предмѣстій, и другими именами. Неизвѣстно за что она сердится на нихъ. Положимъ, что мужъ, можетъ быть передъ ней виноватъ, народный писатель тоже, отвлекая отъ нея вниманіе публики, но ораторъ и бывший министръ?.. Ужъ не собирается ли леди-писательница засѣдать въ Парламентъ?

Прошелъ слухъ, что лондонская академія рѣшила не принимать на свои выставки работъ иностранныхъ художниковъ, но это не правда, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ правда. Управление академіи не можетъ только помѣстить всѣхъ присылаемыхъ картинъ, потому что залы для живописи не велики, и оно на будущее время назначило допустить ограниченное число работъ иностранныхъ художниковъ.

Это рѣшеніе все таки покажется артистамъ невыгоднымъ, но они могутъ утѣшиться тѣмъ, что въ Сейденгемскомъ дворцѣ назначена огромная зала именно для выставки произведеній искусствъ всѣхъ націй безъ различія, и еще работы будутъ приниматься на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для художниковъ.

Однако довольно о Лондонѣ. Вернемся опять въ Парижъ. Въ Ратушѣ съ 1-го іюля открыты реестры, на которыхъ могутъ подписываться и вносить свои требованія всѣ промышленники, фабриканты, земледѣльцы, артисты, желающіе участвовать на всемірной выставкѣ будущаго года. Неизвѣстно много ли явится желающихъ.

Къ этому времени, говорятъ, что зданіе, называемое Bazar Nouvelle, гдѣ прежде были выставки промышленности, превратится въ театръ, на которомъ будутъ давать пьесы англійскія, испанскія и нѣмецкія, чтобъ гости иностранцы нашли полное гостепрѣимство и даже родной языкъ. Принимаютъ также мѣры, чтобъ на время праздниковъ усилить освѣщеніе Парижа. Кажется, это будетъ уже лишнее, потому что изъ послѣдней статистики видно, что городъ освѣщается ежедневно тринадцатую тысячами девятьюстами газовыми рожками, и что для казеннаго и частнаго освѣщенія сгораетъ въ день или въ ночь 73,540 кубическихъ метровъ газа. А тридцать лѣтъ тому назадъ улицы Парижа были освѣщены 4,553 фонарями, кромѣ частныхъ освѣщеній. Какая огромная разница!

Притомъ теперь и самаго города нельзя узнать даже при газовомъ освѣщеніи, такъ онъ перемѣнился, а главное очистился! Не смотря на это, перестройки и сломки продолжаются. Жаль только, что новые планы требуютъ истребленія историческихъ воспоминаній. Недавно расширяя новую площадь базара, сломали домъ, въ которомъ родился Мольеръ.

Разумѣется, слава писателя не пострадаетъ отъ этого, но парижане любили проходить мимо и читать мраморную дощечку, свидѣтельствовавшую, что великій комикъ родился между ними. Эти мелочи всегда имѣютъ большую цѣну.

На дняхъ, во время сильной грозы, молнія ударила въ проволоку электрическаго телеграфа на Сентъ-Жерменской дорогѣ. Она прошла до станціи Рюэля, ворвалась въ контору телеграфа, гдѣ сдвинула аппаратъ и причинила большой безпорядокъ. Телеграфическій чиновникъ почувствовалъ сильное потрясеніе. Этотъ феноменъ случается уже не въ первый разъ и подвергаетъ опасности и телеграфъ, и находящихся при немъ людей. Ученые стараются найти средство изолировать электрическіе телеграфы, но до сихъ поръ еще ничего не открыли.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВА: Писатель авантюрист XVIII столѣтія. — Китайская газета въ Санъ-Франсиско, въ Калифорніи. — Сейденгамскій дворець. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Состояніе естественныхъ наукъ въ 1853 году и первой половинѣ 1854. — Перуанское растеніе *Кока* (статья *Чуди!*). — Изслѣдованія Китайскаго языка. — Остъ-Индскіе діалекты. — **АНЕКДОТЫ, РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Апельсины маркизы (*разсказъ*). — Западный берегъ Суматры.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Писатель-авантюристъ XVIII столѣтія. — Есть нѣсколько писателей, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ и о которыхъ теперь совсѣмъ забыли. Къ этому числу принадлежитъ Шаль, авторъ *Знаменитыхъ французенокъ*, книги, имѣющей много достоинствъ, и которая нисколько не хуже *Современницъ* извѣстнаго Ретифа-де-ла-Бретонъ. Сочиненія Шаля трудно найти въ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ, и скорѣе можно встрѣтить у букинистовъ. Только надобно торопиться купить эти рѣдкія книги, потому что библіофилы знаютъ цѣну Шаля и скупаютъ всѣ его произведенія, хотя они не такъ извѣстны какъ многія другія, которыми мы привыкли восхищаться по преданію, а вовсе не по тому, чтобъ они были дѣйствительно лучше другихъ.

Читая занимательные, простые, хотя немного однообразные рассказы Шаля, удивляешься почему писатель-этотъ забыть до того, что даже не знаютъ настоящей орѳографіи его имени. О біографіи его извѣстно только, что онъ самъ оставилъ въ своихъ запискахъ.

Впрочемъ, характеръ и жизнь писателя узнаются изъ его сочиненій, тѣмъ болѣе что всѣ герои повѣсти его похожи одинъ на другаго и одарены качествами автора, которыя ясно видны изъ журнала, веденнаго имъ во время путешествія въ восточную Индію. Шаль былъ

веселый, храбрый, откровенный, добрый повѣса, любившій хорошо выпить, не хотѣвшій знать никакихъ препятствій, жившій со дня на день, не заботясь о будущемъ. Главная страсть Шаля была къ путешествіямъ, и онъ придалъ ее одному изъ своихъ героевъ въ *Исторіи г. де-Франъ и Сильвіи* такъ вѣрно, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ вывелъ самаго себя. Вообще романы много выигрываютъ въ вѣрности и живости, если авторъ выводитъ свои собственныя чувства, происшествія и замѣчанія. *Манона Леско* одна пережила многочисленныя сочиненія аббата Прево именно потому, что въ ней изобразилъ онъ свои приключенія и впечатлѣнія. Изобрѣтательные гевіи должны обратиться къ сценѣ, гдѣ ихъ ожидаютъ успѣхи Шекспира, наблюдатели же всегда больше выиграютъ въ произведеніяхъ описательнаго рода.

Шаль принадлежитъ къ наблюдательнымъ талантамъ, потому что описывалъ только то, что самъ видѣлъ или чувствовалъ и не вдавался въ изобрѣтенія. Впрочемъ, это было и не нужно: изъ собственной своей жизни онъ извлекъ семь занимательныхъ повѣстей. Прежде всего разсмотримъ эти повѣсти.

Во всѣхъ семи разказахъ описывается, разумѣется, любовь, то задумчивая, то шутивая, то преданная, и вездѣ непреодолимыя препятствія; разныя обстоятельства разлучаютъ любящихъ, но не могутъ уничтожить ихъ страсти. На эту единственную тему написалъ Шаль семь варіацій подъ названіемъ *Les illustres françoises* и исполнилъ это съ такимъ искусствомъ, увлекательностью и живостью, что даже въ нашу эпоху фельетонныхъ импровизированныхъ романовъ повѣсти его читаются съ такимъ удовольствіемъ, что послѣ каждой невольно скажешь: удивительно, отчего Шаль забытъ въ литературѣ?

Первая изъ повѣстей называется *г. Дероне и дѣвица Дююи*. Это названіе покажется извѣстнымъ каждому, хоть немного знакомому съ французскою литературой, и читая повѣсть тотчасъ можно припомнить комедію Колле, имѣвшую огромный успѣхъ въ 1763 году и взятую цѣликомъ изъ «Знаменитыхъ французенокъ», въ чемъ и сознается Колле въ своихъ запискахъ, говоря, что «сюжетъ взятъ изъ сказки (почитаемой истинною) неизвѣстнаго писателя Шаля.» Изъ этого признанія мы видимъ, что и встарину драматическіе писатели занимали сюжеты своихъ пьесъ, только не скрывали этого. Даже во время представленія комедіи *Дероне и Дююи* на афишахъ всегда выставлены были слова: заимствована изъ романа: *Знаменитыя Французенки*.

Пьеса Колле долго оставалась на репертуарѣ и обязана своимъ успѣхомъ не столько гладкимъ стихамъ, сколько счастливой мысли Шаля, прелести подробностей, вѣрности характеровъ, въ чемъ, разумѣется, не сознавался драматургъ, приписывая все своему огромному таланту и не заботясь о бѣдномъ писателѣ, который и не думалъ требовать правъ автора, хотя самъ жилъ кое-какъ своими трудами.

Вотъ сюжетъ *Дероне и Дююи*. Молодой человекъ влюбляется въ молодую дѣвушку и проситъ ея руки у отца, но тотъ не хочетъ при своей жизни отдать дочь замужъ, чтобъ не лишиться ея заботъ въ

старости и чтобъ не выдѣлять ей части имѣнія. Старикъ сопротивляется очень долго, и въ это время молодые люди переписываются; но когда отецъ умираетъ и женихъ сѣштитъ къ своей невѣстѣ, чтобъ соединиться съ нею, то получаетъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что дѣвица Дюшюи, не смотря на свои обѣщанія и клятвы, измѣнила своему жениху и выходитъ за другаго. Молодой человекъ въ отчаяніи, но скоро узнаетъ невинность невѣсты. Покойный отецъ, желая почему-то и послѣ смерти разстроить свадьбу, приготовилъ это письмо и приказалъ передать будущему своему зятю.

Эта простая интрига ведена очень живо; но чего нѣтъ въ пьесѣ Колле и нельзя передать въ краткомъ очеркѣ—это поразительная вѣрность портретовъ лицъ, описанныхъ нѣсколькими словами, но которыя читатель видитъ передъ собою,—такъ умѣетъ Шаль привести главныя черты, не вдаваясь въ сравненія и безконечныя описанія. Вотъ портретъ Маноны Дюшюи:

«Вообразите себѣ прелестную талію, привлекательную наружность, молодость, свѣжесть, необыкновенную бѣлизну кожи. У нея большіе черные глаза, быстрые или томные по ея желанію, правильный лобъ и носъ, маленькій ротъ съ бѣленькими зубками, скромное и невинное выраженіе лица. Сложена она антично. Шея, грудь, плечи, руки, ноги все въ ней превосходно, походка тихая, всѣ движенія плавны и проникнуты скромностью. Какъ не полюбить такую дѣвушку. Я былъ безъ ума отъ нея!»

Портретъ чудака отца тоже отдѣланъ мастерски. Видишь ясно передъ чудною фигурою дочери этого стараго воркуна, подозрительнаго, скупаго эгоиста, который заботился только о своемъ спокойствіи, не думая о счастья его окружающихъ. Впрочемъ характеръ этотъ не выдержанъ до конца, и передъ смертью Шаль очень неловко заставляетъ старика читать какіе-то философскіе стихи своего сочиненія. Небольшіе недостатки доказываютъ впрочемъ только беззаботность и невнимательность автора, но не могутъ вредить повѣсти, которая превосходна.

Вторая исторія называется *Г. Контаминъ и Анжелика*. Тутъ молодой, богатый повѣса употребляетъ всѣ средства, чтобъ обмануть бѣдную дѣвушку, и всѣ его усилія не могутъ побѣдить ея добродѣтели и невинности. Сюжетъ незначителенъ, но описанія и подробности такъ вѣрны, что невольно остаются въ памяти, какъ будто вы видѣли картину искуснаго живописца, а не читали повѣсть. Шаль находитъ приличныя выраженія для предметовъ и поступковъ, о которыхъ очень трудно рассказывать, а это большой талантъ особенно въ писателѣ неперемоннаго XVIII вѣка.

Исторія *г. Терри и дѣвицы Берне* точно такъ же какъ исторія *г. Жюсси и г-жи Фенуль*, заключаетъ въ себѣ рассказъ о любви; стало быть, содержаніе одинаково и разница состоитъ только въ подробностяхъ. Обѣ эти повѣсти очень коротки и составляютъ родъ эпизодовъ.

За то пятая исторія: *г. Депре и г-жа Лепинъ* можетъ похвастаться са-

мою лучшею въ сборникѣ, хотя сюжетъ похожъ на прежніе. Весь рассказъ, даже характеры напоминаютъ романъ *Маноны Леско*, только облагороженный. Какъ вездѣ, портреты дѣйствующихъ лицъ написаны такъ искусно, что невольно остаются въ памяти.

Исторія «г. Франъ и Сильвія» начинается иначе, потому что къ соединенію влюбленныхъ нѣтъ никакихъ препятствій, но Сильвія вѣтрена и непостоянна, и страстно любя мужа, обманываетъ его. Муж запираетъ ее, но потомъ, видя ея раскаяніе, прощаетъ. Но Сильвія строже его и, терзаемая раскаяніемъ, идетъ въ монастырь, гдѣ и умираетъ. Весь рассказъ составленъ занимательно, и новая героиня выдвигается изъ рамки какъ чудный портретъ Латура. Это уже не скромная, невинная Дююи, ни нѣсколько холодная, но преданная Лепинъ, которая спокойно ждетъ событій, и по-видимому способнѣе къ дружбѣ, чѣмъ къ любви. Ея послѣднія минуты составляютъ трогательную сцену, подл которой охотно бы подписались знаменитые авторы. Умирая она пишетъ мужу письмо, которое можно назвать образцовымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ, хотя оно для повѣсти не очень нужно и составляетъ только мало интересный поскриптувъ. Манона Леско не успѣваетъ рассказываться, и можетъ быть, Шаль хотѣлъ иначе окончить свою повѣсть, чтобъ показать разницу между вѣтренностью Сильвіи и испорченностью героини романа аббата Прево. Не смотря на излишнюю болтливость, письмо это превосходно.

Мужъ Сильвіи Франъ отправляется путешествовать только въ тѣ страны, гдѣ свирѣпствуетъ война. Вотъ почему онъ ѣдетъ въ Голландію, потомъ участвуетъ при переходѣ черезъ Раабъ турецкой арміи и ея пораженіи, наконецъ отправляется въ Португалію, объявившую войну Испаніи, и посреди сраженій забываетъ свои печали.

Этотъ эпизодъ, какъ мы уже замѣтили, взятъ цѣликомъ изъ жизни автора, бывшего во всѣхъ этихъ странахъ, чтобъ испытать впечатлѣніе битвъ; поэтому въ рассказѣ много живости. Тотчасъ видно, что это не напыщенное описаніе выдуманныхъ происшествій и мѣстъ, никогда невиданныхъ писателемъ, но вѣрное изображеніе видѣннаго и испытаннаго.

Послѣдняя исторія *Дююи и г-жи Ланде* написана въ родѣ романовъ Лакло. Дююи повѣса, веселый гуляка.

Дююи скоро забылъ свою веселую жизнь и сдѣлался примѣрнымъ мужемъ. Это было очень вѣроятно, и г-жа Ланде могла сдѣлать и не такое чудо. Этотъ новый типъ женщины поражаетъ читателя. Удивительно, что Шаль не изобразилъ даже двухъ женщинъ, хоть нѣсколько похожихъ одна на другую. У него все разныя типы и вовсе не идеализированныя женщины, но живыя существа, встрѣчаемыя часто. Только съ его искусствомъ вѣрныхъ очерковъ, героиня его гораздо легче нарисовать, чѣмъ героиня Вальтеръ-Скота, Шекспира, Бальзака. Шаль исключительно самый вѣрный портретистъ, за неимѣніемъ другихъ качествъ писателей. Онъ не одаренъ даромъ творчества и можетъ только писать, что самъ видитъ или чувствуетъ. Это

фламандскій живописецъ, копирующій вѣрно и отличающійся мелкими подробностями.

Теперь, съ помощію его повѣстей и журнала, веденнаго имъ аккуратно во время путешествій, легко составить біографію этого оригинальнаго писателя, хотя въ то время ни товарищи его, ни газеты не занимались бѣднымъ своимъ собратомъ и не записывали малѣйшихъ его поступковъ, какъ это дѣлается теперь.

Шаль говоритъ: «я родился 10-го августа 1659 года; мать моя была очень больна послѣ родовъ, какъ она мнѣ послѣ рассказывала, прибавляя: Стоилъ ты того, чтобъ изъ-за тебя такъ страдать! Не знаю стоилъ ли я потомъ ей большихъ страданій.»

Шаль былъ адвокатомъ, писцомъ на кораблѣ, фехтовальнымъ учителемъ, философомъ, журналистомъ, и все-таки веселымъ и остроумнымъ человѣкомъ. Сколько переменъ было въ его жизни! Въ 1659 году онъ родился въ Парижѣ; въ 1677 онъ былъ уже въ сраженіи при Мон-Касселѣ; въ 1679 сдѣлался писцемъ у адвоката въ Монсо, въ 1682 очутился въ Амстердамѣ, въ 1683 и 1684 въ Испаніи и Португаліи. Въ 1687 онъ былъ взятъ въ плѣнъ англичанами и увезенъ въ Бостонъ; въ 1689 явился въ Ирландіи. Потомъ посланъ былъ въ Индію въ 1690 и 1691. Въ 1713 году Шаль былъ корреспондентомъ литературнаго Гагскаго журнала, и въ это же время издалъ свой романъ *Знаменитыя Французенки*. Съ 1714 года по 1718 находятъ еще его письма и наконецъ въ 1719 онъ утонулъ въ Шартрѣ, гдѣ, какъ думаютъ, умеръ въ 1720 году.

Вотъ очеркъ его жизни, но подробностей мы знаемъ очень мало, потому что никто изъ современниковъ не вздумалъ ничего писать о немъ. Одинъ только старинный книгопродавецъ Просперъ Маршанъ, для котораго работалъ Шаль, оставилъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, найденныя въ старыхъ бумагахъ.

«Шаль очень любезный человѣкъ, говоритъ Маршанъ, веселый, остроумный, только онъ большой повѣса, и такой страстный приверженецъ Бахуса, что только и слышишь, какъ онъ проситъ поминутно *пополоскать горло*. Притомъ же онъ вспыльчивъ, насмѣшливъ, безпокойнаго характера и привязывается къ постороннимъ лицамъ, чтобъ съ ними поссориться; иногда онъ бываетъ совершенно невыносимъ.»

Это портретъ тоже очень вѣрный и нисколько не польщенный. Въ бумагахъ книгопродавца найдено также много писемъ Шаля, доказывающихъ, что онъ былъ принятъ адвокатомъ въ Парижѣ, но потомъ Сеньеле, товарищъ его въ ламаршескомъ коллегіумѣ выхлопоталъ ему мѣсто секретаря на кораблѣ *Скала*, принадлежащемъ къ флоту Дюкена-Гитона, отправлявшемуся въ восточную Индію. Должность Шаля состояла въ томъ, чтобъ принимать на корабль товары и провизію и хранить ключи отъ магазиновъ. Это доказываетъ, что Сеньеле имѣлъ большую довѣренность и дружбу къ писателю, что поручилъ ему такое мѣсто, требующее ответственности. Не смотря на то, что Шаль былъ усердный католикъ, онъ возсталъ противъ Іезуитовъ, точно также

какъ одинъ изъ современныхъ романистовъ и писалъ противъ нихъ самыя грозныя статьи.

На кораблѣ онъ былъ не очень занятъ должностью, поэтому, какъ человѣкъ дѣятельный, началъ наблюдать все, что происходило вокругъ него и вести ежедневный журналъ.

«Принявъ намѣреніе записывать каждый день мои впечатлѣнія, говоритъ Шаль, я не собираюсь отдѣлывать мой слогъ и выдумывать происшествія для удовольствія читателей. Въ журналъ моему одна правда и больше ничего.»

И въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть вѣрнѣе картинъ и характеровъ того времени, собранныхъ писателемъ на тѣсномъ пространствѣ корабля. Какъ хорошо описаны у него феномены природы, безъ фразъ, восклицаній и разсужденій.

Въ то время поставщики провизіи на корабли и тѣ, которые принимали ее, составляли между собою сдѣлки, чтобъ получать больше доходовъ, и потому счетныя книги ихъ были въ такомъ безпорядкѣ, что никто кажется не въ состояніи былъ разобрать эту путаницу и открыть мошенничество. Шаль, не смотря на свою безпечность, былъ честныхъ правилъ, и не позволяя себѣ обмановъ, заставилъ и поставщиковъ прекратить мошенничества, за что экипажъ чрезвычайно уважалъ его.

Надобно замѣтить, что *Скала* была нагружена такимъ огромнымъ количествомъ живности, что Санчо-Панса не отказался бы прокатиться на ней въ Индію. Въ комнатѣ Шаля былъ выборъ самыхъ лучшихъ винъ, которыми онъ дѣлился только съ двумя изъ своихъ начальниковъ, подружившихся съ нимъ еще прежде отъѣзда.

Въ свободное время послѣ попоекъ съ друзьями, Шаль читалъ Августина, Бернара, *Подражаніе*, Петронія, Овидія, Горация, Ювенала, Корнеля, Расина, Мольера, это доказываетъ что онъ уважалъ настоящую литературу а не ту, которая была въ модѣ въ то время. Встрѣчая неизвѣстные ему феномены природы, онъ просилъ одного изъ пассажировъ, Шармо, изъяснить ему ихъ... для препровожденія времени.

Разумѣется, что все эти занятія Шаля казались странны морякамъ, убивавшимъ время за картами или за трубкой, и удивлявшимся, что онъ не курить и не играетъ, и царапаетъ бумагу или сидитъ за книгами. Разнообразія на морѣ мало, и потому журналъ Шаля не очень занимателенъ, не смотря на оригинальность. Автору, описывавшему женщинъ, пришлось очень рѣдко видѣть прекрасный полъ; пассажиры не часто выходили на берегъ.

Близъ Сантъ-Яго корабль чуть не разбился о камни. Пассажиры и матросы приготовлялись уже къ неизбежной смерти; въ это время Шаль съ двумя товарищами осушалъ бутылки, чтобъ веселѣе было умирать.

Подобное равнодушіе къ жизни было не рѣдко въ то время. Но къ счастью корабль присталъ благополучно къ Сантъ-Яго, и привѣзкіе разсыпались по городу. Тутъ Шаль помѣстивъ много оригинальныхъ

сценъ между туземцами и представилъ уморительный портретъ губернатора, пригласившаго ихъ на какой-то скромный обѣдъ, чѣмъ они были не очень довольны послѣ безпрестанныхъ пировъ на кораблѣ. Одинъ Шаль былъ доволенъ угощеніемъ, потому что догадался взять съ собою двѣ бутылки лучшаго вина.

Однако эта невоздержность, переносимая Шалемъ, привыкнувшимъ къ ней, потому что онъ былъ желѣзнаго здоровья, не могла пройти даромъ капитану Скалы—Гюртену, который вмѣстѣ съ Шалемъ и Лашассе составлялъ тріо, побѣждавшее каждый день по нѣскольку бутылокъ въ комнатѣ писателя. Капитанъ умеръ, не смотря на заботы друзей и докторовъ, и Шаль прямо обвиняетъ послѣднихъ въ смерти Гюртена. «Они, говоритъ онъ въ журналѣ, каждый день пичкаютъ больного микстурами и пускаютъ ему кровь. Развѣ можно пережить такое леченіе. Лучше бы они оставили его въ покоѣ и давали ему по стакану хорошаго вина.»

Эту систему приложилъ Шаль къ дѣлу, когда лакей его захворалъ, тоже, вѣроятно, отъ акуратной жизни. Онъ поилъ его горячимъ бордоскимъ виномъ съ корицей, гвоздикой и сахаромъ, и послѣ обильнаго пота, больной, съ которымъ дѣлалась уже горячка, поправился къ удовольствію своего господина.

Случилось также, что эскадра Дюкена встрѣтила непріятеля и вступила съ нимъ въ бой. Хотя должность Шали состояла въ томъ, чтобы раздавать порохъ и заряды, но онъ поставилъ на свое мѣсто слугу, а самъ принялъ участіе въ сраженіи и отличился хладнокровіемъ и храбростью. Скала получила въ корпусъ корабля шестьдесятъ четыре ядра, бизань мачта была сломана, и рангоутъ испорченъ, но за то она сдѣлала больше четырехъ сотъ выстрѣловъ по Голландскимъ кораблямъ.

Черезъ нѣсколько дней Скала встрѣтила небольшое Голландское судно, которое легко бы могла взять на абордажъ, но раненый капитанъ передалъ начальство лейтенанту, и тотъ неизвѣстно по какимъ причинамъ не погнался за непріятелемъ. Шаль не могъ перенести этого хладнокровно и началъ упрекать начальника въ трусости, но тотъ отвѣчалъ ему: я не сую носъ въ ваши бумаги, такъ и вы не учите меня.

— Вы правы, отвѣчалъ Шаль, я предпочитаю писать хоть дурно, отъ этого никому нѣтъ вреда, тогда какъ ваше распоряженіе нанесло стыдъ Франціи.

Шаль былъ правъ и въ этомъ случаѣ, потому что голландское судно было взято другимъ кораблемъ эскадры. Лейтенантъ Скалы, отказавшійся преслѣдовать непріятеля, былъ не изъ послѣднихъ на взятомъ суднѣ, чтобъ прибрать къ рукамъ, что было можно изъ товаровъ. Шаль не забылъ замѣтить этого поступка въ своемъ журналѣ, который онъ адресуетъ весь своему покровителю и другу Сеньеле.

Наконецъ эскадра прибыла въ Мартинику, гдѣ Шаль записалъ много анекдотовъ.

На обратномъ пути плаваніе Скалы было очень несчастливо. Почти весь экипажъ страдалъ разными болѣзнями и каждый день было нѣсколько покойниковъ. Не смотря на крѣпкое сложеніе, Шаль почув-

ствоваъ тоже припадки лихорадки, но началъ лечиться точно также какъ онъ вылечилъ своего слугу. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ ничего не ѣлъ, но выпилъ нѣсколько бутылокъ краснаго вина, потѣя безирестанно. Лихорадка оставила его, хотя онъ ослабѣлъ чрезвычайно. Но другой жестокой ударъ ожидалъ Шаля въ Фор-Роялѣ; онъ узналъ о смерти Сенъеде. «Это извѣстіе такъ поразило меня, пишетъ онъ, что я долго не могъ опомниться. Я не сожалѣлъ ни о потерянной будущности, ни о надеждахъ, но о человѣкѣ, который одинъ былъ въ состояніи продолжать дѣла Кольбера, одного изъ всѣхъ министровъ Франціи, понимавшаго, что главная выгода Франціи состоитъ въ торговлѣ!»

Зная, что бѣдный писатель лишился единственнаго покровителя, враги и завистники, ненавидѣвшіе его за честность, начали клеветать на него и наконецъ сдѣлали на него доносъ. Но Шаль былъ не трусливъ. Онъ доказалъ несправедливость доноса.

Здѣсь кончаются странствованія писателя, названнаго нами авантюристомъ, вовсе не въ обидномъ значеніи этого слова, но потому что его характеръ, поступки, образъ жизни совершенно отличаются отъ другихъ. Эти два года его жизни отмѣчены день за днемъ въ книгѣ *Путешествіе въ Восточную Индію*.

Съ тѣхъ поръ начался для Шаля періодъ авторства и журналистики, очень трудный для молодаго человѣка безъ состоянія, безъ покровительства и одареннаго необыкновенною гордостью и честностью. Но что же было дѣлать? Не зная за что приняться, чтобъ не умереть съ голоду, онъ взялъ перо и написалъ слѣдующее любопытное заглавіе:

«Les illustres françaises, histoires veritables; ou l'on trouve, dans des caractères particuliers et fort différent, un grand nombre d'exemples rares et extraordinaires, des belles manières, de la politesse et de la galanterie des personnes de l'un et de l'autre sexe de notre nation: imprimé à la Haie, chez Abraham de Noudt en 1713 en 2 volumes.

Въ наше время надобно писателю не меньше десяти лѣтъ, чтобъ приобрести извѣстность и заслужить вниманіе издателей, но въ концѣ семнадцатаго вѣка было и этого недостаточно. Романъ не былъ принятъ еще всѣми классами общества, стало быть покупатели были рѣдки, издатели еще рѣже—бѣдный авторъ никакъ не могъ рассчитывать на большіе доходы. Не смотря на эти препятствія, книга Шаля, написанная просто, занимательно, а главное съ вѣрными описаніями, произвела большое впечатлѣніе въ кругу литераторовъ и читателей. Разумѣется, что первые возставали противъ бѣднаго собрата, который хотя и любилъ общество, но никогда не сблизался съ писателями своего времени. Въ своихъ письмахъ и запискахъ онъ упоминаетъ только имя одного литератора Сентъ-Эвремона, съ которымъ онъ *никогда* не сдѣлалъ въ Лондонѣ. Этимъ ограничивались всѣ его сношенія съ писателями.

Въ Гагскомъ литературномъ журналѣ помѣщенъ очень замѣчательный критическій разборъ романовъ Шаля. Въ немъ отдана полная справедливость таланту автора, его простому слогу, наивности разсказа въ

но въ то же время замѣчены многія ошибки, происшедшія большею частью отъ небдуманности или поспѣшности.

Вообще весь разборъ очень благонамѣренъ и нисколько не хуже современныхъ критикъ въ нашихъ журналахъ, хотя по всему видно, что журналисты лично знали автора, потому что книга его печаталась въ Гагѣ, и самъ онъ писалъ для литературной газеты.

Не смотря на всю осторожность критика, авторъ нашелъ нѣсколько выражений, непонравившихся ему, и въ той же газетѣ началъ полемику, оправдываясь очень остроумно.

Шаль перевелъ также Донъ-Кихота, и изъ писемъ, найденныхъ у Проспера Маршана видно, что онъ по этому случаю началъ литературный споръ съ какимъ-то Сень-Мартеномъ, издавшимъ этотъ переводъ подъ своимъ именемъ. Неизвѣстно чѣмъ кончился этотъ споръ, только послѣ него бѣдный Шаль, недовольный издателями, книгопродавцами и журналистами, обижавшими его, удалился въ Шартръ, гдѣ неизвѣстно какъ окончилъ свою жизнь.

Стало быть, при жизни Шаль написалъ только *Знаменитыхъ французенокъ* и перевелъ Донъ-Кихота. Журнальные статьи, неподписанныя его именемъ, нечего считать. *Журналъ путешествія въ Восточную Индію* явился только послѣ его смерти, тоже безъ имени автора. Въ предисловіи сказано, что рукопись найдена въ кабинетѣ автора послѣ его смерти, и издана въ Руанѣ 1721 года.

Неизвѣстно также, отчего Шаль въ послѣдніе годы жизни удалился въ глушь провинціи и пересталъ писать. Не можетъ быть, чтобъ непріятности по литературѣ заставили его бросить перо, когда имя его сдѣлалось уже извѣстнымъ и публика ждала продолженія первыхъ семи романовъ.

Одно письмо Шаля отъ 8-го сентября 1718 года объясняетъ не много это рѣшеніе. Въ немъ онъ сознается, что откровенность его вредила ему всегда и вездѣ, и наконецъ чуть не погубила. Вотъ самая вѣроятная причина его изгнанія изъ Парижа.

Просперъ Маршанъ тоже намекаетъ, что неосторожность и страсть острить загнали Шаля въ Шартръ, гдѣ онъ жилъ въ крайности до 1719 или 1720 года.

Не успѣлъ онъ замолчать и удалиться, какъ былъ уже забытъ, такъ что годъ его смерти остался неизвѣстнымъ. Однѣ *Французенки* удостоились нѣсколькихъ изданій, но и тѣ были передѣланы по капризу издателей, которые нашли почему-то нужнымъ прибавить къ семи повѣстямъ еще нѣсколько другихъ, нисколько не похожихъ на первыя ни по слогу, ни по таланту.

Шаль одаренъ неоспоримымъ талантомъ, но талантъ этотъ не могъ сдѣлать изъ него первокласснаго писателя, потому что наблюденія и вѣрный рассказъ впечатлѣній не составляютъ еще романиста. Шаль былъ остроумный человекъ, испытанный много въ жизни, но авторомъ онъ сдѣлался по необходимости, а вовсе не по влеченію. Взавшись за перо, онъ не ломалъ своей головы, не искалъ вдохновенія, но только призывалъ свои воспоминанія, и изъ нихъ составилъ семь повѣстей, до того живыхъ

и вѣроятныхъ, что тотчасъ видно, что это не вымыселъ, а истинное происшествіе. Ничего другаго онъ не въ состояніи былъ написать.

Только истинные гениі могутъ съ успѣхомъ браться за все роды сочиненій, но Шаль и подобные ему писатели отличаются однимъ качествомъ—реализмомъ. Въ этомъ состоитъ весь ихъ талантъ, все способности, все средства къ успѣху, и горе имъ, если они выдутъ изъ своей колеи.

Притомъ, не смотря на хорошій выборъ чтенія, какъ мы видѣли изъ его записокъ, Шаль получилъ не блистательное воспитаніе и имѣлъ очень мало познаній, чтобъ позволить себѣ писать о чемъ нибудь кромѣ самаго себя. Настоящій талантъ не удовольствовался бы однимъ посредственнымъ успѣхомъ, но пробовалъ бы свои силы во всехъ родахъ, борясь съ препятствіями, съ критикой, которая раздражаетъ только вдохновеніе и заставляетъ создавать геніяльныя произведенія. Бальзакъ можетъ быть представителемъ универсальнаго таланта, и продолжительными успѣхами обязанъ критикѣ, находившей всегда, что романистъ не знаетъ ни свѣта, ни людей, ни общества, ни нравовъ, терзавшей его послѣ каждаго геніяльнаго произведенія и доводившей его до отчаянія, такъ что только одна смерть могла избавить жертву отъ гонителей, которые первые поспѣшили воскурить олимпіамъ великому, но за то умершему писателю.

Посредственные авторы ослабѣваютъ въ борьбѣ, и окончивъ одно замѣчательное произведеніе и то въ молодости, отдыхаютъ всю свою жизнь, или тратятъ дарованіе на пустыя статьи и переводы. Главное ихъ оправданіе состоитъ въ томъ, что бѣдность принуждаетъ ихъ приниматься за плохія произведенія, но это только отговорка. Бѣдность не преграда гению.

Почти въ одно время съ Шалемъ странствовалъ тоже по всему свѣту другой писатель—авантюристъ, романистъ, журналистъ, переводчикъ, написавшій тоже не мало въ свою жизнь, но сохранившій для потомства только одно произведеніе, и то потому, что въ немъ былъ одинъ реализмъ. Это былъ Прево д'Эвзиль.

Шаль, хотя случайный романистъ, былъ первый писатель, употребившій въ романѣ реализмъ. Это услуга не маловажна. У него дѣйствующія лица говорятъ языкомъ своей эпохи, принадлежатъ къ настоящему обществу средняго сословія, сохраняютъ свои нравы, словомъ читатель чувствуетъ, что это живые люди, жившіе и чувствовавшіе какъ мы, а не куклы въ костюмахъ XVII вѣка, которые проводятъ жизнь въ нечеловѣческихъ подвигахъ, умираютъ и воскресаютъ по нѣскольку разъ въ продолженіе двадцати-томнаго романа и наконецъ надѣдаютъ самымъ наивнымъ читателямъ, не смотря на грозныя имена Артавяна, Портоса и проч.

Въ этомъ родѣ *Тысяча и одна ночь* будетъ всегда выше всехъ мушкетеровъ въ свѣтѣ и переживетъ всехъ сказочныхъ героевъ, вырытыхъ изъ могилъ фельетонными романистами.

Во время Шаля эта сказочная школа была въ большой силѣ, и публика съ жадностью читала героическіе романы: *Астрелъ, Клелія, Вели-*

кій *Киръ*, *Клеопатра* и другіе, но къ счастью писатель-реалистъ удержанъ былъ двумя авторами, возставшими противъ высокаго слога, напыщеннаго вкуса, жеманства, натянутости. Одинъ изъ нихъ теперь, почти неизвѣстный, Шарль Сорель, написалъ романъ *Франсіонъ*, имѣвшій *шестьдесятъ* изданій. Онъ первый началъ писать не для высшаго круга, не для отели Рамбулье, а для средняго сословія, научая его гораздо прежде Мольера смѣяться надъ изысканностью литературы, морочившей читателей. Послѣ него Скаронъ издалъ свой *Комическій романъ*, гдѣ реализмъ преобладаетъ надъ всѣмъ.

Шаль воспользовался этими уроками и предпочелъ писать просто, не смотря на вкусъ эпохи. Послѣ него Лесаажъ, аббатъ Прево пошли по этой же дорогѣ.

Къ счастью еще что въ то время не было открытъ дагеротипъ; теперь писателей-реалистовъ называютъ *дагеротипистами*, упрекая ихъ въ томъ, что они умѣютъ вѣрно копировать какъ машина, но не умѣютъ создавать. Но лучше *копировать* вѣрно, чѣмъ подражать или создавать чудовищно. Притомъ же названіе *дагеротипистовъ* не можетъ быть примѣнено ни къ писателямъ, ни къ живописцамъ. Дагеротипъ снимаетъ одинъ видъ всегда одинаково, но десять живописцевъ, рисуя его въ одно и тоже время, представляютъ всегда разные эскизы, потому что каждый человекъ, смотря по характеру, сложенію или глазамъ, видитъ иначе и чувствуетъ по-своему, тогда какъ машина всегда машина.

Кромѣ того упрекаютъ реалистовъ въ недостаткѣ воображенія, но развѣ писатели-фантазисты всегда трудятся сами *издавать* свои сюжеты и не заимствуютъ ничего у своихъ неизвѣстныхъ собратій? Для примѣра приведемъ одинъ любопытный фактъ: Въ 1828 году былъ несчастный писатель, по имени Ламоть Лангонъ, написавшій безконечное число романовъ, теперь совершенно забытыхъ. Между прочимъ онъ издалъ *Записки Пѣше*, будто бы взятые изъ архивовъ полиціи. Попробуйте отыскать ихъ и прочесть. Это *Монте-Кристо* съ начала до конца. А между тѣмъ говорятъ, что у Дюма всего больше *воображеній!*

Стало быть, реалисты хорошо дѣлаютъ, если за немѣнимъ творчества не ищутъ воображенія въ старыхъ книгахъ. Шаль могъ бы сдѣлать это лучше другихъ, потому что весь книжный магазинъ Проспера Маршана былъ въ его распоряженіи и тамъ было изъ чего выбирать. Онъ самъ сознается въ своей неопытности, въ своемъ незнаніи составить книгу и даже начать повѣсть, но эта откровенность при простомъ и прекрасномъ слогѣ дѣлаетъ честь автору. Притомъ живописность его описаній поражаетъ невольно, и вы видите предъ собою женщинъ, описываемыхъ имъ точно также, какъ гораздо прежде иллюстрацій, создали себѣ Гранде, Квазимодо, Родена. У Шаля эта способность доведена до высшей степени, хотя онъ не можетъ сравниться съ Бальзакомъ, Гюго или Сю. Про автора «Человѣческой комедіи» кто-то сказалъ, что его дѣйствующія лица извѣстиѣе чѣмъ всѣмъ члены академіи.

И послѣ живыхъ портретовъ Шаля, которые выходятъ изъ рамокъ, движутся, видятъ, говорятъ, до которыхъ хочется дотронуться, попро-

буйте прочитати описаніе наружности каменщика идеальнаго писателя Ламартина:

«Подъ грубою одеждою, покрывавшею этого человѣка видно, было не только достоинство, но гениальность, которая не допускала идеи простоты или пренебреженія. Линія возвышеннаго лба также пряма и лишена неблагородныхъ изгибовъ, какъ линія лба Платона на бюстахъ, сіявшихъ на солнцѣ Аттики. Мускулы худощавые, впадины глазъ глубоки, виски, щеки, губы, подбородокъ были въ одно время покойны и дрожащи какъ у молодой дѣвушки, выздоравливающей послѣ долгой болѣзни или пораженной глубокою печалью. Вѣки глазъ съ длинными рѣсницами подняты были надъ голубоватыми зрачками, какъ у человѣка, привыкшаго смотрѣть на вещи съ низу въ верхъ. Рѣсницы бросали таинственную тѣнь между оконечностью вѣкъ и глазомъ. Размышленіе и молитва могли остановиться въ нихъ не мѣшая взгляду. Носъ его прямой и немного вздутый на срединѣ сѣтью жилъ, видимыхъ подъ тонкою кожею, соединялся съ губами посредствомъ прозрачныхъ ноздрей, освѣщаемыхъ солнцемъ, блестящимъ сзади. Складки рта были гибки, безъ натянутости, концы его то опускались подъ бременемъ невольнаго горя, то подымались, подвижные пружинами твердости. Идя близъ этого человѣка, освѣщеннаго солнцемъ, которое онъ закрывалъ отъ меня, по которое окружало его сіяніемъ, я чувствовалъ что шелъ возлѣ души.»

Вотъ фізіономія, изученная съ высшей точки зрѣнія, и каменщики могутъ гордиться этимъ описаніемъ, хотя ничего не поймутъ изъ него, ни *солнца Аттики*, ни *размышлений*, *скрытыхъ въ рѣсницахъ*, ни отчего работникъ не человѣкъ, а *душа*. Вотъ примѣръ *идеализма*, и всѣ портреты, писанные рукою цѣвца Жосселена, остаются въ облакахъ, но никакъ не сходятъ на землю. Героини же Шаля съ быстрыми взглядами, лукавой улыбкой, гибкой талією и роскошною грудью такъ и вертятся въ глазахъ читателя. Это конечно еще не значить, чтобъ бѣдный, неизвѣстный или скорѣе забытый писатель могъ равняться въ чемъ нибудь съ великимъ поэтомъ, это значить только что реалисты живѣе описываютъ то, что видѣли въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ идеалисты то, что воображаютъ.

Въ наше время у авторовъ, даже у первоклассныхъ, несчастная страсть къ описаніямъ природы, хотя они очень хорошо знаютъ, что описанія эти ни къ чему не служатъ и даже пропускаются читателями. Есть реализмъ и въ описаніяхъ пейзажей, но онъ не остается въ памяти подобно портретамъ. Книга не картина, и должна дѣйствовать не на глаза, а на умъ, точно также какъ музыка на слухъ. Гениальное произведеніе искусства дѣластъ сильное впечатлѣніе, неизгладимое потомъ другими, такими же рѣзкими впечатлѣніями. Оттого образцы произведенія живутъ такъ долго. Они помѣщаются въ памяти мыслящихъ людей и остаются тамъ до конца жизни. Сколько книгъ читали вы послѣ *Донъ-Кихота*, *Шекспира*, *Мольера*, и много ли помните, тогда какъ первые всегда въ вашей головѣ.

У Шаля рѣдко встрѣчаются описанія природы, а если они и есть, то занимають не болѣе пяти строкъ. Вотъ одно изъ нихъ:

«Это было лучшее время года. Всѣ поля, покрытыя хлѣбомъ, ждали жнецовъ. Маленькій дождь прибилъ пылъ на твердой землѣ. Солнце закрылось тучею, тихій вѣтеръ прохладялъ воздухъ.»

Не говоримъ, чтобъ эти короткія фразы должны были служить образцомъ описаній природы, но думаемъ, и съ нами согласятся многіе, что безконечныя описанія съ картинными сравненіями Шатобриана невыносимы и только отвлекають читателя отъ общаго хода сочиненія.

Мы уже сказали, что слогъ Шаля простъ до наивности, что составляетъ главную его прелесть, хотя онъ не совсѣмъ твердо зналъ правила языка и часто дѣлалъ ошибки, которыя привели бы въ ужасъ академіи, университеты, сорбонны и коллегіумы. Но Шаль самъ предупреждаетъ, что онъ пишетъ точно также какъ говоритъ съ своими друзьями, не отыскивая выраженій, не составляя фразъ. А многіе ли и теперь *говорятъ* совершенно такъ, какъ предписываетъ грамматика и риторика? Развѣ мало того, что писатель по случаю, романистъ-истинныхъ происшествій, разсказчикъ собственныхъ впечатлѣній, безъ предварительнаго ученія и даже призванія умѣетъ ясно выражать свою мысль, живо представляетъ предметы, такъ что его понимаютъ всѣ, а не одинъ классъ людей, для которыхъ пишутъ исключительно. Онъ имѣетъ большое сходство съ Перро, сказки котораго останутся вѣчнымъ образцомъ прелести слога, понятнаго для дѣтей и увлекательнаго для всѣхъ.

Притомъ же знатоки языка никогда не писали гениальныхъ произведеній, а почти всѣхъ талантливыхъ людей, прославившихъ свое имя и отечество упрекали въ незнаніи правилъ. Шаль далеко не первоклассный писатель, но все таки онъ сдѣлалъ для литературы болѣе чѣмъ строгіе блюстители правилъ грамматики.

(Revue de Paris).

Китайская газета въ Санъ-Франциско, въ Калифорніи. Съ 1-го марта нынѣшняго года издается въ Санъ-Франциско газета на китайскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Кин-шан-джи-син-лу*, то есть *газета золотыхъ рудъ*. О содержаніи перваго номера газеты, (котораго экземпляръ привезенъ въ Парижъ), говорятъ въ «Journal des Débats» слѣдующее:

«Газета выходитъ два раза въ недѣлю: «на третій и на шестой день каждой недѣли», на большомъ листѣ въ тридцать пять сантиметровъ вышины и двадцать шесть ширины. Каждая страница листа, печатаемая съ правой руки на лѣвую, раздѣляется на три горизонтальныя отдѣленія, изъ которыхъ каждое содержитъ въ себѣ двадцать шесть вертикальныхъ линій, читаемыхъ, какъ во всѣхъ китайскихъ книгахъ и рукописяхъ, *сверху внизъ*. Сперва читается первая линія справа, потомъ вторая слѣва, и такъ далѣе до двадцать шестой вертикальной линіи. Потомъ переходятъ ко второй горизонтальной линіи, наконецъ

къ третьей, которая читаются въ томъ же порядкѣ до *последней* страницы, которая была бы у насъ *первая*.

Редакторъ газеты Золотыхъ рудъ излагаетъ сперва въ первой статьѣ всѣ причины, побудившія его къ этому предпріятію. Во-первыхъ, говоритъ онъ, нужно было сообщать множеству китайцевъ, проживающихъ въ Калифорніи, все, что касается до торговли, законодательства и обычаевъ страны, а также до иностранныхъ рынковъ. Калифорнія представляетъ теперь сходбище всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. Всякій народъ имѣетъ тамъ свою газету. Одни китайцы составляли до сихъ поръ исключеніе. По этому-то китайскіе купцы, не смотря на свою многочисленность, имѣютъ самыя неполныя свѣдѣнія обо всемъ, что вкругъ нихъ происходитъ, не зная товаровъ, наиболѣе требуемыхъ въ иностранной торговлѣ. Столько же свѣдѣній имѣютъ они о законахъ и обычаяхъ этой страны, чрезъ что вовлекаются во многія ошибки, попадая въ руки плутовъ и пришлецовъ. Очень печально для китайцевъ (продолжаетъ редакторъ), пріѣхавшихъ такъ далеко изъ-за моря и претерпѣвшихъ множество опасностей, неznать наконецъ, что имъ дѣлать у самой цѣли.

Пораженный этимъ обстоятельствомъ, рѣшился онъ (редакторъ) издавать Китайскую газету, въ которой намѣренъ сообщать всѣ событія и свѣдѣнія, могущія интересовать китайскихъ купцовъ. Въ заключеніе приглашаетъ онъ всѣхъ своихъ торгующихъ соотечественниковъ (которыхъ онъ въ своемъ высокомъ слогѣ величаетъ *князьями*—Чу-Киунъ), присылать къ нему всѣ объявленія по своимъ торговымъ дѣламъ.

Затѣмъ слѣдуетъ объявленіе о лотереѣ въ 100,000 долларовъ (150,000 руб. сер.) которой чистый барышъ долженъ служить пособіемъ на первое время существованія этой газеты; лотерея эта будетъ разыграна въ одиннадцатый день шестаго мѣсяца китайскаго года, и состоитъ изъ 666-ти выигрышей (въ томъ числѣ главный выигрышъ въ 16,000 долларовъ, нѣсколько участковъ земли, дома, и двое часовъ, цѣною по сту долларовъ, двѣ шали, и проч.).

Въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ газеты содержатся объявленія о товарахъ (а въ томъ числѣ и товары редактора, который слѣдственно тоже купецъ); адреса купцовъ, получившихъ новые товары, вполнѣ сообщены при этомъ.

Далѣе разныя торговыя извѣстія и прейсъ-куранты, изъ которыхъ оказывается, что *черный чай* нѣсколько поднялся въ цѣнѣ, а *зеленый* остался какъ былъ.

Въ прочихъ отдѣленіяхъ газеты напечатаны слѣдующія происшествія:

Судъ полиціи въ Санъ-Франциско. Тан-Ма и Це-Панъ, обвиненные въ дракѣ и нанесеніи ранъ, приговорены къ 158 долларамъ пени и къ двухнедѣльному тюремному заключенію.

Корабельныя извѣстія. Прибыли: 25 числа англійскій корабль Ліу-Ка-лонгъ, шкиперъ Кіа-пи въ тридцать четыре дня изъ Гонгъ-Конга съ семью стами китайцами и со ста китайками. Вышли въ море: Гучу (огненный корабль-пароходъ), возвращающійся въ Кантовъ.

Извѣстіе съ золотыхъ промысловъ: Въ рудникахъ, (называемыхъ по китайски *Ву-се-пин-лангъ*) нашли самородокъ серебра *Пе-Кингъ*, бѣлый металлъ и двадцать пять мелкихъ золотыхъ самородковъ.

Театральныя извѣстія. *Лонгъ-лун-и-понгъ* (то есть: англійскій театръ, или Лондонскій). Сегодня ввечеру иностранные актеры будутъ пѣть оперу. Улица *Ме-кав-ма-ловгъ*, въ лѣво отъ улицы *Чин-Ки-ди*. *Театръ Санъ-Франсиско*, (по-китайски *Сан-фан-ши-се-ко*). Завтра будетъ дана опера, въ Вашингтоновской улицѣ *Гоа-шингъ-тунъ*).

Двѣнадцатое и послѣднее отдѣленіе газеты содержитъ въ себѣ списокъ всѣхъ торговыхъ домовъ въ Санъ-Франсиско, агентовъ, покупщиковъ золотого песку и главныхъ магазиновъ.

Въ самомъ Китаѣ тоже издаются газеты, но или онѣ правительственныя, и тогда не содержатъ никакихъ извѣстій о чужихъ краяхъ, или издаются миссіонерами, и имѣютъ одну религіозную цѣль. Слѣдственно Китайско-Калифорнская газета первая въ своемъ родѣ.

Вотъ для образца, небольшое китайское повѣрье, рассказанное въ поученіе европейцевъ. Мы приводимъ его по рецензій одного американскаго журнала:

«*Легенды Гиндусовъ полагаютъ, что въ лунѣ изображенъ заяцъ; но въ Китаѣ думаютъ, что тамъ заключенъ одинъ преступникъ.*

Въ книгѣ «*Императорское чтеніе на Тайпингскій годъ (967—983 нашего лѣтосчисленія)*» сказано слѣдующее:

«*Въ лунѣ стоитъ высокое дерево Кассія (laurus-cassia) въ пять тысячъ футовъ вышины. Подъ деревомъ стоитъ человекъ и старается срубить это дерево. Каждый ударъ его производитъ углубленіе, и щепы разлетаются, но углубленіе тотчасъ же зарастаетъ. Человекъ этотъ былъ на землѣ пустынникомъ и совершилъ большой проступокъ, за который и наказанъ. Его зовутъ У-Кангъ. Онъ родился въ Китайской провинціи Шан-си.* (Magazin fur die Litt. des Auslandes).

Сейденгамскій дворецъ. Лѣтъ десять тому назадъ, одинъ нѣмецкій путешественникъ ѣхалъ на лодкѣ по наводненнымъ окрестностямъ Амазонской рѣки, превратившимся въ огромныя озера, усѣянныя островками. Исполнскія деревья выставляли изъ-подъ воды свои вершины; исторгнутые силою волнъ, они плыли по разнымъ направленіямъ, покрытые ятрышниковыми растеніями (orchidea), а лианы раскидывали по водамъ свои непроходимыя сѣти. Но путешественникъ съ помощію весель и топора пробивался сквозь всѣ эти преграды; вдругъ на одномъ озеркѣ увидѣлъ онъ плывущій цвѣтокъ этихъ тропическихъ странъ. Онъ видѣлъ подобные цвѣты и въ Германіи, только тутъ размѣръ ихъ былъ въ *сто разъ* болѣе. На родинѣ его, цвѣтокъ былъ величиною съ ладонь, а здѣсь листокъ, плывущій по водѣ, могъ держать на себѣ человека. Вѣтвь, поддерживающая цвѣтокъ, здѣсь толщиною съ канатъ и окружена колючими иглами для защиты отъ прожорливой морской коровы, а бѣлый, душистый цвѣтокъ гордо поднимается здѣсь, какъ ливійскій корабль, наполняя воздухъ одуряющимъ благовоніемъ.

Путешественникъ отломилъ себѣ одно созрѣлое зерно и привезъ его въ Англію.

Изъ этого зерна выросъ въ саду герцога Девонширскаго знаменитый цвѣтокъ *Victoria Regia*, а чтобъ дать ему тропическій климатъ, архитекторъ Пакстонъ построилъ для него домикъ изъ стекла и желѣза.

Этотъ домикъ подалъ тому же Пакстону мысль къ построению перваго кристалльнаго дворца въ Гейдъ-Паркѣ для Лондонской всемірной выставки. Этотъ дворецъ повторился въ Нью-Йоркѣ, въ Мюнхенѣ, теперь строится въ Парижѣ, и наконецъ произвелъ новый кристалльный же дворецъ въ Сейденгамѣ (близъ Лондона), который въ присутствіи королевы открытъ 10 іюня 1854 года, и стоилъ 6,000,000 руб. сер.

Онъ построенъ изъ 300,000 центнеровъ стекла и 600,000 центнеровъ желѣза.

Нынѣ въ модѣ или всѣмъ восхищаться, одушевляться, или казаться всезнающимъ и недовольнымъ. Признаюсь, я еще и самъ незнаю за которую изъ этихъ системъ ухватиться. Въ умѣ моемъ безпрестанно мелькаютъ и превосходныя качества этого кристалльнаго дворца, и недостатки его.

Я приѣхалъ туда по Брейтонской желѣзной дорогѣ (обѣ другія, ведущія къ нему, еще не окончены). На четвертой станціи остановились мы и пошли ко дворцу вмѣстѣ съ толпою.

Что за баснословное зрѣлище цѣлой громады блеска и свѣта показывается изъ-за зеленѣющихъ деревьевъ! Жаль, что у него нѣтъ другаго имени, кромѣ *кристалльнаго дворца*. Здѣсь всѣ увѣрены, что милліоны совереновъ, истраченные на него, принесутъ больше пользы, нежели тѣ милліоны, которые тратятся на войну.

Страхъ какъ хочется расхваливать, а первая мысль принадлежитъ критикѣ. Сейденгамскій кристалльный дворецъ основанъ, какъ и прежній въ Гейд-Паркѣ, на симметріи прямыхъ линий. Но наверху вижу я три византійскіе полукруга, которые вовсе не подходятъ къ архитектурной мысли зданія, и не отличаются эстетическимъ вкусомъ.

Длина зданія короче на двѣсти сорокъ футовъ прежняго Гейд-Паркскаго дворца, такъ что взоръ можетъ обнять все строеніе и дать себѣ отчетъ въ производимомъ впечатлѣніи. Главный корпусъ на срединѣ покрытъ сводомъ въ сто двадцать футовъ діаметра, на высотѣ ста девяносто четырехъ футовъ, тогда какъ боковые корпуса вышиною въ сто пятьдесятъ. Своды двухъ послѣднихъ составляютъ со среднимъ великолѣпный видъ. Но мнѣ кажется, что прямолинейныя возвышенія были бы гораздо гармоничнѣе. Своды прежняго кристалльнаго дворца произошли не отъ обдуманнаго архитектурнаго плана, а отъ парламентскаго клоуна г. Сибторпа, который во время постройки вдругъ, какъ дріада, явился защитникомъ одного дерева и требовалъ сохраненія его. Архитекторъ не иначе могъ выпутаться изъ затрудненія, какъ придумавъ своды. Эта дуга затрудненія и лосады покрыла главный корпусъ, и ее прославили какъ изящное произведеніе. Когда Сиръ Джозефъ Пакстонъ набросалъ въ продолженіе

скучнаго судебнаго засѣданія, первую свою мысль кристальнаго дворца на пропускной бумагѣ (этотъ эскизъ виситъ теперь за золотою рамкою), имѣя въ виду свою стекляную теплицу, построенную имъ для Victoria Regia, то у него не было подъ рукою циркуля, а весь рисунокъ состоялъ изъ прямыхъ линій, въ совершенно симметрическихъ отношеніяхъ съ площадями и высотой. Вдругъ Сибторпъ принудилъ его увеличить высоту для сохраненія дерева и прикрыть ее четырьмя сводами. И съ этими-то четырьмя горбами Гейд-паркскій дворець прослылъ чудомъ свѣта; одинъ изъ знаменитѣйшихъ архитекторовъ Германіи назвалъ этотъ дворець *пустотою покрытою стекломъ* (Vasium-mit glass bedeckt).

Новый дворець напоминаетъ *замерзлую музыку Шлегеля*. Всѣ веселые разлетающіеся звуки гармоніи остановились здѣсь вдругъ въ благородномъ и идеальномъ самодовольствіи, какъ греческій кумиръ Фидіевыхъ временъ. Главный корпусъ подходитъ ближе къ возвышенному стилю, нежели тяжелые своды готическихъ зданій. Стекло, желѣзо соединяють два условія легкости, воздушности, съ твердостью и прочностью.

Дѣйствительно, весьма любопытна будущность стекла, какъ строительнаго матеріала. До сихъ поръ почитали его ломкимъ веществомъ, годнымъ только для оконъ. Оно открываетъ намъ со всѣхъ сторонъ свѣтъ и небо, защищая вмѣстѣ съ тѣмъ противъ суровости сѣвернаго климата.

Посмотримъ теперь внутренность дворца.

Прежде всего взоръ обвороженъ безчисленными растеніями всѣхъ климатовъ, прикрывающими такое же число статуй, (которыхъ художническая нагота пугаетъ чопорность леди). Въ англійскомъ характерѣ есть непреодолимое стремленіе къ безпорядку. Метода и логика чужды албѣонскому жителю. Онъ любитъ только своенравный и часто странный Huger-mugger. У нихъ часто во время судебныхъ процессовъ, судьи уже вполонинѣ дѣла догадываются, что оно вовсе до нихъ не касается. Они лѣтъ десять, двадцать приписываютъ не было ли за сто лѣтъ предъ тѣмъ подобнаго случая. Здѣшнія улицы, зданія представляютъ на каждомъ шагѣ доказательство своенравія и оригинальности, противныхъ общимъ понятіямъ. Конечно, Англичане вѣрны, что этотъ недостатокъ въ изящномъ вкусѣ и порядкѣ составляетъ именно ихъ достоинство. Кто на это согласится, тотъ можетъ утѣшиться и въ недостаткахъ Сейденгамскаго дворца.

Аристотель училъ насъ, что всякое произведеніе должно имѣть начало, средину и конецъ. Въ Сейденгамскомъ же дворцѣ нѣтъ ни начала, ни конца. Еслибъ не было растеній, то онъ похожъ былъ бы на огромный домъ, изъ котораго жильцы переѣзжаютъ, и гдѣ стоитъ все не на своемъ мѣстѣ.

Главныя сокровища внутри состоятъ въ многочисленномъ собраніи произведеній художествъ и промышленности. Начѣво отъ главнаго хода начали было располагать ихъ въ историческомъ порядкѣ. Отъ красотъ Перикловыхъ временъ зритель переходитъ къ Римско-мо-

нархическимъ. Но даѣе все уже перепутано. Изъ римскаго коллизея переходите вы въ Мавританскую Альямбру, а оттуда къ трону Сарда-напала. Тутъ же стоятъ Византійскіе, Итальянскіе (временъ возрожде-нія) и новѣйшіе памятники.

По другую сторону главнаго корпуса находятся желѣзные товары, манчестерскія издѣлія, а подлѣ нихъ домъ изъ Помпей. На концѣ стоить конная статуя Карла I и около него тысячи камелій, гераній и проч. На другомъ концѣ двѣ египетскія колоссальныя фигуры изъ Абузимпельскихъ развалинъ въ Оивахъ, въ девяносто футовъ вышины каждая, и двѣнадцать колоссальныхъ сфинксовъ.

Изъ любопытныхъ древностей есть здѣсь воспроизведеніе зданій временъ Цезаря и Клеопатры. Выставлена часть Птоломеева дворца. Архитектура, краски, гіероглифы, статуи, украшенія и проч. все вѣрно и точно, даже сняты fac-simile.

Ассирійская зала представляетъ тоже дворецъ, воспроизведенный изъ разныхъ развалинъ этого древняго народа. Въ греческой залѣ устроены партеонъ, храмъ Юпитера въ Пестумѣ и копія статуй временъ Перикла.

Мраморныя статуи періода Фарнезе—предестны.

Альямбра частію скопирована, частію возстановлена. Это лучшее мастерское произведеніе всей выставки.

Зала *Среднихъ вѣковъ* представляетъ собраніе всѣхъ художественныхъ произведеній Германіи, Франціи, Италіи и Англіи. Большая часть этой колоссальной работы сдѣлана въ Нюренбергской фабрикѣ Флейшмана изъ *pariet mäché*.

Въ залѣ эпохи возрожденія (Renaissance) представлена копія отеля Бургъ-Герульда въ Руанѣ, съ знаменитымъ барельефомъ *camp du drag d'ог*, изображающимъ свиданіе Франциска и Генриха VIII, и лучшія произведенія Гиберти Санъ-Джовани, Донателло, Делла-Робіа и проч.

Новѣйшая скульптура почитается всегда бѣднѣйшею, и однакоже она здѣсь очень богата. Всѣ лучшія произведенія французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ и англичанъ собраны здѣсь самымъ тщательнымъ образомъ. Англичанинъ Флакманъ конечно стоитъ выше всѣхъ, но всѣ идутъ мимо его, и болѣе всего останавливаются на плещемъ Фавнѣ, Лекена, (Lequesne). Фриней-Прадье еще выше по моему мнѣнію. Никогда еще мраморъ не былъ такъ одушевленъ и идеализированъ. Портретная галерея *Валаллы* изображаетъ всѣхъ лучшихъ европейскихъ художниковъ.

Залы промышленности, или *базаръ народовъ* опять расположены по англійски. Ихъ всего семь на протяженіи ста сорока тысячъ квадратныхъ футовъ, и мѣста продаются по футамъ для выставяющихъ свои товары.

О фонтанахъ, переидахъ, водяныхъ растеніяхъ, мраморныхъ мостахъ, какъ равно о сельскихъ, этнологическихъ и геологическихъ группахъ я умолчу. Всего этого очень много, но ничто не расположено систематически.

Геологическій островъ составляетъ the great hit Англіи. Здѣсь со-

брано, что наука могла добыть въ земной корѣ до пятнадцати миль глубины. Любопытно видѣть допотопнаго *муанодона*, во внутренности котораго двадцать семь человѣкъ геологовъ и художниковъ давали однажды обѣдъ и помѣщались очень простоно.

(Illustrated London News).

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Состояніе естественныхъ наукъ въ 1855 году и первой половинѣ 1854 года. Въ прошломъ году не было по части Естественныхъ наукъ открытій, составляющихъ эпоху.

По астрономіи открыты еще три телескопическія планеты между Марсомъ и Юпитеромъ. Были наблюдаемы четыре новыя кометы, изъ которыхъ одна была видна простыми глазами.

Знаменитая комета, совершающая свое обращеніе въ триста лѣтъ и ожидаемая еще въ 1848 году, явится не прежде 1856—1860, по новѣйшимъ исчисленіямъ.

Успѣхамъ астрономическихъ открытій содѣйствуетъ примѣръ, поданный астрономомъ Ласселемъ. Обсерваторіи всѣхъ европейскихъ столицъ находятся въ такихъ климатахъ, гдѣ дожди и туманы не дозволяютъ постоянныхъ наблюденій. Г. Лассель перевелъ свою обсерваторію съ огромнымъ телескопомъ Гершеля, въ Мальту, гдѣ чистое небо дозволило ему видѣть и наблюдать вновь открытое третье прозрачное кольцо Сатурна. Еще прежде того знаменитый Лапласъ совѣтовалъ основать обсерваторіи съ огромными телескопами на высокихъ горахъ у экватора.

Слѣдую примѣру Ласселя, Франція устроила въ 1833 году обсерваторію въ Овернскихъ горахъ, гдѣ наблюденія будутъ производиться съ большимъ успѣхомъ.

Одною изъ важнѣйшихъ задачъ была всегда форма и величина земли. Огромныя измѣренія земныхъ меридіановъ начаты были при Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV. Англичане въ Остъ-Индіи и Русскіе въ обширной своей Имперіи производили подобныя же измѣренія. Последніе окончили въ 1853 году колоссальную работу этого измѣренія отъ Нордкапа до Чернаго моря (подъ руководствомъ г. Струве.) Присоединивъ къ нимъ измѣренія Баха въ Соединенныхъ Штатахъ, будемъ мы имѣть вѣрное и подробное свѣдѣніе о величинѣ и формѣ земли.

По части механики, физики, химіи, укажемъ на слѣдующіе примѣчательнѣйшіе труды.

Физики усовершенствовали удобнѣйшимъ образомъ остроумный аппаратъ Фуко, доказывающій обращеніе земли на своей оси.

Въ Химіи произведены новыя опыты о составныхъ частяхъ воздуха и улучшеніи удобренія полей.

Медицина занималась пріисканіемъ новыхъ веществъ, притупляю-

щихъ чувства, вмѣсто хлороформа, котораго употребленіе обнаружилось опаснымъ во многихъ случаяхъ.

Знаменитые американскіе корабли, приводимые въ движеніе нагрѣтымъ воздухомъ, не имѣли еще желаемого результата.

Система барона Сегье желѣзныхъ дорогъ, по которымъ паровозы могутъ ходить по крутымъ склонамъ, не была еще до сихъ поръ испытана.

Подводный телеграфъ между Франціею и Англіею уже три года дѣйствуетъ безпрестанно. Въ прошломъ году учреждены еще два подводные телеграфическія сообщенія между Англіею и Европою: изъ Дувра въ Остенде и въ Гагу. Между С. Петербургомъ и Кронштадтомъ (черезъ Петергофъ) устроенъ подобный же телеграфъ.

Извѣстно, что электрическіе телеграфы послужили въ Америкѣ къ точному опредѣленію географической долготы. Въ Европѣ дѣлали подобные же опыты. Въ 1853 году произведены они были между Лондономъ, Кембрижемъ и Эдимбургомъ астрономомъ Эйри. Теперь обсерваторія Гринича и Брюсселя приведены тоже въ сообщеніе. Парижская обсерваторія устраиваетъ подобное же сообщеніе съ Гриничскою. Эти опыты еще болѣе будутъ способствовать опредѣленію формы земли.

Въ 1853 году употребили въ Парижѣ электрическое освѣщеніе для ночныхъ работъ построенія зданій. Теперь стараются примѣнить его къ телеграфическимъ сигналамъ, гдѣ нѣтъ электрическаго телеграфа. Три свѣтовые точки въ разныхъ положеніяхъ обозначаютъ всѣ буквы азбуки и условные знаки. Этимъ способомъ осажденная крѣпость или гавань можетъ переговариваться издали черезъ осаждающее войско или флотъ.

На 1854 годъ исчислены сильнѣйшіе морскіе приливы: 28 февраля 14 апрѣля, 13 и 14 мая, 9 и 10 августа, 8 сентября и октября.

Дагеротипъ способствовалъ къ счисленію пятенъ на солнцѣ и къ изученію внутренняго солнечнаго состава. Полное солнечное затмѣніе 31 декабря 1861 года много безъ сомнѣнія объясняетъ въ этомъ отношеніи.

Магнитная стрѣлка показывала въ 1666 году прямо на сѣверъ. До 1816 года уклонялась она все къ западу. Араго нашель, что въ этомъ 1816 году достигла она до крайней точки своего уклоненія, и теперь болѣе и болѣе возвращается къ сѣверу. По исчисленію Шаполона, будетъ она въ 1967 году опять прямо указывать на сѣверъ; въ 1816 г. уклоненіе къ западу составляло $22\frac{1}{2}^{\circ}$; въ 1853 году было оно уже только $20\frac{1}{4}^{\circ}$. Съ 1571 уклонялось оно къ востоку до 1660. Надобно еще замѣтить, что для дальнѣйшаго наблюденія надъ магнитною стрѣлкою удаляются теперь въ Парижѣ на двѣнадцать километровъ (версть) отъ города, гдѣ множество желѣза имѣетъ особенное вліяніе на магнитъ.

Въ этомъ году луна два раза будетъ закрывать звѣзду γ въ Близнецахъ. Меркурій видѣнъ будетъ 15 марта, 10 апрѣля, 16 іюля, 5 августа, 8 и 27 октября. Въ телескопъ средней силы видѣнъ онъ будетъ въ видѣ полу-мѣсяца.

Венера до 15 февраля была утреннею звѣздою. Сильнѣйшій свѣтъ

ея былъ 5 апрѣля, а величайшее отдаленіе отъ солнца 9 мая. Марсъ всего виднѣе былъ въ февралѣ и мартѣ Юпитерь до іюля по утрамъ, а потомъ до конца года по вечерамъ. Кольцо Сатурна всего виднѣе будетъ въ августѣ, и этой ясности не будетъ имѣть цѣлые 15 лѣтъ.

Извѣстно, что планеты движутся отъ Запада къ Востоку, но бывають времена, когда *видимое* движеніе бываетъ съ Востока на Западъ. Такъ и нынѣ съ 16 іюля по 12 августа Меркурій будетъ имѣть обратное движеніе; Венера съ 5 по 19 февраля; Марсъ съ февраля до 15 апрѣля; Юпитерь съ 15 мая по 15 сентября; Сатурнъ съ 30 сентября до конца года. (The Athenaeum).

Перуанское растеніе Кока. (Статья Чуди). Кока (Erythroxilon Coca) кустарникъ въ шесть футовъ вышины съ блестящими зелеными листьями, бѣлыми цвѣтами, за которыми слѣдуютъ маленькія красныя ягоды. Сѣмяна этой ягоды сажаются въ гряды, и когда растеніе достигнетъ до $1\frac{1}{2}$ —2-хъ футовъ высоты, то пересаживаютъ его въ поле на разстояніи трехъ фуговъ одно отъ другаго. Для защиты его отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія солнца (потому что кока любитъ сырость), сѣютъ въ первый, а иногда во второй годъ между Кока сѣмяна маиса. Когда же защита эта сдѣлается не нужною, то тщательно полютъ сорныя травы, и чрезъ каждые полтора или два мѣсяца разрыхляютъ землю.

Когда листья созрѣютъ, то есть когда сдѣлаются такъ хрупки, что ломаются при сгибаніи, то ихъ снимаютъ со ствола. Эту работу обыкновенно производятъ женщины. Надобно только наблюдать, чтобъ молодыхъ листьевъ и вѣтвей не трогать.

Безлиственный кустъ вскорѣ потомъ опять одѣвается зеленью, такъ что въ нѣкихъ мѣстахъ чрезъ $3\frac{1}{2}$ —4 мѣсяца готовъ уже новый сборъ листьевъ. Въ горныхъ же странахъ (montanas) снимаютъ ихъ только разъ въ годъ.

Послѣ восьми или десяти лѣтъ замѣняютъ состарѣвшіеся кусты новыми, потому что старые уже мало даютъ листьевъ. Зеленые снятые листья разстилаются на толстыхъ шерстяныхъ одѣялахъ на солнцѣ, гдѣ и сохнутъ. На это потребно, смотря по погодѣ, отъ двухъ до шести дней. Тогда листья дѣлаются гладкими и матоваго зеленаго цвѣта. Это высушка требуетъ большой осторожности, потому что отсырѣвшіе листья морщатся, чернѣютъ и цѣнятся гораздо дешевле зеленыхъ.

Высушенная кока ссыщается въ шерстяные мѣшки и въ этомъ видѣ разсылается для продажи или употребленія. Въ Гуанко подобныя мѣшки вѣсомъ 75—80 фунтовъ; въ Витокъ до 150. Изъ Урубамбы, Кальки и Паукартамбо отправляется кока въ корзинахъ (cestos).

Пересылка коки тоже требуетъ осторожности. Если мѣшки подвергнутся сырости, то листья перегаютъ и плеснѣютъ.

Кока изъ Гуанко употребляется только въ сѣверныхъ провинціяхъ и у береговъ моря, гдѣ негры, работающіе на плантаціяхъ, употребляютъ эти листья въ большомъ количествѣ.

Вкусъ коки различенъ по провинціямъ, и индѣйцы, привыкшіе къ одному сорту, съ неудовольствіемъ употребляютъ другой. Растущій въ Гуанко почитаютъ они худшимъ противъ другихъ сортовъ.

Индѣйцы жуютъ коку. У каждаго изъ нихъ кожаный мѣшокъ *гуалькви*, или *чуспа* съ запасомъ этихъ листьевъ и плетенка съ *шикупуру* (негашеная известь въ порошокѣ). Индѣйцы три или четыре раза въ день отдыхаютъ отъ работы, чтобъ жевать коку (*чапаръ*). Для этого вынимаютъ они осторожно листья изъ *гуалькви*, отдѣляютъ жилочки, остальное кладутъ въ ротъ и жуютъ до тѣхъ поръ, пока изъ листьевъ образуется шарикъ (*аскуллю*). Тогда обмоченную лучинку втыкаютъ они въ известь, и эту приставшую къ ней известь присоединяютъ, посредствомъ лучинки, къ шарiku коки во рту. Эту операцію повторяютъ они два раза, покуда шарикъ получить надлежащій пріятный вкусъ. Слюну выплеваютъ они только отчасти, большую же часть глотаютъ.

Когда шарикъ не даетъ уже достаточно соку, то его выбрасываютъ и составляютъ другой.

Въ южныхъ провинціяхъ вмѣсто негашеной извести употребляютъ ѣдкую золу киноа (*Chenopodium quinoa*). Употребленіе негашеной извести требуетъ нѣкоторой осторожности, чтобъ не обжечь ею губы, или десень. Это часто случается съ европейцами, которые пробуютъ жеваніе коки.

Вкусъ коки не непріятенъ, съ слабою горечью, нѣсколько ароматическій и похожъ на дурные сорта чая. Съ примѣсью золы пріобрѣтаетъ кока нѣкоторую ѣдкость и сносеѣ для европейцевъ. Запасъ свѣжихъ, хорошо сохранныхъ листьевъ, чрезвычайно силенъ, но въ мѣшкахъ это одуряющее свойство теряется.

Всѣ жующіе коку издаютъ изъ себя непріятное испареніе: у нихъ дурной запахъ изъ рта, блѣдныя губы и десны, зеленые тупые зубы и черныя окраины на губныхъ углахъ.

Страстные жеватели коки называются *Кокеросы*, ихъ сейчасъ можно узнать по невѣрной, колеблющейся походкѣ, по вялой желтосѣрой кожѣ, по впалымъ, мутнымъ глазамъ съ фіолетовыми кругами, по дрожащимъ губамъ, безсвязнымъ рѣчамъ и апатическому праву. Всѣ эти люди вообще недовѣрчивы и ни къ кому не расположены. Они рано старѣются, и въ старости притупляются всѣ ихъ чувства.

Они убѣгаютъ отъ человеческого общества, любятъ уходить въ лѣсъ или въ уединенныя развалины. Тамъ проводятъ они цѣлые дни въ своемъ жевательномъ наслажденіи. Тамъ раздраженное ихъ воображеніе представляетъ имъ самыя чудовищныя видѣнія, то невыразимо-прелестныя, то ужасныя. Тамъ спятъ они въ уединенныхъ углахъ, и только механизмъ жеванія доказываетъ, что они еще живы.

Кокеросъ возвращается къ нормальному своему состоянію не потребностью сна или пищи, а единственно истощеніемъ взятаго съ собою запаса коки.

Въ трое сутокъ потребляетъ онъ четверть фунта листьевъ и одну унцію извести или золы.

Вообще всѣ горные индѣйцы жуютъ коку по два, по три лота въ

день; въ дни же праздниковъ вдвое. Они такъ привыкли къ этому употребленію, что для нихъ гораздо легче обойтись безъ пищи, нежели безъ коки. А потому при горныхъ и полевыхъ работахъ хозяева или надзиратели (hasendados) должны давать работникамъ три отдыха для жеванія коки, каждый около получаса. Послѣ двухъ приемовъ жеванія выкуриваютъ они папироску, и этимъ (по словамъ ихъ) довершаютъ ощущаемое наслажденіе.

Какъ тяжело отстать отъ привычки жеванія, доказывается многими высшими сановниками въ Лимѣ, которые ежедневно два раза удаляются во внутренніе свои комнаты, чтобъ тамъ заниматься этимъ. Публично не смѣютъ они этого дѣлать, потому что между знатными перуанцами обыкновеніе это считается постыднымъ, принадлежащимъ послѣднимъ сословіямъ.

Часто пріѣзжающіе сюда европейцы тоже предаются этой привычкѣ, и въ Черро де Паска англичане составили отдѣльный клубъ для этого занятія.

Дѣйствіе коки наркотическое и болѣе подходит къ дурману, нежели къ опиуму. Замѣчательно, что кокеросы, послѣ своихъ трехсуточныхъ жеваній, дѣлаются свѣтобоязненными, и въ глазахъ ихъ замѣчается значительное расширеніе зрачка.

Это же явленіе можно произвести, смочивъ глаза экстрактомъ взвара изъ листьевъ коки. Отъ опиума отличается кока тѣмъ, что даже послѣ самаго неумѣреннаго употребленія не производитъ спячки, или расстройства умственныхъ способностей. Но подобно опиуму раздражаетъ она мозгъ, и послѣ многолѣтняго употребленія притупляетъ его дѣятельность.

Всѣмъ, наблюдающимъ за дѣйствіями коки, казалось всегда удивительнымъ, что индійцы, постоянно употребляющіе коку, чрезвычайно мало ѣдятъ, а при усиленномъ жеваніи ея и вовсе могутъ обойтись безъ пищи, работая однако же съ величайшимъ напряженіемъ. Мои личныя наблюденія удостовѣрили меня въ этомъ, и я полагаю, что умѣренное употребленіе коки болѣе полезно, нежели вредно для здоровья. Я видѣлъ индійцевъ, достигшихъ чрезвычайной старости при ежедневномъ жеваніи три раза листьевъ коки. По исчисленію моему, нѣкоторые изъ нихъ съжевали *два тысячи семьсотъ* фунтовъ коки, и были всегда притомъ здоровы.

Обыкновенная пища индійцевъ состоитъ исключительно изъ растительнаго царства, изъ поджареннаго масла и муки изъ того же поджареннаго пшена (machica). Эта пища производитъ запоры, но разрѣшающее дѣйствіе коки спасаетъ отъ многихъ болѣзней.

Самая кока чрезвычайно питательна. Рудокопные работники по нѣскольку лѣтъ производятъ самыя тяжелыя работы, получая весьма скудную пищу, но кока поддерживаетъ ихъ. Вотъ примѣръ, видѣнный мною лично.

Одинъ Чоло изъ Гуарин, прозванный *большимъ ястребомъ*, производилъ для меня нужную работу пять дней и пять ночей. Во все это время спалъ онъ только по два часа въ сутки, и не хотѣлъ никакой пи-

щи, но за то чрезъ каждые два, три часа жеваль по полуунции листевъ коки и безпрестанно держаль шарикъ, жеванный во рту. Я тщательно наблюдалъ за нимъ во все время. Окончивъ работу, проводилъ онъ меня 23 леги по возвышенной плоскости. Двое сутокъ ѣхаль я верхомъ на мулъ, а онъ подлѣ меня бѣжалъ пѣшкомъ, и только отдыхаль, когда чувствовалъ потребность жеванія. Когда мы разставались, онъ объявилъ мнѣ, что согласенъ былъ бы еще разъ всю эту работу сдѣлать безъ всякой пищи, лишь бы имѣть достаточное количество коки. Этому человѣку было 62 года, и онъ во всю жизнь не былъ болѣнъ.

Индійцы увѣряютъ, что кока лучшее средство противъ одышки при восхожденіи на горы и пуны (пуна, плоская возвышенность. Въ Кордильерахъ и Андахъ они въ 12,000 футахъ надъ уровнемъ моря.) Я удостовѣрился въ этомъ собственнымъ опытомъ. Бывая на охотѣ на пунахъ въ 14,000 футовъ вышины, я выпиваль крѣпкій взваръ листевъ коки, и легко лазилъ по горамъ, быстро преслѣдуя дичь, не ощущая никогда одышки.

Но этотъ взваръ непроизводилъ надо мною тѣхъ наркотическихъ дѣйствій, какъ отъ жеванія у индійцевъ; я только чувствовалъ необыкновенную сытость.

При всѣхъ обрядахъ употребляли коку то въ видѣ омиама, то въ видѣ жертвоприношенія. Самое растеніе коки пользовалось у нихъ божескими почестями. Три вѣка христіанства немогли еще искоренить многія индійскія суевѣрія по поводу коки. И теперь рудокобы въ Черро ди Паско бросаютъ въ рудники шарикъ жеваной коки, будучи увѣрены, что отъ этого разработка пойдетъ лучше.

И теперь еще умершему индійцу кладутъ въ ротъ листья коки.

(Lesefrüchte).

Исслѣдованія китайскаго языка.—Во одномъ изъ послѣднихъ зазданій лондонскаго филологическаго общества, профессоръ Кей (Key) читаль пространную диссертацию о свойствахъ китайскаго языка. Онъ утверждаетъ, что на свѣтѣ нѣтъ языка безъ грамматическихъ правилъ и совершенно односложнаго. Китайцы склоняютъ, спрягаютъ и составляютъ синтаксическимъ образомъ фразы, какъ и всякій народъ. И въ китайскомъ языкѣ есть множество двусложныхъ и трехсложныхъ словъ, которыя слились отъ времени. Напримѣръ:

Их-ко-джинъ гео-ванъ-аватай, цо чимъ-мо-ти не? (почему человекъ изучаетъ языкъ мандариновъ)? Здѣсь *их-ко-джинъ* и *чимъ-мо-ти* составныя слова, какъ у насъ земледѣліе, оплодотвореніе, и т. п.

Китайцы склоняютъ и спрягаютъ посредствомъ приставныхъ и надстрочныхъ знаковъ, какъ и другіе народы, но только особеннымъ образомъ, а именно посредствомъ музыкальнаго элемента, неизвѣстнаго ни въ одномъ языкѣ ни живомъ, ни мертвомъ. Какъ у насъ нота иначе называется и поется у баса, тенора и альты, такъ и у ки-

тайцевъ тотъ же знакъ, то же слово означаютъ совершенно различные предметы, если выговариваются басомъ, теноромъ или альтомъ. Однимъ словомъ языкъ ихъ—музыка или речитативъ.

Этотъ музыкальный элементъ вмѣстѣ съ тѣмъ и грамматическій. Гуцлафъ былъ первый, составившій хорошій и понятный китайскій лексиконъ. Всѣ прежніе были не по алфавитному порядку звуковъ, а по одинаковому окончанію словъ.

Послѣ него, Маршманъ и Тредоскантъ-Лей производили добросовѣстные изысканія въ этомъ языкѣ, и нашли въ немъ элементы санскритскаго, еврейскаго, даже древне-германскаго языковъ. Они расположили въ алфавитномъ порядкѣ двѣсти четырнадцать китайскихъ *коренныхъ* звуковъ съ двумя тысячами *интегральныхъ*. Эти коренные и интегральные знаки составляютъ настоящій корень языка, изъ котораго онъ развивается, какъ вѣтви, листья, цвѣты и плоды дерева. Подъ этими радикальными или первообразными словами поставлены были производныя, какъ дѣлается всеми лексикографами. И такимъ образомъ подтвердилось показаніе Лей, что китайскій языкъ въ своемъ образованіи слѣдовалъ тѣмъ же законамъ какъ и другіе. И китайцы говорятъ и учатся говорить, какъ всѣ прочіе народы, только избрали себѣ другіе звуки для выраженія своихъ идей. Составивъ себѣ сперва эти звуки, они придумали начертательные для нихъ знаки.

Китаецъ называлъ барана *янгъ*, прежде нежели вздумалъ нарисовать этотъ звукъ, котораго верхнія черты изображаютъ только барана, а нижнія землю. Потомъ стали они сокращать свои письменные знаки и ограничились необходимыми.

Извѣстно, что еврейскія письмена произошли, такимъ же образомъ но потомъ упали до фонетическаго (звуковаго) значенія, тогда какъ китайцы сохранили первоначальное ихъ значеніе. Вотъ вся разница при развитіи этого языка въ сравненіи съ прочими азіатскими діалектами, такъ что въ Японіи и Корей, гдѣ первоначально были приняты китайскія письмена, они превратились въ фонетическія буквы.

Тотъ же самый процессъ управлялъ и при составленіи египетскихъ іероглифовъ, но ихъ мудренѣе разобрать теперь, какъ принадлежащихъ къ мертвому языку, тогда какъ китайскимъ говорятъ нѣсколько сотъ милліоновъ людей.

Чтобъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о музыкальномъ элементѣ китайскаго языка, надобно во-первыхъ имѣть въ виду, что всякое коренное слово имѣетъ свой особый знакъ, свой опредѣленный звукъ и свое усиленное значеніе. Производныя слова составляются какъ у всѣхъ народовъ. Напримѣръ, у насъ, чтобъ выразить идею о домѣ въ деревнѣ, мы соединяемъ это слово и говоримъ сельскій домъ. Китайцы называютъ его одинаковымъ именемъ съ городскимъ домомъ, то есть *домъ*, но выговариваютъ его музыкальною *квинтою* выше.

Въ ихъ составныхъ и производныхъ словахъ много особеннаго и даже поэтическаго. Въ европейскихъ языкахъ придуманы къ производнымъ разныя окончанія (у Русскихъ: *іе, ство*, и проч., у Французовъ: *ment, ion*, у нѣмцевъ *sit, ung*, у англичанъ: *ship, ness*, и др.), кото-

рыя не имѣють слѣдственно никакого смысла. У китайцевъ же всѣ окончанія обозначаютъ какіе нибудь предметы. Иногда эти части очень забавны, но иногда поразительны и вѣрны. Наши *ни*, *ство* называется у нихъ мужчина, женщина, вода, огонь, рука, нога, и проч.

Видя, на примѣръ отдѣльно китайскій знакъ руки и знакъ глаза, мы ихъ понимаемъ, но встрѣтя ихъ вмѣстѣ, мы никакъ не можемъ понять, что значить *ручной глазъ*. Что такое фраза: «я *рукоглазилъ* моего друга.» Это значить: «я привѣтствовалъ друга моего взорами, исполненными радости, и прежде нежели пожать ему руку, я уже взоромъ моимъ протянулъ ему руку.»

Это чистая оптическая метафора. Знакъ *Ву* означаетъ не одну руку, но такую руку, которой всѣ пять пальцевъ простерты въ разныхъ направленіяхъ. Радостный взоръ тоже распространяется по всѣмъ направленіямъ, чтобъ принять любимый предметъ въ малую рамку глазной оболочки.

Знакъ, выговариваемый иногда *л*, а иногда *урѣ*, представляетъ изображеніе почвы съ двумя корнями, а сверху видъ простѣйшаго растенія изъ числа водяныхъ или болотныхъ. Этотъ знакъ служитъ къ обозначенію первообразнаго, самобытнаго, потомъ тихаго и мокраго. Если подлѣ этого знака стоитъ знакъ *воды*, то идея о мокрой или тихой водѣ оказывается уже несвойственною, а обращается къ идеѣ о *первообразномъ*, и составной знакъ этотъ будетъ значить *источникъ*, *ключъ*, *родникъ*. Если же при этомъ знакѣ стоитъ знакъ *прямаго*, то составное слово читается *откровенный* (первообразно-прямой). Это почти смыслъ англійскаго *gentleman*, котораго нельзя перевести на другіе языки.

Знакъ *гуа* означаетъ *перемьну*. Если подлѣ него китаецъ поставитъ знакъ *растенія*, то составное это слово будетъ значить *цвѣтокъ*, то есть: та часть *растенія*, которая всего скорѣе *измѣняется*, проходитъ. Со знакомъ *глаза* (измѣнчивый глазъ) слово это будетъ означать двуличнаго человѣка, обманщика. Со знакомъ *руки*, означаетъ *удаленіе* (измѣненіе направленія). Купцы этимъ знакомъ *перемьности* означаютъ *товаръ*, по частому его измѣненію въ цѣвѣ.

Знакъ *го* значить *соединеніе*, *суставъ*. Вмѣстѣ съ знакомъ *руки* составное слово значить полезное, дѣятельное соединеніе, строеніе; въ спеціальному отношеніи означаетъ оно *столяра*. Знакъ *суставчатаго бамбука* значить *многосложное дѣло*.

Знакъ *лигъ*—баранъ, имѣеть много значеній въ составныхъ словахъ. Со знакомъ *ноги*, означаетъ онъ *трусость*. Со знакомъ любви, означаетъ *пастырскую любовь*. Со знакомъ *человѣка* означаетъ *покорство*.

Эти не многіе примѣры служатъ доказательствомъ трудности изученія китайскаго языка, который можетъ назваться самымъ богатымъ и бѣднымъ. Моррисонъ собралъ только *четыреста одиннадцать* словъ, могущихъ быть выраженными буквами, то есть *нотами*. То что у насъ дѣлають линѣйки въ нотахъ, то китаецъ выражаетъ звукомъ произношенія. *Кіенъ* значить *видѣть*, но если Китаецъ хочетъ выразить, что онъ навѣрное видѣлъ, то прибавляетъ *кинь* (*киень-кинь*) *твердый*, то есть, что онъ твердо видѣлъ.

Китайскіе музыкальные акценты такого особеннаго свойства, что надобно выражать ихъ нашими скрипичными нотами. Когда голосъ поднимается отъ *n* до *c*, то это называется *шангъ-шингъ*; если спускается, то именуется *Кеу-шингъ*; *Пингъ-шингъ* значитъ *выдерживать* (*portamento*) ноту. *Юхъ-шингъ* равняется *staccato* на скрипкѣ. Эти четыре измѣненія, идущія отъ *c* до *g*, даютъ восемь нотъ, которыя въ одномъ и томъ же словѣ имѣютъ особое значеніе. Хула, сказанная въ тонѣ *Пингъ-шингъ* гораздо чувствительнѣе. Женщины особенно мастерицы на эти музыкальныя гаммы, когда, высыпавъ изъ домовъ, начинаютъ бравиться по улицамъ.

Образованный Китаецъ поставляетъ всю свою славу въ красивомъ слогѣ и въ музыкальныхъ модуляціяхъ разговора. Нанкинскія дамы и ученые мужи цѣлый вѣкъ изучаютъ этотъ предметъ. Параллельность фразъ всего красивѣе въ ихъ глазахъ.

Послѣ красоты слога всего болѣе занимаются они чистописаніемъ. Кто красиво разводитъ кисточку съ тушью, тотъ высокій художникъ. Прямыхъ линій избѣгаютъ каллиграфы. Чѣмъ болѣе крючковъ, тѣмъ лучше. Прописи ихъ *бѣлыя* на черномъ фонѣ. Впрочемъ, въ скорописи употребляютъ и прямыя линіи.

Собственно литературы нѣтъ у Китайцевъ, но множество древнихъ книгъ о законахъ, обрядахъ и нравственности. Ихъ философія смѣшана съ описаніемъ счастливыхъ и несчастныхъ дней. Логика и метафизика наполнена описаніями таинственной значительности цифръ 5 и 8.

Китайскій театръ напоминаетъ телегу Тесписа и шекспировскія декорации, гдѣ на столбахъ писалось: *здесь лѣсъ, здѣсь дворецъ*. Актеры ихъ вѣрно копируютъ природу. Пьесы ихъ всѣ печатаются (кромѣ древнѣйшихъ). Все это рапсодіи, исчезающія съ каждымъ поколѣніемъ и неимѣющія вліянія на развитіе образованности. (*Mag. fur die Litteratur*).

Остъ-Индскіе діалекты. Поверхность Британской Остъ-Индіи считается въ 1,200,000 квадратныхъ миль. Она простирается отъ 35° до 8° сѣверной широты. Обширный бассейнъ Ганга и притоковъ его составляетъ важнѣйшую часть англійской Остъ-Индіи какъ въ коммерческомъ, такъ и политическомъ значеніяхъ. Здѣсь колыбель цивилизаціи и религіи индійскихъ народовъ, отсюда выходили всѣ завоеватели и спускались внизъ по полуострову. Англія совершенно владѣетъ имъ около полувѣка. Но плодороднѣйшія части этого бассейна уже цѣлое столѣтіе находятся во владѣніи ихъ. Неистощимое богатство этой почвы и безпримѣрная покорность жителей подали Англіи средства къ завоеванію остальной Остъ-Индіи.

Сто пятьдесятъ милліоновъ душъ живутъ на этомъ полуостровѣ и двѣ трети изъ нихъ подданные Англіи. Населенность здѣсь неодинакова. Она вообще болѣе способствуетъ плодородности почвы. Нѣкоторыя части Ганговой равнины такъ же сильно населены, какъ Фландрія или Ломбардія, тогда какъ другіе округи такъ же пустынные, какъ острова Тихаго океана. Въ этой же пропорціи развито и просвѣщеніе.

Десять различныхъ націй, говорящихъ различными языками (не говоря о нарѣчіяхъ) раздѣляютъ между собою весь Остъ-Индскій полуостровъ. Изученіе этихъ племенъ и діалектовъ чрезвычайно затруднительно.

Пандиты, то есть учителя браминской вѣры, считаютъ *пятьдесятъ семь* языковъ отъ Коморнскаго мыса до Гималаія. Другіе даже утверждаютъ, что ихъ *восемьдесятъ четыре*. Но кажется, что и первая цифра слишкомъ преувеличена, и въ числѣ языковъ считаютъ разныя областныя нарѣчія. Сирь Эрскейнъ Перри раздѣляетъ вообще всѣ языки Остъ-Индіи на два главные разряда, на сѣверные и южныя. Это разпредѣленіе основано на дѣйствительномъ различіи, составляющемъ характеристику каждой группы.

Во всѣхъ языкахъ полуострова открывается въ значительномъ количествѣ примѣсь разныхъ иностранныхъ діалектовъ, наиболѣе Арабскаго, Персидскаго и наконецъ Санскритскаго, которымъ, какъ кажется, первоначально говорили на центральной плоской возвышенности Азіи. Этотъ иностранный элементъ наиболѣе замѣтенъ въ сѣверныхъ діалектахъ; но чѣмъ болѣе наблюдатель приближается къ югу, тѣмъ замѣтнѣе примѣсь уменьшается, и у мыса Коморна становится уже совершенно незначительнымъ, какъ латинскій языкъ въ Кельтійскихъ и Арабскій въ испанскомъ.

Это происходитъ оттого, что всѣ завоеватели вторгались въ Индію съ Сѣверо-Запада и прежде всего основывали свое владычество въ плодородныхъ равнинахъ верховій Ганга. Здѣсь Александръ Македонскій проникъ въ Индію, и еслибъ нетерпѣливость европейскихъ его воиновъ дозволила ему прочнымъ образомъ установить здѣсь своё владычество, участь этой страны была бы совершенно другая. Греческій политизмъ смѣшался бы съ ученіемъ браминовъ, и греческій языкъ преобладалъ бы вмѣсто арабскаго и персидскаго.

Послѣдніе два діалекта вошли здѣсь въ употребленіе со времени вторженія мусульманъ, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, почти около того же времени, какъ Норманны смѣшали французскій языкъ съ Англо-Саксонскимъ. Вторженіе мусульманъ произошло три вѣка спустя послѣ Магомета, но эти завоеватели столь же мало могли назваться Персами, какъ Норманны Галлами Кельтическаго племени. Вооруженныя вторженія въ Индію были изъ разноплеменныхъ народовъ, какъ-то: Турокъ, Арабовъ, Персовъ, Узбековъ и Афганцевъ. А чтобъ понимать другъ друга, мусульмане приняли персидскій языкъ въ видѣ офиціальнаго, дипломатическаго: что и сохранилось до прибытія Англичанъ.

Между всѣми туземными языками важнѣйшій *Гинди*. Онъ подраздѣляется на восемь главныхъ нарѣчій, столько же иногда различныхъ между собою, какъ ирландскій съ валлійскимъ, Нижне-Бретонскій съ Гальскимъ, или какъ португальскій съ испанскимъ. *Гинди* былъ языкомъ Гиндусовъ, которыхъ мусульмане встрѣтили первыхъ при своемъ вторженіи въ равнинѣ Джумны и Ганга. Этотъ же языкъ получилъ большую примѣсь персидскаго языка (который уже самъ измѣненъ былъ арабскимъ). Теперь діалектъ Гинда, сохранившійся въ древнихъ маго-

метанскихъ столицахъ Дели и Агрѣ, болѣе всего распространенъ между народонаселеніемъ Остѣ-Индскаго полу-острова. Что же касается до введенія персидскаго языка въ туземный, который еще прежде измѣненъ былъ санскритскимъ, это такое же событіе какъ сліяніе Французско-Нормандскаго съ Англо-Саксонскимъ. Слѣдуя къ югу, число персидскихъ словъ уменьшается въ индѣйскихъ нарѣчіяхъ, потому что Югъ покоренъ былъ позже и не вполне. Тоже замѣчаніе относится и къ Санскритскому.

Гинди, съ своими восемью нарѣчіями составляетъ туземный языкъ пятидесяти милліоновъ жителей на пространствѣ между Гималайскими горами къ сѣверу, Раджмагальскими возвышенностями къ востоку, Виндгіаскими горами къ Югу и рѣкою Индомъ къ Востоку. Во время продолжительнаго владычества мусульманъ, у которыхъ онъ былъ природнымъ языкомъ, Гинди служилъ общимъ діалектомъ между образованными сословіями, какъ теперь французскій языкъ въ Западной Европѣ, итальянскій по берегамъ Средиземнаго моря и Малайскій въ Сондскомъ Архипелагѣ. У низшаго сословія народа были свои діалекты

Послѣ Гинди важнѣйшій языкъ *Бенгальскій* (бенгали), которымъ говорятъ жители Бенгаліи, періодически наводняемой Гангомъ и Брахмапутрою, какъ Египетъ Ниломъ.

Въ Бенгаліи тридцать милліоновъ жителей самыхъ миролюбивыхъ. Они промышленны, хитры, ловки, но готовы всякому платить дань, не заботясь о томъ гиндусъ ли онъ, магометанинъ, или христіанинъ. Исторія его состоитъ въ томъ, что въ продолженіи двѣнадцати вѣковъ они безропотно покорялись всѣмъ завоевателямъ.

Далѣе слѣдуетъ языкъ *Мараттовъ*. Это дикій и воинственный народъ. Въ половинѣ XVII вѣка предводимые искуснымъ и мужественнымъ полководцемъ Севаджи, Маратты покорили ближайшихъ гиндусскихъ князей и дошли до Дели. Здѣсь разбилъ ихъ Афганскій герой Ахметъ-Шахъ-Абдалла. Но потомъ, когда явились англичане съ Лордомъ Клейвомъ, Маратты овладѣли Дели и основали обширное государство. Оно бы конечно еще болѣе расширилось, если бы не пришло въ столкновеніе съ Англіею. Въ войнѣ съ Мараттами приобрѣлъ первые свои лавры герцогъ Веллингтонъ.

На Югѣ отъ Бенгала встрѣчается языкъ *урисса*, или *Уриа*, употребляемый двумя милліонами жителей промышленныхъ и образованныхъ.

На противоположномъ берегу, на полуостровѣ Гузератѣ, есть четвертый туземный языкъ. Это послѣдній изъ сѣверныхъ. Съ нимъ соединены *Кучъ* и *Синдъ*. Что же касается до языка *кукани*, которымъ говорятъ на западномъ берегу, это нечто иное, какъ мараттскій языкъ, измѣненный примѣсю языка *канаро*, принесеннаго съ юга неизвѣстными завоевателями.

Переходя къ южнымъ языкамъ, встрѣчаемъ мы во первыхъ *телулу* или *телуно*, употребляемый на восточномъ берегу между 13° и 18° сѣв. шир. въ бывшемъ телинганскомъ королевствѣ, въ которомъ считается семь милліоновъ жителей. Этотъ языкъ очень жесткаго выговора, и одна туземецъ, когда бухарскій султанъ спрашивалъ его о звуч-

ности телинганскаго языка, отвѣчалъ, что онъ похожъ на ссыпаніе мелкихъ камней въ деревянную кадку. Въ немъ однако же много сохранилось санскритскаго элемента.

Телинганскій народъ самый предприимчивый изъ индійскихъ. Онъ одинъ ведетъ виѣшнюю торговлю. Онъ ввелъ гиндусскую религію въ Сондскомъ Архипелагѣ. Онъ же до вторженія арабовъ торговалъ съ древнимъ Китаемъ.

На южной оконечности полуострова находимъ языкъ *тамилъ*, одинъ изъ богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ. Народъ, говорящій имъ, занимаетъ первое мѣсто по своей образованности. У него устроены обширные резервуары, исполинскіе шлюзы, посредствомъ которыхъ производится искусственное орошеніе полей. Народъ тамильскій завелъ главные колоніи на островѣ Цейлонѣ.

На западномъ берегу, гдѣ прекращается *тамилъ* и начинается *кукани*, есть еще нарѣчіе *малайламъ*, которое европейцы прозвали ма-лабарскимъ, хотя это и совершенно отдѣльный языкъ.

На южной плоской возвышенности говорятъ четвертымъ южнымъ языкомъ *Канара*. До пятнадцати милліоновъ жителей говорятъ на языкахъ *тамилъ*, *малайламъ* и *Канара*. У всякаго изъ этихъ языковъ есть особенная фонетическая азбука, видимо происходящая отъ санскритской.

Цейлонскій языкъ составляетъ отдѣльный элементъ. Въ Ассамѣ, Арракалеѣ и Мегу является послѣдній языкъ за Гангомъ, употребляемый двумя милліонами жителей. Цейлонскій языкъ и Мегу имѣютъ отдѣльныя азбуки.

При исчисленіи языковъ ненадобно забывать четырехъ діалектовъ восьмидесяти тысячъ китайцевъ, поселившихся въ Индіи, и малайскаго языка стапятидесяти тысячъ душъ, живущихъ на границахъ. У первыхъ свой особенный родъ письменъ; другіе же заимствовали для своего языка арабскую азбуку.

Такимъ образомъ оказывается, что въ Остѣ-Индіи говорятъ на тридцати письменныхъ языкахъ. Но сверхъ того есть множество діалектовъ, которые вовсе не имѣютъ письменъ и азбукъ. Такъ напримѣръ, въ гондванской области, на пространствѣ 60,000 квадратныхъ миль живутъ дикіе горцы, вовсе незнающіе письменности, или въ Пегу, гдѣ кочующія племена столь же далеки отъ цивилизаціи, какъ дикари на берегахъ Орекока.

Когда ученые европейцы начали изучать языки Индіи, оказалось, что во всѣхъ ихъ множество санскритскихъ словъ. Поэтому они заключили, что это былъ первобытный языкъ здѣшнихъ странъ. Это ошибка; неизвѣстный народъ, говорившій санскритскимъ языкомъ, былъ завоевательнымъ, и языкъ его смѣшался съ туземнымъ во времена владычества этого народа. Но нѣтъ сомнѣнія, что первобытная Индія была населена множествомъ отдѣльныхъ племенъ, говорившихъ каждое своимъ языкомъ, какъ въ Америкѣ, когда она была открыта. Даже надобно удивляться, что въ Индіи такъ мало языковъ на такое огромное число жителей. Видя же топографическое расположеніе страны и рѣз-

кія разграниченія между различными націями и языками, вида существованія отдѣльныхъ азбукъ въ этихъ діалектахъ, наблюдатель чувствуетъ, что первоначальное образованіе имѣло здѣсь столько же центровъ, сколько было различныхъ народовъ.

Религія въ Остѣ-Индіи мало даетъ повода къ изслѣдованіямъ. Большинство принадлежитъ къ браминскому исповѣданію, подраздѣляющемуся на множество сектъ.

Въ началѣ было въ этой религіи только четыре касты жрецовъ, воиновъ, купцовъ и земледѣльцевъ. Но теперь это одна теорія и преданіе. Только въ немногихъ округахъ верхняго Ганга сохранились эти касты въ цѣлости. Въ этихъ областяхъ говорили нѣкогда санскритскимъ языкомъ, и здѣсь родилась браминская вѣра. Въ другихъ же частяхъ Индіи каста воиновъ исчезла, а замѣнилась мѣстною аристократією. Одни Брамины сохранились вездѣ.

Послѣ браминской религіи, всего больше здѣсь мусульманъ. Всѣ прочія вѣроисповѣданія очень мало имѣютъ представителей. Есть христіане, несторіане, сирійскіе, католическіе, протестантскіе; есть евреи, буддисты, парсы, сейки и др.; есть китайцы секты Конфуція. Права гражданства всѣмъ равно принадлежатъ. Англія подвела всѣхъ подъ одинъ уровень, и съ совершеннымъ равнодушіемъ смотритъ на всѣ вѣроисповѣданія, лишь бы жители исполняли ея законы.

(Revue Britanique).

III. АНЕКДОТЫ, РАЗСКАЗЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Апельсины Маркизы. (разсказъ) Маркиза сидѣла за туалетомъ; двѣ субретки, Флорина и Аспазія, какъ будто убѣжавшія изъ комедій Мариво, оканчивали прическу прекрасной вдовы.

Маркиза была вдова двадцати трехъ лѣтъ и такъ богата, какъ почти никто при дворѣ Людовика XV, ея крестнаго отца. Король самъ захотѣлъ быть воспріемникомъ дочери барона де Фонвро, спасаго ему жизнь при Фонтенуа и назначилъ ей сто тысячъ ливровъ дохода, желая доказать этимъ свою благодарность.

Съ тѣхъ поръ крестница монарха была совершенно счастлива. Овдовѣвъ, она поселилась въ красивомъ маленькомъ замкѣ на дорогѣ изъ Буживаля въ Сентъ-Жермень, и была сосѣдкою графини Дюбарри, потому что изъ оконъ своихъ видѣла бѣлыя башни замка Люсіеннъ. Въ это утро Маркиза не обращала никакого вниманія на то, какъ горничныя украшали ея пудреную головку, а очень серьезно подбрасывала на воздухъ два апельсина и ловила ихъ опять своими маленькими ручками.

Занятіе это прерывалось только тѣмъ, что молодая женщина разсѣянно налѣпляла себѣ мушку или съ нетерпѣніемъ посматривала на часы, какъ будто ожидая кого-то. Вдругъ дверь отворилась и лакей, какіе бываютъ только въ комедіяхъ, громко сказалъ:

— Его величество!

Вѣроятно маркиза привыкла къ подобнымъ визитамъ, потому что спокойно привстала и встрѣтила гостя обворожительною улыбкой.

Людовику XV было шестьдесятъ пять лѣтъ, но онъ былъ еще бодръ, красивъ, вселъ, и сѣрый охотничій костюмъ чрезвычайно шелъ къ нему.

Король держалъ ружье, украшенное перламутровыми инкрустаціями, небольшой ягдташъ висѣлъ у него на плечѣ. Онъ пришелъ изъ Люсьенна почти одинъ, съ капитаномъ гвардіи, старымъ маршаломъ Ришелье и однимъ служителемъ, и по дорогѣ забавлялся стрѣляя птицъ, какъ предки его послѣдніе Валуа и первые Бурбоны.

Прадѣдъ его, Беарнецъ, любилъ такую нецеремонную охоту гораздо больше великолѣпныхъ праздниковъ. Но въ этотъ день погода нахмурилась и пошелъ дождь. Людовикъ XV терпѣть не могъ дождя, увѣряя, что предпочитаетъ батарейный огонь холоднымъ каплямъ, проникающимъ до костей и производящимъ ревматизмъ.

Къ счастію въ это время онъ былъ въ ста шагахъ отъ маленькаго замка крестницы, и потому успѣшилъ укрыться у нея, отославъ свою свиту и оставя при себѣ только прекрасную охотничью собаку, генеалогія которой, составленная маршаломъ Ришелье съ грамматическими ошибками, доходила до знаменитаго Низуса, подареннаго Карломъ IX поэту Ронсару.

— Здравствуйте, маркиза, сказалъ король, ставя ружье въ уголъ. Я пришелъ просить у васъ гостепріимства. Дождь засталъ насъ у вашихъ дверей, въ которыхъ я вошелъ одинъ, отославъ Ришелье...

— Это не совсѣмъ великодушно, государь.

— За то благодарумно. Теперь только полдень, и если маршалъ увидитъ васъ такъ рано, то будетъ хватать этою милостію, и пожалуй еще выдумаетъ, что пользуется вашимъ особеннымъ вниманіемъ. Старый герцогъ любить до сихъ поръ компрометировать женщинъ... Но продолжайте вашъ туалетъ, маркиза. Пусть Аспазія оканчиваетъ убирать вашу голову, а Флорина окружать васъ облакомъ пудры, которая еще болѣе возвышаетъ прелесть и бѣлизну вашего лица... Вы сегодня особенно прекрасны, маркиза.

— Вы находите, государь?..

— Я повторяю это вамъ каждый день. Ахъ, какіе славные апельсины!..

И король сѣлъ въ большія кресла подлѣ крестницы, почтительно поцѣловавъ сперва ея розовыя пальчики, и взявъ у нея апельсины.

— Что значать эти апельсины во время вашего туалета, между духами и пудрой, продолжалъ онъ. Не употребляете ли вы ихъ, Маркиза, для поддержанія вашей красоты?

— Я спрашивала мою судьбу у этихъ плодовъ, отвѣчала серьезно молодая вдова.

Король посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и не понимая ея словъ, началъ гладить свою собаку, ожидая объясненія.

— Эти апельсины подарила мнѣ графиня Дюбарри, продолжала маркиза.

— Нельзя сказать, чтобъ подарокъ былъ богатый!

— Не въ томъ дѣло, государь, но я хотѣла рѣшить мои сомнѣнія по одному важному дѣлу, и вмѣсто оракула взяла апельсины.

— Все таки не понимаю васъ, любезная маркиза.

— Я объясню это вашему величеству. Вообразите, что вчера, когда я пришла къ графинѣ, она была занята бросаніемъ апельсиновъ...

И маркиза начала ловко подбрасывать плоды и ловить ихъ.

— Знаю, отвѣчала король. Она даже приговорила во время своей игры: скачи Шуазель, скачи Праленъ, и кажется, что оба они выскочили изъ рукъ графини.

— Точно такъ, государь...

— Ужъ не занимаетесь ли и вы политикой, моя прекрасная крестница? Не хотите ли вмѣстѣ съ графиней мучить моихъ бѣдныхъ министровъ?

— Нисколько, мой добрый государь. Только вмѣсто г. де Шуазеля и герцога Пралена я играла апельсинами цѣлое утро повторяя: скачи Менневаль, скачи Божанси!

— Это что значить, маркиза! За что вы заставляете скакать этихъ двухъ прекрасныхъ молодыхъ людей? Менневаль такъ красивъ и богатъ, де Божанси такой умный государственный человѣкъ и такъ хорошо танцуетъ минуэтъ.

— Я нахожусь въ большомъ затрудненіи, государь. Вы знаете, что Менневаль настоящій дворянинъ, красивый, храбрый, остроумный, какъ Аруэ; только онъ охотникъ до тихой жизни и хочетъ поселиться съ женщиною, которую любитъ, въ Туренскомъ помѣстьѣ, на берегу Луары, вдали отъ придворнаго шума...

— Онъ правъ, перебилъ король, при дворѣ такъ скучно!

— Невсегда! отвѣчала маркиза, прикрѣпляя послѣднюю мушку. Вы такъ же хорошо знаете маркиза де Божанси, одного изъ блистательныхъ придворныхъ, тоже прекраснаго, храбраго и умнаго, но который слишкомъ честолюбивъ, разумѣется, желая одной пользы Франціи, и который готовъ жертвовать жизнію для званія французскаго посланника.

— Я знаю мечты Божанси, сказалъ король, смѣясь. Но у меня на каждое посольство являются посланники десятками. Каждый придворный увѣренъ, что онъ будетъ отличнѣйшимъ представителемъ государства!

Г. де Менневаль любитъ меня; по крайней мѣрѣ онъ говоритъ мнѣ это часто, и я такъ довѣрчива, что вѣрю ему.

— Такъ выходите за него замужъ.

— Я объ этомъ и думаю, но боюсь ошибиться. Разумѣется, я бы очень рада была жить въ уединеніи съ влюбленнымъ, любезнымъ, остроумнымъ мужемъ, въ прекрасномъ замкѣ, на берегу рѣки. Когда шумъ свѣта не доходитъ до счастливецъ, медовый мѣсяцъ бываетъ продолжителемъ. Мы будемъ жить въ совершенной тишинѣ.

— И будете слышать только шумъ вѣтра и дождя, стучащаго въ стекла, прибавилъ король, усаживаясь покойнѣе въ кресла.

— Все это хорошо, но Божанси тоже любитъ меня.

— Вѣдь онъ честолюбивъ.

— Честолюбіе не мѣшаетъ любви, государь. Божанси маркизь; ему двадцать пять лѣтъ, и если онъ достигнетъ высшихъ должностей въ государствѣ, это будетъ очень пріятно женѣ. Такимъ мужемъ можно гордиться.

— Такъ выходите за Божанси.

— Я бы согласилась, но что тогда будетъ съ бѣднымъ Менневалемъ?

— А! теперь я понимаю какую роль вы заставляли играть ваши апельсины. Вамъ нравится Менневаль и Божанси, но такъ какъ двухъ мужей нельзя имѣть, то вы бросаете апельсины, и тотъ, который упадетъ на полъ, а не на вашу ручку...

— Въ томъ-то и дѣло, ваше величество, что такъ какъ у меня нѣтъ предпочтенія ни къ тому, ни къ другому, то я добросовѣстно стараюсь поймать оба апельсина, и ни одинъ изъ нихъ не падаетъ на полъ.

— Не хотите ли, чтобъ я попробовалъ поиграть за васъ?

— Вы шутите, государь.

— Нисколько. Вы знаете, что я не очень ловокъ, и увѣряю васъ, что черезъ три минуты Божанси или Менневаль покатаются по паркету.

— А если вы предпочитаете одного изъ нихъ, и уроните нарочно?

— Чтò за мысль! Впрочемъ и этому можно помочь. Возьмите одинъ изъ апельсиновъ, и воткнувъ въ него булавку, назовите каждый изъ нихъ мысленно. Я ничего не знаю. Теперь смотрите, маркиза, который изъ соперниковъ упадетъ на полъ, и который останется у меня въ рукѣ, чтобъ сдѣлаться вашимъ счастливымъ мужемъ.

И Король подбросилъ апельсины вверхъ довольно ловко и поймалъ ихъ, но при третьемъ разѣ онъ не успѣлъ подхватить ихъ, и они покатались по ковру, усеянному розами.

Маркиза засмѣялась веселымъ смѣхомъ.

— Я предупредилъ васъ, сказалъ Людовикъ XV, что я слишкомъ неловокъ.

— Теперь мудрено рѣшить выборъ.

— За то намъ остается одно. Разрѣзать апельсины, посыпать ихъ сахаромъ и полить ромомъ; это будетъ превосходное угощеніе, отъ котораго я не откажусь, точно также какъ отъ вашего варенья изъ сливъ и вишенъ, которое вы приготовляете также хорошо какъ моя дочь, Аделаида.

— Но какъ же я рѣшу съ Менневалемъ и Божанси, вскричала хорошенькая вдова съ нетерпѣніемъ. Теперь я рѣшительно не знаю, что мнѣ дѣлать.

Король задумался.

— Вы увѣрены, спросилъ онъ, что они оба васъ любятъ?

— Увѣрена... почти, отвѣчала маркиза, улыбаясь своему зеркалу.

— Но не можетъ же быть, чтобъ оба соперника любили васъ одинаково.

— Отчего не можетъ быть?

— Оттого, что я этому не вѣрю.

— Вы жестоки, государь. Однако можно испытать справедливо ли ваше предложеніе. Мои женихи скоро явятся.

— Вмѣстѣ?

— Нѣтъ, одинъ послѣ другаго. Маркизь придетъ въ часть, а баронъ въ два. Я обѣщала сегодня рѣшить ихъ судьбу.

Въ эту минуту у двери явился тотъ же лакей и донесъ своей госпожѣ, что маркизь де Божанси проситъ позволенія войти.

— Прекрасно, сказалъ Людовикъ XV улыбаясь. Примите вашего обожателя, маркиза, и обѣщайте ему вашу руку... съ условіемъ.

— Съ какимъ, государь?

— Вы ему скажете, что согласитесь быть его женою, только когда онъ оставитъ свою должность при дворѣ и уѣдетъ въ Питу, въ свое Курлагское помѣстье, гдѣ вы хотите жить уединенно.

— А потомъ что?

— Потомъ вы ему дадите два часа на размышленіе.

— Чтоже изъ этого выдетъ?

— Увидите!

Король всталъ съ кресла, позвалъ свою собаку, взялъ ружье и скрылся въ углу будуара за ширмами.

— Что вы дѣлаете, государь? спросила молодая женщина съ удивленіемъ.

Ни слова обо мнѣ, маркиза. Вотъ Божанси.

Маркизь вошелъ.

Это былъ прекрасный молодой человекъ, высокій, стройный, съ черными усиками, блестящими глазами, умнымъ выраженіемъ лица, смѣлый, гордый, благородный.

Маркиза немного покраснѣла, протягивая ему руку и подумала, смотря на него:

— Кажется, испытаніе не нужно, и мое волненіе при входѣ Божанси доказываетъ, что я люблю его. Съ какою гордостью я буду опираться на его руку на придворныхъ праздникахъ, какъ часто буду заходить въ кабинетъ прекраснаго посланника.

И маркиза съ кокетливою улыбкой, принадлежавшей той эпохѣ, не мечтавшей еще объ ужасахъ будущаго, показала молодому человеку возлѣ себя мѣсто и оставила ему свою ручку.

— Маркиза, сказалъ Божанси, пожимая тихонько эту маленькую руку, какъ давно я не видалъ васъ!

— Кажется вы были у меня вчера.

— Но часы, проведенные вдали отъ васъ, кажутся мнѣ вѣками.

— Вы прочитали этотъ комплиментъ въ романѣ Кребильона?

— Вы смѣтаетесь надъ моими страданіями, маркиза.

— Мнѣ простительно смѣяться, маркизъ... я такъ давно скучаю.

— По этому—то я и предлагаю вамъ превратить вашу жизнь въ безконечный праздникъ.

— Не будетъ ли это слишкомъ утомительно, маркизъ?

— Скажите только одно слово, маркиза, и я употреблю все мое состояніе, всѣ способности, чтобъ составить ваше счастье.

— Вы честолюбивы?

— Еще больше съ тѣхъ поръ какъ полюбилъ васъ.

— Развѣ честолюбіе необходимо въ любви?

— Непремѣнно. Честолюбіе приводитъ къ почестямъ, славѣ, производитъ завистниковъ, почитателей, соперниковъ; всѣ удивляются счастливицу; монархъ уважаетъ его за услуги... и можно ли сильнѣе выразить любовь, какъ не раздѣлить съ любимой женщиной этой блистательной жизни, доказавъ ей, что она одна причиною этого честолюбія.

— Можетъ быть, вы правы, маркизъ, но...

— Не *можетъ быть*, а совершенно правъ, прекрасная маркиза. Выслушайте меня только.

— Слушаю.

— Между дворянами, не унижавшими ни разу гербъ свой неравными союзами, любовь не можетъ быть сентиментальная и робкая, какую описываютъ въ романахъ, приводящихъ въ восторгъ вашихъ горничныхъ. Развѣ мы можемъ, подобно простолюдинамъ—вздыхателямъ, забыть наше имя и долгъ и скрыться въ провинцію, чтобъ въ удивленіи наслаждаться нашимъ счастьемъ? Наше мѣсто въ Версали, и мы не должны покидать его.

— А! вы увѣрены въ этомъ.

— Разумѣется. Вспомните только блистательные праздники, пеструю толпу, взгляды, улыбки, острые слова, среди которыхъ проходишь, опираясь на руку счастливицы... Развѣ прятать счастье! Нѣтъ, надобно съ гордостью показывать его всѣмъ, потому что зависть соперниковъ только увеличиваетъ его... Вы знаете, что мой дядя, кардиналъ, пользуется большою милостію при дворѣ, король благосклоненъ къ нему, графиня съ нимъ ласкова. Онъ обѣщалъ выхлопотать для меня посольство къ одному изъ сѣверныхъ дворовъ. Согласитесь быть посланницей маркиза, будьте повелительницей, законодательницей высшаго общества въ государствѣ, и позвольте упасть къ ногамъ вашимъ будущему вашему супругу.

И молодой человекъ ловко скользнулъ къ ногамъ прекрасной вдовы, и завладевъ ея руками, покрывалъ ихъ пламенными поцѣлуями.

Маркиза слушала его съ наслажденіемъ, но вдругъ какъ будто вспомя что—то, сказала:

— Встаньте и выслушайте теперь меня. Вы любите меня...

— Отъ всей души.

— Вы готовы жертвовать для меня всѣмъ?

— Всею жизнію.

— Я не прошу такъ много, но чтобъ получить мою руку, надобно...

— Завоевать государство?

— Нѣтъ, надобно вспомнить, что у васъ есть въ Пуату прекрасное помѣстье.

— Да, тамъ есть у меня какая-то лачужка.

— Каждый въ своей лачужкѣ господинъ, и когда вы вспомните гдѣ находится вашъ замокъ Курлакъ, то пошлите за почтовыми лошадьми.

— Для чего это, маркиза?

— Для того, что вы свезете меня въ вашу лачужку, гдѣ мы обѣдѣаемъ въ присутствіи вашихъ вассаловъ.

— Какая странная фантазія пришла вамъ въ голову, моя прекрасная невѣста! Но я согласенъ на все.

— Хорошо. Мы ѣдемъ сегодня вечеромъ... Ахъ, я забыла.

— Что еще?

— Предъ отъѣздомъ вы пошлете королю просьбу объ отставкѣ.

Божанси вскочилъ съ мѣста и вскричалъ съ удивленіемъ:

— Что вы говорите, маркиза?

— Я говорю, что вы не можете исполнять вашей должности здѣсь, когда будете въ Курлакѣ.

— Но когда мы вернемся оттуда?

— Мы не вернемся.

— Не-вер-нем-ся! проговорилъ молодой человекъ съ возрастающимъ удивленіемъ. Но гдѣ же мы будемъ жить?

— Къ Курлакѣ.

— Цѣлое лѣто?

— И цѣлую зиму, и потомъ опять лѣто и опять зиму до безконечности. Я хочу жить въ провинціи, потому что не люблю столичной жизни, праздниковъ, шума, а хочу наслаждаться тихимъ счастіемъ въ живописномъ замкѣ. Для васъ это должно быть все равно. Вы говорите, что честолюбивы только для меня. Надѣюсь, что вы любите больше меня чѣмъ почести, и пожертвуете мнѣ вашими мечтами.

— Но, маркиза...

— Молчите. Я не хочу ничего слышать. Даю вамъ часъ на размышленіе. Ступайте въ залу черезъ эту галерею и пришлите мнѣ вашъ отвѣтъ. Я займусь покамѣстъ моимъ туалетомъ, который еще не оконченъ.

И молодая женщина отворила маркизу маленькую дверь въ галерею, которую и заперла за нимъ.

— Маркиза, закричалъ король изъ-за ширмъ, вы предложите отъ моего имени Менневалю прусское посольство.

— Вы все еще не хотите выйти изъ вашей засалы, государь?

— Нѣтъ, за кулисами гораздо веселѣе, чѣмъ на сценѣ. Я все слышу, вижу, могу смѣяться тихонько и не обязанъ давать репликъ.

Било два часа. Король замолчалъ за ширмами. Доложили о г. Менневалѣ.

Меневаль ни въ чемъ не уступалъ своему сопернику, блистательному Божанси Онъ, былъ строень, красивъ, ловокъ, съ бѣлокурыми волосами, широкимъ лбомъ, задумчивыми голубыми глазами и привлекательною улыбкой. Онъ напоминалъ труверовъ древней Франціи и хотя самъ не уличенъ былъ въ фабрикаціи стиховъ, но любилъ поэзію, искусства, тишину полей, закатъ солнца, таинственную гармонію природы, заключающуюся въ шелестѣ листьевъ, журчаніи воды, акордахъ арфы, вторащихся сердечному концерту, который называется любовью.

Меневаль былъ робокъ, хотя и любилъ прекрасную вдову страстно и преданно. Его любимая мечта была—уединенная жизнь вдали отъ хладнокровныхъ и завистливыхъ свидѣтелей, которые, не понимая счастья, смѣются надъ нимъ и скрываютъ злость подъ философіею.

Молодой человѣкъ молча остановился передъ маркизою и покраснѣлъ, цѣлуя ея руку. Потомъ, обрадованный ея улыбкою, онъ началъ говорить о своей любви съ поэтической наивною, жаромъ и истинною, такъ что не было никакой возможности сомнѣваться въ его чувствахъ.

Во время его монолога маркиза думала:

— Онъ правъ. Счастье состоитъ въ любви, а для любви надобно быть только двоимъ, и не посреди насмѣшливой толпы, мѣшающей нашимъ занятіямъ.

Однако она вспомнила слова короля и сказала:

— Чѣмъ вы докажете мнѣ вашу любовь, баронъ?

— Всѣмъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ.

Маркиза улыбулась, вспомя, что Божанси брался завоевать для нее государство.

— Я честолюбива! прибавила она.

— Я не зналъ этого, отвѣчалъ баронъ грустно.

— Я хочу, чтобъ мой мужъ былъ знатенъ.

— Если вы желаете, я буду искать почестей.

— Послушайте, любезный баронъ, вы знаете, что я крестница короля, и его величество, по моей просьбѣ, назначилъ васъ посланникомъ.

— Неужели! сказалъ молодой человѣкъ хладнокровно.

— Да, я вамъ даю часъ на размышленіе, и если вы согласны, то сегодня же вечеромъ мы обвѣнчаемся и поѣдемъ потомъ въ Берлинъ. Подумайте же хорошенько г. прусскій посланникъ.

— Тутъ не о чемъ думать. Я сказалъ вамъ, что люблю васъ, стало быть, ваши желанія для меня сильны. Я принимаю посольство, прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Все таки ступайте въ залу, сказала маркиза, краснѣя отъ удовольствія. Я окончу одѣваться и позову васъ.

И молодая женщина отворила барону дверь направо точно также, какъ сна выпроводила маркиза налѣво и подумала:

— Что, если Божанси согласится провести остатокъ дней въ Курлакѣ... Въ какомъ я буду затрудненіи!

Въ это время король вышелъ изъ-за ширмъ и тихо пошелъ къ столу, на которомъ лежали два апельсина.

— Вы видите, государь, что дѣло мое запуталось еще больше, сказала маркиза; не погадать ли мнѣ опять апельсинами?

Вмѣсто отвѣта Людовикъ XV вынулъ изъ кармана перочинный ножичекъ, и разрѣзавъ апельсинъ на двѣ половины, предложилъ одну изъ нихъ своей крестницѣ.

— Что вы дѣлаете, государь, вскричала она.

— Вы видите, я хочу попробовать хорошъ ли этотъ апельсинъ.

— Но, онъ будетъ, можетъ быть, нуженъ.

— Нисколько!

— Развѣ вы увѣрены, что судьба моя уже рѣшилась?

— Совершенно увѣренъ. Менневаль любить васъ больше Божанси.

— Это еще не извѣстно. Надобно подождать ..

— А вотъ вамъ и доказательство, сказалъ король, показывая на ланея, явившагося съ письмомъ отъ маркиза.

Молодая женщина съ нетерпѣніемъ развернула бумажку и прочитала:

«Я васъ люблю, маркиза, клянусь моею честью; потерять васъ, значитъ для меня никогда не быть счастливымъ. Но я дворянинъ и служу королю. Моя жизнь и кровь принадлежать ему, и я не могу оставаться въ бездѣйствіи, покинуть службу...»

— И прочее, и прочее, перебилъ король. Теперь, маркиза, вы можете позвать Менневала.

Войдя въ будуаръ, молодой человекъ остановился въ удивленіи и съ почтеніемъ, увидя короля.

— Баронъ, сказалъ Людовикъ XV, г. де Божанси любить маркизу и просить ея руки, но онъ еще больше любитъ меня, потому что не хочетъ оставить моей службы. Вы же предпочитаете мнѣ вашу невѣсту, потому что соглашаетесь служить только по ея приказанію. Изъ этого я вижу, что г. Божанси будетъ лучшимъ посланникомъ. Вотъ почему я ему даю посольство въ Берлинъ, куда онъ поѣдетъ сегодня вечеромъ. Вы же въ это время обвиняетесь съ маркизой. Я буду вашимъ посаженнымъ отцемъ.

— Настоящая любовь не боится пожертвованій, шепнулъ король на ухо своей крестницѣ.

И соединивъ руки молодыхъ людей, онъ отошелъ въ сторону и взялъ другой апельсинъ:

— Кажется, я сдѣлалъ вдругъ трехъ счастливецевъ, проговорилъ онъ: помогъ маркизѣ рѣшиться, выбралъ ей барона и нашелъ хорошаго посланника. Во всемъ этомъ я забылъ только себя, потому что съѣлъ апельсина безъ сахара. А еще говорить, что я эгоистъ! (Le Voleur.)

Западный берегъ Суматры. Пробывъ на сухомъ пути нѣсколько мѣсяцевъ, весело пуститься въ море, такъ пріятно освѣжающее грудь. Невыразимое чувство удовольствія, ощущаемое жителями тропическихъ странъ, когда они изъ душливой атмосферы пальмовой растительности переходятъ къ прохладительнымъ берегамъ моря,—не одно своенравіе, или мечта. На это много причинъ. Разность въ температурѣ не такъ велика, какъ кажется, и средняя суточная теплота почти одинакова на сушѣ и на водѣ. Но за то крайности температуры весьма различны. Днемъ земля чрезвычайно нагрѣвается, а по закатѣ солнца быстро теряетъ свой теплотворъ. На морѣ же вода далеко не такъ нагрѣвается днемъ, и не такъ охлаждается ночью. Это-то отсутствіе крайностей и составляетъ истинную пользу и наслажденіе. Другая польза морскаго воздуха состоитъ въ томъ, что онъ свободнымъ своимъ теченіемъ извлекаетъ изъ человѣческаго тѣла гораздо болѣе теплотвора, нежели душливый воздухъ твердой земли. Важнѣйшее же качество морскаго воздуха, столь нужное для здоровья человѣка, это чистота его и отсутствіе всякихъ растительныхъ и животныхъ испареній, которыя всегда бываютъ на сухомъ пути, гдѣ разложеніе органическихъ тѣлъ производитъ всѣ тропическія болѣзни. По этому-то жители этихъ странъ и справедливо почитаютъ всякую морскую поѣздку наилучшимъ лекарствомъ отъ болотныхъ лихорадокъ и брюшныхъ болѣзней.

И я былъ радъ, когда по окончаніи войны въ Паддингъ могъ опять пуститься въ море. На нашемъ суднѣ (Борскъ) находился плѣнный Туанко, который потомъ отвезенъ былъ въ Батавію и который угѣшался въ печальномъ своемъ положеніи куреніемъ опиума.

Намъ дано было приказаніе отправиться на сѣверъ; мы подняли якорь, и вскорѣ острова и прибрежныя горы, къ которымъ мы такъ привыкли, стали двигаться въ нашихъ глазахъ, уменьшаться и исчезать. На Обезьянной горѣ салютовали намъ поднятіемъ и спущеніемъ флага, а мы съ корвета отдавали этотъ салютъ пушечными выстрѣлами, которыхъ отголосокъ гремѣлъ въ горахъ.

Теперь открылся передъ нами видъ плоской и песчаной Падангской долины. Между назкостающими кустарниками изрѣдка видна Малайская деревенька. Центральныя горы видны только въ большомъ отдаленіи, покрытыя облаками. Отъѣхавши миль четыре отъ рейда, корабль нашъ подошелъ къ берегу, поросшему густымъ лѣсомъ казуаровыхъ деревъ.

Настоящее отечество этого дерева—Новая Голландія, гдѣ оно играетъ такую же роль, какъ у насъ ель и сосна. Въ немъ такъ много сходства съ этою порою, что его прежде причисляли къ ней. Казуаръ достигаетъ до значительной высоты, безлиственъ, но снабженъ растительными нитями на вѣтвяхъ и зубчатыми перепонками.

Передъ нами видѣлся уже Пріаманъ съ низменнымъ его берегомъ, какъ вдругъ на носу раздался грозный крикъ часоваго: *впереди буря*, и прежде чѣмъ рулевой умѣлъ сдѣлать поворотъ, мы уже ощутили такой сильный ударъ, что многіе люди на палубѣ попадали. Въ тоже время волны сильно стали бить въ заднюю часть корабля

вливаясь въ пушечные люки. При отходѣ волнъ ясно мы видѣли коралловое дно, на которое набѣжали и которое параллельно къ Пріаманскому берегу отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Страхъ и шумъ распространились по всему кораблю. Всѣ знали, что неподвижное судно не долго противится напору волнъ, которыхъ удары выдерживаетъ только, когда оно въ безпрестанномъ движеніи, подставляя скользящей массѣ волъ округленныя свои части. Во время опасности военные корабли спасаются обыкновенно дисциплиною и порядкомъ. Никто не смѣлъ подумать у насъ овладѣть шлюпкою для личнаго своего спасенія. Послѣ первой минуты неизбежнаго испуга и волненія, всѣ бросились исполнять приказаніе начальника судна, выбѣжавшаго изъ каюты на палубу.

Если корабль набѣжитъ на рифъ или на мель, то его стаскиваютъ слѣдующимъ образомъ. Спускаются двѣ шлюпки, меньшая (яликъ) для рекогносцировки рифа, или мели, чтобъ видѣть, въ которую сторону стаскивать корабль на глубину. Обыкновенно сидитъ на мели только передняя часть корабля, а задняя съ рулемъ свободна еще. Узнавши позицію корабля, отправляютъ баркасъ, на которомъ въ случаѣ нужды помѣщается и большая часть экипажа. На баркасѣ якорь, отъ котораго канатъ идетъ къ стаскиваемому судну. Этотъ якорь бросается въ то мѣсто, куда хотятъ тащить корабль, послѣ чего весь экипажъ принимается за-воротъ, и судно мало по малу подается и сходитъ на глубину. Счастливо оно, если сила удара о рифы не пробила дна и дальнѣйшее плаваніе еще возможно.

Впрочемъ всѣ эти операціи можно только дѣлать при благопріятной погодѣ. Если корабль набѣжитъ во время бури, то нельзя думать о спасеніи его; тогда спѣшатъ только спасти экипажъ на шлюпкахъ.

Въ продолженіе часа успѣли мы благополучно стащить свой корабль, и поплыли дальше со всевозможною медленностью и осторожностью. Но это происшествіе было для насъ порядочнымъ урокомъ. Мы не могли сослаться, чтобъ рифъ этотъ былъ неизвѣстенъ: онъ обозначенъ на всѣхъ картахъ, хотя и не вѣрно.

Чтобъ не подвергнуться на ночь другой опасности, мы бросили якорь близъ Пріаманскаго берега, въ устьѣ рѣки того же имени. Здѣсь берегъ высокъ; изъ моря поднимаются крутыя, красноватыя скалы, возвышающіяся потомъ уступами до центральныхъ горъ. Къ сѣверо-востоку виднѣются изъ облаковъ двѣ кеглеобразныя вершины, а именно: гора *Сингалангъ*, которой высота измѣрена въ 9040 футовъ, и Мерапи, обѣ огнедышщія. Мы любовались этими вершинами въ подзорныя трубы. Не видно было на нихъ ни одной хижины, и вѣроятно никто еще не всходилъ на высоты. Между Талангомъ и этимъ двойнымъ volcanomъ простирается плодоносная долина въ двѣнадцать миль длины. Она находится въ 1200 футахъ надъ морскимъ уровнемъ. Средняя температура долины 18° Р. и съ древнѣйшихъ временъ служитъ жилищемъ Малайскому племени.

Посрединѣ долины лежитъ прекрасное озеро Сингара въ 1175 футахъ надъ уровнемъ моря. На берегахъ озера расположены многочисленныя Малайскія деревни.

Береговья скалы принадлежать къ первозданной формаци; сквозь нихъ въ позднѣйшія времена пробились Трахитныя горы.

Всѣ здѣшніе острова образовались изъ коралловъ, а какъ мы послѣ первой встрѣчи съ Приаманскимъ рифомъ сдѣлались осторожнѣе, то ежедневно и бросали на ночь якорь у одного изъ этихъ острововъ. Гористое мѣстоположеніе береговъ и видъ на двойной вулканъ Сингалангъ и Мерапи продолжается до Тику, гдѣ берега становятся низменны и песчаны. Пейзажъ расширяется до горъ, покрытыхъ облаками. Изъ Мерапи безпрестанно поднимается бѣловатый длинный столбъ. У подошвы этой горы видны развалины древняго Малайскаго города Превангана. Еслибъ любители древности изслѣдовали эти развалины, то вѣроятно во многомъ бы объяснили исторію Малайцевъ.

Между этими двумя вулканами и горою Саго, лежащею на востокъ отъ нихъ и возвышающеюся на 8000 футовъ, простирается высокая Агамская равнина, которую почитаютъ мѣстомъ первобытнаго происхожденія Малайцевъ. Прекрасный климатъ этой равнины служить новымъ доказательствомъ, что благодатворенный воздухъ дѣлаетъ и жителей дѣятельными, энергическими, и помогаетъ развитію образованности.

Между Сингаланго и Мерапи лежитъ древнее Малайское селеніе Гигуръ Сангандингъ съ европейскимъ фортомъ на высотѣ 3440 футахъ надъ поверхностью моря. Другой фортъ Лекокъ стоитъ на высотѣ 3000 футовъ, а Курирія и Матуя въ 3200.

Рейдъ Тику представляетъ къ сѣверовостоку пейзажъ весьма странно расположенныхъ горъ, служащихъ продолженіемъ центральной цѣпи. Онѣ похожи на обвалившіяся развалины. Высота ихъ не превосходитъ 3000 футовъ. Между этими горами есть прелестное озеро *Дано*, въ 1500 футахъ выше морскаго уровня. Со скатовъ обружающихъ горъ стекаютъ ручьи, образовавшіе это озеро, изъ котораго выходитъ рѣчка у Муара-Путуса и изливается въ море. Эта рѣчка прорываетъ себѣ путь сквозь гранитныя скалы и образуетъ нѣсколько водопадовъ до впаденія своего въ Океанъ.

Если ѣхать къ Западу мимо нѣсколькихъ кокосовыхъ острововъ на мысъ Удвонкъ Радже (Королевскій уголь), то ясно видѣется знаменитая гора Гунонгъ-Офиръ или Пассамонъ. Она величественно возвышается на 9010 футовъ, представляя видъ кегля. Трахитный остовъ ея и множество кеглеобразныхъ вершинъ удостовѣряютъ, что и она была некогда огнедышащею. Португальцы, прежде всѣхъ пришедшіе въ эти воды, давали названіе *Офиръ* многимъ горамъ, въ которыхъ находили или предполагали найти золото, но названіе этой Малайскаго горы оказывается гораздо древнѣе и дано туземцами. Сюда дѣйствительно приходили въ древности корабли изъ Аравійскаго залива, ведя торговлю съ Индостаномъ и Цейлономъ.

На Агамской равнинѣ есть и теперь золотыя россыпи. Но въ древности вѣроятно не одна эта гора называлась *Офиръ* а вся страна, можетъ быть, прозванная Евреями отъ горы. Названіе Гунонгъ Пассаманъ

даво горѣ отъ береговаго селенія того же имени, при которомъ рѣка Сассахъ по трахитовому руслу съ шумомъ изливается въ море.

Извѣстный естествоиспытатель Горверъ окончилъ жизнь въ этихъ странахъ, равнею жертвою своей любознательности.

Если ѣхать изъ Пасамана къ сѣверозападу, то видъ ландшафта превращается въ гористый, мрачный и дикій. Здѣсь горы окаймляютъ берегъ и покрыты дремучими лѣсами.

Къ сѣверу отъ Айенъ-Бангаса берегъ становится плоскій и песчаный. Только на островѣ Панкараганѣ возвышаются опять нѣсколько горъ. Мы здѣсь бросили къ вечеру якорь въ Натальской бухтѣ. Тихая лунная ночь покрыла окрестности. Тихій западный вѣтеръ рябилъ поверхность воды. Стоя на вахтѣ до полуночи, любовался я этою прелестною ночью, прислушиваясь къ храпѣнію матросовъ на палубѣ.

Я приказалъ Боттелеру (унтеръ-офицеру) разбудить меня въ пять часовъ, узнавши, что онъ отправляется тоже на берегъ для покупки Карабана и плодовъ. Утро было восхитительное. Свѣжіей береговой ветерокъ дулъ намъ навстрѣчу; мы подняли парусъ на шлюпкѣ и завировали до мѣста высадки.

Наталь довольно значущее мѣстечко съ гарнизономъ въ 50 человекъ, и имѣетъ госпиталь. Съ тамошнимъ врачомъ отправились мы по окрестностямъ. Температура свѣжаго утренняго воздуха была только въ 18° Р. Изъ горныхъ ущелій поднимался туманъ, и сѣрые облака спускались по скату горъ. Но по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось, исчезалъ туманъ и являлись вершины горъ, съ которыхъ съ шумомъ стремились каскады. Мало гдѣ видѣлъ я подобную роскошную растительность.

Къ одиннадцати часамъ горизонтъ покрылся тучами, разразившимися грозою. Я сидѣлъ въ то время въ открытой галереѣ въ домѣ врача, и видѣлъ дождевыя капли въ нѣсколько дюймовъ длиною. О тропическихъ дождяхъ мы, европейцы, не имѣемъ понятія. Мой дождемеръ въ теченіе часа наполнился на 11 линій. Гроза продолжалась не болѣе получаса, и вскорѣ все опять выяснѣло, однако же и въ это короткое время успѣло дождемъ поломать много пальмовыхъ вѣтвей и пробить Малайскую хижину.

Въ тропическихъ странахъ, гдѣ много горъ, случается, что ежедневно круглый годъ бываетъ гроза въ одни часы дня, и наиболѣе въ одиннадцатомъ часу поутру. Эти страны, (какъ напримѣръ Буйтензоргъ на Явѣ) соединяютъ тогда самый здоровый и пріятный климатъ съ удивительнымъ плодородіемъ. Причина ежедневныхъ грозъ слѣдующая. Ночью отъ понижающейся температуры образуется сильная роса. Поутру, какъ скоро солнце опять сильно обогрѣетъ землю, эта роса въ видѣ паровъ поднимается къверху. Горы мѣшаютъ, чтобъ эти пары унесены были далѣе вѣтромъ, и потому пары образуютъ тучи и ниспадають въ видѣ густыхъ капель, производя притомъ сильное разряженіе электричества, то есть грозу. Этотъ атмосферическій процессъ возобновляется каждый день, составляя какъ бы кругообра-

ценіе воды. Разряженіе же электричества очищаетъ воздухъ отъ всякой примѣси вредныхъ газовъ.

Съ натальскаго рейда ѣхали мы къ сѣверовостоку, мимо скалистаго острова *Каракара*, котораго берега обсажены высокими камфоровыми деревьями, возвышающимися въ видѣ столбовъ. Здѣсь горы Сидоадоа являются въ настоящемъ своемъ видѣ, круто поднимаясь за высоту.

Мы прошли также мимо многихъ коралловыхъ острововъ, какъ-то: Телло, Тобуионгъ и друг. Здѣшнія мѣста мало посѣщаются кораблями. Только не многія арабскія суда пріѣзжаютъ изъ Бенгала для продажи англійскаго ситца и бенгальскаго луку, (который такъ вкусенъ, что его ѣдятъ сырой). Эти суда издалека узнаютъ по дурному устройству парусовъ и такелажа.

Какъ скоро подъѣзжаешь къ острову Иллиху, усѣянному маленькими малайскими деревнями, то видѣнъ тринадцатый вулканъ *Лубу-Роджа*. Онъ тоже двуххолмный, и высота его около 7000 футовъ. Берега здѣсь отвѣсно поднимаются скалами изъ моря, о которыя разбивается сильный бурунь. Только немногія есть мѣста, гдѣ удобно приставать.

Наконецъ мы достигли 1°36' сѣв. шир. до мыса Батмано (Удъонгъ), отъ котораго простирается далеко во внутренность берега Тапанолейская бухта. Послѣ бухты Рио-Жанейро, здѣшняя самая красивая въ свѣтѣ. Здѣсь могли бы помѣститься флоты всего міра, будучи защищены скалами отъ Сѣверныхъ и западныхъ вѣтровъ.

Мысъ Батумана образуетъ юго-западную границу бухты и отстоитъ отъ входа въ бухту ровно на двѣ географическія мили (14 верстѣ). Отсюда бухта идетъ расширяясь, такъ что на срединѣ ширина ея простирается до $4\frac{1}{2}$ географ. миль ($13\frac{1}{2}$ верстѣ а въ длину на $1\frac{1}{2}$ мили ($10\frac{1}{2}$ верстѣ). Кромѣ этого мыса есть еще въ бухтѣ пять мысовъ. Въ срединѣ бухты есть маленькій островокъ въ $\frac{3}{4}$ мили въ окрестности, гдѣ находится голландская колонія. На холмѣ стоитъ фортъ съ восемью пушками, онъ называется *Понтянг-Кутль*. Сто солдатъ съ нѣсколькими офицерами и врачомъ составляютъ гарнизонъ. Взглянувъ на береговые холмы, которые такъ легко было укрѣпить, всякій спросить: почему же выбрали этотъ плоскій, нездоровый и тѣсный островокъ для гарнизона и колоніи? Отвѣта на это никто не можетъ дать. Причины нѣтъ; вздумалось, слѣзлось.

Пробывъ довольно долго въ тапанолейской губѣ, я имѣлъ случай наблюдать за туземцами и изучить ихъ въ физиологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Племя Баттара имѣетъ явное сходство съ малайцами, и конечно одинаковаго съ ними происхожденія, но, у баттарайцевъ была своя отдѣльная исторія. Притомъ же въ самомъ тѣлесномъ устройствѣ внутреннихъ жителей оказывается, при внимательномъ наблюденіи, большое различіе съ малайцами. Скуды не выдались, носъ не приплюснуть, губы не толстыя, однимъ словомъ все сближаетъ ихъ очевидно съ кавказскимъ племенемъ. Впрочемъ неимѣя достовѣрныхъ доказательствъ на это происхожденіе, я полагаю, что баттарайцы тѣ же ма-

лайцы, но что въковое пребываніе ихъ въ гористыхъ странахъ измѣнило физиологію этого племени.

Разность въ языкахъ между ими и малайцами тоже ничего недоказываетъ. Коренныя слова ихъ одинаковы, а это лучше всего доказываетъ древнее сродство народовъ. Напримѣръ:

	<i>по Малайски.</i>	<i>по Баттарайски.</i>
Вода	айеръ	акъ.
Огонь	апи	апи.
Камень	бату	бату,
Масло	мервакъ	міакъ.
Дрова	казу	гайю.
Уголь	удьонгъ	удангъ.
Глазъ	мата	мата.
Солнце	матагари	мадагари.
Ухо	кудингъ	сунингъ.
Рука	танганъ	танганъ.
Ложка	синдахъ	сандакъ.
День	ари	гари.
Свинья	баби	баби.
Скоро	пендекъ	пондокъ.
Дорого	магаль	мауль.
Бѣсъ	маканъ	манганъ.
Пить	миномъ	миномъ.
Искать	джари	джалей.
Одинъ	сату	сада.
Два	дуа	дуа.
Три	тига	толлу.
Четыре	ампять	аппать.
Пять	лома	лнма.
Шесть	анамъ	аннемъ.
Семь	тудю	витту.
Восемь	телепанъ	ваили.
Девять	сембиланъ	сембиланъ.
Десять	сапулу	сапулу.
Мѣсяць	буланъ	буланъ.
Озеро	тоутъ	таутъ.

Сходство языковъ можно бы было яснѣ видѣть при сравненіи письменъ ихъ. У меня было баттарайское письмо на пальмовой корѣ. Но у малайцевъ нѣтъ древнихъ письменъ; только со времени введенія исламизма стали они употреблять арабскія буквы.

Впрочемъ, баттарайцы добродушнѣе и откровеннѣе малайцевъ; охотно имѣютъ сообщенія съ иноземцами и даютъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

Деревни баттарайцевъ не такъ живописны, какъ малайскія. У первыхъ дома необсажены пизанговыми и кокосовыми деревьями. Они са-

жають свои фруктовія деревья въ поляхъ; дома же у нихъ собаки, свиньи и куры. За то дома ихъ отдѣляются заборами изъ роскошныхъ кустарниковъ. Это отчасти поглощаетъ вредныя испаренія домовъ.

Женщины баттарайскія наиболѣе занимаются очищеніемъ и толченіемъ въ ступкѣ риса, мужчины же плетеніемъ цыновокъ, или прогулкою по деревнѣ, при жеваніи табаку. Вообще домашнія работы больше падаютъ на женщинъ.

Хижины баттарайцевъ всѣ изъ бамбука, только у Раджи изъ досокъ. Крыша кроется листьями аренговой пальмы. Внутреннее расположеніе вездѣ одинаково и помѣщеніе очень тѣсно. Замѣчательно, что кромѣ двери, до которой достигается по приставной лѣстницѣ, нѣтъ въ домѣ никакого отверстія для оконъ или продушинъ. Домъ похожъ на крѣпостцу. Ложась спать, баттараецъ поднимаетъ за собою лѣстницу. Вся же деревня окружена палисадами, а входъ въ нее заграждается бамбуковыми остреями.

Это служитъ доказательствомъ внутреннихъ ихъ междоусобій. Притомъ же, каждая деревня составляетъ у нихъ отдѣльное владѣніе. Раджа главное лицо, пользуется только преимуществомъ предводительствовать своею деревнею во время войны. Жители строятъ ему на свой счетъ домъ, у подъѣзда котораго собирается общественный совѣтъ.

Званіе Раджи наследственное. За немѣнимъ дѣтей, званіе переходитъ къ ближайшему родственнику.

Удивительно, что народъ добродушнаго характера, занимающійся земледѣліемъ и имѣющій законы и родъ внутренняго управленія, преданъ *людоѣдству*. Изученіе баттарайскаго быта весьма занимательно. Оно доказываетъ, что народъ, котораго образованность по какимъ нибудь причинамъ остановилась, вскорѣ упадетъ и идетъ назадъ. Если вы спростите у баттарайца о его предкахъ, о древнихъ временахъ, онъ отвѣчаетъ неопредѣленно, но видно однако, что къ нему дошли преданія о древней славѣ и величій его племени. Было время, рассказываетъ баттараецъ, что всѣ въ свѣтѣ были счастливы; всѣ жили въ мирѣ и тишинѣ. Но вдругъ явился злой духъ (Бегу-Наталайнъ), посѣявшій раздоръ между людьми. Начались войны и междоусобія. Эти войны произвели распаденіе племени на отдѣльныя деревни, а злость, вражда и ненависть произвели *людоѣдство*. Доказательствомъ древней образованности служатъ законы, которые они получили отъ предковъ и которыми до сихъ поръ руководствуются.

Законы баттарайцевъ основаны на денежной пѣни. Не только за воровство и грабежъ, но и за убійство можно откупиться деньгами. Однѣ жены, умертвившія своихъ мужей, неизбѣжно подвергаются смерти.

За обольщеніе дѣвушки не подвергается опасности ни обольститель, ни она, только ей нельзя носить дѣвственнаго жестянаго кольца. За то нарушеніе супружеской вѣрности казнится смертію обоихъ преступниковъ.

Законы повелѣваютъ баттарайцамъ жить отдѣльно отъ всѣхъ племенъ въ свѣтѣ. За покушеніе къ переселенію наказываются смертію.

Пріѣзжихъ иностранцевъ почитаютъ шпионами, подговаривающими къ переселенію. Въ 1835 году убили и съѣли по этому подозрѣнію двухъ миссіонеровъ. Если путешественникъ намѣренъ осмотрѣть внутреннюю деревню, то обращается къ береговому Раджи, и тотъ за бутылку рома даетъ ему проводника до слѣдующей деревни, и потомъ уже вездѣ его принимаютъ добросовѣстно.

Баттарайцы не могутъ продавать никому между собою поземельной своей собственности, которая всегда переходитъ по наслѣдству по *мужеской* нисходящей линіи (а не такъ какъ у Малайцевъ по *женской*). Подобный законъ доказываетъ прежнюю образованность Баттарайцевъ, и многочисленность ихъ народонаселенія, потому что при нынѣшнемъ законѣ этотъ не имѣетъ никакой цѣли.

По послѣдней переписи Голландцевъ число Баттарайцевъ простирается до 160,000 душъ, живущихъ на пространствѣ 780 квадратныхъ миль, такъ что на милю приходится 206 человѣкъ, тогда какъ земля это могла бы продовольствовать впятеро сильнѣйшее народонаселеніе. Вѣроятно междоусобныя войны произвели это уменьшеніе жителей.

Врачей вѣтъ у баттарайцевъ; повивальныхъ бабокъ не знаютъ. Роженицѣ помогаютъ сосѣдки. При всякихъ родахъ жена получаетъ отъ мужа небольшой подарокъ. На четвертый день даютъ новорожденному имя съ нѣкоторымъ церемоніаломъ. Дитя относится къ рѣчкѣ, обмывается тамъ, и отецъ даетъ имя младенцу на всю жизнь.

Воспитаніе состоитъ въ изученіи полевыхъ работъ, во владѣніи оружіемъ и въ знаніи законовъ. Писать учатъ только дѣтей Раджи и богатыхъ жителей, тогда какъ они достигнуть уже зрѣлаго возраста. Это ученіе обыкновенно продолжается три мѣсяца, и тѣмъ всѣ познанія кончаются.

У баттарайцевъ бываетъ двоякій бракъ: первый называется *монголи*. Женихъ покупаетъ себѣ невѣсту, платя родителямъ ея отъ 4 до 8 быковъ. Подобная жена навсегда уже принадлежитъ своему мужу и по смерти его переходитъ во владѣніе его наслѣдниковъ.

Второй бракъ называется *сумондо*, въ которомъ бѣдный женихъ даромъ получаетъ жену, но тогда уже онъ принадлежитъ родителямъ ея какъ невольникъ. По смерти мужа наслѣдуютъ только преемники мужескаго колѣна, а не женскаго.

При похоронахъ происходитъ слѣдующее. Если умретъ бѣдный, то его хоронятъ на четвертый день и на поминки убивается свинья и нѣсколько куръ. Умершаго Раджа, если онъ былъ не богатъ, не хоронятъ цѣлый мѣсяцъ. Два раза въ день собираются у дома его женщины и воютъ. Въ день погребенія убиваютъ нѣсколько быковъ, и вся деревня съѣдаетъ ихъ. Богатый раджа не хоронится до тѣхъ поръ, куда рись, посѣянный въ день его смерти, не созрѣетъ. На похоронахъ его убиваютъ множество быковъ и рогами ихъ украшаютъ его могилу. Предъ опусканіемъ гроба въ землю, старшій въ семействѣ поднимаетъ крышку и говоритъ:

— Еще разъ взгляни на солнце, и уже въ послѣдній разъ.

По мнѣнію Баттарайцевъ, эта минута даетъ умершему безсмертіе.

Баттарайцы чрезвычайно прожорливы. Они все ѣдят: кошек, собакъ, крысъ, дохлыхъ животныхъ, и проч. Это совершенно противно натурѣ тропическихъ странъ, гдѣ люди больше питаются растительностью. Но это самое вѣрно сдѣлало Батарайца одичалымъ до людоедства.

Людоедство введено въ законы ихъ. Пльнные враги должны быть съѣдены живыми, неубивая ихъ прежде. Шпіоны и бѣглецы тоже съѣдаются, но лишенные напередъ жизни. (Das Ausland).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Лѣто и «Отечественныя Записки». — Испанская комедія. — Новый способ оправдывать всё несообразности. — Опечатки. — Для чего напечатана «Причудница». — Стихотворенія А. Фета. — Статья г. Шестакова объ Антиговъ и языкъ этой статьи. — Поэтическая критика стихотвореній г. Тютчева. — Рецензентъ и поэзія. — Библиографія и новости — Последнія книги «Библиотеки для чтенія». — Статья г. Сепковского о волосахъ. — Парадоксы и дѣльная мысли. — Хорошія и слабыя статьи. — Муза г. Бенедиктова. — Листки изъ записной книги русскаго, г-на Н. К. — Пять книгъ «Москвитянина». — «Выборъ сердца» повѣсть г. Сумарокова. — Замѣчательныя статьи. — Стихотворенія. — Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, статья С. Т. Аксакова. — Портреты актеровъ. — Плавильщиковъ, Дмитревскій, Семенова, Яковлевъ. — Жоржъ и Рашель. — Остальныя статьи «Москвитянина». — Г. Григорьевъ и его статья о Просперѣ Мериме.

Вліяніе лѣта отразилось на «Отечественныхъ Запискахъ»; августовская книга этого журнала значительно слабѣе всѣхъ, прежде вышедшихъ; въ ней нѣтъ даже никакой русской повѣсти, чего мы давно не запомнимъ. Правда, что и лѣта, такого какъ нынѣшнее, не бывало тоже больше пятнадцати лѣтъ.

Но если нельзя было найти для августовской книги никакой повѣсти русскаго писателя, во всякомъ случаѣ не слѣдовало угощать русскую публику иностранными произведеніями въ родѣ «Причудницы», комедіи Лопе-де-Вега. Пустьѣ, скучнѣе и нелѣпѣе этой комедіи мы

давно ничего не читали. Какая-то мамзель Белиса причудничаетъ до того, что не можетъ сидѣть на подушкѣ съ зеленью, говоря, что отъ этого у нее дѣлается боль въ желудкѣ; отказываетъ всеѣмъ своимъ женихамъ, влюбляется въ одного невольника до того, что нѣсколько разъ собирается убить себя и наконецъ, узнавъ, что этотъ невольникъ переодѣтый кабальеро, и любить другую донну, — тотчасъ же разлюбливаетъ его и отдаетъ руку своему старинному обожателю. Къ этой невозможной и незаинтересной исторіи прицѣплено еще множество другихъ, столько же неинтересныхъ обстоятельствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ любовь матери Белисы къ тому же самому невольнику. Можетъ быть, все это очень хорошо по-испански, но по-русски это просто называется дребеденью. Ни одного человѣческаго чувства, ни одного логичнаго поступка, ни одного здраваго сужденія нѣтъ у всеѣхъ этихъ доннъ и сеньоровъ, и надо быть развѣ такимъ испанцемъ, который собирался, для выдержанія мѣстнаго колорита, пропласать качучу подъ бананами (см. Литературный Ералашъ «Современника», стихотвореніе: Желаніе быть испанцемъ) чтобы—не говоримъ: восхищаться, но найти сноснымъ эту «Причудницу». Переводчикъ, какъ видно и самъ сомнѣвался, чтобы повѣрили въ возможность существованія подобной донны, и потому оправдываетъ, со словъ какого-то нѣмца, невѣроятную перемѣну, происходящую, въ концѣ пьесы, съ ея героиней, и говоритъ, что это объясняется пылкимъ, подвижнымъ, измѣнчивымъ характеромъ испанцевъ. Этотъ новый способъ оправдывать всякую нелѣпость намъ чрезвычайно нравится; пусть герой дѣлаетъ всевозможныя глупости и несообразности, стѣбитъ только назвать его испанцемъ — и дѣло кончено, и читатель долженъ безапелляціонно признать поступки его логичными, а пьесу превосходною. Теперь послѣ каждаго нелѣпаго разсказа надобно поставить: «заимствовано съ испанскаго», или «подражаніе испанскому», и эти слова дадутъ привилегію героямъ и героинямъ дѣлать самыя несообразныя поступки. Пусть удивленный читатель скажетъ, что такъ дѣйствовать не возможно, авторъ отвѣтитъ: ничего! это поступлено по-испански. Но все эти сеньоры говорятъ чистый вздоръ?— Нисколько! на испанскомъ языкѣ это значитъ удивительно остроумно.— Да они, просто, все помѣшаны!—Ни мало, они испанцы!

Послѣ этого неопровержимаго аргумента, ultima ratio литературы, намъ не остается ничего болѣе говорить объ этой «Причудницѣ». Мы хотѣли было взять на выборъ съ любой страницы нѣсколько фразъ, въ которыхъ не нашли рѣшительно никакого смысла, но выписки наши ни къ чему бы не послужили, такъ какъ это переводъ съ испанскаго. Не можемъ однакоже не замѣтить, что въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ

виновать, конечно, не испанскій переводчикъ, а русскій корректоръ: на страницѣ 200 одно и тоже лицо Белиса, говоритъ двѣ фразы сряду, между которыми непременно долженъ быть какой нибудь пропускъ, иначе въ словахъ ея нѣтъ смысла; на 234 страницѣ три послѣднія строки также явная опечатка, попавшая сюда неизвѣстно какъ съ середины 247 страницы. По всему видно, что даже корректоръ пришелъ въ отчаяніе, читая эту испанскую комедію, и послѣ множества безсмыслицъ испанскаго оригинала, допустилъ двѣ такія странныя безсмыслицы собственнаго издѣлія.

Сознаемся, что мы рѣшительно не понимаемъ причины помѣщенія этой испанской «Причудницы» правильнѣе: «Помѣшанной», въ «Отечественныхъ Запискахъ». Неужели у этого же самого Лопе-де-Веги нельзя было отыскать пьесы лучше и правдоподобнѣе? Она еще могла бы имѣть смыслъ, приведенная въ отрывкахъ или рассказанная въ исторіи испанскаго театра, — но подчивать ею читателей, какъ произведеніемъ изящной словесности—это значитъ поступать съ ними уже слишкомъ нецеремонно.

Шесть стихотвореній А. Фета, напечатанные въ этой книгѣ журнала, кажется, тоже немножко заимствовацы съ испанскаго; по крайней мѣрѣ, они слабѣе всего, что мы въ послѣднее время читали у этого поэта. Первое, писанное хромыми гекзаметрами до того темно, что мы въ немъ поняли очень мало; второе «Элегія» отличается такимъ страннымъ сравненіемъ вновь возраждающейся любви съ охотою за ланью, что мы готовы принять его за подстрочный переводъ съ испанскаго. Третье стихотвореніе «Свиданіе въ лѣсу» неокончено и картина въ немъ не полна, также какъ и въ четвертомъ, весьма туманномъ отрывкѣ. Пятое «Первый ландышъ», довольно граціозно, хотя сравненіе ландыша съ дѣвою, вздыхающею въ первый разъ неизвѣстно о чемъ, и у которой «благоухаетъ блестящее плечо», немного изыскано. Въ шестомъ стихотвореніи: «Знакомкѣ съ юга» нѣтъ никакой мысли, никакого содержанія, но есть по крайней мѣрѣ стихъ Фета, звучный и картинный. Вотъ послѣдняя строфа этого стихотворенія:

И грезить прудъ, и дремлетъ тополь сонный,
Вдоль тучъ скользя вершиной заостренной,
 Здѣсь воздухъ, свѣтъ и думы заодно,
 И грудь дрожитъ отъ страсти *неминучей*
 И вѣткою все просится пахучей
 Акація въ раскрытое окно.

Не выдаемъ и этой строфы за безукоризненную, но она все таки лучшая во всѣхъ шести стихотвореніяхъ, совершенно напрасно появившихся въ печати.

Переводъ «Холоднаго дома» въ этой книгѣ далеко отстаетъ отъ перевода тогоже романа въ «Современникѣ».

Въ отдѣлѣ Наукъ третья статья г. Ротчева о его путешествіи въ Вест-Индію, Калифорнію и Ост-Индію довольно занимательна, хотя русскій туристъ говоритъ о томъ, что давно уже извѣстно изъ множества статей. Удивительно, какъ много успѣлъ видѣть г. Ротчевъ во время своихъ путешествій. Онъ исполняетъ даже больше, чѣмъ обѣщаль: такъ въ этомъ путешествіи по Калифорніи, Остъ и Вест-Индіи туристъ ѣздитъ даже по Красному морю и по Африкѣ.

Статья г. Шестакова «объ Антигонѣ» разбираетъ подробно значеніе этой трагедіи, но написана мѣстами тяжелымъ и нѣсколько восторженнымъ языкомъ. Начиная съ того, что трагедія Эсхила «Семь вождей подъ Фивами» *заложила* въ душѣ Софокла первую мысль объ Антигонѣ, г. Шестаковъ продолжаетъ разбирать это заложеніе; цитируетъ свой переводъ даже въ весьма неудачныхъ стихахъ, въ родѣ:

И о высокой правды тронъ

Толкнулось сильно ты, дитя,—

говорить въ прозѣ фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Эротъ, который и правдивыхъ людей мысль къ неправдѣ и пагубѣ сводитъ» или: «Но теперь эти стихи въ томъ мѣстѣ гдѣ они вставлены, прикрываются предшествовавшими красотами нашей трагедіи и *привычка противится признанію, что они не заслуживаютъ этого покровительства*». Но мы уже столько говорили о страсти нашихъ ученыхъ писать не такъ, какъ пишутъ литераторы, что считаемъ излишнимъ повторять и приводить выписки этого страннаго, мнимо-ученаго языка, къ которому такъ пристрастны многія лица, очень хорошо выражающіяся по-русски, когда только захотятъ этого. Нечего и говорить, что желаніе во что бы ни стало не писать такъ, какъ пишутъ всѣ, заставляетъ и г. Шестакова называть Тезея—Θεσεемъ, Креона—Креонтомъ и т. п. Можно ли въ самомъ дѣлѣ человѣку, углубившемуся въ бездны премудрости какого нибудь языка, писать собственныя имена такъ, какъ уже нѣсколько столѣтій пишутъ ихъ другіе! Чѣмъ же послѣ этого будетъ отличать ученый отъ литератора?..

Весьма любопытна для бібліографовъ статья, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ одного нѣмецкаго книжнаго спекулятора

Шлейсинга, писавшаго о Россіи подъ собственнымъ именемъ и псевдонимомъ Вармунда въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Библиографія выиграетъ чрезвычайно много отъ подобныхъ изслѣдованій, составленныхъ съ примѣрною отчетливостью и совершеннымъ знаніемъ дѣла. Въ отдѣлѣ Критики подробно и хорошо разобраны Записки Военно-Топографическаго Депо.

Въ отдѣлѣ Библиографіи двадцать страницъ заняты разборомъ стихотвореній Ѳ. Тютчева. Наговорено много, цитировано еще больше, но мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ рецензента на счетъ достоинства многихъ произведеній поэта. Рецензентъ восхищается часто тамъ, гдѣ слѣдуетъ оуждать. Самый тонъ разбора какъ-то черезъ-чуръ поэтиченъ. Критикъ вѣроятно полагаетъ, что говоря о стихахъ, слѣдуетъ и въ прозѣ выражаться поэтически. Такъ онъ начинаетъ свою статью радостью, что «послѣ долгаго молчанія въ литературѣ нашей чувствуется наконецъ *вдохновительное присутствіе музы*. Тому уже много лѣтъ (будто ужъ и много?) какъ мы перестали слышать ея голосъ, и думали, что тѣ наслажденія, которыми она, какъ цвѣтами, убрала нашу молодость, (какое новое сравненіе!) давно прошли для насъ и не возвратятся вновь»... и такъ далѣе все въ такомъ же элегическо-поэтическомъ тонѣ, можетъ быть и очень краснорѣчивомъ, но вовсе несправедливомъ. Точно до г. Тютчева не являлось у насъ ни хорошихъ стиховъ, ни хорошихъ поэтовъ! Продолжая восхищаться далѣе стихами г. Тютчева, въ которыхъ поэзія летаетъ на землѣ «въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ, съ лазурной ясностью во взорѣ», и другими, въ которыхъ, скалы звучали, какъ кимвалы, сонъ развивалъ свой міръ въ лучахъ *огневицы* и поэтъ гордо шагалъ по *высямъ творенья* (должно быть по горамъ) рецензентъ увѣряетъ, что поэту «часто *чуется* въ мірѣ нѣчто такое, о чемъ мы и не подозреваемъ, что рѣчи его отзываются таинственностью, но кто хочетъ *войти въ смыслъ* его видѣній, тотъ долженъ внимательно прислушиваться къ его рѣчамъ и не удивляться, если иное можетъ показаться вовсе неимѣющимъ образа». Хороша поэзія, въ которой надобно еще добиваться смысла, которую еще надобно разгадывать! Въ доказательство этой таинственности стиха рецензентъ приводитъ два стихотворенія г. Тютчева, одно начинающееся слѣдующими архи-таинственными стихами:

Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отраднѣй, день любезнѣй,
Какъ золотой коверъ она свила

и другое «Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной». Рецензентъ стараетъ-

ся объяснить эти стихи, находить въ нихъ какое-то «великолѣпное представленіе того, что въ жизни есть таинственнаго», но объясненія его еще темнѣе объясняемаго предмета, какъ ни старается онъ украсить свой разборъ цвѣтами реторикѣ, приводя въ немъ и «неуловимый эфиръ, которымъ вѣетъ отъ всего поэтическаго, и «новую луну, приносившую намъ новый, роскошный цвѣтъ поэтическаго искусства». Увлекаясь все болѣе и болѣе реторическими сравненіями, рецензентъ доходитъ до того, что называетъ «художественность высшимъ опредѣленіемъ поэтическаго достоинства», какъ будто мысль и чувство должны играть въ поэзіи второстепенную роль. Чѣмъ болѣе мы вчитываемся въ этотъ неудачный разборъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что рецензентъ только хочетъ казаться человѣкомъ сочувствующимъ поэзіи г. Тютчева, понимающимъ красоты поэзіи, а въ самомъ-то дѣлѣ ему вовсе незнакомъ даже механизмъ стиха, иначе онъ не сталъ бы находить художественными стихи, имъ цитируемые, въ которыхъ есть и рѣзмы: *нѣтъ* и *течетъ*, и выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Вѣщаетъ брѣнность *человѣчью*, во взорахъ *небо ликовало; громокипящій кубокъ, принахмурилась* земля, *смятенная* земля; для нихъ и солнца знать не дышать; какой законъ *тебя мятетъ*; изнеможеніе *въ кости*, и проч. Въ концѣ статьи рецензентъ, правда, сознается, что у г. Тютчева есть неясныя и неопредѣленныя картины, но онъ называетъ ихъ: «непоэтическими крохами» и предлагаетъ другимъ подбирать ихъ, никакъ не подозревая, что въ стихѣ, какъ въ алмазѣ, одно незначительное пятнышко уменьшаетъ цѣнность его въ десять разъ. А пятна въ стихахъ г. Тютчева попадаются даже такія, что возбуждаютъ невольно улыбку. Такъ рецензентъ добродушно цитируетъ одно за другимъ два стихотворенія, изъ которыхъ въ первомъ есть *глистый полдень*, а во второмъ *звѣзды съ сумрачнымъ свѣтомъ*. Эти любопытные эпитеты могутъ смѣло поспорить съ знаменитымъ двуступишемъ:

Во свѣтлой мрачности лазоревыхъ ночей
Явился темный блескъ отъ солнечныхъ лучей.

Гораздо вѣрнѣе, дѣльнѣе и справедливѣе разобрана въ отдѣлѣ Журналистики статья Современника «Искренность въ критикѣ» и доказана вся неловкость защиты этого журнала, порицающаго сегодня то, что онъ хвалилъ вчера, и называющаго эту странную систему «последовательностью». Очень справедливы также замѣчанія на критику книги г. Булича—«Сумароковъ», помѣщенную въ Современникѣ же и составленную почти цѣликомъ изъ рецензій «Библиотеки для Чтенія», и Московскихъ вѣ-

домостей. Рецензентъ журналистики справедливо замѣчаетъ, что о серьезныхъ статьяхъ въ журнальныхъ рецензіяхъ говорится большею частью вскользь, и онѣ расхваливаются общими мѣстами. Тѣмъ страннѣе намъ было, тотчасъ же за этимъ мнѣніемъ, встрѣтить слѣдующій отзывъ, о замѣчательной критической статьѣ г. Сенковского, по поводу книги «Полная гигиена волосъ»: «въ этой статьѣ немного парадоксовъ»—и все тутъ. Эти слова доказываютъ прямо, что рецензентъ не читалъ этой статьи, потому что, кромѣ парадоксовъ, которыхъ въ ней довольно много, есть въ ней также много дѣльнаго и любопытнаго, о чемъ мы будемъ еще говорить при разборѣ «Библиотеки для Чтенія».

Въ последнемъ номерѣ «Пантеона» рецензенту «Отечественныхъ Записокъ» понравились Костяныя Копи, Письма изъ-за границы г. Мунта, Парижское письмо, и статья о Проперціи.

Статьи въ отдѣлахъ «Иностранной литературы» и «Новостей» очень интересны. Мы замѣтили только въ последнемъ отдѣлѣ неправильное правописаніе англійскихъ собственныхъ именъ Лагрю (Lagrew) Хокинсъ (Hawkins) Оуъ (Owen) Элигу Борритъ (Elihu Burrit). Сейденгамскій дворецъ описанъ въ «Новостяхъ» очень полно и хорошо, но нѣкоторыя ученныя извѣстія не совсѣмъ вѣрны и ясны, какъ напримѣръ, объясненіе отношенія между вмѣстимостью корабля и сопротивленіямъ вытѣсняемой имъ массы воды, и описаніе электромагнитной гравировальной машины. На испанскомъ языкѣ и послѣ *q* невыговаривается, и потому слѣдуетъ писать Арекипа, а не Арекуипа. Въ астрономіи есть *перигей*, а не *перигей*; вотъ все, что мы должны замѣтить составителю «Новостей», повторяя впрочемъ, что отдѣлъ этотъ разнообразенъ и занимателенъ. Жалѣемъ, что не можемъ сказать того же о «Петербургскихъ Замѣткахъ», весьма сухихъ и неполныхъ уже второй мѣсяцъ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Библиотеки для Чтенія» (іюньской и іюльской) замѣчательныя статьи слѣдующія: Сейденгамскій дворецъ, Путешествіе въ Аравістанъ и Лурістанъ, о кометахъ XIX вѣка, переводный разсказъ Жюля Сандо. «Оливье, оригинальный—Швецы» г. Максимова, писателя съ большею наблюдательностью, и критическая статья г. Сенковского о книгѣ Дебе «Полная гигиена волосъ». Главныя положенія критика слѣдующія: «Волосы—это кровь въ палочкахъ, и притомъ кровь испорченная, оставшаяся лишнею отъ своего полезнаго натеченія». (Послѣ этого и хвостъ лошади происходитъ тоже отъ излишняго натеченія крови?) Рога не что иное, какъ сплоченіе кучи отдѣльныхъ волосъ въ одновидныя роговыя массы». Стало быть, копыты, клыки, зубы, когти и ногти, по химическому составу одинаковыя съ роговымъ веще-

ствомъ—тоже волосы? Критикъ идетъ еще далѣе; онъ признаетъ перья особеннымъ превращеніемъ волосъ, слѣдовательно и шерсть всѣхъ животныхъ происходитъ все отъ того же лишняго натеченія крови; такъ одно ложное предположеніе, доведенное до крайнихъ границъ его, дѣлается совершенною нелѣпостью. Гипотеза, что волосъ вырастаетъ изъ пигмента, также еще не принята наукою, хотя и правдоподобна, а на нее критикъ опирается, какъ на твердое основаніе, и называетъ эту окрашивающую матерію волосъ смѣсью излишней крови (опять излишняя кровь!) и остаткомъ нервной матеріи, не объясняя однакожь, что онъ понимаетъ подъ нервной матерію: жидкость или невѣсомое вещество, подобное электричеству. Увлекаясь особенною привязанностью къ волосамъ, критикъ говоритъ даже, что они служатъ причиною различія въ физиономіи европейской и китайской породъ. Это опять уже слишкомъ смѣлый парадоксъ, за которымъ слѣдуютъ очень вѣрные расчеты о длинѣ волосъ и причинѣ различія въ ихъ цвѣтѣ, смѣняющагося тотчасъ же даже не *bon mot* а учтивою мыслью «лысѣютъ и носятъ парики большею частью пустыя головы». Подобные переходы отъ парадоксовъ къ справедливымъ мыслямъ и на оборотъ совершаются чуть не на каждой страницѣ. Такъ, говоря, что китайцы не сѣдѣютъ отъ примѣшиванія къ пищѣ и питью разныхъ желѣзистыхъ составовъ, вяжущихъ настоевъ, крѣпкихъ отваровъ чаю, критикъ говоритъ, что сѣдѣніе происходитъ отъ образованія въ крови нашей хлористаго или другаго жидкаго состава». Здѣсь особенно хорошо и ясно выраженіе: или другаго состава и такихъ выраженій у критика не мало; не смотря на нихъ, однакоже вся статья занимательна и читается съ любопытствомъ.

Не дурна также третья статья записокъ купца Жаркова и «Квартирная хозяйка моего пріятели». Жаль только, что записки очень растянуты и въ нихъ много лишнихъ и скучныхъ подробностей, да и самая подѣлка подъ языкъ купцовъ вышла весьма неудачна.

Очень хорошо составлены въ этихъ двухъ книгахъ мелкія новости подъ названіемъ: «Замѣтки путешественнаго вокругъ свѣта». Скажемъ смѣло, что этотъ фельетонъ лучше нежели въ «Отечественныхъ Запискахъ» и гораздо лучше, чѣмъ въ «Современникѣ». Неможемъ похвалить въ такой же степени «Замѣтокъ петербургскаго жителя: въ нихъ самыя новости не очень разнообразны.

Прекрасны также въ іюльской книгѣ стихи г. Бенедиктова «къ моей музѣ». Поэтъ оправдываетъ очень искусно излишнюю цвѣтистость своего стиха и изысканность выраженія произведеній его молодости, тѣхъ дней, когда муза влетала къ нему

Гремя литаврами и бубнами созвучій,
 Покровы распахнувъ и дико разметавъ
 Густыя волосы по обнаженной груди

«Теперь, говоритъ поэтъ, «муза является ко мнѣ

Одѣта зауросто, застегнута подъ шею;

но болѣе всего онъ доволенъ тѣмъ, что муза его и въ юности не румянила лица, и оканчиваетъ слѣдующими стихами свое стихотвореніе:

И не носила ты прищипленной косы,
 Скрученной на прокатъ и взятой на часы.
 О нѣтъ, ты не была кокеткою презрѣнной,
 И можетъ быть, во мнѣ въ пріязни неизмѣнной,
 Переживя меня, старушкой доброй ты
 Положишь мнѣ на гробъ послѣдніе цвѣты.

Изъ статей весьма слабыхъ въ этихъ нумерахъ «Библиотеки для Читенія» назовемъ романъ Людвигъ Ульбаха «Сусанна Дюшменъ» съ пустѣйшимъ содержаніемъ, переведенный чрезвычайно слабо г. А. А. Никитинымъ. Фамилія переводчика вѣроятно съ особенною цѣлью подписана подъ этимъ плохимъ переводомъ, потому что обыкновенно подъ хорошими переводами иностранныхъ повѣстей въ нашихъ журналахъ не выставляется имени переводчиковъ.

Окончился также въ этихъ книгахъ романъ «Мечты и Дѣйствительность», автора Наслѣдства. Конецъ нисколько не лучше начала, которое было очень плохо. Въ этомъ романѣ являются вновь на сцену извѣстные лица: скрипачъ Бемъ, контробасистъ Даллока, виолончелистъ Ромбергъ, пианисты Фильдъ, Гуммель и Листъ; остальное все въ этомъ романѣ обстоитъ по прежнему: все таже непроходимая музыкальность и фразы, еще непроходимѣйшія, съ самыми странными оборотами, полными галлицизмовъ, до того, что мѣстами романъ какъ будто прямо переведенъ съ французскаго.

Но еще страннѣе и слабѣе этого романа помѣщенная въ отдѣлѣ Словесности статья неизвѣстнаго автора Н. К. «Листки изъ записной книжки русскаго». Не споримъ, что авторъ дѣйствительно русскій, но можно быть русскимъ и правильно писать на этомъ языкѣ. Впрочемъ авторъ довольно откровенно сознается, что познанія его и по другимъ частямъ также не очень обширны. Такъ онъ говоритъ, что въ училищѣ зналъ географію, но «пожилъ на свѣтѣ нѣсколько лѣтъ, и географія вся высипалась, будто изъ дыряваго кармана». Какъ жаль, въ самомъ

дѣлѣ, что карманъ у автора былъ дырявый. Какое же содержаніе этой статьи? Авторъ, забывшій географію, пріѣзжаетъ въ Воронежъ, восхищается издавною тамъ книгой, дѣйствительно весьма замѣчательною: «Древнія грамоты воронежскаго края», о которой съ похвалою отозвались все наши русскіе журналы, но авторъ прямо говоритъ, что не повѣрилъ этимъ «роздазнямъ журналистовъ» и пріѣхалъ читать книгу на мѣстѣ. Отзывъ его объ этой книгѣ очень любопытенъ; онъ нашелъ, что альбомъ рисунковъ, приложенный къ ней изображаетъ «нравы разноколѣнныхъ жителей Воронежской губерніи». Какимъ образомъ рисунки могутъ изображать нравы, и отчего у жителей Воронежской губерніи разныя колѣни—авторъ этого не объясняетъ. Потомъ онъ толкуетъ, неизвѣстно зачѣмъ объ антрацитѣ, называетъ Донъ, діаметромъ Воронежской губерніи, приводитъ два стихотворенія П. Никитина, и статья оканчивается. Очень любопытно.

О пяти книгахъ «Москвитянина» (отъ 9-й до 13-й) мы скажемъ немного. Въ нихъ окончилась повѣсть П. Сумарокова «Выборъ сердца». Повѣсть читается довольно легко, хотя содержаніе ея очень обыкновенно, а конецъ очень чувствителенъ. Институтка пріѣзжаетъ въ деревню къ своей матери и разочаровывается касательно прелестей деревенской жизни; въ нее влюбляется одинъ офицеръ Бѣлоликинъ, сватается за нее и уѣзжаетъ въ Петербургъ просить согласія своей матери на его свадьбу. Чтобъ избавить дѣвушку отъ провинціальныхъ пересудовъ, сосѣдъ ея, старый полковникъ Кирсановъ, предлагаетъ ей свою руку, тѣмъ болѣе, что самъ давно любитъ Катеньку. Женившійся на ней, онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ Катенька встрѣчаетъ Бѣлоликина, который начинаетъ увѣрять ее, что несогласіе матери на его бракъ привело его въ совершенное отчаяніе. Онъ даже притворяется умирающимъ и проситъ свиданія съ нею, безъ чего, какъ онъ говоритъ, не умретъ спокойно. Катенька идетъ на свиданіе вмѣстѣ съ одною изъ своихъ подругъ. Мужа увѣдомляетъ объ этомъ одна старая дѣва; тотъ приглашаетъ къ себѣ Бѣлоликина и спрашиваетъ его: истинно ли онъ любитъ Катеньку и надѣется ли составить ея счастье, и въ такомъ случаѣ, такъ какъ, говоритъ онъ, Катенька имѣетъ причину просить о формальномъ разводѣ, то онъ беретъ самъ хлопотать объ этомъ. Энтузіазмъ поклонника простываетъ при этомъ предложеніи, и онъ благоразумно уклоняется отъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ. Полковникъ уѣзжаетъ съ женою въ деревню, гдѣ жена его умираетъ отъ чахотки, а Бѣлоликинъ, конечно забываетъ ее въ самомъ непродолжительномъ времени. Все это повторялось въ сотнѣ другихъ повѣстей, кромѣ ориги-

нальнаго предложенія полковника, которое кромѣ того совершенно неправдоподобно. Языкъ повѣсти легкій и правильный.

Изъ другихъ статей этого нумера очень слабы: Европейская Турція и Переправа Александра Македонскаго черезъ Гидаспъ, послѣдняя по страннымъ примѣненіямъ. Статья «Послѣдній судебный поединокъ во Франціи», переданная въ нашѣмъ журналѣ въ извлеченіи, въ «Москвитянинѣ» переведена вполнѣ со всеми пустыми и незанимательными подробностями. «Письмо Петра перваго къ Шафирову» очень любопытно, также какъ и окончаніе статьи «Людвикъ XVII». Въ отдѣлѣ біографіи рѣзко, но справедливо разобранъ «Раутъ» г. Сушкова и показаны все его недостатки. Разборомъ 3-го и 4-го нумеровъ «Современника» мы менѣе довольны.

Въ высшей степени любопытны «Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ», составленныя К. Зеленецкимъ. Много новаго узнали мы изъ этихъ добросовѣстныхъ и интересныхъ свѣдѣній и вполнѣ благодарны за нихъ г. Зеленецкому, хотя онъ разсказалъ намъ всего четыре года изъ жизни нашего поэта, но успѣшилъ подѣлиться съ нами тѣмъ, что узналъ о Пушкинѣ, и разсказалъ это просто, скромно, не подымая шуму, не твердя всемъ, какъ могли бы сдѣлать иные, что уже нѣсколько лѣтъ пишетъ біографію Пушкина, самую полную и подробную, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и точнѣйшимъ матеріаламъ, и не издавая этой біографіи, потому что она дѣйствительно не всякому подъ силу.

Хороши также статьи: «Картина Ахавнаго рыболовства» при устьѣ Урала, *И. Жельзнова* и «Торговый флотъ въ Англіи». Стихотвореніе г. Шевырева, «Къ Англіи» лучше всехъ его прежнихъ стиховъ въ этомъ родѣ. Вотъ первая, лучшая строфа его:

Царица водъ! позоръ обмана
Тебя, унизивъ, развѣнчалъ.
Алмазъ въ оправѣ океана
Сегодня чернымъ углемъ сталъ.
Съ плеча слетѣла багряница,
Упалъ вѣнецъ съ главы твоей,—
Какая ты морей царица,
Нѣтъ, ты разбойница морей!

Изъ девятнадцати строфъ стихотворенія г. Раича «Грекамъ», помѣщенного въ слѣдующей книгѣ «Москвитянина», мы не можемъ привести ни одной строфы, все онъ очень слабы по исполненію, и нѣкоторыя даже очень странны по мысли.

Занимательна статья, «Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ и современныя ему театральныя знаменитости», отрывокъ изъ воспоминаній С. Т. Аксакова (№ 10 и 11). Написанная самымъ простымъ языкомъ, статья эта заключаетъ въ себѣ столько любопытнаго и новаго, относящагося къ исторіи нашего театра до 1812 года, что намъ остается только сожалѣть, зачѣмъ воспоминанія эти такъ коротки. Передъ глазами читателя проходитъ цѣлая галерея лицъ весьма оригинальныхъ, и во-первыхъ самъ Шушеринъ, актеръ низкаго происхожденія, гуляка въ молодости, вступившій на сцену для того, чтобъ не умереть съ голоду и достигнувшій на ней трудами и стараніемъ бѣльшей извѣстности, если не славы. Шушеринъ любилъ свое искусство, понималъ его, и замѣчательнъ въ особенности тѣмъ, что старался ввести въ тогдашнія трагедіи простоту дикціи, и играть какъ можно ближе къ природѣ. Въ тѣхъ роляхъ, гдѣ по самой концепціи характера утрированнаго и неестественнаго, какъ въ роли Ярба, въ Дидонѣ, Шушеринъ долженъ былъ кричать и бѣсноваться, онъ игралъ не хорошо, хотя масса публики награждала его именно за эти роли большими аплодисментами. Плавильщиковъ былъ актеръ въ такомъ же родѣ, только доводившій до крайней степени крика всякую роль, въ которой было можно хоть немного погорячиться; этимъ же свойствомъ отличалась и знаменитая въ свое время актриса Троепольская. Дмитревскій также хорошо очерченъ въ этой статьѣ, хотя въ то время онъ уже не являлся на сценѣ, но продолжалъ давать совѣты молодымъ артистамъ и слѣдилъ за успѣхами сценическаго искусства. Портретъ этого умнаго старика, хорошо знающаго театръ, но хитраго, двуличнаго, завидовавшаго всякому успѣху, готоваго хладнокровно повредить своему товарищу, обрисованъ мастерски. Знаменитая Семенова оцѣнена также по заслугамъ; доказано ясно, что она была одарена отъ природы всѣмъ, чтобъ быть хорошею актрисой, а что ее испортило—подражаніе французской актрисѣ Жоржъ и завыванье стиховъ, которому ее училъ Гидичъ. Но всего лучше изображены у автора Яковлевъ и Жоржъ. Вотъ что онъ говоритъ о первомъ:

«Яковлевъ былъ талантъ огромный, но шедшій по ложной дорогѣ, не имѣвшій никакого образованія, и что всего хуже, имѣвшій сильную склонность къ веселымъ компаніямъ. Его училъ Дмитревскій, а потому—то послѣ первыхъ удачныхъ дебютовъ его, публика поспѣшила испортить своего любимца неумѣренными знаками одобренія. Гдѣ есть театръ, тамъ есть и записные театралы. Это народъ самый вредный для молодыхъ талантовъ: они кружатъ имъ головы восторженными похвалами и угощеніями, всегда сопровождаемыми излишествомъ употребленія даровъ Вакха. Чадъ вина и похвалъ обхватилъ молодую голову

Яковлева; онъ оставилъ вовсе Дмитревскаго, и новыя роли, не пройденныя съ нимъ, игрались нелѣпо.» И вслѣдъ за этимъ авторъ описываетъ сцену, когда нетрезвый Яковлевъ авился къ Шушерину, рассказалъ какъ подрался съ кучерами и встрѣтился съ Дмитревскимъ, у котораго сталъ спрашивать: «Каково я сыгралъ Отеллу?— Какъ сапожникъ! отвѣчалъ Дмитревскій. Кого ты играешь? Буяна, сорванца, который махая кулаками того и гляди, что хватить въ зубы кого нибудь изъ сенаторовъ.» Это же самое замѣчаніе можно было бы сдѣлать многимъ трагикамъ, и вотъ что говоритъ г. Аксаковъ о покойномъ Каратыгинѣ: «У Каратыгина роли были также сдѣланы, то есть выучены передъ зеркаломъ съ разными заранѣе придуманными эффектными выходками; пластика иногда не совѣмъ изящна, но иногда великолѣнна, хотя хриплый, надорванный голосъ, и не рѣзкія малоподвижныя черты лица мѣшали ему достигнуть совершенства въ мимикѣ актрисы Жоржъ; вообще у него мало выражалось чувства, но была сила, отчасти замѣнявшая это чувство.»

Жоржъ также хорошо описана авторомъ; изъ этого описанія мы видимъ, что Жоржъ была совершенная Рашель своего времени. Она играла свои роли холодно, безъ всякаго внутренняго чувства и поражала слушателей усиленнымъ эффектомъ избранныхъ стиховъ, выраженій, даже отдѣльныхъ словъ, для чего употребляла обыкновенно три способа: 1) она тянула слабымъ голосомъ стихи, предшествующіе тому выраженію, которое вдругъ произносила громко и сильно; 2) громозвучная декламация ея вдругъ обрывалась выразительнымъ шепотомъ; 3) изъ скороговорки вдругъ вырывалось нѣсколько протяжныхъ словъ, или скороговорка вдругъ прерывала пѣвучую рѣчь. Всѣ мельчайшія интонаціи голоса, малѣйшія движенія рукъ, лица, всего тѣла, всякая складка, образовавшаяся на платьѣ при извѣстномъ движеніи, все было изучено и никогда не измѣнялось. «Я зналъ наизусть всѣ ея движенія, говоритъ авторъ, и мнѣ случалось командовать ей во время ея монологовъ: ступи шагъ впередъ, отодвинь назадъ лѣвую ногу, опусти глаза, раскрой вдругъ глаза, тани на—распѣвъ, шепчи, говори по складамъ, скороговоркой, откинь платье назадъ— и все исполнялось въ ту же минуту. Игра Жоржъ была положена на ноты. Это было проявленіе какихъ-то движеній или волненій души, внѣшнимъ образомъ выражающихся, нанизанныхъ на нитку какъ ни попало. Нѣтъ, никогда не признаю я искусства въ такомъ умѣньѣ переразбивать внѣшнюю природу человѣка, хотя бы оно было доведено до высокой степени. Конечно, она подражала не одной внѣшней природѣ, она подражала и выраженію страстей, но подражаніе вообще было безжизненно, безхарактерно, безразлично. Ни одинъ зритель не могъ най-

ти въ игрѣ Жоржъ выраженія печали, любви, нѣжности. Говорили: она производитъ глубокое впечатлѣніе. Положимъ такъ, да какого рода впечатлѣніе? вовсе не художественное. Это впечатлѣніе на нервы, а не на душу. Послѣ этого и предсмертнаго томленія умирающаго произведутъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе?..»

Замѣните въ этихъ строкахъ имя Жоржъ именемъ Рашели, и это будетъ самымъ вѣрнымъ сужденіемъ объ актрисѣ, еще такъ недавно занимавшей Петербургъ и Москву. Настоящее бываетъ часто только повтореніемъ прошедшаго. Почти тоже самое, только другими словами, высказывали мы въ нашихъ статьяхъ о Рашели.

Разставаясь съ этою прекрасною статью, мы замѣтимъ въ ней еще одну забавную сцену, когда Гибичъ въ жару классической декламации, читая переводъ Илиады, съ ужасными жестами и вскрикиваніями, сбиваетъ рукой подсвѣчникъ со стола и не даетъ поднять его прежде окончанія сцены, когда Диомедъ полетѣлъ въ колесницѣ противъ Гектора. Вотъ что говоритъ почтенный авторъ въ заключеніе своей статьи, по поводу пьесы «Встрѣча незваныхъ», данной въ пользу вдовы и дѣтей Яковлева. «На театральныхъ подмосткахъ долженъ владычествовать одинъ интересъ — искусство. Дѣйствительность превращается на нихъ въ вымыселъ, теряетъ свое значеніе и дѣйствуетъ на душу непріятно. Напротивъ, вымыселъ долженъ казаться дѣйствительностью. Настоящую вдову и настоящихъ сиротъ Яковлева, вышущенныхъ на сцену для возбужденія состраданія зрителей, было грустно, тяжело и непріятно видѣть. Дмитревскій едва живой, едва передвигавшій ноги, на краю дѣйствительной могилы, представляющій старика на сценѣ — признаюсь, это глубоко оскорбительное зрѣлище, и я радуюсь, что не видалъ его.»

Очень любопытны изслѣдованія г. Гельфердинга о балтійскихъ славянахъ; въ короткихъ, но ясныхъ очеркахъ авторъ представилъ всѣ главные результаты разысканій науки о бытѣ славянъ балтійскаго поморья въ VIII и IX вѣкѣ, не пускаясь самъ въ гипотезы и корнесловную гимнастику. Смѣсь Каромзина изъ Московскихъ вѣдомостей 1795 года, окончилась наконецъ въ 12-мъ номерѣ. Разказъ Вальтеръ-Скотта: «Зеркало тетки моей Маргариты» ниже всѣхъ извѣстныхъ произведеній этого романиста. «Сухарева башня въ сборное воскресенье», С. Любецкаго — очень интересный оригинальный разказъ, а «Охота на дикихъ козъ», переводный. Съ большимъ удовольствіемъ читаются также письма Шлейдена о ботаникѣ, и Либиха о химіи, также какъ два письма Императрицы Екатерины II и нѣкоторые другіе историческіе матеріалы въ 12-мъ номерѣ. Біографіи Греза и Россина, Воспоминанія о Техасѣ,

Московскія старинныя и новыя гулянья, также можно причислить къ замѣчательнымъ статьямъ, чего нельзя сдѣлать съ переводною статьею Карне: Консульство и Имперія, и оригинальной: Мысли по поводу выставки училища живописи и ваянія, Г. Рамазанова. Въ первой статьѣ много словъ и мало дѣла; во второй еще меньше дѣла, а словъ хоть мало, за то они довольно пусты и неправильны. Заграничныя и внутреннія извѣстія интересны, какъ всегда.

Есть въ 13 номерѣ Москвитянина еще два стихотворенія г. Семеновскаго: *Борь* и *Уловіе*. Въ первомъ — четыре стиха съ римами, остальные бѣлые, что еще не значить, чтобъ они были гладкіе; содержаніе стихотворенія состоитъ въ томъ, что г. Семеновскій видитъ борь, который кажется ему знакомымъ, событіе дѣйствительно весьма важное и стоявшее того, чтобы объ немъ разсказать стихами. Желаемъ успѣха автору въ этомъ отважномъ предпріятіи.

Двѣ статьи въ этихъ книгахъ Москвитянина остались неконченными, хотя сказано, что окончаніе ихъ будетъ въ слѣдующей книгѣ. Такія обѣщанія часто встрѣчаются въ Москвитянинѣ. Одна статья: «Мелочи изъ запаса моей памяти», г. М. Дмитріева, не вездѣ справедлива; память часто измѣняетъ автору, что вполне доказано при разборѣ этой статьи въ августовской книгѣ Отечественныхъ Записокъ. Другая статья принадлежитъ г. А. Григорьеву и заключаетъ въ себѣ обзоръ литературной дѣятельности французскаго нувелиста Проспера Мериме и его сочиненій. Въ началѣ статьи г. Григорьевъ говоритъ совершенно справедливо о необходимости вѣрной оцѣнки иностранныхъ писателей, составленной съ русской точки зрѣнія русскими писателями — но къ сожалѣнію, взявъ на себя эту обязанность, критикъ исполняетъ ее не весьма удовлетворительно, разбираетъ Проспера Мериме весьма не безпристрастно. О лучшихъ пьесахъ, помѣщенныхъ авторомъ въ «Театрѣ Клары Хазуль» г. Григорьевъ говоритъ по нѣскольку словъ и приводитъ одну сцену только изъ Вицейской (т. е. вице-королевской кареты). Нечего и говорить, что статья написана самымъ глубокомысленнымъ языкомъ и наполнена самыми странными выраженіями; въ ней есть и эпоха, «представляющая собою крайнюю разорванность сознанія.» и «всякое отношеніе, подорванное къ идеалу» и слѣдующее опредѣленіе объективности — самое простое, по словамъ г. Григорьева: «Объективность есть свойство человѣка отождествляться съ представляемымъ, описываемымъ, изображаемымъ имъ предметомъ, способность отрѣшаться отъ своей личности и ея обстановки и переноситься въ чужія личности съ иною обстановкою.» Не много также можно понять изъ опредѣленія характера дѣятельности Мериме, «относящагося комически не къ явленіямъ дѣйствительности, ибо самъ

не выше ихъ, а къ своей художественной дѣятельности». О самомъ писателѣ г. Григорьевѣ выражается не такъ темно, хотя не совсемъ прилично, говоря: «Мериме не даетъ вамъ ни разу поймать себя за больныя мѣста, и всегда будетъ на столько приличенъ, чтобы не обнажитья передъ вами.» Какая прекрасная аллегорія! Если бъ г. Григорьевъ употреблялъ столько же усилій на то, чтобы говорить просто, сколько онъ употребляетъ ихъ на то, чтобы говорить вычурно, — онъ былъ бы весьма замѣчательнымъ писателемъ.

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Осенній видъ Петербуга и его не осенняя погода. — Благотворительный вечеръ въ Лѣсномъ Институтѣ. — Венеціанская ночь на дачѣ г-жи Беклешовой. — Адъ въ Излеровскомъ саду. — Вечеръ въ пользу дѣвѣцы Легать. — Праздникъ въ честь побѣдоноснаго русскаго воинства. — Праздникъ въ честь русскихъ въ Марьиной роуцѣ. — Деревенскій праздникъ въ Полюстровѣ. — Благодарственный праздникъ полюстровскихъ дачниковъ графу Кущелову-Безбородко. — Вечеръ въ Тиволи, въ пользу погорѣвшихъ. — Беневисъ г. Гунгя въ Павловскѣ; вечеръ въ пользу бѣдныхъ города Павловска. — Беневисъ Шаффера въ нѣмецкомъ клубѣ. — Дачный званый вечеръ, маленькій рассказъ, имѣющій нѣкоторое правдоподобіе. — Прекращеніе нѣкоторыхъ публичныхъ загородныхъ гуляній. — Послѣдній танцевальный вечеръ на Полюстровскихъ минеральныхъ водахъ. — Турецкія знамена на петербургскихъ улицахъ. — Спускъ новаго корабля. — Памятникъ Крылову, портретъ адмирала Рикорда, портретъ г. Тимма, изображеніе защитниковъ Одессы, портретъ Щеголева. — Большое литографическое изображеніе Государя Императора. — Новый выпускъ московскаго живописнаго райка, бомбардированіе Одессы. — Небывалый цвѣтокъ въ Петербургѣ, распутившійся осенью. — Что значить извѣстность или Иванъ Ивановичъ въ провинціи. — Новости итальянской оперы. — Г-жа де-Лагранжъ за-границей и ея артистическіе успѣхи. — Маріо и Гризи. — Начало беневисовъ на Александринскомъ театрѣ, Діоклитіанъ, драма изъ римской жизни. — Нѣчто о прическахъ римскихъ женщинъ по этому случаю. — Новая книга военнаго сборника, на-стоящей войны, издаваемаго г. Путнымъ.

Вечеромъ перваго августа Петербургъ принялъ свою обычную осеннюю фізіономію; онъ освѣтился весь газомъ, заблесталъ фонарями, хотя наша погода до послѣднихъ чиселъ нисколько не походила на съверную. Небо было постоянно ясно, жары часто утомительны, и даже самая вода въ Невѣ, въ купальняхъ, не доходила ниже 16-ти градусовъ по реомюру. Вѣроятно, такой красной осени давно не запомнятъ петербургскіе жители; но какъ бы предчувствуя скорую перемену температуры и желая воспользоваться недолгой благопріятной порой, всѣ наши загородныя увеселительныя мѣста стали вдругъ дѣятельнѣе и разнообразнѣе въ своихъ удовольствіяхъ. Даже самыя отдаленныя дачи, отличавшіяся скромностью своихъ развлеченій, каковы напримѣръ Лѣсной

Институтъ, дача г-жи Беклешовой и другія встрепенулись, и начали тѣшить своихъ посѣтителей чѣмъ нибудь особеннымъ. Благой примѣръ, поданный артистами-любителями, дававшими въ Лѣсномъ Институтѣ концертъ въ пользу нуждающихся, отозвался въ скоромъ времени и на дачѣ г. Брюнста, противъ Беклешовскаго сада. Тамъ въ воскресенье, 8 августа, дано было дѣтское утро въ пользу бѣдныхъ дѣтей, призрѣваемыхъ на дѣтскомъ ночлегѣ общества посѣщенія бѣдныхъ. Чтобъ вполнѣ занять свою малолѣтнюю публику, учредители не поскупились на развлечения. Они устроили театръ маріонетокъ, игры птицами, превращенія Полишинеля, и пригласили для магическихъ представленій г. Принчипе, довольно порядочнаго фокусника, или какъ онъ самъ называетъ себя—физико-механика и химика. Чтобъ оставить также что нибудь на долю и взрослымъ, было положено, что каждый входной билетъ, очень недорогой, даетъ право на бесплатное вынутіе изъ колеса одного билета аллегри, состоявшаго изъ ста болѣе или менѣе цѣнныхъ выигрышей. Въ аллеяхъ, по обыкновенію игралъ оркестръ и хоръ военныхъ музыкантовъ. Не менѣе разнообразенъ былъ вечеръ, данный въ саду г-жи Беклешовой, въ подражаніе излеровскимъ ночамъ, подъ громкимъ названіемъ Венеціанской ночи. Чего не вмѣстилъ въ программу этого вечера учредитель его, режиссеръ Симонсонъ. Онъ собралъ оркестръ, хоръ пѣвчихъ, хоръ пѣсельниковъ, акробатовъ, учредилъ разныя представленія фокусовъ, китайскихъ тѣней и разныхъ комическихъ штукъ и наконецъ, чтобъ придать своему празднику совершенный видъ и характеръ италіанской ночи, заставилъ на островахъ и прудахъ пѣть серенады на италіанскомъ языкѣ, при огняхъ китайскихъ фонарей и цвѣтныхъ шкаликовъ. Среди всѣхъ этихъ дѣятельныхъ заботъ нашихъ загородныхъ увеселителей, неистощимое воображеніе Излера также не дремало. Наскучивъ ночами разныхъ названій, онъ придумалъ, для большаго эффекта, обратить садъ свой въ адъ и назначить въ немъ ночь въ подземномъ царствѣ. Призвавъ себѣ на помощь своего сотрудника въ великомъ дѣлѣ изобрѣтательности Фохта, Излеръ освѣтилъ свой аллею пунцовымъ адскимъ пламенемъ, провелъ Стиксъ, поставилъ на него неизбѣжнаго перевозчика Харона, и сгруппировалъ по бокамъ нѣжно бесѣдующихъ Плутона и Прозерпину, грозныхъ судей тартара; не позабыть былъ и треглавый аргусъ мнѳологическаго ада, песъ Церберъ. Что еще могло быть кажется ужаснѣе, а между тѣмъ на лицахъ огромной массы посѣтителей не было замѣтно никакого непріятнаго впечатлѣнія отъ такихъ ужасающихъ видовъ, они были также шумны и безпечны въ этомъ саду, какъ и всегда, и кажется нашептывали каждый про себя:

Смертный мигъ нашъ будетъ весель,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкой пепель
Въ урны праздныя пировъ!

Самымъ пріятнымъ и великолѣпнымъ отдѣломъ этого праздника была живая картина, въ двухъ отдѣленіяхъ, изображающая славный подвигъ прапорщика Щеголева подъ Одессой, 10 апрѣля 1845 года. Обстановка этой картины въ самомъ дѣлѣ была прекрасна и заслужила какъ Излеру, такъ и Фохту громкую благодарность публики. Послѣ вечера, даннаго въ пользу дѣвицы Легать, на которомъ бенефициантка угощала своихъ посѣтителей живою картиной изъ современныхъ военныхъ событій, послѣдовалъ на Минеральныхъ водахъ великолѣпный праздникъ въ честь побѣдоноснаго русскаго воинства. Для этого вечера г. Излеръ не пожалѣлъ кажется ни своихъ трудовъ, ни своихъ средствъ, и убралъ садъ всѣмъ, что только могло быть прилично характеру наименованнаго имъ праздника. На первой площадкѣ сада, предъ оркестромъ г. Лунда, была повѣшена новая колоссальная люстра, украшенная національными флагами и знаменами, а около нея четыре маленькія люстры, сдѣланныя изъ лавровыхъ вѣнковъ. Площадка, убранная также трофеями, была окружена транспарантами съ надписями знаменитѣйшихъ побѣдъ времени Суворова, покрывшихъ его безсмертною славою. Павильоны, въ которыхъ помѣщаются оркестръ и пѣсельники, красовались также двуглавыми орлами, знаменами, флагами и разными трофеями. Вторая площадка, соединенная съ первою живописнымъ порталомъ, была уставлена пирамидами подъ малахитъ, украшенными трофеями и золотыми двуглавыми орлами, а на горѣ стояли восемь колоссальныхъ канделябровъ, поддерживавшія жертвенники, пылавшіе яркимъ пламенемъ. Посреди ихъ возвышалась огненная надпись: «въ честь побѣдоноснаго воинства», а надъ нею большой бриліантовый російскій орелъ. Великолѣпный вечеръ этотъ, начавшійся нашимъ народнымъ гимномъ, исполненнымъ поочередно оркестромъ Лунда, хоромъ полковой музыки и вторымъ оркестромъ подъ управленіемъ Вехерпфеннинга, былъ также обилень и живыми картинами. Г. Легать, основываясь на картинахъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ гг. Тимма и Зичи, изобразилъ подвиги нашихъ воиновъ въ сраженіи при Ольтеницѣ 23 октября 1854 года, фельдвбеля Селенгинскаго пѣхотнаго полка Осипа Щепановскаго, знаменщика того же полка, унтеръ-офицера Андрея Снозика и командира 4-го баталіона Якутскаго пѣхотнаго полка маіора Сологуба. Второе отдѣленіе составляли живыя карти-

ны, представлявшія пожаръ, взрывъ и взятіе англійскаго парохода фрегата Тигръ и мужественное отраженіе покушенія, сдѣланнаго англичанами 16 мая этого года на городъ Гамбле-Карлебу, горетью русскаго войска и храбрыхъ финляндскихъ гражданъ. Г. Лундъ также внесъ свою лепту въ честь этого вечера, и исполнилъ новую польку подъ названіемъ Щеголевъ-полка. Праздникъ этотъ былъ также повторенъ нѣсколько разъ, и оркестръ г. Лунда обыкновенно кончалъ музыку галопомъ подъ названіемъ Kegelbahn-galop. Галопъ этотъ очень нравится публикѣ минеральныхъ водъ своею оригинальностью; въ партитуру его въ число инструментовъ введены человѣческіе возгласы въ родѣ слѣдующихъ, вдругъ раздающихся среди акордовъ: катай-валяй! Ну, ничего! Поухала! сколько пошалъ? и т. п. Не проходило вечера, чтобъ галопъ этотъ не былъ повторяемъ при громкихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ bravo!

Марьина-Роща также не хотѣла отставать своими представленіями отъ первоклассныхъ музыкальныхъ дачъ и давала разные увеселительные праздники съ болѣе или менѣе громкими названіями. Въ ней постоянно въ такіе дни играли два оркестра Риттера и Гильдебранта, пѣли пѣсельники, прогуливались на воздухѣ Боно и Вейнертъ, давалъ на новоустроенномъ театрѣ свои представленія Франсуа Раппо и изображались также подвиги нашихъ войскъ, въ большихъ пантомимахъ, въ разныхъ отдѣленіяхъ и картинахъ, а вечеромъ какъ и вездѣ: зажигалась, разумѣется, иллюминація, болѣе или менѣе полная, смотря по числу посѣтителей и количеству сбора въ увеселительной кассѣ. Однимъ словомъ, содержатель этой дачи старался дѣлать все, что могъ, принимая въ соображеніе постоянную небольшую плату за входъ. Петровскій островъ тоже щеголялъ въ продолженіе этого мѣсяца иллюминаціями и транспарантами, размѣщенными, какъ появляли афиши, у вновь устроенной *персидской* палатки. Слово *персидская*, нужно сказать, употреблено здѣсь ни болѣе ни менѣе какъ метафора, и хотя въ ней ничего персидскаго не находилось, однако она почти всегда наполнялась обычными своими посѣтителями, которые кажется рѣдко рѣшаются покинуть это свое привычное мѣсто и побывать гдѣ нибудь на другихъ дачахъ. Объ оркестрѣ Петровскаго острова или лучше гостиницы Любекъ сказать нечего: онъ сборный, и особенною какою нибудь гармоніею не отличался, но это нисколько не убавляло его достоинствъ въ глазахъ нетребовательныхъ тамошнихъ посѣтителей.

Перваго августа мы имѣли случай быть также на одномъ общественномъ загородномъ праздникѣ, хотя на немъ и не было ни звуковъ музыки, ни иллюминацій, и никакихъ другихъ затѣй. Праздникъ этотъ былъ сельскій, устроенный въ Полюстровѣ, по примѣру прошлыхъ го-

*

довъ, среди гостепріимно украшенныхъ разными деревенскими кушаньями столовъ у большой мачты, на вершинѣ которой помѣщалась чучела, одѣтая въ полный крестьянскій костюмъ, толпились довольные поселяне Полюстрова, пытаясь достигнуть до вождѣнной добычи и получить ее себѣ въ собственность, по праву побѣдителя. Трое удалцовъ пробовали свое счастье, при громкихъ возгласахъ прочихъ присутствующихъ, и только одному изъ нихъ удалось добраться до вершины и дернуть чучелу за надѣтый на нее сапогъ. Мы слышали, что кромѣ этого полного костюма, ловкому счастливцу выдается еще отъ помѣщика денежная премія, прочіе поселяне получаютъ отъ него въ этотъ день какіе нибудь подарки. Не смотря на неблагопріятную погоду, стоявшую въ тотъ день, зрителей этихъ сельскихъ удовольствій было тоже довольно, но однакъже большая часть изъ нихъ состояла изъ полюстровскихъ дачниковъ.

Въ прошедшемъ нашемъ фельетонѣ, мы уже упоминали, что Полюстрово въ нынѣшнемъ году очень оживлено противъ прошлыхъ годовъ. Этому оживленію не мало способствовало удобное сообщеніе какъ сумъ путемъ, въ общественныхъ омнибусахъ, такъ и водою на неeskихъ легкихъ пароходахъ, дѣлающихъ, каждодневно, постоянные рейсы; но болѣе всего способствовала этому оживленію Полюстрова внимательность владѣльца графа Куселева-Безбородко. Чтобъ доставить дачникамъ своимъ пріятное и бесплатное развлеченіе, игралъ каждый вечеръ на островѣ Тиволи оркестръ Шиндлера. Желая отблагодарить графа Куселева-Безбородку за его гостепріимство и внимательность, полюстровскіе дачники собрали добровольно значительную сумму, и 15 августа составили увеселительный вечеръ въ честь графа. Оркестръ Шиндлера былъ усиленъ, садъ великолѣпно освѣщенъ, и многочисленная публика до поздней ночи гуляла по широкому пространству сада, имѣя въ средѣ своей самого владѣльца дачи.

22 августа, торжественный день коронаціи, ознаменовался въ Полюстровѣ дѣломъ благотворительнымъ: на островѣ Тиволи былъ данъ праздникъ, устроенный челоуѣколюбіемъ тамошнихъ дачниковъ, въ пользу петербургскихъ жителей, погорѣвшихъ тринадцатаго августа въ Измайловскомъ полку. Вечеръ этотъ отличался особеннымъ великолѣпіемъ предъ всѣми прочими увеселительными вечерами, данными на этой дачѣ въ нынѣшнѣе лѣто, за то наша публика, не смотря на многіе другіе увеселительные вечера, посѣтила его огромною толпой. Въ блестяще-освѣщенныхъ аллеяхъ сада, среди довольныхъ и веселыхъ группъ гуляющихъ носились слухи, что владѣлецъ Полюстрова, желая и самъ лично вспомошествовать благой цѣли лѣтнихъ жителей своей дачи, пожертвовалъ также на устройство вечера значительную сумму. Освѣще-

ніе Безбородкинскаго сада было, въ полномъ смыслѣ слова, великолѣпное и устроено извѣстнымъ декораторомъ съ большимъ вкусомъ и съ знаніемъ своего дѣла. До начала иллюминаціи учредители благотворительнаго вечера, для развлечения публики спустили въ антрактахъ, слѣдовавшихъ за музыкальными отдѣленіями оркестра, нѣсколько небольшихъ воздушныхъ шаровъ съ сюрпризами; сюрпризы эти, разумѣется, не были значительны, но все таки сюрпризы для тѣхъ, кому они достались печально. Кромѣ оркестра Шиндлера и двухъ другихъ, игравшихъ на пруду на лодкахъ, украшенныхъ цвѣтными фонарями, былъ приглашенъ и хоръ пѣсельниковъ. Каждый предавался развлеченію, по своему желанію: кто слушалъ музыку, кто любовался потѣшными огнями, а кто стрѣлялъ изъ самострѣловъ, и такихъ любителей, къ увлеченію, было также не мало. На маленькомъ островѣ Тиволи, на который переправляются чрезъ устроенный на пруду паромъ и на которомъ обыкновенно играетъ для дачниковъ оркестръ графа Куселева-Безбородко, на немъ блисталъ великолѣпный щитъ съ вензеловымъ изображеніемъ именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. У подножія этого яркаго огромнаго щита, по протяженію берега на зеленомъ полотнѣ дерна блисталъ составленный изъ стеклянныхъ фонарей, начальный стихъ нашего народнаго русскаго гимна: «Боже, Царя храни,» ярко отражавшійся въ тихихъ водахъ пруда. Назначивъ за входъ умѣренную плату, пятьдесятъ копѣекъ серебромъ, учредители предоставили на благой произволъ посѣтителей жертвовать и болѣе, и не ошиблись въ расчетѣ, мы знаемъ, что не смотря на тысячу только распроданныхъ билетовъ, равняющихся стало быть 500 рублямъ сер., сумма сбора перешла гораздо за 1000 р. Мы особенно распространились въ описаніи этого благотворительнаго вечера для того, чтобъ показать, что для добраго дѣла, даже при небольшихъ средствахъ, нѣтъ ничего невозможнаго, если задуманное ведено со вкусомъ и желаніемъ помочь ближнему.

18 числа августа петербургскіе жители имѣли случай быть на вторичномъ бенефисѣ г. Гунгля въ Павловскѣ, а 21 на балѣ, данномъ въ пользу бѣдныхъ этого города, устроенномъ заботами одной тамошней человѣколюбивой особы. Скромность заставила ее скрыть свое имя, а потому и мы не имѣемъ права обнаруживать этой благородной тайны. 22-го числа было назначено также въ Павловскѣ необыкновенное увеселительное представленіе съ новыми декораціями, устроенными г. Рояномъ, въ особомъ родѣ и съ фейерверкомъ въ четырехъ разнообразныхъ декораціяхъ. Великолѣпные фейерверки давались нынѣшній годъ единственно только Павловскѣ.

Въ фельетонѣ прошедшаго мѣсяца мы упоминали о блистательномъ вечерѣ, устроенномъ въ лѣтнемъ нѣмецкомъ клубѣ, въ домѣ Тарасова, доктораторомъ петербургскаго Михайловскаго театра г. Шафферомъ. Желая отблагодарить его за труды, старшины и члены лѣтняго нѣмецкаго клуба назначали ему 13 августа бенефисъ, но увы, иная грустная иллюминація, иные невинные звуки раздавались въ тотъ день въ окрестностяхъ Тарасова сада. Въ Измайловскомъ полку былъ пожаръ, и потому думать о какихъ бы то ни было увеселеніяхъ при общественномъ бѣдствіи было невозможно. Бенефисъ г. Шаффа состоялся по этому только 17 августа. О великолѣпнн этого увеселительнаго вечера много сказать нельзя, но о веселіи посѣтителей и ихъ довольствіи другое дѣло: публика лѣтняго нѣмецкаго клуба не расходилась долго за полночь.

Нужно замѣтить, къ чести петербургскихъ жителей, что благотворительныя увеселенія въ большомъ ходу; не говорю уже объ общественныхъ увеселительныхъ загородныхъ мѣстахъ: они, другъ передъ другомъ снѣшать принести свою посильную лепту въ общую сокровищницу пожертвованій, но даже и частные люди наперерывъ стараются устроить какой нибудь концертъ, спектакль или лотерею, даютъ недорогіе билеты своимъ знакомымъ и ихъ знакомымъ, и радостно вносятъ собранныя деньги для тѣхъ, кому они болѣе пригодны и нужны. Чуть изъ чьей нибудь гортани можетъ раздаваться какой-либо голосъ, чуть кто умѣетъ взять нѣсколько акордовъ на какомъ нибудь инструментѣ — талантъ тотчасъ употребленъ въ дѣло безъ всякой затаенной мысли о своей собственной пользѣ, безъ всякаго щепетильнаго желанія приобрести себѣ минутную извѣстность и славу. «Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ» сдѣлалось нынче общимъ русскимъ девизомъ. Пріѣзжаете вы куда нибудь въ домъ, нѣжныя дамскія ручки, тотчасъ дадутъ вамъ полотно и заставляють вмѣстѣ щипать корпю — занятіе это замѣнило теперь всѣ прежнія женскія занятія и помыслы о новыхъ модахъ, нарядахъ, балахъ. Особенно на дачахъ, гдѣ остается такъ много свободнаго времени, домашніе концерты (въ особенности) были въ большомъ употребленіи. Едва гдѣ нибудь мелькали огоньки позже обыкновеннаго и раздавалась музыка, вы уже могли быть увѣрены, что тамъ разыгрывается какой нибудь терцетъ или квартетъ, чтобъ употребить его при первомъ случаѣ съ пользою. Правда, иногда случалось, что нѣкоторые домашніе спектакли, концерты и лотереи не проходили безъ нѣкоторыхъ непріятностей, но хозяева мало обращали на то вниманія: ихъ утѣшала благотворительная цѣль, которая была достигнута, ихъ утѣшало убѣжденіе, что гдѣ случается много незнакомыхъ «изъ чужаго прихода»,

тамъ нѣкоторыхъ безпорядковъ избѣжать нельзя. Эта мысль пришла мнѣ при воспоминаніи тоже объ одномъ музыкальномъ вечерѣ, данномъ однимъ дачникомъ веселыхъ острововъ, положимъ хоть Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ. Быть можетъ, вы, почтенный читатель, никогда не бывали на этихъ островахъ и даже не слыхали о нихъ. Эти островки не отличаются ни живописностью мѣстности, ни растительностью, ни даже какою нибудь исключительною особенностью, чтобъ имѣть право носить такое заманчивое названіе.—Кромѣ воды, тамъ нѣтъ ничего занимательнаго, а между тѣмъ комаровъ и мухъ очень много, впрочемъ, есть также достаточное число дачъ. Дача—т. е. желаніе гдѣ-бы то ни было, но только жить за городомъ, дѣлается лѣтомъ какою-то общою эпидеміей нашихъ городскихъ жителей, и потому не удивительно, что расчетливый Иванъ Ивановичъ Ивановъ также нанялъ себѣ дачу на одномъ изъ вышеупомянутыхъ острововъ. Дачный образъ жизни Ивана Ивановича нисколько не отличался отъ его городскихъ привычекъ. Въ домикѣ его было все тихо, безлюдно, и кромѣ небольшого числа самыхъ короткихъ знакомыхъ, ни одного лишняго посѣтителя. Но вотъ, однажды, подъ конецъ нынѣшняго сезона, три маленькія окна загороднаго домика Иванова засіяли самымъ яркимъ свѣтомъ. Не смотря на то, что это освѣщеніе далеко не походило на блестящее освѣщеніе дачъ какого нибудь Каменнаго острова, и нисколько не заставляло блѣднѣть пламени единственнаго тусклаго фонаря, воздвигнутаго на всемъ пространствѣ Веселаго острова какою-то предусмотрительною рукою, изъ опасенія осенью, во время темнаго вечера погрязнуть въ лужахъ, освѣщеніе это обратило на себя общее вниманіе другихъ тамошнихъ дачниковъ и заставило ихъ толковать, глядя съ любопытствомъ на опущенныя сторы:

— Нынѣшній вечеръ у Ивановыхъ должно быть затѣяно что нибудь необыкновенное!

Что было затѣяно въ тотъ вечеръ необыкновеннаго, я вамъ сейчасъ объясню, но прежде позвольте немного познакомить васъ, какъ съ личностью самаго Ивана Ивановича, такъ и съ прочими членами, составляющими его немногочисленное семейство.

Иванъ Ивановичъ Ивановъ былъ честный, добрый и кроткій человекъ, занимавшійся, такъ себѣ, мелкими спекуляціями и разными хожденіями по чужимъ necessitatibus, куда вамъ было угодно—къ другу или недругу, только бы имѣлась для него въ виду какая нибудь прибыль, и даже не для него самаго, потому что Ивановъ былъ не прихотливъ, а для его семейства.—Составивъ себѣ такими занятіями, послѣ многихъ лѣтъ, трудовъ, браня, непріятностей и утомленія, порядочный капиталецъ,

Иванъ Ивановичъ, по своей умѣренности, бросилъ наконецъ хлопотливое ремесло, и рѣшился опочить на лаврахъ, расходуя только проценты съ капитала, отданнаго въ самый вѣрный оборотъ и подъ самое вѣрное обезпеченіе. Съ тѣхъ поръ вся жизнь его была посвящена сладости, семейной жизни и заботамъ о своемъ почтенномъ потомствѣ, дочери и сынѣ и нѣжной супругѣ Марѣ Михайловнѣ, женщицѣ отъ природы безпечной, которая была ему очень полезна при выдачѣ маленькихъ суммъ и вычетѣ мелочныхъ процентовъ, но которая, въ другихъ, болѣе сложныхъ дѣйствіяхъ, на болѣе обширномъ полѣ жизненной дѣятельности, рѣшительно теряла голову и становилась дурой. Впрочемъ, этотъ маленькій недостатокъ нисколько не препятствовалъ ей составлять полное счастье своего супруга, (что показываетъ, что для составленія чьего-нибудь счастья большаго ума не требуется) и подарить его двумя залогоми своей нѣжности — живыми портретами обоюдной ихъ, если нельзя сказать красоты, такъ ужъ во всякомъ случаѣ вылитой, будто по гипсовой формѣ, фізіономіи.

Дѣвица Олимпіада Ивановна была первенцемъ многолѣтняго супружества и достигла благополучно до своей семнадцатой весны. Иванъ Ивановичъ, который, не смотря на всю свою обычную расчетливость, употребилъ все стараніе дать ей приличное воспитаніе, съ самоувѣренностью мечталъ составить ей въ скоромъ времени приличную партію, далеко выше того круга, въ которомъ всегда самъ обращался. Эти надежды казались ему тѣмъ болѣе положительными, что Олимпіада Ивановна была какъ будто предназначена для пышнаго круга, и готова была бросать деньги, какъ ненужныя папильотки. Чадолубивый Ивановъ всегда съ удвоеннымъ сердечнымъ трепетомъ внималъ увѣреніямъ дочери о ея наклонностяхъ лишь къ одному изящному, и съ тѣхъ поръ, какъ она, будучи еще двѣнадцати лѣтъ, нарисовала изображеніе своего родителя, подъ видомъ аркадскаго пастушка, хотя и довольно грубо карандашемъ, въ день его именинъ, а въ послѣдствіи сыграла, по слуху, на фортепьяно, одной рукою: *Я вѣчоръ млада, во пиру была*, Иванъ Ивановичъ окончательно рѣшилъ, что дочь его если не полный геній, то уже во всякомъ случаѣ очень, очень находится близко отъ этой степени.

Олимпіада Ивановна составляла по этому гордость Ивана Ивановича. И въ самомъ дѣлѣ, чего ей еще доставало въ его глазахъ, чтобъ быть идеаломъ недосягаемаго совершенства? Она была и живописицей и музыкантшей; голова Ивана Ивановича достигала ей только до ушей; талія Олимпіады Ивановны и станъ ея были тонки какъ жимолость; жила она всегда такъ прямо, какъ бравый русскій солдатъ; кник-

сены дѣлала не хуже какойнибудь любой Гриси, а физиономія ея приводила Ивана Ивановича не только въ восторгъ, но и всегда въ изумленіе своимъ чисто-черкесскимъ носомъ, хотя не много и увеличенной формы, котораго не только недоставало надъ щеками ни Ивана Ивановича, ни Марѣы Михайловны, но даже не оказывалось ни у кого изъ кровныхъ Ивановыхъ, ни на портретахъ членовъ, уже не существующихъ, ни на лицахъ прочихъ еще тяготящихся землю. Иванъ Ивановичъ почиталъ это украшеніе лица Олимпіады Ивановны особенною снисходительною игрой природы. Прочія черты Олимпіады Ивановны были чисто фамилыныя: большой ротъ напоминалъ Марѣю Михайловну ея, когда-то молодыя, пунцовыя уста, а маленькіе, круглыя каріе глазки, бѣгающіе изъ стороны въ сторону, какъ у мыши, заставляли Ивана Ивановича съ умиленіемъ переноситься къ лѣтамъ его юности, когда онъ соколинымъ взоромъ быстро отыскивалъ себѣ какуюнибудь прибыльную добычу.

Сынъ Иванова, Ося, имѣлъ не болѣе семи лѣтъ, и потому, во уваженіе его нѣжной молодости, ему сходило съ рукъ все, что онъ ни дѣлалъ. Ося, пользуясь этимъ ненарушимымъ правомъ, съ утра до ночи ставилъ все въ домѣ вверхъ дномъ. Иванъ Ивановичъ слишкомъ пламенно любилъ свое второе чадо, чтобъ бранить его, и Марѣа Михайловна была слишкомъ безпечна и лѣнива, чтобы предаваться такому безпокойному и утомительному увлеченію, каковы гнѣвъ и брань.

Однажды утромъ Иванъ Ивановичъ читалъ, по обыкновенію Полцейскую газету, въ которой большая часть его любопытства обыкновенно была устремлена на отдѣлъ, заключающій въ себѣ объявленія о распродажахъ по дешевой цѣнѣ, по случаю отъѣзда, или разныхъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Непредвидѣнныя обстоятельства имѣли для него всегда какой-то особенный интересъ, и повѣствованіе о нихъ всегда переходило съ печатанныхъ страницъ въ его, засаленную временемъ, памятную книжку. Нужно впрочемъ прибавить, что Иванъ Ивановичъ, по свойственной ему акуратности, читалъ ровно все съ одинакимъ вниманіемъ. И такъ, въ одно прекрасное утро, Иванъ Ивановичъ, какъ я сказалъ, занимался чтеніемъ газетъ, только-что вышедшихъ изъ-подъ типографскаго станка, и еще сильно, по этому, пахнувшихъ сыростью. Прочитавъ необходимый ему отдѣлъ, Иванъ Ивановичъ заглянулъ и въ петербургскій дневникъ, и вдругъ изъ устъ его вырвалось невольное восклицаніе:

— Что, вѣрно чтонибудь очень любопытное? спросила Марѣа Михайловна, протянувшаяся въ спокойныхъ креслахъ и ласкавшая кошку.

— Да, въ родѣ этого, даже и очень, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, и потомъ продолжалъ, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Представь себѣ, мамочка, что недавно близъ Лѣснаго Института былъ данъ обществомъ любителей благотворительный концертъ.

— Вотъ какъ! проговорила Марѳа Михайловна, такъ пишутъ, что концертъ былъ хорошъ?

— Концертъ—то бы еще ничего, продолжалъ Иванъ Ивановичъ, а то вообрази себѣ, еще что...

— Воображаю, продолжай, папочка, слушаю, протянула Марѳа Михайловна изъ кресель.

— Въ этомъ концертѣ, судя по фамиліи, участвовала дочь одного моего стараго знакомаго. Съ большой похвалою объ ней отзываются; оченно, оченно ее здѣсь разукрасили; большое должно доставлять родителю удовольствіе такое описаніе. Только вотъ удивительно, какъ эта дѣвица могла попасть въ публику? гдѣ ее любители отрыли? Живутъ они, сколько мнѣ извѣстно, очень скромно, никакихъ пировъ и банкетовъ не задаютъ, прибавилъ Иванъ Ивановичъ, приподнявъ ко лбу вопросительно указательный палець.

— Можетъ быть, знакомства много, такъ чрезъ знакомыхъ, замѣтила Марѳа Михайловна.

— Гм., да! согласился Иванъ Ивановичъ, погружаясь въ чтеніе *Полицейской газеты*.

— Сколько жертвуютъ, мамочка! Даже малые птенцы не отстаютъ отъ взрослыхъ, началъ снова Иванъ Ивановичъ, чрезъ нѣсколько минутъ.

— Благое дѣло, дай имъ Богъ за то добраго здоровья, произнесла отъ полноты души Марѳа Михайловна.

Иванъ Ивановичъ опять замолчалъ, дочель совершенно газету, и оперши голову на обѣ руки, погрузился вдругъ съ чего-то въ глубокое размышленіе.

— Мамочка, началъ, чрезъ нѣсколько минутъ, снова Иванъ Ивановичъ, знаешь ли что...

— Слушаю, слушаю, мой другъ.

— Вѣдь и имена всѣхъ жертвующихъ пишутъ.

— Скажите! Впрочемъ и слѣдуетъ, всякая добродѣтель должна получить себѣ награду.

— Вотъ ежели бы мы или Липочка пожертвовали въ пользу немущихъ, наши имена тоже бы красовались. А какъ ты думаешь, вѣдь хорошо бы это было, Марѳа Михайловна; не правда-ли, что это-бъ было очень, очень не дурно для Липочки. Разъ имя, другой, третій,

глядишь ктонибудь и подумалъ—бы: Да кто это такая дѣвица Олимпиада Иванова? дай—ка я узнаю да посмотрю.

— Правду, правду говорите, Иванъ Ивановичъ, согласилась съ мужемъ Марѳа Михайловна.

— Это такъ, это вѣрно, подтвердилъ въ свою очередь, чѣмъ—то озабоченный Иванъ Ивановичъ.

— Такъ что же, послѣ этого, въ самомъ дѣлѣ, и всѣхъ насъ, слава Богу, Господь таки не позабылъ, замѣтила Марѳа Михайловна.

— Хорошо вамъ говорить, необдумавши, Марѳа Михайловна, что же бы и намъ — прервалъ ее Иванъ Ивановичъ, анъ по моимъ расчетамъ выходить совсѣмъ не—что же бы намъ! Мало пожертвовать совѣстно, меня въ Петербургѣ таки знаютъ, тотчасъ скажутъ: ишь старый чортъ, какъ прихерился, а большое дать достатокъ не позволяетъ, сами знаете, дѣти есть, и у васъ когда капризы лишніе могутъ родиться, такъ на всѣ стороны не разорвешься! Теперь понимаете?

— Справедливо! глубоко вздохнувши, согласилась съ Иваномъ Ивановичемъ Марѳа Михайловна.

— Вотъ то—то и оно.

— Справедливо, справедливо, продолжала твердить скороговоркой Марѳа Михайловна.

— Ужъ, что я говорю, то знаю, заключилъ Иванъ Ивановичъ, начавъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— Марѳа Михайловна, знаешь—ли что, воскликнулъ онъ, пройдясь круговъ пять — славная мысль!

— Слушаю, слушаю, продолжайте, Иванъ Ивановичъ. Выдумали чтонибудь, или такъ?

— Да ужъ именно, что называется выдумалъ, воскликнулъ снова и какъ—то особенно радостно Иванъ Ивановичъ.

— Что же такое? говорите поскорѣе, не мучьте, папочка, воскликнула въ свою очередь Марѳа Михайловна.

— Не торопитесь, не говите такъ на почтовыхъ, сей—часъ скажу все, нужно объяснить съ толкомъ, прервалъ Иванъ Ивановичъ.

— Слушаю, папочка, продолжайте!

— Липочка, моя дочь, не такъ ли, Марѳа Михайловна? началъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ уже некстати вопросъ, Иванъ Ивановичъ.

— Знаю, но это я такъ для проформы и ваша также, не правда ли, Марѳа Михайловна?

— Ну, у васъ все кажется только чепуха, Иванъ Ивановичъ, произнесла, всплеснувъ руками, Марѳа Михайловна.

— Не прерывайте; говорю вамъ, что это только одна проформа. Вѣдь меня за лишній спросъ въ судъ не потянутъ. Лучше переговорить, чѣмъ не договорить, это мое всегдашнее правило.

— Согласна, согласна, вамъ и книги въ руки, продолжайте, прервала нѣсколько съ сердцемъ любопытная супруга Ивана Ивановича.

— Хорошо! теперь я приступаю прямо къ дѣлу.

Иванъ Ивановичъ взялъ стулъ, поставилъ его чуть ли не на самой срединѣ комнаты, осѣдлавъ его, плеснулъ значительно рука объ руку, сжалъ ихъ и началъ:

— Вы знаете, Марѳа Михайловна, что вы всегда были у меня дорогой, примѣрной, такъ сказать.

— Я, полагаю, еще бы, прервала съ видомъ нѣкотораго достоинства Марѳа Михайловна, глядя кошку и отъ удовольствія дернувъ ее нѣсколько разъ за морду. Чтожь дальше?

— Вамъ за это и вся честь, только не прерывайте, не мѣшайте порядку мыслей, ваша рѣчь еще впереди. Охъ, вы всё какія нетерпѣливыя, вамъ все вдругъ вынь да положь, по пословицѣ. Все скажу, все скажу, не бойтесь, вы знаете, я человѣкъ съ памятью и порядкомъ, слава Богу!

— Вѣрю, Иванъ Ивановичъ, только, пожалуйте, не тяните канитель, ужъ мнѣ право надоѣло.

— Надоѣло? Ну, такъ извольте, я больше вамъ не скажу ни слова, провзнесъ немного обиженный этимъ послѣднимъ выраженіемъ Иванъ Ивановичъ, отодвинувъ изъ-подъ себя стулъ.

— Ну, полноте, полноте, продолжайте, буду нѣма, какъ рыба, начала упрашивать Марѳа Михайловна.

— Нѣтъ, для чего же! я всегда готовъ сдѣлать для васъ угодное, отвѣчалъ тихо Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ, папаша, какой вы право! Чѣмъ вы становитесь старѣе, тѣмъ больше дѣлаетесь какимъ-то задорнымъ пѣтухомъ, воскликнула съ упрекомъ Марѳа Михайловна, продолжайте, когда васъ просятъ, говорить вамъ не буду, понимаете—не буду.

— Да что теперь я скажу, возразилъ Иванъ Ивановичъ, снова хватаясь за стулъ: мысли вы у меня всё перевернули.

— Подумайте, опять авось навернутся, стоитъ только себя немножко принудить.

— Подите! вотъ такъ мозгъ-то, по вашему приказанію, и принудишь, эко щучье вѣльнѣе! проговорилъ Иванъ Ивановичъ, снова осѣдлавъ стулъ и сложивъ руки, хотя и сомкнувъ упрямо уста.

— Пожалуй, если хотите упрямствуйте, какъ хотите, произнесла рѣшительно Марѳа Михайловна: мнѣ теперь все равно.

— Будто бы все равно?

— Право такъ!

— Ха, ха, ха, засмѣялся лукаво Иванъ Ивановичъ, приподнявъ свой стулъ и покачиваясь на немъ маленькимъ галопомъ.

— Божиться, что-ли, вамъ еще?

— Ха, ха, ха, засмѣялся снова Иванъ Ивановичъ: что ни говори, мамочка, а я вижу, что тебя подзадорило.

— Анъ вотъ и не подзадорило.

— Анъ, не правда, ужъ какъ сильно подзадорило; я дамъ-то на своемъ вѣку видалъ, слава Богу. У всѣхъ васъ любопытства что волосъ.

— Стало быть, не видали, когда, съ позволенія сказать, утверждаете такую ахиною. А вы волосы-то наши считали, позвольте васъ спросить, Иванъ Ивановичъ?

Быть можетъ, между супругами возникъ бы споръ и несогласіе разъединило бы ихъ въ первый разъ съ ихъ супружества, еслибъ Иванъ Ивановичъ, по мягкости своего характера не уступилъ Марѳѣ Михайловнѣ.

— Такъ и быть, слушайте, Марѳа Михайловна, произнесъ Иванъ Ивановичъ, вотъ что я придумалъ. У насъ хорошенькая дочь, живемъ мы, слава Богу, согласно. Ося общается много въ будущемъ, но это не составляетъ еще полного счастья, это еще не даетъ права Липочкѣ, чтобъ о ней знали въ свѣтѣ, чтобъ наконецъ о ней говорили. Прекрасныя способности ея остаются погребенными въ землю. Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ дѣла, насъ никто не посѣщаетъ, кромѣ нѣкоторыхъ самыхъ короткихъ знакомыхъ, которые ничего болѣе не дѣлаютъ, какъ только играютъ съ нами въ мушку. Этого и мнѣ недостаточно. Я рѣшился расширить кругъ нашего знакомства. Липочка имѣетъ врожденную склонность къ искусствамъ, слѣдовательно мы преимущественно должны принимать артистовъ. Я буду давать вечера, угощать чаемъ, пуншемъ даже, если это необходимо. У насъ будутъ играть въ карты въ преферансъ, въ вистъ, это очень выгодно, Марѳа Михайловна, вечера мнѣ такимъ образомъ не будутъ почти стоить ничего... однимъ словомъ, я хочу, чтобъ въ городѣ говорили о моихъ вечерахъ, и чтобъ Липочка могла выбрать себѣ на нихъ приличнаго мужа. Она также непременно обратитъ на себя вниманіе и, Богъ знаетъ, что можетъ приготовить себѣ для будущей карьеры. Конечно, Марѳа Михайловна, я рѣшительно буду давать вечера.

— Я на все согласна, отвѣчала Марѳа Михайловна, не переставая гладить любимую кошку — можете дѣлать, что угодно, только бы мнѣ самой не слишкомъ приходилось беспокоиться, вы знаете, какъ всякія лишнія волненія вредны для моего здоровья. Въ этомъ только случаѣ прошу на меня нисколько не надѣяться, все остальное въ полномъ вашемъ распоряженіи.

— Я ничего отъ тебя и не требую, ты только будешь принимать гостей, душенька.

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, вотъ то-то и бѣда, вѣдь придется каждую минуту бѣгать всякому навстрѣчу, а это для меня адъ.

— Нѣтъ, сидя, сидя, мамочка, ты только будешь немного привставать и наклонять голову.

— Ну, это еще сносно. А кто же распоряжаться угощеніемъ будетъ?

— Ужъ это не твое дѣло.

— Вѣрно ужъ не вы; у васъ все изъ рукъ валится, замѣтила Марѳа Михайловна.

— Я и не говорю про себя. Всѣмъ будетъ распоряжаться Липочка. Она имѣетъ въ себѣ что-то особенно-пріятное, когда о чемъ нибудь хлопочетъ.

Олимпиада Ивановна бросилась отъ восторга на шею Ивана Ивановича и вскричала:

— Ахъ, да, папаша, пожалуйста, приглашайте побольше гостей; я буду дѣлать все, что вамъ угодно; выучусь новымъ па мазурки и окончу голову Велисарія, которою вы такъ любовались; только пожалуйста прикажите обдѣлать ее къ тому дню въ хорошую рамку; я увѣрена, что мой рисунокъ не пропадетъ даромъ и обратитъ общее вниманіе.

Маленькій Ося былъ также очень радъ этой рѣшимости; онъ кувыркался по полу и думалъ:

— Я буду пить чай за двоихъ, пуншъ за двоихъ, и ѣсть все, что ни приготовить.

Характеръ Ивана Ивановича принадлежалъ къ самымъ упрямымъ характерамъ; что онъ разъ задумалъ, то онъ ужъ непременно приводилъ въ исполненіе. Мысль о вечерѣ мучила его цѣлый день, не дала спать цѣлую ночь и подняла съ постели съ зарею на слѣдующее утро. Чуть-ли не въ семь часовъ утра онъ уже бѣжалъ пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобъ приглашать своихъ знакомыхъ и посѣтить съ ними ихъ знакомыхъ, которыхъ онъ рѣшительно не зналъ и никогда не видалъ. Прежде всего посѣтилъ онъ нѣкотораго Крушикова, стараго своего пріятеля, занимавшагося такими же дѣлами, какими нѣкогда зани-

мался и самъ Иванъ Ивановичъ. Крупиковъ зналъ всѣхъ нуждающихся въ услугахъ ближняго во всѣхъ слояхъ общества.

— А я къ вамъ съ маленькою просьбицей, обратился Иванъ Ивановичъ къ Крупикову.

— Радъ стараться, отвѣчалъ Крупиковъ.

— Вотъ, извольте видѣть, имѣю намѣреніе сдѣлать маленькій дружескій вечерокъ.

— Благое дѣло! Веселье краситъ жизнь человѣческую, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, спасибо, что при этомъ не позабыли и нашего брата.

— Какъ же можно, вы у меня, разумѣется, первый гость, только пожалуйста, у васъ столько знакомыхъ, такъ нельзя-ли пригласить какихъ нибудь молодыхъ людей.

— Можно.

— Какихъ нибудь артистовъ, напримѣръ, музыкантовъ, художниковъ.

Крупиковъ подумалъ немного, значительно оттопыривъ нижнюю губу, и отвѣчалъ:

— Можно, очень можно, для пріятеля отчего же не постараться, извольте.

Иванъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ и возвратился домой совершенно довольный, нисколько не жалѣя, что истратилъ нѣсколько рублей на извозчика. Узнавъ объ успѣшномъ окончаніи визитовъ, Олимпиада Ивановна обратилась отъ радости въ совершенно малаго ребенка. Марья Михайловна не обнаружила никакого особеннаго удовольствія и только сказала:

— Мнѣ только бы ни о чемъ не хлопотать и не беспокоиться, а то веселитесь, на здоровье, хоть каждый день, съ утра до вечера, на то и молодость дана.

Черезъ нѣсколько дней, Иванъ Ивановичъ снова отправился въ Петербургъ, получилъ насморкъ, но возвратился еще довольнѣе, съ разными закусками. Наконецъ ожидаемый день, или лучше сказать вечеръ насталъ. Въ домикъ Ивана Ивановича зажгли всѣ лампы, даже выпросили нѣкоторыя на поддержаніе у сосѣдей, потому что Олимпиада Ивановна полагала, что четырехъ лампъ недостаточно для полного блеска ихъ вечера. Иванъ Ивановичъ обратился съ просьбою къ сосѣдямъ о разныхъ бездѣлкахъ, съ видимою неохотой. Онъ занималъ въ первый разъ, но, за то, впрочемъ, дѣлалъ и въ первый разъ званый вечеръ. Для лучшей обстановки этого вечера, Иванъ Ивановичъ занялся съ самаго ранняго утра. Онъ заказалъ въ конди-

терской пирожковъ, прохладительные напитки, купилъ нѣсколько колодъ картъ, вычистилъ самъ столы, приказалъ вымыть занавѣсы и наконецъ пришелъ объявить Марѣ Михайловнѣ, преспокойно сидѣвшей въ креслахъ съ своею кошкой:

— Марѣа Михайловна, поздравляю васъ, все кончено, не угодно-ли полюбоваться.

— Вѣрю, вѣрю, отвѣчала Марѣа Михайловна, только пожалуйста не слишкомъ меня беспокойте.

Олимпіада Ивановна окончила свой рисунокъ, который Иванъ Ивановичъ приказалъ украсить хорошею рамкой и повѣсилъ въ залѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. Олимпіада Ивановна разодралась, какъ пава, и ожидала гостей съ нетерпѣніемъ, не описуемымъ никакимъ перомъ. Осю одѣли также съ ногъ до головы въ новое платье, что впрочемъ нисколько не препятствовало ему кувыраться по полу, какъ и въ старомъ. Самъ Иванъ Ивановичъ облекся въ бѣлый галстухъ и бѣлый жилетъ и самодовольно твердилъ Марѣ Михайловнѣ:

— Такъ-то, такъ-то, Марѣа Михайловна, вотъ наконецъ сегодня у насъ будутъ и артисты.

— Ура! кричалъ во все горло Ося, прыгая по стульямъ и дотрогиваясь до всѣхъ приготовленій.

Въ инныя минуты у Ивана Ивановича недоставало уже терпѣнія, и онъ говорилъ женѣ:

— Да уймите же наконецъ вашего сына, Марѣа Михайловна, посмотрите, на что это похоже!

— Унимайте вы его сами, вы знаете, какъ мнѣ вредны всѣ сильныя движенія, отвѣчала только на все это неподвижная Марѣа Михайловна, лаская въ креслахъ свою толстую четвероногую любимицу.

Вечеръ уже совершенно насталъ, пробила половина девятого, а никто еще изъ приглашенныхъ не думалъ показываться на дачѣ Ивана Ивановича. Олимпіада Ивановна съ беспокойствомъ поглядывала на отца, Иванъ Ивановичъ на Марѣу Михайловну, тоже поглядывавшую на свою кошку.

Случалось даже, что Иванъ Ивановичъ начиналъ порою ворчать довольно сердито:

— Чтожъ это, неужели мой званый вечеръ ограничился лишь нашимъ семейнымъ кругомъ!

И онъ бросалъ тревожные взгляды на зажженные лампы, на карты, пирожки, оршадъ, лимонадъ и прочія питія и яства. Олимпіада Ивановна вздыхала, осматривала себя поминутно въ зеркало, а Марѣа Михайловна приносила съ своей обычной безпечностью:

— Стоит же послѣ этого ставить весь домъ вверхъ дномъ и заставляя меня наряжаться.

Одинъ только Ося былъ совершенно спокоенъ и, кувыркаясь по полу, кричалъ:

— Если никого не будетъ, я все выпью и поѣмъ одинъ.

Но вотъ наконецъ раздался у дверей давно желанный звонокъ.

— Ахъ! вотъ кого-то ужъ и принесло! вскричалъ Ося.

— Вотъ, пооди тецерь, приподнимайся, проговорила недовольнымъ тономъ Марѳа Михайловна.

Но Иванъ Ивановичъ и Олимпіада Ивановна не слышали этихъ возгласовъ, они при первомъ звукѣ очутились уже въ передней.

Первыми посѣтителями оказались люди давно знакомые, одно женское семейство, состоявшее изъ нѣсколькихъ дѣвицъ, отъ которыхъ по всѣмъ комнатамъ такъ и повѣяло мускусомъ.

— Опоздали, опоздали, позвольте побранить васъ, твердилъ Иванъ Ивановичъ радостно, потирая свои коротенькія руки и горделиво поправляя высокое жабо и туго накрахмаленный жилетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по прибытіи мускосовыхъ дѣвицъ, звонокъ опять извѣстилъ о новомъ гостѣ.

То былъ Крупиковъ съ цѣлою компаніею молодыхъ людей, которыхъ физиономіи не мелькали предъ нимъ Ивановымъ во снѣ, но онъ въ восхищеніи, потому что Крупиковъ представляя, говорилъ:

— Рекомендую, Иванъ Ивановичъ, это одинъ изъ нашихъ лучшихъ пѣянистовъ, который согласился для меня пожертвовать для вашего вечера однимъ великолѣпнымъ концертомъ любителей.

Иванъ Ивановичъ восторженно жметъ руку лучшему пѣянисту, имѣющему на галетъ хѣ бантъ, похожій съ виду на огромную американскую бабочку.

— А это, продолжаетъ Крупиковъ, представляя другаго, такой пѣвецъ, такой сладостный голосъ, что и пересказать нельзя, и гдѣ только поютъ, тамъ уже навѣрное Михаилъ Михайловичъ; не смотря на насморкъ, онъ согласился васъ потѣшить какою нибудь новенькою пѣсней.

Иванъ Ивановичъ повторялъ ту же церемонію и не чувствовалъ подъ собою земли, когда Крупиковъ добавилъ:

— Но успокойтесь, моя коллекція еще не полна; я просилъ въ некоторыхъ моихъ знакомыхъ пригласить своихъ артистовъ, и далъ имъ вашъ адресъ.

— Вотъ ужъ истинно можно назвать благодѣтелемъ, твердилъ Иванъ Ивановичъ, обнимая Крупикова.

— Что за счеты между пріятелями, прервалъ тотъ, восклицая:

— Смотрите, такъ и есть, вотъ и Николай Петровичъ съ своею веселою ватагою...

Иванъ Ивановичъ бѣжить, и вотъ передъ нимъ какой нибудь живописецъ, подающій великія надежды, литераторъ, про котораго Крупиковъ, отозвавъ всторону Иванана Ивановича, твердить ему:

— Это, голубчикъ, что называется мозгъ!.. У этого чловѣка тамъ просто горы золота.

Видя себя окруженнаго такими достоинствами, Иванъ Ивановичъ приходитъ въ восторгъ, мало этого, въ какое-то упоеніе, не находить выражений, чтобъ высказать все свое удовольствіе, не обращаетъ никакого вниманія на старыхъ знакомыхъ, въ полной увѣренности, что лишь эти извѣстные люди заслуживаютъ все его предпочтеніе.

Наконецъ Мароа Михайловна уже устала приподниматься съ кресель и кивать головою, она начинаетъ уже зѣвать, но за то необыкновенно оживилась Олимпіада Ивановна, но за то Иванъ Ивановичъ поминутно бѣгаетъ изъ комнаты въ комнату, потирая руки, и не иначе появляется въ залѣ, какъ съ полнымъ чѣмъ нибудь набитымъ ртомъ.

Говорятъ, что еще не въ томъ состоитъ главное, чтобъ принимать многочисленное общество, а въ томъ, чтобъ умѣть пріятно занять своихъ гостей, что очень немногіе умѣютъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ. У иныхъ, не смотря на все, какъ-то бываетъ скучно, какъ-то зѣвается; нужно ограничиваться какимъ нибудь разговоромъ, который нисколько не дружественъ, не откровененъ и не веселъ. У другихъ нужно, какъ говорится, плясать по хозяйской дудкѣ, и если пригласившій оказывается музыкантомъ, слушать его безъ устали цѣлый вечеръ; прочіе приглашаютъ къ себѣ гостей только для игры и ни о чемъ больше не беспокоятся. Для того, чтобъ занять гостей, нужно много такта, самоотверженія, даже и много ума. Иванъ Ивановичъ вообразилъ въ тотъ вечеръ, что обладаетъ всѣми этими достоинствами, и переходя изъ залы въ кухню, весело улыбался и потиралъ руки, но приглашенные, прибывшіе совсѣмъ не для однихъ его улыбокъ, начинали уже говорить:

— Неужели здѣсь весь вечеръ пройдетъ въ томъ, чтобъ лишь смотрѣть другъ другу въ глаза... Вотъ очень весело:

Иванъ Ивановичъ пытался было завести разговоръ съ какимъ-то толстымъ неизвѣстнымъ ему гостемъ, въ самомъ яркомъ жилетѣ, который ни на минуту не вынималъ изъ глаза лорнета и смотрѣлъ на все общество съ насмѣшливою гримасой. Крупиковъ объяснилъ Ивану Ивановичу, что это одинъ изъ пишущихъ, и можетъ быть, удостоить причесать какое нибудь новое свое стихотвореніе.

Старый ходатай по частнымъ дѣламъ, раза три откашлянулся, пре-

жде, чѣмъ рѣшился пододвинуться къ этому гостю, и наконецъ произнесъ:

— Очень счастливъ, что вижу у себя въ домѣ такого пріятнаго гостя и съ такимъ замѣчательными достоинствами.

— А, такъ это вы хозяинъ дома, очень радъ, произнесъ гость, посмотрѣвъ на Ивана Ивановича сквозь стеклушко.

— Имѣю это удовольствіе, вотъ моя супруга, которая сидитъ тамъ въ креслахъ; вотъ моя дочь, та молодая дѣвушка, что держится такъ прямо, она прекрасно знаетъ музыку и рисуетъ. У меня также есть сынишко, совершенный маленькій бѣсенокъ, онъ вотъ сію минуту проскользнулъ у меня между колѣнъ. Удивительно, какія показываетъ также способности; я отъ него ожидаю очень многого со временемъ.

— Извините, что я прерву васъ, произнесъ лорнирующій господинъ: я непонимаю, какъ вы, дающій такіе вечера, можете жить въ такомъ захолустьѣ. Окрестности вашей дачи просто отвращеніе, всюду грязь, болота, темнота, пустошь, ни одного извозчика...

— Привычка, отвѣчалъ смутившійся немного Иванъ Ивановичъ, вотъ ужъ шесть лѣтъ, какъ постоянно здѣсь нанймаю, и такъ сроднился со всею мѣстностью, что право становится всюду какъ-то скучно въ другомъ мѣстѣ.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ разъ шесть уже умеръ, прервалъ «мозгъ», какъ называлъ его Крупиковъ. Живя на подобной дачѣ, нужно проститься со всеми артистами, отказаться отъ всякаго общества; согласитесь, что ваша окрестность очень походитъ на какую-то западню.

Иванъ Ивановичъ пересталъ улыбаться и потирать руки; онъ спѣшитъ удалиться отъ лорнирующаго гостя, котораго разговоръ совершенно не занялъ его и приблизиться къ маленькому обществу молодыхъ людей, остановившихся предъ рисункомъ Олимпиады Ивановны, изображающимъ, приводившаго Ивана Ивановича въ восторгъ, Велисарія.

— А, подумалъ Иванъ Ивановичъ, любятъ живописью Липочки, послушаемъ, не подавая никакого вида, какъ объ ней отзываются эти артисты.

И Иванъ Ивановичъ, на ципочкахъ, незамѣтно подбрался къ толпѣ, разматривавшей твореніе его дочери.

Молодые люди, въ самомъ дѣлѣ, производили критическую оцѣнку рисунка. Иванъ Ивановичъ весь обратился въ слухъ.

— Прощу угадать, говорилъ одинъ другому, чья эта голова какъ ты полагаешь?

— Право не знаю, я еще никогда невидывалъ нигдѣ такого уро-дища. Рауль, синяя борода!

— Прочти же, для этого внизу кажется и сдѣлана единственная подпись. Это Велисарій, изволишь видѣть.

— Полно шутить, это Велисарій, что ты, это портретъ какогонибудь хозяйскаго родственника. Посмотри на этотъ носъ, на этотъ ротъ.

Ивану Ивановичу было довольно уже и этихъ первыхъ замѣчаній. Онъ отодвигается отъ разговаривающихъ, не проговоривъ ни единого слова, повѣсивъ голову идетъ къ фортопяно, за которое усѣлся тоже одинъ незнакомый ему гость. То былъ артистъ, отказавшійся для его вечера отъ большого концерта любителей. Онъ барабанилъ безщадно по клавишамъ и бормоталъ:

— Ахъ, какая шарманка! Вотъ ужъ лукошко! Какъ можно чтонибудь сыграть на подобныхъ цымбалахъ. Охъ, какой *си*, ухъ какой *фа*! Съ какого чердака добылъ себѣ хозяинъ такую древнюю рѣдкость?

А между тѣмъ артистъ не переставалъ колотить по клавишамъ, и при каждой новой порванной струнѣ произносилъ со смѣхомъ довольно громко:

— Ну, еще оборвалась одна веревка. Скоро, къ общему счастью, ни одной неостанется.

Иванъ Ивановичъ покраснѣлъ до ушей, какъ ракъ, и ему пришло сильное желаніе замѣтить извѣстному артисту:

— Милостивый государь, я васъ пригласилъ на вечеръ не затѣмъ, чтобъ вы рвали всѣ струны моего фортопяно; кто же васъ принуждаетъ играть, если вы находите мой инструментъ лукошкомъ? оставьте его и дайте возможность, по крайней мѣрѣ, другимъ посѣтителемъ на немъ позабавиться.

А между тѣмъ бѣдный Иванъ Ивановичъ не посмѣлъ произнести этого дѣльнаго замѣчанія, что очень было бы умно и логично, и оставался прикованнымъ къ мѣсту, будто какой трусливый кроликъ взоромъ удава, слушая съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ лопались постепенно всѣ его струны. Впрочемъ, онъ наконецъ поднялъ было уже руку, чтобъ остановить персты, грозившіе окончательнымъ разрушеніемъ его инструменту, но въ этомъ помѣшалъ ему Крупиковъ.

— Иванъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ, произнесъ онъ, потрясая за плечо разгнѣваннаго Иванова.

— Что прикажете?

— Какъ что прикажу? Это вы право не хорошо дѣлаете, это совершенное невниманіе.

— Да, да, проговорилъ ободренный Иванъ Ивановичъ, вы правы,

это совершенное невниманіе; представьте, кажется, это уже одиннадцатая струна. У меня у самого было намѣреніе, и вотъ я при васъ же, сейчасъ.

— Не сейчасъ, почтеннѣйшій, а сію же минуту, прервалъ Крушковъ, увлекая Ивана Ивановича отъ фортопьяно.

— Такъ позвольте же, замѣтилъ удивленный Иванъ Ивановичъ, сами говорите, что невниманіе, и куда же тащите?

— Ко вниманію, чтобъ избавить васъ отъ пересудовъ. Замѣчаете вы тамъ въ углу, вотъ этого съ бакенбардами?

— Что на стулѣ-то качается?

— Ну, да.

— Ну, такъ что онъ? Я имѣлъ уже честь съ нимъ раскланываться, что же еще-то?

— Какъ что же? Да вы не сказали съ нимъ до сихъ поръ ни одного слова! Это, батенька мой, тоже мозгъ; вотъ ужъ скажу вамъ мозгъ такъ мозгъ, учености палата, чуть ли въ одной Камчаткѣ не былъ. Идите, идите, право мнѣ за васъ совѣстно.

И Крушковъ насильно толкнулъ Ивана Ивановича къ господину, качавшемуся на стулѣ.

Озадаченный всѣмъ предыдущимъ, послушный Иванъ Ивановичъ безсознательно подошелъ къ неизвѣстному гостю.

— Вотъ ужъ вечеръ, началъ гость, обратившись къ Ивану Ивановичу, наклонившему къ нему ухо, чтобъ лучше слышать.

— Такъ вы находите... началъ было Иванъ Ивановичъ.

— Нахожу этотъ вечеръ совершеннымъ толкучимъ рынкомъ; это просто какой-то цыганскій таборъ!

При этомъ сравненіи Иванъ Ивановичъ конвульсивно вздрогнулъ и ошѣмѣлъ, какъ рыба.

— Хозяинъ долженъ быть большой оселъ, продолжалъ гость, такъ покачнувшись на стулѣ, что онъ затрещалъ.

Бѣдный Иванъ Ивановичъ обратился въ каменный столбъ, и только хлопавшіе его вѣки показывали въ немъ признакъ органической жизни. Совершенно не думая оправдываться, онъ какъ-то вдругъ получилъ употребленіе ногъ и отодвинулся отъ наблюдателя, сдѣлавшаго такое не лестное для него сравненіе.

— Ну, что, неправда-ли, что мозгъ? что слово, то червонецъ, спросилъ Ивана Ивановича подошедшій Крушковъ.

— Мозгъ, червонецъ, прошипѣли дрожавшіе отъ гнѣва уста Ивана Ивановича, получившіе снова даръ слова.

— Вотъ то-то и оно! подтвердилъ Крупиковъ, неслушая, что дальше произнесетъ Иванъ Ивановичъ и отходя къ своимъ знакомымъ.

Неизвѣстно, на что бы рѣшился приведенный въ негодование Иванъ Ивановичъ, если бѣ не ухватила его за руку Олимпіада Ивановна. Она была блѣдна отъ отчаянія, что не будетъ играть новаго вальса, потому что фортепьяно играетъ только на однихъ басахъ.

— Что дѣлать, замѣтилъ ей Иванъ Ивановичъ, стараясь ее утѣшить, такое ужъ вѣрно несчастіе. По крайней мѣрѣ, спой чтонибудь, у тебя нынче утромъ былъ такой громкій и пріятный голосъ.

— А гдѣ же акомпаниментъ?

— Акомпаниментъ—то гдѣ? повторилъ Иванъ Ивановичъ, спохватившись, что сказалъ немного несообразно.

— Ну, да, папаша. Посмотрити-ка на фортопьяно, Ося съ нимъ еще никогда не смѣлъ такъ поступать.

Иванъ Ивановичъ почесалъ себѣ лобъ и наконецъ вскричалъ радостно, какъ Архимедъ:

— Нашелъ, нашелъ. Вѣдь Петръ Моисѣвичъ играетъ на гитарѣ, я его припру за бока.

Петръ Моисѣвичъ былъ сосѣдомъ по дачѣ Иванана Ивановича и замѣнялъ жителямъ Веселаго острова всѣ существующіе на другихъ островахъ оркестры. Въ своемъ демикотонномъ халатѣ онъ являлся каждый вечеръ предъ своимъ окномъ, истиннымъ Орфеемъ для тамошнихъ дачниковъ. Онъ получалъ даже иногда восторженныя «браво» и, кланяясь, самодовольно прижималъ передъ слушателями, къ груди свою гитару, постепенно отступая, изъ скромности, отъ окна въ самую глубь дачной своей кануры.

Не безъ малаго, впрочемъ, труда упросилъ Иванъ Ивановичъ своего сосѣда сдѣлать ему одолженіе и акомпанировать Олимпіадѣ Ивановнѣ. Робкій артистъ долго оглядывался на всѣ стороны и твердилъ шепотомъ Ивану Ивановичу:

— Да нѣтъ, не могу, право не въ состояніи, посмотрите, какіе все у васъ собрались магнаты, тотчасъ нашего брата на зубокъ подымутъ.

Установить общее молчаніе и обратить вниманіе на талантъ Олимпіады Ивановны, было для Ивана Ивановича еще труднѣе. Онъ принужденъ былъ бѣгать и каждого упрашивать битыхъ полчаса. При видѣ старенькаго, лысаго Петра Моисѣича, съ его дряхлой гитарой, въ толпѣ гостей пробѣжалъ худо заглушенный смѣхъ; впрочемъ, и было чему посмѣяться: Петръ Моисѣичъ съ своими поклонами каждому присутствовавшему очень походилъ на трубадура среднихъ вѣковъ, вооруженнаго древнею цитрой. Наконецъ, какъ всему бываетъ какое нибудь окон-

чаніе, доброе или худое, общество составило около двухъ артистовъ кругъ. Петръ Моисѣичъ размахнулъ было уже рукой и вдругъ остановился. На него наставилось стеклышко гостя, называвшаго дачу Ивана Ивановича трущобой и западной. Петръ Моисѣичъ поставилъ гитару между колѣнъ и произнесъ:

— Нѣтъ, право немогу, что-то не разгибаются пальцы.

— Разогнутая, разогнутая, слушаемъ, слушаемъ, произнесъ поощрительно Иванъ Ивановичъ.

— Артиста на сцену, вскричалъ также одобрительно въ свою очередь Крушниковъ.

— Что же вы, въ самомъ дѣлѣ, противный! прошептала также не-терпѣливая Олимпиада Ивановна.

Петръ Моисѣичъ ободрился и началъ бить головой и ногою тактъ, что очень дѣлало его похожимъ на тѣхъ алебастровыхъ кошечекъ, которыхъ носятъ на лоткахъ замороженные скульпторы. Олимпиада Ивановна открыла розовыя уста и начала: «Матушка, голубушка, солнышко мое,» но матушка голубушка выходила изъ ея горла какъ-то сипло, пронзительно, и она никакъ немогла попасть въ кадансъ съ Петромъ Моисѣичемъ, который кажется рѣшился не принаравливаться къ пѣвицѣ, и только усиленно качалъ головой и топалъ ногою. Однимъ словомъ, матушка голубушка не произвела никакого благопріятнаго впечатлѣнія, и вмѣсто аплодисмановъ, изъ среды безмолствовавшей публики до ушей Ивана Ивановича долетѣли:

— Что это? это какая-то разбитая шарманка. Какова трель-то—а?

— Ворона лучше прокаркаетъ! Это просто можно назвать не иначе какъ безсовѣтностью.

— Козель—райская птица передъ этимъ женскимъ голосомъ!

Бѣдный Иванъ Ивановичъ только повертывался, съ отчаяннымъ видомъ, то направо, то налево, да мялъ съ досады своей бѣлый галстухъ.

— Велю поскорѣе подавать чай, подумалъ онъ, авось гости мои какъ нибудь успокоятся и будутъ поблагосклоннѣе.

И онъ побѣжалъ опростелю въ кухню, и приказалъ старой своей кухаркѣ, никогда не видавшей такого многочисленнаго общества, готовить все поскорѣе. Совершенно растерявшаяся повариха хваталась то за то, то за другое, и въ торопливости роняла на полъ то стаканы, то чашки.

— Агафья, говорилъ скороговоркой Иванъ Ивановичъ, приготовила ли ты, что я тебѣ приказывалъ?

— А что вы приказывали? совершенно въ торопяхъ позабыла, ба-тюшка, какъ лошадь какая нибудь, съ самаго утра все на побѣгушкахъ.

— Болванъ, вотъ и выходишь болванъ, я вѣдь тебѣ не подряжался даромъ деньги платить.

— Право-слово, противъ него и говорить нечего—болванъ; ваше хозяйское слово, что и оправдываться.

— Молчать! гдѣ бутерброды, по-англински, гдѣ, глупая тетеря? продолжалъ, возвышая голосъ Иванъ Ивановичъ.

— Бутерброды-то?

— Ну, да, бутерброды, тоненькіе ломтики бѣлаго хлѣба, намазанные масломъ съ ветчиной?

— Вотъ про нихъ-то я и забыла!—болванъ, ужъ и не говорю; что сказали вѣрно, то ужъ сказали, моя вина!

— Такъ сейчасъ же сдѣлай, а не то готовъ тебя живую съѣсть; а ужъ ты мое слово знаешь: съѣмъ!—Ветчина есть? Купила ты ветчину?

— Есть ветчина, разумѣется, купила ветчину, развѣ можно позабыть хозяйское приказаніе, отвѣчала Агафья, хотя совершенно позабыла о ветчинѣ, точно такъ, какъ и объ англійскихъ бутербродахъ.

— Чтобъ у меня все это живо было, по-русски, по гвардейски! докончилъ Иванъ Ивановичъ, убѣгая рысцою въ залу.

— Держи карманъ шире, произнесла Агафья, обиженная названіемъ болвана, вотъ такъ тебѣ и будетъ живо, а прежде спросилъ бы, гдѣ ветчина-то; анъ ветчины-то и нѣтъ, поди-ка, купи самъ теперь ветчину въ двѣнадцатомъ часу.

Въ отмщеніе за оскорбленное самолюбіе, Агафья прибавила при этомъ, только едва слышно:

— Охъ ты, прожига эдакая — кашей безсмертныи! Изъ-за какой это ты радости банкетъ-то даешь—для галки, что ли твоей, да на нее никто и взглянуть не захочетъ, а Оська-то твой только и нарываетъ, что на первую осину.

Черезъ минуту Иванъ Ивановичъ опять прибѣжалъ въ кухню, покрытый крупнымъ потомъ.

— Ну, чтожь бутерброды?

— Сейчасъ!

— Не сейчасъ, а сію-минуту!

— Вотъ такъ и дождайся, пробормотала недовольная Агафья, самъ что ли ветчиной будешь.

Не имѣя ничего похожаго подъ рукою, кухарка подошла къ двери залы и начала дѣлать знаки Марѣ Михайловнѣ; знаки эти и рукою и головою сдѣлались до того часты, что неповоротливая Марѣа Михайловна рѣшилась наконецъ подняться съ своего сѣдалища.

— Ну, что тебѣ? спросила она,

— Да приказалъ какіе-то бутерброды съ ветчиной дѣлать, какъ же тутъ быть?

— Ну, такъ и дѣлай, я-то что-жь?

— Да приказалъ съ ветчиной.

— Ну, и дѣлай съ ветчиной.

— Анъ вотъ ее-то у насъ и нѣтъ, совѣтъ про нее позабыли, а теперь не отопруть.

— Ну, такъ дѣлай съ чѣмъ хочешь, только, пожалуйста, не тревожь меня, я и безъ тебя измучилась.

— Съ говядиной развѣ со вчерашней?

— Говорятъ тебѣ, съ чѣмъ хочешь, только оставь меня въ покоѣ, я твоихъ бутербродовъ ѣсть не стану.

Наконецъ давно ожидаемый чай былъ готовъ. Иванъ Ивановичъ началъ снова обходить всѣхъ гостей, предшествуя подносу, и произносилъ предъ каждымъ посѣтителемъ:

— Господа, прошу покорно, кому угодно съ пирожками и сухарями, а кому угодно такъ съ бутербродами, по-англійски.

Многіе начали брать бутерброды, но тотчасъ же оставляли ихъ, бросая, кто на окно, кто на мебель Ивана Ивановича; по залѣ опять пробѣжалъ ропоть:

— Чѣмъ это онъ хотѣлъ накормить насъ? Кажется, и у готентовъ нѣтъ такого кушанья!

— Никакъ эти бутерброды сдѣланы съ подошвой. Ихъ можетъ размолоть одинъ жорновъ!

— Миѣ кажется насъ просто здѣсь хотятъ отравить.

— Посмотрите, пожалуйста, эти слоеные пирожки, кажется, оглоданы мышами!

Но это послѣднее замѣчаніе было совершенно напрасно отнесено къ мышамъ, работа эта принадлежала сынку Марѣ Михайловны и Ивана Ивановича.

Слыша снова недовольный ропоть, Иванъ Ивановичъ успѣшилъ сдѣлать новое распоряженіе; одна только Марѣ Михайловна оставалась спокойна, но и тою овладѣло наконецъ неудовольствіе. Причиною ея дурнаго расположенія духа сдѣлался ея чепецъ, который она почитала безукоризненнымъ образцомъ моды. Душевное спокойствіе Марѣ Михайловны возмутила мать мускусовыхъ барышень.

— Ахъ, голубушка, вскричала она, виновата, я до сихъ поръ позабыла вамъ замѣтить, что это вы на себя надѣли?

— Какъ что? чепецъ! Недавно сама на Невскомъ покупала, выбирала почти-что изъ двадцати.

— Ахъ, моя золотая, какой это чепецъ, это просто шлыкъ; кто это вамъ удружилъ имъ? Вы кажетесь въ немъ на двадцать лѣтъ старше.

Марѳа Михайловна не отвѣчала ни слова на такое замѣчаніе и только проворчала про себя:

— Стоитъ послѣ этого звать къ себѣ гостей, чтобъ слышать подобныя комплименты!

Быть можетъ, между Марѳою Михайловной и ея пріятельницей произошла бы какая нибудь размолвка по такому щекотливому случаю, еслибъ не явился предъ дамами Крупиковъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Медамъ, медамъ, кричалъ онъ, пожалуйте, прошу васъ обращать вниманіе, Никаноръ Павловичъ хочетъ насъ угостить кое-чѣмъ хорошенькимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, господинъ съ лорнеткой, удивлявшійся, какъ Иванъ Ивановичъ могъ жить въ такой глуши, наскучивъ своимъ невиднымъ положеніемъ на этомъ званомъ вечерѣ, поставилъ посрединѣ залы стулъ и пояснилъ, что онъ намѣренъ произнести одно свое новое стихотвореніе. Гости, казалось, не очень были рады этому извѣстію, однакоже не полѣнились собраться въ кружокъ. Поэтъ началъ сперва кашлять, потомъ чихать, потомъ потребовалъ, чтобъ поправили всѣ лампы, затворили всѣ двери, подали ему сахарной воды, и запустилъ руку въ длинные волосы.

Просидѣвъ въ этомъ вступительномъ положеніи нѣсколько минутъ, стихотворецъ наконецъ началъ декламировать такимъ громкимъ голосомъ, что дурно вставленныя стекла дачи порою издавали легкое дребезжаніе. Къ неудовольствію поэта, чтеніе было прервано громкимъ, неожиданнымъ стукомъ въ столовой. Причиною его былъ маленькій Ося, который желая добраться до поставленнаго на этажеркѣ пирожнаго, свернулся со стула, совершая этотъ подвигъ. Позабывъ о всякомъ приличіи, Иванъ Ивановичъ бросился на крики своего сына, за нимъ послѣдовало и все общество, очень обрадованное случаемъ не слушать элегіи.

— Ну, теперь, когда мы наслушались и музыки, и пѣнія, и поэзіи, началъ Крупиковъ, чуть утихли первые крики, пора намъ приняться и за карты. Иванъ Ивановичъ, сажайте же насъ за столы.

— Въ вистъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ, очень любившій эту игру. Пожалуй, отчего же нѣтъ, и я пожалуй, рискну по полукошечкѣ.

— Кто теперь играть въ вистъ! мы съ вами, слава Богу, еще не дѣдушки, Иванъ Ивановичъ!

— Такъ въ преферію? если не съ чего, то съ бубенцовъ такъ-бы и начали жарить.

— Какая преферія въ первомъ часу ночи! Мы станемъ играть въ палки.

— Въ палки? повторилъ вопросительно Иванъ Иванычъ, слышавшій въ первый разъ о такой игрѣ.

— Ну, да, и вы съ нами.

— Да я ступить не умѣю въ эту игру! Что же за пріятность если я какъ сова буду только глазами хлопать.

— Ничего, научитесь. Смѣлости только побольше, рѣшимости, вотъ вамъ и вся мудреная наука.

— Нѣтъ, ужъ больно для этого старъ, отозвался осторожный и расчетливый Иванъ Иванычъ.

— Такъ вы будете мнѣ придерживать, настаивалъ Крушиковъ, вы знаете, какой я дока.

— Несчастливъ я сильно, отговорился снова Иванъ Ивановичъ, не желая нисколько участвовать въ игрѣ.

Но Крушиковъ былъ неумолимъ; онъ ухватилъ Ивана Ивановича за жилетъ и твердилъ:

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а раскошеляйтесь, давайте хоть пять рублей.

— Право, нѣтъ охоты.

— Придетъ, давайте только пять рублей; будетъ вамъ стыдно отставать одному отъ цѣлой компаніи.

Иванъ Ивановичъ помялся, досталъ деньги и посѣшилъ къ Осѣ, примачивать ему ушибенное тарелкою лицо.

— Иванъ Ивановичъ! долетѣлъ до него чрезъ полчаса голосъ Крушикова, Иванъ Иванычъ!

— Что прикажете?

— Такъ въ долѣ, что ли, мы съ вами? Отвѣчайте поскорѣе, долженъ послѣдовать рѣшительный кризисъ.

— Какъ же, какъ же, отвѣчалъ изъ сосѣдней комнаты Иванъ Ивановичъ, выигрываемъ, ась?

— Объ этомъ рѣчь послѣ пойдетъ, говорите, хотители продолжать быть въ долѣ.

— Извольте, извольте, согласился Иванъ Ивановичъ, не обративъ должнаго вниманія на приглашеніе, занятый прикладываніемъ къ носу Оси мѣдныхъ пятаковъ и серебряной ложки.

Окончивъ эту операцію, Иванъ Ивановичъ нѣсколько разъ подходилъ

къ игорному столу, чтобъ освѣдомиться о результатахъ, но Крушковъ постоянно твердилъ ему:

— Ахъ, какое у васъ дамское любопытство, Иванъ Ивановичъ. Отойдите, не глядите, послѣ игры все узнаете. И Иванъ Ивановичъ послушно удалялся поправлять свѣчи, собирать со стульевъ брошенные бутерброды и говорить женѣ и дочери:

— Не смотря на маленькій безпорядокъ, а право нельзя сказать, чтобъ было у насъ скучно.

Среди этихъ занятій призвалъ Ивана Ивановича къ окончательному расчету голосъ Крушкова.

— Ну, что, спросилъ онъ, потирая руки? Развѣ фортуна намъ вывезла?

— Нѣтъ, немного не повезло. Вѣрно вы, почтеннѣйшій, не отъ чистаго сердца пожаловали.

— Неужели всѣ пять проухали? сдѣлалъ недовѣрчиво вопросъ Иванъ Ивановичъ, стараясь угадать по выраженію Крушкова, не готовитъ ли онъ ему сюрприза.

— Подымайте немного повыше, отвѣчалъ очень серьезно Крушковъ, расплачиваясь.

— Такъ сколько же еще слѣдуетъ прилатить, спросилъ, немного поморщившись, Иванъ Ивановичъ.

— Немного, еще пятнадцать рублей, отвѣчалъ прехладнокровно Крушковъ.

Глаза бѣднаго Ивана Ивановича выступили изъ своихъ орбитъ, какъ у рака.

— Пятнадцать рублей! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, да я отъ роду никогда столько даже и во снѣ не проигрывалъ. Къ довершенію, произведя при этомъ роковомъ извѣстіи невольный отчаянный жестъ, Иванъ Ивановичъ свалилъ на полъ одну изъ лампъ, занятыхъ имъ у сосѣдей.

Потрясенный всѣми происшествіями того вечера, Иванъ Ивановичъ ждалъ не дождался часа отъѣзда своихъ посѣтителей. Наконецъ вожделенная минута эта наступила, и гости разъѣхались одинъ за другимъ, не простившись съ нимъ и не думая благодарить его за хлопоты и угощеніе. Въ домѣ попрежнему остался только онъ и его семейство. Марѳа Михайловна совершенно усталая и разбитая отзывомъ о ея чепцѣ, Олимпиада Ивановна плачущая, что дарованія ея не произвели никакого впечатлѣнія, а Ося, жалующійся на желудочную боль. Опустившись на стулъ, Иванъ Ивановичъ билъ себя съ досадою по лбу и твердилъ:

— Меня заставили насильно проиграть двадцать рублей; рѣшительно

съ этого дня я не даю вечеровъ. Съ этихъ поръ я начинаю думать, что желаніе, чтобъ Липочка была извѣстна въ свѣтѣ, большая глупость. Пусть Липочка играетъ, поетъ и рисуетъ отнынѣ только для насъ, неправда ли, Марѳа Михайловна?

На это Марѳа Михайловна, разсматривая внимательно свой чепецъ, отвѣчала благоразумно только одно:

— Поступайте, какъ знаете, Иванъ Ивановичъ, только, пожалуйста, чтобъ мнѣ не беспокоиться, какъ сегодня. Я знаю лишь одно, что этихъ пахучихъ выхухолой никогда къ себѣ не приму. Но смотрите, чѣмъ же мой чепецъ не чепецъ, Иванъ Ивановичъ, чтобъ смѣть позорить его шлыкомъ?

Но довольно объ этомъ дачномъ вечерѣ и прочихъ загородныхъ развлеченіяхъ, намъ еще остается о многомъ пересказать читателямъ.

Въ концѣ августа нѣкоторыя изъ загородныхъ нашихъ гуляній начали прекращаться или сдѣлались не каждодневными, такъ съ двадцать втораго числа окна многихъ дачъ стоятъ уже закрытыми, потому-что ихъ временные обитатели, испугавшись наступившихъ темныхъ ночей, свѣжихъ вечеровъ и дождя, угрожавшаго въ послѣднее время, поторопились переселиться въ городъ, къ заставамъ котораго все чаще и чаще начинаютъ тянуться обозы съ разнымъ дачнымъ добромъ. 28 августа, въ субботу, былъ данъ послѣдній прощальный танцевальный вечеръ на Полюстровскихъ желѣзныхъ минеральныхъ водахъ. Многочисленные посѣтители, протанцовавъ за полночь подъ звуки полного оркестра Шиндлера, простились до будущаго лѣта съ гостепріимнымъ воксаломъ, о которомъ у многихъ, можетъ быть, остались самыя пріятныя воспоминанія.

Среди всѣхъ этихъ загородныхъ общественныхъ увеселеній, не оставляющихъ послѣ себя никакихъ продолжительныхъ впечатлѣній, петербургскіе жители имѣли случай любоваться иными зрѣлищами, громко говорившими ихъ русскому чувству и гордости. Четвертаго августа, около двухъ часовъ пополудни, отъ зданія императорскаго Зимняго дворца, среди стройныхъ рядовъ лейбъ-гусаръ, развивались, при радостныхъ кликахъ густой толпы, вдоль по Невскому проспекту, Садовой улицѣ и проспекту Вознесенскому, новые трофеи побѣдоноснаго русскаго оружія, турецкія знамена и значки, взятые съ боя на высотахъ Чинглыльскихъ послѣ побѣды надъ двѣнадцати-тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ, вышедшимъ изъ Баязѣта, подъ командою Селима-Паши, начальникомъ Эриванскаго отряда, генералъ-лейтенантомъ барономъ Врангелемъ. Въ руки русскихъ достались шестнадцать знаменъ, три значка, триста семьдесятъ плѣнныхъ, оружіе, два лагеря со всѣмъ непріятельскимъ имуществомъ. Не прошло и десяти дней, какъ тотъ же стройный отрядъ

лейбъ-гусарь возилъ опять новые трофеи русскаго оружія, добычу славной побѣды генераль-лейтенанта князя Андроникова надъ шестидесяти-тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ, составлявшимъ главную основу мало-азіатской турецкой арміи. Всѣ эти знамена хранятся въ Троицкомъ измайловскомъ соборѣ, между другихъ нависшихъ рядовъ непріятельскихъ знаменъ. Какое-то особенное, неизъяснимое чувство наполняетъ душу, когда глядишь на всѣ эти памятники побѣдъ, доставшихся русскимъ честию, и кровью въ то время, когда англичанамъ достаются пріобрѣтенія лишь обманомъ, лестью или хитростью; благоговѣйное чувство это еще сильнѣе поражаетъ душу послѣ вечерней молитвы, въ часъ, когда солнце уже перестаетъ играть своими лучами по безчисленнымъ трофейнымъ пирамидамъ, и когда

Все спитъ кругомъ, однѣ лампы,
 Во мракѣ храмовъ золотятъ
 Столповъ гранитныя громады
 И ихъ знаменъ нависшій рядъ!..

12 августа, около полудня былъ спущенъ благополучно на воду, съ деревяннаго элинга въ Новомъ Адмиралтействѣ, новый винтовой 84-пушечный корабль «Орель», долженствующій дополнить нашу стройную балтійскую эскадру, до сихъ поръ тщетно ожидавшую хвастливаго врага. При спускѣ корабля изволили присутствовать: Его Императорское Величество, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи, Константинъ Николаевичъ, Николай Константиновичъ и Его Великогерцогское Высочество Герцогъ Георгій Мекленбургъ-Стрелицкій. Въ блестящей средѣ гг. генераль-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ и въ многочисленныхъ рядахъ адмираловъ, генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и многихъ иностранныхъ офицеровъ, находящихся въ настоящее время въ Петербургѣ, приглашенныхъ къ спуску «Орла», зрители замѣтили и плѣнныхъ непріятелей, взятыхъ послѣ Синопскаго боя—турецкаго вице-адмирала Османа-Пашу, совершенно излѣчившагося отъ полученныхъ имъ ранъ, и другихъ турецкихъ офицеровъ, капитановъ 1-го ранга Оссона-Бея, Али-Бея и мичмана Хали-Эфенди, прибывшихъ въ нашу столицу изъ Москвы 4 августа. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ Морскаго кадетскаго корпуса и состоялъ изъ его воспитанниковъ, при громкихъ восторженныхъ крикахъ «ура», съ обѣихъ береговъ, и съ яликовъ, въ живописномъ безпорядкѣ сгруппировавшихся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста спуска. Корабль, имѣя 406 человекъ экипажа, 3000

пуд. баласту, 250 пудовыхъ чугунныхъ лимбербортовыхъ крышекъ, съ полозьями и подвязанными къ нимъ 65 боченками, плавно, будто какая нибудь легкая рѣчная шлюпка, покрасовался среди волнъ Невы, безъ всякихъ видимыхъ усилій и трудности для дѣйствовавшей при спускѣ его команды. Не смотря на тяжелый баластъ и количество людей, составившихъ его первоначальный экипажъ, корабль углубился по спускѣ въ воду форт-штевнемъ лишь на 12 фут. 2 дюйма, ахтер-штевнемъ на 17 фут. 9 дюйм.; воды въ кораблѣ не оказалось нисколько; перегибъ въ корпусѣ его обнаружился на $1\frac{1}{4}$ дюйма. Командиромъ корабля «Орель» назначенъ 17-го флотскаго экипажа капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ, а строителемъ этого новаго побѣдоноснаго морскаго орла былъ подполковникъ морскихъ кораблестроительныхъ инженеровъ г. Пипинъ, которому нашъ флотъ обязанъ уже многими прекрасными судами. Многочисленные ялики, наполненные любопытными, не переставали съ того дня окружать стройный, еще не оснащенный корпусъ «Орла». А сколько еще подобныхъ орловъ прибавится у насъ на будущую весну къ услугамъ гг. англичанъ и французовъ. Въ самое короткое время «Орель» былъ отправленъ на буксирѣ въ Кронштадтъ для окончательной оснастки.

Художественными новостями нынѣшній мѣсяцъ особенно обилень, и всѣ онѣ болѣе или менѣе любопытны для каждаго.

Начнемъ отдѣлъ этотъ извѣстіемъ о скоромъ воздвиженіи бронзоваго памятника нашему знаменитому баснописцу И. А. Крылову. Если вы уже перѣехали въ городъ, постарайтесь побывать въ Лѣтнемъ саду и вы увидите тамъ приготовленія. На большой аллеѣ роютъ огромную четвероугольную яму, которая будетъ служить фундаментомъ для гранитнаго пьедестала. Слава исполненія бронзоваго изображенія принадлежитъ извѣстному профессору нашей академіи барону Клодту. «Дѣдушка» Крыловъ изваянъ сидящимъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, держа въ рукѣ томъ безсмертныхъ басенъ. Говорить о художественности исполненія и разительномъ сходствѣ было бы излишне. Кто знакомъ съ произведеніями барона Клодта, тотъ можетъ уже вообразить какъ онъ исполнилъ эту статую, которую работалъ съ особенною любовію. Впрочемъ, каждый, еще до постановки въ Лѣтнемъ саду можетъ ею полюбоваться въ мастерской художника, на Васильевскомъ Островѣ, въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ Академіи Художествъ. Полюбоваться лишній разъ этимъ прекраснымъ произведеніемъ и осмотрѣть вблизи со вниманіемъ всѣ его мельчайшія подробности, право никому не мѣшаетъ. Особенно совѣтуемъ обратить вниманіе на художественную отдѣлку сюртука, это настоящее трико, только сотканное изъ бронзы подъ рукою художника.

Поступилъ еще недавно въ продажу портретъ почтеннаго начальника Балтійской эскадры, адмирала П. И. Рикорда. Портретъ этого заслуженнаго морехода, имѣющаго и безъ своего новаго назначенія, давно право на всеобщее вниманіе своими прежними подвигами, кругосвѣтнымъ плаваніемъ, посѣщеніемъ Сандвичевыхъ острововъ, управленіемъ Камчатки, славнымъ освобожденіемъ изъ Японскаго плѣна русскаго капитана Головнина, блокадой Дарданеллъ и своими учеными занятіями, особенно замѣчательнъ въ настоящее время, когда имя П. И. Рикорда сдѣлалось достояніемъ современной военной исторіи, и когда на него устремленъ взоръ всей Россіи, вмѣстѣ съ сторожкимъ взоромъ союзныхъ враговъ. Портретъ этотъ продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и стоитъ очень не дорого, чтобы желающіе имѣть у себя полную галерею доблестныхъ сподвижниковъ въ нынѣшней войнѣ, могли пріобрѣсть это новое художественное произведеніе. Можно также рекомендовать любителямъ изящнаго прекрасный и очень схожій, полный бюстъ адмирала, исполненный нашимъ извѣстнымъ петербургскимъ художникомъ—любителемъ, г. Степановымъ, которому мы обязаны столькими замѣчательными статуэтками многихъ нашихъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ Г. Степановъ неутомимъ, и не проходитъ мѣсяца, чтобъ его скульптурное, портретное собраніе не пополнилось какимъ нибудь новымъ экземпляромъ извѣстнаго Петербургу лица.

Вышелъ также недавно въ свѣтъ и поступилъ въ продажу у Ратькова, Бабунова, Фельтена и въ другихъ магазинахъ литографированный въ два и три тона портретъ извѣстнаго нашего художника В. О. Тимма, изображеніе котораго уже извѣстно читателямъ «Пантеона» по сдѣланному имъ приложенію къ одному изъ номеровъ прошедшаго года. Портретъ этотъ рисованъ г. Петцольдомъ, столь же талантливымъ архитекторомъ, какъ и портретистомъ, и сдѣланъ на камнѣ молодымъ художникомъ Барышевымъ, литографировавшимъ также портретъ Н. В. Гоголя. Рекомендуемъ любителямъ пріобрѣсть себѣ это произведеніе, отличающееся какъ прекрасною отдѣлкой, такъ и вѣрнымъ сходствомъ.

Последніе номера «Русскаго Художественнаго листка», издаваемаго г. Тиммомъ, особенно интересны. Въ нихъ изображены портреты защитниковъ Одессы: портретъ генераль-адъютанта, генерала отъ кавалеріи, командира 3-го пѣхотнаго корпуса, барона Дмитрія Ерооевича Остенъ-Сакена, котораго краткую военную біографію, написанную въ стихахъ О. Н. Глиной, мы уже сообщили, и штабсъ-капитана резервной № 14-го батареи, 5-й артиллерійской дивизіи Щеголева, а так-

же портреты прислуги батареи № 5-го въ Одессѣ (нынѣ Щеголевской) съ такою примѣрною храбростью, стойкостью и мужествомъ, въ теченіе шести часовъ, сначала четырьмя, а потомъ двумя орудіями, противъ трехъ сотъ пятидесяти орудій Англо-Французскаго флота, произведшаго въ великую Страстную субботу нападеніе на городъ Одессу. Сподвижники эти, которыхъ изображенія сняты съ рисунковъ, полученныхъ издателемъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, и которыхъ имена останутся навсегда памятны одесскимъ жителямъ, слѣдующіе: рядовые, дѣйствовавшіе на батарее № 6-го (нынѣ Щеголевской): Ларіонъ Ильинъ, Дороей Кандауровъ, Михаилъ Артамоновъ, Андрей Панѣевъ, Денисъ Юниковъ и бомбандиры: Никита Гацанъ, Елисей Боханъ, Войцехъ Станишевскій и Алексѣй Москаленко.

Въ прошедшемъ номерѣ мы сообщали нашимъ читателямъ о картинахъ профессора Айвазовскаго, бывшихъ въ Петергофѣ, на дачѣ г. Лазарева, нынѣ картины эти перевезены въ Петербургъ и выставлены, по распоряженію С. Петербургскаго Женскаго Комитета для пособія семействамъ защитниковъ столицы прибалтійскаго края, въ домѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, у Александринскаго театра, каждодневно отъ десяти часовъ утра до четырехъ по полудни. Непмѣвшіе случая любоваться этими прекрасными произведеніями, изображающими доблестные подвиги нашего флота на Черномъ Морѣ, могутъ, за ничтожную плату, вполне въ настоящее время удовлетворить и своему любопытству, и благородному желанію помочь семействамъ нашихъ храбрыхъ солдатъ, въ пользу которыхъ открыта эта художественная выставка.

Упомянувъ о прекрасномъ литографированномъ портретѣ Государа Императора, величины еще небывалой у насъ, исполненнымъ художникомъ г. Щедровскимъ, мы закончимъ весь отдѣлъ петербургскихъ художественныхъ извѣстій. Любители живописи, знакомые съ дарованіемъ г. Щедровскаго по его литографическимъ произведеніямъ: «Наши, списанные съ натуры» и «Христосъ на Голгоѣ», копіей съ извѣстной огромной, картины г. Штейбена, вѣроятно не замедлятъ пріобрѣсти себѣ и этотъ новый литографическій портретъ, отличающійся разительнымъ сходствомъ и мастерскою отдѣлкой.

Для иногородныхъ, не имѣющихъ случая самимъ видѣть нашихъ морскихъ ополчанъ, рекомендуемъ прекрасно сдѣланные литографированные рисунки, изображающіе морскаго ополчанина въ его форменной одеждѣ: въ сѣромъ полукафтанѣ, въ полосатыхъ шароварахъ и въ черномъ

картузъ, окаймленнымъ бѣлымъ кантомъ и украшенномъ мѣднымъ крестомъ.

Изъ московскихъ художественныхъ новостей мы получили недавно пятый листокъ картинъ, изображающихъ современныя событія подъ названіемъ «Раекъ.» Новый выпускъ этотъ представляетъ бомбардированіе Одессы, и также, какъ и первые, украшенъ пояснительнымъ текстомъ. Нужно сказать, къ чести составителя описаній, что онъ неистощимъ, и что содержаніе этого новаго текста также остроумно и ловко написано, какъ и прежніе. Не смотря на свой обыкновенный рисунокъ, картины эти расходятся у насъ очень скоро, и ихъ даже можно видѣть у людей, извѣстныхъ по своему вкусу. Понятно, что такое вниманіе къ Райку обращено совсѣмъ не изъ-за его живописи, а за оригинальные и ловко принаровленные къ древнему народному слогу поясненія живописныхъ сюжетовъ. Если бъ позволило мѣсто, мы бы съ удовольствіемъ выписали этотъ перечень англійскихъ подвиговъ предъ Одессой, но къ сожалѣнію, пространство фельетона не позволяетъ этого, и потому рекомендуемъ нашимъ читателямъ прочесть этотъ рассказъ на самомъ листкѣ Райка, нисколько не упрекая себя въ нескромности, мы можемъ удовлетворить любопытству читателей «Пантеона», сказавъ имъ, что текстъ, по дошедшимъ до насъ слухамъ, принадлежитъ перу г. Писарева, издателю Райка въ пользу воиновъ, подвизающихся въ настоящую войну.

Въ начальныхъ числахъ августа былъ также нѣкоторое время необыкновенно оживленъ Аптекарскаго островъ. Съ утра до поздней ночи, нескончаемый рядъ экипажей не переставалъ тянуться къ воротамъ ботаническаго сада. Что привлекало въ него петербургскую публику? спросите вы, какое нибудь необыкновенное зрѣлище? Именно такъ, и зрѣлище такое, котораго не въ силахъ никогда выдумать и представить себѣ человѣческое воображеніе. Въ теплицахъ его разцвѣлъ на диво цвѣтокъ, лучшее украшеніе растительнаго царства, для которой Накстону пришла мысль выстроить въ Лондонѣ хрустальный дворецъ, и котораго цвѣтомъ любовались до той поры одни счастливые обитатели береговъ Гангеса и Инда. Мы говоримъ о знаменитой водяной лиліи *Victoria regia*, иначе *царскій цвѣтъ*, или амазонская кувшинка, какъ называютъ обыкновенно это растеніе прозаическіе ботаники. До сихъ поръ лилія эта цвѣла въ Европѣ только въ Лондонѣ, въ гентскихъ теплицахъ Фанъ-Гутта, и у насъ въ Россіи, въ Ригѣ, у извѣстнаго тамощнаго садовника Вагнера. Процессъ цвѣтенія этой лиліи до того любопытенъ, что мы рѣшаемся, не думая наскучить читателямъ, выпи-

сать описаніе его, помѣщенное въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ, издаваемомъ московскимъ обществомъ естествоиспытателей. Вотъ что говорится тамъ о царскомъ цвѣтѣ: «При выгодныхъ условіяхъ, растение достигало до перваго цвѣтка въ теченіе восьми мѣсяцевъ (отъ 28 декабря 1851 года до 28 августа 1852), давъ предварительно до тридцати семи листьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли почти полнаго роста, а потомъ и еще около десятка. Четвертаго сентября показался второй цвѣтъ, десятаго третій, четырнадцатаго четвертый, приблизительно черезъ пять дней по одному цвѣту, до десятка, и столько же были погружены подъ водою, постепенно приближаясь къ поверхности ея, и, наконецъ, въ полномъ цвѣтеніи, возвышаясь надъ нею, наклонялись въ сторону отъ тяжести на своей ножкѣ.

Цвѣтъ достигъ пятнадцати вершковъ въ поперечникѣ и началъ распускаться подъ вечеръ, около пяти часовъ, предъ захожденіемъ солнца, а при покрытомъ небѣ нерѣдко распускается позже. Присутствующіе стояли, пораженные величіемъ явленія и не знали, чему болѣе удивляться: величинѣ ли и красотѣ формъ растенія, или, наконецъ безпримѣрной скорости раскрытія цвѣтка. Последнее обстоятельство увлекло вниманіе всѣхъ; наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что въ первый разъ представился ученымъ случай, строго измѣрять время, слѣдить и измѣрять быстрое движеніе въ раскрытіи футоваго цвѣтка, которому, для полной жизни, для раскрытія, опыленія и скрытія подъ воду, природа назначила только два часа вечерняго времени въ теченіе двухъ сутокъ. Нѣсколько живописцевъ стояли съ часами въ рукахъ, и съ крайнимъ напряженіемъ вниманія наблюдали, описывали и рисовали.

И такъ, въ пять часовъ вечера приподнялся еще закрытый цвѣтокъ надъ водою, начали сильно припухать его почки, края четырехдольной красновато-зеленой чашечки разошлись, и на днѣ ихъ разщелины показались слѣды снѣжно-бѣлаго лебяжьяго цвѣта: цвѣтъ внѣшнихъ и окружающихъ лепестковъ. Отстали, отвернулись къ наружи и нагнулись къ ножкѣ чашечки, лепестки какъ бы бѣлой махровой розы или камелии, все болѣе и болѣе раскрывая внутренній тайникъ цвѣта и наполняя воздухъ неописуемымъ благоуханіемъ. Но тѣмъ окончилось разцвѣтаніе цвѣтка на первый вечеръ, внутреннее ложе его, на которомъ помѣщены тычинка и пестикъ, эти орудія образованія плода, покрашенные въ яркіе цвѣта, осталось прикрытымъ внутренними рядами лепестковъ, вѣнчиками. Царица водъ, какъ чистый, бѣлый лебедь, гордо возвышалась надъ водою,

и величіемъ своимъ подавляла все водяныя растенія, которыми для разнообразія было наполнено ея водохранилище.

«Настало семь часовъ вечера другаго дня, и царскій цвѣтъ обнаружилъ новые признаки быстраго движенія. Онъ приподнялся на футъ изъ-подъ воды, разложилъ на ней до шести вполне развитыхъ листьевъ и заставилъ садовника подвязать пробки подъ остальные слабые цвѣтки, чтобъ держать ихъ надъ водою. Весь цвѣтокъ показывалъ оттѣнокъ красноватаго цвѣта, заступившаго мѣсто бѣлаго. Начали отпадать, одинъ за другимъ, лепестки пирамидальнаго свода; все болѣе началъ обнаруживаться краснорозовый цвѣтъ, наконецъ послѣдній рядъ красноватыхъ лепестковъ, устройствомъ своимъ во всехъ кувшинчатыхъ растеніяхъ переходящій постепенно въ тычинки, отдѣлился отъ нихъ, и внутреннее ложе цвѣтка раскрылось, отдѣляясь на бѣлорозовомъ полѣ яркимъ краснымъ цвѣтомъ. Затѣмъ началось быстрое, какъ бы судорожное движеніе тычинокъ, которое не только видѣть, но и слышать можно было: движеніе для опыленія пестика, которое въ обыкновенныхъ растеніяхъ проходитъ совершенно незамѣтно для человѣка. Не замѣчаетъ человѣкъ и другаго чрезвычайно любопытнаго явленія, общаго, конечно, всемъ растеніямъ: постепеннаго увеличиванія температуры, по мѣрѣ раскрыванія цвѣтка. Въ царскомъ цвѣтѣ она увеличивается на 21° Реомюра».

Эта царица растительнаго царства, бѣлаго ярко-снѣжнаго цвѣта, испещренная пунцовыми полосами, выходящими изъ основанія чашечки и постепенно суживающимся и сливающимися съ бѣлымъ цвѣтомъ у конца цвѣточныхъ листьевъ, имѣетъ стебелевыя листья яркаго зеленаго цвѣта, величиною до сажени въ поперечникѣ, такъ что каждый изъ нихъ можетъ служить спокойною колыбелью любому ребенку. Благоуханіе *Victoria regia* превосходно, и нѣтъ ароматовъ, съ которыми бы можно было его сравнить. Къ сожалѣнію, по краткости времени, въ которое цвѣла эта лилія въ нашихъ ботаническихъ теплицахъ и по малочисленности цвѣтковъ, показавшихся надъ воднымъ бассейномъ, въ которомъ она красуется, вѣроятно многіе изъ петербургскихъ жителей опоздали и не имѣли случая полюбоваться ею. Пусть это число удовольствуется по крайней мѣрѣ приведеннымъ нами описаніемъ и постарается на будущее лѣто собственными глазами повѣрить то, что досталось на долю нынѣшней осенью другимъ, болѣе дѣятельнымъ и любопытнымъ. Говорятъ, что въ Московскои губерніи, даже близко отъ самой Москвы, въ имѣніи одного изъ частныхъ владѣльцевъ, находится также *Victoria regia*,

и также скоро должна распусться. Если слухи эти достовѣрны, то не можемъ не посовѣтовать московскимъ жителямъ нарочно собраться въ дорогу, перенести, можетъ быть, даже какія нибудь неудобства недолгаго пути и побывать въ теплицахъ, пріютившихъ блистательный царскій цвѣтъ. Зрѣлище, которое они увидятъ предъ собою, благоуханіе, которымъ надышется, красота цвѣтка, которая поразитъ ихъ взоры, вознаграждать ихъ вполне за все, перенесенное ими въ дорогѣ и за все прочія удовольствія, покинутыя ими въ городѣ. Особенно будетъ поразительно зрѣлище этой чудной тропической растительной жизни среди нашей сѣверной природы, уже блеклой и близкой къ увяданію.

Въ предпоследній день августа оживился и скромный александровскій паркъ, имѣющій лѣтомъ почти однихъ своихъ обыкновенныхъ посѣтителей, окружающихъ жителей, которые не слишкомъ требовательны и довольствуются звуками маленькаго оркестра, играющаго на терасѣ небольшаго деревяннаго павильона. Въ одиннадцать часовъ, огромный, теперь такъ пышно разросшійся и тѣнистый паркъ этотъ уже совершенно пустѣетъ, и группы потихоньку расходятся по домамъ, не унося никакихъ воспоминаній ни о яркомъ освѣщеніи, ни о какихъ нибудь другихъ увеселительныхъ приманкахъ. Въ день Александра Невского, огромный паркъ этотъ принялъ совершенно особенный видъ, и пространныя аллеи его съ утра уже стали наполняться самыми разнообразными группами; на каждомъ шагу встрѣчались вамъ раевщики, неизбежные увеселители публики на каждомъ народномъ гуляньѣ и тѣснились одинъ около другаго комерсанты, совершенно новаго и прибыльнаго рода *фортунистики*, какъ называютъ ихъ простанародѣ. Угодно ли имѣть вамъ маленькое понятіе о нихъ: это ни что иное, какъ люди, которые закупивъ себѣ десятка на два рублей различныхъ тарелочекъ, стакановъ, чашекъ и въ числѣ ихъ какія нибудь двѣ вещи, привлекательныя наружностью, цѣнные, запасаются игральными косточками и столикомъ, и вотъ ихъ торговля уже готова. За извѣстную плату вы бросаете на счастье кости, и разумѣется, или ничего не выигрываете, или выигрываете вещь, стоящую какой нибудь мѣдный грошъ. Васъ разбираетъ досада, вы горячитесь, упрямо бросаете еще нѣсколько разъ, даже десятки разъ, надѣясь пересилить неудачу, и наконецъ уходите съ какою нибудь глиняною тарелкой или жестяной пепельницей, а разныя вазы, кандеябры, великолѣпное хрустальное блюдо преспокойно остаются на своихъ мѣстахъ. И въ самомъ дѣлѣ, во сколько столѣтій, слѣдуя математическихъ выкладкамъ, можно выкинуть, на примѣръ, на шести костяхъ или тридцать шесть очковъ, такъ, чтобъ важная косточка показывала шесть

или просто шесть по единицѣ на каждой? Иному не приходитъ этого въ голову, и онъ забавляется себѣ на благо и барышъ новаго рода праздничныхъ негоціантовъ.

Говорятъ, что гдѣ-то на нашихъ русскихъ минеральныхъ водахъ, или на ярмаркѣ, одинъ предприимчивый человекъ также задумалъ устроить для публики лѣтнія увеселенія, нанялъ садъ, собралъ кое-какой оркестръ и собирался начать увеселительные вечера. Вдругъ въ этомъ мѣстѣ появился какой-то пріѣзжій, нанялъ номеръ въ гостиницѣ, и въ первый же вечеръ своего появленія отправился за городъ, разставилъ тамъ нѣсколько фейерверочныхъ колесъ и началъ потѣшаться иллюминаціей. Разумѣется, что около фейерверка тотчасъ же собрались даровые зрители, и на другой день вѣсть о ракетахъ разнеслась, тѣмъ болѣе, что фейерверкъ повторился и на другой день. Римскія свѣчи и бураки потревожили тамошняго увеселителя. Онъ началъ беспокоиться.

— Что за человекъ, и зачѣмъ онъ пускаетъ ракеты? подумалъ онъ, отправляясь въ гостиницу, чтобъ разузнать о прибывшемъ.

— Какъ фамилія новаго этого постояльца? спросилъ онъ.

— Фамилію покуда незнаемъ, а зовутъ его Иваномъ Ивановичемъ, отвѣчали ему.

— Иваномъ Ивановичемъ! воскликнулъ въ ужасѣ антрепренеръ, такъ и есть, это онъ!

— Кто онъ-съ?

— Кто онъ, кто онъ? разумѣется, Излеръ, петербургскій Излеръ, вѣроятно онъ тоже хочетъ проѣздомъ устроить что нибудь въ этомъ городѣ.

Вѣсть о мнимомъ Излерѣ скоро распространилась, и подъ окнами гостиницы начали собираться любопытные, чтобъ посмотреть, каковъ собою петербургскій Излеръ. Только и было спросовъ нѣсколько дней.

— Видѣли вы Излера?

— Нѣтъ, моншеръ.

— Такъ подите, посмотрите: его постоянно можно видѣть у окна гостиницы съ книгою въ рукахъ. А между тѣмъ фейерверки продолжались, и пріѣзжій Иванъ Ивановичъ не мало удивился, замѣтивъ, что его постоянно начала сопровождать толпа мальчишекъ, забѣгавшихъ ему напередъ и перешептывавшихся:

— Смотри, смотри, вотъ идетъ Иванъ Ивановичъ.

Такое общее вниманіе не мало удивляло пріѣзжаго, и онъ приписывалъ это уже неизвѣстно къ чему, какъ появленіе въ одно утро чело-вѣка, вовсе ему неизвѣстнаго, объяснило ему все. Человѣкъ этотъ, при-несшій къ пріѣзжему Ивану Ивановичу огромный сладкій пирогъ, былъ тотъ предприимчивый купецъ, который желалъ устроить увеселительный садъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ Иванъ Ивановичъ, когда тотъ порядочно накланялся.

— Къ вашей милости, Иванъ Ивановичъ, бѣдный чело-вѣкъ; большое семейство; совершенно истратился, не откажите принять хлѣбъ-соль, и явите ваше состраданіе.

Иванъ Ивановичъ рѣшительно не понималъ, что отъ него требова-лось, и только хлопалъ глазами.

— Чего же вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Не вводите въ разорѣніе; печатно въ стихахъ читалъ о ва-шихъ добродѣтеляхъ, чувствительно былъ тронутъ словами: «несча-стныхъ другъ и другъ честныхъ людей». Жена, огромное семейство; оркестру одному сто рублей за цѣлое лѣто заплатилъ!

— Рѣшительно ничего не понимаю! воскликнулъ наконецъ такъ трогательно упрашиваемый.

— Помилуйте-съ, развѣ вы не Иванъ Ивановичъ?

— Ну, да.

— Вѣдь Излерсъ-съ?

— Нѣтъ, Крупичниковъ.

— Какъ-съ Крупичниковъ-съ, а фейерверки-то-съ, ракеты и бура-ки разные, римскіе.

— Чтожъ тутъ удивительнаго: имѣю маленькую слабость къ пиро-техникѣ, изучаю артиллерійское искусство, вотъ и все, что жъ тутъ удивительнаго?

— Такъ въ такомъ случаѣ извините-съ, что побезпокоилъ, а вѣдь всѣ по этому почли васъ за Ивана Ивановича Излера, неизвѣстно ужъ по-чему такъ я и думалъ; всякое можетъ случиться, какъ разъ можно чело-вѣку въ коммерціи подрывъ сдѣлать. Просимъ прощенія. Съ тѣхъ поръ на пріѣзжаго стали смотрѣть, какъ на обыкновеннаго Ивана Ива-новича. Вотъ что значить извѣстность!

О зимнихъ развлеченіяхъ, которыя готовятся Петербургу, покажемъ еще ничего неизвѣстно, кромѣ обычныхъ маскарадовъ и концертовъ, ко-

торые предугадать не трудно и потому скажемъ только о новомъ немно- го измѣненномъ составѣ нашей итальянской оперной труппы. Она уком- плектована двумя новыми артистами, извѣстною за границей пѣвице Тедеско, которая занимаетъ большую часть ролей г-жи Медори, и тено- ромъ Беттини, котораго хвалятъ иностранные музыкальные критики. Остальные артисты будутъ тѣже самые, которые были въ прошломъ сезонѣ.

Извѣстную пѣвицу, приводившую прошлую зиму въ восторгъ весь Петербургъ, ожидаютъ сюда въ началѣ сентября, она должна быть те- перь во Франкфуртѣ, откуда, чрезъ Берлинъ, возвратится въ нашу столицу. Послѣ пребыванія своего въ Баденъ-Баденъ, знаменитая ар- тистка отправилась на гамбургскія воды, которыя съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлались самыми модными и привлекаютъ къ себѣ самое блестящее, многолюдное общество. Приѣхавъ на гамбургскія воды, г-жа де-Лагранжъ дала тамъ концертъ и произвела необыкновенный fuogge. Публика и всѣ слушатели были приведены въ такой восторгъ, что послѣ кон- церта оркестръ, въ полномъ своемъ составѣ, переселился подъ окна ея квартиры, и въ соединеніи съ бывшими ея слушателями, устроилъ ей серенаду при заздравныхъ тостахъ и пѣсняхъ. Изъ Гамбурга г-жа де-Лагранжъ поѣхала во Франкфуртъ на Майнъ, гдѣ уже ожи- дали ее съ нетерпѣніемъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ этотъ городъ, она была пробуждена отъ успокоительнаго съ дороги сна, хо- ромъ музыкантовъ Прусскаго гренадерскаго полка, квартирующаго во Франкфуртѣ; музыканты почли обязанностью поздравить ее звуками съ благополучнымъ приѣздомъ; на другой день она появилась на тамошней сцѣнѣ, въ оперѣ Севильскій цирюльникъ и, не стоило бы даже упо- минать, произвела обыкновенное дѣйствіе, общій восторгъ. Ее вызвали безчисленное число разъ, и наконецъ восторженная публика потребовала, чтобъ оркестръ сыгралъ *тушь*, и музыканты, начинавшіе уже расхо- диться, должны были удовлетворить этому общему требованію. Среди гром- каго мотива *туша*, пѣвицу вызвали еще три раза, а послѣ спектакля г-жѣ де Лагранжъ устроили во Франкфуртѣ такую же серенаду, какъ и въ Гамбургѣ.

О бывшемъ артистѣ нашей итальянской оперы и любимцѣ петер- бургской публики, Маріо, иностранныя газеты извѣщаютъ, что онъ изъ Лондона отплылъ, 9 августа, вмѣстѣ съ Джульетой Гризи, въ Нью- Йоркъ, на англійскомъ пароходѣ «Baltic».

Въ среду, перваго сентября, открылись бенефисы нашихъ драма ти-

ческих русских артистовъ, бенефисомъ г-жи Читау, поставившей пяти-актную историческую драму въ стихахъ, Діоклитіанъ, сочиненія г. Маркова, въ которой роль Андроника, сына Пелея, военачальника Кесаря, Констанція Хлора, молодого человѣка, ослѣпнушаго еще въ отрочествѣ, игралъ въ первый разъ воспитаникъ С. Петербурскаго театральнаго училища г. Малышевъ. Чего не было въ этой драмѣ римскаго міра: и служители Минервина храма (безъ рѣчей), и хоръ римлянковъ, и государственные сановники, и императорская стража, и тѣлохранители, и никомедійскій народъ, и христіане, и язычники, войско и дворцовая прислуга, однимъ словомъ сцена были переполнена дѣйствующими лицами. Не будемъ говорить о прекрасной обстановкѣ пьесы, которою всегда отличается наша дирекція, ни о приличныхъ костюмахъ, замѣтимъ только, что прическа женскихъ дѣйствующихъ лицъ была прекрасной современной прической, но не древней римской. Разумѣется, что такія мелочи ускользаютъ отъ вниманія, но нужно замѣтить, что римскія женщины особенно любили щеголять своей прической. Плаутъ говоритъ даже, чтобъ одѣть, какъ слѣдуетъ римскую женщину съ головы до ногъ, требуется большого старанія, чѣмъ вооружить вполне цѣлую трехдечную военную галеру. Изъ этого видно, что недостаточно было кажется цѣлой книги для описанія всѣхъ украшеній и маленькихъ вещицъ, входившихъ въ полный составъ женскаго римскаго туалета. Мы ограничимся по этому только описаніемъ греческой и римской женской прически и о различныхъ измѣненіяхъ и формахъ, которыя модницы древняго римскаго и греческаго міра придавали своимъ волосамъ, искусственнымъ и природнымъ. Древнія статуи, изображающія женскія головы съ самыхъ отдаленнѣйшихъ, первыхъ временъ римской Имперіи до среднихъ вѣковъ, безчисленны и могутъ доставить необходимые матеріалы, которые превосходятъ своею полнотою самую полную коллекцію нашихъ современныхъ журналовъ дамскихъ модъ.

Едва ли не съ первыхъ временъ существованія земли женщины прилагали особенное стараніе къ украшенію своихъ волосъ, придавая имъ формы самыя разнообразныя и примѣшивая къ нимъ разные драгоценные металлы, камни и другія украшенія. Въ Римѣ и Греціи это головное украшеніе почиталось принадлежностью самую важную. Дамы клялись своими волосами, что также дѣлали и ихъ пламенные поклонники.

— Клянусь, говорили въ важныхъ случаяхъ влюбленные, этою прекрасною косой, которою ты приковала къ себѣ мое бѣдное сердце.

Самымъ большимъ признакомъ душевной скорби почиталось отрѣзаніе женщинами волосъ, надъ могилою особъ любимыхъ. Древніе писатели превозносятъ патріотизмъ римскихъ женщинъ, которыя во время осады Капитолія отрѣзали себѣ волосы, чтобъ свить изъ нихъ веревки для оборонныхъ машинъ, *предпочитая, говорить историкъ, лучше остаться плъшивыми и обезображенными, но свободными съ своими мужьями, чѣмъ украшенными пышными кудрями, но рабынями враговъ.*

Благодарные римляне, для увѣковѣченія этой великой женской жертвы, воздвигли великолѣпный храмъ и посвятили его *Венеръ*.

Ревнивыя отрѣзывали у своихъ женъ также волосы, чтобъ принудить ихъ сидѣть дома, потому что римскія женщины почитали самымъ сильнымъ стыдомъ быть остриженными.

«Волосы, говоритъ Апулей, въ своемъ *Золотомъ ослѣ*, дарованы женщинамъ благодѣтельною природою для пополненія красоты головы и прелестей лица, они украшаютъ лучше, чѣмъ самыя красивѣйшія и великолѣпнѣйшія одѣянія, лучше, чѣмъ самыя яркія ленты и восхитительнѣйшіе цвѣты. Еслибъ вы отрѣзали волосы у какой бы то ни было красивой женщины, и лишили бы ее этого природнаго украшенія, будь она хоть сама неподражаемая Венера, сопровождаемая граціями и амурами, орошенная самыми душистыми ароматами, но плѣшивая, она нисколько вамъ не понравится». (Книга II).

По всеобщему предразсудку, распространенному между римскими женщинами, каждая изъ нихъ имѣла въ кудряхъ своихъ волосъ, посвященный Прозернинѣ, и только тогда почитала себя въ правѣ умереть, когда выпадалъ изъ головы этотъ драгоценный волосъ. Если какая нибудь изъ нихъ добровольно лишала себя жизни или томилась въ тяжкомъ недугѣ, страдалица не прежде могла умереть, какъ только тогда, когда какое нибудь благодѣтельное божество не вырывало у нея этого роковаго волоса.

Въ первыхъ вѣкахъ существованія Рима, молодые супруги имѣли обыкновеніе посвящать свои волосы Юнонѣ или Діанѣ, и замѣняли въ этомъ случаѣ гребни и головныя булавки желѣзнымъ вѣнкомъ. Женщины того періода носили волосы очень просто и гладко, и только однѣ жрицы Бахуса имѣли обыкновеніе носить волосы распущенными и падающими кудрями по плечамъ. Молодыя греческія дѣвушки связывали волосы на лбу и на затылкѣ, и покрывали ихъ легкой тканью или

сѣткой. Иногда волосы собирались въ пучекъ на самой маковкѣ. Въ такой причeskѣ изображается иногда греческая Діана, и такая прическа носила названіе *Коримбской*, согумбе; ее украшали діадимой и разнообразили иногда локонами. Вверху такой прически надѣвалась также въ некоторыи шапочка, вышитая золотыми узорами. Вообще греческія женщины отличались простотой и скромностью своего головнаго убора, и даже самыя отъявленные модницы, извѣстныя вѣтренностью и легкостью своихъ нравовъ и правилъ, не отклонялись отъ этого общепринятаго обыкновенія. Объ этомъ можно судить по изображеніямъ извѣстной Аспазіи, Вереники, жены Птолемея и Арсинои, жены Филофатора. Аспазія представлена въ легкомъ покрывалѣ съ правильными складками, простирающимися до плечъ и окутывающими лишь затылокъ, какъ нынѣшнія испанскія покрывала. Лобъ ея завитъ мелкими буклями, а сзади висятъ двѣ длинныя косы, перепутанныя складками покрывала, ниспадающими гораздо ниже плечъ. Вереника, напротивъ, представлена вся завитая кругомъ длинными *тирбушонами*, говоря парикмахерскимъ языкомъ, съ головой, перевязанной пунцовою лентою. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти длинные, предлинныя тирбушоны были сдѣланы изъ подложныхъ волосъ, прикрѣплявшихся пунцовою лентою. Однимъ словомъ, прекрасная Вереника носила, какъ говорятъ парикмахеры — *туръ*. Нѣкоторыя женщины, и въ числѣ ихъ Арсиноя, носили часто азіатскіе тюрбаны, украшенные золотомъ, изъ-подъ которыхъ волосы едва были видны.

Римскія женщины впрочемъ не всегда подражали своимъ моднымъ предшественницамъ. Глубокій и всеобщій упадокъ нравовъ перешелъ въ искусства и наконецъ въ самый женскій туалетъ. Заботы о нарядахъ сдѣлались единственнымъ попеченіемъ и самымъ важнымъ попеченіемъ внучекъ Граховъ и Сципіоновъ. Римская женщина окружала себя толпою невольницъ, называвшихся *украшательницами* *ornatrices*, изъ которыхъ каждая имѣла свою особенную обязанность. Пробудясь отъ сна, римская модница приказывала смыть съ своего лица губкой густой слой мастики, составленный изъ извести, бобовъ и риса, которая была наложена наканунѣ вечеромъ для цвѣта лица. Если эмаль ея зубовъ поблекла, римлянка заказывала себѣ зубы изъ слоновой кости, прикрѣплявшіеся къ деснамъ золотою проволокой. Потомъ являлась *чесальница*, раздѣляла волосы своей госпожи на нѣсколько частей, завивала ихъ горячимъ желѣзнымъ прутомъ и украшала бантами и длинными булавками, золотыми, серебряными и изъ слоновой кости, самой изящной отдѣлки.

За чесальщицей слѣдовала *cineraria*, пудрившая римлянку пепломъ изъ драгоценныхъ ароматическихъ деревьевъ, ароматовъ и золотого порошка. Потомъ приступала *обстригальщица*, которой обязанность была наблюдать за красивой формою ногтей и ровностью волосъ. Вѣки и брови римской модницы окрашивались черною краскою, образованною изъ окиси свинца.

Послѣ всѣхъ приступала *cosmeta*; она румянила слегка пальцами щеки красавицы, которая время или постоянное употребленіе косметическихъ средствъ лишила природной свѣжести.

Когда румяна, зубы, волосы, ожерелье и серьги были употреблены, какъ слѣдуетъ, цвѣточница оказывала своей госпожѣ послѣднія услуги. Она украшала ея волосы искусственными цвѣтами, спорившими свѣжестью и благоуханіемъ съ натуральными и превосходившими ихъ во сто разъ цѣнностью, потому что стебли и шитье были сдѣланы изъ золота, окрашеннаго въ различныя краски. Этого рода украшеніями снабжалъ римскихъ модницъ въ изобиліи Египетъ.

Кромѣ этихъ цвѣтовъ, римскія женщины носили еще цвѣточный таковой же вѣнокъ на шеѣ, и очень рѣдко случалось, чтобъ одинъ и тотъ же вѣнокъ надѣвался въ другой разъ. Эти грудныя украшенія римлянки посылали въ подарокъ любимымъ ими людямъ, которые тѣмъ болѣе цѣнили ихъ, что иногда смѣсь цвѣтовъ и красокъ изображала самое цѣнное письмо, написанное на нѣмомъ языкѣ растений.

Огромное металлическое зеркало, во весь человѣческій ростъ рѣшало окончателный приговоръ.

Нужно при этомъ замѣтить, что римлянки никогда не позволяли убирать себѣ голову мужчинамъ.

Блѣлые волосы были въ самомъ большемъ почетѣ, и римскія модницы употребляли тысячу средствъ, чтобъ придать кудрямъ своимъ этотъ цвѣтъ. Германія доставляла имъ для этого свою *caustique*, Галлія, родъ нѣкотораго мыла, Греція—помаду, называвшуюся *каллитриконъ*, Египетъ—порошокъ *lentisque*, Батавія—нѣкоторыя овощи, а Италія—воду изъ рѣки Кратиса. Когда всѣ эти средства оказывались безуспѣшными, римлянки брили себѣ голову или вытравляли волосы какою нибудь ѣдкою щелочью. Германія и Галлія снабжали ихъ въ изобиліи руномъ блѣлыхъ волосъ. Для продажи этихъ волосъ въ Римѣ устроенъ былъ огромный рынокъ, недалеко отъ цирка, предъ храмомъ Аполлона Музаита, на которомъ продавались также и краски для окрашиванія волосъ. Рынокъ этотъ былъ всегда наполненъ покущи-

ками, потому что мода носить парики сдѣлалась всеобщей; въ послѣдствіи парики эти дошли до страшной величины. Полный парикъ назывался *galericus* или *galeus*, и очень часто утверждался на ягнячьей кожѣ. Этотъ дурной вкусъ установился не вдругъ, и портреты первыхъ римскихъ императрицъ представляютъ прически если непростыя, то покрайней мѣрѣ, граціозныя. Ливія, супруга императора Августа, представлена въ лентѣ, съ надѣтымъ сверхъ нея цвѣточнымъ вѣнкомъ, не закрывающимъ ни плечъ, ни затылка. Юлія, дочь этого же императора, украшена вѣнкомъ, образованнымъ изъ волосъ, а косы ея расположены по бокамъ, въ видѣ хлѣбныхъ колосьевъ. Вѣроятно онѣ утверждались на желѣзныхъ проволокахъ. Агриппина, супруга императора Клавдія, имѣла голову всю завитую, а на затылкѣ огромную косу, въ видѣ толстаго хвоста. Это подобіе хвостовъ не было скоропреходящею модою, и такую прическу встрѣчаемъ мы въ разныя времена. Изъ всѣхъ причесокъ временъ императоровъ, граціознѣе прочихъ прическа Матидіи, матери императора Траяна, сохранившаяся для потомства на превосходномъ мраморномъ ея бюстѣ.

Во времена директорій, когда древнія моды опять вошли въ употребленіе, прическа эта, принятая большею частью модницъ, называлась греческою.

Фаустина первая начала носить прическу, какую носятъ и въ нынѣшнее время, гладкую, съ хорошо убранною косою. Плаутиллія, жена Каракаллы, изображается въ такомъ парикѣ, котораго не находятъ ни на одномъ бюстѣ того времени. Огромный парикъ этотъ походилъ на прическу солдатъ арміи Фридриха Великаго. Впрочемъ, каждый бюстъ императрицъ отличается своею особенною прическою. Однѣ императрицы украшены діадимами изъ драгоценныхъ камней, другія имѣютъ волосы гладко-причесанные, третьи отличаются безчисленными косами. Всего любопытнѣе парикъ Марціалы, сестры императора Траяна. Парикъ этотъ рѣшительно представляетъ хвостъ павлина, и всѣ кудри завиты такъ, какъ будто тѣ яркія пятна, которыя называютъ павлиньими глазами.

Въ капитолий, въ Римѣ, существуетъ бюстъ Луциліи, жены Луція Вера. Онъ изсѣченъ изъ бѣлаго паросскаго мрамора, а волосы парика изъ чернаго. Парикъ этотъ можно снимать и надѣвать по произволу. Кромѣ этихъ извѣстныхъ изображеній сохранилось до нашего времени множество изображеній женщинъ неизвѣстныхъ, и всѣ онѣ замѣчательны странностью и уродливостью своихъ причесокъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ вкуса. Одна изъ этихъ женщинъ изображена съ чудовищными

крыльями на обоихъ вискахъ. Однимъ словомъ, римскія женщины придавали своимъ волосамъ, природнымъ или искусственнымъ, самыя разнообразныя формы. Форму шлема, *galeus*, щита *scutus* и особенно старались украшать свои кудри драгоценными камнями, яркими лентами и безчисленнымъ множествомъ булавокъ съ жемчужными головками, стоявшими иногда неимоверной цѣны. Вѣроятно всякому извѣстна черта изъ жизни Клеопатры, когда она, желая превзойти въ расточительности Антонія, приказала распустить въ укусѣ одну изъ жемчужинъ, бывшихъ въ ея серьгахъ. Жемчужина эта стоила десять тысячъ сестерійцъ (около 500 тысячъ серебромъ). Но инныя времена, инныя нравы! прическа нашихъ дамъ очень проста, и не смотря на это очень мила.

На дняхъ вышла новая книга Сборника военныхъ событій, относящихся до настоящей войны, издаваемаго г. Путиловымъ. Къ этой книгѣ приложенъ портретъ начальника Морскаго штаба Черноморскаго флота, генераль-адъютанта, вице-адмирала Корнилова. Изданіе этого періодическаго сборника по-прежнему очень изящно. Вотъ покуда и всё наши новости за августъ мѣсяцъ, въ ожиданіи будущихъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

- ШОПИН.** Deux mazurkas favorites. Op. 6. (50 к.) Mazurka. Op. 7. № 3. (50 с.)
Trois nocturnes. Op. 9. (1 p.) Grande valse brillante. Op. 18. (85 к.)
Deux polonaises. Op. 26. (1 p. 30 к.) Impromptu. Op. 29. (75 к.)
Nocturne. Op. 32. № 2. (40 к.) Valse brillante. Op. 34. № 1. (75 к.)
Marche funèbre. Op. 35. (40 к.) Trois mazurkas favorites. Op. 50.
(1 p.) Berceuse. Op. 57. Nouvelle édition. (60 к.)
- ШОТЕК.** Fantaisie sur Lùcrezia Borgia et Torquato Tasso. Op. 35. (85 к.)
- ДОЕНЛЕР.** Variations sur l'opéra: Montecchi ed i capuletta. (85 к.)
- ФИЕЛД.** Premier concert. Nouvelle édition. (1 p. 50 к.)
- ФУГС.** Caprice. (1 p.)
- ГЛИНКА.** Привѣтъ отчизнѣ. Музыкальные очерки. № 1. Souvenir d'une mazurka. (75 к.) № 2. Barcarolle. (75 к.)
- САВЕРЗЕТТЕЛ.** La Plainte et la Resolution. Impromptu. (30 к.)
- ХЕНСЕЛТ.** La Gandola. Etude. (1 p.) Air Russe favorit de Noroff. Nouv. édition. (1 p.)
- ХУММЕЛ.** Rondo brillant (A-dur) arrangé par Charles Mayer. Nouv. édition. (2 p. 30 к.)
- КАЛКБРЕННЕР.** Adagio et rondo du Concert. Op. 61. Nouv. édition. (1 p. 50 к.)
- ЛЕКАРПЕНТИЕР.** Fantaisie sur: le Cor des Alpes. (1 p.) Trois danses favorites du ballet: Paquita. (60 к.)
- РЕПЕРТОИРЕ.** De l'opéra Italien, ou Potpourri sur. № 1. La Sonnambula. № 2. Lucia di Lammermoor. № 3. Elisire d'amore. № 4. Lucrezia Borgia. № 5. Linda di Chamounix. № 6. Beatrice di Tenda. № 7. La Favorite. № 8. Don Pasquale. № 9. La Fille du Régiment. № 10. Lombardi. № 11. Ernani. № 12. Duo Foscari. Chaque à (85 к.)
- ШУЛХОФФ.** Souvenir de Kiew. Mazurka. (75 к.) Grande Marche Cosaque (1 p. 50 к.)
Menuet de Mozart. (50 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛѢ ПѢНІЯ.

- БУЛАХОВЪ.** Колыбельная пѣсня. (60 к.)
- ГЛИНКА Ш. И.** Къ ней. Романсъ. (75 к.) Только узналъ я тебя. (50 к.) Сто красавицъ свѣтлоокихъ. (60 к.) О дѣва чудная моя! (85 к.) Не требуй пѣсень отъ пѣвца. (85 к.) Не называй ее небесной (1 р.)
- ГУРИЛЕВЪ** Однозвучно гремитъ колокольчикъ. (60 к.) Нѣтъ красавица напрасно. (60 к.) Мѣсяцъ всталъ и озаряетъ. (60 к.) Къ дѣдушкѣ. (40 к.)
- ДЕЛЯСТО.** Онъ удалый былъ дѣтина. (60 к.) Говорятъ мой голосъ звонокъ (60 к.)
- РОМБЕРГЪ.** Дайте крылья мнѣ перелетныя. Новое изданіе. (60 к.)
- ШИЛОВСКАЯ.** Зачѣмъ твержу я стихъ унылый. (60 к.)

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе ноть не менѣе какъ на три рубля серебромъ, получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе чѣмъ на двадцать руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ П. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. пногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-куранты рассылаются при посылкахъ безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

СУМАСШЕДШАЯ АКТРИСА,

ИЛИ

ЖЕНИХЪ И ХЛОРОФОРМЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СОЧ. НИКОЛАЯ КРЕСТОВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЮЛІА ФЕДОРОВНА ЛИПЕЦКАЯ, актриса.

АННА ПЕТРОВНА, тетка ея.

ИПОЛИТЪ МАКСИМОВИЧЪ ВЪШКИНЪ, богатый старикъ, театралъ, влюбленный въ Юлію.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРАПИХЪ, молодой докторъ, тоже влюбленный въ Юлію.

ГОРНИЧНАЯ ЛИПЕЦКОЙ,

1. } **СЛУГИ.**
2. }

Дѣйствіе въ квартирѣ Липецкой.

Театръ представляет гостиную въ квартирѣ Липецкой; диваны, кресла, столы, зерка-
ла. Направо отъ актера, въ 1-й кулисѣ, дверь въ уборную, закрытая ширмами. Окна и
двери по обѣимъ сторонамъ. Во 2-й кулисѣ общій входъ.

I.

ТЕТКА сидитъ въ большихъ креслахъ у стола, на которомъ стоятъ разныя стьянки и пу-
зырьки съ лекарствами; голова ея обвязана большимъ платкомъ; она ежеминутно охаетъ.
ЛИПЕЦКАЯ и **ДОКТОРЪ** хлопочатъ около нея; примачиваютъ виски, даютъ нюхать спиртъ, и
проч., и проч.

ТЕТКА. Охъ! Охъ!

ДОКТОРЪ. Ну, какъ вы теперъ, Анна Петровна, себя чувствуете?

ТЕТКА. Охъ, больна!

ДОКТОРЪ. Лучше ли вамъ?

ТЕТКА. Ахъ, худо!

ДОКТОРЪ. Однако вы пришли въ себя...

ТЕТКА. Уфъ! умираю! *(склоняетъ голову на кресла.)*

ЛИПЕЦКАЯ *(сквозь слезы)* Нечего дѣлать... я не могу больше
выносить этихъ ужасныхъ сценъ... я согласна выйти...

ДОКТОРЪ *(перебивая ее и отводя всторону, говоритъ тихо)*
Тсъ! что вы говорите?

ЮЛІА *(также тихо ему)* Я выйду за тетушкина жениха.

ДОКТОРЪ *(также)* Ради Бога, не дѣлайте этого.

ЮЛІА Какъ? Вы меня удивляете!...

ДОКТОРЪ. Не удивляйтесь!

ЮЛІА. Но я вѣдь изъ жалости къ тетушкѣ.

ДОКТОРЪ. Не жалѣйте?

ЮЛІА. Какъ?

ТЕТКА *(всторону, приподнимая тихо голову, изъ подтишка
глядитъ на нихъ и прислушивается).* Не разслышу, что они тамъ
говорятъ.

ДОКТОРЪ (*тихо Липецкой*) Тсъ! она примѣчаетъ. (*Громко Юлии*). Да, сударыня, если вы причиною этихъ истерикъ, обмороковъ, вы должны пожалѣть тетушку: она очень, очень больна!

Вѣсть. { **ЮЛІА** (*всторону*) Что онъ теперь заговорилъ?
ТЕТКА. Какой прекрасный докторъ! (*Въ томъ же положеніи подслушиваетъ*).

ДОКТОРЪ (*строго Юлии*) Помните, она у васъ одна, она замѣняетъ вамъ и отца и мать...

ЮЛІА (*смотря на него съ сомнѣніемъ*) Я и люблю ее, и слушаюсь во всемъ, кромѣ одного: я не хочу замужъ...

ДОКТОРЪ. Отчего не хотите замужъ? Если слушаетесь во всемъ, почему не послушаться и въ этомъ: дѣвущкѣ надо выйти замужъ...

ЮЛІА. Да не за такого стараго уroda, каковъ...

ТЕТКА (*вдругъ вскочивъ съ креселъ и наступая на нее*). Врешь, врешь, врешь! Ипполитъ Максимычъ не старъ и не уродъ! Не вѣрьте ей, батюшка Николай Ивановичъ, это она нарочно говоритъ, чтобъ взбѣсить меня, разстроить мое здоровье и уморить.

ДОКТОРЪ. Ну, вотъ, кажется вамъ теперь лучше.

ТЕТКА (*снова прикидываясь*) Ахъ! что ты отецъ мой! больна... больна... охъ! (*облокачиваясь на него*) Чувствую, что мнѣ не долго жить отъ ея капризовъ... Охъ! охъ! (*Снова ея голова въ изнеможеніи упадаетъ, когда докторъ сажаетъ ее въ кресла*). А вы говорите лучше!

ЮЛІА (*заботится около нея и снова съ участіемъ подходитъ къ ней*). Тетушка! успокойтесь... я можетъ быть...

ДОКТОРЪ (*перебивая и не допуская ее*) И не подходите! вамъ ужъ не удастся снова огорчить тетушку. (*Тихо ей*) Вы опять разстрогались! (*Громко*) Какъ врачъ, заботящійся о жизни вѣреннаго мнѣ слабаго существа, я формально запрещаю огорчать больную.

ТЕТКА (*всторону*). Прекрасный молодой человекъ!

ДОКТОРЪ. Вы знаете, что въ случаѣ ея смерти, чего Боже сохрани, я вездѣ буду кричать: (*показывая на тетку*) она умерла отъ каприза и отъ дурачества!

ТЕТКА (*всторону*) Отличный человекъ! славный докторъ! (*Громко, забывшись хочетъ встать*) Хорошенько ее, Николай Ивановичъ!

ДОКТОРЪ (*перебивая ее*) Ахъ! вамъ лучше?

ТЕТКА (*снова падая и говоря слабымъ голосомъ*) Хуже, хуже... едва дышу, чувствую, конецъ мой приближается... (*Падаетъ въ изнеможеніи, докторъ и Юлія начинаютъ тереть виски, даютъ ей нюхать спиртъ*).

ЮЛІА (*съ участіемъ*) Что съ нею дѣлается? Это ужасно!

II.

ТѢЖЕ и ГОРНИЧНАЯ.

ГОРНИЧНАЯ (*съ подарками*) Анна Петровна!

ЮЛІА. Тсъ! тише говори... не видишь?

ДОКТОРЪ (*иромко*) Что тебѣ надо?

ГОРНИЧНАЯ. Женихъ прислалъ подарки и приказалъ сказать, что и самъ сейчасъ будетъ.

ТЕТКА (*вскочивъ въ радости*) Ахъ, батюшки! скорѣе, скорѣе одѣваться! (*срывая съ головы платокъ*) Нельзя же въ такомъ видѣ показаться... Извините, батюшка, Николай Иванычъ... я вѣдь сегодня слово дала жениху уломать эту упрямицу, и хоть насильно обручить ихъ... (*Вскрывая подарки*) Вотъ тутъ и кольца, и еще разные подарки! (*Горничной*) Ну, что стоишь, дура? Убери всю эту дрянъ (*показывая на лекарства*) Извините, батюшка. А ты изволь встрѣтить жениха ласково, привѣтливо.

ЮЛІА. Я не могу, я не хочу...

ТЕТКА. Ахъ! ты опять, опять мучишь меня, только я оправи-лась! Чувствую, что болѣзнь возвращается...

ДОКТОРЪ. Перестаньте, пожалѣйте тетушку...

ЮЛІА (*тихо ему*) Я на васъ ужасно зла!

ТЕТКА. Или вотъ что лучше: останьтесь, докторъ, уговорите ее. (*Со слезами*) Посоветуйте ей пожалѣть тетку и побережь ее... пока я переодѣнусь къ пріѣзду жениха...

ДОКТОРЪ. Идите, идите, успокойтесь... я надѣюсь подѣйствовать на ея мягкое сердце.

ТЕТКА. Пожалуйста, батюшка, Николай Иванычъ, вы мой настоящій благодѣтель, повѣрьте, какъ я, такъ и женихъ, мы оба будемъ благодарить васъ. (*Юліи*) Останься съ докторомъ, а я сейчасъ одѣнусь. (*Горничной, которая въ это время убрала лекарства*) Пойдемъ, Матрешка. (*Уходитъ съ горничною нальво*.)

ДОКТОРЪ (*проводивъ ее, быстро подходитъ къ Юліи*) Мы одни, Юлія Федоровна.

ЮЛІА (*холодно и сердито спрашивает и отворачивается от него*) Что вамъ угодно, г. докторъ?

ДОКТОРЪ. Наконецъ я могу открыть вамъ мою любовь.

ЮЛІА. Какое право вы имѣете говорить мнѣ о любви?

ДОКТОРЪ. Выслушайте меня...

ЮЛІА (*также*) Я здорова; не имѣю нужды въ совѣтахъ доктора.

ДОКТОРЪ. Неужели вы не замѣтили въ продолженіе года моихъ истинныхъ чувствъ?

ЮЛІА. Можетъ быть и замѣтила... но теперь ничему не вѣрю... Почему же вы въ продолженіе года только потакали тетушкѣ, когда она бранила меня, и ни разу не намекнули ей о своей любви ко мнѣ?

ДОКТОРЪ. Потому что она не согласилась бы отдать васъ за бѣдняка...

ЮЛІА (*смѣясь*) Какая жалость! а теперь вы на что надѣетесь?

ДОКТОРЪ. Я получилъ прекрасное мѣсто, приобрѣлъ большую практику, и теперь смѣло могу предложить мою руку...

ЮЛІА. Да ужъ теперь немножко опоздали.

ДОКТОРЪ. Неужели вы согласитесь выйти за старика?

ЮЛІА. Да мнѣ больно видѣть горестъ тетушки... Эти припад-ки, истерики...

ДОКТОРЪ (*съ досадою*) И вы вѣрите этой притворщицѣ?

ЮЛІА (*съ удивленіемъ*) Какъ? что такое?

ДОКТОРЪ. Да-съ, ваша тетушка, хоть не актриса, а лучше васъ играетъ роль больной...

ЮЛІА. Неужели все было притворство?

ДОКТОРЪ. Увѣряю васъ; а если я ей потакалъ, то для того, чтобъ имѣть случай постоянно видѣть васъ.

ЮЛІА (*смѣясь*) Ай, да тетушка! Признаюсь, видя ея болѣзнь, я вѣрила всему, и готова была исполнить ея желаніе... а теперь... о! я ей дамъ себя знать!

ДОКТОРЪ. Что же вы сдѣлаете?

ЮЛІА. Увидите.

ДОКТОРЪ. Однако я желалъ бы знать: сейчасъ придетъ женихъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ.

ЮЛІА. И я дамъ ему рѣшительный отвѣтъ.

ДОКТОРЪ. Какой же?

ЮЛІА. Что я согласна быть его женой.

ДОКТОРЪ. Какъ?

ЮЛІА. Да такъ.

ДОКТОРЪ. Вы шутите!

ЮЛІА. Нисколько.

ДОКТОРЪ. И отдадите ему свою руку?

ЮЛІА. Непременно, только не знаю, согласится ли онъ принять ее? А, вотъ кажется подѣхалъ женишокъ! (*Смотря въ окно*) А, четверкою въ каретѣ! Тетушка встрѣчаетъ его...

ДОКТОРЪ. Одно средство—я убью его!

ЮЛІА (*подходя къ нему*). Откуда вдругъ такая смѣлость? Дуэль?

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

ДОКТОРЪ.

Того не говорю,
Нѣтъ, я его не на дуэли,
А на лекарствахъ уморю!

ЮЛІА.

У васъ все медленные средства...
Вотъ дѣвушка войну начнетъ...
Съ запасомъ хитрости, кокетства,
Она скорѣй врага побьетъ!
Я жениха не принимала,
Теперь хочу его принять...

ДОКТОРЪ.

Такъ для меня здѣсь все пропало!
И мнѣ надежды не видать?

III.

ДОКТОРЪ. ТЕТКА. ВЬЮШКИНЪ. старикъ худой, истощенный, но разодѣтый по послѣдней модѣ, въ завитомъ парикѣ съ лорнеткой. За нимъ двое слугъ, въ богатыхъ ливреяхъ, вносятъ подарки, ставятъ на столъ и ухажать.

ТЕТКА (*входя первая*) Милости просимъ, милости просимъ, дорогой женишокъ!

ВЬЮШКИНЪ (*скоро входитъ, и старается казаться ловкимъ и*

вслески молодится) Вотъ и я. (*Оглядываясь кругомъ и глядя въ лорнетъ*) Гдѣ же моя обворожительница? Гдѣ моя прелестная невѣста? (*Перевертываясь граціозно и напѣвая*). Bon jour, docteur. Тра, ла, ла!

ТЕТКА (*тихо доктору*) Что, батюшка, Юлинька? Дорѣзываетъ.

ДОКТОРЪ (*громко*). Невѣста кажется хочетъ принарядиться для жениха...

ВЬЮШКИНЪ (*ловко подходя къ нему*) Такъ она перестала капризничать и упрямиться... (*Быстро перевертываясь къ теткѣ*), Благодарю... вы не обманули меня!

ТЕТКА. Вотъ, батюшка, поблагодарите и доктора: его совѣты много подѣйствовали на Юлиньку.

ВЬЮШКИНЪ (*протягивая палецъ*) Merci! Между молодежью такъ и должно: взаимная услуга. Впрочемъ, я напередъ зналъ, что все уладится: не въ первый разъ.

ТЕТКА Если позволите, батюшка, я приведу и невѣсту?

ВЬЮШКИНЪ (*ловко кланяясь*) Покорнѣйше прошу.

ТЕТКА. Сейчасъ, сію минуту... (*Уходя всторону*). Охъ, только бы снова не заломалась!

ВЬЮШКИНЪ. Еще разъ благодарю, докторъ, за содѣйствіе; эта дѣвочка начинала меня бѣсить своимъ упрямствомъ! Я вѣдь такъ врѣзался, что отдаю ей руку, вы знаете?

ДОКТОРЪ. Знаю; но я обязанъ вамъ сказать, что она выходитъ за васъ только по принужденію тетки...

ВЬЮШКИНЪ. Для меня все равно, мнѣ это даже нравится! Я не люблю такихъ обыкновенныхъ браковъ, гдѣ нѣтъ препятствій. Препятствіе... это страсть моя! Я всю жизнь такъ живу: препятствіе душа моей жизни! Два раза былъ женатъ, mon cher, только потому, что по препятствіямъ отъ родныхъ надо было похищать обѣихъ женъ!

ДОКТОРЪ (*смѣясь*) Неужели?

ВЬЮШКИНЪ. Да! Надо вамъ сказать, что я былъ отъявленный повѣса, головорѣзъ!

ДОКТОРЪ. Позвольте замѣтить, это и теперь еще видно.

ВЬЮШКИНЪ (*въ удовольствіи пожимаетъ ему руку*) Что дѣлать, что дѣлать; горбатаго исправляетъ могилка.

ДОКТОРЪ. Жаль, что теперь нельзя похитить Юлію Федоровну?

ВЬЮШКИНЪ. Мнѣ самому это досадно! Ну, и теперь не безъ препятствій...

ДОКТОРЪ. Ну, а если Юлинька послушается тетки и моихъ совѣтовъ, да теперъ охотно согласится выдти за васъ.

ВЬЮШКИНЪ (*вътрено*). Бѣда! Я разочаруюсь! Самъ кажется откажусь отъ нея... Да нѣтъ, она не таковская; недавно она меня отдѣлала такъ, что надо имѣть мой образъ мыслей, чтобъ послѣ этого не отказаться отъ нея.

ДОКТОРЪ (*скрывая радость*). Неужели?

ВЬЮШКИНЪ. Наговорила такихъ разныхъ разностей, которыя могли-бы убить, напримѣръ, васъ, молодой человѣкъ... а меня, напротивъ, еще больше разшевелили.

ДОКТОРЪ. Мнѣ нравится вашъ характеръ.

ВЬЮШКИНЪ. Молодость, молодость!

ДОКТОРЪ. Что же она вамъ говорила?

ВЬЮШКИНЪ (*смиясь*). Напримѣръ, что она не любитъ меня, и никогда не будетъ любить!

ДОКТОРЪ. Ай, ай, ай!..

ВЬЮШКИНЪ (*также*). Что она кокетка, вѣтренница, злая, капризная, и проч., проч.

ДОКТОРЪ (*тоже смиясь*). А вамъ это ни почему?

ВЬЮШКИНЪ (*хохоча*). Мало этого: она призналась, что любитъ другаго! Ха, ха ха! (*Оба хохочутъ*).

ДОКТОРЪ (*едва удерживаясь*). Я отъ роду не видалъ подобнаго джентльмена! Ну, и вы...

ВЬЮШКИНЪ (*всторону*). Вотъ они, вотъ они препятствія-то! Вотъ что я люблю!.. Вотъ чего всегда желалъ, искалъ и наконецъ нашель!

ДОКТОРЪ. Ну, послѣ этого, смѣло скажу, вы достойны всего! Послѣ этого я дѣйствительно жалѣю, что сама тетка не поставитъ вамъ препятствіе, чтобъ вы ужъ вполне были награждены за страсть къ нимъ!

ВЬЮШКИНЪ. Да, это жаль! Но, впрочемъ, я увѣренъ, что будетъ ихъ довольно съ невѣстиной стороны. (*Дверь отворяется за ширмами*). Смотрите! Вотъ онъ. (*Смотря въ лорнетъ на показывающую тетку*). Тетка, кажется, насильно тащить ее сюда?

ДОКТОРЪ. Да, да! И невѣста тихонько утираетъ слезы! (*Всторону*). Боже! чѣмъ это кончится?

ВЬЮШКИНЪ (*охорашиваясь*). Bravo, bravo! чудесно! Этого только мнѣ и надо! (*Разшаркиваясь*). Bon jour mademoiselle! charmé de vous voir...

IV.

ТѢЖЕ, ТЕТКА и ЮЛІА печальная.

ТЕТКА (*тихо Юлію вытаскивая ее изъ-за ширмъ*). Смотри же, будь послушна! (*Громко*). Извините, что мы позамѣшкались... Знаете, дѣвичьи уборы. Прошу васъ, не обращайтесь вниманія на слезы... это ужъ такая глупая привычка у всѣхъ дѣвушекъ-невѣстъ; плачатъ отъ радости!

ВЬЮШКИНЪ (*молодьясь*). Торжественная минута наступила. Неужели я такъ буду счастливъ, что услышу наконецъ это торжественное *да*? О! скажите, скажите, согласны ли вы быть моею?

ДОКТОРЪ (*всторону со страхомъ*). Неужели она произнесетъ роковое да.

ЮЛІА (*съ усиленіемъ*). Да.

ВЬЮШКИНЪ (*съ амфазомъ*). О восторгъ! (*Всторону*). А досадно, что безъ препятствій. (*Громко*). И въ знакъ согласія дадите мнѣ эту прелестную ручку? (*Юлія, какъ убитая, не отвѣчаетъ*).

ТЕТКА (*переходя, тихо ей*). Дай же, дай руку!

ВЬЮШКИНЪ. О! не отказывайте мнѣ и въ этомъ наслажденіи... (*Протягивая руку*). Ручку, ручку.

ЮЛІА. Вотъ она!

ДОКТОРЪ (*всторону*). Все кончено! (*Хочетъ уйти, но видя слѣдующую сцену, останавливается*).

ЮЛІА (*вдругъ вскрикиваетъ*). Ахъ! (*Дрожитъ вслѣдъ тѣломъ, и едва стоитъ на ногахъ*).

ВЬЮШКИНЪ и **ТЕТКА** (*поддерживая Юлію*). Боже! что съ нею сдѣлалось? Докторъ! докторъ!

ДОКТОРЪ. Кресло, кресло! (*Всторону*). Бѣдная Юлія!

ВЬЮШКИНЪ (*бросаясь и съ трудомъ таща кресла*). Вотъ оно, вотъ оно! Докторъ, помогите, пожалуйста... я ничего не пожалѣю.

ДОКТОРЪ (*подсобляя ему*). Тсъ, тише! (*Сажаетъ Юлію, у которой голова падаетъ на кресло, какъ въ первыхъ явленіяхъ у тетки. Молчаніе. Вдругъ Юлія начинаетъ всхлипывать, плакать, потомъ въ слезахъ доходитъ до истерическаго смѣха; потомъ снова тихо плачетъ*).

ВЬЮШКИНЪ и **ТЕТКА**. Докторъ, что это?

ДОКТОРЪ. Сильнѣйшій истерическій припадокъ!

ТЕТКА. Боже мой! чтожь это мы надѣлали?

ДОКТОРЪ (*взявъ пульсъ*). Не безпокойтесь, это не опасно; все пройдетъ... дайте только скорѣ воды, уксусу, спирту!

ВЬЮШКИНЪ (*съ участіемъ стараясь придать себѣ быстроты*). Гдѣ, гдѣ у васъ вода, уксусъ?

ТЕТКА (*торопливо въ страхъ*). Тамъ, въ кухнѣ, бѣгите! а я принесу спиртъ! Ахъ, какое горе! Какое горе! (*Уходитъ налево*).

ВЬЮШКИНЪ (*убѣгая въ припрыжку*). Лечу, полечу! принесу и вылечу! (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ДОКТОРЪ (*съ сожалѣніемъ и участіемъ*). Бѣдная Юлія Федоровна! придите въ себя! Боже мой! Надо ее прежде всего разшнуровать...

ЮЛІЯ (*бьетъ его по рукамъ*). А какъ вы смѣете?

ДОКТОРЪ (*съ большимъ удивленіемъ*). Какъ? и вы притворились?

ЮЛІЯ (*смѣясь*). А вы думали, въ самомъ дѣлѣ, истерика. Стыдитесь... а еще докторъ!

ДОКТОРЪ. Но къ чему же вы принялись за это?

ЮЛІЯ. А къ тому, чтобъ побѣдить тетушку ея же оружіемъ, и замучить гадкаго старика моими обмороками!

ДОКТОРЪ. Прекрасно! Но такъ вы и сами измучаетесь, и они вамъ вѣрять не будутъ; а ужъ если вы такая мастерица притворяться, то вотъ что лучше сдѣлаемъ... Ахъ, идутъ!

ЮЛІЯ. Что же, что такое? говорите скорѣ.

ДОКТОРЪ. Смотрите на одинъ предметъ, молчите и слушайте. (*Ходя скоро, съ притворнымъ отчаяніемъ*). Ахъ, Боже мой! Ахъ, какое несчастіе! Какое ужасное несчастіе!

V.

ТѢЖЕ и **ВЬЮШКИНЪ**, со стаканомъ воды, и съ чайной чашкою уксусу. **ТЕТКА** съ разными стѣзаями вбѣгаютъ быстро и говорятъ почти вмѣстѣ. **ЮЛІЯ** сидитъ молча, смотря прямо.)

ВЬЮШКИНЪ. Вода, уксусъ!

ТЕТКА. Спиртъ, одеколонъ!

ДОКТОРЪ (*съ притворнымъ отчаяніемъ*). Ничего не нужно! ничто не поможетъ! Кто бы думалъ, кто бы ожидалъ... О! это верхъ несчастія!

ОБА. Да что такое?

ДОКТОРЪ. Ужасно! Въ такія лѣта, при такомъ талантѣ... те-

перь все для нея потеряно: и сцена, и такая блестящая партія... Бѣдная, бѣдная дѣвушка!

ТЕТКА (*въ сильномъ испугѣ.*) Да объясните наконецъ, что съ нею?

ДОКТОРЪ. Она съ ума сошла!

ВЬЮШКИНЪ и **ТЕТКА.** Возможно ли!

ДОКТОРЪ. Всѣ признаки сумасшествія! Вы видѣли и плачь, и смѣхъ въ одно время? А еслибъ вы слышали, что она сей-часъ говорила; да вотъ довольно вамъ взглянуть на эти неподвижные глаза!

ВЬЮШКИНЪ (*съ боязнію, заглядывая.*) Да... въ самомъ дѣлѣ!

ТЕТКА (*въ отчаяніи качая головой.*) Дура я, дура! Вотъ что надѣлала! сгубила дѣвушку: теперь ни за мужъ, ни на сцену..

ВЬЮШКИНЪ (*приближаясь съ лорнетомъ.*) А какъ она интересна въ этомъ положеніи!..

ЮЛЯ (*вдругъ вскочивъ и хватая его за руку.*) Да! я люблю! люблю тебя, и это тайна... Тсъ! молчи... никто объ этомъ не узнаетъ: я затаю здѣсь, здѣсь, въ глубинѣ сердца любовь къ тебѣ... (*Оглядываясь со страхомъ.*) Тсъ! никого нѣтъ!.. мы одни... (*Снова хватается его за руку съ другой стороны, пѣжно смотря на него.*)

ВЬЮШКИНЪ (*переходя на пальчикахъ къ доктору.*) Послушайте, докторъ, тутъ не можетъ быть опасности?

ДОКТОРЪ. Опасность для нея: это неизвѣстность выздоровленія.

ВЬЮШКИНЪ. Да нѣтъ, не для нея, а для меня?

ДОКТОРЪ (*смѣясь.*) О! ни малѣйшей!

ВЬЮШКИНЪ. Я вѣдь и не боюсь: я знаю этотъ родъ болѣзни.

ЮЛЯ (*поетъ, указывая на Вьюшкина*)

«Моего вы знали ль друга?

Онъ былъ бравый молодець!»

ТЕТКА (*печально*) Это изъ Гамлета.

ВЬЮШКИНЪ (*доктору съ удовольствіемъ*) Посмотрите, какъ она на меня глядитъ... глазъ не сводить... И мнѣ вѣдь это пріятно!..

ЮЛЯ. Я все люблюсь тобою! Какъ хороше ты, мой Нино! О! не уходи, не уходи отъ твоей Вероники...

ТЕТКА (со слезами) Это она изъ Уголино почерпнула!

ЮЛІА (продолжая любоваться.) Какъ ты строенъ! Какъ ты хорошъ!

ДОКТОРЪ. Не противорѣчьте ей.

ВЬЮШКИНЪ. А знаете, мнѣ кажется, она приходитъ въ себя.

ТЕТКА (подходя съ участіемъ.) Голубушка ты моя!

ЮЛІА (вдругъ увидя доктора.) Это кто? А! это докторъ?

ТЕТКА (съ радостью.) Она васъ узнала, узнала!

ЮЛІА. Скажите, докторъ, что тетушка? какъ ея здоровье? Знаете ли, я вѣдь не прочь отъ ея предложенія... даже скажу больше, но это тайна: я люблю, люблю ея жениха... Мнѣ только не нравилась тетушкина настойчивость, я капризничала... а люблю, люблю его...

ВЬЮШКИНЪ. О счастье! я внѣ себя! О душка! пусть она безъ состоянія, и въ такомъ состояніи; но при моемъ состояніи, я и теперь жениться на ней въ состояніи.

ЮЛІА. Вотъ уже три года, какъ мы обвиняны, и повѣрите ли, докторъ, я люблю Ипполита какъ въ первый день свадьбы.

ВЬЮШКИНЪ. Мѣшается, мѣшается... но ничего: женюсь!

ЮЛІА. А вы не видали нашихъ дѣтей? какіе амурчики! Всѣ въ него! Особливо старшій, Гарпагонъ. (Показывая на Вьюшкина.) Вотъ онъ, вотъ онъ здѣсь, играетъ (садится.) Присядьте, докторъ, полюбуйтесь имъ, (маня Вьюшкина.) Поди, поди сюда, Гарпагончикъ, не бойся: докторъ бомбошекъ дастъ.

ДОКТОРЪ (тихо Вьюшкину.) Подойдите, не противорѣчьте ей!

ВЬЮШКИНЪ (тихо доктору.) Знаете, это пренеловкое положеніе!

ЮЛІА (топая ногою). Тебѣ говорятъ, шалунъ! Подойди, слышишь, и подай скамеечку!

ТЕТКА (тихо умоляя). Идите, батюшка.

ВЬЮШКИНЪ (подходя со скамейкой). Что изъ этого будетъ?

ЮЛІА. Поставь здѣсь. Сядь, сядь у ногъ моихъ, плутишка.

ВЬЮШКИНЪ (по знаку доктора, садясь, говоритъ тихо). Это, впрочемъ, мило, мило... мнѣ нравится...

ЮЛІА (любуясь имъ)

Да, онъ гораздо лучше дочки!

Плутишка, понѣжнѣй смотри...

(Вьюшкинъ съ гримасой смотритъ на нее.)

Какія пухленькія щечки!
Такъ все бы била: (бьетъ). Разъ, два, три,
Амуръ! дай поиграть кудрями...

ВЬЮШКИНЪ (доктору, который его под-
талкиваетъ.)

Нельзя! парикъ сорветъ—бѣда!

ДОКТОРЪ (тихо ему)

Держитесь за виски руками.

ЮЛІА (показывая на колына).

Прилягъ головкою сюда.

ВЬЮШКИНЪ (кладетъ голову на колына,
придерживая парикъ, въ упоеніи).

Вотъ счастье, что ни говорите!

ЮЛІА (держитъ его за волосы).

Твой ротикъ просить поцѣлую.
У насъ, прорѣзались, взгляните,
Ужъ два зубка...

ВЬЮШКИНЪ (хочетъ вскочить). Ай!

ЮЛІА (держитъ за парикъ). Не балуй!

ВЬЮШКИНЪ (умоляющимъ голосомъ). Спасите!

ЮЛІА (деретъ за волосы). Ты мальчишка грубый!

ДОКТОРЪ. Не спорьте!

ТЕТКА. Вѣдь она любя!

ВЬЮШКИНЪ (тихо теткѣ). Но у меня вставные зубы!

ЮЛІА (вскочивъ). Пстой! я выучу тебя! (убыгаетъ). Гдѣ плет-
ка? плетка! я тебя!

ТЕТКА (идя за нею). Побѣгу за нею. (Убываетъ за ширмы).

ВЬЮШКИНЪ (ходя и оправляясь). Однако, чортъ возьми, я былъ
въ пренеловкомъ положеніи!

ДОКТОРЪ. Согласитесь, какъ она хороша и привлекательна въ
самомъ помѣшательствѣ?

ВЬЮШКИНЪ (*увлекаясь*). Это правда! особливо, когда ласкала меня... но только нѣкоторыя выходки...

ДОКТОРЪ. Это минутная забывчивость!

ВЬЮШКИНЪ. А вотъ теперь она пошла за плеткой, пожалуй, еще начнетъ хлестать!

ДОКТОРЪ. Это дѣтскій припадокъ, ребячество... я бы разцѣловалъ шалунью! Вы же любите препятствія.

ВЬЮШКИНЪ (*увлекаясь*). А что вы думаете? вѣдь она дѣйствительно интересна! Ну, а можно ли надѣяться, что болѣзнь пройдетъ?

ДОКТОРЪ. Да, непременно, даже въ два или три дня.

ВЬЮШКИНЪ. Рѣшено! Не смѣтря ни на что, я женюсь!

VI.

ТЪ ЖЕ и **ТЕТКА**, выходя изъ двери, что за ширмами, одѣтая въ шляпку и бурнусъ.

Ахъ Боже мой! Что мнѣ съ нею дѣлать? дурить, дурить!

ДОКТОРЪ. А вы куда это собрались?

ТЕТКА. Да что, батюшка, ѣду въ театръ, увѣдомить, что она не можетъ играть! (*Вьюшкину*). Вотъ, сударь, что вы надѣлали! Вы погубили дѣвушку! теперь что мнѣ съ нею дѣлать?

ВЬЮШКИНЪ (*рѣшительно*). Анна Петровна! Докторъ общается ей скорое выздоровленіе... но во всякомъ случаѣ, я женюсь на ней, чтобъ успокоить вашу старость.

ТЕТКА (*съ радостью*). Какъ? если даже она останется...

ДОКТОРЪ. Да, да! Исполнить Максимычъ благородень какъ рыцарь! Побѣждайте, только не говорите тамъ о помѣшательствѣ, скажите просто, что больна.

ТЕТКА. Я сейчасъ возвращусь. Эй, Матрена!

VII.

ТЪ ЖЕ и **ДѢВУШКА** входятъ.

ГОРНИЧНАЯ. Что прикажете?

ТЕТКА. Останься съ барышней. Смотри, чтобъ она чегонибудь не сдѣлала надъ собою.

ВЬЮШКИНЪ. Ничего не случится, не бойтесь, я останусь здѣсь.

ТЕТКА. Неужели? (*горничной*). Иди же туда.

ВЬЮШКИНЪ. Да, да... если она выдетъ сюда, я займу ее,

развлеку... (*Тихо доктору*). А если она будет со мною ласкова, я зацѣлю ея.

ДОКТОРЪ (*тихо ему*). Смотрите (*теткѣ*). А я возьму кой-что въ аптекъ, и сейчасъ же возвращусь. Ыдемте, љдемте!

ТЕТКА (*уходя*). Ахъ! дай-то Богъ счастливаго конца.

ДОКТОРЪ (*идя за нею*). Все, все счастливо кончится. (*Докторъ и тетка уходятъ въ среднюю дверь, горничная за ширмы*).

(*Музыка переходитъ въ мотивъ итальянской ариі, сперва громкой интродукціей, потомъ, во время разговора, подъ сурдиной.*)

VIII.

ВЬЮШКИНЪ и ЮЛІА.

(*Во время громкой музыки, она выходитъ гордо, съ важной поступью, и начинать пѣть по-итальянски*).

Maledetto, maledetto sallistante.

Che dite si che dite mirese amante и проч.

Во время ариі она постоянно преслѣдуетъ Вьюшкина, грозитъ ему, щиплетъ... подъ конецъ онъ въ страхъ убѣгаетъ.

ЮЛІА (*ходя по сценѣ*). Гдѣ ты? гдѣ ты, злодѣй! Ахъ! дай мнѣ убить тебя! (*Смотря за ширмы*). Не спрятался ли ты? нѣтъ! Ушелъ! (*начинаетъ хохотать*). Ха, ха, ха! Какъ онъ смѣшилъ меня! Ну, теперъ вѣрно не воротится сюда!.. Ха, ха, ха!

IX.

ЮЛІА и ДОКТОРЪ изъ средней двери.

ДОКТОРЪ. Что это? вы однѣ? и въ такомъ веселомъ расположеніи духа? Гдѣ же нашъ злодѣй?

ЮЛІА (*хохоча*). Убѣжалъ, какъ самый низкій трусъ! Уфъ! замучилась я... но и ему досталось порядочно!

ВЬЮШКИНЪ (*во время послѣднихъ словъ выходя изъ дверей*). А, докторъ! теперъ нечего бояться... (*Хочетъ выйти, но прислушиваясь къ слѣдующему разговору, останавливается*).

ЮЛІА (*весело*). Онъ такъ увѣренъ въ моемъ сумасшествіи, что носу не покажетъ къ намъ.

ВЬЮШКИНЪ (*всторону*). Что, что такое?

ЮЛІА. Мнѣ даже совѣстно было такъ дурачить бѣднаго старикашку!

ВЬЮШКИНЪ (*всторону*). Ахъ, плутовка!

ДОКТОРЪ. По дѣламъ старому чорту!

ЮЛІА. Впередъ не будетъ волочиться за актрисами.

ВЬЮШКИНЪ (*громко, показываясь изъ-за ширмы*). Такъ нѣтъ же! на зло вамъ и этому лекарю, вы будете моей! Прекрасно, сударыня!

ЮЛІА (*вскринувъ*). Ахъ! все пропало!...

ДОКТОРЪ (*тихо, отдавая ей стклянку*). Вотъ послѣднее и дѣйствительное средство.

ЮЛІА (*тихо ему*). Ужъ не ядъ ли?

ДОКТОРЪ. Нѣтъ, хлороформъ... надушите платокъ и поднесите почаще къ его носу...

ЮЛІА (*наливая въ платокъ*). Да что изъ этого будетъ?

ДОКТОРЪ. Увидите.

ВЬЮШКИНЪ (*мѣрными шагами подходитъ къ нимъ*). Не стыдно ли, сударыня?

ЮЛІА (*зажимая ему платкомъ ротъ*). Ахъ, замолчите!

ВЬЮШКИНЪ (*освобождаясь*). Я любилъ васъ нѣжно, страстно...

ЮЛІА. Не говорите! (*неотнимаетъ платка*).

ВЬЮШКИНЪ. И люблю до сихъ поръ, со всею пылкостью молодости...

ЮЛІА (*таже игра*). Прошу васъ не продолжать!

ВЬЮШКИНЪ. Что скажетъ тетушка, когда узнаетъ вашъ обманъ.

ЮЛІА (*безъ церемоній, закрывая его платкомъ*). Я вамъ рта не дамъ открыть...

ВЬЮШКИНЪ (*стараясь освободиться*). Хоть задушите меня, я не перестану повторять... (*вдругъ останавливается, чувствуя невольную слабость*). Что это со мною дѣлается? Какая слабость!.. (*пяясь къ кресламъ*) голова кружится... ноги не держать.

ЮЛІА (*не отнимая отъ него платка, въ то время, какъ докторъ сажаетъ его*). По дѣломъ, по дѣломъ! не волочись, не влюбляйся на старости!

ДОКТОРЪ. Ну, кажется готовъ.

ЮЛІА (*бѣжитъ и взявъ шляпу надѣваетъ на него*). Гдѣ у васъ бутылки, стаканы... (*Берутъ изъ шкапа, наливаютъ въ стаканы вино, уставляютъ столъ бутылками, и ему даютъ въ одну руку стаканъ, въ другую бутылку, и такъ оставляютъ въ самомъ*

отчаянною видь). Вотъ, кажется, тетушка возвратилась... я пойду предупредить ее (*уходитъ*).

Быть можетъ, строгій свѣтъ меня
За это все осудить,
Но что же дѣлать, какъ родня
Урода взять принудить.
Отдѣлать юныхъ жениховъ
Приличье есть и форма...
А ужъ влюбленныхъ стариковъ
Не отогнать безъ хлороформа.

Х.

ТЪ ЖЕ ДОКТОРЪ и ТЕТКА.

ДОКТОРЪ (*входя*). Вотъ, посмотрите, если не вѣрите!

ТЕТКА. Ахти! и въ правду. Да съ чего ты выдумалъ пьянствовать у насъ! (*Толкая Вьюшкина*) слышишь!

ДОКТОРЪ. Безъ чувствъ, безъ чувствъ... Вѣдь онъ всѣ эти бутылки одинъ опорожнилъ!

ТЕТКА. Ахъ, окаленный! хорошо еще что я во время узнала... и то по милости его я погубила дѣвушку. Ну, что она, батюшка?

ДОКТОРЪ. Есть одно средство спасти ее.

ТЕТКА. Какое? какое?

ДОКТОРЪ. Слыхали вы, что подобные припадки помѣшательства могутъ кончиться замужствомъ?

ТЕТКА. Да, да, такъ чтожъ?

ДОКТОРЪ. И такъ вы должны выдать за него, если только онъ самъ не откажется...

ТЕТКА. За этого пьяницу? ни за что! Нѣтъ ли другаго средства?

ДОКТОРЪ. Кромѣ замужства никакого!

ТЕТКА. Да кто теперь ее возьметъ?

ДОКТОРЪ. Мнѣ жалко васъ, Анна Петровна, особливо эту бѣдную... Я же человекъ одинокій.

ТЕТКА (*съ благодарностью и удивленіемъ*). Какъ? вы хотите?

ДОКТОРЪ. Да, я рѣшусь принести эту жертву... такъ и быть, извольте, я женюсь на ней для васъ.

ТЕТКА. Голубчикъ! Я не знаю, какъ благодарить васъ! (*Обнимаетъ*). А я чуть не отдала Юлиньку за пьяницу! Видѣть его не могу. Да чтожъ ты, ночевать, что ли, намѣренъ здѣсь? Слышишь

Долой парикъ (*Сшибаетъ съ него шляпу вмѣстѣ съ парикомъ*).
Какъ бы его спровадить?

ДОКТОРЪ. Позвать людей, чтобъ усадили въ карету и увезли
домой. Эй, люди!

ТЕТКА (*кричитъ въ двери*). Войдите, войдите сюда! (*Въ это
время Вьюшкинъ шевелится.*)

XI.

ТЕТКА и двое слугъ.

ТЕТКА (*слугамъ*). Везите барина домой. (*Подходя*). А! опом-
нился: вонъ, вонъ отсюда!

ВЬЮШКИНЪ (*теткѣ*). Знаете ли что я узналъ? Докторъ мой со-
перникъ!

ТЕТКА. Какъ, ты еще это разслушалъ. Везите его. (*Слуги под-
ходятъ и берутъ у него изъ рукъ вещи*).

ВЬЮШКИНЪ. Какъ попалъ я въ это положеніе?

ТЕТКА. Напился, вотъ и все. Ведите, или я пошлю за полиціей!

ВЬЮШКИНЪ (*поддерживаемый слугами*). Но выслушайте меня.

ТЕТКА. Что слушать, когда языкъ не ворочается.

ВЬЮШКИНЪ (*вырываясь и шатаясь*). Я пойду на все.

ТЕТКА. Онъ пойдетъ, а у самага ноги не ходять!

ВЬЮШКИНЪ. Докторъ! я васъ вызываю.

ДОКТОРЪ. Явлюсь!

ВЬЮШКИНЪ. Часъ?

ДОКТОРЪ. Въ десять съ половиною я васъ отправлю.

ВЬЮШКИНЪ. Мѣсто?

ДОКТОРЪ. На Смоленскомъ.

ВЬЮШКИНЪ. Оружіе?

ДОКТОРЪ. Ланцетъ, шпанская муха, пѣивки, и все, что вамъ
угодно.

ВЬЮШКИНЪ. Вашъ секундантъ?

ДОКТОРЪ. Смерть.

ВЬЮШКИНЪ (*идя съ слугами*). И такъ до завтра!

ДОКТОРЪ. Хорошо, если только вы доживете.

ЮЛІА (*поднявъ парикъ*).

Постой, почтенный старичекъ,
Такъ на вѣтеръ идти не ловко;

Надънь свой модный паричекъ,
А то простудится головка!

ВЬЮШКИНЪ.

Кабаль seberу я противъ васъ,
Вотъ шиканье, свистки начнутся.

ЮЛІА.

Нѣтъ! если публика за насъ,
Вамъ тутъ не трудно спотыкнуться.

ЮЛІА.

Я съ просьбой обращаюсь къ вамъ,
И то не самолюбье, право;
На зло лишь этимъ господамъ,
Нельзя ли закричать намъ браво.

№ 10452.

ПОДПИСКА НА 1855 ГОДЪ.

542. К. 8.

ШАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. КОШИ.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1855 ГОДУ, ПО ТОЙ ЖЕ

ПРОГРАММЪ, ВЪ ТОМЪ ЖЕ ОБЪЕМЪ, И СЪ ТАКИМИ ЖЕ ПРИЛОЖЕ-

НІЯМИ КАКЪ И ВЪ ВЫШНЕМЪ ГОДУ.

Съ января 1855 года начнется четвертый годъ со времени возобновленія и совершеннаго преобразованія журнала «Пантеонъ» въ 1852 году. Быстрое возрастаніе числа подписчиковъ и читателей этого журнала ясно показываетъ, что онъ возбудилъ въ русской публикѣ интересъ и сочувствіе, и что усилія редакціи — сдѣлать его чтеніемъ приятнымъ, общепонятнымъ и общепользнымъ, а равно и огромныя ея траты на роскошь изданія—не остались безплодными. По-крайней-мѣрѣ, мы увѣрены, что всѣ, имѣвшіе въ рукахъ этотъ журналъ за три послѣдніе года, убѣждены въ старательности редакціи оправдать довѣріе подписчиковъ, какъ строгимъ выборомъ статей, разнообразіемъ содержанія каждой книжки, такъ и быстрымъ сообщеніемъ всего, что составляетъ современный интересъ въ литературной, художественной, артистической и общественной жизни, какъ у насъ въ отечествѣ, такъ и за границею. Никто также, вѣроятно, не упрекнетъ насъ за обиліе, роскошь и интересъ дѣлаемыхъ къ Пантеону художественныхъ приложений, изъ которыхъ въ теченіе трехъ лѣтъ у каждаго подписчика составились портретныя галереи и музыкальные сборники.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ статей литературныхъ: романовъ, повѣстей, рассказовъ и очерковъ, драматическихъ произведеній извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, кромѣ занимательныхъ мемуаровъ и біографій, была сдѣлана оцѣнка лучшихъ произведеній художественныхъ, всѣхъ замѣчательныхъ книгъ и изданій; было сообщаемо о всѣхъ новостяхъ, въ области искусствъ и художествъ, какъ русскихъ, такъ и другихъ странъ, были прослѣжены всѣ русскіе журналы, по мѣрѣ ихъ выхода, и рассмотрѣно все замѣчательное въ театрахъ, увеселеніяхъ, въ модѣ и вообще къ общественной жизни Петербурга и Москвы. Изъ этого составлялся постоянно разнообразный, живой и занимательный запасъ для каждой книжки Пантеона. Сверхъ того, въ каждой книжкѣ прибавлялся номеръ «Репертуара Русской сцены», заключавшій въ себѣ одну или двѣ изъ новыхъ пьесъ, игранныхъ съ успѣхомъ на русскихъ Императорскихъ сценахъ.

Нынѣ, оставаясь по-прежнему вѣрнымъ своей программѣ и предположенной цѣли—знакомить читателей со всѣми но-

востями литературы, театра, живописи, музыки, и вообще всѣхъ изящныхъ искусствъ,—ПАНТЕОНЪ и въ 1855 году будетъ доставлять своимъ подписчикамъ чтеніе легкое, разнообразное, занимательное и вполнѣ современное. ПАНТЕОНЪ будетъ заключать въ себѣ по-прежнему замѣчательнѣйшія произведенія русскія и всѣхъ европейскихъ литературъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія; статьи критическія и библіографическія; статьи по части исторіи и теоріи искусствъ, написанныя языкомъ популярнымъ, преимущественно касающіяся развитія и хода искусствъ и художествъ въ Россіи; біографіи и художественныя очерки замѣчательныхъ людей, въ особенности русскихъ; разборы всѣхъ новѣйшихъ явленій на сценѣ, въ изящной словесности, въ музыкѣ, въ живописи, ваяніи, архитектурѣ, танцахъ; статьи юмористическаго содержанія: очерки нравовъ и характеровъ, шуточные стихотворенія и проч.; *Мемуары* или записки замѣчательныхъ художниковъ, артистовъ и писателей, и наконецъ *Смѣсь*, самую разнообразную, имѣющую цѣлю знакомить со всѣмъ новымъ и современнымъ: съ учеными открытіями, путешествіями, новѣйшими изобрѣтеніями и со всѣми явленіями въ мірѣ искусствъ, литературы и въ общественной жизни, какъ заграничной, такъ и русской. Въ отдѣлѣ Смѣси, «*Петербургскій вѣстникъ*» будетъ извѣщать обо всемъ новомъ и любопытномъ въ нашемъ отечествѣ, и преимущественно въ обѣихъ столицахъ. Лучшія пьесы, имѣвшія успѣхъ на столичныхъ сценахъ, немедленно будутъ появляться въ «*Репертуаръ Русской сцены*».

Такимъ образомъ ПАНТЕОНЪ, представляя чтеніе самое разнообразное, будетъ знакомить съ главными вопросами и произведеніями современнаго искусства—въ *учено-художественномъ* своемъ отдѣлѣ и въ отдѣлѣ *критики*; со всѣмъ новымъ и важнымъ въ области наукъ, искусствъ и общественной жизни — въ своей *Смѣси*, и представитъ читателямъ рядъ драматическихъ произведеній, имѣющихъ въ настоящую минуту значительный успѣхъ, какъ на заграничныхъ, такъ и на русскихъ театрахъ,—въ *Литературномъ отдѣлѣ* «ПАНТЕОНА» и въ «РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.» Для людей, не посѣщающихъ театровъ, это мо-

жетъ служить зеркаломъ современнаго состоянія драматургіи, а для жителей провинцій и отдаленныхъ деревень—замѣною самыхъ зрѣлищъ и обильнымъ запасомъ для домашнихъ спектаклей.

Въ Критикахъ своихъ редакція ПАНТЕОНА останется вѣрною однажды принятому ею правилу: дѣлать оцѣнку литературнымъ и художественнымъ явленіямъ и сценическимъ талантамъ, на основаніяхъ строгой теоріи изящнаго, на положительныхъ фактахъ, съ доказательствами на лицо и безъ всякаго пристрастія и лицепріятія. Критики будутъ въ ней помѣщаться по возможности полныя, подробныя, которыя въ одно время могли бы знакомить читателя съ новѣйшимъ взглядомъ теоріи, съ полнымъ содержаніемъ и достоинствами разбираемаго произведенія, и съ успѣхами и свойствами талантовъ, какъ авторовъ, такъ и сценическихъ представителей. При разборѣ дарованій посѣщающихъ насъ иностранныхъ артистовъ: актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ или другихъ художниковъ, всегда будетъ прилагаться краткій ихъ біографическій очеркъ.

«ПАНТЕОНЪ» помѣщаетъ сочиненія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ журналовъ, именно *Мемуары*. Сочиненія такого рода представляютъ тройкій интересъ для читателя: историческій, романической и автобіографической, потому-что знакомятъ съ подлинными событіями, замѣчательными лицами и обществомъ извѣстной эпохи, съ характеромъ и убѣжденіями самаго автора и проводятъ передъ читателемъ рядъ случаевъ и происшествій частной жизни, которыя у каждаго мыслящаго чедовѣка имѣютъ свою занимательную сторону.

Главное стремленіе редакціи постоянно будетъ направлено на то, чтобы «ПАНТЕОНЪ» можно было читать отъ первой до послѣдней страницы; чтобъ онъ преимущественно наполнялся статьями оригинальными, написанными въ русскомъ духѣ; чтобъ онъ былъ лишенъ всѣхъ компиляцій изъ статей, обнародованныхъ уже въ разныхъ газетахъ, и такихъ, которыя исключительно пишутся для немногихъ спеціальныхъ читателей. Даже статьи, относящіяся къ теоріи искусствъ, будутъ писаться по-преимуществу языкомъ общепонятнымъ чуждымъ педантизма, въ легкой и пріят-

ной формѣ разсказа, вмѣстѣ интереснаго и поучительнаго. Рядъ біографическихъ очерковъ и монографій живущихъ нынѣ, или умершихъ *русскихъ знаменитостей*, по всѣмъ отраслямъ искусствъ и литературы, придастъ журналу новый интересъ, знакомя читателя съ личностями, которыя давно уже для него интересны по своимъ произведеніямъ или по отзывамъ объ нихъ въ журналахъ.

Редакція ничего не пощадитъ, чтобы придать своему журналу какъ внутренний интересъ, такъ и возможное внѣшнее изящество и роскошь.

Желая знакомить публику съ личностью всѣхъ современныхъ извѣстностей Россіи «ПАНТЕОНЪ» при каждой книжкѣ будетъ прилагать *фотографическій* или *стереоскопическій* портретъ кого нибудь изъ нашихъ авторовъ, живописцевъ, сценическихъ артистовъ, музыкантовъ и проч. съ присовокупленіемъ въ самой книжкѣ ихъ біографій или артистическихъ очерковъ ихъ произведеній и дѣятельности. Такимъ образомъ, въ теченіе года, у каждаго подписчика составитя любопытная галерея замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ. Портреты, прилагаемые къ «ПАНТЕОНУ», продаваться отдѣльно не будутъ.

При каждой же книжкѣ «ПАНТЕОНА» будетъ непременно тетрадь музыки, отъ 4-хъ до 8-ми страницъ, состоящая изъ новѣйшихъ танцевъ, пьесъ для фортепьяно, модныхъ романсовъ, народныхъ пѣсень, любимыхъ арій изъ оперъ, переложеній изъ балетовъ, и проч., такъ, что всѣ 12 тетрадей составятъ значительный музыкальный сборникъ. Въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала участвуютъ наши русскія и иностранныя музыкальныя знаменитости, подъ редакцію опытныхъ и извѣстныхъ нашихъ композиторовъ.

Вообще, о приложеніяхъ къ «ПАНТЕОНУ» мы не считаемъ нужнымъ упоминать подробно: онѣ въ теченіе трехъ лѣтъ были оцѣнены всѣми, а въ будущемъ году будутъ еще лучше, и разошлются въ томъ же количествѣ и съ такою же точностью, какъ это дѣлалось доннынѣ;

«ПАНТЕОНЪ» будетъ печататься на лучшей, бѣлой бумагѣ, въ большомъ форматѣ, новымъ французскимъ убористымъ шрифтомъ и будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками, отъ 20 до 30-ти листовъ каждая, въ кра-

сивой политипажной оберткѣ, сдѣланной по рисунку Гран-виля.

ЗА ПОЛНОЕ ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ, со всѣми слѣдующими къ нему художественными и музыкальными приложеніями, и 12 ю нумерами «Репертуара Русской сцены».

15 р. с. *въ С. Петербургъ и*

16 р. 50 к. с. *съ пересылкою во весь города Русской Имперіи или съ доставкою на домъ.*

Остается намъ еще поговорить о способѣ доставки журнала Гг. иногороднымъ подписчикамъ. Жалобы нѣкоторыхъ лицъ, подписавшихся на нашъ журналъ, на неполученіе отдѣльныхъ книжекъ, или приложений, или даже всего годового изданія, убѣдили насъ наконецъ въ необходимости принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію подобныхъ безпорядковъ. Вѣроятно всякій здравомыслящій читатель пойметъ, что издателю вовсе нѣтъ никакой выгоды удержать у себя книжку или приложение, (которыя, отдѣльно отъ цѣлаго изданія, для него равно ничего не значатъ,) и чрезъ то, возбудивъ неудовольствіе подписчика, потерять его на будущее время. Также пойметъ онъ, что переписки, розыски и справки по жалобамъ подписчиковъ, сопряженные съ хлопотами, тратами и потерей времени, рѣшительно не могутъ доставить издателю ни особеннаго удовольствія, ни особенныхъ выгодъ. Стало-быть, если встрѣчаются подобные случаи при доставкѣ журнала, то они происходятъ отъ недосмотровъ, неизбѣжныхъ въ временномъ и срочномъ изданіи и вообще не зависящихъ отъ редактора и для него чрезвычайно прискорбныхъ. Главныя причины этихъ безпорядковъ состоятъ въ томъ, что иногда сами Гг. подписчики адресуются въ мѣста, гдѣ нами вовсе не опубликована подписка, и редакція, не получая подписной суммы и адресовъ подписавшихся, вовсе не вѣдаетъ объ ихъ существованіи, а когда являются ихъ жалобы, не знаетъ даже, какъ помочь горю. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ безпорядковъ, Редакція рѣшилась поручить пріемъ подписки только однимъ

своимъ конторамъ, за правильныя дѣйствія которыхъ она отвѣчаетъ. А потому отнынѣ:

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ въ С. Петербургѣ (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.)

Въ Москвѣ: въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, состоящей при книжной лавкѣ П. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

для скорѣйшаго ихъ удовлетворенія, благоволять отправлять письма и деньги прямо въ Петербургъ, надписывая просто: «Въ Редакцію журнала ПАНТЕОНЪ.»

Только за подписку, принятую въ этихъ мѣстахъ Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь ошибки или неаккуратности въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика по первому справедливому его требованію. За подписку же, принятую гдѣ-бы то ни было, кромѣ указанныхъ нами мѣстъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Нужнымъ считаемъ присовокупить, какимъ образомъ будетъ совершаться разсылка экземпляровъ Гг. пренумерантамъ. Всѣ книжки журнала и приложенія, подъ строгимъ надзоромъ сдаются по списку въ Газетную экспедицію на четвертый день по выходѣ ихъ въ свѣтъ, и въ приѣмѣ ихъ берется квитанція. Потомъ уже, независимо отъ Редакціи, они рассылаются по своему назначенію, съ печатными картами, на которыхъ получитель расписывается въ мѣстныхъ почтовыхъ конторахъ. Изъ этого видно, что книжки не могутъ и не должны затеряться, какъ и письма и всякая посылка, отправляемая по почтѣ, и каждый подписчикъ, во всякомъ случаѣ и во всякое время имѣетъ возможность по первой справедливой его жалобѣ, найти скорое вознагражденіе за свои утраты.

Редакція покорнѣйше проситъ Гг. желающихъ подписаться на «ПАНТЕОНЪ» высылать деньги и *вѣрные адреса*

ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, чтобы Редакція могла распорядиться немедленною отсылкой первыхъ номеровъ, тотчасъ по ихъ выходѣ, и заказать достаточное количество приложений, чтобы въ послѣдствіи въ высылкѣ ихъ не произошло замедленія.

Чтобы лучше ознакомить съ составомъ и содержаніемъ ПАНТЕОНА, мы упомянемъ здѣсь имена всѣхъ лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ нашемъ журналѣ:

А. С. Афанасьевъ; Ю. К. Арнольдъ; С. Е. Бабушкинъ; А. И. Бибикина; М. И. Воскресенскій; В. А. Вонлярлярскій; В. П. Василько-Петровъ; Д. В. Григоровичъ; А. С. Горковенко; А. П. Грекъ; Н. П. Грековъ; П. И. Григорьевъ; М. М. Достоевскій; П. М. Доленго; Г. П. Данилевскій; В. Р. Зотовъ; С. П. Колошинъ; П. М. Ковалевскій; Корженевскій; Кн. В. Г. Кугушевъ; П. П. Каменскій; П. А. Каратыгинъ; О. А. Кови; М. О. Каменская; В. А. Каприцкій; В. Крестовскій; Н. И. Крестовскій; Евгений Лунскій; И. И. Лажечниковъ; Н. П. Мундъ; К. П. Масальскій; Е. С. Македонскій; М. М. Михайловъ; М. И. Михайловъ; П. Р. Моряковскій; П. И. Небольсинъ; А. Н. Николаевъ; П. М. Новосильскій; С. И. Однская; Я. И. Полонскій; В. И. Перекрестовъ; Гр. Е. П. Ростопчина; Г. Рымовъ; Н. И. Розановъ; А. Г. Ротчевъ; Гр. Соллогубъ; В. И. Савиновъ; С. П. С—въ; А. Н. Сѣровъ; Г. А. Стойковичъ; А. А. Тальцева; В. В. Толбинъ; К. А. Тарновская; П. С. Федоровъ; И. С. Юрьева; П. И. Шпилевскій; А. С. Чужбинскій; Н. М. Щербина; М. П. Яцевичъ; Н. Д. Хвоцинская.

Участниками по части музыкальной были слѣдующіе: О. Толстой; И. Захаровъ; К. Лядовъ; В. Кажинскій; А. Рубинштейнъ; А. Дюбюкъ; О. Дютчъ; П. Булаховъ; Г. Кузминскій; С. Щепановскій; Т. Функъ; М. Бернардъ; В. Пишардъ; Н. Вителаро; А. Евгениевъ; О. Вальцъ; Иосифъ Гунгль; С. Соловьевъ; г. Жоссъ; Пуньи; Т. Лещетицкій; Апол. Контекскій; Марія Штевенъ; А. Горіо; Н. Клакачевъ; Клера Берту и всѣ лучшіе иностранные композиторы.

Печатать позволяется С. Петербургъ 10 Сентября 1854 г.

Цензоръ Ю. Шидловскій.

~~12258~~ 7070

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, 20-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

исключительно

— *Въ С. Петербургъ:* въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она ответственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, со **ВСѢМИ** слѣдующими къ нимъ **ПРИЛОЖЕНИЯМИ**.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышевской мостки, въ домъ Лыткина.»

ТЕАТРАЛЬНЫЙ
АРСКОГО

9857.

2019.